Г 80
9026

НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ

ТОМСКАГО КРАЯ.

Сборникъ публичныхъ лекцій по различнымъ вопросамъ естествознанія и сельскаго хозяйства мѣстнаго края, организованныхъ осенью 1897 года бывшимъ Томскимъ Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства,

НЫНѢ ПРЕОБРАЗОВАННЫМЪ ВЪ

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Съ 3-мя картами, 7-ю таблицами и 12-ю рисунками въ текстѣ.

ИЗДАНО ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

ПРОФЕССОРА

Н. Ѳ. КАНЦЕНКО,

НА СРЕДСТВА:

В. А. Горохова, И. К. Платонова, А. Л. Бонди, В. Е. Пудовикова, И. М. Некрасова и А. А. Данилова.

ТОМСКЪ.
Типо-литографія М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовскаго.
1898.

НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ

ТОМСКАГО КРАЯ.

Сборникъ публичныхъ лекцій по различнымъ вопросамъ естествознанія и сельскаго хозяйства мѣстнаго края, организованныхъ осенью 1897 года бывшимъ Томскимъ Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства,

НЫНѢ ПРЕОБРАЗОВАННЫМЪ ВЪ

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Съ 3-мя картами, 7-ю таблицами и 12-ю рисунками въ текстѣ.

ИЗДАНО ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

ПРОФЕССОРА

Н. Ѳ. КАЩЕНКО,

НА СРЕДСТВА:

В. А. Горохова, И. К. Платонова, А. Л. Бонди, В. Е. Пудовикова, И. М. Некрасова и А. А. Данилова.

ТОМСКЪ.
Типо-литографія М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовскаго.
1898.

© ГПНТБ СО РАН

Г80
9026

Дозволено цензурою.

11
301 80

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . I—IV.
Проф. Н. Ѳ. Кащенко. Развитіе человѣческаго господства надъ организованной природой. Вступительная рѣчь . . . . . 1—33.
Проф. А. М. Зайцевъ. Томская губернія въ районѣ желѣзной дороги между рр. Обью и Чулымомъ. Съ картой . . . . . 1—15.
Проф. Ѳ. Я. Капустинъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о климатѣ г. Томска . . . . . 1—9.
П. Н. Крыловъ. Очеркъ растительности Томской губерніи. Съ картой . . . . . 1—26.
Проф. Н. Ѳ. Кащенко. Очеркъ животнаго населенія Сибири и Томской губерніи въ частности. Съ картой . . . . . 1—46.
Г. Э. Іоганзенъ. О птицахъ Томской губерніи . 1—69.
П. Н. Крыловъ. Тайга съ естественно-исторической точки зрѣнія. Съ 5-ю таблицами . . . . . 1—15.
В. Т. Волковъ. Таежные углы Томской губерніи. 1—24.
С. А. Суховъ. О пчеловодствѣ въ Томской губерніи. Съ 2-мя таблицами и 4-мя рисунками въ текстѣ 1—32.
Э. Д. Жуковскій. Важнѣйшія эпизоотіи Томской губерніи . . . . . 1—37.
И. И. Дочевскій. Охота въ Томской губерніи. Съ 8-ю рисунками въ текстѣ . . . . . 1—33.
Проф. Э. А. Леманъ. Нынѣшнее состояніе цѣлебныхъ минеральныхъ водъ Томской губерніи. . 1—20.
Проф. Д. Н. Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне-насельники Томскаго края . . . . . 1—138.
Проф. Н. Ѳ. Кащенко. Заключительное слово. . 1— 10.

© ТГПИТБ ОРАН

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Осенью 1897 г. бывшимъ Томскимъ Отдѣломъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, въ настоящее время преобразованнымъ въ особое Западно-Сибирское Общество Сельскаго Хозяйства, была организована серія публичныхъ лекцій по различнымъ вопросамъ чистаго и прикладнаго естествознанія, сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной исторіи мѣстнаго края. Благодаря сочувственному отношенію свѣдущихъ по этимъ вопросамъ лицъ, изъявившихъ готовность быть лекторами, составилась слѣдующая довольно разносторонняя программа чтеній.

1) Проф. *Н. Ѳ. Кащенко.* Развитіе человѣческаго господства надъ организованной природой. Вступительная рѣчь.

2) Проф. *А. М. Зайцевъ.* Томская губернія въ районѣ желѣзной дороги между рр. Обью и Чулымомъ, по даннымъ изслѣдованій 1892—1895 гг.

3) Проф. *Ѳ. Я. Капустинъ.* О климатѣ г. Томска.

4) *П. Н. Крыловъ.* Очеркъ растительности Томской губерніи.

5) Проф. *Н. Ѳ. Кащенко.* Очеркъ животнаго населенія Сибири и Томской губерніи въ частности.

6) *Г. Э. Іоганзенъ.* О птицахъ Томской губерніи.

7) Проф. *Н. Ѳ. Кащенко.* О пресмыкающихся Томской губерніи.

8) *А. А. Штиренъ.* О рыбахъ Томской губерніи.

9) Проф. *Н. Ѳ. Кащенко.* Кукушка, ея польза и вредъ.

10) *П. Н. Крыловъ.* Тайга съ естественно-исторической точки зрѣнія.

11) Проф. *В. В. Сапожниковъ.* Важнѣйшіе законы жизни растеній въ примѣненіи къ земледѣлію.

12) *І. К. Окуличъ.* Пшеница и ея воздѣлываніе въ Томской губерніи.

13) *Е. Н. Зандрокъ.* О пчеловодствѣ въ Томской губерніи.

14) *І. К. Окуличъ.* Скотоводство въ Томской губерніи.

© ГПНТБ СО АН

15) *Э. Д. Жуковскій.* Важнѣйшія эпизоотіи Томской губерніи.

16) *А. А. Штиренъ.* Рыболовство въ Томской губерніи.

17) *И. И. Дочевскій.* Охота въ Томской губерніи.

18) *В. Т. Волковъ.* Таежные углы Томской губерніи.

19) Проф. *Э. А. Леманъ.* Нынѣшнее состояніе цѣлебныхъ минеральныхъ водъ Томской губерніи.

20) *С. К. Кузнецовъ.* Знакомство съ природой и жителями Сибири до смерти Петра Великаго.

21) Проф. *Д. Н. Бѣликовъ.* Первые русскіе крестьяне-насельники Томскаго края.

22) *С. К. Кузнецовъ.* Земледѣліе въ Сибири до эпохи Петра Великаго.

Изъ числа этихъ лекцій нѣкоторыя, къ сожалѣнію, не состоялись по различнымъ причинамъ. Такъ, А. А. Штиренъ во время поѣздки въ Нарымскій край получилъ очень серьезное поврежденіе ноги, вслѣдствіе чего долженъ былъ подвергнуться двукратной операціи. Болѣзнь затянулась и, конечно, при такихъ условіяхъ для него было невозможно подготовить заявленныя имъ двѣ лекціи, которыя поэтому и не могли состояться. І. К. Окуличъ передъ началомъ лекцій отказался отъ одной изъ своихъ темъ, ссылаясь на недостатокъ времени, а въ началѣ чтеній заявилъ, что и другая его лекція не можетъ состояться, вслѣдствіе временнаго его отъѣзда въ Европейскую Россію. Е. Н. Зандрокъ также заявилъ, что по недостатку времени не можетъ прочесть обѣщанной лекціи. Къ счастью, предсѣдатель состоящей при Обществѣ пчеловодной коммиссіи любезно взялъ на себя трудъ составить и прочесть лекцію на ту же тему (о Томскомъ пчеловодствѣ), и выполнилъ эту задачу съ успѣхомъ, не смотря на краткость остававшагося въ его распоряженіи времени и на весьма тяжелыя постоянно на немъ лежащія обязанности въ различныхъ учрежденіяхъ.

Чтенія состоялись въ актовомъ залѣ университета, со 2 ноября по 1 декабря, въ праздники отъ 12 часовъ дня, а въ будни отъ 8 ч. вечера, причемъ обыкновенно лекціи

были соединяемы по двѣ въ одинъ день. Всѣ Гг. лекторы отнеслись къ дѣлу чрезвычайно внимательно и затратили большое количество труда какъ на подготовку къ лекціямъ, такъ и на внѣшнюю ихъ обстановку. Мы должны быть имъ за это тѣмъ болѣе благодарны, что почти всѣ они—люди сильно обремененные своими прямыми обязанностями.

Настоящая книга представляетъ собою, именно, сборникъ вышеупомянутыхъ лекцій, за исключеніемъ немногихъ, которыя хотя и были прочтены, но не были доставлены къ печати. Если составленіе лекціи для публичнаго прочтенія есть уже дѣло трудное, то ея окончательная литературная обработка требуетъ еще гораздо болѣе значительнаго времени, которымъ не всякій и не всегда располагаетъ. А потому совершенно естественно, что нѣкоторые изъ Гг. лекторовъ не могли доставить своихъ рукописей для печати такъ скоро, какъ это въ данномъ случаѣ было необходимо. Затягивать же изданіе сборника казалось неудобнымъ по многимъ соображеніямъ. Между прочимъ, и мои двѣ послѣднія лекціи остаются ненапечатанными по той же, указанной только-что причинѣ. Наконецъ, относительно помѣщенной здѣсь статьи проф. Ѳ. Я. Капустина необходимо объяснить, что она представляетъ собою лишь краткое извлеченіе изъ прочитанной имъ лекціи.

Книга эта снабжена 3-мя картами, 7-ю таблицами и 12-ю рисунками въ текстѣ. Я употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы обставить ее съ внѣшней стороны какъ можно лучше. Однако, этому воспрепятствовалъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Сначала остановка была за деньгами; но къ счастью очень скоро нашлись лица, охотно пожертвовавшія для добраго дѣла недостававшія средства. Эти лица перечислены на заглавномъ листкѣ. Затѣмъ затрудненія возникли вслѣдствіе моего желанія изготовить рисунки въ Томскѣ, не посылая ихъ въ другіе города. Этимъ я думалъ, съ одной стороны, ускорить изготовленіе рисунковъ, а съ другой—дать лишнюю точку опоры нѣсколько разъ уже обнаруживавшимся въ нашемъ городѣ

СПбГУ

стремленіямъ къ учрежденію спеціальной мастерской для печатнаго воспроизведенія рисунковъ. Попытка, къ сожалѣнію, оказалась несовсѣмъ удачной. Нѣсколько десятковъ цинкографическихъ клише къ моей статьѣ о Сибирской фаунѣ пришлось забраковать. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось отказаться отъ напечатанія и нѣкоторыхъ другихъ предназначавшихся для этого изданія рисунковъ, такъ какъ время для изготовленія ихъ въ одной изъ столицъ было уже утеряно.

Но если и не удалось сдѣлать дѣло вполнѣ такъ, какъ хотѣлось, то все же я надѣюсь, что книга эта и въ томъ видѣ, въ какомъ она является передъ читателями, будетъ признана ими полезной. Желалъ бы отъ всей души, чтобы она возбудила въ своихъ читателяхъ интересъ и любовь къ той мѣстности, гдѣ они живутъ и трудятся. Въ этомъ главная наша задача.

Надѣюсь, что прочитанная нами серія лекцій не будетъ послѣдней и что за выходящимъ въ настоящее время томомъ „Научныхъ очерковъ Томскаго края“ послѣдуютъ и дальнѣйшіе. Ежегодно организовать подобныя серіи лекцій и издавать ихъ невозможно, такъ какъ то и другое отнимаетъ слишкомъ много времени и силъ, но я надѣюсь, что это дѣло можно будетъ повторять каждые два или три года, причемъ составъ лекцій, конечно, каждый разъ долженъ измѣняться.

Н. Кащенко.

Томскъ,
5 октября 1898.

Развитіе человѣческаго господства надъ организованной природой.

Вступительная рѣчь къ серіи публичныхъ лекцій, организованныхъ Томскимъ Отдѣломъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ осеннемъ полугодіи 1897 г.

Предсѣдателя Отдѣла,

ПРОФЕССОРА Н. Ѳ. КАЩЕНКО.

Мм. гг.!

Мѣстное сельско-хозяйственное общество, исходя изъ того общаго положенія, что развитіе сельскаго хозяйства и сельскихъ промысловъ находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ знакомства съ мѣстной природой и что эта зависимость особенно сознается въ Сибири, гдѣ природа еще такъ мало изучена, а утилизація ея богатствъ почти, можно сказать, только начинается, рѣшило организовать рядъ публичныхъ чтеній, которыя должны дать общій обзоръ мѣстной природы, преимущественно съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія. Они должны коснуться географическихъ особенностей края, его климата, флоры и фауны, первыхъ шаговъ земледѣльческаго населенія въ нашей мѣстности, современнаго состоянія ея сельскаго хозяйства и ея пригодности для дальнѣйшаго культурнаго развитія. Какъ видно изъ программы чтеній, они касаются лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ въ каждомъ изъ перечисленныхъ вопросовъ, но далеко не представляютъ полной ихъ разработки, которая потребовала бы нѣсколькихъ лѣтъ для одного только изложенія, даже если бы нашъ край уже

© ГПНТБ СО РАН

былъ достаточно изслѣдованъ во всѣхъ отношеніяхъ, чего, къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать. Однако, и эти отрывки изъ намѣченнаго общаго плана представляютъ нѣчто систематически между собой связанное, потому что всѣ они группируются, какъ около двухъ центровъ, около двухъ основныхъ идей: познанія мѣстнаго края и интересовъ сельскаго хозяйства. Нѣкоторыя лекціонныя темы стоятъ очень близко къ первому изъ этихъ центровъ, но довольно далеко отъ втораго, другія занимаютъ обратное положеніе. Но, во всякомъ случаѣ, каждая изъ нихъ имѣетъ нѣкоторую внутреннюю связь съ другими.

Для того, чтобы по возможности освѣтить эту внутреннюю связь, я и поставилъ себѣ задачей изложить тѣ общія данныя, которыя могутъ служить какъ бы введеніемъ ко всему циклу нашихъ чтеній, т. е., именно, разсмотрѣть вопросъ объ отношеніи человѣка къ окружающимъ его живымъ существамъ съ утилитарной точки зрѣнія.

Происхожденіе человѣка покрыто глубокой тайной и постоянно служитъ темой оживленныхъ споровъ. Будучи съ виду простымъ и цѣльнымъ, вопросъ этотъ при ближайшемъ анализѣ распадается на массу отдѣльныхъ задачъ, затрогивающихъ чуть не всѣ области знанія и служащихъ одной изъ самыхъ главныхъ причинъ, постоянно одушевляющихъ къ все новымъ и новымъ пытливымъ изысканіямъ представителей самыхъ разнообразныхъ наукъ: философіи, исторіи, археологіи, антропологіи, анатоміи, эмбріологіи, зоологіи, геологіи и другихъ. Дать на этотъ вопросъ категорическій отвѣтъ въ настоящее время невозможно и я не стану углубляться въ разсмотрѣніе тѣхъ данныхъ, которыя служатъ для приблизительнаго, вѣроятнаго его рѣшенія, потому что изложеніе ихъ потребовало бы особаго, спеціально этому вопросу посвященнаго ряда лекцій. Ограничусь лишь краткимъ замѣчаніемъ, что большинство научныхъ данныхъ, какими мы въ настоящее

время обладаемъ, не могутъ быть объяснены иначе, какъ лишь допущеніемъ, что физическая организація человѣка выработалась постепенно и что положеніе властелина земли человѣкъ занялъ лишь послѣ продолжительной и тяжелой борьбы съ окружающими его и весьма часто для него неблагопріятными явленіями мертвой и живой природы.

Первый періодъ этой борьбы, когда человѣкъ еще не мечталъ ни о чемъ бо́льшемъ, какъ лишь о пропитаніи и о защитѣ, въ самомъ узкомъ значеніи этихъ словъ, теряется цѣликомъ во мракѣ доисторическихъ временъ, хотя и отъ этого періода дошли до насъ нѣкоторые скудные вещественные памятники, въ видѣ остатковъ отъ костровъ, костей отъ употребленныхъ человѣкомъ въ пищу животныхъ, да первобытныхъ орудій, являющихся почти исключительно въ видѣ грубо оббитыхъ камней, служившихъ повидимому орудіями раздробленія, и осколковъ, отбитыхъ отъ камней же и служившихъ, вѣроятно, для рѣзанія и скобленія. Насколько до настоящаго времени выяснилось, въ этомъ періодѣ, извѣстномъ подъ названіемъ палеолитическаго и совпадающемъ въ сѣверной половинѣ европейско-азіатскаго материка съ періодомъ жизни въ этихъ мѣстахъ мамонта и носорога, человѣкъ еще не обладалъ никакими домашними животными. Относительно того, обладалъ ли онъ въ этомъ періодѣ культурными растеніями, судить труднѣе, потому что растительные остатки не такъ хорошо сохраняются, какъ нѣкоторыя плотныя части животнаго тѣла, и потому постоянное отсутствіе какихъ либо слѣдовъ культурныхъ растеній изъ палеолитическаго періода еще не можетъ считаться прямымъ доказательствомъ того, что послѣднихъ и въ дѣйствительности тогда не было. Однако, мы все же имѣемъ право принять этотъ послѣдній выводъ съ большой вѣроятностью, такъ какъ вся совокупность прочихъ фактовъ изъ доисторической жизни европейско-азіатскаго человѣка, а также наблюденія надъ современнымъ состояніемъ

некультурныхъ человѣческихъ племенъ, указываютъ на то, что приручение животныхъ если не предшествуетъ, то по крайней мѣрѣ наступаетъ не позже культуры растеній. Въ этомъ періодѣ, слѣдовательно, живая природа оставалась независимой отъ человѣка. Онъ бралъ отъ нея, что могъ, употреблялъ ея продукты для своихъ безхитростныхъ потребностей, но не былъ въ силахъ подчинить ее себѣ болѣе, чѣмъ самъ былъ ей подчиненъ.

Въ слѣдующемъ періодѣ, неолитическомъ, который характеризуется употребленіемъ шлифованныхъ каменныхъ орудій, уже довольно разнообразной формы, такъ же какъ появленіемъ глиняной посуды и опредѣленнаго порядка погребенія покойниковъ, человѣкъ занимаетъ уже иное положеніе по отношенію къ окружающимъ его животнымъ. Онъ не ограничивается защитой отъ нихъ и убиваніемъ ихъ ради полученія матеріала для своего пропитанія и одежды, но и начинаетъ подчинять ихъ своей волѣ, заставляетъ жить ихъ не такъ, какъ они жили раньше, но такъ, какъ для него удобно, т. е. дѣлаетъ ихъ домашними животными. Многіе указываютъ на то, что между палеолитическимъ и неолитическимъ періодами нельзя провести рѣзкой границы, и дѣйствительно это правда, но лишь въ томъ смыслѣ, что способъ приготовленія орудій самъ по себѣ еще не можетъ служить безусловно вѣрнымъ признакомъ для разграниченія этихъ двухъ періодовъ. Если же принять въ расчетъ все состояніе культуры въ каждомъ изъ нихъ, а также окружавшую человѣка въ томъ и другомъ періодѣ фауну, то нужно сознаться, что разница между ними выступаетъ настолько рѣзко, что даже и связать ихъ между собой оказывается не такъ то легко. Находки изъ промежуточныхъ стадій крайне скудны и не всегда оказываются вполнѣ достовѣрными. Естественно поэтому, что многіе приписываютъ остатки неолитическаго характера не той расѣ, которая раньше жила на этихъ мѣстахъ, а другой, пришлой,

выработавшейся въ другомъ мѣстѣ и, благодаря своей сравнительно высокой культурѣ, вытѣснившей палеолитическія племена. Съ другой стороны, неолитическій періодъ, напротивъ, совершенно нечувствительно и постепенно переходитъ въ періодъ употребленія металловъ и, наконецъ, въ періодъ историческій. Объ этой скудости находокъ, которыя могли бы связать между собой палеолитическій и неолитическій періоды, упоминаю для того, чтобы подчеркнуть возникающія отсюда трудности для выясненія вопроса о происхожденіи домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній. Въ первомъ періодѣ нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ: во второмъ тѣ и другія оказываются уже на-лицо, хотя и далеко не въ полномъ своемъ составѣ. Такимъ образомъ, о первоначальномъ появленіи домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній приходится судить частью по аналогіи съ болѣе позднимъ примѣрами одомашненія, частью по догадкѣ.

Всѣ изслѣдователи этого вопроса согласны въ томъ, что древнѣйшимъ изъ домашнихъ животныхъ нужно считать собаку. Она первая признала силу человѣческаго разума и, подчинившись ему, стала оказывать человѣку, взамѣнъ ничтожныхъ съ его стороны заботъ и покровительства, сильную поддержку въ его дальнѣйшихъ притязаніяхъ на положеніе царя природы. По образному выраженію покойнаго проф. А. П. Богданова, „собака помогла человѣку выйти въ люди“. Между многочисленными породами собакъ можно различить двѣ главныя расы, изъ которыхъ одна считается происходящей отъ волка, другая отъ шакала. Легкая приручаемость послѣдняго до нѣкоторой степени объясняетъ столь древнее происхожденіе соотвѣтственной собачьей расы. Впрочемъ, къ этому вопросу намъ прійдется еще возвратиться дальше. Сначала собака, повидимому, употреблялась въ пищу, и это значеніе она отчасти сохранила и до настоящаго времени у нѣкоторыхъ народовъ, напр., у манджуровъ. Но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ

убѣждался въ томъ, что собака гораздо полезнѣе въ качествѣ защитника и помощника въ борьбѣ съ другими животными, чѣмъ въ качествѣ пищеваго матеріала, обычай употребленія ея въ пищу сталъ постепенно ограничиваться и въ настоящее время почти уничтожился.

За собакой послѣдовали: быкъ, коза, овца, оселъ, верблюдъ, лошадь и цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ животныхъ. Въ настоящее время извѣстно не менѣе 17-ти млекопитающихъ, 13-ти птицъ, нѣсколько рыбъ, 1 амфибія (аксолотль), 1 бабочка (тутовый шелкопрядъ) и 1 перепончатокрылое насѣкомое (пчела), а всего, слѣдовательно, не менѣе 36 домашнихъ животныхъ. Въ этотъ счетъ еще не входятъ многія животныя, извѣстныя только въ прирученномъ, но не въ одомашненномъ состояніи, т. е. такія, которыя въ неволѣ или совсѣмъ не размножаются, или даютъ приплодъ только въ видѣ исключенія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ уже съ древнѣйшихъ временъ съ большой пользой употребляются то для перевозки тяжестей (слонъ), то для охоты (леопардъ и очень многія хищныя птицы).

Спрашивается теперь, какъ представить себѣ происхожденіе этихъ многочисленныхъ друзей человѣка? Какими способами и съ какими цѣлями достигъ человѣкъ ихъ одомашненія? Несомнѣнно, что прирученіе, а затѣмъ и одомашненіе происходили очень медленно и безъ яснаго пониманія человѣкомъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ онъ безсознательно стремился. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя далеко не во всѣхъ, толчкомъ къ прирученію послужило желаніе съ возможнымъ для себя удобствомъ получать именно тѣ самые продукты, которыми человѣкъ пользуется отъ даннаго животнаго и въ настоящее время. Это можно съ увѣренностью сказать, напримѣръ, относительно пчелы. Первоначально человѣкъ просто отыскивалъ мѣста обитанія дикихъ пчелъ и отнималъ у нихъ медъ, какъ это и въ настоящее время нерѣдко практикуется. Отсюда весьма недалеко до устройства искусственныхъ обита-

лищъ для пчелъ вблизи человѣческаго жилья. Употребленіе воска, въ качествѣ освѣтительнаго матеріала, должно было развиться вслѣдъ за употребленіемъ меда, такъ какъ очень не трудно было человѣку замѣтить и оцѣнить значеніе этого прекраснаго матеріала, разъ ужь онъ постоянно имѣлъ дѣло съ медовыми сотами. Но устройство пасѣки еще далеко не составляетъ полнаго одомашненія пчелы, которое началось, собственно говоря, только съ самыхъ новѣйшихъ временъ, съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ изучилъ организацію пчелинаго общества и познакомился съ подробностями размноженія этого замѣчательнаго насѣкомаго. Даже можно сказать, что и въ настоящее время одомашненіе пчелы находится только въ началѣ своего развитія, потому что слѣды воздѣйствія человѣка на образъ жизни пчелы и на ея физическую организацію еще слишкомъ ничтожны. Пчела находится скорѣе лишь только подъ контролемъ и покровительствомъ человѣка, чѣмъ подъ его владычествомъ. Другое насѣкомое, тутовый шелкопрядъ, напротивъ, должно считаться животнымъ вполнѣ одомашненнымъ, такъ какъ вся его судьба, начиная отъ процесса скрещиванія и откладыванія яицъ, и кончая смертью, находится все-цѣло въ рукахъ человѣка, который направляетъ всѣ отдѣльные моменты его жизни по своему усмотрѣнію. Да и на организаціи тутоваго шелкопряда вліяніе домашняго образа жизни отразилось уже настолько сильно, что рѣшеніе вопроса, отъ какой именно дикой формы онъ произошелъ, оказывается дѣломъ далеко не легкимъ. По всей вѣроятности, прирученіе его началось съ того, что человѣкъ сначала сталъ употреблять для своихъ цѣлей коконы дикихъ шелкопрядовъ. Затѣмъ онъ сталъ оказывать излюбленнымъ шелкопрядамъ свое покровительство, защищая ихъ отъ нападенія птицъ и другихъ враговъ, для чего наиболѣе подходящимъ средствомъ должно было оказаться устройство закрытыхъ помѣщеній, впослѣдствіи превратившихся въ нынѣшнія черво-

водни. Слѣдовательно, мы можемъ допустить, что толчкомъ къ одомашненію и здѣсь послужило желаніе имѣть тотъ самый продуктъ, который и въ настоящее время получается отъ этого животнаго.

Но въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ побудительной причиной къ одомашненію служили, повидимому, совсѣмъ не тѣ полезныя стороны, которыя мы цѣнимъ у даннаго животнаго въ настоящее время. Какъ выше было мелькомъ упомянуто, однимъ изъ обстоятельствъ, упрочившихъ одомашненіе собаки, послужило, можетъ быть, просто удобство имѣть вблизи себя живой запасъ пищевого матеріала, которымъ можно было воспользоваться, въ случаѣ нужды, во всякое время. То же самое должно сказать относительно свиньи, и со значительной вѣроятностью можно предположить относительно лошади, которая и въ настоящее время, какъ извѣстно, далеко нерѣдко употребляется въ пищу. Въ прежнее же время, судя по результатамъ многихъ археологическихъ раскопокъ, употребленіе въ пищу собаки и въ особенности лошади практиковалось несравненно шире. Но теперь, какъ мы знаемъ, только свинья вполнѣ сохранила свое первоначальное назначеніе, а собака и лошадь у большинства народовъ доставляютъ человѣку совершенно иного рода услуги. Первоначальный смыслъ одомашненія потерялся, но само домашнее животное сдѣлалось еще болѣе полезнымъ.

Однако, желаніе имѣть подъ рукою пищевой матеріалъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться общей и единственной причиной одомашненія позвоночныхъ животныхъ, хотя бы даже такихъ, которыя въ дѣйствительности имѣютъ или имѣли прежде такое назначеніе. Притомъ же изъ приведенныхъ примѣровъ еще не видѣнъ самый ходъ, такъ сказать, механизмъ прирученія и одомашненія. Яснѣе другихъ случаевъ можно представить его себѣ на нашемъ домашнемъ быкѣ, который служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ

примѣровъ перемѣны роли, играемой домашнимъ животнымъ, соотвѣтственно перемѣнѣ въ культурномъ состояніи самого человѣка. Процессъ прирученія быка имѣлъ въ своей основѣ, повидимому, религіозныя потребности. Э. Ганъ указываетъ на то обстоятельство, что всѣ извѣстныя породы нашихъ домашнихъ быковъ происходятъ отъ первобытнаго быка (Bos primigenius), но не отъ бизона (Bison priscus), хотя это послѣднее животное было распространено въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и первое, и съ практической точки зрѣнія обладаетъ одинаковыми съ нимъ достоинствами. Объясненіе этому обстоятельству онъ видитъ въ томъ, что форма роговъ у первобытнаго быка напоминаетъ лунный серпъ, чего нельзя сказать о рогахъ бизона. Между тѣмъ, почитаніе луны было весьма распространено у древнѣйшихъ народовъ юго-западной Азіи, гдѣ повидимому и началось прирученіе быка. Естественно, что въ жертву лунѣ приносилось то животное, которое имѣло съ ней хотя нѣкоторое сходство и потому считалось какъ бы ей принадлежащимъ. Желаніе имѣть матеріалъ для жертвоприношенія постоянно на-готовѣ легко могло повести сначала къ загону и содержанію отдѣльныхъ стадъ въ огражденномъ пространствѣ, а затѣмъ, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, и къ полному одомашненію. Между тѣмъ, что же мы видимъ въ настоящее время? Не только о религіозномъ значеніи рогатаго скота нѣтъ болѣе и помину, но и употребленіе въ пищу его мяса, несмотря на пока еще весьма большую распространенность этого обычая, имѣетъ все же второстепенное значеніе и едва ли имѣетъ будущность, между тѣмъ какъ употребленіе молока и молочныхъ продуктовъ, постоянно ростетъ и уже въ настоящее время у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ достигло такого положенія, что мы почти не можемъ представить себѣ стола безъ молока, масла, сметаны, творогу и другихъ молочныхъ продуктовъ. А что обычай доенія молока долженъ былъ развиться значительно позднѣе одомаш-

ОТПЕЧАТОРАН

нія быка, это видно уже изъ того, что китайцы еще и теперь не знаютъ и не употребляютъ молока, хотя съ незапамятныхъ временъ имѣютъ домашній рогатый скотъ. Одомашненіе въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, привело къ такимъ результатамъ, которые совершенно не могли быть предусмотрѣны тѣмъ народомъ, который положилъ ему начало. Возьмемъ еще примѣръ. Извѣстно, что овцы разводятся въ настоящее время у цивилизованныхъ націй главнымъ образомъ ради шерсти, потому что этотъ продуктъ, въ различной обработкѣ, получилъ громадное и разностороннее значеніе для нашей жизни. Но, спрашивается, могъ ли такое значеніе снятыхъ съ животнаго волосъ предвидѣть тотъ темный древнѣйшій человѣкъ, который впервые сталъ дѣлать попытки одомашнить овцу? Едва ли кто нибудь рѣшится дать на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. Древнѣйшій полудикій нашъ предокъ могъ стараться держать при себѣ овцу ради мяса, ради шкуры, но не ради шерсти въ собственномъ смыслѣ слова. Обычай сниманія шерсти съ живаго животнаго могъ укорениться только тогда, когда для человѣка сдѣлалось выгоднымъ оставлять животное живымъ послѣ снятія съ него шерсти, слѣдовательно если не послѣ одомашненія, то послѣ приученія, которое уже представляетъ начало одомашненія. Значитъ и здѣсь результатъ одомашненія оказался не тѣмъ и гораздо болѣе плодотворнымъ, чѣмъ могъ ожидать его виновникъ. То же самое можно сказать и относительно птицъ, изъ которыхъ большая часть были приведены въ домашнее состояніе, насколько въ настоящее время можно судить, изъ цѣлей религіозныхъ, или эстетическихъ, и только позднѣе постепенно получили экономическое значеніе. Употребленіе же въ пищу яицъ отъ домашнихъ птицъ, какъ обыкновеннаго пищевого матеріала, развилось несомнѣнно много спустя послѣ ихъ полнаго одомашненія, такъ какъ способность класть яйца въ количествѣ, во много разъ превышающемъ необходимое для размноженія, могла развиться только

въ теченіи продолжительнаго періода времени. Правда, многія дикія птицы могутъ класть яицъ больше обыкновеннаго, если яйца незамѣтно вынимать изъ гнѣзда, не нарушая притомъ свободнаго образа жизни птицы. Но все же избытокъ откладываемыхъ при такихъ условіяхъ яицъ не достигаетъ даже и приблизительно такихъ размѣровъ, какъ у домашнихъ птицъ. Притомъ же птицы прирученныя, но еще не одомашненныя, обыкновенно, совсѣмъ не кладутъ яицъ. Изъ этого слѣдуетъ, что желаніе получать яйца ни въ какомъ случаѣ не могло служить толчкомъ къ одомашненію птицъ. Поводы тутъ должны были быть другіе и, конечно, весьма различные для разныхъ птицъ. Интересно, что въ древности роль теперешнихъ куръ игралъ гусь, который былъ одомашненъ раньше другихъ птицъ и у древнихъ грековъ и персовъ цѣнился главнымъ образомъ за приносимыя имъ яйца. Впослѣдствіи же эту роль приняли на себя куры, между тѣмъ какъ гуси стали служить преимущественно составными частями своего тѣла: мясомъ, жиромъ, перьями и пухомъ. Изъ этого мы еще лишній разъ видимъ до какой степени непостоянна и измѣнчива экономическая роль домашнихъ животныхъ.

Изъ немногихъ приведенныхъ примѣровъ видно уже, что почти всѣ домашнія позвоночныя, съ какими бы цѣлями они ни были приручены, въ извѣстномъ періодѣ человѣческой культуры служатъ для человѣка главнымъ образомъ своимъ мясомъ и шкурой. Только кошка, прирученная, повидимому, египтянами изъ религіозныхъ причинъ и затѣмъ сдѣлавшаяся частью сторожемъ отъ мышей, частью предметомъ развлеченія, аксолотль, одомашненный въ самое послѣднее время учеными, и можетъ быть нѣкоторыя рыбки, разводимыя ради забавы, избѣгли этой участи. Но затѣмъ мы видимъ, что съ поднятіемъ человѣческаго интеллекта онъ начинаетъ цѣнить въ животныхъ не столько то, что можно получить отъ нихъ послѣ смерти, сколько продукты, доставляемые ими при жизни:

ОТПЕЧАТОК

молоко, яица, шерсть, перья, и ихъ мускульный трудъ, все равно, служитъ ли онъ для перевозки тяжестей, или для ловли мышей, или для охраны человѣка, или для помощи ему при охотѣ, или для ловли рыбы, какъ это дѣлаетъ корморанъ, или, наконецъ, просто для доставленія развлеченія человѣку, какъ это дѣлаютъ напр. голуби у ихъ любителей.

Послѣдняя форма эксплоатаціи животныхъ, т. е. извлеченіе отъ нихъ матеріальной или нематеріальной пользы безъ вреда для ихъ жизни, по мѣрѣ перехода человѣка изъ полудикаго въ цивилизованное состояніе преобладаетъ все болѣе и болѣе, а современымъ, можетъ быть, останется и единственной. Возможно также, что и большая часть физическаго труда будетъ съ нашихъ животныхъ снята, такъ какъ съ развитіемъ прикладной механики окажется возможнымъ и болѣе удобнымъ обходиться безъ ихъ помощи, но это возможно только въ отдаленнѣйшемъ будущемъ, а пока еще, повидимому долгое время физическій трудъ животныхъ будетъ составлять одно изъ необходимѣйшихъ условій экономическаго благосостоянія человѣка.

Но въ то время, какъ часть животныхъ подчинилась могуществу человѣка, поставила себя въ полную зависимость отъ него и тѣмъ обезпечила на неопредѣленное время существованіе своего потомства, другая и гораздо большая ихъ часть остается еще свободной, подвергаясь зато всѣмъ внѣшнимъ случайностямъ, какъ благопріятнымъ, такъ и неблагопріятнымъ. Къ этимъ, отъ него независимымъ, животнымъ человѣкъ всегда относился съ полной безпощадностью, истреблялъ и вытѣснялъ ихъ одно за другимъ. При расширеніи человѣческаго господства въ извѣстной странѣ прежде всего исчезаютъ животныя крупныя и особенно такія, которыя или явно вредятъ человѣку, или являются для него заманчивымъ предметомъ охоты. Мы не знаемъ, сколько изъ жившихъ въ доисторическіе періоды, а теперь исчезнувшихъ животныхъ

обязаны своей гибелью человѣку. Но и въ историческія времена, когда разрушительное вліяніе человѣка для насъ гораздо замѣтнѣе, исчезло ихъ уже не мало. На Британскихъ островахъ давно уже не существуетъ ни медвѣдя, ни волка, ни дикаго кабана, ни бобра, ни сѣвернаго оленя, а между тѣмъ относительно существованія ихъ тамъ въ историческія времена имѣются вполнѣ достовѣрныя свѣденія. Та же судьба постигла нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ во многихъ западныхъ частяхъ континентальной Европы, и, конечно, лишенное ихъ пространство будетъ постепенно расширяться болѣе и болѣе. Не мало есть и такихъ животныхъ, которыя истреблены не въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но вообще на всей земной поверхности и тоже въ историческія времена. Сюда относится Стеллерова морская корова (Rhytina Stelleri), водившаяся въ Беринговомъ морѣ, берингіанскій корморанъ (Carbo perspicillatus), дронтъ или додо (Didus ineptus) и многія другія. Кажется, сюда же нужно причислить и дикаго первобытнаго быка, потому что, по нѣкоторымъ даннымъ, животное, называвшееся туромъ и водившееся на зарѣ русской исторіи въ предѣлахъ Европейской Россіи, было ничѣмъ инымъ, какъ именно первобытнымъ быкомъ (Bos primigenius).

Число же такихъ формъ, которыя еще живутъ, но несомнѣнно скоро должны будутъ исчезнуть, если только не будутъ приняты какія либо особыя мѣры къ ихъ сохраненію, еще болѣе значительно. Къ такимъ животнымъ принадлежатъ зубръ, бизонъ, бобръ, тарпанъ (дикая лошадь южно-русскихъ и западно-сибирскихъ степей), дикая кошка (Felis catus), киви (Apteryx australis) и другія. Г. Гартлаубъ насчитываетъ 19 видовъ птицъ, совершенно вымершихъ въ историческое время, и 16 видовъ очень близкихъ къ полному вымиранію. Правда, не относительно всѣхъ ихъ можно доказать, что они были истреблены человѣкомъ, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, если не прямо, не путемъ избіенія,

то во всякомъ случаѣ косвенно, истребленіемъ лѣсовъ, осушеніемъ болотъ, введеніемъ новыхъ для данной мѣстности животныхъ и растеній, онъ содѣйствовалъ гибели ея первоначальнаго животнаго населенія. Вымирающими формами особенно богатъ материкъ Австраліи и Новая Зеландія, гдѣ вновь завозимыя европейцами животныя жестоко истребляютъ и вытѣсняютъ коренныхъ обитателей, въ прежнія времена совершенно не знавшихъ такихъ враговъ и конкуррентовъ.

Только въ послѣднее время, да и то не вездѣ, начали понимать, что уничтоженіе животныхъ имѣетъ смыслъ только по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которыя безусловно вредны, между тѣмъ какъ животныя безвредныя, а тѣмъ болѣе полезныя для человѣка, хотя бы и дикія, должны быть по возможности покровительствуемы, въ интересахъ самого же человѣка. Является забота объ охраненіи животныхъ, проявляющаяся нерѣдко въ законодательной формѣ, и, конечно, достигающая кое какихъ результатовъ, но не всегда удовлетворительныхъ. Примѣръ бизона, какъ американскаго, такъ и европейскаго, извѣстнаго у насъ болѣе подъ названіемъ зубра, въ этомъ отношеніи очень печаленъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Е. А. Бихнеромъ, состояніе зубровъ, тщательно охраняемыхъ у насъ въ Бѣловѣжской пущѣ, только въ первой половинѣ нашего столѣтія могло считаться довольно хорошимъ, потому что число ихъ съ 1832 года по 1857 повысилось съ 770 штукъ до 1898. Но затѣмъ, несмотря на всѣ заботы о нихъ, число зубровъ постоянно падаетъ и въ настоящее время не доходитъ и до 500. Въ Сѣв. Америкѣ союзное правительство въ послѣдніе годы также обратило вниманіе на то, что бизоны, которые 20—30 лѣтъ тому назадъ считались милліонами, вслѣдствіе, повидимому, безпощаднаго истребленія, въ настоящее время уже очень близки къ полному вымиранію. Найдено было необходимымъ прибѣгнуть къ охранительнымъ мѣрамъ и стадо бизоновъ было внущено въ

огороженный Іеллоустонъ-паркъ. Но въ 1894 году въ этомъ паркѣ ихъ считалось 200 штукъ, а теперь нѣтъ и 50-ти. Въ Америкѣ винятъ въ этомъ браконьеровъ, и у насъ сначала видѣли причину всѣхъ бѣдъ въ нихъ же, пока не пришлось признать наконецъ, что и сама плодовитость поставленныхъ въ такія исключительныя условія животныхъ ненормально низка.

Въ Новой Зеландіи, для спасенія отъ гибели мѣстныхъ коренныхъ обитателей, въ послѣднее время спеціально назначены два небольшіе острова. На нихъ не только запрещено истребленіе находящихся подъ охраной животныхъ, но запрещенъ также и ввозъ на эти острова животныхъ изъ другихъ странъ, потому что, какъ уже сказано выше, этотъ ввозъ именно и является одной изъ главнѣйшихъ причинъ исчезанія туземныхъ формъ. Очень интересно будетъ видѣть результаты этой мѣры. Возможно, что такимъ способомъ удастся сохранить мелкихъ животныхъ, которыя одни только и живутъ на этихъ островахъ. Если же дѣло идетъ о животныхъ крупныхъ, то изъ примѣровъ зубра и бизона ясно, что охранительныя мѣры сами по себѣ недостаточны для ихъ спасенія, разъ уже выяснилось, что оставить незаселенной всю область ихъ распространенія невозможно, а въ странѣ заселенной независимо отъ человѣка они существовать не могутъ.

Эти мѣры не достигаютъ цѣли, если животное остается дикимъ, а потому единственнымъ способомъ обезпечить существованіе какого нибудь крупнаго млекопитающаго въ населенныхъ мѣстахъ является его полное одомашненіе. Если тѣмъ не менѣе охранительныя мѣры и для такихъ животныхъ считаются необходимыми, то лишь какъ мѣра временная, имѣющая то преимущество, что ее можно ввести относительно быстро, между тѣмъ какъ одомашненіе дикихъ животныхъ требуетъ вѣковъ, если даже не тысячелѣтій. Весьма вѣроятно, впрочемъ, что оно совершалось до сихъ поръ такъ медленно потому, что производи-

ОТИПРОСОБРАН

лось человѣкомъ полусознательно, безъ ясно намѣченной цѣли, Было бы, однако, совершенно неправильно думать, что процессъ одомашненія принадлежитъ исключительно временамъ давно прошедшимъ, что онъ разъ навсегда совершился и закончился. Напротивъ, онъ несомнѣнно продолжается постоянно и если при первомъ взглядѣ не замѣчается, то исключительно потому, что совершается очень медленно. Доказательствомъ этого служитъ существованіе полуодомашненныхъ животныхъ, типичнымъ примѣромъ которыхъ можетъ служить сибирскій маралъ (мѣстная разновидность благороднаго оленя), разводимый съ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія во многихъ мѣстностяхъ южной Сибири, особенно на Алтаѣ, въ особыхъ огороженныхъ пространствахъ, называемыхъ маральниками. Первоначально ограничивались загономъ въ эти ограды дикихъ животныхъ и приплодъ бывалъ только случайно, отъ самокъ, попавшихъ въ ограду уже въ беременномъ состояніи. Но въ послѣднее время маралы начинаютъ уже плодиться въ самыхъ маральникахъ, по крайней мѣрѣ въ болѣе удобныхъ и болѣе обширныхъ изъ нихъ. Такъ, по сообщенію В. Небольсина, въ Усинскомъ округѣ, въ лучшемъ изъ маральниковъ, принадлежащемъ крестьянину Ивану Ведерникову, маралы плодятся довольно правильно, такъ что большая часть находящихся въ оградѣ животныхъ здѣсь же и родились. Они оказываются настолько ручными, что когда однажды, вслѣдствіе случайнаго поврежденія ограды, маралы разбѣжались, то ихъ безъ труда удалось загнать обратно. Поводомъ къ прирученію мараловъ служитъ желаніе своевременно воспользоваться ихъ рогами, которые, по мнѣнію китайцевъ, обладаютъ особеннымъ укрѣпляющимъ дѣйствіемъ на человѣческій организмъ и потому весьма выгодно сбываются мараловодчиками въ Китай. Рога у марала ежегодно зимой смѣняются и весной отрастаютъ новые. Эти то молодые рога, еще не вполнѣ окостенѣвшіе, въ началѣ лѣта спиливаются, вымачиваются въ соляномъ

растворѣ или чайномъ настоѣ и поступаютъ въ продажу. Дѣйствительно ли рога обладаютъ тѣмъ свойствомъ, которое имъ приписываютъ, съ точностью, научно, еще не выяснено и теоретически является довольно сомнительнымъ. Но совершенно неправы тѣ, которые на этомъ основаніи не придаютъ значенія и самому мараловодству. Дѣло тутъ не въ рогахъ, а въ томъ, что на нашихъ глазахъ совершается одомашненіе одного изъ прекраснѣйшихъ животныхъ, которое иначе рано или поздно неизбѣжно исчезло бы съ лица земли. Вышеуказанные примѣры показываютъ, что домашнее животное очень часто оказывается особенно цѣннымъ для человѣка совсѣмъ не въ томъ отношеніи, въ какомъ оно цѣнилось при самомъ процессѣ одомашненія, и потому было бы слишкомъ наивно думать, что съ потерей вѣры въ чудодѣйственную силу роговъ и сами маралы окажутся безполезными въ экономическомъ отношеніи. Какую именно роль будетъ играть маралъ въ хозяйствѣ будущаго человѣчества, это выяснится лишь съ теченіемъ времени. А пока достаточно указать хотя бы на то, что мясо его вкусно, а кожа уже и теперь имѣетъ сбытъ въ Европейскую Россію, употребляясь между прочимъ на выдѣлку замши.

Мы можемъ гордиться, что азіатскій материкъ, уже давшій бо́льшее количество домашнихъ животныхъ, чѣмъ всѣ прочіе материки вмѣстѣ, спасшій между прочимъ отъ гибели быка и обезпечившій существованіе лошади (которая въ отдаленномъ прошломъ находилась также въ Америкѣ, но не была приручена и погибла безслѣдно, такъ что послѣ открытія американскаго материка европейцами привезенныя ими лошади крайне удивляли туземцевъ),—что этотъ материкъ и подъ русскимъ владычествомъ продолжаетъ ту же культурную миссію.

Забота о прирученіи животныхъ постоянно проявляется то тамъ, то здѣсь, по большей части въ формѣ мало сознательной. Напр., объ остякахъ разсказываютъ, что они имѣютъ

обыкновеніе полученныхъ при охотѣ маленькихъ лисятъ воспитывать въ помѣщеніи, наполненномъ хворостомъ. Треніе о хворостъ, при постоянномъ лазаніи животнаго, способствуетъ росту и чистому содержанію волосъ, вслѣдствіе чего шкуры отъ этихъ лисицъ, когда онѣ вполнѣ выростутъ, продаются за хорошую цѣну. Отъ этого, конечно, еще слишкомъ далеко до одомашненія, но еслибы дать лисицамъ обширное и удобное помѣщеніе, то, быть можетъ, онѣ стали бы и размножаться въ немъ, а это уже было бы началомъ одомашненія.

Въ послѣднее время, впрочемъ, въ западной Европѣ дѣлаются попытки вполнѣ сознательнаго одомашненія животныхъ, близкихъ къ гибели, напр. бобра. Не мѣшаетъ здѣсь также упомянуть о проектѣ Хорькевича, поданномъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, Г-ну Министру Земледѣлія въ настоящемъ году и касающемся разведенія пушныхъ звѣрей (лисицъ, куницъ и соболей) въ почти ненаселенныхъ мѣстностяхъ по берегамъ Охотскаго моря. Хотя въ этомъ проектѣ рѣчь идетъ о разведеніи пушныхъ звѣрей „на свободѣ“, но такъ какъ при этомъ предполагается заготовлять для нихъ пищу усиліями человѣка, то исполненіе этого проекта въ окончательномъ результатѣ, по всей вѣроятности, привело бы къ ихъ одомашненію, хотя, конечно, по истеченіи лишь очень большаго періода времени.

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь только о томъ, какъ относится человѣкъ къ животнымъ, но не было говорено ничего объ отношеніи самихъ животныхъ къ человѣку. Между тѣмъ, эта сторона дѣла чрезвычайно важна и въ особенности потому, что изслѣдованіе ея прибавляетъ еще нѣсколько лучей свѣта въ темный вопросъ о первобытномъ одомашненіи. Дѣло въ томъ, что тѣ перемѣны, которыя вноситъ человѣкъ въ общую экономію природы своей культурой, оказываются гибельными не всегда и не для всѣхъ дикихъ животныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, напротивъ, находятъ для себя въ новыхъ обстоятельствахъ еще болѣе благопріятныя условія, чѣмъ тѣ, при которыхъ они жили въ ненаселенной странѣ. Извѣстно, что заселенныя мѣста тайги очень часто оказываются богаче нѣкоторыми животными, чѣмъ ея внутреннія, недоступныя для человѣка части. Не только хомяки, крысы, мыши и многіе другіе грызуны, не только вороны, галки, воробьи, ласточки, скворцы, трясогузки и тому подобная мелочь, но и многія хищныя птицы, какъ сарычъ, пустельга, кобчикъ, нѣкоторыя совы, положительно льнутъ къ человѣку, потому что находятъ въ этомъ сосѣдствѣ прямую или косвенную для себя выгоду. Не смотря на то, что зайцевъ безпощадно избиваютъ, они все же чаще всего попадаются вблизи человѣческихъ поселеній. Даже волки, обыкновенно отсутствующіе въ тѣхъ изъ ненаселенныхъ мѣстностей, гдѣ зимой снѣгъ бываетъ очень глубокъ, сплошь и рядомъ появляются въ нихъ вслѣдъ за ихъ заселеніемъ. Многія изъ перечисленныхъ птицъ (ласточки, воробьи, галки) первоначально селились только въ горныхъ странахъ, но, присосѣдившись къ человѣку, совершенно измѣнили свой образъ жизни, распространились гораздо шире по лицу земли и размножились непомѣрно. Относительно воробья А. Миддендорфъ показалъ совершенно точно, что эта птица распространяется по Сибири шагъ за шагомъ вслѣдъ за расширеніемъ въ ней земледѣлія. Не удивительно поэтому, что многія изъ подобныхъ животныхъ современемъ настолько привыкаютъ къ человѣку, что перестаютъ его дичиться. Довѣрчивость возростаетъ, конечно, соотвѣтственно той степени безопасности, которой животное въ дѣйствительности пользуется, отъ чего бы она ни происходила, отъ предразсудка ли, какъ это извѣстно, напримѣръ, относительно аиста и ласточки, или отъ какихъ либо другихъ причинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ за убійство гаги, доставляющей извѣстный гагачій пухъ и потому крайне полезной, назначенъ большой штрафъ, птицы эти такъ довѣрчивы, что ихъ можно трогать руками. И тамъ,

ОТПЕЧАТОК

гдѣ пухъ съ ихъ гнѣздъ и ихъ яйца берутся умѣренно, онѣ всего охотнѣе и селятся, цѣня очевидно сравнительную безопасность отъ своихъ враговъ, которые здѣсь отчасти устраняются близостью человѣка. Почти настолько же ручными оказываются чайки въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ, по издавна укоренившемуся обычаю, онѣ пользуются совершенно безкорыстнымъ покровительствомъ со стороны монаховъ. Если, такимъ образомъ, присмотрѣться къ окружающимъ насъ животнымъ, то окажется, что рѣзкой границы между животными дикими и домашними не существуетъ. Никто, конечно, не назоветъ домашними птицами аиста, или галку, потому только что они любятъ устраивать свои гнѣзда на крышахъ домовъ, или на колокольняхъ. Нельзя также примѣнить это названіе и къ ласточкѣ, хотя она вьетъ свое гнѣздо уже прямо подъ одной крышей съ нами, часто напр. въ сѣняхъ. А между тѣмъ домашніе голуби въ большинствѣ случаевъ своимъ поведеніемъ относительно человѣка мало чѣмъ, или даже совершенно ничѣмъ не отличаются отъ ласточекъ. Если тѣмъ не менѣе голуби считаются домашними, такъ это потому, что ихъ не трудно разводить и при непосредственномъ вмѣшательствѣ человѣка, чему и доказательства на лицо, такъ какъ этимъ вмѣшательствомъ уже выработано множество голубиныхъ породъ. Съ ласточками этого не сдѣлано. Но еслибы человѣкъ нашелъ для себя полезнымъ или пріятнымъ заняться болѣе близкимъ подчиненіемъ себѣ ласточки, или вообще какого-нибудь животнаго, уже изъ собственной своей выгоды приблизившагося и сжившагося съ человѣкомъ, то едва ли при этомъ встрѣтились бы серьезныя затрудненія.

Вотъ это то самопроизвольное приближеніе животныхъ къ человѣку, происходящее постепенно, безъ потери животнымъ внѣшней свободы, по всей вѣроятности, играло не меньшую роль въ первобытномъ одомашненіи, чѣмъ и собственная забота человѣка о пріученіи къ нему животныхъ. Оно даетъ

намъ, между прочимъ, возможность объяснить себѣ до нѣкоторой степени и крайне неясный вопросъ о происхожденіи самаго перваго домашняго животнаго—собаки, о которой раньше уже нѣсколько разъ упоминалось, но безъ обсужденія процесса ея одомашненія. Хотя, какъ уже было объяснено, собака въ древнѣйшія времена иногда употреблялась въ пищу и въ дикомъ состояніи, и въ прирученномъ, однако довольно трудно допустить, чтобы одно это обстоятельство, само по себѣ, могло послужить побудительной причиной къ одомашненію хищнаго животнаго посредствомъ устройства оградъ, или чего нибудь подобнаго. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что дикіе предки собаки сами постепенно приблизились къ человѣку, находя въ этомъ какую либо выгоду, хотя бы, напримѣръ, въ пользованіи оставляемыми имъ отбросами отъ убитыхъ животныхъ. Если допустить, что человѣкъ употреблялъ въ пищу собаку только изрѣдка (какъ, повидимому, и было), при недостаткѣ другой, можетъ быть болѣе имъ цѣнившейся добычи, то такое сожительство становится весьма понятнымъ и обоюдно выгоднымъ. На этой почвѣ дальнѣйшее закрѣпленіе вліянія человѣка надъ предками собаки, до ея полнаго одомашненія, не могло уже представить большихъ затрудненій, особенно послѣ того, какъ человѣкъ оцѣнилъ въ собакѣ способность быть сторожемъ и помощникомъ при охотѣ. На первый взглядъ можетъ показаться, что такой характеръ процесса одомашненія, т. е. характеръ постепеннаго и добровольнаго съ обѣихъ сторонъ сближенія, можно допустить только по отношенію къ одному изъ предковъ собаки, именно къ шакалу, который и въ настоящее время не отличается особенной дикостью и легко приручается. Относительно же предка другой собачьей расы, волка, можетъ явиться сильное сомнѣніе. Какимъ образомъ, скажутъ пожалуй, возможно допустить, чтобы самопроизвольно приблизилось къ человѣку и сжилось съ нимъ именно то животное, которое считается образцомъ дикости,

настолько что вошло этимъ даже въ поговорку? Но такое сомнѣніе не имѣетъ подъ собой твердой почвы, такъ какъ изъ того, что нынѣшніе волки крайне недовѣрчивы по отношенію къ человѣку, еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы ихъ древнѣйшіе предки отличались такимъ же характеромъ. Нынѣшніе волки очень дики потому, что безпощадно преслѣдуются человѣкомъ, какъ опасные враги его домашняго скота, въ особенности овецъ. Въ приведенныхъ же выше соображеніяхъ имѣлось въ виду то отдаленнѣйшее прошлое, когда никакого домашняго скота не существовало, а потому не существовало и главной причины теперешней острой вражды между волкомъ и человѣкомъ. Всѣ тѣ животныя, которыя слабѣе человѣка, въ своихъ отношеніяхъ къ нему руководятся степенью безопасности, какой отъ него пользуются. Если все это принять въ разсчетъ, то станетъ ясно, что изложенный здѣсь ходъ процесса одомашненія весьма возможенъ по отношенію къ волчьей расѣ собакъ и въ высшей степени вѣроятенъ по отношенію къ шакаловой. Конечно, обѣ расы должны были возникнуть независимо одна отъ другой, у разныхъ народовъ. Наблюдающіяся въ настоящее время многочисленныя помѣси между этими двумя расами, по всей вѣроятности, возникли позднѣе.

Съ большой вѣроятностью нужно допустить также, что и въ одомашненіи кошки играла существенную роль довѣрчивость самого животнаго къ человѣку, со стороны котораго оно пользовалось въ Египтѣ, т. е. именно въ мѣстѣ своего одомашненія, особеннымъ почитаніемъ, а слѣдовательно и безопасностью.

Что касается культуры растеній, то начало ея для насъ гораздо легче объяснимо, чѣмъ начало одомашненія животныхъ. Сохранившіяся еще въ настоящее время полудикія человѣческія племена своимъ образомъ жизни достаточно освѣщаютъ намъ этотъ процессъ. Отъ собиранія корней, плодовъ и сѣмянъ дико ростущихъ растеній они совершенно незамѣтно переходятъ къ посадкѣ или посѣву этихъ растеній вблизи своего жилья, а отсюда уже недалеко и до настоящей культуры, которая несомнѣнно вызывалась нуждой, т. е. недостаточнымъ количествомъ пригодныхъ для употребленія въ пищу дико ростущихъ растеній при увеличеніи человѣческаго населенія въ данной мѣстности. Избытокъ даровъ природы составляетъ несчастіе для человѣка. Получая все, необходимое для самыхъ насущныхъ его потребностей, почти безъ всякаго труда, онъ не имѣетъ надобности изощрять свой умъ, а потому и потребности его остаются цѣлыми тысячелѣтіями все на одномъ и томъ же самомъ низкомъ уровнѣ. Оттого то культурныя растенія вырабатывались преимущественно такими народами, которые жили въ не особенно богатыхъ растительностью странахъ. При этомъ первоначальная дикая форма растенія нерѣдко современемъ терялась и оно оказывалось существующимъ только въ культурномъ состояніи, подобно тому, какъ мы это видимъ и относительно многихъ животныхъ. По А. Декандолю, изъ 157 перечисленныхъ у него наиболѣе распространенныхъ культурныхъ растеній 32 совершенно неизвѣстны въ дикомъ состояніи и относительно 40-ка въ этомъ отношеніи существуетъ сомнѣніе. Другіе же авторы число извѣстныхъ исключительно только въ культурномъ состояніи растеній считаютъ гораздо большимъ. Это показываетъ, что начало воздѣлыванія главнѣйшихъ нашихъ культурныхъ растеній относится къ чрезвычайно отдаленному времени. Дѣйствительно, уже у обитателей тѣхъ изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ, которыя принадлежатъ дометаллическому (неолитическому) періоду, мы встрѣчаемъ нѣсколько сортовъ пшеницы и ячменя, просо, горохъ, макъ и ленъ, причемъ волокна послѣдняго уже употреблялись для выдѣлки грубыхъ тканей. Въ теченіе же бронзоваго періода появились рожь и овесъ. То, что выше было высказано от-

носительно обезпеченія существованія данной животной формы ея одомашненіемъ и относительно постепеннаго увеличенія самаго количества домашнихъ животныхъ, сохраняетъ свою справедливость и по отношенію къ растеніямъ. Здѣсь мы даже еще гораздо яснѣе можемъ видѣть какъ постепенное исчезаніе многихъ растеній, которыя хорошо произрастаютъ лишь въ незаселенной странѣ, а въ странахъ земледѣльческихъ вытѣсняются другими формами, покровительствуемыми человѣкомъ, такъ и въ особенности постоянное увеличеніе числа культурныхъ растеній. Извѣстно, напримѣръ, что кормовыя травы и медоносныя растенія стали воздѣлываться лишь съ недавнихъ временъ и что количество ихъ постоянно увеличивается.

Какая же судьба ожидаетъ тѣхъ животныхъ и тѣ растенія, которыя останутся навсегда въ своихъ естественныхъ условіяхъ существованія, т. е. не подчинятся человѣческой культурѣ въ той или другой формѣ? Несомнѣнно, что громаднѣйшее большинство ихъ должно будетъ совершенно исчезнуть съ лица земли, если только въ самомъ направленіи дѣятельности человѣка не произойдетъ какой либо коренной перемѣны. Исчезнутъ не только вредныя для человѣка крупныя формы, потому что будутъ сознательно истреблены человѣкомъ, но также и многія другія, просто потому, что съ численнымъ увеличеніемъ человѣка и покровительствуемыхъ имъ животныхъ и растеній, для прочихъ живыхъ существъ не останется ни свободнаго мѣста на землѣ, ни свободной пищи. Весь приходъ и расходъ въ круговоротѣ живого вещества подвергнется контролю и строгому учету человѣка. Все, что человѣкъ признаетъ для себя полезнымъ, сдѣлается ручнымъ или культурнымъ; все, что онъ признаетъ для себя вреднымъ, и даже многое изъ того, о сохраненіи чего человѣкъ просто лишь своевременно не позаботится, исчезнетъ само собою. Спрашивается, о какихъ же именно формахъ, животныхъ и растительныхъ, дикихъ еще въ настоящее время, человѣкъ долженъ заботиться? Конечно, прежде всего о тѣхъ, которыя для него полезны.

Но мы знаемъ въ настоящее время, что ни абсолютно вредныхъ, ни абсолютно полезныхъ животныхъ и растеній не существуетъ. Вопросъ о томъ, къ какой категоріи слѣдуетъ отнести то или другое живое существо, по отношенію ко многимъ изъ нихъ оказывается въ высшей степени труднымъ для разрѣшенія. Дѣло въ томъ, что многія изъ нихъ, даже почти всѣ, будучи полезными въ одномъ какомъ нибудь отношеніи, оказываются вредными въ другомъ. Напр., крупныя дикія растительноядныя млекопитающія, такія какъ различные виды оленей, дикихъ козъ, овецъ, антилопъ и т. п., хотя и приносятъ человѣку нѣкоторую пользу, потому что доставляютъ ему мясо и кожи, но они же приносятъ и несомнѣнный вредъ, потому что портятъ травяную и лѣсную растительность, не говоря уже о посѣвахъ. Тамъ, гдѣ имѣется много растительности, развивающейся помимо заботъ человѣка и потому мало имъ цѣнимой, эти животныя еще могутъ существовать; тамъ же, гдѣ большая часть пространства занята посѣвами или лѣсными насажденіями, эти животныя совершенно не терпятся человѣкомъ, потому что приносятъ ему больше вреда, чѣмъ пользы. Между тѣмъ, тутъ же рядомъ, въ этихъ же культурныхъ странахъ прекрасно живутъ домашніе родичи этихъ животныхъ и приносятъ человѣку громадную пользу. Это же относится и ко многимъ хищнымъ животнымъ. Дикія кошки и хорьки вредны, а въ одомашненномъ состояніи тѣ же животныя оказываются полезными. Волкъ и шакалъ вредны, а происходящая отъ нихъ собака—одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей человѣка. Но если дать той же собакѣ одичать (что и въ дѣйствительности наблюдалось во многихъ мѣстахъ), то она становится еще вреднѣе волка. Дикіе кабаны безусловно вредны, а безъ домашней свиньи почти невозможно представить себѣ деревенскаго хозяйства.

ОТПЕЧАТАН

Даже безпозвоночныя животныя въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія, потому что единственное вполнѣ одомашненное насѣкомое, полезнѣйшій тутовый шелкопрядъ, взятъ человѣкомъ изъ вреднѣйшей для лѣсоводства и садоводства группы бабочекъ. Изъ этого видно, что вредъ, причиняемый намъ такъ называемыми „вредными животными“, за исключеніемъ, можетъ быть, только человѣческихъ паразитовъ и нѣкоторыхъ другихъ, во всякомъ случаѣ немногочисленныхъ формъ, зависитъ не отъ основныхъ свойствъ этихъ животныхъ, а лишь отъ того, что они остаются въ дикомъ состояніи. Задача человѣка заключается въ томъ, чтобы подчинить себѣ всѣ живыя существа, относительно которыхъ это возможно, урегулировать ихъ питаніе такимъ образомъ, чтобы оно не являлось источникомъ вреда, взять въ руки всю ихъ судьбу отъ зачатія до смерти, однимъ словомъ одомашнить. Что же касается тѣхъ животныхъ и растеній, которыя окажутся вредными при всякихъ условіяхъ, то они, конечно, должны быть истреблены, но не столько механическими или химическими пріемами, сколько посредствомъ разумно направленной дѣятельности тоже живыхъ существъ. Такіе пріемы, какъ убиваніе, отравленіе и т. п., имѣютъ смыслъ только по отношенію къ немногимъ животнымъ и по всей вѣроятности современемъ совсѣмъ будутъ забыты. Съ большинствомъ нашихъ враговъ бороться гораздо дешевле и проще посредствомъ покровительства тѣмъ животнымъ, которыя ихъ поѣдаютъ, или посредствомъ зараженія ихъ подходящими паразитами, животными или растительными, или даже только посредствомъ регулированія и содѣйствія дѣятельности паразитовъ, которые и безъ того уже свойственны данному животному. Примѣръ тщательно изучаемыхъ въ послѣднее время вредныхъ прямокрылыхъ (саранчи, прусика, кобылки) показываетъ, какъ много есть у человѣка союзниковъ, съ которыми ему стоитъ лишь познакомиться, для того чтобы воспользоваться ихъ услугами.

Благодаря трудамъ цѣлаго ряда изслѣдователей, изъ которыхъ въ особенности слѣдуетъ назвать І. А. Порчинскаго, въ настоящее время извѣстно по крайней мѣрѣ нѣсколько десятковъ паразитовъ кобылки, отчасти мухъ (многія живородящія мухи и жужжалы), отчасти жуковъ (нарывники и шпанки), отчасти грибовъ. Дѣятельностью ихъ чрезмѣрно размножившіяся кобылки всегда по истеченіи нѣкотораго времени вновь уничтожаются, такъ что человѣку остается только направлять и помогать дѣятельности этихъ паразитовъ. А сколько еще есть у насъ союзниковъ, которые еще ждутъ того, чтобы мы воспользовались ихъ услугами, это выяснится только современемъ.

Для того чтобы достигнуть намѣченныхъ задачъ, нужно долго и много изучать все живое, что насъ окружаетъ, и щадить, и беречь его, стараясь постепенно выяснить, какую пользу, прямую или косвенную, можно извлечь изъ того или другого живого существа. Это особенно важно здѣсь, въ Сибири, гдѣ пока еще существуетъ немало животныхъ, уже исчезнувшихъ или готовыхъ исчезнуть въ болѣе населенныхъ странахъ. Вотъ почему мѣстное сельскохозяйственное общество одной изъ главнѣйшихъ своихъ заботъ ставитъ изученіе современнаго состоянія края и опыты, касающіеся возможныхъ въ немъ улучшеній.

Итакъ, вліяніе человѣка должно распространиться на все живое. Но, спрашивается, останется ли этотъ живой міръ по своимъ внѣшнимъ признакамъ тѣмъ же, какимъ мы знаемъ его теперь, или онъ будетъ состоять уже изъ другихъ, изъ новыхъ существъ? Послѣ того, какъ нѣсколько разъ уже упоминалось о сохраненіи животныхъ отъ гибели посредствомъ одомашненія, такой вопросъ, можетъ быть, покажется неожиданнымъ и страннымъ. Однако, его нельзя обойти. Дѣло въ томъ, что въ культурномъ состояніи и растенія, и животныя измѣняются и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше продолжается

ихъ культура. Упомянутыя выше породы хлѣбныхъ растеній изъ неолитическаго періода преставляютъ не тѣ сорта, которые культивируются въ настоящее время. Колосъ ихъ былъ меньше и жиже (рыхлѣе), зерна мельче. Измѣнчивость огородныхъ растеній и цвѣтовъ такъ велика, что даже въ теченіе одной человѣческой жизни удается вырабатывать совершенно новые сорта, и указаніе на это сдѣлалось избитымъ мѣстамъ. У животныхъ, точно также, при переходѣ ихъ въ домашнее состояніе замѣчаются постоянно извѣстныя перемѣны, среди которыхъ особенно обращаетъ на себя вниманіе непостоянство тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, которые у дикихъ формъ представляютъ уклоненія лишь въ исключительныхъ случаяхъ: окраска наружныхъ покрововъ становится измѣнчивой, особенно часто развиваются бѣлый и черный цвѣта, длина и густота волосъ также легко мѣняются, варіаціи въ общихъ размѣрахъ тѣла и въ относительной длинѣ конечностей достигаютъ громадной степени, лицевая часть черепа въ очень многихъ случаяхъ укорачивается. Къ этому еще нужно прибавить, что помѣси между домашними животными, а въ особенности между домашними и дикими особями разныхъ половъ и разныхъ, хотя и близкихъ между собою, видовъ, происходятъ легче, чѣмъ между представителями разныхъ, хотя бы и близкихъ между собою, дикихъ видовъ. Такимъ образомъ, путемъ вліянія съ одной стороны особенностей домашняго образа жизни, съ другой—путемъ скрещиванія, получаются все большія и большія отклоненія отъ той первоначальной дикой формы, которая съ самаго начала была приручена. Въ настоящее время не найдется можетъ быть ни одного домашняго млекопитающаго, которое происходило бы отъ одной только дикой формы. Не говоря уже о собакѣ, которая въ этомъ отношеніи сдѣлалась классическимъ примѣромъ, потому что въ числѣ ея предковъ считаютъ не только упомянутыхъ уже волка и шакала, но и нѣсколькихъ другихъ родственныхъ

имъ формъ, то же самое явленіе представляютъ быки, овцы, кошки и очень многія изъ прочихъ домашнихъ животныхъ, какъ млекопитающихъ, такъ и другихъ. Домашній быкъ, напримѣръ, какъ уже было упомянуто, по общепринятому въ настоящее время взгляду, происходитъ отъ первобытнаго быка (Bos primigenius), но нѣкоторые признаки указываютъ на примѣсь въ немъ крови и бизона (Bison priscus), хотя этотъ послѣдній, насколько извѣстно, въ домашнемъ состояніи никогда не находился. Въ новѣйшее же время неоднократно наблюдались также помѣси домашняго быка съ яккомъ и нѣкоторые мѣстные сельскіе хозяева увѣряли меня, что подобныя помѣси, въ разныхъ степеняхъ, встрѣчаются далеко не рѣдко въ Томской губерніи, но такъ какъ примѣсь крови якка наблюдается чаще всего лишь въ отдаленной степени родства, то требуется опытный глазъ, чтобы ее замѣтить.

Вотъ эта то измѣнчивость животныхъ въ домашнемъ состояніи и служитъ причиной того, что первоначальная родоначальническая форма современемъ очень часто теряется изъ виду и не только въ томъ случаѣ, когда она дѣйствительно вымираетъ, но и въ томъ случаѣ, когда она еще продолжаетъ существовать. Часто мы ее видимъ и знаемъ, но съ перваго взгляда не признаемъ за предка одного изъ тѣхъ животныхъ, которыя живутъ у насъ въ домашнемъ состояніи. Выходитъ такимъ образомъ, что путемъ одомашненія человѣкъ не просто обезпечиваетъ будущее существованіе потомству дикихъ животныхъ и растеній, но и превращаетъ его въ новыя формы. Здѣсь, однако, нѣтъ ничего ни неожиданнаго, ни печальнаго. Всѣ живыя существа все равно измѣняются, частью вымираютъ, частью вырабатываютъ новыя формы жизни. Человѣкъ лишь направляетъ эти перемѣны сообразно своимъ цѣлямъ. Человѣкъ есть тоже часть природы и имѣетъ не меньшее право измѣнять живой міръ, чѣмъ тѣ физико-географическія и біологическія силы, которыя такъ долго уже измѣняли его

© ГПИБ СОВРАТ

въ прошедшіе геологическія періоды. Извѣстный англійскій богословъ и натуралистъ, Генри Друммондъ, отмѣчая достигнутое въ настоящее время человѣкомъ исключительное положеніе среди другихъ живыхъ существъ на землѣ, заканчиваетъ свое изложеніе слѣдующими прекрасными строками: „Отнынѣ человѣкъ долженъ заботиться объ эволюціи точно такъ же, какъ до сихъ поръ онъ былъ на ея попеченіи. Отнынѣ его отборъ долженъ стать на мѣсто отбора естественнаго; его сужденіе должно руководить борьбой за жизнь; его воля должна опредѣлять для каждаго растенія на землѣ, должно ли оно цвѣсти или блекнуть, для каждаго животнаго, должно ли оно возростать, или измѣняться, или вымереть“.

Но какъ же появилась, изъ какого зародыша развилась эта достигшая столь необычной силы способность человѣка измѣнять ходъ естественнаго существованія и развитія окружающихъ его животныхъ и растеній? Не присуще ли что нибудь подобное и другимъ существомъ?

Да, хотя для нашего самомнѣнія было бы гораздо пріятнѣе думать, что способность господствовать надъ другими живыми существами представляетъ нѣчто совершенно особое, стоящее внѣ прочихъ явленій природы и выдѣляющее насъ изъ ряда ея объектовъ, но факты прежде всего, и эти факты показываютъ намъ, что эта способность принадлежитъ далеко не намъ однимъ. Она почти такъ же стара, какъ міръ и какъ все живое, потому что уже у низшихъ животныхъ и растеній наблюдаются очень часто такого рода явленія, что одна форма подчиняетъ себѣ другую и живетъ вмѣстѣ съ ней, оказывая ей покровительство въ томъ или другомъ отношеніи и взамѣнъ того пользуясь отъ нея тоже какими либо выгодами. Правда, во многихъ случаяхъ эти явленія, извѣстныя въ наукѣ подъ названіемъ симбіоза или сожительства, наблюдаются при такихъ обстоятельствахъ, что ихъ очень трудно, даже невозможно, сравнивать съ одомашненіемъ. Но

по отношенію къ нѣкоторымъ высоко организованнымъ и одареннымъ психическими способностями насѣкомымъ такое сравненіе не только возможно, но прямо напрашивается само собой. Извѣстно напримѣръ, что у многихъ муравьевъ существуютъ такъ называемые мирмекофилы, т. е. живущія вмѣстѣ съ ними животныя (преимущественно насѣкомыя, особенно часто жуки) и мирмекофиты, т. е. растенія, которыми муравьи пользуются для своихъ цѣлей и о которыхъ они заботятся на подобіе того, какъ мы заботимся о нашихъ культурныхъ растеніяхъ. Тщательная охрана муравьями полезныхъ для нихъ растеній, удаленіе сорныхъ травъ, ростущихъ между ними, собираніе зеренъ и просушка ихъ при случайной подмочкѣ доказаны совершенно точно. Что же касается производства муравьями умышленныхъ посѣвовъ, то въ этомъ отношеніи еще не всѣ изслѣдователи согласны. Изъ числа многихъ сотень, даже тысячъ, извѣстныхъ въ настоящее время мирмекофиловъ многіе навѣрно играютъ роль паразитовъ, назначеніе другихъ пока не выяснено. Но есть не мало и такихъ животныхъ, сожительствующихъ съ муравьями, которыя безъ сомнѣнія играютъ у нихъ роль нашихъ домашнихъ животныхъ. Сюда относятся не только тли, доставляющія муравьямъ особый сладкій сокъ, вырабатываемый въ ихъ тѣлѣ, и пользующіяся явнымъ покровительствомъ и уходомъ со стороны муравьевъ то внѣ муравейника, то въ немъ самомъ, но и нѣкоторые жуки. Такъ, маленькій жучекъ, называемый безглазикомъ или ощупникомъ (Claviger), регулярно нигдѣ не встрѣчается, кромѣ муравейниковъ. Онъ слѣпъ и едва ли можетъ самостоятельно питаться. По крайней мѣрѣ, обыкновенно его питаютъ муравьи, пользуясь отъ него зато выдѣляемой его тѣломъ особой жидкостью, составъ и роль которой съ точностью неизвѣстны, но которую во всякомъ случаѣ муравьи охотно поѣдаютъ. Едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что это животное про-

ОТПЕЧАТОК

зошло отъ формы, бывшей когда то дикой, т. е. независимой отъ муравьевъ; но въ настоящее время оно уже настолько измѣнилось, что иначе и не встрѣчается, какъ только въ видѣ домашняго животнаго муравьиной культуры.

Но насколько умственныя способности человѣка выше муравьиныхъ, настолько же выше и человѣческая культура. До новѣйшаго времени люди даже не замѣчали и не хотѣли допустить мысли, чтобы еще какія либо другія существа земнаго шара могли бы идти по одному пути съ ними и тоже заявлять свои права на господство надъ другими живыми существами. И если когда нибудь въ будущемъ человѣку прійдется столкнуться съ чуждой ему, хотя можетъ быть такой же древней, земной, но не человѣческой культурой, то мы можемъ быть спокойны: побѣда останется за человѣкомъ.

Слишкомъ сильно его орудіе борьбы, для того чтобы что либо на землѣ могло ему противустоять. Архимедъ говорилъ, что если бы ему дали точку опоры, то онъ бы сдвинулъ земной шаръ съ его мѣста. Но въ механическомъ смыслѣ сдвигать земной шаръ нѣтъ надобности, потому что онъ и безъ того движется. Другое дѣло сдвинуть съ прежняго пути общій порядокъ развивающейся на немъ жизни и дать ему новое направленіе. Задача достойная человѣка. И точка опоры для этого была у Архимеда: она называется разумомъ. Не было лишь пригоднаго рычага, потому что въ то время онъ былъ еще слишкомъ малъ и слабъ. Съ тѣхъ поръ онъ выросъ и окрѣпъ. Этотъ рычагъ называется знаніемъ. Съ нимъ человѣкъ можетъ направить дальнѣйшій ходъ окружающей его жизни по своему усмотрѣнію, если только, нужно прибавить, въ состояніи человѣческой культуры не произойдетъ упадка. А этого нельзя знать съ увѣренностью. Не одна культура уже погибла, оставивши одни обломки, послужившіе лишь отчасти матеріаломъ для возникновенія новыхъ культуръ. И если въ настоящее время, оглядываясь на результаты готоваго окончиться сто-

лѣтія, мы поражаемся необычайными успѣхами техники и головокружительной быстротой развитія человѣческаго знанія, то изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, что и въ будущемъ прогрессъ человѣчества неизбѣжно долженъ идти съ такой же или даже еще большей быстротой. Самъ собой онъ не пойдетъ. Стоитъ только успокоиться на полученныхъ результатахъ, забыть о томъ, что размѣры извѣстнаго намъ теряются передъ безконечностью неизвѣстнаго, что несомнѣнно возможны еще многочисленныя, хотя пока еще намъ неизвѣстныя, улучшенія въ экономическомъ положеніи человѣка, и тогда возьметъ преобладаніе тотъ мертвящій духъ, который считаетъ полезнымъ лишь то, что уже вошло въ практику и было извѣстно дѣдамъ и прадѣдамъ. Примѣръ современнаго Китая показываетъ наглядно, къ какимъ результатамъ можетъ привести такое направленіе, если оно сдѣлается господствующимъ у цѣлаго народа, и до какой степени оно можетъ уронить нѣкогда передовую цивилизацію. Чтобы развитіе человѣческаго господства надъ организованной природой продолжало и дальше идти по тому же пути, по которому идетъ теперь, но съ бо́льшей цѣлесообразностью и быстротой, необходимы постоянно новыя наблюденія надъ живой природой и опыты съ цѣлью изысканія новыхъ средствъ воздѣйствія на нее, опыты легкіе и трудные, удачные и неудачные. Да, и неудачныя попытки приносятъ свою долю пользы, потому что онѣ тоже расширяютъ предѣлъ человѣческаго знанія и поддерживаютъ пытливость,—тотъ священный огонь, который часто жжетъ самого его обладателя, но которымъ зато человѣкъ отличается отъ животнаго.

ОТПЕЧАТОВАН

Томская губернія въ районѣ желѣзной дороги между рр. Обью и Чулымомъ (по даннымъ изслѣдованій 1892—95 гг.).

Проф. А. М. Зайцева.

Мм. Гг.! я позволю себѣ сегодня остановить ваше вниманіе на районѣ, составляющемъ, правда, лишь небольшую часть (1/12) площади нашей обширной губерніи, однако занимающемъ пространство до 60,000 кв. верстъ*). Будучи расположенъ между 52°55′—60°10′ в. д. и 56°55′—54°35′ с. ш., районъ этотъ граничитъ на востокѣ съ рр. Чулымомъ и Урюпомъ, совпадающими частью съ границей губерніи, на сѣверѣ—съ линіей, проведенной отъ с. Больше-Улуйскаго на Чулымѣ (100 вер. ниже г. Ачинска) къ устью Кандата, праваго притока Чети; по этой послѣдней до устья; отсюда—къ с. Ишимскому на иркутскомъ трактѣ, по тракту до с. Семилужнаго и къ устью Томи. На западѣ границей района является Обь отъ устья Томи до с. Дубровиной, на югѣ—линія Дубровина—Варюхина—р. Томь (отъ устья Сосновки до с. Банновой)—верховья рр. Кіи и Урюпа.

Площадь эта, какъ мы видимъ, вытянута въ западно-восточномъ направленіи, достигая здѣсь наибольшей длины 480 верстъ и наименьшей—350 верстъ; въ направленіи съ С на Ю районъ значительно уже (наиб. ширина—250 в., наим. ш.—100 в.). Въ восточной части изслѣдованной области рельсовый путь проходитъ ближе къ границѣ послѣд-

*) См. прилагаемую карту.

© ГПНТБ СОРАН

ней, тогда какъ западнѣе направляется приблизительно по срединѣ района, уклоняясь отъ Маріинска на ЮЗ и приближаясь снова къ окраинѣ нашей площади.

Характеръ рельефа позволяетъ намъ раздѣлить районъ на двѣ части: сѣверную, равнинную и южную, гористую.

Первая производитъ на васъ впечатлѣніе однообразія, простоты, несложности своего рельефа, абсолютныя высоты отдѣльныхъ пунктовъ мѣстности не превышаютъ здѣсь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ водораздѣловъ, 200 метровъ.

Не то замѣчаете вы въ южной части района, занятой отрогами Кузнецкаго Алатау, гдѣ высоты колеблются отъ 200 до 500 метровъ, иногда болѣе (наивысшій изъ опредѣленныхъ нами барометрически пунктовъ—гора Алатага—достигаетъ 741,3 м. абс. выс.).

Если сѣверная часть района обнимаетъ собою область культурно-земледѣльческой полосы и частію тайги, то южная—главнѣйше этой послѣдней.

Не входя ближе въ разсмотрѣніе рельефа гористой части, котораго мы коснемся далѣе, говоря о пріисковой тайгѣ, мы укажемъ теперь въ общемъ на характеръ отдѣльныхъ участковъ въ предѣлахъ сѣверной части района.

На западѣ, между Обью и Томью, въ этой области обширнаго развитія сосновыхъ боровъ, вы встрѣчаетесь съ довольно слабо выраженнымъ холмистымъ характеромъ водораздѣла со стороны Оби и нѣсколько болѣе рѣзко обозначеннымъ къ Томи. За послѣднею, ближе къ верховьямъ правыхъ притоковъ ея: Ушайки, Басандайки и др., начинается область Алтайской тайги, охватывающей собою и лѣвые притоки Мазаловскаго Китата: Катать, Куербакъ и проч. Заходя сюда съ юга, изъ Алтайскаго округа, тайга эта тянется къ сѣверу—къ иркутскому тракту, гдѣ сливается съ Томско-Чулымскою тайгою, широко раскинувшейся между низовьями Томи, Обью и Чулымомъ.

Восточную границу Алтайской тайги составляетъ Мазаловскій Китатъ. Мрачна и глуха эта тайга съ ея пихтачемъ и кедромъ, смѣняющимися мѣстами березнякомъ и осинникомъ, съ ея болотами, съ ея поистинѣ дѣвственной природою, куда такъ тянетъ охотника—звѣролова и гдѣ находитъ себѣ укромный пріютъ піонеръ здѣшней тайги—кержакъ.

Ближе къ Яѣ мѣста становятся чище, появляются пашни, перемежающіяся къ востоку отсюда, въ области лѣвыхъ притоковъ Кіи: Антибеса и нѣк. др., съ остатками сосновыхъ боровъ, часть которыхъ уже выкорчевана подъ пашню, другая—составляетъ еще собственность тайги. Вдоль рѣчекъ полосой протянулись здѣсь болота, изъ которыхъ наибольшее—Антибесское болото—достигаетъ въ самой узкой части своей, пересѣченной линіей желѣзной дороги, до 3 верстъ ширины.

Далѣе къ востоку, по ту сторону Кіи, ниже Маріинска, къ устью Чети далеко тянутся сосновые бора, смѣняющіеся еще восточнѣе пихтово-кедровою тайгой—Кійско-Чулымскою, занимающею обширное пространство между Кіей, Чулымомъ и иркутскимъ трактомъ.

Но вотъ мы—и у восточной границы района, Чулыма, гдѣ наша равнина, однообразіе которой нарушается лишь указаннымъ измѣненіемъ характера растительнаго покрова, да смѣною тайги и культурныхъ участковъ, какъ-бы обрѣзана названною рѣкою, по ту сторону которой, въ видѣ рѣзкаго контраста съ лѣвымъ берегомъ Чулыма, покрытымъ пашнями, съ разсѣянными повсюду заимками, проходитъ таежный хребетъ Гремячихинъ или Арга. Отсюда, на смѣну равнины выступаетъ, тянущаяся далѣе къ востоку, плоская возвышенность, форпостомъ которой является Арга.

Обратимся теперь къ гидрографіи изслѣдованной мѣстности, обнимающей собою часть теченія Оби и системы Томи, системы Яи и Кіи и часть теченія Чулыма.

Говоря о характерѣ рѣкъ и многочисленныхъ рѣчекъ,

орошающихъ нашъ районъ, естественнѣе всего пріурочить обзоръ этотъ къ различаемымъ нами сѣверной и южной частямъ района.

Въ верховьяхъ своихъ рр. Я и Кія, съ притоками первой: Барзасомъ, Кельбесомъ, Золотымъ Китатомъ, съ вливающимся въ Кію—Большимъ Кожухомъ и нѣкоторыми другими, являются настоящими горными потоками со всѣми присущими имъ особенностями.

Лѣтомъ, въ засуху, лишь съ трудомъ поднимаетесь вы по слабо бѣгущему потоку, низведенному почти до ручья, нужно не мало усилій и умѣнья для того, чтобы лодка прошла, не задѣвъ о камни, которые въ такомъ изобиліи встрѣчаются здѣсь. Если вы спускаетесь внизъ по рѣкѣ, какова, напр., Кія, то спокойно текущая среди отвѣсныхъ скалъ, то переходящая ниже, на „переборахъ“, въ быстро бѣгущій съ ревомъ потокъ, разбивающійся на части среди выставляющихся изъ рѣки камней, пороговъ и пр., опасности растутъ, для сплава приходится прибѣгнуть къ плоту, руководимому опытной, умѣлой рукою. Послѣ дождя всѣ эти рѣки, даже самыя малыя изъ нихъ, быстро переполняются водою и становятся положительно неузнаваемы. Камней уже не видно: они покрыты ревущимъ потокомъ, мѣсто удобное для брода затруднительно найдти и вы должны поневолѣ идти, подчасъ съ нѣсколькими вьючными лошадьми (плаваніе въ лодкѣ или на плоту по нѣкоторымъ изъ нашихъ рѣкъ невозможно), по довольно крутому откосу берега въ надеждѣ, что, можетъ быть, вскорѣ представится возможность болѣе удобнаго перехода на другой, отлогій берегъ рѣки. Но и этимъ еще не заканчиваются трудности здѣшняго пути: приходится иногда, въ виду новыхъ преградъ, вернуться назадъ и выбрать боковой путь для того, чтобы выйдти снова къ рѣкѣ тамъ, гдѣ дальнѣйшее передвиженіе по ней, хотя съ трудомъ, но все-же возможно. Таковы были Б. Кожухъ и его притокъ, Шалтырь-Кожухъ, въ дождливое лѣто 1894 года.

Гораздо болѣе спокойными представляются Я и Кія въ нижнихъ частяхъ теченія: первая—отъ с. Шегарки, вторая—отъ с. Чумайскаго внизъ по рѣкѣ. То-же слѣдуетъ сказать и о лѣвыхъ притокахъ Кіи—Чубулахъ, Антибесѣ и проч.: это—рѣки равнинной части района.

Однообразный характеръ рельефа послѣдней какъ-бы несутъ на себѣ и эти, орошающіе ее, потоки, прихотливо извивающіеся среди широкихъ мѣстами поймъ, съ обильно разсѣянными по нимъ старицами, озерами, курьями.

Невелико разнообразіе геологическаго строенія мѣстности, раскрываемаго подмываемыми рѣкою поочередно берегами, число самыхъ обнаженій ограниченно, да и тѣ гармонируютъ съ общимъ фономъ картины.

Это--частью современныя, рѣчныя или озерно-болотныя (торфъ) отложенія, частью образованія болѣе древняго геологическаго возраста (послѣтретичнаго и третичнаго). Къ первымъ принадлежатъ отложенія заливной равнины (нижней терассы) и надлуговой (средней) терассы. Еще выше надъ уровнемъ рѣки, въ видѣ третьяго уступа берега, располагается верхняя терасса—болѣе древняго образованія, чѣмъ предыдущія.

Таковы отложенія, наблюдаемыя въ обнаженіяхъ береговъ Оби, Томи, Яи, Кіи, Чулыма, въ предѣлахъ разсматриваемой части района.

Наиболѣе полными являются обнаженія новѣйшихъ образованій по Оби, третичныхъ—по Яѣ, Чети, Чулыму.

Высокіе берега Оби знакомятъ насъ съ составомъ верхней терассы, сложенной изъ бурыхъ песчаныхъ глинъ, смѣняющихся ниже слоистыми песками, уступающими, въ свою очередь, мѣсто залегающимъ еще ниже, ближе къ уровню рѣки, синимъ глинамъ. Въ верхнихъ глинахъ и частью въ пескахъ мы встрѣчаемъ мѣстами раковины наземныхъ и прѣсноводныхъ моллюсковъ, мѣстами же, на спаѣ между упомянутыми

породами, кости, зубы и пр., принадлежащіе жившимъ въ то время мамонту, носорогу и нѣкоторымъ другимъ.

Въ случаѣ совмѣстнаго развитія только что указанныхъ послѣтретичныхъ образованій и третичныхъ осадковъ, какъ это наблюдается, напр., по Чулыму и пр., послѣдніе залегаютъ ниже. Петрографическій составъ ихъ довольно однообразенъ, органическіе остатки въ этихъ пластахъ почти отсутствуютъ.

Породы третичной толщи—пески, песчаники, переходящіе въ конгломераты, глины.

Полезными ископаемыми—рудами и породами, имѣющими примѣненіе для нуждъ практической жизни,—сѣверная часть нашего района небогата: это—бурый желѣзнякъ, глинистый сферосидеритъ, бѣлая глина, песокъ, песчаникъ.

Первый встрѣченъ въ видѣ гнѣздъ и прослоекъ въ пластическихъ глинахъ по Золотому Китату; въ бурыхъ глинахъ окрестностей с. Лебедянскаго—по р. Алчедату; въ песчаникахъ верховьевъ Куербака; въ пескахъ по Оби—выше с. Киѣвскаго. Глинистый сферосидеритъ попадается въ глинахъ по Яѣ, Кіѣ и др.; бѣлая глина служитъ предметомъ добычи крестьянами для продажи и мѣстныхъ потребностей (Мазаловскій Китатъ около дер. Баранцевой; Кія—около дер. Улукуль и пр.). Что касается, далѣе, песка, то разработки послѣдняго извѣстны въ различныхъ пунктахъ: за дер. Песчанкой, въ Казычакскомъ бору (около дер. Петровки) и др.; песчаникъ для бутовой кладки*) добывается въ горахъ Арчикашъ около Маріинска и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, для жернововъ—около Китатскаго зимовья.

Южная часть изслѣдованнаго района по геологическому строенію представляется гораздо болѣе сложною, породы утра-

*) Матеріалъ, пригодный для облицовки устоевъ желѣзно-дорож. моста чрезъ Кію у Маріинска и нѣк. др. здѣсь отсутствуетъ и доставлялся изъ карьеровъ, расположенныхъ верст. въ 50 отъ линіи, въ южной части района.

чиваютъ здѣсь столь свойственное имъ въ сѣверной части горизонтальное залеганіе пластовъ, наклоненныхъ теперь подъ болѣе или менѣе значительнымъ угломъ къ горизонту, нерѣдко стоящихъ вертикально. Разнообразіе самыхъ породъ растетъ все болѣе, по мѣрѣ того какъ приближаетесь вы къ южной окраинѣ нашей области, находитесь, такъ сказать, уже въ виду самого Алатау. Здѣсь все, начиная съ рельефа мѣстности и кончая ея породами, говоритъ о рядѣ глубокихъ измѣненій, которымъ подвергалась мѣстность въ теченіе длиннаго періода времени. Измѣненія эти коснулись не только залеганія пластовъ осадочныхъ породъ, но и самаго характера разнообразныхъ изверженныхъ породъ, мѣстами измѣненныхъ физически и химически до полной неузнаваемости, въ чемъ нельзя не видѣть проявленія дислокаціи какъ результата горообразовательныхъ процессовъ, связанныхъ съ поднятіемъ Алатау.

Какъ все здѣсь непохоже на растилающуюся къ сѣверу отсюда равнину, съ ея несложнымъ геологическимъ составомъ, столь-же однообразнымъ, какъ и сама она, безъ перемѣнъ на десятки и сотни верстъ!

Разсмотримъ теперь нѣсколько ближе геологическое строеніе южной части района, гдѣ, кромѣ новѣйшихъ (послѣтретичныхъ) золотосодержащихъ наносовъ*), развиты морскія и наземныя образованія древняго возраста (девонскія и каменноугольныя), рядомъ съ массивными и слоистыми кристаллическими породами, пріобрѣтающими мѣстами исключительное развитіе.

Девонскіе осадки представлены здѣсь песчаниками, конгломератами и нѣкоторыми другими породами, съ прослоями известняка, содержащаго остатки моллюсковъ и коралловъ того времени.

Каменноугольныя образованія нашей мѣстности—частью из-

*) Ихъ мы коснемся ниже.

ОНТИГГ СОРАН

вестняки съ остатками морской фауны, частью песчаники и сланцеватыя глины съ пластами каменнаго угля.

Въ юго-восточной части Маріинскаго округа встрѣчены, кромѣ того, отложенія, содержащія бурый уголь, вопросъ о возрастѣ которыхъ, возможно, юрскомъ, остается до нѣкоторой степени открытымъ.

Полезными ископаемыми южная часть района надѣлена въ изобиліи. Кромѣ золота, о которомъ будетъ рѣчь потомъ, здѣсь встрѣчаются, какъ уже упомянуто, бурый и каменный угли, бурый желѣзнякъ, разнообразные строительные матеріалы.

Отложенія съ пластами бураго угля, развитыя въ юго-восточной части Маріинскаго округа, занимаютъ здѣсь площадь, ограниченную на сѣверѣ рр. Сертью и Чулымомъ, на западѣ рч. Каштакомъ, на югѣ—линіей Троицко-Тисульское-Кайчакъ-Б. Пичугина (нѣсколько южнѣе этой линіи); на востокѣ и сѣверовостокѣ угленосныя отложенія соприкасаются съ подобной же толщею Чулымо-Урюпскаго бассейна (Ачинск. окр., Енис. губ.).

Толщина пластовъ бураго угля—отъ $^1/_4$ вершка до 2 слишкомъ аршинъ; онъ залегаетъ въ нѣсколькихъ горизонтахъ среди сланцеватыхъ глинъ и песчаниковъ.

Практическое значеніе этихъ мѣсторожденій едва ли представляется важнымъ, если принять во вниманіе, что открыты мѣсторожденія каменнаго угля у самой линіи желѣзной дороги (около ст. Судженка) и по близости ея, въ окрестностяхъ с. Лебедянскаго. Судя по имѣющимся даннымъ, мѣсторожденіямъ этимъ предстоитъ блестящая будущность. Уголь образуетъ здѣсь нѣсколько пластовъ, изъ которыхъ нѣкоторые являются особенно мощными. По качеству уголь не оставляетъ желать ничего лучшаго, результаты пробъ отопленія паровозовъ этимъ углемъ, повидимому, хороши. Если обратить, далѣе, вниманіе на то, что число мѣсторожденій значительно, то придется признать большой практическій интересъ упомянутыхъ мѣсторожденій. Кромѣ того, каменный уголь встрѣченъ также къ Ю отъ линіи желѣзной дороги (рч. Правая Конюхта и нѣк. др.), гдѣ намѣчается другая площадь, являющаяся сѣвернымъ продолженіемъ угленосныхъ отложеній Кузнецкаго бассейна, съ которымъ, быть можетъ, стоитъ въ связи и указанная ранѣе область распространенія угленосной толщи къ сѣверу отъ линіи. Бурый желѣзнякъ встрѣчается въ видѣ прослоекъ и небольшихъ гнѣздъ въ тальковатыхъ и глинистыхъ сланцахъ (верховья Катата, Куербакъ, ключъ—лѣв. притокъ С. Ушайки и проч.). Близость этихъ мѣсторожденій къ вѣтви отъ магистрала на Томскъ и, повидимому, довольно значительное число ихъ придаютъ имъ нѣкоторое практическое значеніе.

Строительные матеріалы: гранитъ, діабазъ, оливиновый габбро, мраморъ и др. встрѣчены во многихъ пунктахъ южной части нашего района (около дд. Бибѣевой, Заварзиной, Успенки, Александровки и проч.); заложенные здѣсь карьеры дали строителямъ желѣзной дороги возможность воспользоваться названными и др. породами, какъ прекраснымъ матеріаломъ для облицовки устоевъ мостовъ и каменныхъ трубъ по линіи пути. Необходимая для цѣлей постройки дороги известь добывалась около дер. Владимірской по Чулыму и въ др. мѣстахъ. Бросимъ теперь взглядъ на общую картину геологическаго прошлаго нашего района, отмѣтивъ, конечно, лишь важнѣйшіе моменты этого прошлаго.

Около средины палеозойской эры (въ концѣ девонскаго и въ началѣ каменноугольнаго періода) значительная площадь изслѣдованной области покрыта моремъ, оставившимъ по себѣ слѣды въ видѣ отложеній съ остатками тогдашней морской фауны. Въ болѣе или менѣе обособленныхъ озерныхъ и болотныхъ водоемахъ существовавшей уже въ каменноугольный періодъ суши образуются угленосныя отложенія, каковыя условія повторяются, вѣроятно, и въ болѣе новый (юрскій) періодъ для пластовъ, содержащихъ залежи бураго угля.

Отсюда—перерывъ въ отложеніяхъ до третичнаго періода, когда мы застаемъ мѣстность, лежащую къ сѣверу отъ области распространенія палеозойскихъ образованій, покрытою обширнымъ прѣсноводнымъ бассейномъ. Къ этому времени южная часть района (площадь, занятая палеозойскими осадками и кристаллическими породами) представляется уже сушею, на существованіе которой въ сѣверной части района, рядомъ съ упомянутымъ бассейномъ, указываютъ остатки разнообразной наземной флоры того времени, сохранившіеся въ третичныхъ пластахъ по р. Чулыму (около дер. Симановой, верст. въ 50 ниже г. Ачинска).

Въ слѣдующую затѣмъ послѣтретичную эпоху устанавливаются условія еще болѣе близкія къ современнымъ, а вліяніе такихъ факторовъ, какъ вода, воздухъ и др., на сдѣлавшуюся уже давно ареною ихъ разрушительнаго дѣйствія сушу (область развитія кристаллическихъ породъ) ведетъ къ значительному измѣненію рельефа этой области и къ образованію на счетъ разрушенія золотосодержащихъ жилъ и окружающихъ породъ золотоносныхъ розсыпей*). Отсюда—соотношеніе между рельефомъ, геологическимъ строеніемъ и золотоносностью нашей мѣстности. Изслѣдованный пріисковый районъ распадается на двѣ системы: Кельбесскую или систему правыхъ притоковъ Яи: Золотого Китата, Кельбеса, Барзаса, и Кійскую.

Первая характеризуется пологими увалами, прорѣзанными логами и ложками. Увалы эти послужили источникомъ здѣшняго золота, разносившагося отсюда по многочисленнымъ рѣчкамъ, ключамъ и ложкамъ—этимъ естественнымъ покатямъ мѣстности.

То-же—и въ Кійской системѣ. Любая долина рѣчки, гдѣ встрѣчается здѣсь золото, особенно тамъ, гдѣ она славилась

*) На послѣтретичный возрастъ послѣднихъ указываютъ находимые здѣсь нерѣдко остатки мамонта, носорога и проч.

своимъ богатствомъ, каковы, напр., Кундустуюлъ или Кундатъ, говоритъ въ пользу упомянутаго выше соотношенія между характеромъ мѣстности и ея золотоносностью. Полого поднимающіеся склоны названныхъ рѣкъ, чередующіеся съ болѣе высокими увалами, прорѣзанные ложками, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ намъ о продолжительномъ разрушеніи ихъ подъ вліяніемъ нивеллирующихъ факторовъ, а столь частыя перемѣны породъ и болѣе или менѣе сильное измѣненіе послѣднихъ—объ имѣвшихъ здѣсь мѣсто процессахъ превращенія, разложенія.

Розсыпное золото нашей мѣстности имѣло своимъ источникомъ главнѣйше кварцевыя жилы и отчасти конгломераты (Кельбесская система), насколько можно судить объ этомъ по произведеннымъ пробамъ послѣднихъ, указавшимъ, повидимому, на присутствіе въ нихъ золота.

Славная своимъ прошлымъ, составляющимъ эпоху въ исторіи сибирской золотопромышленности (здѣсь открыты впервые золотоносныя розсыпи), наша пріисковая тайга переживаетъ теперь довольно критическое для нея время. Добыча золота, за выработкою наиболѣе богатыхъ розсыпей, значительно здѣсь понизилась: работы ведутся часто лишь по слѣдамъ прежнихъ выработокъ, въ надеждѣ на сохранившіеся мѣстами „цѣлики“; развѣдка почти отсутствуетъ. У золотопромышленника зачастую нѣтъ средствъ, да и умѣнья вести дѣло раціонально.

Не говоритъ ли все это за необходимость измѣненія веденія послѣдняго, за большую правильность постановки дѣла? Золото (розсыпное и рудное) есть въ тайгѣ и теперь, однако добыча его сдѣлалась труднѣе. Раціональная разработка розсыпей и коренныхъ мѣсторожденій дастъ возможность тайгѣ ожить снова.

Намъ думается, что возможность эта придетъ, но лишь при условіи, чтобы будущій предприниматель принесъ съ собой въ тайгу, кромѣ средствъ, еще и знанія. Пусть прове-

деніе рельсоваго пути измѣнить существовавшія доселѣ для тайги условія, создавшія ея печальное настоящее!

Пріисковая тайга, привлекающая ежегодно сотни людей, идущихъ сюда на заработки, уходящихъ и снова возвращающихся въ тайгу, неотразимо вліяетъ на этотъ людъ, налагая особый отпечатокъ и на многихъ другихъ обитателей прилегающихъ къ ней населенныхъ пунктовъ культурно-земледѣльческой полосы. Мы встрѣчали здѣсь этихъ временныхъ обитателей тайги: хищниковъ, извѣстныхъ больше подъ названіемъ „летучки", выходящихъ десятками семей изъ притаежныхъ селеній (главнѣйше изъ с. Чумайскаго) на вольную промывку Кійскаго рѣчнаго песка, старыхъ отваловъ или „цѣликовъ"; —крестьянъ-охотниковъ, проводниковъ по тайгѣ. Подобный крестьянинъ—„таежникъ"—необходимый здѣсь человѣкъ: онъ доставляетъ жизненные припасы на пріискъ, сопутствуетъ золотопромышленнику во время развѣдки и т. д. Да и самъ онъ такъ сроднился съ тайгою, что его невольно тянетъ сюда и онъ лишь временами находитъ досугъ, чтобы управиться съ своей домашней работою, предоставляя послѣднюю большею частью другимъ членамъ семьи. Много еще другихъ людей привлекаетъ временно и постоянно наша тайга*), такъ широко раскинувшаяся, кромѣ пріисковаго района, и въ др. частяхъ изслѣдованной мѣстности.

Рѣки Кійско-Чулымской тайги (Четь и др.) богаты рыбою, сама тайга изобилуетъ звѣремъ, дичью, кедровымъ орѣхомъ; для сбора послѣдняго въ урожайные годы направляются сюда сотни народа. Это—крестьяне изъ Кійскихъ, Чулымскихъ и притрактовыхъ селеній и пр. Они проводятъ здѣсь мѣсяцъ, обыкновенно со средины августа до средины сентября—время сбора орѣха; пріютомъ имъ служатъ частью поставленныя съ этою цѣлью избушки.

*) Алтайская тайга кишитъ, напримѣръ, пасѣками, владѣльцы которыхъ временно или постоянно живутъ здѣсь.

Часть собраннаго орѣха, отдѣленнаго отъ шелухи, хранится въ амбарахъ (лабазахъ) и уже по зимнему пути вывозится въ селенія (чулымскіе ясашные).

Постоянный житель здѣшней тайги селится въ заимкахъ, разбросанныхъ по лѣвому берегу Чети. Въ большинствѣ это—Маріинскіе мѣщане—кержаки, арендующіе здѣсь участки казенной земли подъ пашню, покосы и пр.

Рядомъ съ ними мы встрѣчали здѣсь остяковъ и другой бродячій людъ. Первые пришли сюда съ Оби для охоты на звѣря и остались здѣсь совсѣмъ; лѣтомъ они живутъ въ шалашахъ, переходя съ мѣста на мѣсто, а зимою находятъ себѣ пріютъ на заимкахъ. Только одинъ изъ нихъ имѣетъ постоянное мѣстожительство.

Если прибавить къ сказанному, что ежегодно направляются въ тайгу новые заимщики и все болѣе заселяется прилежащая къ тайгѣ мѣстность (верховья Чети, Яи, и др.) новоселами, то этимъ будетъ отмѣченъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ настоящаго нашей тайги: увеличеніе площади культурно-земледѣльческой полосы на счетъ тайги.

Остановимся теперь нѣсколько на населеніи названной полосы, распадающемся естественно на старожиловъ и новоселовъ.

Первые занимаютъ въ предѣлахъ нашего района преимущественно область Оби, системы Томи и притрактовой полосы; новоселы селятся главнѣйше по Мазаловскому и Золотому Китатамъ, по Алчедату, притокамъ послѣдняго, въ системахъ Антибеса, Чубуловъ, Серти, Тяжина, Чети и Чулыма.

Составъ того и другого населенія не постоянный, а подлежитъ измѣненію вслѣдствіе прихода однихъ и ухода другихъ.

Что касается старожиловъ, то условія жизни ихъ, подъ вліяніемъ прихода новоселовъ, значительно измѣняются. Широко раскинутыя старожильскія пашни съ заимками, благодаря отводу земель подъ переселенческіе участки, все болѣе становятся достояніемъ завиднаго прошлаго; крестьянинъ—

ОТДЕЛ ОБРАН

старожилъ, отвоевавшій десятки лѣтъ тому назадъ эту землю у тайги, долженъ оставить ее и уйдти. Въ другихъ случаяхъ дурное качество земли побуждаетъ старожиловъ покинуть мѣста, занятыя ихъ отцами, и искать другихъ (с. Лебедянское, деревня Емельяновка).

Съ другой стороны, новоселъ, пришедшій сюда въ поискахъ чего-то лучшаго, чѣмъ это было на родинѣ,—часто-ли онъ вполнѣ удовлетворенъ и находитъ себѣ болѣе или менѣе продолжительное пристанище послѣ совершеннаго имъ длиннаго пути и понесеннаго труда при устройствѣ на новомъ мѣстѣ?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ—да: онъ встрѣчаетъ здѣсь приволье, хорошее качество земель (мѣстность между Яей и Золотымъ Китатомъ, между Сулуюломъ и Антибесомъ и нѣкоторыя другія). Намъ случалось, однако, видѣть и обратное (по р. Алчедату, около с. Лебедянскаго), гдѣ качество земли, слишкомъ влажной, способной къ быстрому прорастанію камышемъ и осокою (т. н. заболачиваніе), представлялось совсѣмъ незавиднымъ.

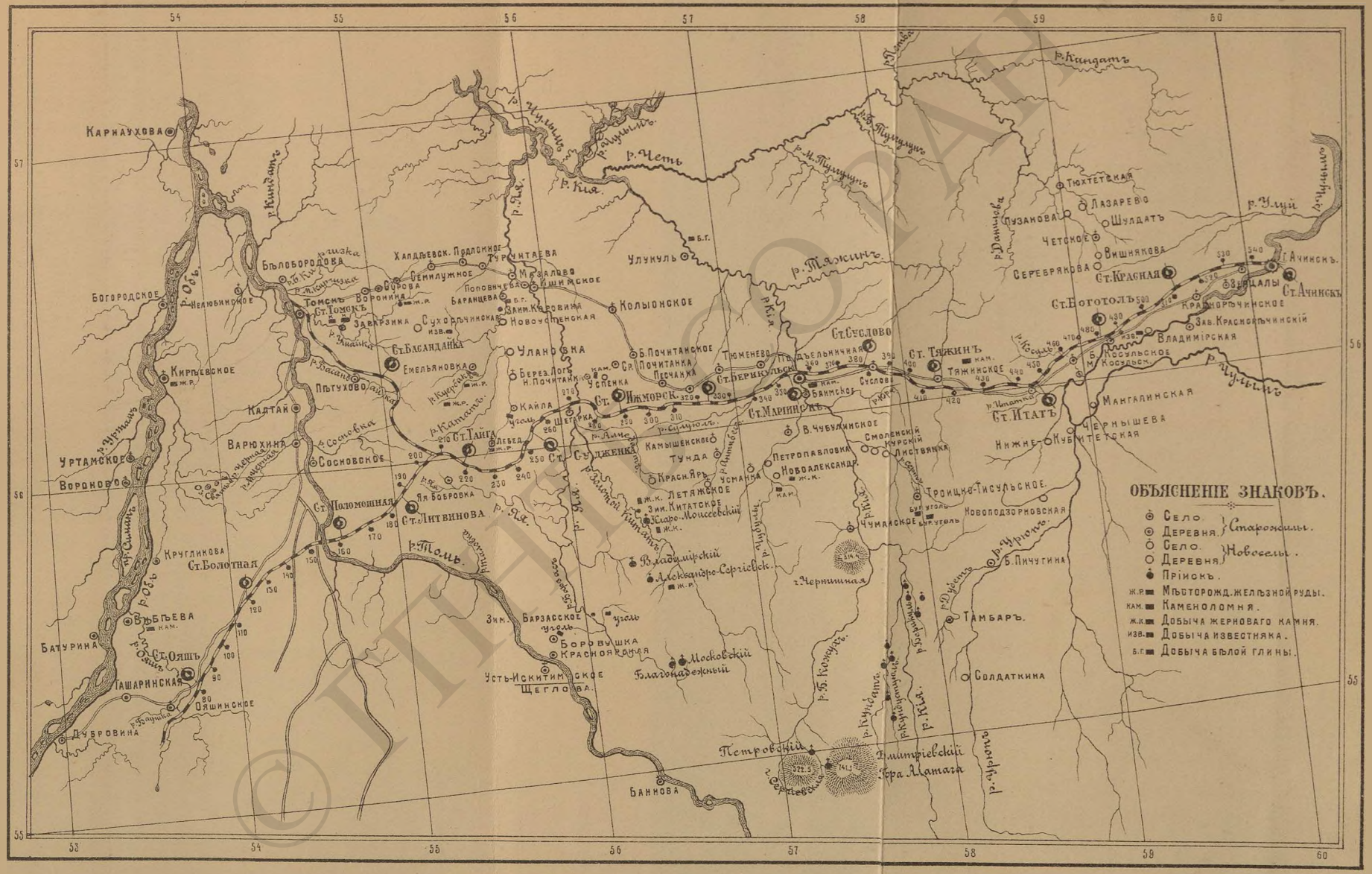
Пестрота новосельскаго населенія района увеличивается еще болѣе присоединеніемъ къ переселенцамъ—русскимъ крестьянамъ изъ различныхъ губерній Европейской Россіи—инородцевъ: татаръ, чувашъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Обзоръ нашъ конченъ. Мы сдѣлали попытку дать общую картину изслѣдованнаго нами района, насколько она выясняется для насъ, имѣвшихъ въ виду геологическую цѣль и отмѣчавшихъ изъ остальнаго лишь то, что невольно обращало на себя наше вниманіе. Очертивъ настоящее и частью геологическое прошлое мѣстности, мы естественно задаемся вопросомъ о вѣроятномъ ея будущемъ. Оно обусловливается, главнѣйше, по нашему мнѣнію, взаимодѣйствіемъ факторовъ, нарождающихся или усиливающихся подъ вліяніемъ проведенія рельсоваго пути. Къ первымъ принадлежитъ раз-

витіе горнопромышленности въ районѣ, ко вторымъ—возрастающее переселенческое движеніе. Оба эти момента вліяютъ сильно измѣняющимъ образомъ на нашу тайгу. Въ то время, какъ въ предѣлахъ культурно-земледѣльческой полосы слагаются иныя чѣмъ существовавшія ранѣе земельныя и прочія условія, тайга становится ареною предпріимчивости человѣка, направленной или къ извлеченію и, притомъ раціональному, богатствъ изъ нѣдръ земли, или къ культурѣ послѣдней, и утрачиваетъ свойственный ей доселѣ характеръ. Все это придастъ въ будущемъ нашей мѣстности совсѣмъ другой видъ и набросанная нами общая картина ея настоящаго явится лишь недалекимъ прошлымъ этого района, раздѣленнымъ отъ ея вѣроятнаго будущаго небольшимъ числомъ лѣтъ. Однако, какъ сильно измѣнились условія, какая рѣзкая грань легла между тѣмъ и другимъ!

ОТПЕЧАТАН

Къ ст. проф. А. М. Зайцева.



Нѣкоторыя свѣдѣнія о климатѣ г. Томска.

Проф. Ѳ. Я. Капустина.

Метеорологическія наблюденія въ Томскѣ начаты были при мѣстной гимназіи въ 1830 году директоромъ народныхъ училищъ г. Новотроицкимъ, затѣмъ продолжались, иногда съ перерывами, гг. Эльстеромъ, Сидоренко и П. А. Буткѣевымъ (1873—1884), а въ настоящее время производятся директоромъ реальнаго училища Г. К. Тюменцевымъ (съ 1884 года).

Результаты наблюденій, вообще производящихся въ Россіи, печатаются и обработываются въ спеціальныхъ изданіяхъ, для многихъ быть можетъ мало доступныхъ,а потому въ нижеслѣдующихъ таблицахъ я и позволяю себѣ привести изъ этихъ изданій среднія величины метеорологическихъ элементовъ, характеризующія климатъ Томска, пополняя ихъ нѣкоторыми данными, любезно сообщенными мнѣ Г. К. Тюменцевымъ, занимающимся, какъ мнѣ извѣстно, болѣе подробной обработкой имѣющагося матеріала для сужденія о климатѣ Томска.

Въ приводимыхъ таблицахъ (№№ 1—5) время считается по новому стилю, температура воздуха дается въ градусахъ цельсіева термометра, давленіе и абсолютная влажность въ миллиметрахъ ртутнаго столба при 0°, а относительная влажность въ процентахъ насыщенія; числа, выражающія облачность, означаютъ сколько десятыхъ частей неба покрыто облаками, такъ что облачность 10 означаетъ небо совершенно покрытое облаками, 5—на половину покрытое и 0—чи-

© ГПНТБ СО РАН

стое; ясными днями считаются тѣ дни, когда сумма изъ облачностей въ три срочныя наблюденія *) за день не превышаетъ 5, а пасмурными—когда эта сумма не менѣе 25; количество осадковъ предполагается выраженнымъ въ миллиметрахъ водяного слоя.

Въ таблицѣ № 2 цифры перваго столбца означаютъ среднее число отмѣченныхъ штилей въ часы срочныхъ наблюденій, а цифры слѣдующихъ 8 столбцовъ—числа отмѣченныхъ вѣтровъ по направленіямъ съ сѣвера, сѣверо-востока, востока и т. д.; скорости вѣтровъ выражены въ метрахъ и секундахъ. Въ столбцѣ съ обозначеніемъ „Напр. R“ приведено направленіе равнодѣйствующей за данное время года (за зиму напр. направленіе равнодѣйствующей будетъ: отъ юга 11°18′ къ западу); въ столбцѣ съ обозначеніемъ R приводится величина равнодѣйствующей въ метрахъ и секундахъ.

Для многихъ практическихъ цѣлей недостаточно однако знать только среднія значенія метеорологическихъ элементовъ даннаго мѣста, а потому я привожу еще въ таблицахъ № 3 и № 4 какъ среднія, такъ и крайнія величины нѣкоторыхъ метеорологическихъ элементовъ по годамъ съ 1884 по 1895 г.

Въ таблицахъ № 3 и № 4 въ рубрикахъ „наибольш.“ и „наименьш.“ римскія цифры послѣ приведеннаго значенія к. л. элемента означаютъ мѣсяцъ, а слѣдующія мелкія арабскія—тотъ день мѣсяца, въ который приведенное наибольшее или наименьшее значеніе было наблюдено; такъ, въ столбцѣ 7-мъ таблицы № 3 въ строкѣ 3-ей поставленныя цифры означаютъ, что въ 1887 года самая низкая температура воздуха была—49°,8 20-го января.

Въ таблицѣ № 4 подъ днями съ сильнымъ вѣтромъ понимаются такіе дни, въ которые скорость вѣтра была не менѣе 15 метровъ въ секунду, подъ днями безъ оттепели—дни,

*) На русскихъ метеорологическихъ станціяхъ наблюденія, обыкновенно, производятся три раза въ сутки, а именно: въ 7 ч. утра, 1 ч. дня и 9 ч. вечера.

когда наивысшая температура не достигала 0°, а подъ днями съ морозомъ, когда температура падала до 0° и ниже.

Въ таблицѣ № 5 приведены числа дней съ морозомъ по мѣсяцамъ года наиболѣе теплымъ, распредѣленіе дней съ сильнымъ вѣтромъ (бурями) по всѣмъ мѣсяцамъ года, а также времена вскрытія и замерзанія р. Томи у города.

© ГПНТБ СО РАН

№ 1.

Среднее состояніе метеорологическихъ элементовъ въ г. Томскѣ.

	Янв.	Февр.	Мартъ.	Ап	ай.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	Окт.	Ноябр.	Декаб.	Годъ.	По наблюд. за года.
Температура воздуха	—19,6	—17.0	—1[illegible].0	1,	7,3	15,0	18,7	15,3	8,8	0,1	—11,8	—17,2	—1,0	1837—90
Давленіе	761,1	759,3	758,8	7	52,7	747,8	746,8	748,7	752,7	755,8	760,3	762,5	755,2	1876—85
Влажность абсолютная	1,0	1,1	1,9		4,9	8,7	11,4	9,6	6,4	3,8	1,7	1,2	4,6	1875—90
Влажность относительн.	79	76	73		60	66	71	76	75	78	79	81	73	
Облачность	6.7	6,1	5,7		6,9	6,5	6,0	6,5	6,7	7,9	7,7	6,8	6,6	1874—90
Число ясныхъ дней	5	4	6		3	2	2	3	3	2	2	4	41	
Число пасмурныхъ дней	14	11	11		13	10	8	10	13	19	16	14	148	
Количество осадковъ	27,6	21,2	20,4	1	38,6	68,7	74,5	58,4	35,0	59,6	35,0	47,6	505,9	1674—90
Число дней съ осадками	13,6	11,4	9,4		12,6	14,6	11,7	13,1	11,4	13,9	14,8	15,4	150,5*)	

*) Изъ 150,5 дней съ осадками 85,6 приходится на дни со снѣгомъ.

По записямъ съ 1820 по 1879 годъ.

Рѣка Томь вскрывается въ среднемъ 30 апрѣля
„ „ замерзаетъ „ „ 2 ноября

Число дней свободныхъ отъ льда 186.

Самое раннее вскрытіе 18 апрѣля 1875 г.
„ позднее „ 5 мая 1857 г.

Самое раннее замерзаніе 20 октября 1840 г.
„ позднее замерзаніе 17 ноября 1834 г.

Наибольшее число дней свободныхъ отъ льда 205 (1843 г.)
Наименьшее „ „ „ „ „ 171 (1831 г.)

© ГПБ СОРАН

№ 2.

	ЧИСЛО ВѢТРОВЪ.								СРЕДНЯЯ СКОРОСТЬ.								
	Шт.	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Напр. R	R
Зима . . .	36	6	9	16	29	94	60	11	9	2,2	2,8	3,3	3,2	5,2	4,6	4,1	3,0	S11°18'W	2,6
Весна . . .	29	13	16	14	25	65	52	22	40	2,4	2,7	3,3	3,7	4,7	4,6	3,8	3,7	S31°30'W	1,6
Лѣто . . .	43	19	31	19	21	33	46	20	41	2,5	2,7	3,0	3,3	3,7	3,2	3,5	3,6	S59°0'W	0,5
Осень . . .	27	10	16	17	23	58	72	24	29	2,3	2,8	3,0	3,6	4,6	4,3	3,8	3,8	S29°48'W	1,8
Годъ . . .	135	48	72	66	98	250	230	77	119	2,4	2,8	2,9	3,4	4,6	4,2	3,8	3,5	S24°54'W	1,6

Изъ наблюденій за 1875—1887 годы.

№ 3.

Годы.	ДАВЛЕНІЕ.			ТЕМПЕРАТУРА.			ВЛАЖНОСТЬ.	
	Среднее.	Наибольшее.	Наименьшее.	Средняя.	Наибольшая.	Наименьшая.	Абсол.	Относит.
1885	751,4	777,2 XI	728,8 XII	—1,3	31,4 VI	—44,5 I	4,4	74
» 86	51,6	77,6 II	28,1 V	—1,0	30,9 VI	—46,1 II	4,5	81
» 87	50,2	71,9 XII	25,3 XII	+0,1	29,9 VI 17	—49,8 I 20	4,7	73
» 88	50,5	75,4 XII	27,5 IV	—0,2	32,2 VI 27	—44,9 XII 30	4,8	71
» 89	52,8	77,0 I	34,4 XI	—1,7	29,6 VI 29	—44,1 I 2	4,7	77
» 90	50,3	79,2 III	28,9 II	—2,8	29,9 VII 17	—42,6 XII 26	4,2	75
» 91	50,6	81,4 XI	25,0 XI	—1,4	30,6 VII 6	—41,1 I 10	4,7	78
» 92	53,9	81,3 XI	33,3 IX	—1,2	31,1 VII 8	—43,2 II 1	5,0	74
» 93	52,6	81,5 I	30,9 VI	+0,5	29,6 VII 15	—47,0 I 11	4,9	74
» 94	51,3	77,2 XII	30,6 VI	—0,2	28,5 VII 27	—46,7 XII 24	4,8	76
» 95	53,1	77,1 III	24,7 XI	—0,5	32,7 VII 17	—46,9 I 7	5,0	74

© ГПБ СО РАН

Проф. Ѳ. Я. Капустинъ.

№ 4.

ГОДА.	Облачность.	ОСАДКИ. Сумма.	ОСАДКИ. Наибольш.	Число отмѣченныхъ штилей.	ЧИСЛО ДНЕЙ. Съ осадками.	Съ градомъ.	Съ грозой.	Ясныхъ	Пасмурныхъ.	Съ сильнымъ вѣтромъ	Безъ оттепели.	Съ морозомъ.	Число грозъ. Апрѣль	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентяб.
1885	7,1	440,7	37,6 VII 9	90	181	3	27	35	191	5	152	209			12	9	6	
» 86	7,5	382,6	33,5 VIII 9	61	153	3	22	16	188	3	173	207		2	5	10	3	2
» 87	8,0	477,7	18,4 VIII 19	106	180	0	27	20	220	2	144	198		3	7	14	1	2
» 88	7,5	356,4	22,8 VIII 10	105	154	3	41	25	199	7	159	205		3	13	15	8	2
» 89	7,5	418,5	34,4 VII 31	127	157	1	24	27	192	6	168	209	1	3	8	7	4	1
» 90	7,7	537,6	18,6 VI 25	127	206	3	20	26	204	8	159	226		2	5	7	5	
» 91	8,4	767,1	75,1 VII 25	102	238	5	18	11	253	12	174	224		3	2	9	4	
» 92	7,5	441,7	18,4 VII 19	149	183	1	29	36	189	6	164	213		3	7	13	5	1
» 93	7,8	566,5	76,1 VI 2	118	189	2	19	23	211	9	126	201		1	9	6	1	2
» 94	8,0	678,5	36,8 VIII 9	104	239	5	27	23	233	12	159	213		2	5	9	10	1
» 95	7,6	519,0	24,4 VIII 10	145	199	2	21	26	201	6	153	203		3	4	11	3	

Нѣкоторыя свѣдѣнія о климатѣ г. Томска.

№ 5.

ГОДА.	Число дней съ морозомъ. Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	БУРИ ВЪ ТОМСКѢ. Р. Томи. Вскрытіе.	Замерзаніе.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII	IX.	X.	XI.	XII.
1885	22	8				1	28 IV	2 XI			1						1	1		2
» 86	27	7					4 V	20 X		1	1								1	
» 87	21	4				4	24 IV	6 X											2	
» 88	27	4				1	30 IV	4 XI		1	1							1	2	2
» 89	18	13				2	27 IV	10 X			1		1						1	3
» 90	29	17			1	10	10 V	6 XI		2			1					2	1	2
» 91	27	13		1		5	3 V	9 XI 28 X		5	2	2	1							2
» 92	30	9				6	7 V	4 XI	1				2	1	1					1
» 93	15	12				6	8 IV	12 XI	1				3					1	2	2
» 94	30	12		1		3	2 V	9 XI 16 XI	3	1	1	1							2	4
» 95	25	11				0	28 IV	31 X		3				1					2	

НАРОДНО

Очеркъ растительности Томской губерніи.

П. Н. Крылова.

Мм. Гг.! Если кому нибудь изъ васъ приводилось ѣздить по Томской губерніи и бывать въ разныхъ частяхъ ея, то конечно вы не могли не замѣтить, что нѣкоторыя мѣстности довольно рѣзко отличаются одна отъ другой по характеру одѣвающаго ихъ растительнаго покрова. Если вамъ случалось проѣзжать болѣе или менѣе значительныя пространства въ сѣверныхъ частяхъ губерніи и въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ, напр. Кузнецкаго и Бійскаго округовъ, то вамъ бросалось въ глаза преобладаніе лѣсовъ и относительно малое развитіе открытыхъ пространствъ, занятыхъ обыкновенно луговой растительностью, или-же болотами. При переѣздѣ въ юго-западную, за-обскую, часть губерніи, а также и нѣкоторыя другія, вы замѣтили бы уже иную картину, съ обратнымъ отношеніемъ между лѣсистыми и открытыми пространствами. Здѣсь лѣса играютъ уже подчиненную роль, являются въ видѣ острововъ, разбросанныхъ среди преобладающихъ открытыхъ площадей, одѣтыхъ травянистымъ ковромъ иного характера, чѣмъ видѣнный вами въ лѣсной полосѣ; коверъ этотъ менѣе пышенъ и густъ и съ сѣроватымъ колоритомъ. Чѣмъ далѣе вы будете подвигаться къ юго-западу, тѣмъ рѣзче становится различіе: лѣсные острова все мельчаютъ и рѣдѣютъ, травянистый покровъ дѣлается все болѣе тощимъ и рѣдкимъ; наконецъ, за Кулундинскимъ озеромъ

© ГПНТБ СО РАН

уже нѣтъ лѣса, передъ вами разстилается безбрежная степь съ очень скуднымъ, какъ-бы выгорѣвшимъ на солнцѣ растительнымъ покровомъ. Такую-же безплодность вы нашли-бы и въ самомъ юговосточномъ углу губерніи, въ такъ называемой Чуйской степи и въ нѣкоторыхъ прилежащихъ къ ней мѣстностяхъ.

Если, наконецъ, путешествуя по Алтаю, вы стали-бы подниматься на вершины горъ, то замѣтили-бы, что лѣса, покрывающіе ихъ склоны, на извѣстной высотѣ начинаютъ мельчать и рѣдѣть; выше 7000′ или 2 верстъ надъ уровнемъ моря, или $1^3/_4$ версты, считая отъ уровня г. Томска, они уже не могутъ подняться, вслѣдствіе суровости климата и другихъ неблагопріятныхъ ихъ существованію условій, свойственныхъ этимъ высокимъ горнымъ вершинамъ. Но нѣкоторыя кустарныя и травянистыя растенія проникаютъ далѣе этого горнаго лѣснаго предѣла и населяютъ склоны, плато и скалистые выступы этихъ вершинъ вплоть до снѣговъ и льдовъ, образующихъ здѣсь болѣе или менѣе обширныя залежи, не стаивающія въ теченіе всего лѣта. Покровъ, образуемый этими растеніями, довольно скуденъ, въ особенности на скалистыхъ мѣстахъ, но онъ имѣетъ своеобразный характеръ, отличающій его отъ растительнаго покрова другихъ упомянутыхъ мѣстностей.

Такимъ образомъ, уже при поверхностномъ взглядѣ вы можете отмѣтить тѣ общія отличительныя черты, которыя замѣчаются въ характерѣ растительнаго населенія тѣхъ или другихъ частей губерніи. Вглядываясь поближе, вы имѣли-бы возможность убѣдиться, что это отличіе выражается не только въ одной внѣшней, физіономической, сторонѣ, но и въ самомъ составѣ растительнаго населенія; каждому изъ этихъ рѣзко отличающихся районовъ соотвѣтствуютъ особыя, свойственныя имъ, растенія.

Вы вѣроятно сдѣлали-бы заключеніе, что эти различныя

черты, эти особенности растительнаго населенія губерніи находятся въ извѣстномъ соотношеніи съ климатическими условіями, существующими въ той или другой мѣстности. Болѣе влажному и относительно умѣренному климату соотвѣтствуетъ лѣсная полоса; болѣе-же сухому, съ жаркимъ лѣтомъ,—степная; чѣмъ эти условія выражены интенсивнѣе, тѣмъ безплоднѣе и пустыннѣе становится степь. Суровому, холодному, хотя и влажному, климату горныхъ вершинъ свойственна опять своя особая растительность.

Такія, выраженныя въ общихъ чертахъ, особенности растительнаго покрова губерніи вполнѣ соотвѣтствуютъ по своему характеру нѣкоторымъ изъ тѣхъ растительныхъ областей, на которыя ботанико-географы подраздѣляютъ растительность всего земного шара. Холодная и умѣренная полоса сѣвернаго полушарія, по характеру своей флоры, дѣлится ими на слѣдующія области: *арктическую*, или область полярныхъ тундръ, занимающую крайній сѣверъ и простирающуюся на югъ до сѣверной границы лѣсовъ, откуда начинается вторая область—*лѣсная*, захватывающая широкую полосу, ограниченную въ свою очередь третьей—*степной* областью, которая, простираясь далѣе къ югу, постепенно переходитъ въ четвертую—*область пустынь*, столь сильно развитыхъ въ предѣлахъ Средней Азіи. Среди послѣднихъ трехъ областей, по вершинамъ высокихъ горъ, разбросаны острова такъ наз. *альпійской* или *горно-арктической* области. Кромѣ этихъ областей, въ болѣе южныхъ широтахъ разныхъ частей свѣта существуютъ и другія, но онѣ имѣютъ мало отношенія къ нашей флорѣ, почему я и оставляю ихъ въ сторонѣ.

Томская губернія не заходитъ лишь въ предѣлы арктической области, остальныя-же четыре, т. е. лѣсную, степную, пустынную и альпійскую, она захватываетъ тѣми или другими своими частями.

Если-же мы не ограничимся только такимъ поверхностнымъ

взглядомъ на растительный покровъ, а будемъ присматриваться къ нему пристальнѣе, станемъ опредѣлять его составъ, т. е. изъ какихъ видовъ растеній онъ образованъ, какъ распредѣляются эти виды по площади Томской губерніи, какъ они группируются между собой и проч., то мы замѣтимъ различные, болѣе и менѣе рѣзкіе, оттѣнки этого покрова и въ каждой изъ указанныхъ областей и прійдемъ къ заключенію, что различіе это зависитъ не отъ однихъ только климатическихъ условій, но также отъ характера почвы, степени ея влажности, рельефа, освѣщенія, словомъ, отъ различныхъ мѣстныхъ условій, а также, кромѣ того, и отъ нѣкоторыхъ другихъ причинъ.

Тщательное изученіе флоры различныхъ мѣстностей привело наблюдателей къ заключенію, что группировка растительнаго населенія находится въ большой зависимости, кромѣ указанныхъ мѣстныхъ причинъ, также и отъ соотношеній между самими растеніями, которыя, какъ живыя существа, обитающія совмѣстно, должны неизбѣжно вліять извѣстнымъ образомъ другъ на друга. Разъ занявъ извѣстную территорію и размножаясь, растенія стремятся использовать, такъ сказать, всю ея площадь, насколько конечно тому благопріятствуютъ указанныя мѣстныя условія. Размноженіе идетъ очень быстро, такъ какъ рѣдкое растеніе приноситъ сѣмена въ ограниченномъ количествѣ, напр. десятками, обыкновенноже сотнями и тысячами штукъ, да кромѣ того очень многія растенія обладаютъ способностью размножаться еще безполымъ путемъ, при помощи корневицъ, клубней и проч. Вслѣдствіе этого, площадь района вскорѣ оказывается совершенно использованной: не остается ни одного вершка удобной земли, который не былъ-бы занятъ особями того или другого вида. Но размноженіе продолжается изъ года въ годъ безпрерывно. Ежегодно новыя поколѣнія этихъ растеній—въ видѣ-ли сѣмянъ или молодыхъ корневидныхъ побѣговъ, разбросанныя

по той-же площади, стремятся отстоять разъ данное имъ право на жизнь. Они прорастаютъ, стараются укорениться въ тѣсно занятой почвѣ, усиленно вытягиваютъ свои слабые стебельки, чтобы воспользоваться необходимымъ для нихъ свѣтомъ. Но не всѣмъ это удается: раньше ихъ завладѣвшія почвой, уже разросшіяся и окрѣпшія растенія, благодаря достаточному запасу строительныхъ матеріаловъ, накопленному въ ихъ зимующихъ корняхъ и корневищахъ, имѣютъ возможность быстро выгонять крупные листья и высокіе стебли, которыми и глушатся нѣжные стебельки всходовъ; они погибаютъ тысячами и лишь очень немногіе изъ нихъ, наиболѣе сильные, пользуясь притомъ какими либо особенно благопріятными условіями, имѣютъ возможность укорениться и дотянуться до необходимаго имъ свѣта. Разъ это сдѣлано, молодыя растенія, укрѣпившись, начинаютъ уже сами тѣснить своихъ сосѣдей и нерѣдко пересиливаютъ ихъ, сами отнимаютъ у нихъ свѣтъ и почвенный питательный матеріалъ и въ концѣ концовъ совсѣмъ заглушаютъ, губятъ ихъ и завладѣваютъ ихъ мѣстомъ въ природѣ.

Такая борьба ведется изъ года въ годъ, на каждомъ лужкѣ, на каждой полянкѣ, ласкающей нашъ взглядъ своей пышной зеленью и кажущимся спокойствіемъ среди ея какъ-будто миролюбиваго населенія. Между тѣмъ, борьба идетъ ожесточенная, упорная, немилосердная: разъ какая нибудь особь заплошала или устарѣла, оказалась недостаточно сильной для сопротивленія,—она должна погибнуть и уступить свое мѣсто другимъ, болѣе энергичнымъ и жизнеспособнымъ особямъ.

Результатъ такой борьбы за жизнь, конечно, лишь въ томъ случаѣ будетъ болѣе равномѣрнымъ, т. е. поведетъ къ относительному постоянству видоваго состава растительнаго населенія, если всѣ породы растеній, т. е. виды, будутъ одинаково приспособлены ко всѣмъ условіямъ данной мѣстности. Недостаточно приспособленные виды, если-бы они оказались

по какимъ либо причинамъ въ сообществѣ съ остальными, будутъ быстро исключены изъ этого состава. Но этой одинаковой приспособленности къ извѣстнымъ условіямъ существованія еще не достаточно для жизненной конкуренціи между членами сообщества; необходимо допустить еще приспособленность этихъ членовъ по отношенію другъ къ другу или въ смыслѣ равной сопротивляемости, или-же извѣстной подчиненности одинъ другому. Такъ напр., шансы для борьбы были-бы не равны, если-бы какой нибудь видъ, растущій въ сообществѣ съ другими, не обладалъ способностью одинаковаго съ ними быстраго или сильнаго развитія и въ то-же время не выработалъ-бы въ себѣ свойства довольствоваться, напримѣръ, меньшимъ освѣщеніемъ. Конечно, при этихъ условіяхъ онъ страдалъ-бы отъ недостатка свѣта, что и дѣлало-бы его непригоднымъ для совмѣстнаго съ ними существованія. Значитъ, такое растеніе можетъ сохраниться въ сожительствѣ съ другими лишь въ томъ случаѣ, если оно разовьетъ въ себѣ способность не отставать въ быстротѣ и силѣ роста отъ другихъ своихъ сожителей, что имѣетъ важное значеніе въ сообществахъ лугового типа, гдѣ всѣ члены являются какъ-бы равноправными, или-же, наоборотъ, если приспособитъ свой организмъ къ возможно полной утилизаціи разсѣяннаго свѣта, что имѣетъ мѣсто напр. въ растительныхъ сообществахъ лѣсного типа. Въ самомъ дѣлѣ, растенія, обитающія въ тѣнистыхъ лѣсахъ, такъ приспособились къ слабому освѣщенію, что гибнутъ, будучи перенесены по какимъ либо причинамъ въ условія яркаго свѣта.

Такимъ образомъ, соціальныя отношенія между растительными формами должны оказывать вліяніе на строй образуемаго ими покрова, такъ какъ они ведутъ къ образованію соціальныхъ группъ—растительныхъ общинъ или ассоціацій, состоящихъ изъ извѣстныхъ, приспособившихся другъ къ другу и къ мѣстнымъ условіямъ членовъ, находящихся между собой

какъ-бы въ равновѣсіи, хотя, правда, равновѣсіи очень напряженномъ. Вотъ съ такими-то ассоціаціями неминуемо и долженъ столкнуться наблюдатель, желающій проникнуть поглубже въ сущность флоры какой либо страны. Но эти соціальныя отношенія между растеніями еще слишкомъ мало изучены; наука, въ область которой они входятъ и которую можно назвать фито-соціологіей, еще такъ молода, что не выработала даже такихъ основныхъ понятій, какъ напр. болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о соціальной единицѣ. Попытка выдѣлить такія, соотвѣтствующія указанному понятію, соціальныя группы изъ общаго фона растительнаго ковра, имѣетъ нѣкоторый успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, когда эти группы являются болѣе рѣзко очерченными, отличаются большимъ постоянствомъ состава; имъ стараются даже пріурочить названіе *растительныхъ формацій*, хотя подъ этимъ именемъ нѣкоторыми флористами понимается нѣчто иное—именно физіономическія группы растеній, часто имѣющія между собой очень мало общаго по своему составу. Такъ напр., подъ *луговой формаціей* понимается растительность луговъ, которые въ разныхъ странахъ могутъ быть составлены изъ неодинаковыхъ видовъ растеній. Чтобы избѣжать путаницы въ этихъ понятіяхъ, приходится называть такія физіономическія группы иначе, напр. *типами*.

Въ послѣдующемъ обзорѣ растительности Томской губерніи я буду употреблять оба эти термина, именно *формаціи*—въ смыслѣ ассоціацій и *типы*—въ смыслѣ общихъ физіономическихъ группъ, не поддающихся пока расчлененію на первыя.

Указанными соціальными отношеніями между растительными формами не исчерпываются еще причины различныхъ оттѣнковъ въ растительномъ покровѣ. Несомнѣнно, тутъ должны имѣть мѣсто еще и отношенія, существующія между растительнымъ и животнымъ міромъ. Извѣстно, какое важное значеніе для размноженія растеній имѣетъ напр. обширный классъ

насѣкомыхъ, помогающій имъ въ процессѣ опыленія, а съ другой стороны приносящій имъ массу вреда, употребленіемъ частей ихъ или даже цѣликомъ всего растенія себѣ въ пищу. Но вопросъ этотъ по отношенію къ ботанической географіи тоже еще слишкомъ мало затронутъ и опредѣлить вліяніе этой причины на характеръ флоры пока возможно лишь въ очень немногихъ случаяхъ, напр. въ той зависимости, какая существуетъ между растительнымъ населеніемъ земного шара и высшимъ представителемъ животнаго міра—человѣкомъ. Вліяніе человѣка выражается дѣйствительно очень рѣзко: на значительныхъ площадяхъ земной поверхности онъ почти совершенно уничтожилъ коренное растительное населеніе и замѣнилъ его немногими, имъ самимъ выработанными породами хлѣбныхъ и другихъ полезныхъ для него растеній.

Наконецъ, характеръ флоры той или другой страны долженъ находиться также въ зависимости и отъ историческихъ причинъ. Въ самомъ дѣлѣ, если представимъ себѣ какой либо районъ, еще совершенно не заселенный растеніями, напр. мѣстность, выступающую изъ-подъ морскихъ водъ, или вообще изъ-подъ водъ высыхающаго бассейна, то заселять ее будутъ, конечно, тѣ растительныя формы, которыя обитаютъ въ сосѣдствѣ съ этой страной, т. е. по ея окраинамъ. Но вѣдь наступленіе переселенцевъ можетъ идти или съ той или съ другой стороны осушающагося бассейна, смотря по условіямъ подъема бывшаго дна и другимъ геологическимъ причинамъ. Между тѣмъ, населеніе противоположныхъ береговъ бывшаго бассейна могло быть очень различно, такъ что смотря по тому, съ которой стороны надвигались переселенцы, въ самомъ характерѣ флоры новозаселенной страны должны быть близкія черты сходства съ какой нибудь одной изъ этихъ областей.

Земная поверхность, какъ извѣстно, подвергалась сильнымъ измѣненіямъ относительно распредѣленія суши и морей въ

разные геологическіе періоды и это, конечно, должно было вліять вообще на распредѣленіе растеній по поверхности земного шара, а слѣдовательно и опредѣлять тотъ или иной характеръ растительнаго покрова въ разныхъ частяхъ ея. Разбираясь въ тѣхъ путяхъ, какими шло переселеніе растительныхъ формъ, отыскивая центры ихъ происхожденія и сопоставляя полученныя данныя съ фактами исторической геологіи, мы тѣмъ самымъ можемъ установлять связь современной растительности съ флорой предшествовавшихъ геологическихъ періодовъ.

Такимъ образомъ, для того, чтобы достаточно оцѣнить картину, рисуемую растительнымъ покровомъ, одѣвающимъ какую либо страну, еще недостаточно знать составъ этого покрова, существующее въ немъ распредѣленіе формъ и ихъ группировку, словомъ, ограничиться лишь внѣшней стороной картины,—необходимо также разобраться и во всѣхъ упомянутыхъ условіяхъ, опредѣляющихъ тотъ или иной складъ ее и лишь тогда мы можемъ добраться до ея внутренняго смысла.

Изслѣдованія флоры ведутся, обыкновенно, въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего, конечно, собирается сырой матеріалъ, т. е. опредѣляется видовой составъ растительнаго населенія разныхъ частей даннаго района. Это работа нелегкая и при значительности района она требуетъ много времени, такъ что выполняется обыкновенно цѣлымъ рядомъ изслѣдователей. Затѣмъ постепенно выясняется распредѣленіе различныхъ видовъ по площади изучаемой страны, зависимость этого распредѣленія отъ климатическихъ и прочихъ мѣстныхъ условій, причемъ, если условія эти болѣе или менѣе рѣзко отличаются въ разныхъ частяхъ района, является возможность подраздѣлить его по составу растительности на участки, пріурочивъ ихъ къ той или другой изъ упомянутыхъ выше растительныхъ областей.

Далѣе, пользуясь накопленными данными, изслѣдователи имѣютъ уже возможность вникнуть поглубже и въ соціальныя соотношенія между обитателями изучаемой страны и вывести извѣстныя заключенія о характерѣ и составѣ растительныхъ ассоціацій, въ которыя онѣ группируются.

Ориентировавшись такимъ образомъ въ общемъ строѣ растительнаго покрова, наблюдатель переходитъ затѣмъ уже къ вопросу объ отношеніи изучаемой флоры къ флорамъ сосѣднихъ и другихъ странъ, опредѣляетъ сходство или различіе въ ихъ характерѣ, общность или неодинаковость ихъ состава, словомъ, приближается къ вопросу о происхожденіи растительнаго населенія изучаемой страны.

И вотъ, по мѣрѣ накопленія матеріала, изъ казавшейся вначалѣ хаотической массы растительныхъ формъ, изъ безпорядочной какъ-бы пестроты растительнаго ковра, передъ глазами наблюдателя начинаетъ мало по малу выступать стройная картина; всѣ, казавшіяся спутанными безъ всякаго порядка, черты и тѣни—начинаютъ принимать осмысленное очертаніе.

Изученіе флоры Томской губерніи проходитъ лишь первоначальные свои стадіи, хотя и начато было еще въ прошломъ столѣтіи. Піонерами этого дѣла были ученые путешественники, изучавшіе Сибирь не только въ ботаническомъ отношеніи, но и по разнымъ другимъ вопросамъ естествознанія и этнографіи. Къ числу ихъ принадлежатъ извѣстные натуралисты: Гмелинъ, Палласъ, Фалькъ и нѣк. др. Эти путешественники, однако, не имѣли возможности долго останавливаться на изученіи растительности Томской губерніи и притомъ они обращали вниманіе преимущественно на южныя части ея, именно на Алтай, отчего полученныя ими данныя не велики. Но въ началѣ настоящаго столѣтія очень значительный матеріалъ по флорѣ Алтая былъ уже собранъ Геблеромъ, постоянно проживавшимъ въ г. Барнаулѣ. Самъ онъ, однако,

не обработалъ собранную имъ коллекцію растеній, но ею воспользовались извѣстные русскіе ботаники—Ледебуръ, Бунге и Мейеръ, пріѣхавшіе на Алтай въ концѣ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія спеціально съ цѣлью изслѣдованія алтайской растительности. Это была самая блестящая эпоха въ исторіи изученія флоры Томской губерніи. Упомянутые ученые въ теченіе трехъ лѣтъ собрали на Алтаѣ громадныя коллекціи, на основаніи которыхъ и составили систематическое описаніе флоры этой страны. Имъ привелось положить не мало труда на систематическую обработку этихъ коллекцій, такъ какъ они встрѣтили тутъ очень много неизвѣстныхъ еще въ то время растеній.

Послѣ этихъ ученыхъ накопленіе свѣдѣній продолжалось, хотя и не быстро, нѣкоторыми любителями, рѣже спеціалистами, но матеріалъ собирался опять-таки преимущественно на Алтаѣ (Геблеръ, Политовъ, Зассъ, Красновъ и другіе). Съ возникновеніемъ Томскаго университета и учрежденія въ немъ спеціальныхъ музеевъ, въ томъ числѣ и ботаническаго, дѣло пошло оживленнѣе. Ботаническій музей обращался къ разнымъ лицамъ съ просьбой помочь дѣлу изученія флоры губерніи собираніемъ образцовъ растеній. Многіе откликнулись на это воззваніе и въ музей стали стекаться коллекціи какъ съ Алтая, такъ и съ другихъ частей Томской губерніи. Мнѣ лично тоже привелось принять участіе въ этой работѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я изслѣдовалъ растительность въ окрестностяхъ Томска, затѣмъ дѣлалъ съ этой цѣлью поѣздки въ разныя мѣста Томскаго, Каинскаго, Кузнецкаго, Барнаульскаго и Бійскаго округовъ. Въ послѣднее время за изученіе флоры восточнаго Алтая взялся профессоръ Сапожниковъ и имъ въ позапрошломъ и нынѣшнемъ году вывезенъ оттуда большой флористическій матеріалъ.

Такимъ образомъ, накопленіе свѣдѣній относительно растительности Томской губерніи ведется уже въ теченіе слиш-

комъ столѣтія, причемъ въ этой работѣ принимало участіе около полусотни изслѣдователей и собирателей. Тѣмъ не менѣе, вопросъ еще далеко не исчерпанъ: многія части губерніи остаются еще совершенно незатронутыми изслѣдованіями. Да и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе изученъ составъ растительности, остается еще много работы для болѣе точнаго выясненія распредѣленія растительныхъ формъ, ихъ взаимныхъ отношеній и проч. Слѣдовательно, въ настоящее время еще нѣтъ возможности составить сколько нибудь полнаго представленія о характерѣ и сущности интересующаго насъ растительнаго населенія Томской губерніи и я могу вамъ дать лишь очеркъ его въ тѣхъ предѣлахъ, насколько это позволяетъ накопленный до сихъ поръ флористическій матеріалъ.

Видовая численность растительнаго населенія Томской губерніи, т. е. количество всѣхъ видовъ растеній, найденныхъ до сихъ поръ въ ея предѣлахъ, достигаетъ почти до 1600. Въ это число не входятъ низшія споровыя растенія, каковы грибы, водоросли, лишайники и мхи, а лишь цвѣтковыя и, кромѣ того, папоротники, хвощи и плауны,—которые собственно и играютъ видную роль въ растительномъ покровѣ.

По обширной площади губерніи, имѣющей протяженія съ сѣвера на югъ около 1200 в., а съ запада на востокъ почти 900 в., всѣ эти виды растеній распредѣляются очень неравномѣрно, пріурочиваясь лишь къ извѣстнымъ ея частямъ и опредѣляя въ общемъ характеръ тѣхъ растительныхъ областей, на которыя, какъ уже было указано, и можно подраздѣлить всю площадь губерніи.

Первая изъ упомянутыхъ четырехъ областей, именно *лѣсная*, занимаетъ почти всю сѣверную половину губерніи и, кромѣ того, юго-восточную, гористую часть ея; въ этой послѣдней она, однако, не является сплошной, а прерывается нерѣдко островами другихъ областей, именно степной и альпійской.

изъ которыхъ послѣдняя располагается на вершинахъ болѣе высокихъ горъ и хребтовъ. Характерной чертой лѣсной области, какъ упомянуто, является преобладающее развитіе лѣсовъ, прерываемыхъ лишь незначительными, уступающими имъ по величинѣ участками открытыхъ пространствъ съ луговой или болотной растительностью. Слѣдовательно, здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя рѣзко отличающимися типами растительнаго покрова. Къ первому принадлежатъ сплошные лѣса, образованные тѣми или другими древесными породами и сопровождающими ихъ кустарными и травянистыми растеніями. Въ этомъ типѣ есть достаточно основаній выдѣлить слѣдующія, довольно рѣзко очерченныя, ассоціаціи: (1) формацію пихтово-еловаго лѣса, (2) сосноваго бора и 3) формацію широколиственнаго лѣса. Кромѣ того, къ этому типу относятся также лиственные лѣса, состоящіе изъ березы и осины, и хвойные, составленные изъ лиственницы. Лѣса изъ этихъ породъ играютъ видную роль въ растительномъ покровѣ губерніи, занимая значительныя части ея площади; тѣмъ не менѣе, ихъ нельзя ставить въ параллель съ упомянутыми тремя формаціями, такъ какъ нельзя усмотрѣть, чтобы эти древесныя породы, т. е. береза, осина и лиственница, имѣли болѣе или менѣе опредѣленную, постоянную, связь съ извѣстными кустарными и травянистыми формами, какъ это наблюдается въ упомянутыхъ трехъ формаціяхъ. Съ березой-же, осиной и лиственницей живутъ совмѣстно, обыкновенно, формы, принадлежащія формаціямъ луговаго типа, и до сихъ поръ не извѣстно ни одного растенія, которое обитало-бы исключительно лишь въ сообществѣ съ этими деревьями.

Означенныя три ассоціаціи отличаются одна отъ другой какъ по составу, такъ и съ физіономической стороны. Формація пихтово-еловаго лѣса состоитъ изъ пихты (Abies sibirica), ели (Picea obovata), кедра (Pinus Cembra) и цѣлой серіи мелкихъ кустарниковъ и травянистыхъ растеній, какъ напр. нѣ-

которыхъ видовъ грушанокъ (Pyrola), орхидей (Goodiera, Calypso, Epipogum), папоротниковъ, плауновъ, линнеевой травы (Linnea borealis) и другихъ. По характеру древесныхъ породъ, составляющихъ эти лѣса, они являются очень тѣнистыми, почва въ нихъ обыкновенно затянута моховымъ ковромъ, по которому и разбросаны тамъ и сямъ упомянутыя травянистыя растенія. Формація эта свойственна большей части лѣсной области губерніи; особенно развитой она является въ сѣверныхъ частяхъ ея, а также въ Кузнецкомъ округѣ—на Кузнецкомъ Алатау, Салаирскомъ кряжѣ, по рр. Томи, Мрассу, Кондомѣ и Лебеди, гдѣ она носитъ особое мѣстное названіе черни. На югѣ-же губерніи, именно на Алтаѣ, она играетъ уже подчиненную роль, уступая тамъ мѣсто лиственничнымъ лѣсамъ. Однако, совершенно чистой и притомъ сплошь развитой на обширныхъ пространствахъ ее приводится наблюдать рѣдко, вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ, буреломовъ, также вліянія человѣка, обусловливающихъ разрѣженіе этихъ лѣсовъ и проникновеніе въ нихъ лиственныхъ древесныхъ породъ и травянистыхъ представителей другихъ ассоціацій. Этоже обстоятельство, въ связи съ почвенными условіями, опредѣляетъ раздробленіе этой формаціи на острова, чередующіеся съ березово-осиновыми лѣсами и формаціей сосноваго бора, или-же съ формаціями болотнаго и луговаго типовъ.

Формація сосноваго бора слагается изъ иныхъ представителей: кромѣ сосны, играющей первенствующую роль, въ ней принимаютъ участіе брусничники (Vaccinium), нѣкоторыя вересковыя (Arctostaphylos, Calluna), грушанковыя (Pyrola umbellata, chlorantha) и др., свойственныя лишь этой ассоціаціи растенія. По своему внѣшнему виду сосновые бора представляютъ значительный контрастъ съ пихтово-еловыми лѣсами; они менѣе густы и не представляютъ такой тѣни; почва въ нихъ обыкновенно бываетъ одѣта лишайниковымъ, а не моховымъ ковромъ.

Сосновые бора пріурочиваются почти исключительно къ легкимъ песчанистымъ почвамъ. Въ сѣверной половинѣ губерніи они располагаются, обыкновенно, на возвышенныхъ мѣстахъ или такъ называемыхъ гривахъ, перемежаясь съ пихтово-еловыми лѣсами, или-же съ березо-осиновыми, занимающими низины съ болѣе тяжелыми почвами. Въ среднихъ частяхъ губерніи эта формація является уже менѣе распространенной; здѣсь главнымъ образомъ она удерживается около р. Оби, по которой доходитъ почти до самыхъ предгорій Алтая. Въ излучинѣ Оби, между Барнауломъ и Бійскомъ, имѣется обширный островъ сосновыхъ боровъ. Южнѣе-же она становится болѣе рѣдкой и далѣе Чемала къ югу уже не распространяется.

Отъ долины р. Оби сосновые бора проникаютъ на юго-западъ—далеко вглубь степной области, до самаго Иртыша, располагаясь по песчанымъ гривамъ, тянущимся почти параллельно съ сѣверо-востока на юго-западъ. Нахожденіе здѣсь этой формаціи представляетъ довольно любопытное явленіе, и узкія полосы ея поражаютъ своимъ контрастомъ съ окружающей, мѣстами довольно безплодной, съ пустыннымъ оттѣнкомъ, степью.

Затѣмъ, третья ассоціація лѣснаго типа, формація широколиственнаго лѣса, играетъ слишкомъ невидную роль въ растительномъ покровѣ губерніи; тѣмъ не менѣе, присутствіе ея въ ней является весьма важнымъ и интереснымъ фактомъ, бросающимъ свѣтъ на исторію всей сибирской флоры. Формація эта является въ видѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ островковъ, заброшенныхъ въ восточной части губерніи—въ нижнемъ теченіи р. Кондомы, на западныхъ предгоріяхъ Кузнецкаго Алатау. Кромѣ этого мѣста и еще одного пункта на р. Енисеѣ, близъ Красноярска, формація эта совершенно отсутствуетъ почти во всей Сибири, за исключеніемъ лишь самыхъ восточныхъ частей ея, смежныхъ съ Манчжуріей. Она въ зна-

чительной мѣрѣ утратила свои характеристическія черты, такъ какъ въ ассоціаціи сохранилось въ настоящее время всего около полутора десятка членовъ, въ томъ числѣ одинъ лишь древесный представитель, именно сибирская липа (Tilia cordata v. sibirica). Но все-таки эта формація является полнымъ аналогомъ широколиственныхъ лѣсовъ, развитыхъ какъ въ Манчжуріи и прилежащихъ къ ней Уссурійскомъ и Приамурскомъ краяхъ, такъ и въ Европѣ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ея сочленовъ находятся какъ восточно-азіатскія (Osmorhiza), такъ и европейскія (Asarum) и, наконецъ, общія обѣимъ странамъ (Aspidium aculeatum) формы. Я не имѣю возможности остановиться здѣсь съ большой подробностью на этомъ интересномъ вопросѣ, разобранномъ мной въ особой статьѣ, спеціально посвященной сибирской липѣ*). Укажу только, что тщательный подборъ всѣхъ, собранныхъ по этому поводу фактовъ, приводитъ къ заключенію, что эти ничтожные островки липовыхъ лѣсовъ представляютъ изъ себя послѣдніе остатки формаціи, могуче развитой въ прежнее отдаленное время, именно въ пліоценовую эпоху третичнаго періода, формаціи, имѣвшей тогда несравненно большее число сочленовъ и широко распространенной въ предѣлахъ какъ Томской губерніи, такъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири.

Что касается березово-осиновыхъ лѣсовъ, то ихъ нельзя сопоставлять съ широколиственными, такъ какъ они не имѣютъ съ ними ничего общаго, да, какъ было упомянуто, и не представляютъ изъ себя вообще аналогичной имъ ассоціаціи. Эти лѣса являются распространенными въ большей части лѣсной области, вперемежку съ другими упомянутыми лѣсными формаціями; кромѣ того, при всякомъ удобномъ случаѣ, эти древесныя породы, играя роль какъ-бы сорныхъ деревьевъ, стараются занять мѣсто и среди этихъ ассоціацій, нарушая ихъ чистоту и образуя смѣшанныя насажденія, въ которыя проникаютъ и многія растенія другихъ формацій, сопровождающія обыкновенно березу и осину. Однако, обширнаго, сплошнаго развитія лѣса изъ этихъ породъ не имѣютъ; въ сосѣдствѣ съ формаціями хвойнаго лѣса, при условіяхъ, не препятствующихъ развитію послѣднихъ, они постепенно вытѣсняются ими и какъ-бы перекочевываютъ въ тѣ мѣста, которыя вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ, порубки и другихъ причинъ, освобождаются временно отъ этихъ формацій. Береза и осина имѣютъ больше шансовъ быстрѣе овладѣть новой территоріей, благодаря летучести сѣмянъ и быстротѣ роста; но недолговѣчность этихъ породъ не даетъ имъ возможности закрѣпить за собой захваченную территорію и современемъ онѣ снова вытѣсняются хотя и медленно растущими, но зато и болѣе долговѣчными и болѣе устойчивыми, хвойными породами. Такимъ образомъ, между тѣми и другими существуетъ какъ-бы постоянный антагонизмъ.

*) Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета за 1891 г.

Въ западныхъ частяхъ губерніи береза проникаетъ въ предѣлы степной области, образуя здѣсь безчисленныя небольшія рощицы, чередующіяся съ степными лугами, солончаками и озерами. Эта оригинальная лѣсистая степь, названная Миддендорфомъ „березовой степью", и составляетъ такъ называемую Барабу или Барабинскую степь, развитую, кромѣ западныхъ частей Томской губерніи, также и въ предѣлахъ Тобольской.

Наконецъ, лиственница (Larix sibirica) встрѣчается въ большей части лѣсной области губерніи, но лишь какъ незначительная примѣсь къ другимъ хвойнымъ породамъ, преимущественно къ соснѣ. Только въ южныхъ частяхъ губерніи она образуетъ чистые сплошные лѣса, которые пріурочиваются почти исключительно къ горнымъ мѣстностямъ. Склоны Алтая одѣты такими лиственничными лѣсами до значительной высоты и только близъ лѣснаго предѣла эти лѣса смѣняются обыкновенно узкой полосой пихтово-еловой формаціи, обрамляющей кольцомъ простирающуюся выше альпійскую область.

Кромѣ формацій лѣснаго типа, въ растительномъ покровѣ лѣсной области принимаютъ участіе также, какъ было упомянуто, еще ассоціаціи другого типа, именно луговаго. Разобраться детально въ этихъ ассоціаціяхъ, по малочисленности данныхъ, пока еще нѣтъ возможности, и я укажу лишь на тѣ физіономическія группы, на которыя можно подраздѣлить относящееся сюда растительное населеніе по внѣшнему виду образуемаго имъ покрова. Видная роль между ними принадлежитъ высокотравнымъ зарослямъ, которыя можно пожалуй назвать *таежными преріями*. Онѣ характеризуются гигантскими многолѣтними травянистыми растеніями, каковы прикрытъ (Aconitum), шпорникъ (Delphinium), дягиль (Angelica) и др. зонтичныя, Альфредія (Alfredia), нѣкоторыя сложноцвѣтныя и многія другія растенія, достигающія нерѣдко саженной и даже большей высоты и скрывающія въ своей заросли всадника. Среди нихъ очень мало злаковъ. Такъ какъ эти высокія и крупнолистныя растенія требуютъ для своего развитія довольно много мѣста и не могутъ расти очень скученно, то они и не образуютъ дерна; между ихъ толстыми стеблями всегда остаются промежутки голой почвы. Эти таежныя преріи развиты особенно во влажныхъ долинахъ Алтая, Кузнецкаго Алатау и въ другихъ гористыхъ мѣстностяхъ, а также по лѣснымъ прогалинамъ, такъ наз. еланямъ, тѣнистымъ оврагамъ—и въ другихъ частяхъ лѣсной области.

Другой характеръ имѣютъ такъ наз. *дернистые луга*. Ихъ отличительной чертой является большая скученность разнообразныхъ многолѣтнихъ растеній, между которыми немало разныхъ породъ злаковъ, каковы тимофѣевка (Phleum), мятлика (Poa), пырей (Triticum) и имъ подобные. Средняя высота этихъ растеній около аршина и они такъ густо заселяютъ занимаемую ими площадь, что не оставляютъ ни одного клочка свободной почвы, словомъ, образуютъ густой дернъ. Такіе луга, являющіеся лучшими пастбищами, свойственны открытымъ пространствамъ съ умѣренно сухой плодородной почвой, между прочимъ заливнымъ рѣчнымъ долинамъ. Особенно развиты дернистые луга по окраинамъ лѣсной области, гдѣ послѣдняя соприкасается со степной.

Слишкомъ сырыя, непросыхающія, почвы заселены опять особой растительностью, довольно рѣзко подраздѣляющейся на два типа: къ первому принадлежитъ растительность *луговыхъ* или *травянистыхъ болотъ*, въ которыхъ видную роль играютъ различные виды осокъ; по внѣшнему виду эта растительность приближается къ дернистымъ лугамъ. Ко второму типу принадлежитъ формація *торфяно-болотной* растительности, имѣющей извѣстное отношеніе къ формаціямъ типа хвойныхъ лѣсовъ. Первая развита всюду въ предѣлахъ лѣсной области, а также и въ другихъ областяхъ; вторая же удерживается почти исключительно лишь въ предѣлахъ распространенія вѣчнозеленыхъ хвойныхъ лѣсовъ.

Вотъ главнѣйшія группы, на которыя распадается растительное населеніе лѣсной области губерніи.

Слѣдующая, степная область развита преимущественно за р. Обью, въ югозападныхъ частяхъ губерніи, начиная приблизительно съ широты Убинскаго озера и до южныхъ границъ губерніи. Въ восточную часть ея она отбрасываетъ немало различной величины острововъ, изъ которыхъ наиболѣе значительными являются два, расположенные по ту и другую сторону Салаирскаго кряжа. Одинъ изъ нихъ находится на сѣверѣ отъ кряжа, въ бассейнѣ р. Ини или въ такъ наз. кузнецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ, а другой на югѣ отъ него—въ сѣверныхъ частяхъ Бійскаго и Барнаульскаго округовъ, преимущественно въ бассейнѣ р. Чумыша. Раздѣляющій-же оба эти острова Салаирскій кряжъ заселенъ представителями лѣсной области, именно формаціей пихтово-еловаго лѣса.

Въ общемъ, степная область замыкается, слѣдовательно,

съ сѣвера и востока лѣсной; между обѣими областями должна быть, конечно, граница: она и существуетъ, но вслѣдствіе значительной постепенности въ смѣнѣ климатическихъ и прочихъ условій, свойственныхъ этой полосѣ, она является нерѣзкой. Формаціи той и другой области какъ-бы вклиниваются одна въ другую; самые члены одной внѣдряются среди представителей другой, вслѣдствіе чего образуется болѣе или менѣе широкая полоса, представляющая среднія черты той и другой области.

Есть еще одно обстоятельство, опредѣляющее нерѣзкость, неопредѣленность въ очертаніи границы между означенными областями, обстоятельство, находящееся въ связи съ рельефомъ страны. Въ предѣлахъ лѣсной области, но близъ границы со степной, на сухихъ южныхъ склонахъ холмовъ и невысокихъ горъ, являются условія, благопріятствующія существованію на нихъ представителей степныхъ формацій, именно въ силу большей нагрѣваемости почвы и прилежащаго къ ней слоя воздуха, нежели на ровныхъ мѣстахъ и склонахъ, обращенныхъ на сѣверъ. Поэтому очень часто наблюдается такое явленіе, что степныя формаціи, въ видѣ небольшихъ изолированныхъ островковъ на такихъ южныхъ склонахъ, проникаютъ нѣсколько вглубь лѣсной области. Съ другой стороны, и въ предѣлахъ степной замѣчаются подобные-же изолированные островки лѣсныхъ формацій. Но эти островки располагаются, наоборотъ, на сѣверныхъ покатостяхъ, въ сырыхъ низинахъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ, или въ сырыхъ оврагахъ.

При своихъ экскурсіяхъ по Томской губерніи я старался опредѣлить эту границу, пересѣкалъ ее во многихъ мѣстахъ и, на основаніи сдѣланныхъ наблюденій, могу намѣтить ее, правда въ самыхъ общихъ, грубыхъ чертахъ, слѣдующимъ образомъ: начиная съ западныхъ частей Каинскаго округа она тянется нѣсколько сѣвернѣе бывшаго почтоваго тракта до Оби, близъ г. Колывани; затѣмъ, перескакивая здѣсь черезъ

полосу лѣсной области, направляется на сѣверовостокъ, къ с. Туталинскому на р. Томи. Отсюда поворачиваетъ на юговостокъ и, слѣдуя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ р. Томи, доходитъ до Кузнецка; затѣмъ, огибая съ сѣвера Салаирскій кряжъ, переходитъ на южную его сторону, направляется на Бійскъ, Барнаулъ и, перейдя опять за р. Обь, тянется на югъ до границы губерніи, удерживаясь на предгорьяхъ Алтая. Эта граница видна на приложеной здѣсь картѣ.

Степная область характеризуется, какъ было упомянуто, преобладаніемъ открытыхъ пространствъ и малымъ развитіемъ лѣсовъ, имѣющихъ здѣсь островной характеръ, затѣмъ другимъ составомъ растительности, группирующейся въ ассоціаціи иного физіономическаго оттѣнка. Переступая въ степную область, мы слѣдовательно не разстаемся еще съ лѣсами, но должны смотрѣть на нихъ, какъ на острова лѣсныхъ ассоціацій, вклинившихся сюда изъ сосѣдней лѣсной области. Въ степной области преобладаютъ ассоціаціи, болѣе всего подходящія къ луговому типу, однако есть и такія, которыя представляютъ изъ себя какъ-бы нѣчто среднее между этимъ типомъ и типомъ лѣсовъ. Это кустарниковыя заросли, являющіяся особенно развитыми въ югозападныхъ частяхъ губерніи, гдѣ онѣ состоятъ изъ степнаго миндаля (Amygdalus nana), степной акаціи (Caragana frutescens), татарской жимолости (Lonicera tatarica), нѣкоторыхъ видовъ таволги (Spiraea hypericifolia, crenifolia), бѣлаго шиповника (Rosa pimpinellifolia) и другихъ кустарниковъ.

Въ ассоціаціяхъ луговаго типа, составленныхъ почти исключительно изъ травянистыхъ растеній, наблюдаются различные оттѣнки, обусловленные болѣе всего качествомъ почвы и степенью ея влажности. Болѣе плодороднымъ черноземнымъ почвамъ, развитымъ преимущественно въ сосѣдствѣ съ лѣсной областью, а равно и въ переходной полосѣ между обѣими, соотвѣтствуетъ болѣе пышный и густой травянистый покровъ,

ближе всего напоминающій сухіе, т. е. дернистые луга лѣсной области и упомянутой переходной полосы, хотя здѣсь все-таки между отдѣльными растеніями можно замѣтить маленькіе участки (1—2 вершка) голой незанятой почвы. Очень характерными растеніями для такихъ черноземныхъ степей являются между прочимъ ковыль, преимущественно перистый (Stipa pennata), типчакъ или волосецъ (Festuca ovina), келерія (Koeleria cristata и glauca) и нѣк. др. злаки, медунка (Medicago falcata), эспарцетъ (Onobrychis) и нѣк. др. бобовыя, нѣкоторыя сложноцвѣтныя и другія типичныя для нихъ растенія.

На суглинистыхъ и другихъ менѣе плодородныхъ почвахъ, лежащихъ за черноземной полосой къ югу, растительный коверъ является болѣе тощимъ и рѣдкимъ. Общій колоритъ его сѣроватый отъ преобладанія нѣкоторыхъ видовъ полыней, лебедовыхъ и др. свойственныхъ такимъ степямъ растеній, обыкновенно низкорослыхъ. Здѣсь довольно рѣзко выступаетъ чередованіе растеній по временамъ года. Весной господствуютъ тутъ нѣкоторыя луковичныя, клубненосныя, а также однолѣтнія растенія (Tulipa, Leontice, и др.), которыя довольно быстро совершаютъ циклъ своего развитія, увядаютъ и сходятъ такъ сказать со сцены, сохраняясь до будущей весны въ видѣ луковицъ, корневицъ и клубней, спрятанныхъ глубоко въ почвѣ, или-же въ видѣ сѣмянъ. На смѣну ихъ появляются другія растенія, но среди лѣта эти степи кажутся болѣе всего безплодными, какъ-бы выгорѣвшими отъ солнечнаго зноя, и лишь къ осени онѣ снова становятся болѣе оживленными отъ разростающихся къ тому времени полыней, лебедовыхъ и др. позднихъ растеній.

Въ степной области, вслѣдствіе малаго количества дождей и вообще осадковъ и связанной съ этимъ сухости воздуха и почвы, являются благопріятныя условія для накопленія въ послѣдней большаго количества растворимыхъ солей. Такіе участки соленой почвы, или такъ наз. солончаки, одѣты особой, свойственной имъ растительностью, выдѣляющейся среди окружающаго ее сѣраго степнаго ковра болѣе яркой зеленью, а также мясистостью листьевъ и стеблей нѣкоторыхъ входящихъ въ эту ассоціацію растеній, между которыми видную роль играетъ *солянка* (Salicornia herbacea), Statice и нѣк. др. растенія. Почвамъ менѣе соленымъ или такъ наз. *подсолонкамъ* соотвѣтствуетъ растительность, представляющая среднія черты между этой и ранѣе приведенными.

Степныя ассоціаціи не ограничиваются въ своемъ распредѣленіи лишь равнинами, но проникаютъ и въ горы до извѣстной высоты, забираясь далеко вглубь Алтая, при чемъ располагаются на открытыхъ, преимущественно южныхъ склонахъ ихъ, нерѣдко на каменистой или щебнистой почвахъ. Здѣсь онѣ принимаютъ нѣсколько иной характеръ, вслѣдствіе включенія нѣкотораго количества другихъ сочленовъ, не свойственныхъ равнинамъ и очевидно имѣющихъ горное происхожденіе, хотя эти растенія не заходятъ очень высоко въ горы и не являются свойственными лежащей тамъ альпійской области.

Бываютъ однако случаи, когда такія степныя ассоціаціи почти сталкиваются здѣсь съ представителями альпійской области. Этотъ, такъ сказать, ботанико-географическій парадоксъ поражаетъ наблюдателя, привыкшаго въ равнинахъ видѣть болѣе или менѣе постепенную смѣну растительныхъ формъ; для него естественно было бы ожидать сперва смѣны степныхъ формацій лѣсными, а затѣмъ уже альпійскими, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Но, очевидно, рельефъ горъ, лежащихъ по сосѣдству съ средне-азіатскими пустынями и находящихся подъ ихъ вліяніемъ, даетъ возможность для климатическихъ и другихъ контрастовъ, которые, въ свою очередь, и обусловливаютъ такія неожиданности въ соотношеніи между растительными формами столь несходныхъ

растительныхъ областей. Правда, есть нѣкоторыя общія черты между ними; это—суровость климатическихъ условій; но въ одной области (степной) это зависитъ отъ сухости воздуха и почвы, а въ другой (альпійской), при избыткѣ влажности того и другаго,—отъ низкой температуры.

Въ самыхъ югозападныхъ частяхъ Томской губерніи степная область, какъ я уже говорилъ, начинаетъ принимать характеръ пустыни; этимъ выражается постепенный переходъ къ пустынной области, развитой южнѣе, за р. Иртышомъ. Но появленіе этого оттѣнка въ юговосточной гористой части губерніи, въ котловинѣ р. Чуи и нѣкоторыхъ прилежащихъ мѣстностяхъ, представляетъ нѣкоторую неожиданность. Хотя эта котловина, или такъ наз. Чуйская степь, имѣетъ въ ширину мѣстами до 40 верстъ (при длинѣ около 80), но она окружена высокими горами, да и сама расположена на высотѣ около 5000 футовъ надъ уровнемъ моря. Естественнѣе было-бы встрѣтить здѣсь развитіе альпійской области, но тутъ опять сказывается вліяніе средне-азіатской пустыни, что видно и изъ самаго состава обитающаго здѣсь растительнаго населенія, имѣющаго не малое число общихъ представителей съ монгольской флорой. Такимъ образомъ, на этотъ уголокъ губерніи можно, мнѣ кажется, смотрѣть съ флористической стороны какъ на островокъ, отброшенный сюда отъ великой средне-азіатской пустыни.

Наконецъ, альпійская область располагается въ горной части губерніи—на хребтахъ и вершинахъ Алтая, достигающихъ не менѣе 7000 ф. или 2-хъ верстъ надъ уровнемъ моря. Именно, до этой приблизительно высоты, какъ было упомянуто, могутъ еще доходить лѣса и др. ассоціаціи лѣсной области. Выше-же, климатическія условія, именно низкая температура, обусловливающая краткость растительнаго періода, не превышающаго здѣсь 2½ мѣсяцевъ, кладутъ предѣлъ ихъ распространенію и даютъ возможность существовать лишь

немногимъ растеніямъ, спеціально приспособившимся къ этимъ суровымъ условіямъ.

Въ альпійской области, также какъ и въ другихъ, растительное населеніе группируется въ нѣсколько отличныхъ одна отъ другой ассоціацій. Въ нижнихъ частяхъ области близъ лѣсной границы, на ровныхъ мѣстахъ или болѣе пологихъ покатостяхъ, покрытыхъ толстымъ почвеннымъ слоемъ, растительный покровъ имѣетъ весьма большое внѣшнее сходство съ дернистыми лугами лѣсной области. Онъ также густъ и пышенъ; въ немъ не мало и представителей лѣсной области, достигающихъ здѣсь, однако, вертикальнаго предѣла своего распространенія. Но преобладаніе въ этой ассоціаціи такъ наз. альпійскихъ растеній придаетъ ей особый внутренній характеръ, почему такіе луга, въ отличіе отъ лѣсныхъ, и носятъ названіе альпійскихъ. Въ нихъ видную роль играютъ крупноцвѣтные орлики (Aquilegia glandulosa), алтайскіе огоньки (Trollius altaicus), Aronicum, нѣкоторыя горечавковыя (Swertia) и др. растенія. Въ высшихъ поясахъ, болѣе ровныя мѣста, гдѣ также есть нѣкоторое скопленіе наносной почвы, иногда щебнистой, растительный коверъ уже иного характера: онъ болѣе скудный и рѣдкій; кромѣ цвѣтковыхъ растеній, въ немъ принимаютъ участіе также мхи и лишайники, нерѣдко покрывающіе почву болѣе или менѣе толстымъ слоемъ. Растенія отличаются низкорослостью, но зато многія изъ нихъ имѣютъ красивые крупные яркоокрашенные цвѣты, выигрывающіе еще болѣе отъ того контраста, который представляютъ съ такими цвѣтистыми лужайками тутъ же рядомъ лежащія снѣжныя залежи.

Къ числу этихъ красавцевъ принадлежатъ алтайскія фіалки (Viola altaica), горечавки (Gentiana), первоцвѣты (Primula nivalis), лютики (Ranunculus frigidus), анемоны (Anemone narcissiflora), альпійскія незабудки (Erytrichium), макъ (Papaver alpinum), и многіе другіе представители этой ассоціаціи,

которую можно назвать альпійской тундрой, по аналогіи съ ассоціаціями, свойственными области полярныхъ тундръ или арктической.

Среди альпійской тундры нерѣдко встрѣчаются заросли изъ карликовой березки, нѣкоторыхъ особыхъ видовъ ивы, иногда альпійскаго можжевельника и нѣк. др. низкорослыхъ кустарниковъ, что имѣетъ мѣсто также и на крайнемъ сѣверѣ.

По болѣе крутымъ склонамъ, покрытымъ обыкновенно каменными глыбами и по скаламъ, гдѣ наносная, или происшедшая отъ вывѣтриванія, почва уже не можетъ удержаться, растительность еще бѣднѣе и рѣже; о растительномъ покровѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Альпійскія травки ютятся лишь кой-гдѣ по уступамъ и трещинамъ скалъ и каменныхъ глыбъ, внося мало оживленія въ ихъ дикій и мертвенный ландшафтъ.

Въ общемъ, характеръ растительнаго покрова альпійской области по его скудности, низкорослости составляющихъ его растеній, а также по безлѣсью, представляетъ общія черты съ покровомъ степной области; но сходство это чисто внѣшнее. Гораздо болѣе глубокимъ оно является между этой областью и арктической, выражаясь не только въ физіономической сторонѣ растительныхъ ассоціацій, свойственныхъ той и другой, но и въ самомъ составѣ ихъ, такъ какъ въ альпійской области Алтая есть не мало (около 70) представителей общихъ съ арктической областью.

ФИТО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА Томской губерніи (СХЕМАТИЧЕСКАЯ).

Районъ преобладанія пихтово-еловыхъ лѣсовъ.
Лиственичныхъ лѣсовъ.
Березовыя рощи въ предѣлахъ степной области.
Сосновыя бора тамъ-же.
1. Лѣсная область.
2. Степная область.
3. Пустынная область.
4. Острова альпійской обл.

ОЧЕРКЪ
ЖИВОТНАГО НАСЕЛЕНІЯ СИБИРИ
и Томской губерніи въ частности[1]).

Профессора

Н. Ѳ. КАЩЕНКО.

Животное населеніе каждой мѣстности земного шара находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ состава и рельефа почвы, отъ климата данной страны, отъ ея растительности и отъ состоянія человѣческой культуры въ ней. А такъ какъ въ указанныхъ отношеніяхъ Сибирь представляетъ нѣкоторыя особенности, сравнительно съ Европой вообще и въ частности съ Европейской Россіей, то не удивительно, что и въ ея животномъ населеніи тоже замѣчаются нѣкоторыя особенности, касающіяся не только состава этого населенія, но и частныхъ качественныхъ признаковъ, характеризующихъ представителей одного и того же вида въ той и другой странѣ. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе болѣе сильное развитіе наружныхъ покрововъ у сибирскихъ животныхъ и болѣе значительные размѣры всего ихъ тѣла. Извѣстно, что лучшіе мѣха получаются изъ Сибири и притомъ,

[1]) Этотъ краткій очеркъ, касающійся преимущественно позвоночныхъ, я далеко не считаю полнымъ. Полагаю, однако, что онъ можетъ быть полезенъ, съ одной стороны, для лицъ, обладающихъ общими зоологическими свѣденіями, но незнакомыхъ съ Сибирью и желающихъ получить нѣкоторое представленіе объ особенностяхъ сибирской фауны, сравнительно съ европейской, а съ другой—для образованныхъ сибиряковъ, интересующихся разностороннимъ ознакомленіемъ со своей отчизной и съ ея отношеніемъ къ нашему коренному отечеству. Статья составлена на основаніи какъ литературныхъ данныхъ, такъ и собственныхъ десятилѣтнихъ наблюденій въ Томской губерніи. Такъ какъ печатаніе нѣсколько затянулось, то я внесъ сюда, частью въ текстъ, частью подстрочно, также нѣкоторые факты, добытые мною уже послѣ прочтенія лекціи.

© ГПНТБ СО РАН

не мѣшаетъ замѣтить, изъ тѣхъ именно частей Восточной Сибири, которыя отличаются не только холоднымъ, но и наиболѣе континентальнымъ климатомъ. Давно замѣчено также, что очень многія сибирскія млекопитающія: олени, сурки, кроты, медвѣди и даже бѣлки имѣютъ въ большинствѣ случаевъ размѣры болѣе значительные, чѣмъ въ Европѣ. То же явленіе наблюдается и на многихъ птицахъ (напр., гусь-гуменникъ и друг.). Величина сибирскихъ щукъ, карасей, окуней и особенно ершей тоже давно уже обратила на себя вниманіе ихтіологовъ. Вѣроятно, эта разница въ общей величинѣ тѣла зависитъ отъ большаго приволья и лучшаго питанія животныхъ въ нашей только еще начинающей заселяться окраинѣ. Нужно, однако, замѣтить, что и помимо этого условія зоологами давно уже установленъ фактъ, что животныя, населяющія извѣстный материкъ, достигаютъ тѣмъ бо́льшаго роста, чѣмъ бо́льшіе размѣры имѣетъ самъ материкъ. Этотъ общій законъ, основныя причины котораго не вполнѣ еще выяснены, нѣкоторые считаютъ возможнымъ примѣнить и къ разницѣ, наблюдаемой между животными Европы и Азіи, хотя въ сущности эти двѣ части свѣта составляютъ одинъ материкъ.

Къ упомянутымъ уже особенностямъ нерѣдко присоединяются еще отличія въ окраскѣ, въ степени разростанія наружныхъ покрововъ (перьевъ, волосъ) на отдѣльныхъ частяхъ тѣла и даже въ относительныхъ размѣрахъ разныхъ частей тѣла. Иногда всѣ эти особенности достигаютъ настолько значительной степени, что заставляютъ даже соотвѣтственныя европейскія и сибирскія формы считать особыми видами. Такъ напримѣръ, европейскій благородный олень (Cervus elaphus L.) въ Сибири является въ видѣ марала (Cerv. maral Ogilby), отличающагося отъ своего родича хотя и незначительными, но постоянными признаками: болѣе крупнымъ ростомъ и болѣе длинной и густой шерстью. Сибирская козуля (Capreolus pygargus Pall.) точно также считается видомъ отличнымъ отъ козули европейской (Capreolus capreolus L.), хотя это раздѣленіе основывается только на разницѣ въ общихъ размѣрахъ и на небольшой разницѣ въ формѣ роговъ. Подобное же отношеніе наблюдается между филиномъ европейскимъ (Bubo maximus Ger.) и сибирскимъ (B. sibiricus Schl. & Sus.), характеризующимся болѣе свѣтлой окраской и болѣе густымъ опереніемъ ногъ, между сорокой европейской (Pica caudata Ger.) и сибирской бѣлокрылой сорокой (Pica leucoptera Gould.), и между очень многими другими соотвѣтственными сибирскими и европейскими животными. Какъ типичный примѣръ постепеннаго измѣненія этихъ внѣшнихъ признаковъ по мѣрѣ движенія съ запада на востокъ, можно указать на обыкновенную галку (Monedula). Европейская галка (Mon. turrium Brehm), характеризующаяся сѣрымъ ошейникомъ, уже въ Европейской Россіи начинаетъ постепенно замѣняться западноазіатской формой (Mon. collaris Drumm.), у которой ошейникъ имѣетъ болѣе бѣлый цвѣтъ, а начиная съ Томска эта бѣлошейная галка снова также постепенно замѣняется формой восточно-азіатской или даурской (M. dauriса Pall.), у которой бѣлая окраска не только становится еще болѣе чистой на шеѣ, но распространяется также на грудь и брюхо. Предполагаютъ, что эта болѣе свѣтлая окраска многихъ сибирскихъ животныхъ, особенно часто наблюдаемая у птицъ, обусловливается сухостью воздуха.

Однако, одними только выше указанными физико-географическими условіями (если оставить пока въ сторонѣ вліяніе человѣка) далеко не всегда можно бываетъ объяснить разницу, наблюдаемую въ составѣ фауны двухъ какихъ либо странъ. Напримѣръ, материкъ Австраліи, вмѣстѣ съ Новой Гвинеей, Новой Зеландіей и другими болѣе мелкими островами, по своимъ физико-географическимъ условіямъ далеко не такъ

рѣзко отличается отъ Европейско-Азіатскаго материка. А между тѣмъ на первыхъ мы наблюдаемъ совершенно иной міръ живыхъ существъ, коренным образомъ отличныхъ отъ извѣстныхъ въ старомъ свѣтѣ. Достаточно напомнить, что изъ обыкновенныхъ млекопитающихъ въ Австраліи извѣстны только летучія мыши, настоящія мыши и собака динго. Да и то мыши несомнѣнно были завезены туда кораблями, а динго, судя по многимъ даннымъ, представляетъ собой не что иное, какъ одичавшую домашнюю собаку, слѣдовательно тоже была завезена людьми. Но зато тамъ живутъ двуутробки, такъ называемые птице-звѣри или правильнѣе—рептиліе-звѣри (однопроходныя млекопитающія), райскія птицы, медососы, казуары, киви, двоякодышащія рыбы и, вообще, многія такія животныя, которыя на другихъ материкахъ или совсѣмъ неизвѣстны, или встрѣчаются только въ видѣ исключенія.

Существуютъ, слѣдовательно, кромѣ уже указанныхъ, еще и другія причины, опредѣляющія извѣстное намъ въ настоящее время распредѣленіе животныхъ по земной поверхности. Это причины геологическія и біологическія. Онѣ обусловливаютъ собою исторію развитія животнаго населенія каждой мѣстности. Какъ показываютъ многія данныя, каждая животная форма выработывается сначала въ одномъ какомъ-нибудь болѣе или менѣе ограниченномъ районѣ и на выработку ея вліяютъ не одни только физико-географическія условія, но и условія біологическія, главнымъ образомъ борьба за существованіе, которая можетъ проявляться въ различномъ видѣ при весьма сходныхъ климатическихъ условіяхъ. Разъ образовавшись, каждый животный видъ стремится распространиться во всѣ стороны, но въ своемъ стремленіи ограничивается опять таки тѣми же условіями біологическими и физико-географическими. Помимо большей или меньшей продолжительности существованія извѣстнаго вида, здѣсь имѣютъ значеніе способность его къ активному или пассивному передвиженію, большая или меньшая зависимость отъ опредѣленнаго качества пищи и даже самой почвы, на которой животное обитаетъ, способность переносить колебанія влажности и температуры и многія другія обстоятельства, вліяющія весьма неодинаково на различныхъ животныхъ. Оттого то однѣ формы распространяются быстро и широко; другія—медленно, или совсѣмъ не распространяются и долгое время остаются въ мало измѣнчивомъ, неподвижномъ состояніи; третьи совсѣмъ вымираютъ. А такъ какъ всѣ выше перечисленныя разнообразныя внѣшнія условія сами тоже мѣняются и полнаго тожества ихъ на всемъ земномъ шарѣ ни въ какомъ геологическомъ періодѣ не бываетъ, то для каждаго даннаго момента получается чрезвычайно пестрая картина распредѣленія животныхъ по земной поверхности. Изъ этого уже ясно, что животное населеніе каждой опредѣленной мѣстности не представляетъ чего либо стойкаго и неподвижнаго, но постоянно измѣняется и перетасовывается съ населеніемъ сосѣднихъ мѣстностей. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ теченіе одной человѣческой жизни весьма нерѣдко можно бываетъ замѣтить перемѣну въ границахъ распространенія того или другого животнаго. Но такъ какъ далеко не всѣ животныя измѣняютъ свои области распространенія замѣтнымъ образомъ въ теченіе даже нѣсколькихъ человѣческихъ жизней и такъ какъ для измѣненія общаго характера мѣстной фауны требуется накопленіе въ ней очень многихъ частныхъ перемѣнъ, то въ общемъ все же фауна каждой мѣстности можетъ считаться *относительно* постоянной, настолько по крайней мѣрѣ, что оказывается возможнымъ ее точно изучать и отмѣчать происходящія въ ней съ теченіемъ времени перемѣны.

Запасшись этими предварительными свѣденіями, перейдемъ теперь къ обзору той обширной зоогеографической области, въ составъ которой входитъ Сибирь, такъ какъ это необходимо для пониманія состава животнаго населенія и въ самой Сибири.

Поверхность земного шара раздѣляется въ фаунистическомъ отношеніи на нѣсколько крупныхъ, такъ называемыхъ зоогеографическихъ, областей. Вся Россійская Имперія, какъ въ европейской, такъ и въ азіатскихъ своихъ частяхъ, входитъ въ составъ одной изъ этихъ областей, называемой *палеарктической*. Однако, палеарктическая область охватываетъ далеко не одну только Россію, но всю Европу, сѣверное побережье Африки, сѣверную Аравію и почти всю остальную Азію. Только небольшая часть послѣдней, располагающаяся къ югу отъ Гималайскаго хребта, входитъ въ составъ другой зоогеографической области, именно индійской.

Довольно трудно въ краткихъ и въ то же время общепонятныхъ словахъ объяснить, чѣмъ именно отличается палеарктическая область отъ другихъ зоогеографическихъ областей земного шара. Перечисленіе всѣхъ животныхъ, которыхъ въ этой области недостаетъ, сравнительно съ другими областями, отняло бы слишкомъ много времени. Перечисленіе же всѣхъ животныхъ, которыя въ ней есть, сверхъ того и показалось бы для слушателей очень скучнымъ, такъ какъ, живя постоянно въ этой области, всякій невольно знакомится въ общихъ чертахъ съ ея животными, а подробности интересуютъ только спеціалистовъ. Но постараюсь указать по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторыхъ такихъ животныхъ, которыя считаются особенно характерными для палеарктической области, потому что или встрѣчаются исключительно лишь въ этой области, или заходятъ въ сосѣднія только въ видѣ исключенія. Изъ числа семействъ позвоночныхъ животныхъ такихъ извѣстно только четыре: усатыя синицы (Panuridae), кошачьи змѣи (Trigonophidae или Tarbophidae), одно семейство змѣевидныхъ ящерицъ (Ophiomoridae) и голомянки (Comephoridae), своеобразныя рыбы, не встрѣчающіяся нигдѣ на земномъ шарѣ, кромѣ Байкальскаго озера, и являющіяся собственно въ числѣ одного только рода и вида—байкальской голомянки (Comephorus baicalensis Pall.). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и остальныя три исключительно свойственныя палеарктической области семейства заключаютъ въ себѣ тоже только по одному роду и виду. Поэтому эти четыре своеобразныя животныя формы не всѣми зоологами признаются представителями особыхъ семействъ. Число же характерныхъ для палеарктической области родовъ весьма значительно. Изъ млекопитающихъ сюда относятся, напримѣръ, выхухоль (Myogale), кротъ (Talpa), хорекъ (Putorius), барсукъ (Meles), козуля (Capreolus), мускусная кабарга (Moschus), якъ (Poëphagus), сайга (Colus), серна (Rupicapra), газель (Antilope, Gazella), хомякъ (Cricetus), слѣпышъ (Spalax) и другіе кротообразные грызуны. Изъ птицъ: соловей (Erithacus), завирушка (Accentor), кедровка (Nucifraga), сорока (Pica), голубая сорока (Cyanopica), чечетка (Acanthis), щеголъ (Carduelis), долгохвостый снѣгирь (Uragus), овсянка (Emberiza), пустынная сойка (Podoces), саджа (Syrrhaptes), куропатка (Perdix), уларъ или горная индѣйка (Tetraogallus), дрофа (Otis), грифъ (Vultur). Изъ гадовъ: Phrynocephalus (неуклюжая широкотѣлая ящерица, живущая въ Средней Азіи), сибирскій четырехпалый тритонъ (Salamandrella), сибирскій пятипалый тритонъ (Ranodon), японская саламандра (Cryptobranchus), чесночница (Pelobates), ука (Bombinator), повитушка (Alytes). Изъ рыбъ: ершъ (Acerina), чопъ (Aspro), карпъ (Cyprinus), карась (Carassius), линь (Tinca), голецъ (Nemachilus), ускучъ (Brachymystax) и многія другія. При этомъ перечисленіи я упоминалъ преимущественно такихъ животныхъ, которыя встрѣчаются въ предѣлахъ Сибири или въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Всего же палеарктическая область имѣетъ исключительно ей свойственныхъ 35 родовъ млекопитающихъ, до 60 родовъ птицъ, не менѣе 9 родовъ рептилій, 17 амфибій и около 25 родовъ рыбъ, а всего около 146 родовъ позвоночныхъ. Въ числѣ насѣкомыхъ не менѣе 5-ти

родовъ изъ семейства настоящихъ дневныхъ или булавчатоусыхъ бабочекъ (Papilionidae или Rhopalocera), болѣе 50-ти родовъ изъ семейства длинноусыхъ жуковъ (Longicornia) и значительное число родовъ изъ разныхъ другихъ семействъ свойственны исключительно палеарктической области. Относительно наземныхъ моллюсковъ этой области заслуживаетъ упоминанія чрезвычайное обиліе видовъ, принадлежащихъ къ родамъ Helix и Clausilia (болѣе половины всего числа видовъ), хотя оба эти рода распространены и въ другихъ областяхъ.

Уже одно громадное протяженіе палеарктической области даетъ основаніе ожидать, что въ различныхъ ея частяхъ животное населеніе тоже должно представлять немаловажныя различія. Дѣйствительно, всю эту область по составу фауны приходится дробить на значительное число крупныхъ и мелкихъ участковъ. Но такъ какъ въ природѣ рѣзкихъ границъ нѣтъ и всякое дѣленіе болѣе или менѣе условно, то и раздѣленіе палеарктической области производится различно. Указанное на прилагаемой картѣ дѣленіе произведено въ главныхъ чертахъ по Н. Сѣверцеву, съ небольшими лишь отступленіями и съ прибавленіемъ границъ распространенія нѣкоторыхъ, въ какомъ нибудь отношеніи особенно интересныхъ, животныхъ формъ.

Прежде всего палеарктическую область необходимо раздѣлить, по крайней мѣрѣ, на три такъ называемыя подобласти: сѣверную, юго-восточную и юго-западную. Сибирь помѣщается почти цѣликомъ въ сѣверной подобласти, но она захватываетъ также и небольшія части обѣихъ южныхъ подобластей. А потому, прежде чѣмъ обратиться къ изученію болѣе важной для насъ сѣверно-палеарктической подобласти, приходится сказать хотя нѣсколько словъ и о двухъ другихъ.

Юго-восточная подобласть (на картѣ розовая), называемая также Манджурской или Китайско-Гималайской, заходитъ въ

предѣлы Сибири въ Уссурійскомъ краѣ, захватывая также небольшую часть лѣваго побережья Амура, въ его среднемъ теченіи. Но такъ какъ совершенно рѣзкой естественной границы между подобластями Манджурской и сѣверной не существуетъ, то сосѣдство Манджурской подобласти отражается весьма замѣтнымъ образомъ на значительной части всего Амурскаго бассейна, который поэтому и заключаетъ немалое количество животныхъ, чуждыхъ остальной Сибири. Манджурская же подобласть, вообще, характеризуется тѣмъ, что въ ней встрѣчаются какъ сѣверныя животныя формы, такъ и южныя, чисто тропическія, а кромѣ того еще и особыя, свойственныя ей одной и потому для нея особенно характерныя. Изъ числа этихъ послѣднихъ формъ можно указать на нѣкоторыхъ обезьянъ, горнаго или черно-бѣлаго медвѣдя (Ailuropus), отличающагося отъ настоящихъ медвѣдей не только оригинальной окраской и меньшей величиной, но и гораздо болѣе важными особенностями въ зубной системѣ и въ устройствѣ лапъ, своеобразную енотовидную собаку (Canis procyonoides Gray), своеобразныхъ хорьковъ, кротовъ, хомяковъ и оленей; изъ птицъ—особенно на ушастыхъ фазановъ (Crossoptilon), интересный родъ Urocynchramus (промежуточный между долгохвостымъ снѣгиремъ и овсянкой) и другихъ; изъ пресмыкающихъ—особенно на японскую исполинскую саламандру (Cryptobranchus) и нѣкоторыхъ другихъ. Нѣтъ недостатка здѣсь также и въ своеобразныхъ рыбахъ. Затѣмъ, какъ на животныхъ, хотя и не исключительно свойственныхъ этой подобласти, но во всякомъ случаѣ рѣзко отличающихъ ее отъ сѣверно-палеарктической, нужно упомянуть о летающихъ лягушкахъ (Rhacophorus), кожистыхъ черепахахъ (Trionyx), настоящихъ фазанахъ, нѣкоторыхъ кошкахъ и т. под. Нѣсколько подробнѣе особенности этой подобласти выяснятся изъ сравненія Амурскаго края съ остальной Сибирью, которое будетъ проведено ниже.

Обширная юго-западная палеарктическая подобласть (на картѣ сѣрая), богатая степями и пустынями, часто называемая также Монгольской, характеризуется цѣлымъ рядомъ своеобразныхъ формъ, къ которымъ принадлежатъ граціозная газель (Gazella dorcas Licht., въ сѣв. Африкѣ и Аравіи) и характерныя для сосѣднихъ съ Сибирью частей Монголіи газелеобразныя степныя антилопы: дзеренъ (Antilope gutturosa Pall.) и хара-сульта или чернохвостая антилопа (Ant. subgutturosa Güld.), сайга (Colus tataricus Forst.), дикая лошадь (Equus przewalskii Pol.), дикіе ослы: джиггетай (Asinus hemionus Pall.), куланъ (As. onager Schreb.) и нѣкоторые другіе, дикіе кабаны (Sus scrofa ferus L.), тушканчики или земляные зайцы (Dipus), песчанки (Meriones), сурки (Arctomys), суслики (Spermophilus), дикообразы (Hystrix), степная лисица или корсакъ (Vulpes corsac L.), гепардъ (Felis jubata Schreb.), барсъ (Fel. irbis Ehrnb.), степная кошка (Fel. manul Pall.) и еще нѣсколько другихъ представителей семейства кошачьихъ. Изъ птицъ здѣсь характерны горныя индѣйки (Tetaogallus), обыкновенные фазаны (Phasianus), пустынныя сойки (Podoces), рябки и саджи (Pterocles и Syrrhaptes, оригинальныя степныя птицы, похожія и на куропатку и на голубя), пеликаны (Pelecanus), корморапы (Phalacrocorax), ягнятники (Gypaëtus), колпицы (Platalea), серпоклювы (Falcirostra). Здѣсь же обращаетъ на себя вниманіе обиліе гадовъ, частью совершенно чуждыхъ сѣверно-палеарктической подобласти, особенно черепахъ (Homopus и друг.), ящерицъ (Agama, Phrynocephalus, Eremias, Gymnodactylus, Alsophylax и друг., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и крупные вараны) и змѣй, изъ которыхъ многія ядовиты. Между рыбами также встрѣчаются въ высшей степени замѣчательныя формы, какъ лопатоносъ (Scaphyrhynchus), османъ (Diptichus), маринка (Schizothorax), ускучъ (Brachymystax) и недавно установленный Н. Варпаховскимъ родъ Oreoleuciscus, характерный для

сѣверо-западной Монголіи и хотя близкій къ широко распространенному роду Leuciscus, но обладающій своими постоянными особенностями, между которыми главное мѣсто занимаютъ однорядные нижнеглоточные зубы и очень мелкая чешуя, становящаяся, однако, болѣе крупной на боковой линіи. Въ гористыхъ мѣстностяхъ этой подобласти живутъ, между прочимъ, альпійскіе волки (Cyon alpinus Pall.), горные козлы и многочисленныя породы горныхъ барановъ. Во многихъ мѣстахъ весьма обыкновенны шакалы, гіэны, тигры, рѣже львы. Перечисленные крупные хищники, хотя и не характерны для этой подобласти, но существенно отличаютъ ее отъ сѣверно-палеарктической. Сѣверныя границы распространенія скорпіоновъ и перелетной саранчи мало отклоняются отъ сѣверныхъ предѣловъ описываемой подобласти (см. карту).

Замѣчательную часть этой подобласти составляетъ среднеазіатская низменность (особенно бассейнъ оз. Балхаша), которая заключаетъ значительное число формъ, имѣющихъ очень ограниченную область распространенія и, повидимому, вымирающихъ. Вышеупомянутые лопатоносы, чрезвычайно своеобразныя рыбы изъ семейства осетровыхъ, отличающіяся лопатообразно расширеннымъ переднимъ концемъ головы и вытянутымъ въ нить заднимъ концемъ хвоста, кромѣ Туркестанской низменности, встрѣчаются только въ р. Миссисипи (въ Сѣверной Америкѣ). Въ окрестностяхъ города Туркестана живетъ особая форма рѣчного рака (Astacus kessleri Schimk.), между тѣмъ какъ на всемъ остальномъ обширномъ пространствѣ описываемой низменности рѣчныхъ раковъ нѣтъ никакихъ[1]); въ городѣ Кокандѣ очень многочисленъ своеобразный тараканъ (Periplaneta tartara Sauss.), который больше нигдѣ не встрѣчается. Бассейнъ же озера Балхаша поражаетъ, кромѣ присутствія выше перичисленныхъ и еще нѣкоторыхъ

[1]) На картѣ область распространенія рѣчнаго рака въ западной Азіи показана непрерывной только для упрощенія чертежа.

другихъ своеобразныхъ рыбъ (напр., особаго окуня, Perca schrenckii Kessl.), еще болѣе полнымъ отсутствіемъ многихъ такихъ рыбъ, которыя обыкновенны въ сосѣднемъ Арало-Каспійскомъ бассейнѣ, напр. карпа, обыкновеннаго окуня, судака, сома и многихъ другихъ.

Какъ видно на картѣ, юго-западная палеарктическая подобласть захватываетъ, между прочимъ, также и южную Европу. Но такъ какъ эта послѣдняя, по своимъ физико-географическимъ условіямъ, а также и по состоянію въ ней человѣческой культуры, представляетъ немаловажныя отличія отъ остальныхъ, наиболѣе характерныхъ частей разсматриваемой подобласти, то естественно, что и южно-европейская фауна носитъ нѣсколько иной отпечатокъ. Эту часть поэтому, обыкновенно, выдѣляютъ въ особую болѣе мелкую зоогеографическую единицу, подъ названіемъ южно-европейской провинціи[1]). Перечисленіе всѣхъ ея особенностей для нашей задачи не представляется необходимымъ. Упомяну лишь объ одномъ обстоятельствѣ, указывающемъ одновременно и на сходство, и на различіе между южно-европейской и остальными провинціями монгольской подобласти. Это, именно, то, что одинъ и тотъ же родъ очень часто въ указанныхъ двухъ частяхъ бываетъ представленъ хотя близкими, но все же разными видами. Такъ, монгольскій (туркестанскій) дикообразъ (Hystrix hirsutirostris Brndt) въ южно-европейской провинціи замѣненъ дикообразомъ обыкновеннымъ (H. cristata L.). Азіатскіе сурки (Arctomys caudatus Geoffr., Arct. dichrous And.) не встрѣчаются въ Европѣ, а съ другой стороны европейскій альпійскій сурокъ (Arct. marmota Schreb.) не былъ находимъ въ Азіи. Почти всѣ виды сусликовъ въ Европѣ и въ Азіи различны. Виды горныхъ козловъ и барановъ то-

[1]) Еще чаще къ этой провинціи присоединяютъ также азіатское и африканское побережья Средиземнаго моря, при чемъ и самой провинціи даютъ названіе „средиземноморской“. Но это дѣленіе кажется мнѣ менѣе естественнымъ. На картѣ южно-европейская провинція отмѣчена темно-сѣрой краской.

же различны. Антилопы въ южной Европѣ замѣнены серной (Rupicapra rupicapra Sund.). Но рѣзкой разницы между южно-европейской провинціей и другими частями монгольской подобласти все же провести нельзя. Такъ, сибирскіе сурки обыкновенно отождествляются съ суркомъ-байбакомъ (Arct. bobac Schreb.), встрѣчающимся также и въ предѣлахъ Европейской Россіи. То же относится и къ весьма характернымъ для монгольской подобласти сайгѣ и земляному зайцу (Dipus), а европейскій дикообразъ живетъ также и въ сѣверной Африкѣ. Отсутствіе въ южной Европѣ нѣкоторыхъ крупныхъ животныхъ, распространенныхъ въ монгольской подобласти, зависитъ, по крайней мѣрѣ отчасти, отъ густой населенности упомянутой провинціи. Такъ, дикія лошади (тарпаны) по сообщенію Гмелина, были во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія обыкновенны въ степяхъ южной Россіи, хотя теперь онѣ уже едва ли тамъ встрѣчаются (одинъ экземпляръ изъ Херсонской губерніи былъ, впрочемъ, показанъ и описанъ І. Н. Шатиловымъ въ 1884 году). Извѣстно также, что львы встрѣчались въ Греціи и Македоніи еще въ историческое время, но потомъ были истреблены. Эти немногіе примѣры взяты только изъ класса млекопитающихъ. Изъ другихъ животныхъ группъ можно было бы привесть еще гораздо большее число подобныхъ же примѣровъ, но полагаю, что сказаннаго достаточно.

Обращаемся, наконецъ, къ самой важной для насъ сѣверно-палеарктической подобласти, занимающей почти всю Сибирь и большую часть Европы. Понятно, что животное населеніе въ различныхъ ея частяхъ тоже не можетъ быть одинаково. И дѣйствительно, въ какомъ бы направленіи мы ни двигались въ предѣлахъ этой подобласти, съ сѣвера на югъ или съ востока на западъ, мы, по мѣрѣ движенія, будемъ замѣчать и перемѣны въ составѣ окружающихъ насъ животныхъ. Но очень рѣзко эти перемѣны нигдѣ не выступаютъ, потому

что на всемъ громадномъ пространствѣ разсматриваемой подобласти не встрѣчается какихъ либо трудно преодолимыхъ преградъ для разселенія животныхъ: ни морей, ни пустынь, ни высокихъ горныхъ хребтовъ (Уральскій хребетъ очень не высокъ). Поэтому сѣверно-палеарктическую подобласть съ одинаковымъ правомъ можно дѣлить на части какъ въ продольномъ, такъ и въ поперечномъ направленіи (по меридіанамъ), и, дѣйствительно, у различныхъ зоогеографовъ мы встрѣчаемъ то одинъ, то другой способъ дѣленія. Но первое дѣленіе, т. е. именно линіями, проходящими паралельно экватору (приблизительно, конечно), болѣе естественно, такъ какъ по мѣрѣ движенія съ сѣвера на югъ перемѣны въ растительномъ и въ животномъ населеніи наступаютъ сравнительно все же рѣзче, чѣмъ при движеніи съ востока на западъ. А потому, слѣдуя Н. Сѣверцеву, мы раздѣлимъ всю подобласть на три полосы или зоны, проходящія приблизительно паралельно экватору. но при этомъ будетъ обращено также вниманіе и на тѣ особенности, которыя представляетъ составъ животнаго населенія въ западныхъ и въ восточныхъ частяхъ одной и той же зоны.

Самая сѣверная зона носитъ названіе полярной, арктической или тундряной, потому что южная ея граница совпадаетъ съ сѣвернымъ предѣломъ древесной растительности, такъ что, слѣдовательно, эта зона располагается всецѣло въ области тундры (на картѣ она оставлена бѣлой). Согласно указаніямъ многочисленныхъ полярныхъ изслѣдователей, тундра поражаетъ почти полнымъ отсутствіемъ всякой жизни зимой и удивительно быстрымъ и роскошнымъ ея развитіемъ въ теченіе короткаго лѣта. Число животныхъ формъ здѣсь не велико, но число индивидуумовъ, какъ говорятъ, очень велико. Быть можетъ, однако, что это богатство недѣлимыхъ представляетъ лишь кажущееся явленіе, зависящее отъ того что нѣкоторыя полярныя животныя, особенно птицы и грызуны, имѣютъ обыкновеніе собираться массами на ограниченномъ пространствѣ, оставляя зато другія мѣста, конечно, свободными отъ представителей даннаго вида. Таково, напримѣръ, одно изъ самыхъ характерныхъ животныхъ тундры—пеструшка или леммингъ (Myodes), небольшой грызунъ, обладающій способностью размножаться съ невѣроятной быстротой. Нерѣдко пеструшки размножаются настолько, что начинаютъ встрѣчать затрудненіе въ пріисканіи себѣ пищи, хотя онѣ въ этомъ отношеніи, вообще, не разборчивы и питаются почти всѣми растительными веществами. Подъ вліяніемъ голода, онѣ собираются въ громадныя стаи и начинаютъ переселяться на новыя мѣста, причемъ погибаютъ массами отъ всевозможныхъ лишеній и враговъ. Наиболѣе распространенные въ описываемой полосѣ виды этого животнаго—это обскій леммингъ (Myodes obensis Brnts) и песцовая копытная мышь (M. torquatus Pall.).

Такимъ же характернымъ для тундры животнымъ, какъ пеструшка, служитъ полярная лисица или песецъ (Vulpes lagopus L.), который почти никогда не встрѣчается внѣ ея предѣловъ[1]). Далѣе слѣдуютъ: бѣлый медвѣдь (Ursus maritimus Desm.), мелкая тундряная разновидность сѣвернаго оленя (Rangifer tarandus Sund.), россомаха (Gulo borealis Nilss.), волкъ (Canis lupus L.), обыкновенная лисица (Vulpes vulpes L.), и заяцъ бѣлякъ (Lepus variabilis Pall.). Изъ числа отсутствующихъ здѣсь млекопитающихъ слѣдуетъ упомянуть о цѣломъ отрядѣ летучихъ мышей, сѣверная граница распространенія которыхъ отмѣчена на картѣ. Изъ птицъ самыми характерными являются пуночки или подорожники (Plectrophanes nivalis L. и Pl. lapponicus L.), бѣлыя куропатки, именно полярная куропатка (Lagopus albus Gmel.) и тундряная куропатка (Lag. mutus Mont.),

[1]) Единственнымъ исключеніемъ нужно считать фактъ нахожденія песца въ альпійской области нѣкоторыхъ туркестанскихъ горныхъ хребтовъ, открытый Сѣверцевымъ.

полярная сова (Nyctea nivea L.), зимняки или мохноногіе канюки (Archibuteo lagopus Brünn. и Arch. pallidus Menzb.), морянка (Fuligula glacialis L.), разныя гаги (Somateria). Затѣмъ здѣсь обыкновенны: орланъ бѣлохвостъ (Haliaëtus albicilla Briss.), болотная сова (Otus brachyotus Forst.), воронъ (Corvus corax L.), малый лебедь (Cygnus bewickii Yarr.), большое количество разныхъ гусей, утокъ и гагаръ, поморники (Stercorarius), многія чайки (Larus), ржанки (Charadrius), плавунчики (Phalaropus), варакушки (Cyanecula), разныя овсянки (Emberiza) и многія другія. Но бо́льшая часть перечисленныхъ птицъ появляется въ тундрѣ только на лѣто и свойственны далеко не одной только этой полосѣ. Гадовъ, насколько извѣстно, въ тундрѣ не встрѣчается, по крайней мѣрѣ въ ея типичныхъ сѣверныхъ частяхъ. Рептиліи и безхвостыя амфибіи заходятъ не сѣвернѣе полярнаго круга, а граница распространенія хвостатыхъ амфибій проходитъ еще южнѣе. Приблизительно, она указана на картѣ.

Ледовитый океанъ, омывающій сѣверный берегъ тундряной полосы, изобилуетъ многочисленными крупными водными млекопитающими и рыбами, но разсмотрѣніе морскихъ обитателей не входитъ въ мои задачи. Что же касается прѣсноводныхъ, или по крайней мѣрѣ заходящихъ въ прѣсныя воды, рыбъ, то изъ нихъ только немногія придерживаются преимущественно этой полосы, но по большей части и тѣ иногда заходятъ въ болѣе южныя широты. Такова, напр., кунджа (Salmo leucomaenis Pall.) и навага (Gadus navaga Kölr.). Послѣдняя свойственна сѣвернымъ берегамъ Европы, но въ послѣднее время Н. А. Варпаховскимъ найдена также и въ Обской губѣ. Кажется, сюда же нужно отнести установленный недавно С. Герценштейномъ новый родъ Nemalycodes, найденный пока только на Новой Землѣ.

Міръ безпозвоночныхъ не такъ бѣденъ въ тундряной зонѣ, какъ можно было бы предполагать. Представители всѣхъ

отрядовъ суставчатоногихъ не составляютъ здѣсь рѣдкости. Что же касается комаровъ, то по единодушному заявленію путешественниковъ они нигдѣ не встрѣчаются въ такомъ изобиліи, какъ въ тундрѣ. А. Брэмъ говоритъ, что „не зима съ ея вьюгами, не ледяной покровъ и его холодъ, не скудость, не безпріютность, а комары составляютъ проклятіе тундры!“ Изъ наземныхъ моллюсковъ считаются характерными для этой полосы: Pupa arctica Wallnb., P. alpestris Adler и Helix harpa Say.

Тундряная зона не представляетъ большихъ различій въ составѣ своей фауны на разныхъ меридіанахъ, и это однообразіе послѣдней захватываетъ не только старый материкъ, но и соотвѣтственную полосу новаго, т. е. Сѣверной Америки, составляющей совсѣмъ особую (неоарктическую) зоогеографическую область. По Труэссару, изъ 34 видовъ птицъ Гренландіи 24 встрѣчаются въ Сибири. То же однообразіе замѣчается въ составѣ наземныхъ и прѣсноводныхъ моллюсковъ. Тѣмъ не менѣе, все же нѣкоторыя видоизмѣненія въ составѣ фауны замѣчаются и въ этой полосѣ. Такъ, изъ гагъ гребенушка (Somateria spectabilis L.) кругополярна, обыкновенная гага (S. mollissima L.) придерживается западной части описываемой зоны, а сибирская гага (S. stelleri Pall.) болѣе обыкновенна въ ея сибирской части; бѣлолобая казарка (Anser albifrons Scop.) гнѣздится только къ востоку отъ Бѣлаго моря. Въ средней части палеарктической тундряной зоны (между Карскимъ моремъ и устьемъ Лены) встрѣчаются нѣкоторыя формы, отсутствующія въ ея западной (европейской) части, напр. гусь-красношейка (Anser ruficollis Pall.). Приблизительно этимъ же пространствомъ ограничивается сибирскій зимнякъ (Archibuteo pallidus Menzb.), между тѣмъ какъ близкій обыкновенный зимнякъ (Arch. lagopus Brünn.) распространенъ отъ Скандинавіи до устья р. Оби. Еще больше особенностей представляетъ восточная часть зоны—чукот-

ская фауна. Своеобразный куликъ-колпикъ (Eurynorhynchus pygmaeus Nilss.), сибирская ржанка (Charadrius fulvus Gmel.). сибирскій гуменникъ (Anser middendorfii Sew.) и нѣкоторыя другія формы отличаютъ ее отъ фауны остальныхъ частей этой зоны. Каменушка (Fuligula histrionicus L.) и черная казарка (Bernicla nigricans Lawr.) распространены отъ устья рѣки Лены на востокъ, захватывая и сѣверное побережье Америки. Къ чукотскимъ млекопитающимъ можно отнесть полярную пищуху (Lagomys hyperboreus Pall.), хотя она встрѣчается въ горахъ и южнѣе, затѣмъ парріева суслика (Spermophilus Parryi) и камчатскаго сурка (Arctomys kamtchatica Brndt.), которые многими отождествляются съ близкими сѣверно-американскими формами.

Вторая зона сѣверно-палеарктической подобласти характеризуется тѣми животными, присутствіе которыхъ болѣе или менѣе связано съ древесной растительностью, притомъ преимущественно хвойной. Ее поэтому можно назвать полосой хвойнаго лѣса или таежной (на картѣ она отмѣчена зеленой краской). Изъ млекопитающихъ типичными примѣрами таежныхъ животныхъ могутъ служить слѣдующія: лось (Alces palmatus Gray), который лѣтомъ держится больше въ болотистыхъ мѣстахъ тайги, потому что любитъ поѣдать болотныя растенія, а зимой переходитъ въ сухія мѣстности; рысь (Lynx lynx L.), придерживающаяся преимущественно самыхъ глухихъ лѣсныхъ чащъ, и мелкіе лѣсные грызуны: бѣлка (Sciurus vulgaris L.), бурундукъ (Tamias striatus Pall.), летяга (Pteromys volans L.). Но затѣмъ въ этой же полосѣ весьма обыкновенны: бурый медвѣдь (Ursus arctos L.), волкъ, обыкновенная лисица, россомаха, выдра (Lutra vulgaris Erxl.), колонокъ (Putorius sibiricus Pall.), обыкновенный хорекъ (Putorius foetidus Gray, въ Сибири только въ югозападной), широко распространенные почти по всей палеарктической области ласка (Putorius vulgaris Rich.) и горностай (Put. ermineus Owen), далѣе соболь (Mustela zibellina L.), лѣсная куница (Must. martes L.), барсукъ (Meles taxus Cuv., въ Сибири только въ южной и юго-западной), благородный олень (въ Сибири маралъ), крупная таежная разновидность сѣвернаго оленя, козуля, заяцъ-бѣлякъ, а по мѣстамъ, особенно въ южныхъ сибирскихъ горахъ, горные бараны и козлы, барсъ, горный или красный волкъ, каменный хорекъ (Putorius alpinus Gebl.), кабанъ. Присутствіе этихъ послѣднихъ животныхъ, обыкновенно, указываетъ уже на близость монгольской подобласти. Впрочемъ, горные бараны (именно, Ovis nivicola Esch.) водятся также на Становомъ хребтѣ и на Камчаткѣ.

Изъ птицъ наиболѣе характерны для таежной полосы глухари и тетерева (родъ Tetrao), рябчики (Bonasa), кедровки (Nucifraga), щуры (Pinicola), клесты (Loxia), вьюрки (особенно настоящій вьюрокъ, Fringilla montifringilla Briss.) и многія другія зябликовыя (Fringillidae); ронжа или кукша (Garrulus infaustus L.) и свиристель (Ampelis garrulus L.), придерживающіяся лѣтомъ преимущественно сѣверныхъ частей таежной полосы, щеврицы (Anthus), синицы (Parus), пѣночки (Phylloscopus), многіе дрозды (Turdus) и т. д. Изъ чешуйчатыхъ гадовъ наиболѣе обыкновенны живородящая ящерица (Lacerta vivipara Iacq.), гадюка (Pelias berus Merr.) и обыкновенный ужъ (Tropidonotus natrix Boie), хотя они широко распространены и внѣ предѣловъ таежной полосы. Но зато изъ хвостатыхъ амфибій четырехпалый тритонъ (Salamandrella), напротивъ, является крайне характернымъ для этой полосы животнымъ, такъ какъ внѣ ея нигдѣ не встрѣчается. Впрочемъ, онъ распространенъ не во всей таежной полосѣ, какъ будетъ объяснено ниже. Изъ безхвостыхъ амфибій болотная лягушка (Rana arvalis Nilss.) болѣе другихъ связана съ таежной полосой, хотя и не одной ей свойственна. Въ классѣ рыбъ обращаетъ на себя вниманіе оби-

ліе осетровыхъ (Acipenseridae) и особенно лососевыхъ (Salmonidae). Хотя вообще, по своему образу жизни, рыбы трудно поддаются разграниченію на второстепенныя зоогеографическія единицы, тѣмъ не менѣе все же нѣкоторыя ихъ формы можно признать связанными съ таежной полосой болѣе тѣсно, чѣмъ съ другими мѣстами. О такихъ формахъ будетъ рѣчь ниже, при описаніи отдѣльныхъ частей этой полосы.

Среди насѣкомыхъ можно было бы насчитать цѣлый рядъ такихъ, существованіе которыхъ болѣе или менѣе тѣсно связано съ хвойнымъ лѣсомъ, но это было бы дѣломъ слишкомъ спеціальнымъ и потому мало подходящимъ для публичной лекціи. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о распространеніи въ таежной полосѣ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ (хотя не исключительно ей свойственныхъ) насѣкомыхъ, на картѣ указана сѣверная граница распространенія репейницы (Vanessa cardui L.), какъ одного изъ самыхъ обыкновенныхъ представителей отряда бабочекъ, изъ которыхъ, впрочемъ, многія встрѣчаются и сѣвернѣе, а также нарывниковъ (Cantharidae), какъ группы жуковъ, обыкновенныхъ для южной части Европейской Россіи, а въ Сибири захватывающихъ отчасти и таежную полосу. Въ группѣ наземныхъ моллюсковъ этой полосы обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе снабженныхъ крупными и ярко окрашенными раковинами видовъ улитокъ изъ рода Helix, которые такъ обыкновенны въ другихъ мѣстахъ. Въ таежной полосѣ встрѣчаются только мелкія наземныя улитки. Изъ голыхъ наземныхъ моллюсковъ часто встрѣчаются также только мелкіе слизни, преимущественно изъ рода Limax. Изъ сравнительно крупныхъ двустворчатыхъ водныхъ моллюсковъ чаще встрѣчаются шаровидки (Cycladidae) и беззубки (Anodonta), рѣже перловицы (Unio).

Въ противуположность тундряной зонѣ, остальныя двѣ полосы сѣверно-палеарктической подобласти представляютъ, по составу своего животнаго населенія, довольно существенныя

особенности въ западныхъ и восточныхъ своихъ частяхъ. Хотя границы между послѣдними и не рѣзки, но, насколько значительной степени въ общемъ все-таки могутъ достигать эти особенности, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго примѣра: по изслѣдованіямъ Тачановскаго, вблизи оз. Байкала изъ общаго числа 248 извѣстныхъ для этой мѣстности птицъ 110 оказываются совершенно чуждыми крайнему западу Европейской Россіи. Конечно, эта разница, по мѣрѣ движенія съ востока на западъ, или обратно, сглаживается все болѣе и болѣе. Однимъ изъ частныхъ примѣровъ можетъ служить богатство Сибири различными формами овсянокъ (родъ Emberiza), чего не замѣчается въ Европѣ. Среди безпозвоночныхъ обращаетъ на себя особенное вниманіе полное отсутствіе въ Сибири щемянокъ, т. е. наземныхъ моллюсковъ изъ рода Clausilia, хотя этотъ родъ въ другихъ частяхъ палеарктической области, какъ уже было упомянуто, отличается обиліемъ формъ и представляетъ очень широкое распространеніе; между прочимъ встрѣчается въ Кореѣ и Японіи. Съ другой стороны, различными видами бабочекъ изъ рода Colias Сибирь, напротивъ, богаче, чѣмъ Европа. Эти примѣры, наглядно иллюстрирующіе разницу между двумя противуположными окраинами Россійской Имперіи, хотя и не относящіеся исключительно къ таежной полосѣ, привожу здѣсь по той причинѣ, что эта послѣдняя полоса составляетъ главную и наиболѣе характерную часть Сибири. Спеціальныя же особенности въ разныхъ частяхъ этой именно полосы выяснятся изъ того, что будетъ сейчасъ сообщено.

Таежную полосу можно раздѣлить на два главные округа: сибирскій и европейскій, причемъ въ каждомъ изъ нихъ можно различать еще нѣсколько второстепенныхъ. Разница между двумя указанными округами выступаетъ всего рѣзче въ томъ случаѣ, если сравнивать животное населеніе Скандинавіи съ таковымъ же Восточной Сибири, а потому въ

таежной полосѣ можно различать два главные центра распространенія животныхъ: восточно-сибирскій и скандинавскій. Эти мѣста на картѣ оттѣнены сильнѣе другихъ частей таежной полосы. По отношенію ко многимъ животнымъ значеніе этихъ мѣстъ, какъ исходныхъ пунктовъ распространенія извѣстныхъ формъ, можно считать несомнѣнно доказаннымъ. Нѣкоторые принимаютъ еще и третій центръ—уральскій, но здѣсь только сходятся и смѣшиваются скандинавскія и восточно-сибирскія животныя формы, причемъ многія изъ нихъ и переходятъ Уралъ, заходя изъ сибирскаго округа въ европейскій, или обратно.

Къ характернымъ представителямъ сибирскаго округа изъ млекопитающихъ принадлежатъ: колонокъ (Putorius sibiricus Pall.), область распространенія котораго указана на картѣ, соболь (Mustela zibellina L.) и бурундукъ (Tamias striatus Pall.), хотя послѣдніе два частью уже перешли на западъ отъ Урала. Настоящая родина соболя находится, повидимому, въ юго-восточной Сибири, въ сѣверной русской и китайской Манджуріи и на Сахалинѣ[1]). Но въ небольшомъ количествѣ онъ распространенъ во всемъ сибирскомъ округѣ таежной полосы и въ сѣверо-восточной части Европейской Россіи. Бурундукъ же заходитъ еще дальше на западъ. Изъ птицъ сюда принадлежатъ: восточно-сибирскій или каменный глухарь (Tetrao urogalloides Midd.), отличающійся отъ обыкновеннаго иной окраской, меньшей величиной и особой формой клюва, черный рябчикъ или дикушка (Canace falcipennis Hartl.), соловей-красношейка (Erithacus calliope Pall.), замѣчательно красивая и оригинальная птичка, съ большимъ, ярко-краснымъ пятномъ на горлѣ, золотистая овсянка или

[1]) По крайней мѣрѣ, въ этихъ мѣстахъ его находятъ въ наибольшемъ количествѣ. Однако, по Сѣверцеву можно было бы считать родиной соболя, лѣсной куницы и бѣлодушки горную область Тянь-Шаня, такъ какъ здѣсь указанный изслѣдователь находилъ промежуточныя формы между этими тремя хорьками.

дубровникъ (Emberiza aureola Pall.), голубая славка или сивохвостка (Ianthia cyanura Pall.), сибирскій снѣгирь (Pyrrhula cineracea Cab.), сибирская чечевичка (Carpodacus roseus Pall.). Это все спеціально восточно-сибирскія формы, хотя область ихъ распространенія можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ захватывать не только Западную Сибирь, но иногда даже и нѣкоторую часть Европейской Россіи. Такъ напр., только что упомянутый дубровникъ во времена Палласа былъ наблюдаемъ только въ Сибири; въ послѣднее же время область распространенія этой птички перешла Уралъ и по Мензбиру доходитъ уже до Онежскаго озера и Смоленска. Нѣкоторыя другія, какъ напр. чернозобый дроздъ (Turdus atrigularis Temm.), наиболѣе обыкновенный на пространствѣ между р. Обью и р. Енисеемъ, будучи тоже формами сибирскими, имѣютъ центромъ своего распространенія не восточную, но какую либо часть Западной Сибири. Послѣднихъ формъ, впрочемъ, немного. Наконецъ, не мѣшаетъ здѣсь же упомянуть о нѣкоторыхъ птицахъ, встрѣчающихся въ Восточной Сибири, хотя собственно не характерныхъ для таежной полосы. Къ такимъ принадлежатъ, напримѣръ, гусь-сухоносъ (Anser cygnoides Pall.), извѣстный также въ домашнемъ состояніи, подъ названіемъ „китайскаго гуся“, епанчевая утка (Anas falcata Georgi) и клохтунья (A. glocitans Seeb.), гнѣздящіяся, кромѣ таежной полосы, также и въ тундряной, черный журавль (Grus monachus Temm.), повидимому широко распространенный въ восточной Азіи, морской орланъ (Haliaëtus pelagicus Kaup.), обычный не только на азіатскомъ, но также и на сѣверо-американскомъ побережьи Великаго океана, и многія другія.

Изъ гадовъ здѣсь необходимо указать на сибирскаго четырехпалаго тритона (Salamandrella Keyserlingii Dyb.), который можетъ считаться едва ли не самымъ типичнымъ изъ всѣхъ животныхъ сибирскаго округа таежной полосы, во-пер-

выхъ, потому, что распространеніе этого тритона строго ограничивается предѣлами Сибири (хотя на Уралѣ замѣчены слѣды его распространенія на западъ, однако по ту сторону Урала его еще не наблюдали), а во-вторыхъ, потому, что онъ распространенъ довольно равномѣрно во всей сибирской части таежной полосы. Послѣднее видно изъ того, что, хотя описываемый тритонъ открытъ не такъ давно, присутствіе его уже констатировано въ Амурской, Забайкальской и Якутской[1]) областяхъ, въ Томской, Тобольской и въ восточной части Пермской губерніи. На Камчаткѣ онъ замѣненъ другимъ, но близкимъ видомъ (Salamandrella wosnessenskyi Strauch).

Относительно рыбъ уже было замѣчено, что онѣ вообще не связаны тѣсно съ предѣлами таежной полосы. Но все же здѣсь можно указать значительное количество формъ, распространенныхъ преимущественно въ полосѣ тайги и въ частности въ ея сибирскомъ округѣ. Сюда принадлежатъ шренковъ осетръ (Acipenser schrenckii Brndt), недавно установленный А. М. Никольскимъ новый видъ сибирскаго осетра (Acip. stenorrhynchus Nik., въ Енисеѣ и Байкалѣ) и цѣлый рядъ своеобразныхъ лососевыхъ: нельма (Coregonus nelma Pall.), сырокъ (Cor. wimba Pall.), муксунъ (Cor. muxun Pall.), омуль (Cor. omul Lepech.), такъ называемая туруханская сельдь (Cor. merckii Günth.), тугунъ (Cor. tugun Pall.), пелядь (Cor. peled Lepech.), таймень (Salmo fluviatilis Pall.), кета (S. lagocephalus Pall.), горбуша (S. proteus Pall.), чевица (Salmo orientalis Pall.). Сюда же, пожалуй, можно отнесть упоминавшуюся уже раньше голомянку, нѣсколько спеціально сибирскихъ видовъ изъ рода Phoxinus и нѣк. другія. Изъ перечисленныхъ рыбъ нѣкоторыя (какъ напр., нельма, таймень) заходятъ и въ европейскій округъ, другія

[1]) Относительно Якутской области я имѣю наблюденія еще не опубликованныя.

(кета, горбуша, чевица)—въ Сѣверную Америку. Эти послѣднія, равно какъ и нѣкоторыя другія, имѣютъ въ Сибири сравнительно ограниченную область распространенія.

Замѣчательное явленіе представляетъ рѣчной ракъ въ Сибири. До 60—70-хъ годовъ настоящаго столѣтія его нигдѣ не было, кромѣ Амурскаго бассейна. Но затѣмъ, вслѣдствіе неоднократной искусственной пересадки, а можетъ быть и вслѣдствіе естественнаго его передвиженія за Уралъ, онъ (именно, длинноногій ракъ каспійско-черноморскаго бассейна, Astacus leptodactylus Eschh.) постепенно распространился по всему бассейну р. Иртыша, до мѣста сліянія его съ р. Обью, въ которую онъ еще не проникъ. Этотъ фактъ представляетъ намъ еще одну наглядную демонстрацію къ тому, что было сказано въ началѣ этой статьи о непостоянствѣ состава животнаго населенія каждой мѣстности. Такимъ образомъ, въ настоящее время мы имѣемъ въ Сибири двѣ совершенно отдѣльныя области распространенія рѣчныхъ раковъ: восточную и западную. Обѣ онѣ отмѣчены на картѣ.

Среди наземныхъ моллюсковъ для сибирскаго округа таежной полосы можетъ считаться характерной Helix schrenkii Midd., которая хотя и довольно близка къ европейской H. fruticum, однако отличается отъ нея нѣкоторыми постоянными признаками и свойственна почти исключительно разсматриваемому округу, такъ какъ, кромѣ Сибири, встрѣчается только въ сѣверо-восточныхъ частяхъ Европейской Россіи. Напротивъ, водные моллюски, если только не принимать въ расчетъ нѣкоторыхъ особыхъ амурскихъ и байкальскихъ формъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, особенно легочныя улитки (Limnaeidae), вездѣ представляютъ замѣчательное однообразіе не только по составу видовъ, но и по частотѣ нахожденія представителей каждаго изъ нихъ. Тѣ же самые виды прудовиковъ (Limnaeus stagnalis, ovatus, palustris, peregeг, truncatulus) и катушекъ (Planorbis corneus, mar-

ginatus и другіе), которые такъ распространены повсюду въ Европѣ, оказываются самыми обыкновенными также въ таежной полосѣ Сибири, въ Туркестанѣ и на Амурѣ. Спеціально сибирскіе виды, правда, тоже имѣются, но они представляютъ мало характерныхъ чертъ и встрѣчаются рѣже выше перечисленныхъ.

Наконецъ, третья зона или полоса сѣверно-палеарктической подобласти можетъ быть названа лѣсо-степной, переходной или полосой островныхъ лѣсовъ, преимущественно лиственныхъ, располагающихся въ перемежку со степями. Эта полоса, покрытая на картѣ желтой краской, не представляетъ той непрерывности, какъ двѣ первыя, но состоитъ изъ нѣсколькихъ отчасти или даже вполнѣ разъединенныхъ частей, вклинивающихся въ извѣстныхъ мѣстахъ между таежной полосой и юго-западной подобластью, а потому и ея животное населеніе состоитъ въ значительной мѣрѣ изъ смѣси тѣхъ и другихъ формъ. Здѣсь иногда можно встрѣтить, съ одной стороны, животныхъ, свойственныхъ глубокому сѣверу (напр. полярную куропатку, ронжу), съ другой—такихъ, которыя служатъ типичными представителями монгольской подобласти, какъ антилопы, дикіе кабаны, тушканчики, степная кошка, степная лисица или корсакъ. Сравнительно съ таежной полосой, эта переходная зона рѣзко отличается, именно, присутствіемъ большаго количества степныхъ формъ, къ которымъ принадлежатъ, кромѣ уже упомянутыхъ, также нѣкоторые суслики, песчанки, дрохвы и стрепеты (Otis), журавли (Grus), сѣрыя куропатки (Perdix), жаворонки (Alauda, Otocoris и другіе), луни (Circus), орелъ-могильникъ (Aquila heliaca Sav.), степной орелъ (Aq. orientalis Cab.), нѣкоторыя изъ перечисленныхъ при описаніи монгольской подобласти пресмыкающихся и многія другія животныя. Изъ насѣкомыхъ особенно характерны для степей обиліе прямокрылыхъ изъ семейства саранчевыхъ или кобылокъ.

Въ переходной полосѣ различаютъ три центра распространенія и, соотвѣтственно этому, три округа: западно-европейскій, урало-барабинскій и даурскій (въ Забайкальи), изъ которыхъ первые два не разграничиваются опредѣленно (центры распространенія отмѣчены на картѣ болѣе густой краской). Каждый изъ этихъ округовъ характеризуется хотя небольшимъ количествомъ такихъ животныхъ, которыя или совсѣмъ не встрѣчаются въ другихъ округахъ, или только отчасти заходятъ туда. Такъ напр., для наиболѣе интереснаго съ нашей точки зрѣнія урало-барабинскаго округа считаются характерными кобчикъ (Erythropus vespertinus L.), балобанъ (Hierofalco saker Gmel.), несмотря на то, что они имѣютъ очень широкую область распространенія, степные жаворонки: черный (Melanocorypha tatarica Pall.) и бѣлокрылый ((Mel. sibirica Gmel.); также степная ласточка или тиркушка (Glareola melanoptera Nordm.). Изъ млекопитающихъ характерными для этого округа можно считать мелкихъ бѣлогрудыхъ хомяковъ (Cricetus songarus Pall., Cr. phaeus Pall.), которые встрѣчаются также въ Туркестанѣ и частью на юго-востокѣ Европейской Россіи, но отсутствуютъ въ остальной Европѣ.

При этомъ довольно длинномъ перечисленіи различныхъ частей Сибири намъ очень часто приходилось упоминать, что почти всѣ онѣ по составу своего населенія носятъ смѣшанный характеръ, т. е. что въ каждой мѣстности, кромѣ характерныхъ для нея животныхъ, встрѣчаются еще, и притомъ нерѣдко въ гораздо большемъ числѣ видовъ, животныя частью распространенныя весьма широко по лицу земли (такъ называемыя космополитическія формы), частью свойственныя преимущественно сосѣднимъ мѣстностямъ. Иначе это и быть не можетъ, потому что, какъ уже сказано въ самомъ началѣ лекціи, рѣзко выраженныя границы между сосѣдними фаунами встрѣчаются рѣдко. Тѣмъ не менѣе, смѣшанный харак-

теръ фауны какой либо мѣстности, даже и при полномъ отсутствіи животныхъ формъ, принадлежащихъ исключительно этой мѣстности, еще не всегда лишаетъ ее извѣстнаго своеобразнаго отпечатка, такъ какъ смѣсь можетъ быть образована различными составными частями и пропорціональное отношеніе отдѣльныхъ формъ въ смѣси можетъ быть весьма различнымъ. Можно было бы раздѣлить Сибирь на еще гораздо большее число мелкихъ частей или зоогеографическихъ единицъ, которыя, несмотря на свой смѣшанный характеръ, все же носятъ каждая свой особый отпечатокъ и тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ не лишены и своихъ собственныхъ, исключительно имъ принадлежащихъ, животныхъ формъ.

Среди такихъ частей на первомъ планѣ нужно поставить Амурскій край, который, благодаря своему положенію въ мѣстѣ соприкосновенія лѣсной полосы Сибири съ Манджурской подобластью, представляетъ странную на первый взглядъ смѣсь сѣверныхъ и южныхъ формъ (напримѣръ, здѣсь рядомъ живутъ тигръ и сѣверный олень). Изъ числа позвоночныхъ, отличающихъ Амурскій край отъ остальныхъ частей таежной полосы Сибири, кромѣ только что упомянутаго тигра, который не только регулярно водится въ Уссурійскомъ краѣ и сосѣднихъ мѣстахъ, но заходитъ иногда (по льду) даже на островъ Сахалинъ, отмѣтимъ еще амурскую кошку (Felis euptilura Elliot), бенгальскую кошку (Felis bengalensis Desm.), харзу—особую форму куницы (Mustela flavigula Bodd.), такъ называемаго амурскаго енота или, правильнѣе, енотовидную собаку (Canis procyonoides Gray), тибетскаго медвѣдя съ воротникомъ или гривой (Ursus torquatus Wagn., U. tibetanus Cuv.), ямату или кудрявую антилопу (Antilope crispa Temm.), голубую сороку (Cyanopica cyanea Pall.), китайскаго золотого фазана (Thaumelea picta L.), особыхъ кукушекъ, дроздовъ и другихъ птицъ, которыхъ слишкомъ долго было бы перечислять; далѣе отмѣтимъ

маакову черепаху (Trionyx maaki Brndt), принадлежащую къ особой группѣ трехкогтевыхъ или кожистыхъ черепахъ (Trionychidae), совершенно неизвѣстныхъ въ предѣлахъ Россіи, кромѣ описываемаго края. Здѣсь же (вблизи г. Хабаровска) недавно найденъ въ высшей степени своеобразный фишеровскій тритонъ (Geomolge fischeri Blgr.). Изъ рыбъ заслуживаютъ упоминанія громадная калуга (Acipenser orientalis Pall.), достигающая 50 пудовъ вѣсомъ, шренковъ осетръ (Ac. schrenckii Brndt), горбуша (Salmo proteus Pall.) и многія другія лососевыя, по большей части, однако, заходящія также въ рѣки сосѣднихъ мѣстностей и даже сѣверной Америки, сомы изъ рода Macrones и другія своеобразныя формы изъ родовъ Pseudaspius, Gasterosteus, Cottus, Pseudogobio, Phoxinus и проч.

Наземные моллюски представляютъ нѣсколько своеобразныхъ, иногда крупныхъ и яркихъ формъ, напр. маакова улитка (Helix maaki Gerstf.) и особый, собственно японскій, родъ Philomycus изъ голыхъ слизняковъ; между водными выдаются тѣми же свойствами гигантская беззубка (Anodonta herculea Midd.), уссурійская лужанка (Vivipara ussuriensis Gerstf.), амурская меланія (Melania amurensis Gerstf.) и другія. Между насѣкомыми встрѣчается не мало чисто тропическихъ формъ. Обращаетъ на себя вниманіе также присутствіе здѣсь рѣчного рака, который въ бассейнѣ р. Амура является по крайней мѣрѣ въ двухъ, притомъ исключительно только здѣсь встрѣчающихся, формахъ. На нижнемъ теченіи Амура распространенъ шренковъ ракъ (Astacus schrenckii Kessl.), а на верхнемъ—даурскій ракъ (Ast. dahuricus Pall.).

Другая тоже довольно своеобразная въ зоогеографическомъ отношеніи мѣстность, Алтайская горная группа, помѣщается почти цѣликомъ въ предѣлахъ Томской губерніи, къ обзору которой мы перейдемъ ниже. Камчатка, входящая въ составъ таежной полосы, но лишенная многихъ типичныхъ предста-

вителей послѣдней (лося, бурундука, бѣлки, рыси), не имѣющая также и колонка (см. область его распространеніе на картѣ), но зато обладающая своими спеціальными формами (камчатскій сурокъ, тритонъ Вознесенскаго и другія), также можетъ быть выдѣлена въ особую зоогеографическую единицу. Съ значительнымъ правомъ можно тоже самое сказать относительно острова Сахалина, представляющаго нѣкоторыя особенности, сравнительно съ сосѣднимъ Амурскимъ краемъ. Наконецъ, быть можетъ, слѣдуетъ упомянуть и о Байкальскомъ озерѣ, какъ особой зоогеографической единицѣ. Такое значеніе можетъ быть ему придано благодаря тому, что въ этомъ обширномъ прѣсноводномъ резервуарѣ мы находимъ большое количество своеобразныхъ и нигдѣ больше не встрѣчающихся формъ. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стоитъ упомянутая уже раньше замѣчательная рыба—байкальская голомянка, придерживающаяся обыкновенно глубокихъ мѣстъ озера, но иногда, во время бури, выбрасываемая въ большомъ количествѣ на берегъ. Ея сильно развитые грудные плавники даютъ ей возможность выскакивать на короткое время изъ воды, на подобіе летучихъ рыбъ. Нѣсколько меньшее значеніе имѣетъ байкальскій тюлень или нерпа (Phoca baicalensis), такъ какъ онъ очень близокъ къ атлантическому Phoca annelata Nilss., хотя во всякомъ случаѣ фактъ его нахожденія въ прѣсноводномъ бассейнѣ, удаленномъ отъ моря и притомъ расположенномъ на высотѣ болѣе 1200 футовъ надъ его уровнемъ, является въ высшей степени замѣчательнымъ. Моллюски Байкала, отличающіеся однообразіемъ своей окраски и тонкостью раковины, представляютъ цѣлый рядъ оригинальныхъ формъ, особенно изъ родовъ Benedictia, Limnorea и Choanomphalus, свойственныхъ исключительно только одному этому озеру. Здѣсь же находится своеобразный родъ прѣсноводныхъ губокъ Lubomirskia, являющійся въ числѣ нѣсколькихъ, конечно,

нигдѣ болѣе не встрѣчающихся видовъ (Lubomirskia baicalensis Pall. и друг.). Этотъ родъ близокъ къ прѣсноводной бодягѣ (Spongilla), но отличается отъ нея нѣкоторыми постоянными признаками, главнымъ образомъ отсутствіемъ такъ называемыхъ геммулъ.

Одинъ взглядъ на прилагаемую зоогеографическую карту Сибири показываетъ, что Томская губернія располагается одной своей половиной (сѣверо-восточной) въ полосѣ тайги, другой (юго-западной)—въ урало-барабинскомъ лѣсо-степномъ округѣ. Это дастъ основаніе ожидать, что въ Томской губерніи мы найдемъ двѣ различныя въ фаунистическомъ отношеніи части. Но въ дѣйствительности ихъ не двѣ, а три. Дѣло въ томъ, что юго-восточная (относительно небольшая) часть губерніи, въ противоположность гораздо болѣе обширному остальному ея пространству, носитъ гористый характеръ, благодаря расположенному здѣсь конгломерату горныхъ хребтовъ, совокупность которыхъ извѣстна подъ названіемъ Алтайской горной группы или просто Алтая. Здѣсь, какъ и по большей части бываетъ въ гористыхъ странахъ, природа отличается разнообразіемъ: здѣсь можно найти и мѣстности съ таежнымъ характеромъ, и степи, и голые горные хребты или снѣжныя вершины. Этому соотвѣтствуетъ и животное населеніе Алтая. Здѣсь мы находимъ не только таежныя и степныя формы, но еще и такъ называемыя альпійскія формы, свойственныя спеціально горнымъ странамъ. Такъ какъ климатическія условія жизни на горныхъ высотахъ въ значительной мѣрѣ напоминаютъ такія же условія на глубокомъ сѣверѣ, настолько, что даже растительность и внѣшній видъ мѣстъ, лежащихъ выше границы лѣсной растительности, нерѣдко соотвѣтствуютъ тундрѣ (такъ назыв. альпійская тундра), то и распространенныя на возвышенностяхъ такъ на-

зываемыя альпійскія животныя тоже во многомъ сходны, а нерѣдко даже и совершенно тождественны съ обитателями полярной тундры. Такъ, здѣсь не составляютъ рѣдкости бѣлыя куропатки (полярная и тундряная). Особый отпечатокъ фаунѣ Алтая придаетъ еще и сосѣдство монгольской подобласти, откуда нѣкоторыя ея животныя заходятъ и на Алтай. Наконецъ, какъ видно будетъ изъ нижеизложеннаго, Алтай не лишенъ также и нѣкоторыхъ своеобразныхъ, характерныхъ для этой мѣстности формъ. Все это заставляетъ раздѣлить Томскую губернію въ фаунистическомъ отношеніи не на двѣ, но на три части: сѣверную и сѣверо-восточную—таежную, юго-восточную—горную и юго-западную—степную. Послѣдняя часть, степная (или правильнѣе—лѣсо-степная) вклинивается съ юго-запада между двумя первыми и оканчивается своей вершиной на лѣвомъ берегу р. Томи, верстахъ около ста къ югу отъ г. Томска[1]).

Городъ Томскъ лежитъ, слѣдовательно, въ таежной части губерніи, но не особенно далеко отъ мѣста ея соприкосновенія съ другими двумя частями. Окружающія насъ животныя суть типичные представители таежной фауны, но иногда можно встрѣтить вблизи города и такихъ животныхъ, которыя свойственны собственно гористой или степной частямъ, а сюда заходятъ лишь по сосѣдству.

Если бы я захотѣлъ перечислять хотя бы только самыхъ характерныхъ животныхъ таежной части Томской губерніи, то мнѣ пришлось бы повторить почти все, что выше уже было сообщено о полосѣ тайги вообще. Но въ такомъ повтореніи едва ли есть надобность. Ограничусь поэтому лишь немногими отрывочными замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ

[1]) По причинѣ малаго размѣра Томской губерніи на прилагаемой зоогеографической картѣ, на ней нельзя было отчетливо изобразить эти три части. Но онѣ хорошо видны на картѣ, приложенной къ ст. П. Н. Крылова „Очеркъ растительности Томской губерніи“, помѣщенной въ этомъ же сборникѣ публичныхъ лекцій.

животныхъ, обращающихъ на себя особенное вниманіе въ какомъ либо отношеніи.

Наиболѣе крупный изъ нашихъ хищниковъ, медвѣдь, принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновеннѣйшихъ животныхъ въ нашихъ мѣстахъ и берлоги его находятъ очень часто даже въ ближайшихъ окрестностяхъ г. Томска. Около 12 лѣтъ тому назадъ С. А. Суховъ убилъ медвѣдя даже на старыхъ городскихъ скотобойняхъ, находившихся въ разстояніи около полуверсты отъ крайнихъ городскихъ построекъ. Этотъ столь обыкновенный у насъ медвѣдь принадлежитъ къ очень распространенному виду бураго медвѣдя, но представляетъ особую разновидность медвѣдя съ ошейникомъ (Ursus arctos var. collaris Fr. Cuv.), характерную именно для Западной Сибири и восточной Европы. Узкую бѣлую круговую полосу на шеѣ можно всегда отчетливо видѣть у сосунковъ: по мѣрѣ же увеличенія возраста медвѣдя она становится менѣе замѣтной и у старыхъ, обыкновенно, совсѣмъ теряется. Крупныя травоядныя млекопитающія, какъ лоси и дикіе сѣверные олени, напротивъ, держатся въ болѣе глухихъ и ненаселенныхъ мѣстахъ, а потому о добываніи ихъ приходится въ городѣ не такъ часто получать свѣдѣнія, хотя все же и эти животныя пока еще вполнѣ обыкновенны въ таежной части губерніи. Изъ хорьковыхъ соболь и горностай не особенно многочисленны, колонокъ обыкновененъ. Барсукъ распространенъ, повидимому, во всей губерніи, за исключеніемъ, можетъ быть, самыхъ сѣверныхъ ея частей; вблизи Томска этотъ полезный хорекъ попадается очень часто. Россомаха и выдра держатся самыхъ глухихъ мѣстъ и, повидимому, не многочисленны. Сурокъ-байбакъ, обыкновенный на Алтаѣ, заходитъ частью и въ таежную мѣстность губерніи, такъ что и въ ближайшихъ окрестностяхъ г. Томска не составляетъ большой рѣдкости. Встрѣчающійся здѣсь иногда кобчикъ принадлежитъ собственно западной степной мѣстности губерніи.

а въ таежную заходитъ только какъ бы по сосѣдству, хотя иногда здѣсь и гнѣздится. Услаждающій же нашъ слухъ соловей (Erithacus philomela Bechst.) есть гость далекаго запада. Область его распространенія кончается Томскомъ, такъ что далѣе на востокъ во всей остальной Сибири онъ не встрѣчается. Это одно изъ нашихъ преимуществъ, напоминающее намъ, что мы не исключительно только сибиряки, но также немного и европейцы. Но тутъ же, въ пернатомъ царствѣ, мы находимъ и напоминаніе о томъ, что живемъ не въ европейской, а въ сибирской части нашего отечества. Наши филины, коршуны, сарычи, сойки, сороки, дятлы, скворцы, сорокопуты, частью также снѣгири, пѣночки и многія другія птицы—формы по большей части не тѣ, которыя свойственны Европейской Россіи, но отличаются отъ послѣднихъ хотя незначительными и для поверхностнаго наблюдателя почти незамѣтными, однако постоянными особенностями, какъ это отчасти было объяснено въ началѣ этой лекціи. Нѣкоторые изъ дроздовъ, овсянокъ, сорокопутовъ и другихъ пернатыхъ, обыкновенныхъ у насъ, напр. чернозобый дроздъ (Turdus atrigularis Temm.), бѣлошапочная овсянка (Emberiza leucocephala Gmel.), а также степная горлица (Turtur ferrago Evsm.), сибирскій сорокопутъ (Lanius major Pall.), восточный сорокопутъ (L. homeyeri Cab.), сѣдоголовый щеголъ (Carduelis caniceps Vig.), сибирская пѣночка (Phylloscopus tristis Blyth.) и пѣночка-зарничка (Phyll. superciliosus Gmel.). къ западу отъ Урала встрѣчаются рѣдко, а долгохвостый снѣгирь (Uragus sibiricus Pall.), сибирскій снѣгирь (Pyrrhula cineracea Cab.), рыжехвостый сорокопутъ (Lanius phoenicurus Pall.), малая кукушка (Cuculus intermedius Vahl.), соловей красношейка (Erithacus calliope Pall.) и сивохвостка (Ianthia cyanura Pall.) едва ли и вообще тамъ встрѣчаются. Желтоголовая трясогузка (Motacilla citreola Pall.), хотя не составляетъ рѣдкости и въ восточной части Европейской Рос-

сіи, но гораздо болѣе характерна для Западной Сибири, до р. Енисея. Изъ пресмыкающихся рѣзко подчеркиваетъ наше сибирское мѣстонахожденіе сибирскій четырехпалый тритонъ, а изъ рыбъ—обиліе лососевыхъ, изъ которыхъ бо́льшая часть совершенно чужда соотвѣтственнымъ широтамъ Европейской Россіи: если же нѣкоторыя изъ нихъ и встрѣчаются въ послѣдней, то только въ рѣкахъ, впадающихъ (подобно нашимъ) въ Ледовитый океанъ. Наша мѣстность не лишена также и нѣкоторыхъ формъ чисто тропическаго характера, приспособившихся, однако, для жизни въ умѣренномъ климатѣ. Таковъ, напримѣръ, зимородокъ (Alcedo bengalensis Gmel.), вполнѣ у насъ обыкновенная птичка, и сивоворонка (Coracias garrula L.), только изрѣдка залетающая съ юго-запада въ окрестности города. Но гораздо болѣе многочисленны у насъ выходцы далекаго сѣвера, какъ напр. сѣверный олень, бѣлая куропатка, а осенью и зимой—бѣлыя совы и подорожники.

Посмотримъ теперь, какъ мѣняется общій характеръ фауны въ двухъ другихъ (степной и горной) частяхъ Томской губерніи. Если ѣхать отъ Томска по направленію на юго-западъ (по недавно упраздненному почтовому тракту), то уже подъѣзжая къ г. Колывани можно замѣтить какъ общую перемѣну ландшафта, такъ и перемѣны въ животномъ населеніи. Здѣсь мы вступаемъ въ знаменитую со временъ А. Миддендорфа Барабинскую степь, въ которой лѣса встрѣчаются только островами и притомъ преимущественно лиственные. Многія животныя, обыкновенныя въ таежной части губерніи, здѣсь или совсѣмъ отсутствуютъ, или по крайней мѣрѣ становятся рѣдкими и потому не обращающими на себя вниманія наблюдателя, которое привлекается другими формами, въ свою очередь отсутствующими или рѣдкими въ тайгѣ. Рѣзче всего, конечно, замѣтна перемѣна въ птичьемъ населеніи, которое ведетъ сравнительно открытый образъ

жизни. Обыкновенные въ таежной мѣстности орланы-бѣлохвосты здѣсь куда-то исчезаютъ и вмѣсто нихъ мы видимъ еще болѣе величественныхъ орловъ-могильниковъ, которые, сидя на стогахъ сѣна или на одиноко стоящихъ высокихъ деревьяхъ, удивительно украшаютъ общій видъ мѣстности. Вмѣсто обильныхъ въ таежной полосѣ сарычей (Buteo), здѣсь на первый планъ выступаютъ луни (Circus). Рѣдкіе въ тайгѣ кобчики (Erythropus vespertinus L.) здѣсь постоянно попадаются на пути, также какъ и степная пустельга (Tinnunculus cenchris Naum.), между тѣмъ какъ столь обильная вблизи г. Томска обыкновенная пустельга (Tinnunculus alaudarius Briss.) становится рѣдкой. Появляются сѣрыя куропатки, жаворонки обыкновенные (Alauda) и рогатые (Otocoris), по большей части замѣняемые въ некультурной таежной мѣстности щеврицами (Anthus). На открытыхъ лугахъ и болотахъ бродятъ цапли, дрохвы и журавли сѣрые (Grus grus L.) и бѣлые или стерхи (Gr. leucogeranus Pall.). Ниголицы (Vanellus vanellus L.) повсюду попадаются по дорогамъ, а вблизи рѣкъ и озеръ оказываются цѣлыя стаи кроншнеповъ, которые почти не встрѣчаются вблизи Томска. Благодаря большому количеству озеръ въ Барабѣ, мы находимъ здѣсь невѣроятное количество гусей, утокъ, гагаръ, чаекъ и другихъ водяныхъ и болотныхъ птицъ. О лосяхъ, сѣверныхъ оленяхъ, россомахахъ, рыси, соболѣ и бурундукѣ нѣтъ болѣе помину, но зато можно иногда встрѣтить или слышать о многихъ изъ тѣхъ степныхъ млекопитающихъ, которыя были выше перечислены въ качествѣ характерныхъ для полосы островныхъ лѣсовъ вообще, не говоря уже о широко распространенныхъ формахъ. Кромѣ того, здѣсь появляется ушастый ежъ (Erinaceus auritus Pall.), буканочка (Ellobius talpinus Pall.) и упомянутые уже выше бѣлогрудые хомяки. Почти незамѣтные въ таежной части губерніи суслики здѣсь уже вредятъ хлѣбамъ. Изъ Туркестана изрѣдка сюда забѣгаетъ тигръ. Фалькъ упоминаетъ также о дикихъ лошадяхъ (тарпаняхъ) въ Барабѣ, но теперь о нихъ, кажется, больше уже ничего не слышно. Нѣкоторыя туркестанскія змѣи, распространенныя и въ Семипалатинской области, проникаютъ отсюда въ юго-западный уголъ нашей губерніи до Барнаула, захватывая частью и окраины Алтая, но не проникая глубоко въ горы. Вслѣдствіе этого, количество змѣй въ описываемой части сравнительно очень значительно. Кромѣ обыкновенной гадюки и ужа, здѣсь найдены еще: Elaphis dione Pall., турецкій полозъ (Eryx jaculus L.), клѣтчатый ужъ (Tropidonotus hydrus Pall.) и стрѣлазмѣя (Taphrometopon lineolatum Brndt.). По всей вѣроятности, здѣсь долженъ встрѣчаться также по крайней мѣрѣ одинъ видъ изъ рода Trigonocephalus, принадлежащаго къ семейству гремучихъ змѣй и потому чрезвычайно ядовитаго. На сухихъ лугахъ нерѣдко поражаетъ невиданное вблизи Томска обиліе скачущихъ прямокрылыхъ изъ семейства саранчевыхъ или кобылокъ.

Еще гораздо болѣе значительныя уклоненія найдемъ мы въ южной, гористой мѣстности губерніи. Здѣсь встрѣчается бо́льшая часть извѣстныхъ уже намъ таежныхъ и степныхъ обитателей, хотя нѣкоторые изъ нихъ замѣняются близкими альпійскими или горными формами. Другіе, напротивъ, встрѣчаются здѣсь рядомъ съ новыми своими родственниками. Но главное,—это то, что здѣсь мы находимъ большое число такихъ животныхъ, которыя въ другихъ частяхъ губерніи не встрѣчаются даже и въ родственныхъ формахъ. Они по большей части принадлежатъ къ обитателямъ сосѣдней монгольской подобласти. Въ результатѣ получается то, что животное населеніе Алтая, вообще не отличающееся многочисленностью индивидуумовъ, въ то же время оказывается очень богатымъ количествомъ отдѣльныхъ формъ, т. е. родовъ, видовъ и разновидностей. Наконецъ, здѣсь мы находимъ и

нѣсколько спеціальныхъ алтайскихъ формъ, т. е. такихъ, для которыхъ эта горная группа, повидимому, служитъ центромъ распространенія и которыя иной разъ внѣ ея предѣловъ почти и не встрѣчаются. Изъ такихъ спеціальныхъ формъ среди млекопитающихъ заслуживаютъ упоминанія: алтайскій горный баранъ или архаръ (Ovis argali Pall. var. altaica Sev.), правда мало отличающійся отъ другихъ близкихъ формъ, распространенныхъ въ монгольской подобласти: цокоръ или земляная медвѣдка (Myospalax aspalax Pall.), кротообразный грызунъ, близкій къ слѣпышу (Spalax typhlus Pall.), встрѣчающемуся въ юго-восточной Европѣ и Малой Азіи; алтайскій кротъ (Talpa altaica Nik.), недавно описанный А. Никольскимъ, какъ новый видъ, потому что онъ отличается отъ европейскаго крота бо́льшимъ ростомъ и нѣсколько иной формой черепа и зубовъ. Весьма вѣроятно, впрочемъ, что алтайскій кротъ распространенъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири. Среди птицъ къ такимъ формамъ принадлежатъ: алтайская горная индѣйка или уларъ (Tetraogallus altaicus Gebl.), алтайскій сорокопутъ (Lanius mollis Evm.), алтайскій горный вьюрокъ (Montifringilla altaica Evsm.), алтайская завирушка (Accentor altaicus Brndt) и еще нѣкоторыя другія.

Однако, какъ уже сказано, разнообразіе животной жизни на Алтаѣ обусловливается присутствіемъ не однѣхъ этихъ для него характерныхъ формъ, но также формъ альпійскихъ и монгольскихъ. Изъ послѣднихъ большинство, также какъ и спеціально алтайскія формы, совсѣмъ не встрѣчаются въ Европѣ, съ которой намъ невольно постоянно приходится сравнивать животное населеніе Сибири. Такъ, на Алтаѣ, кромѣ обыкновеннаго медвѣдя, попадается еще одна изъ разновидностей сирійскаго медвѣдя (Ursus syriacus var. lagomyiarius Severz.), отличающаяся болѣе свѣтлой, длинной кудрявой шерстью; кромѣ рыси и степной кошки,—барсъ;

кромѣ обыкновеннаго волка,—красный или альпійскій волкъ (Cyon alpinus Pall.); кромѣ обыкновенной лисицы,—караганъ (Vulpes melanotus Pall.), похожій на степную лисицу (корсака), но легко отличимый отъ нея, благодаря чернымъ ушамъ. Къ обычнымъ въ губерніи хорькамъ прибавляются каменный хорекъ (Putorius alpinus Gebl., Put. altaicus Pall.) и Эверсманновъ хорекъ (Put. Ewersmanni Gray.). Изъ крупныхъ копытныхъ, кромѣ обычныхъ въ Сибири лося, сѣвернаго оленя и уже упомянутаго алтайскаго горнаго барана, здѣсь водятся: алтайскій горный козелъ тау-теке (Aegoceros ibex Pall., Capra sibirica Mayer), сибирская козуля, маралъ и мускусная кабарга. По нѣкоторымъ указаніямъ, въ долинѣ р. Бухтармы встрѣчается также дикій кабанъ, а въ Чуйской степи—какая-то антилопа, вѣроятно чернохвостая (Antilope subgutturosa Güld.). Изъ грызуновъ, кромѣ обычныхъ въ губерніи и упомянутаго уже выше цокора, заслуживаютъ особаго упоминанія пищухи (Lagomys alpinus F. Cuv. и L. minutus Pall.) и сурокъ-байбакъ (Arctomys bobac Schreb.[1]).

Среди представителей пернатаго царства здѣсь появляются (по нѣкоторымъ свѣденіямъ) гигантскіе ягнятники (Gypaëtus barbatus L.). Обыкновенный въ таежной полосѣ орланъ-бѣлохвостъ (Haliaëtus albicilla Briss.) замѣняется родственнымъ долгохвостомъ (Hal. leycogyphus Pall.), имѣющимъ менѣе значительную величину, болѣе тонкій складъ и сравнительно длинный хвостъ. Изъ куриныхъ появляется упомянутая уже алтайская горная индѣйка, крупная птица, величиною почти съ глухаря, по по общему складу похожая болѣе на куропатку; къ распространенной повсюду въ губерніи полярной бѣлой куропаткѣ (Lagopus albus Gmel.) присоединяется альпійская или тундряная (Lag. alpinus Nilss., L. mutus Mont.); къ обыкновенному глухарю (Tetrao urogallus L.) присоединяет-

[1]) По крайней мѣрѣ, къ этому виду до сихъ поръ были относимы алтайскіе сурки. Вѣроятнѣе, однако, что они должны представлять собой одинъ изъ среднеазіатскихъ видовъ, а потому опредѣленіе требуетъ провѣрки.

ся восточно-сибирскій каменный глухарь (T. uragalloides Midd.); къ сибирской сѣрой куропаткѣ (Perdix robusta Hom.) присоединяются бородатая (P. dahurica Pall.) и каменная (P. chukar Gray.). По юго-западной окраинѣ описываемой мѣстности попадаются также рябки (Pterocles arenarius Pall.) и бульдерюки (Syrrhaptes paradoxus Pall.). Изъ вороновыхъ заслуживаютъ упоминанія даурская галка (Monedula dahurica Pall.), альпійская галка (Pyrrhocorax alpinus Vieill.) и клушица (Pyrrh. graculus L.). Обыкновенная бѣлая трясогуска (Motacilla alba L.) на Алтаѣ не встрѣчается, а замѣнена здѣсь средне-азіатской маскированной трясогузкой (Mot. personata Gould.). Рѣдкая въ таежной части губерніи красная утка или варнавка (Tadorna rutila L.) здѣсь оказывается самой распространенной водной птицей. По нѣкоторымъ указаніямъ, на Алтаѣ наблюдался, между прочимъ, также восточно-сибирскій гусь-сухоносъ (Anser cygnoides Pall.), не найденный въ другихъ частяхъ губерніи. Наконецъ, журавль-красавка (Grus virgo L.), удодъ (Upupa epops L.), корморанъ или бакланъ (Phalacrocorax carbo L.), встрѣчающіеся также въ степной части губерніи, но отсутствующіе въ таежной, и нѣсколько отчасти упомянутыхъ уже выше новыхъ видовъ дроздовъ, водяныхъ дроздовъ или олянокъ (Cinclus), завирушекъ, сорокопутовъ и вьюрковъ дополняютъ намъ орнитологическія особенности Алтая, сравнительно съ центральной частью губерніи.

Относительно гадовъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть о томъ, что въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Алтаемъ мы находимъ своеобразнаго сибирскаго пятипалаго тритона (Ranodon sibiricus Kessl.), который представляетъ собою, повидимому, спеціально средне-азіатскую форму, хотя мнѣ извѣстенъ одинъ (еще не опубликованный) случай нахожденія его и къ сѣверу отъ Алтая. Вообще же гадами Алтай считался до послѣдняго времени необыкновенно бѣднымъ и добыча

этого рода у всѣхъ его изслѣдователей поражаетъ своей скудостью. Гадюку въ центральномъ Алтаѣ находили рѣдко, а ужа не находили совсѣмъ. Изъ другихъ змѣи извѣстенъ только случай нахожденія О. Финшемъ двухъ экземпляровъ гремучей змѣи (Trigonocephalus intermedius Strauch) въ окрестностяхъ Змѣиногорска (въ западныхъ предгорьяхъ Алтая). Даже обыкновенная сѣрая жаба была встрѣчаема рѣдко, хотя на южной окраинѣ нашей горной группы (въ Рахмановскихъ ключахъ) находили и зеленую жабу (Bufo variabilis Pall.), совершенно отсутствующую въ таежной полосѣ. Но самой замѣчательной особенностью Алтая до настоящаго времени считалось полное отсутствіе въ его центральныхъ частяхъ какихъ бы то ни было лягушекъ, даже чрезвычайно распространенной въ таежной части губерніи болотной лягушки (Rana arvalis Nilss)[1]).

Рыбное населеніе Алтая представляетъ также нѣкоторыя своеобразныя черты. Если выше уже было замѣчено, что Сибирь, вообще, обращаетъ на себя вниманіе обиліемъ лососевыхъ, то на Алтаѣ эта особенность выступаетъ тѣмъ болѣе рѣзко, что рядомъ съ обиліемъ лососевыхъ здѣсь замѣчается чрезвычайная бѣдность или даже полное отсутствіе многихъ самыхъ обыкновенныхъ и всюду распространенныхъ рыбъ. Столь многочисленные въ другихъ частяхъ губерніи щуки, окуни, ерши, караси, лини, ельцы, чебаки въ центральномъ Алтаѣ почти не встрѣчаются даже въ такихъ водоемахъ, которые, казалось-бы, представляютъ условія вполнѣ благопріятныя для ихъ существованія. Если же кое-гдѣ эти рыбы и встрѣчаются, иногда даже въ изобиліи (какъ напр. линь въ озерѣ Кеньга), то въ большинствѣ случаевъ оказываются за-

[1]) Моя поѣздка на Алтай, произведенная уже послѣ окончанія этой статьи, доставила, однако, совсѣмъ другіе результаты. Гадюка оказывается на Алтаѣ въ большомъ количествѣ и въ значительномъ числѣ разновидностей. Лягушки мѣстами чрезвычайно многочисленны. Trigonocephalus intermedius оказывается обыкновенной змѣей въ сѣверномъ Алтаѣ и т. д. Результаты этой поѣздки будутъ опубликованы по разработкѣ матеріала, въ другомъ мѣстѣ.

несенными сюда лишь въ недавнее время. Главнымъ же властелиномъ здѣшнихъ водъ является харіусъ, рѣже встрѣчается таймень, еще рѣже ускучъ (Brachymystax coregonoides Pall.). Послѣдній отсутствуетъ въ сѣверной части губерніи, но обыкновененъ въ монгольской подобласти. То же самое относится къ двумъ видамъ рода Oreoleuciscus (изъ семейства карповыхъ), не такъ давно найденнымъ въ р. Чуѣ.

Насѣкомыхъ на Алтаѣ не много. Тѣмъ не менѣе, благодаря главнымъ образомъ многолѣтнимъ трудамъ фонъ-Геблера, здѣсь найдено большое число новыхъ формъ. Болѣе богата насѣкомыми Чуйская долина, которая Геблеромъ изъ всѣхъ мѣстностей Алтая считается наиболѣе богатой животной жизнью. Какъ и обыкновенно бываетъ въ горахъ, южная сторона богаче насѣкомыми, чѣмъ сѣверная. Въ степныхъ мѣстностяхъ, однако, по обыкновенію много саранчевыхъ, особенно изъ рода Oedipoda, и сѣрыхъ кузнечиковъ (Decticus). Изъ бабочекъ чаще всего попадается аполлонъ (Doritis apollo L.), который встрѣчается даже на снѣговыхъ вершинахъ. Въ горахъ путешественниковъ пріятно поражаетъ отсутствіе комаровъ и мошекъ, составляющихъ такое большое зло въ таежной полосѣ. Впрочемъ, въ широкихъ алтайскихъ долинахъ этотъ „гнусъ“ также даетъ себя знать.

При сравненіи фауны Томской губерніи съ фауной Европейской Россіи до сихъ поръ мы обращали вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣхъ животныхъ, которыя водятся у насъ, но отсутствуютъ по ту сторону Урала. Теперь попробуемъ еще сдѣлать обратное сравненіе и вспомнить хотя нѣкоторыхъ изъ такихъ животныхъ, которыя обыкновенны въ соотвѣтственныхъ широтахъ Европы, но отсутствуютъ, или крайне рѣдки у насъ. Въ этомъ отношеніи среди млекопитающихъ мы найдемъ не особенно много формъ, заслуживающихъ упоминанія. Отсутствіе норки (Putorius lutreola Cuv.) и перевязки (Put. sarmaticus Pall.) мало замѣтно, такъ какъ онѣ замѣняются у насъ другими хорьками. Такъ, именно, норка, по мнѣнію А. Миддендорфа, замѣняется въ Сибири колонкомъ. Къ этому можно еще прибавить, что и области распространенія этихъ двухъ хорьковъ (отмѣченныя на картѣ) представляютъ замѣчательно симметричное положеніе, одна на западной, другая на восточной окраинѣ европейско-азіатскаго материка. Что касается настоящаго благороднаго оленя, европейской козули, зайца-русака, то они вполнѣ замѣняются у насъ другими близкими формами. О зубрѣ (Bison europaeus Ow.) едва ли стоитъ упоминать, такъ какъ и въ Европѣ онъ существуетъ лишь благодаря искуственно созданной обстановкѣ. Гораздо замѣтнѣе отсутствіе европейской дикой кошки (Felis catus L.), серны (Rupicapra rupicapra Sund.), цѣлаго семейства сонь (Myoxidae), нѣсколькихъ родовъ летучихъ мышей, выхухоли (Myogale moschata Brndt) и европейскаго ежа, тѣмъ болѣе что и замѣняющій послѣдняго ушастый ежъ встрѣчается только на небольшомъ пространствѣ губерніи и, повидимому, не часто.

Изъ птицъ отсутствуютъ очень многія, но такъ какъ почти всѣ онѣ замѣняются у насъ соотвѣтственными близкими формами, то недостатокъ этотъ не бросается въ глаза. Только отсутствіе бѣлаго аиста (Ciconia alba L.), такъ украшающаго южную и западную Европейскую Россію, даетъ себя рѣзко чувствовать, потому что обыкновенный у насъ черный аистъ (Ciconia nigra L.) ведетъ себя по отношенію къ человѣку совершенно иначе. Изъ пресмыкающихся бросается въ глаза полное отсутствіе черепахъ, обыкновенной въ соотвѣтственныхъ широтахъ Европейской Россіи мѣдяницы (Anguis fragilis L.) и европейскихъ тритоновъ (Triton taeniatus Schneid., Tr. cristatus Laur. и друг.). Но еще гораздо печальнѣе для насъ отсутствіе обыкновенной, такъ называемой съѣдобной или зеленой лягушки (Rana esculenta L.). Оттого то по вечерамъ не слышно у насъ привычнаго для обитате-

© ЦНБ РСФСР

ля южной или средней Европейской Россіи лягушечьяго концерта, а днемъ пруды и болота получаютъ мало оживленный, унылый видъ. Изъ рыбъ нѣтъ у насъ совершенно сома, карпа, судака, настоящихъ сельдей и многихъ другихъ, особенно изъ европейскихъ представителей семействъ осетровыхъ и лососевыхъ. Отсутствіе послѣднихъ, съ практической стороны, правда, мало чувствуется, такъ какъ здѣшніе представители этого семейства ничѣмъ не уступаютъ европейскимъ, если даже не превосходятъ ихъ. Но зато весьма чувствительно для европейскаго гастронома совершенное отсутствіе рѣчного рака. Правда, онъ былъ дважды находимъ въ предѣлахъ Томской губерніи, каждый разъ производя величайшее волненіе среди незнакомыхъ съ нимъ жителей (одинъ разъ въ Нарымѣ, другой—въ Барнаулѣ), но оба раза, очевидно, попадались экземпляры, изрѣдка завозимые сюда любителями и пока еще совершенно не привившіеся въ здѣшнихъ водахъ.

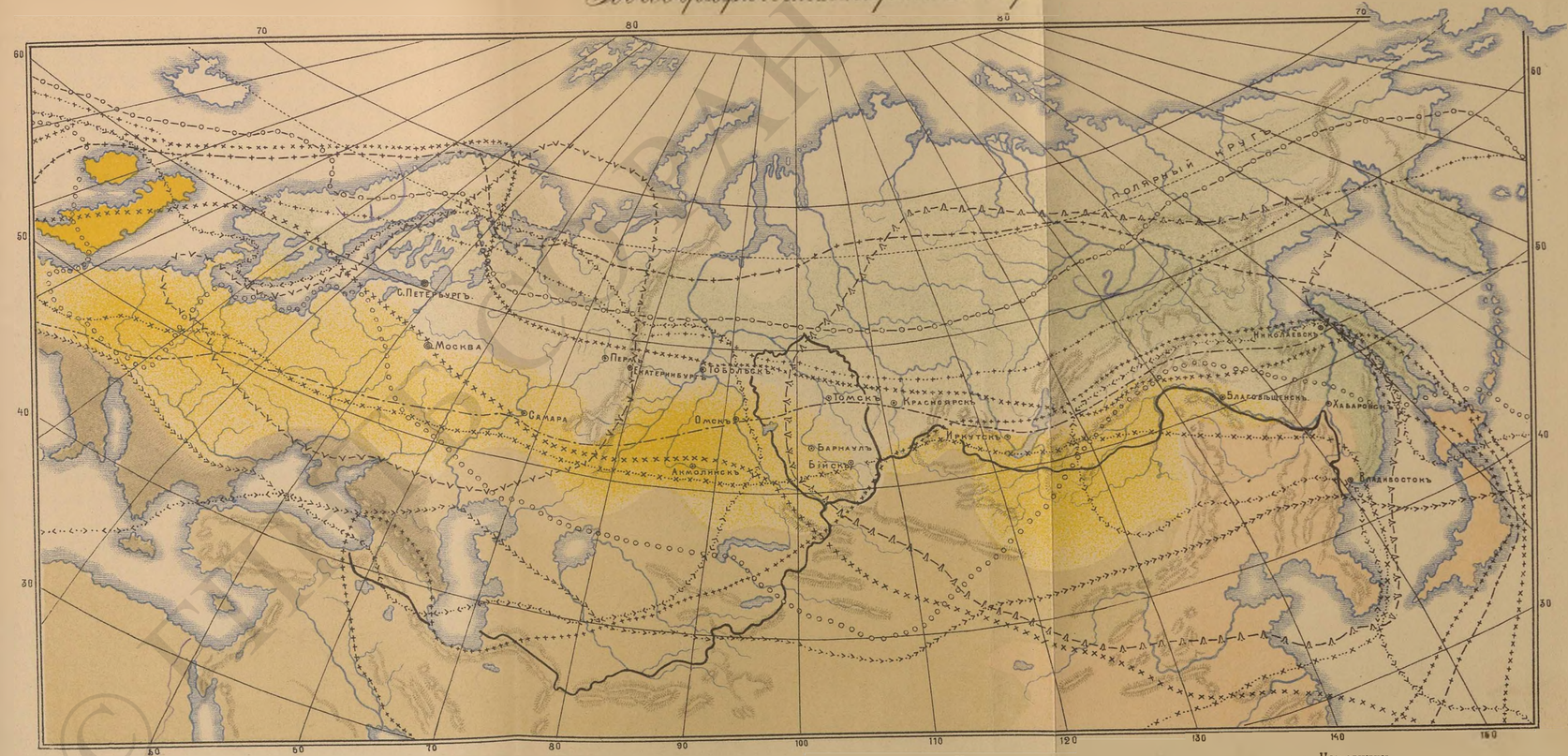
Въ общемъ, можно сказать, что животное населеніе Томской губерніи бѣднѣе безпозвоночными, чѣмъ Европейская Россія, какъ въ отношеніи количества и разнообразія формъ, такъ и въ отношеніи численности недѣлимыхъ. Частью это происходитъ отъ суровости и континентальности климата, отражающихся особенно на моллюскахъ, частью отъ слабаго развитія сельскаго хозяйства, подъемъ котораго, обыкновенно, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ увеличеніе количества насѣкомыхъ. Впрочемъ, что касается относительной бѣдности Сибири числомъ видовъ безпозвоночныхъ, то отчасти оно, можетъ быть, составляетъ явленіе только кажущееся и зависящее просто отъ того, что безпозвоночныя Сибири еще мало изучены. Такъ, по Н. В. Насонову, въ Европейской Россіи извѣстно муравьевъ 61 видъ, между тѣмъ какъ во всей Сибири „несмотря на обширность территоріи, ею занимаемой, и разнообразіе условій“,—только 26. Конечно, число это будетъ увеличиваться по мѣрѣ дальнѣйшаго изученія этой

группы, до сихъ поръ мало обращавшей на себя вниманіе сибирскихъ коллекторовъ.

Но зато нѣкоторыми группами позвоночныхъ, въ отношеніи какъ числа видовъ, такъ и числа индивидуумовъ, Томская губернія несомнѣнно гораздо богаче соотвѣтственныхъ широтъ Европейской Россіи. Едва ли въ центральныхъ ея губерніяхъ найдется много мѣстъ, настолько богатыхъ болотной и водной дичью, какъ любая часть Томской губерніи. Особенно рѣзко въ этомъ отношеніи характеризуютъ нашу мѣстность крупныя млекопитающія: лоси, сѣверные олени, маралы, козули, медвѣди, волки, лисицы, рыси, россомахи, выдры и другіе, болѣе рѣдкіе, горные обитатели. Тѣ изъ нихъ, которые имѣются въ Европѣ, представляютъ собою, собственно говоря, только лишь жалкіе остатки отъ болѣе богатой въ прежнія времена фауны. Сѣверный олень давно истребленъ на всемъ пространствѣ Европы, кромѣ крайняго ея сѣверо-востока и о существованіи его въ средней Европѣ въ историческія времена имѣются лишь смутныя указанія. Остальные крупные звѣри слѣдуютъ за нимъ и, какъ выражается А. Миддендорфъ, „родятся и умираютъ въ полномъ бѣгствѣ“. Въ нашемъ же краю еще достаточно приволья для всѣхъ; мы живемъ какъ бы въ давно прошедшія для Европы времени. Средняя Европа находилась приблизительно въ такомъ состояніи (относительно животнаго населенія) около 2000 лѣтъ тому назадъ (времена Юлія Цезаря), а средняя Россія около 800 лѣтъ тому назадъ (времена Владиміра Мономаха). Но теперь перемѣны происходятъ быстрѣе, и недалеко уже то время, когда первобытная, но богатая естественная обстановка нашего края, представляющаяся для пріѣзжаго европейца чѣмъ то давнопрошедшимъ, станетъ и дѣйствительно прошедшей. Нужно, однако, позаботиться о томъ, чтобы этотъ переходъ отъ давнопрошедшаго къ современному, совершающійся именно теперь, на нашихъ глазахъ,

съ необычайной быстротой, не сопровождался потерей того хорошаго, что есть въ окружающей насъ дикой, но обладающей своеобразной прелестью природѣ. Нужно бережно относиться къ ея живымъ обитателямъ; и не только потому, что большая часть изъ нихъ для насъ полезны и пригодятся нашимъ потомкамъ, но также и потому, что они, какъ и мы сами, тоже украшаютъ Божій міръ.

Зоогеографическая карта Сибири



Области распространенія норки и колонка ограничены со всѣхъ сторонъ, рѣчныхъ раковъ (въ двухъ мѣстахъ) — съ трехъ сторонъ; остальныя линіи означаютъ *сѣверныя* границы распространенія соотвѣтственныхъ животныхъ.

О ПТИЦАХЪ ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Г. Э. Іоганзенъ.

Палеарктическая область, въ составъ которой входятъ Европа, сѣверная Африка и бо́льшая часть Азіатскаго материка, заключаетъ въ своихъ предѣлахъ около 1150 видовъ птицъ (20*). Изъ этихъ пернатыхъ, по крайней мѣрѣ, 324 вида найдены въ предѣлахъ Томской губерніи. Эта цифра получена мною на основаніи не особенно многочисленныхъ литературныхъ данныхъ, между которыми наиболѣе цѣнными для меня были указанія проф. М. А. Мензбиръ въ его сочиненіи „Птицы Россіи“; затѣмъ я располагалъ хранящимся въ зоологическомъ музеѣ Императорскаго Томскаго университета орнитологическимъ матеріаломъ, и, наконецъ, мнѣ удалось самому сдѣлать кое-какія наблюденія въ окрестностяхъ Томска съ 1894 года и на Алтаѣ во время двухъ поѣздокъ туда. Такое количество птицъ можетъ, въ сравненіи съ числомъ пернатыхъ, найденныхъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Европейской Россіи, показаться большимъ. Авифауна Московской губерніи, наиболѣе хорошо изслѣдованной изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи, заключаетъ въ себѣ около 265 видовъ (10 и 13), авифауны другихъ, также весьма тщательно изслѣдованныхъ въ орнитологическомъ отношеніи, губерній, напр. Тульской (11) и Казанской (12), составляются 251 и 268 видами. Но уже Оренбургскій край,

*) Цифры, заключенныя въ скобкахъ, указываютъ на литературные источники, списокъ которыхъ помѣщенъ въ концѣ статьи.

© ГПНТБ СО РАН

числомъ видовъ птицъ, найденныхъ въ его предѣлахъ, превосходитъ нашу губернію. Въ этой области извѣстно нахожденіе по меньшей мѣрѣ 342 вида (8). Такое богатство Оренбургскаго края объясняется, главнымъ образомъ, положеніемъ его на пролетныхъ путяхъ для множества птицъ Европейской и Азіатской Россіи. Со временемъ, однако, придется Оренбургскому краю уступить первое по числу видовъ пернатыхъ мѣсто Томской губерніи, такъ какъ число видовъ, извѣстныхъ въ нашемъ краю до сихъ поръ, по моему мнѣнію, еще далеко не выражаетъ полнаго количества населяющихъ нашу губернію пернатыхъ. Дальнѣйшія наблюденія и изслѣдованія несомнѣнно увеличатъ списокъ птицъ нашей губерніи многими такими видами, въ особенности восточно-сибирскими и туркестанскими, о нахожденіи которыхъ въ предѣлахъ разсматриваемой нами мѣстности не имѣется пока положительныхъ данныхъ. Авифауна какой-либо мѣстности никогда не можетъ считаться вполнѣ изученной; птицы, вслѣдствіе ихъ подвижности, не имѣютъ строго опредѣленнаго географическаго распространенія; орнитологъ, занимающійся изслѣдованіемъ фауны извѣстной мѣстности, никогда не можетъ считать свой трудъ законченнымъ, онъ всегда можетъ встрѣтиться съ совершенно неожиданными представителями авифаунъ другихъ странъ, часто весьма отдаленныхъ. Такой интересный случай имѣлъ мѣсто въ 1893 году, когда около Харькова былъ убитъ одинъ изъ сѣверо-американскихъ дроздовъ, дроздъ Свайнсона (Turdus swainsoni Cab.), первый изъ найденныхъ въ предѣлахъ Европейской Россіи экземпляръ (16).

Для болѣе удобнаго обозрѣнія фауны птицъ нашей губерніи, распредѣлимъ извѣстные въ ея предѣлахъ виды на порядки или группы. Самой многочисленной изъ этихъ группъ, по количеству видовъ, будетъ группа пѣвчихъ или воробьиныхъ птицъ (Passeres); у насъ ихъ извѣстно 150 видовъ, т. е. почти половина всѣхъ томскихъ видовъ. Вторая группа—хищники, дневные и ночные (Raptores)—содержитъ 40 видовъ. Ей почти равняется по числу видовъ группа куликовыхъ (Limicolae), въ количествѣ 39 видовъ. Четвертую группу составляютъ утиныя или пластинчатоклювыя (Lamellirostres), числомъ 30 видовъ. Остальныя группы располагаются слѣдующимъ образомъ: лазуновъ (Scansores) 16 видовъ, куриныхъ (Gallinae) 11 видовъ, пастушковыхъ (Alectorides) 10 видовъ, чайковыхъ (Longipennes) 9 видовъ, голубиныхъ (Columbae) 6 видовъ, гагаровыхъ (Pygopodes) 6 видовъ, цаплевыхъ (Herodiones) 4 вида, пеликановыхъ (Steganopodes) 2 вида и рябковъ (Pterocletes) только 1 видъ.

Изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что характеръ Томской губерніи, по составу ея авифауны, вполнѣ материковый; изъ обзора отдѣльныхъ видовъ и сравненія ихъ съ европейскими мы убѣдимся, что характеръ этой фауны носитъ рѣзкій континентальный отпечатокъ, который выражается въ томъ, что наши пернатые друзья отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ западныхъ формъ по оперенію, которое подъ вліяніемъ континентальности климата стало сплошь да рядомъ болѣе блѣднымъ, чѣмъ у европейскихъ. Вообще, можно сказать, что у сибирскихъ птицъ въ оперенія отчетливо выступаетъ бѣлый цвѣтъ. Бѣлизною своей окраски, яркостью этого цвѣта и большимъ развитіемъ его на разныхъ частяхъ тѣла, онѣ рѣзко отличаются отъ западныхъ, въ общемъ окрашенныхъ значительно темнѣе.

Воробьиныя (Passeres).

Всякаго, привыкшаго хоть сколько нибудь неравнодушно относиться къ окружающей его природѣ, при переѣздѣ изъ средней полосы Европейской Россіи въ Томскъ, должно весною и лѣтомъ поразить отсутствіе въ непосредственныхъ окрестностяхъ нашего города *полевого жаворонка* (Alauda arvensis L.), этой пользующейся огромной популярностью

и широко распространенной птицы. По крайней мѣрѣ, такъ было со мною. Несмотря на всѣ старанія, я въ окрестностяхъ Томска долго не могъ разыскать настоящаго жаворонка, а особи, выдаваемыя здѣсь за таковыхъ, при опредѣленіи оказывались степными коньками (Anthus richardi Vieill.), или даже лѣсными щеврицами (Anthus trivialis L.). Между тѣмъ, распространеніе жаворонка такъ огромно и для Томской губерніи имѣется столько указаній о нахожденіи здѣсь этого вида, что нельзя было сомнѣваться, что онъ здѣсь встрѣчается. Дѣло въ томъ, что жаворонокъ—птица воздѣланныхъ полей, отсутствіе которыхъ въ какой-либо мѣстности влечетъ за собою и отсутствіе жаворонка; луга не могутъ для него замѣнить пахотныхъ полей. Такъ какъ болѣе южныя части нашей губерніи, округа Барнаульскій и Бійскій, представляютъ обработанную культурную полосу, то слѣдовало предположить, что имѣющіяся о нахожденіи въ нашей губерніи данныя относятся, главнымъ образомъ, къ этой полосѣ. Въ справедливости этого предположенія мнѣ пришлось убѣдиться во время двухъ поѣздокъ на Алтай, и уже по почтовому тракту между станціями Гутовой и Боровлянкой мнѣ пришлось услышать въ началѣ іюня 1895 года трель первыхъ сибирскихъ жаворонковъ. Но и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Томска, по Иркутскому тракту, не доѣзжая „Креста“, мнѣ удалось 19 апрѣля 1897 года добыть одинокую самку жаворонка, повидимому, вслѣдствіе дурной погоды попавшую не туда, куда ей слѣдовало. Сибирскіе полевые жаворонки болѣе сѣраго цвѣта, въ сравненіи съ европейскими, и нѣкоторыми орнитологами выдѣляются подъ названіемъ Alauda cantarella Bonap. Одинъ изъ близкихъ родственниковъ полевого, *жаворонокъ хохлатый*, также весьма распространенный въ Европейской Россіи, найденъ на Алтаѣ, въ формѣ близкой къ европейской, но болѣе блѣдной (Alauda cristata magna Hume). Изъ другихъ видовъ жаворонковъ слѣдуетъ

упомянуть о кругополярномъ *рогатомъ жаворонкѣ* (Otocorys alpestris L.), добытомъ около Томска въ концѣ апрѣля, вѣроятно, зимующемъ въ южныхъ частяхъ нашей губерніи и выводящемъ птенцовъ далеко на сѣверѣ, въ тундрахъ, за предѣлами лѣсного пояса. На Алтаѣ, въ качествѣ гнѣздящейся птицы, широко распространенъ близкій родственникъ только что упомянутаго, *жаворонокъ хохлатый свѣтлый* (Otocorys brandti Dress.). Что касается *жаворонка чернаго* (Melanocorypha tatarica Pall.) и *жаворонка бѣлокрылаго* (Melanocorypha sibirica Gmel.), которыхъ мнѣ не приходилось до сихъ поръ наблюдать, то не подлежитъ сомнѣнію, что оба вида встрѣчаются въ степной части нашей губерніи. Первый изъ нихъ птица осѣдлая, предпринимающая зимою кочевки, была добываема въ это время года около Барнаула. Въ самыхъ южныхъ частяхъ нашей губерніи, на Алтаѣ, наблюдался еще одинъ видъ жаворонка, *сѣрый* (Calandrella pispoletta Pall.).

Воронъ (Corvus corax L.), *ворона сѣрая* (Corvus cornix L.) и *галка* (Corvus monedula collaris Drumm.)—формы, распространенныя по всей губерніи и притомъ, повидимому, тождественныя съ европейскими. Эти птицы настолько извѣстны всѣмъ, что на нихъ останавливаться нечего. Замѣтимъ лишь, что галка у насъ въ Томскѣ не остается на зиму, а отлетаетъ на югъ, и весенній прилетъ нашихъ пернатыхъ открывается ею. Вмѣстѣ съ сѣрой вороной у насъ въ Томскѣ очень обыкновенна зимою и *черная ворона* (Corvus corone L.), почти повсемѣстно встрѣчающаяся и на Алтаѣ, гдѣ мнѣ не приходилось наблюдать сѣрой (лѣтомъ). Мнѣніе, высказанное у насъ недавно и въ печати (17), что алтайскія черныя вороны прилетаютъ къ намъ въ Томскъ зимовать, ошибочно. Это восточно-сибирскія особи. Алтайскія черныя вороны не должны встрѣчаться подъ Томскомъ зимою, такъ какъ ни у одного вида птицъ нашего полушарія

до сихъ поръ не наблюдалось осенняго перелета съ юга на сѣверъ, въ мѣста болѣе холодныя. Кромѣ этихъ представителей вороньяго рода, въ степной части нашей губерніи пользуется широкимъ распространеніемъ *грачъ* (Corvus frugilegus L.), котораго мнѣ приходилось наблюдать стаями въ нѣсколько сотъ особей въ равнинѣ между Бійскомъ и расположеннымъ въ предгорьяхъ Алтая селомъ Алтайскимъ. На Алтаѣ распространена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и *даурская галка* (Corvus dauricus Pall.), отличающаяся отъ обыкновенной галки бѣлой окраской груди и брюха. Отъ нѣкоторыхъ лицъ мнѣ приходилось слышать, что подобныя галки наблюдались и въ Томскѣ, но самому пока не попадались. Это широкораспространенный въ Восточной Сибири видъ. Наша *сорока* (Pica leucoptera Gould.), встрѣчающаяся рѣшительно повсемѣстно въ Томской губерніи, заслуживаетъ особеннаго упоминанія потому, что она не тождественна съ видомъ, встрѣчающимся въ Европейской Россіи и далѣе на западъ (Pica candata L.), а отличается отъ него большимъ развитіемъ бѣлаго цвѣта на крыльяхъ; она, sit venia verbo, болѣе бѣлобока, чѣмъ европейская. *Сойка рыжеголовая* (Garrulus brandti Eversm.), характерный для Сибири осѣдлый видъ, отличается отъ европейской свѣтлоголовой сойки (Garrulus glandarius L.) интенсивной ржавчато-рыжей окраской головы. Это одна изъ весьма красивыхъ птицъ нашей фауны. Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе верхнія кроющія перья крыла съ чередующимися полосками чернаго, бѣлаго и голубого цвѣтовъ. Другой видъ соекъ, *кукша* (Perisoreus infaustus L.), нѣсколько уступающій по величинѣ первому, не имѣетъ на крыльяхъ такого яркаго, бросающагося въ глаза украшенія, которое замѣнено нѣсколькими сѣровато-ржавчатыми перьями. Кукша очень обыкновенна въ лѣсной области губерніи; это настоящая таежная птица, встрѣчающаяся и на Алтаѣ. Близкая къ сойкамъ *кедровка* (Nucifraga caryocatactes macrorhyncha Brehm) пользуется большою популярностью и распространена по всей губерніи, гдѣ только имѣются кедры; на Алтаѣ это обыкновенная осѣдлая птица горнаго яруса, занятаго кедрами. Сибирская кедровка, отличающаяся отъ западно-европейской болѣе тонкимъ клювомъ, иногда, вслѣдствіе неурожая кедровыхъ орѣховъ, вмѣстѣ съ восточно-европейскими своими родичами, покидаетъ область обыкновенныхъ своихъ кочевокъ и двигается на западъ. Годами такихъ нашествій цѣлыхъ массъ кедровокъ на Западную Европу были 1885 и 1887, когда онѣ достигали даже западныхъ береговъ европейскаго материка. Съ другой стороны, въ нѣкоторые годы кедровки поражали наблюдателей своимъ отсутствіемъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ онѣ были обыкновенны. Такъ, напр., уже въ 1835 году на Алтаѣ докторомъ Ф. Геблеръ замѣчена была рѣдкость нахожденія кедровокъ и высказано предположеніе о связи ихъ отсутствія и неурожая орѣховъ въ тотъ-же годъ (2).

Клушица (Pyrrhocorax graculus L.), эта альпійская ворона съ яркокраснымъ клювомъ и красными ногами, встрѣчается на Алтаѣ въ качествѣ гнѣздящейся птицы. Любимымъ мѣстопребываніемъ ея служатъ скалы и выступы надъ пропастями, гдѣ она живетъ общественно и, обладая быстрымъ и изящнымъ полетомъ, много способствуетъ оживленію мѣстности, по словамъ наблюдавшихъ ее. Уже Брандтъ (3) въ 1845 году упоминаетъ *альпійскую галку* (Pyrrhocorax alpinus Vieill.) для Западной Сибири. Съ тѣхъ поръ не имѣется указаній на нахожденіе этого желтоклюваго вида въ нашей губерніи. Между тѣмъ, и этотъ видъ встрѣчается на Алтаѣ, откуда привезены проф. В. В. Сапожниковымъ и переданы въ зоологическій музей Томскаго университета шкурки какъ альпійской галки, такъ и клушицы.

Изъ скворцовъ въ нашей губерніи, кромѣ обыкновеннаго, всѣмъ извѣстнаго, Sturnus menzbieri Sh., отличающагося

отъ западно-европейскаго фіолетовой окраской головы и зоба, и добытаго д-ромъ Финшъ на Алтаѣ и описаннаго имъ за новый видъ Sturnus polterazkii, далеко не всѣми орнитологами однако признаваемаго за дѣйствительно самостоятельный видъ, въ югозападныхъ ея частяхъ встрѣчается и *розовый скворецъ* (Pastor roseus Briss.), очень красивая птица, несомнѣнно тропическій видъ въ нашей авифаунѣ. Мнѣ его, къ сожалѣнію, не приходилось до сихъ поръ наблюдать.

Уже *Палласъ* (1), знаменитый путешественникъ прошлаго столѣтія, съ котораго собственно началось изученіе не однѣхъ только птицъ, но и другихъ животныхъ Сибири, въ своемъ обширномъ трудѣ Zoographia rosso-asiatica отмѣчаетъ особенное обиліе Сибири разными видами овсянокъ или стренатокъ, населяющихъ ее. Наша губернія въ этомъ отношеніи не уступаетъ другимъ областямъ обширной Сибири. Тринадцать видовъ этихъ пташекъ извѣстны изъ предѣловъ нашей губерніи и это число со временемъ, конечно, еще увеличится нѣкоторыми, въ особенности восточно-сибирскими видами. Всѣмъ извѣстна кругополярная *пуночка*, называемая здѣсь снѣгиремъ (Calcarius nivalis L.), прилетающая къ намъ на зиму изъ тундръ глубокаго сѣвера, гдѣ она широко распространена на гнѣздовьѣ, и въ высшей степени оживляющая Сибирскій трактъ, гдѣ ее можно наблюдать въ продолженіе всей зимы, начиная съ перваго снѣга до послѣднихъ чиселъ апрѣля, цѣлыми стаями, состоящими иногда изъ нѣсколькихъ сотъ особей. Менѣе извѣстенъ ея ближайшій сородичъ, *подорожникъ лапландскій* (Calcarius lapponicus L.), также кругополярная птичка, выводящая птенцовъ въ тундрѣ, но можетъ быть и гнѣздящаяся на сѣверѣ нашей губерніи. Въ небольшомъ числѣ приходилось мнѣ наблюдать этотъ видъ весною, въ стайкахъ пуночки; въ большемъ числѣ онъ встрѣчается ежегодно осенью, до перваго снѣга, около самаго Томска, на лугу, по дорогѣ къ пристани, а на зиму, вѣроятно,

откочевываетъ далѣе на югъ. Изъ другихъ видовъ овсянокъ (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ) близъ Томска довольно распространена *камышевая* (Emberiza schoeniclus L.), въ качествѣ гнѣздящейся птицы, и попадалась часто; *овсянка-крошка* (Emberiza pusilla Pall.) посѣщаетъ нашу губернію, вѣроятно, лишь на пролетѣ, хотя, можетъ быть, и гнѣздится въ сѣверной ея части. Также гнѣздящаяся птичка нашей губерніи *овсянка-ремезъ* (Emberiza rustica Pall.), которую весною и осенью можно иногда встрѣтить въ большомъ количествѣ около Томска; на лѣто она, вѣроятно, скрывается въ тайгѣ. *Овсянка-ортоланъ* (Emberiza hortulana Briss.) широко распространена на Алтаѣ. Какъ самое сѣверное мѣстонахожденіе этого вида въ нашей губерніи мнѣ извѣстно село Тулинское на Оби (Барнаульскаго округа). Въ южныхъ частяхъ Алтая этотъ видъ замѣненъ близкимъ Emberiza huttoni Blyth., широко распространеннымъ въ Туркестанѣ и Персіи. Самыми распространенными изъ овсянокъ въ нашей губерніи могутъ считаться *овсянка обыкновенная* (Emberiza citrinella L.), область распространенія которой весьма обширна, какъ въ Европейской, такъ и Азіатской Россіи, и *овсянка бѣлошапочная* (Emberiza leucocephala Gmel.), очень характерный для Сибири видъ, встрѣчающійся и на Алтаѣ. Эта красивая овсянка часто залетаетъ въ Западную Европу, не разъ была добываема и въ Италіи. *Овсянка желчная* (Emberiza luteola Spar.) встрѣчается въ болѣе южныхъ частяхъ нашей губерніи, на Алтаѣ и въ прилегающихъ степяхъ. Изъ всѣхъ овсянокъ наиболѣе поздно къ намъ прилетаетъ и соотвѣтственно раньше другихъ на зиму улетаетъ *стренатка золотистая* (Emberiza aureola Pall.), широко распространенная въ нашей губерніи въ рѣчныхъ долинахъ, гдѣ она гнѣздится на лугахъ, въ кустахъ. Во время моего пребыванія на Алтаѣ, я въ подходящихъ къ требованіямъ этой птички мѣстахъ всегда убѣждался въ ея присутствіи, и на южномъ бе-

регу Телецкаго озера, въ дельтѣ Чолышмана, кромѣ плисокъ, горныхъ трясогузокъ и синичекъ, этотъ видъ былъ самымъ многочисленнымъ по количеству встрѣчавшихся тамъ особей. Замѣчательно постепенное передвиженіе этой милой птички съ востока на западъ. Свойственная ранѣе только южной полосѣ Сибири, она стала теперь гнѣздящимся видомъ въ Европейской Россіи; въ Московской губерніи, гдѣ лѣтъ 30—40 тому назадъ эта птица была совершенно неизвѣстна, она теперь часто наблюдается на гнѣздовьѣ. Въ послѣднее время ее наблюдали и въ Смоленской губерніи.

Между птицами, въ высшей степени оживляющими наши зимою, въ общемъ, очень безжизненные лѣса, заслуживаютъ быть упомянутыми прежде всего клесты, которые встрѣчаются у насъ въ двухъ видахъ. Изъ нихъ *клестъ бѣлокрылый* (Loxia bifasciata Brehm), видъ, населяющій, главнымъ образомъ, лѣса Сибири, птица характерная для Сибири, между тѣмъ какъ *клестъ-еловикъ* (Loxia curvirostra L.), уступающій первому по пестротѣ и яркости оперенія, широко распространенъ и въ Европейской Россіи. Эти птицы, не отлетающія отъ насъ, свойственны исключительно хвойнымъ лѣсамъ, такъ какъ пищу ихъ составляютъ въ холодное время года сѣмена различныхъ хвойныхъ деревьевъ. Недостатокъ въ этой пищѣ заставляетъ нашихъ птичекъ расширять кочевки иногда на очень большія разстоянія. И тотъ и другой видъ маленькими стайками часто наблюдались кочующими въ Западной Европѣ. Въ нѣкоторые годы они появлялись тамъ огромными стаями. Такими годами были зимы $182^6/_7$ и $184^5/_6$ годовъ для Германіи, Нидерландовъ и другихъ мѣстностей Западной Европы. Въ предѣлахъ Австріи они появлялись въ 1858 и 1889 годахъ. Австрійскіе натуралисты называли появленіе этихъ птичекъ „наводненіемъ“ и считали ихъ за выходцевъ Архангельской губерніи; но, вѣроятно, въ этихъ массахъ клестовъ, нахлынувшихъ на Западную

Европу, участвовали не разъ и сибирскія особи. Зимою прошлаго $189^6/_7$ года мнѣ приходилось оба вида наблюдать въ большомъ количествѣ недалеко отъ Томска.

Въ сѣверной тайгѣ нашей губерніи выводитъ птенцовъ *щуръ* (Pinicola enucleator L.), зимою спускающійся къ югу до Алтая. Эту птицу мнѣ приходилось пока только разъ наблюдать подъ Томскомъ въ октябрѣ 1894 года. Старые самцы, у которыхъ, какъ у клестовъ, выступаетъ розовато-красная окраска, несомнѣнно принадлежатъ къ красивѣйшимъ между нашими пернатыми. Всѣмъ извѣстенъ *снѣгирь*, по здѣшнему *„жуланъ“* (Pyrrhula coccinea de Sel.), столь обыкновенный зимою по нашимъ дорогамъ и залетающій въ это суровое время года въ сады и рощи, гдѣ яркостью своей окраски невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Менѣе извѣстенъ близкій родственникъ его, *снѣгирь сибирскій* (Pyrrhula cineracea Cab.), котораго мнѣ, къ сожалѣнію, пока еще не приходилось наблюдать, но несомнѣнно встрѣчающійся въ нашей губерніи. Онъ отличается отъ перваго тѣмъ, что самецъ и самка у него окрашены болѣе или менѣе сходно, самецъ не имѣетъ краснаго цвѣта на нижней сторонѣ тѣла, которая у него сѣраго цвѣта; вслѣдствіе такой окраски, этотъ характерный для Сибири видъ, походящій въ общемъ на обыкновенныхъ жуланихъ, часто и принимается за таковыхъ. Одна изъ самыхъ характерныхъ для Сибири птицъ изъ воробьиныхъ, это—*снѣгирь сибирскій долгохвостый* (Uragus sibiricus Pall.), широко распространенный и въ нашей губерніи на гнѣздовьѣ, но, повидимому, въ теченіе лѣта ведущій скрытую жизнь. Маленькими стайками онъ попадается часто осенью въ тальникахъ по рѣчнымъ долинамъ. Старый самецъ этого вида, съ серебристыми перышками на горлѣ при общей розовой окраскѣ, переходящей чрезъ разные оттѣнки до почти совершенно бѣлаго цвѣта на крыльяхъ, очень красивая и изящная птица, легко привыкающая къ не-

волѣ, но, къ сожалѣнію, теряющая въ клѣткѣ свое роскошное опереніе, которое уступаетъ мѣсто однообразно сѣровато-бурому. Другой изъ воробьиныхъ, *снѣгирь-чечевичникъ* (Carpodacus erythrinus Pall.), хотя и не характерный для Сибири видъ, такъ какъ область распространенія его заходитъ на западъ и за предѣлы Европейской Россіи, по яркости своей окраски (самцы почти совершенно краснаго цвѣта) заслуживаетъ упоминанія. Эта милая птичка очень обыкновенна у насъ по долинамъ рѣкъ и ручейковъ и, повидимому, предпочитаетъ сырыя мѣста сухимъ. Впрочемъ, въ зоологическомъ музеѣ имѣется нѣсколько ея гнѣздъ*), найденныхъ проф. Н. Ф. Кащенко въ возвышенномъ и сухомъ мѣстѣ, на окраинѣ города. Въ сухихъ борахъ мнѣ приходилось этотъ, отлетающій на зиму видъ, встрѣчать только кочующимъ небольшими стайками.

Широкимъ кругополярнымъ распространеніемъ отличаются чечетки (Acanthis), гнѣздящіяся далеко на сѣверѣ, можетъ быть, однако, еще въ предѣлахъ нашей, такъ мало еще изслѣдованной въ ея сѣверныхъ частяхъ, губерніи. На зиму онѣ прилетаютъ къ намъ огромными стаями. Мнѣ приходилось здѣсь наблюдать два вида: *обыкновенную чечетку* (Acanthis linaria L.) и *бѣлую чечетку* (Acanthis exilipes Coues), которая отличается отъ первой сильнымъ развитіемъ бѣлаго цвѣта вообще, бѣлымъ съ розовымъ оттѣнкомъ надхвостьемъ и нѣжно розовой, вмѣсто ярко красной, окраской зоба и груди у старыхъ самцовъ.

Въ болѣе южныхъ частяхъ нашей губерніи гнѣздится *коноплянка* (Acanthis cannabina L.), съ которой на Алтаѣ сходится и *коноплянка восточная* (Acanthis fringillirostris Bonap.). И тотъ и другой видъ очень красивыя по своему оперенію и милыя по своимъ жизненнымъ проявленіямъ птички.

*) Вездѣ, гдѣ въ этой статьѣ упоминается о гнѣздахъ, имѣются въ виду, конечно, яйца съ гнѣздами, принадлежность которыхъ притомъ точно установлена.

Сравнивая авифауны нашей губерніи и центральныхъ мѣстностей Европейской Россіи, мы замѣчаемъ, что такія всѣмъ извѣстныя птицы, какъ *зябликъ* (Fringilla coelebs L.) и *чижъ* (Chrysomitris spinus L.), отсутствуютъ у насъ. Что касается перваго, то, повидимому, восточный предѣлъ его распространенія приближается къ западнымъ границамъ нашей губерніи, такъ какъ зябликъ былъ добытъ около Омска. Но въ предѣлахъ разсматриваемой нами области не извѣстно до сихъ поръ ни одного случая нахожденія этого милаго пѣвуна, звучная, хотя и короткая пѣснь котораго такъ характерна для лѣсовъ Европейской Россіи, пѣснь, которую ухо, привыкшее прислушиваться къ пѣнію нашихъ птицъ, тщетно станетъ разыскивать среди всевозможныхъ звуковъ весенняго концерта здѣшнихъ пернатыхъ. Чижъ-же, хотя и не найденъ до сихъ поръ въ нашей губерніи, вѣроятно окажется и у насъ, такъ какъ эта птичка, пользующаяся столь огромной популярностью, спорадически гнѣздится и въ Сибири, гдѣ область ея распространенія доходитъ до побережья Тихаго океана. Мѣсто зяблика занимаетъ у насъ европейско-сибирскій *юрокъ-деряба* (Fringilla montifringilla L.), широко распространенный у насъ на гнѣздовьѣ, въ особенности въ березовыхъ лѣсахъ, уступающій однако первому значительно по силѣ своего голоса и изяществу своей пѣсенки. Красотою-же своего гнѣзда юрокъ нисколько не уступаетъ зяблику и его гнѣздо по справедливости должно считаться одной изъ самыхъ искусныхъ и красивыхъ построекъ, возводимыхъ нашими пернатыми. На зиму юрокъ покидаетъ насъ и отлетаетъ, вѣроятно, чрезъ Алтай въ болѣе теплыя области азіатскаго материка. На Алтаѣ, въ качествѣ гнѣздящейся птицы, распространенъ *алтайскій горный вьюрокъ* (Montifringilla altaica Eversm.), характерный для центрально-азіатскихъ горъ видъ, по бурой въ разныхъ оттѣнкахъ окраскѣ уступающій какъ зяблику, такъ и юрку.

Кромѣ *воробья домашняго* (Passer domesticus L.), ставшаго въ настоящее время почти космополитомъ, и близкаго къ нему *полевого воробья* (Passer montanus L.), отличающагося отъ перваго, между прочимъ, двумя поперечными свѣтлыми полосками на крыльяхъ, вмѣсто одной болѣе яркой и широкой, на Алтаѣ, вѣроятно, будетъ найденъ и *воробей черногрудый* (Passer hispaniolensis Temm.), распространенный въ Туркестанѣ. На Алтаѣ-же, вѣроятно, встрѣчается и *каменный воробей* (Petronia petronia L.), область распространенія котораго въ Азіи обнимаетъ Туркестанъ и Восточную Сибирь. Что касается щегловъ, то наша губернія заключаетъ ихъ два вида, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не тождественъ съ европейскимъ обыкновеннымъ *щеглом* (Carduelis carduelis L.). Дѣло въ томъ, что нашъ обыкновенный томскій щеголъ, массами ловимый и содержимый, благодаря своему пѣнію, любителями въ неволѣ, крупнѣе своего западнаго сородича и отличается отъ него бо́льшей яркостью бѣлаго цвѣта и бо́льшимъ развитіемъ желтаго цвѣта на крыльяхъ, что послужило причиною выдѣленія западно-сибирскихъ щегловъ, въ качествѣ отдѣльнаго подвида, подъ названіемъ Carduelis carduelis major Tacz. Кромѣ этого вида, въ нашей губерніи водится и другой видъ, *щеголъ сѣдоголовый* (Carduelis caniceps Vig.), отличающійся, главнымъ образомъ, почти полнымъ отсутствіемъ чернаго цвѣта на головѣ. По литературнымъ указаніямъ западно-сибирскій обыкновенный щеголъ сходится съ сѣдоголовымъ въ долинѣ Енисея. Между тѣмъ, въ зоологическомъ музеѣ имѣется шкурка сѣдоголоваго щегла, пойманнаго мальчишками птицеловами въ окрестностяхъ г. Томска, отъ которыхъ онъ былъ пріобрѣтенъ проф. Н. Ф. Кащенко. По словамъ поймавшихъ этотъ экземпляръ птицелововъ, сѣдоголовый щеголъ не составляетъ рѣдкости около Томска. Здѣсь его называютъ „князькомъ“, какъ любезно сообщаетъ мнѣ проф. Н. Ф. Кащенко. Мнѣ

самому въ окрестностяхъ Томска не приходилось ни одного раза, къ сожалѣнію, встрѣтиться съ сѣдоголовымъ щегломъ, между тѣмъ какъ на Алтаѣ онъ мнѣ попадался очень часто, въ экземплярахъ вполнѣ типичныхъ. Вѣроятно, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи щегла въ нашей губерніи, какъ и въ долинѣ Енисея, будутъ найдены всевозможныя переходныя формы между обоими видами, происшедшія отъ скрещиванія между ними.

31-го января 1896 года одинъ изъ томскихъ птицелововъ принесъ въ Томское реальное училище въ клѣткѣ птицу, за день передъ тѣмъ попавшую въ западню, совершенно неизвѣстную ему, до того времени не попадавшуюся ни одному изъ здѣшнихъ птицелововъ, по ихъ словамъ, не виданную раньше. Это былъ *дубонос* (Coccothraustes coccothraustes L.). Въ зоологическомъ музеѣ имѣется чучело мѣстнаго дубоноса, застрѣленнаго (изъ монте-кристо) проф. Н. Ф. Кащенко ранней весной 1890 г. въ крохотномъ палисадикѣ, находящемся въ центрѣ города. Въ продолженіе февраля, марта и апрѣля 1896 года дубоносы были очень обыкновенны у птицелововъ, но мѣстонахожденіе этой стайки ими держалось въ секретѣ, такъ что мнѣ и не пришлось узнать, гдѣ ихъ ловили. Появленіе стаи дубоносовъ зимою, хотя и не особенно холодною, какова была зима $189^5/_6$ года, нельзя не отмѣтить какъ исключительное для Томска явленіе. Въ Сибири дубоносъ извѣстенъ только какъ лѣтняя птица, и то лишь какъ встрѣчающаяся въ южныхъ частяхъ.

Что касается *зеленушки* (Chloris chloris L.), этого широко распространеннаго въ Европѣ и отчасти въ Азіи вида, то мнѣ извѣстно только нахожденіе одного экземпляра около Томска, убитаго 15 августа 1891 года и хранящагося въ зоологическомъ музеѣ Томскаго университета.

Исключительно по литературнымъ даннымъ привожу изъ воробьиныхъ Leucosticte arctoa Pall., для котораго нахожу

у *Палласа* названіе *князя чечетокъ*. По словамъ Homeyer и Tancrè (7), получавшихъ обширныя коллекціи съ Алтая, этотъ видъ часто былъ добываемъ зимою и позднею осенью.

Краснокрылка горная (Tichodroma muraria L.), распространенная въ горахъ европейско-азіатскаго материка, очень красивая по своему оперенію птица, приводится однимъ лишь Брандтомъ (3) для Западной Сибири, вѣроятно, для Алтая, и только на этомъ основаніи не исключена мною изъ списка птицъ нашей губерніи. Считаемая близкимъ родственникомъ предыдущей *пищуха* или *сверчекъ*, повидимому, попадается довольно рѣдко. За четыре года моего пребыванія въ Томскѣ мнѣ удалось получить только одинъ экземпляръ этой птички, свойственной болѣе или менѣе всему протяженію лѣсной области сѣвернаго полушарія, гдѣ сѣверный предѣлъ ея распространенія достигаетъ однако разныхъ широтъ, напр. 57° въ Сибири, по словамъ М. А. Мензбира. Эта милая птичка питается исключительно насѣкомыми и для добыванія пищи лазаетъ по деревьямъ, гдѣ обыскиваетъ каждую трещинку въ корѣ. Сибирскія пищухи, болѣе блѣдныя въ сравненіи съ европейскими, отличаются отъ послѣднихъ подъ названіемъ Certhia scandulaca Pall.

Ласточки, къ которымъ намъ теперь приходится перейти, извѣстны всѣмъ и каждому, такъ какъ пользуются болѣе или менѣе вездѣ покровительствомъ человѣка. Изъ нихъ въ предѣлахъ нашей губерніи наиболѣе распространена *береговая* (Cotyle riparia L.), роющая почти повсемѣстно въ берегахъ рѣкъ свои почти горизонтальныя норы, въ концахъ которыхъ, иногда на разстояніи аршина и болѣе отъ наружнаго отверстія, помѣщаются гнѣзда. Уничтожая огромную массу комаровъ и мошекъ, этотъ видъ, живущій иногда большими колоніями, приноситъ несомнѣнную пользу человѣку, также какъ и слѣдующіе. *Ласточка „городская“* (Chelidonaria urbica L.) и *ласточка „деревенская“* (Hirundo rustica L.),

въ отличіе отъ предыдущаго вида, селятся, главнымъ образомъ, вблизи человѣка, прикрѣпляя свои гнѣзда то внутри, то снаружи человѣческихъ построекъ. И тотъ и другой видъ живутъ иногда колоніями. Часто одно селеніе человѣка служитъ гнѣздовьемъ колоніи одного изъ этихъ видовъ, между тѣмъ какъ сосѣднее съ первымъ селеніе занято другимъ. На Алтаѣ мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что въ Чергѣ, напр., живетъ исключительно ласточка „деревенская“, а въ отстоящей въ какихъ-нибудь двадцати верстахъ Муютѣ, или въ расположенномъ далѣе на югѣ Ангудаѣ, повидимому, гнѣздятся однѣ лишь ласточки „городскія“. Ласточки, за неимѣніемъ человѣческихъ построекъ, пользуются на Алтаѣ для прикрѣпленія своихъ гнѣздъ и мостами чрезъ рѣчки. Съ приведеніемъ „тракта“ чрезъ Алтай въ болѣе соотвѣтствующее этому названію состояніе, съ появленіемъ деревянныхъ мостовъ, которыхъ во время первой моей поѣздки не было, деревенская ласточка гнѣздится отдѣльными парочками и подъ этими мостами. Изъ другихъ видовъ ласточекъ, чисто горныхъ, несомнѣнно найдены на Алтаѣ Hirundo alpestris Pall., гнѣзда которыхъ, имѣющія форму бутылки, впервые описаны Палласомъ; кромѣ этого вида, современемъ въ предѣлахъ нашей губерніи на Алтаѣ будутъ найдены, вѣроятно, и Cotyle rupestris Scop., видъ ближе стоящій къ береговой ласточкѣ, чѣмъ къ другимъ, но не роющій гнѣздовыхъ норъ, какъ тотъ. На Алтаѣ, несомнѣнно ласточки гнѣздятся и въ первобытномъ состояніи, не прибѣгая для прикрѣпленія своихъ гнѣздъ къ человѣческимъ постройкамъ. Устье чуднаго Чолышмана представляетъ, напр., одно изъ такихъ мѣстъ, гдѣ, вѣроятно, колонія „городскихъ“ ласточекъ, то и дѣло носившихся надъ моею палаткою, прикрѣпляетъ свои гнѣзда гдѣ нибудь къ скаламъ. Небольшой деревянный сарай, предназначенный для склада товаровъ, привозимыхъ Телецкимъ озеромъ изъ Улалы, не представлялъ слѣдовъ ихъ гнѣздъ,

а другихъ построекъ тамъ, во время моего пребыванія въ этомъ роскошномъ мѣстѣ, не было.

Мухоловка сѣрая (Muscicapa grisola L.), найденная мною какъ въ окрестностяхъ Томска, тамъ и на Алтаѣ, повидимому, единственный представитель этого семейства, встрѣчающійся у насъ. Возможно, что современемъ будутъ найдены въ предѣлахъ нашей губерніи, съ одной стороны, мухоловка пеструшка (Muscicapa atricapilla), широко распространенная въ Тобольской губерніи, съ другой—восточно-сибирскія формы, замѣняющія тамъ нашу сѣрую мухоловку.

На зиму къ намъ прилетаетъ съ сѣвера *свиристель* (Ampelis garrulus L.), принадлежащій, несомнѣнно, къ красивѣйшимъ птицамъ нашей авифауны. Отъ всѣхъ другихъ онъ рѣзко отличается своеобразными, окрашенными въ ярко-красный цвѣтъ пластинчатыми придатками стержней на второстепенныхъ маховыхъ перьяхъ и широкой желтой каймой хвоста. Возможно, что гнѣздовая область этого вида захватываетъ и сѣверную часть нашей губерніи. Въ моемъ распоряженіи имѣется нѣсколько наблюденій, указывающихъ на нахожденіе свиристелей и въ незимнее время въ окрестностяхъ Томска.

Сорокопутами, къ которымъ мы теперь имѣемъ перейти, наша губернія, повидимому, очень богата. Семь, можетъ быть, и болѣе видовъ встрѣчаются въ ея предѣлахъ. Западный *сорокопутъ-жуланъ* (Lanius collurio L.) и восточно-сибирскій *сорокопутъ рыжехвостый* (Lanius phoenicurus Pall) встрѣчаются оба рядомъ другъ съ другомъ около Томска. *Сорокопутъ джунгарскій* (Lanius phoenicuroides Sew.) присоединяется къ нимъ на Алтаѣ. *Сорокопутъ чернолобый* (Lanius minor Gmel.), по величинѣ своей, занимаетъ среднее мѣсто между только что приведенными и большими сорокопутами, о которыхъ рѣчь будетъ дальше. Его неоднократно находили на Алтаѣ, и онъ встрѣчается, можетъ быть, и сѣвернѣе

въ нашей губерніи, такъ какъ сѣверной предѣльной широтой въ Сибири проф. Мензбиромъ для него приводится 56°—57°. Между большими сорокопутами характернымъ видомъ для Сибири и нашей губерніи въ частности является *сорокопутъ сибирскій* (Lanius major Pall.), отличающійся отъ своихъ сородичей постоянными поперечными линіями на нижней сторонѣ тѣла. Кромѣ него, довольно часто встрѣчается у насъ и *сорокопутъ восточный* (Lanius homeyeri Cab.), болѣе блѣдная форма съ бо́льшимъ развитіемъ бѣлаго цвѣта, въ особенности на маховыхъ и рулевыхъ. Осенью 1897 года въ окрестностяхъ Томска, повидимому, было очень много большихъ сорокопутовъ. Какъ гнѣздящаяся птица, наконецъ, къ авифаунѣ нашей губерніи принадлежитъ, въ ея южныхъ частяхъ, *алтайскій сорокопутъ* (Lanius mollis Eversm.), узнаваемый по рыжеватому надхвостью и верхнимъ кроющимъ хвоста, видъ, повидимому, очень характерный для горныхъ возвышенностей нашей губерніи.

На *иволгу* (Oriolus oriolus L.), этой яркоокрашенной въ золотисто-желтый (самцы) или зеленый (самки и молодые самцы) цвѣтъ птицѣ намъ не придется останавливаться, такъ какъ она вполнѣ тождественна съ европейскимъ видомъ; о нахожденіи восточно-сибирской иволги (Oriolus chinensis Jerd.) и индійской (Oriolus kundoo Sykes), встрѣчающейся въ Туркестанѣ, у меня до сихъ поръ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Около Томска и на Алтаѣ мнѣ приходилось встрѣчать только обыкновенную европейскую иволгу, широко распространенную въ Западной Сибири.

Щеврицы или *коньки*, къ которымъ намъ теперь приходится перейти, имѣютъ довольно много представителей въ авифаунѣ нашей губерніи. *Конекъ горный* (Anthus spinoletta L.) встрѣчается въ предѣлахъ нашей губерніи только на Алтаѣ, гдѣ мнѣ приходилось его наблюдать на высотахъ,

заходящихъ за предѣлы лѣсного пояса, около снѣга, покрывающаго эти горные хребты. На Алтаѣ съ этимъ видомъ, повидимому, сходится восточно-азіатскій (Anthus blakistoni), отличающійся отъ перваго меньшимъ ростомъ. *Сибирскій полевой конекъ* (Anthus similis), распространенный въ болѣе южныхъ частяхъ нашей губерніи, гдѣ, между прочимъ, былъ найденъ мною на Алтаѣ, также отличается меньшимъ ростомъ отъ соотвѣтствующей европейской формы. Что касается *степного конька* (Anthus richardi Vieill.), то онъ, повидимому, широко распространенъ въ нашемъ краю. Около Томска пара степныхъ коньковъ была застрѣлена проф. Н. Ф. Кащенко 26 мая 1891 г. Затѣмъ, здѣсь-же мнѣ пришлось познакомиться съ этимъ конькомъ лѣтомъ 1896 года. Вѣроятно, онъ въ этой мѣстности—обыкновенная гнѣздящаяся птица, принимаемая иногда за жаворонка полевого, съ которымъ, какъ уже сказано выше, смѣшивается и слѣдующій изъ коньковъ, *конекъ лѣсной* (Anthus trivialis L.). Эта широкораспространенная какъ въ Европѣ, такъ и въ Западной Сибири птица, встрѣчается повсемѣстно въ Томской губерніи, въ мѣстахъ, гдѣ мнѣ приходилось коллектировать. Коллекція зоологическаго музея здѣшняго университета довольно богата шкурками лѣсного конька. Между ними особенное вниманіе обращаютъ на себя пять экземпляровъ этой птички, найденные консерваторомъ этого музея В. П. Аникинымъ 28 апрѣля 1893 года замерзшими или погибшими отъ недостатка въ пищѣ; внезапный переходъ отъ почти вполнѣ установившейся весенней погоды къ настоящей зимѣ съ массою снѣга въ концѣ апрѣля того года засталъ врасплохъ, вѣроятно, многихъ изъ нашихъ пернатыхъ.

Между лѣсными коньками одинъ самецъ, добытый мною 29 августа 1895 года въ окрестностяхъ Томска, поразилъ меня зеленоватой окраской верхней стороны, чѣмъ онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ экземпляровъ этого вида, которые мнѣ

приходилось видѣть раньше. Для болѣе точнаго опредѣленія вида, шкурка этого экземпляра мною была отправлена извѣстному знатоку птицъ, Victor Ritter von Tschusi zu Schmidhoffen, который любезно сообщилъ мнѣ, что экземпляръ оказался типичнымъ Anthus trivialis maculatus (Blyth), т. е. формою, замѣняющей нашего лѣсного конька въ Восточной Сибири и въ Японіи. Экземпляръ добытый мною около Томска, по словамъ этого орнитолога, вполнѣ тождественъ съ экземплярами, полученными имъ изъ Японіи.

Конекъ краснозобый (Anthus cervinus Pall.) посѣщаетъ, вѣроятно, болѣе или менѣе правильно нашу губернію лишь на пролетѣ изъ мѣстъ и къ мѣстамъ гнѣздовья, расположенныхъ въ тундрахъ, зимуетъ онъ, главнымъ образомъ, въ Туркестанѣ. Что-же касается *лугового конька* (Anthus pratensis Briss.), то мнѣ извѣстно лишь нахожденіе одного экземпляра на Алтаѣ, полученнаго господами Homeyer и Tancré. Эта птичка была добыта весною, но остается неразрѣшеннымъ, былъ ли это экземпляръ зимующій или лѣтующій.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши о *сибирскомъ конькѣ* (Anthus gustavi Svinh.), гнѣздящемся въ тундрѣ отъ области нижней Печоры до земли чукчей, что касается его пролета въ предѣлахъ нашей губерніи, равняются нулю. До сихъ поръ мнѣ неизвѣстно нахожденіе хоть бы одного экземпляра этой интересной птички, которая на пролетѣ изъ области гнѣздовья, вѣроятно, встрѣчается и въ нашей, такъ мало еще изслѣдованной въ орнитологическомъ отношеніи, губерніи.

Трясогузки или *плиски* представляютъ собою слѣдующее семейство томскихъ пернатыхъ, довольно богатое видами. Онѣ всѣ живутъ около воды, близость которой для нихъ представляетъ, повидимому, главнѣйшее условіе ихъ существованія. *Трясогузка желтолобая* (Motacilla campestris Pall), довольно широко распространенная въ югозападной Сибири,

была добыта мною около Томска всего разъ, въ концѣ августа 1894 года; по какой-то причинѣ этотъ видъ въ слѣдующіе годы не попадался. Трясогузки желтыя, которыя вслѣдствіе измѣнчивости окраски, въ особенности головы, раздѣлены орнитологами на нѣсколько видовъ, встрѣчаются въ нашей губерніи какъ въ формѣ типичной (Motacilla flava L.), такъ и въ другихъ (Motacilla beema Sykes и Motacilla borealis Sundev.). Только что названныя формы имѣютъ общимъ признакомъ то, что у нихъ голова окрашена болѣе или менѣе свѣтло. Но и изъ черноголовыхъ желтыхъ трясогузокъ одинъ видъ (Motacilla kaleniczenkii Krin.) приводится для Алтая. Широко распространена въ нашей губерніи трясогузка желтоголовая (Motacilla citreola Pall.), характерная для Западной Сибири. Ежегодно осенью можно наблюдать этотъ видъ въ большомъ числѣ особей подъ Томскомъ, въ долинахъ Томи и ея притоковъ. По изслѣдованіямъ, произведеннымъ *М. Д. Рузскимъ* лѣтомъ 1896 года въ южной полосѣ Тобольской губерніи, этотъ видъ является характернымъ „для небольшихъ открытыхъ болотъ, топкихъ и зыбучихъ, окружающихъ обыкновенно какое-нибудь озеро и постепенно заростающихъ его“ (18). Кромѣ этого вида, изъ Алтая извѣстенъ еще близкій Motacilla citreoloides Hodgs.— *Трясогузка горная* (Motacilla melanope Pall.) не только широкораспространенный на Алтаѣ видъ, но въ довольно значительномъ числѣ особей выводится и около Томска. Всѣмъ извѣстная *бѣлая трясогузка* (Motacilla alba L.) распространена въ низменной части губерніи. На Алтаѣ этотъ видъ, повидимому, замѣненъ близкимъ, но легко отличимымъ по сильному развитію чернаго цвѣта на головѣ, *маскированной трясогузкой* (Motacilla personata Gould.). Во время поѣздокъ на Алтай мнѣ приходилось убѣждаться, что уже въ селѣ Алтайскомъ, расположенномъ между первыми возвышенностями сѣверныхъ хребтовъ Алтая, обыкновенная бѣлая трясогузка замѣнена маскированной, которая далѣе на Алтаѣ весьма обыкновенна на всѣхъ ручьяхъ, рѣчкахъ и рѣкахъ этой величественной, чудной страны, гдѣ обыкновенной трясогузки нѣтъ. Для полноты обозрѣнія найденныхъ въ предѣлахъ нашей губерніи формъ трясогузокъ, не хочу обойти молчаніемъ и Motacilla neglecta Gould., полученной господами Homeyer и Tancré съ Алтая въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Что касается крапивниковъ, то свѣдѣній о нахожденіи у насъ этихъ птичекъ пока не имѣется. Брандтомъ для Западной Сибири приводится европейскій видъ (Troglodytes parvulus L.), но это показаніе, вѣроятно, неточно, такъ какъ со времени публикаціи его списка животныхъ Западной Сибири, изученіе отдѣльныхъ видовъ и формъ не только крапивниковъ, но и другихъ птицъ значительно подвинулось впередъ. Я могу указать только на два вида, нахожденіе которыхъ возможно въ нашей губерніи, это—*блѣдный крапивникъ* (Troglodytes pallidus Hume) и *даурскій* (Trogl. dauricus Dyb. et Tacz.), формы, принадлежащія возвышеннымъ частямъ центральной Азіи.

Нашъ сибирскій *поползень* (Sitta uralensis Licht.), отличающійся отъ западно-европейскаго яркобѣлой окраской нижней стороны тѣла, вмѣсто охристо-рыжей, очень распространенная, не отлетающая на зиму птичка нашихъ лѣсовъ. Какъ около Томска, такъ и на Алтаѣ, мнѣ приходилось часто ее наблюдать. Она, повидимому, не оказываетъ предпочтенія одной какой-либо породѣ лѣса, а одинаково охотно живетъ какъ въ хвойныхъ, такъ и въ лиственныхъ лѣсахъ. Осенью поползень становится бродячею птицею и вмѣстѣ съ разными синичками, иногда подъ предводительствомъ пестраго дятла, перелетаетъ небольшими стайками съ дерева на дерево, изъ одной части лѣса въ другую, большей частью по опушкамъ, отыскивая насѣкомыхъ. Такія стайки, несомнѣнно, очень со-

дѣйствуютъ оживленію нашихъ лѣсовъ, изъ которыхъ въ это время года исчезли уже болѣе нѣжные виды пернатыхъ.

При обзорѣ томскихъ синицъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить два вида, широко распространенные въ центральныхъ частяхъ Европейской Россіи, но отсутствующіе у насъ. Это—синица хохлатая (Parus cristatus Briss.) и *лазоревка зеленая* (Parus coeruleus L.). Зато *лазоревка бѣлая* (Parus cyanus Pall.) является характернымъ сибирскимъ видомъ, хотя область его распространенія и захватываетъ часть Европейской Россіи. Эта лазоревка—одна изъ самыхъ красивыхъ синичекъ нашей авифауны, и слѣдуетъ только сожалѣть о томъ, что она не встрѣчается у насъ большими стаями, а, насколько мнѣ приходилось наблюдать, въ большинствѣ случаевъ отдѣльными особями или рѣдко небольшими стайками въ 2—3 штуки, а потому извѣстна только немногимъ любителямъ. Окраска этой милой птички составляется чистобѣлымъ, пепельноголубымъ, голубымъ и синимъ цвѣтами, чрезвычайно нѣжными, позволяющими и незнатокамъ птицъ съ перваго раза отличить этотъ видъ отъ другихъ. Изъ *гаичекъ* или сѣрыхъ болотныхъ синичекъ въ окрестностяхъ Томска очень обыкновенна Parus borealis macrurus Tacz., форма очень характерная для центральной Сибири, отличающаяся длиннымъ хвостомъ, перья котораго къ краямъ становятся все болѣе и болѣе короткими. Окраска этой птички, чистосѣрая на верхней сторонѣ и почти бѣлая на нижней, между прочимъ, служитъ отличіемъ ея отъ другихъ близкихъ подвидовъ, изъ которыхъ, вѣроятно, нѣкоторые будутъ найдены въ предѣлахъ нашей губерніи. Матово-черной окраской шапочки формы этого, широко распространеннаго въ предѣлахъ Россіи, вида отличаются отъ гаичекъ буроголовыхъ, изъ которыхъ сибирская, вѣроятно Parus obtectus Cab., спускается съ сѣвера до окрестностей Томска, гдѣ мнѣ извѣстно нахожденіе одного экземпляра, котораго мнѣ къ сожалѣнію, однако, не удалось пріобрѣсти.

Синица-московка (Parus ater L.) и *синица большая* (Parus major L.) очень обыкновенныя, гнѣздящіяся птички, повидимому, ничѣмъ не отличающіяся отъ европейскихъ. Характерные признаки этихъ двухъ видовъ отличаются своимъ постоянствомъ, они не подвержены такимъ колебаніямъ и измѣненіямъ, какъ это извѣстно для гаичекъ, и потому на обширной территоріи палеарктической области значительно меньше подвидовъ этихъ двухъ синицъ, чѣмъ гаичекъ. На Алтаѣ, однако, кромѣ большой синицы, найденъ Parus cinereus Bocchariensis Licht., замѣняющій нашу большую синицу въ Туркестанѣ и западной Монголіи и отличающійся отъ нея отсутствіемъ зеленоватаго цвѣта на спинѣ и желтаго на нижней сторонѣ тѣла. *Синичка долохвостая*, одна изъ самыхъ милыхъ и изящныхъ между нашими синицами, притомъ очень обыкновенная во всей лѣсной области губерніи, отличается отъ европейской большей длиною рулевыхъ и большимъ развитіемъ бѣлаго цвѣта на маховыхъ перьяхъ, а потому и отдѣлена подъ особымъ названіемъ Acredula caudata macrura Seeb. Въ самыхъ южныхъ частяхъ нашей губерніи, на Алтаѣ, встрѣчаются, вѣроятно, еще два вида синицъ. О нахожденіи ихъ, хотя и за предѣлами нашей губерніи, около озера Норъ-Зайсанъ, имѣются указанія въ литературѣ. Это *ремезъ* (Aegithalus pendulinus L.), полученный въ числѣ десяти экземпляровъ господами Homeyer и Tancré и *синица усатая* (Panurus biarmicus sibiricus Bonap.), найденная въ той-же мѣстности докторомъ O. Финшъ (6), путешествовавшемъ вмѣстѣ съ знаменитымъ Альфредомъ Брэмъ. Сибирская усатая синица отличается отъ западной формы болѣе блѣдною окраскою.

Королькн, соединяющіе въ себѣ признаки какъ синицъ, такъ и пѣночекъ, извѣстны изъ нашей губерніи уже со временъ Палласа, которому былъ доставленъ охотникомъ экземпляръ съ рѣки Чулыма, единственный экземпляръ королька,

полученный этимъ знаменитымъ натуралистомъ изъ предѣловъ Россіи. Съ тѣхъ поръ свѣдѣнія наши о нахожденіи корольковъ въ нашей губерніи почти не увеличились, такъ какъ эти птички, вслѣдствіе незначительной величины, часто совершенно ускользаютъ отъ наблюденія. Но въ 1890 году (3 октября) проф. Н. Ф. Кащенко застрѣлилъ одного королька, принадлежащаго къ упомянутому ниже виду, изъ небольшой стайки вблизи г. Томска (чучело его въ музеѣ). За время моихъ наблюденій въ Томскѣ мнѣ удалось только разъ самому наблюдать этихъ милыхъ птичекъ и въ моей коллекціи имѣется пока лишь два экземпляра, добытые въ окрестностяхъ Томска. Всѣ три только что перечисленные экземпляры—*корольки желтоголовые* (Regulus regulus cristatus Koch.), т. е. принадлежатъ къ виду, у котораго оранжево-желтое темя окаймлено черными полосками лишь съ боковъ и нѣтъ черныхъ перышекъ, отдѣляющихъ лобъ отъ темени. О нахожденіи въ нашей губерніи тяньшанскаго корольк (Regulus tristis Pleske), распространеннаго въ Туркестанѣ, съ теменемъ, не окаймленнымъ черными полосками, пока не имѣется никакихъ наблюденій.

Изъ камышевокъ для южныхъ частей губерніи, на основаніи литературныхъ данныхъ, упомянемъ *камышевку-сверчка* (Locustella locustella straminea Sev.); бо́льшимъ распространеніемъ въ нашей губерніи, вѣроятно, отличается отъ предыдущей *камышевка пятнистая* (Locustella lanceolata Temm.), хотя и она мною еще пока не добыта. Третій видъ камышевокъ—*кобылочка* (Locustella certhiola Pall.), широкораспространенный въ Восточной Сибири и найденный на Алтаѣ, былъ добытъ мною 15 іюля 1896 года около Томска въ одномъ только экземплярѣ. *Камышевка-барсучекъ* (Acrocephalus phragmitis Bechst.), повидимому, широкораспространенная птичка нашей губерніи, найденная и на Алтаѣ. *Камышевый дроздъ* (Acrocephalus turdoides Meyer.)

доходитъ до Алтая. Со временемъ, можетъ быть, будетъ найдена въ предѣлахъ нашей губерніи и туркестанская форма этой камышевки (Acrocephalus stentoreus Hempr. et Ehrb.). *Камышевка индійская* (Acrocephalus agricola Jerd.) найдена на Алтаѣ и, можетъ быть, встрѣчается и сѣвернѣе въ предѣлахъ нашей губерніи. Изслѣдованія М. Д. Рузскаго (18) обнаружили присутствіе въ южной полосѣ Тобольской губерніи этого интереснаго вида, населяющаго „камышевыя и тростниковыя заросли озеръ“, такъ что есть основаніе предположить, что этотъ видъ будетъ найденъ и въ западныхъ частяхъ нашей губерніи, въ Барабѣ. Что-же касается *камышевки болотной* (Acrocephalus palustris Bechst.), то экземпляръ, добытый мною въ окрестностяхъ Томска 2 іюня 1896 года и, по недостатку матеріала для сравненія, отправленный для точнаго опредѣленія V. Ritter von Tschusi, по мнѣнію этого спеціалиста, представляетъ собою Acrocephalus palustris. Теперь, когда этотъ экземпляръ находится опять у меня подъ руками, я принужденъ его опредѣленіе, уже опубликованное мною (24), считать ошибочнымъ. Всѣ признаки этой птички говорятъ за то, что это экземпляръ *камышевки садовой* (Acrocephalus dumetorum Blyth.), гнѣздящейся, по словамъ проф. М. А. Мензбиръ, между прочимъ, въ Западной Сибири и на Алтаѣ. И такъ, нахожденіе Acrocephalus palustris въ предѣлахъ нашей губерніи, да пожалуй и въ Западной Сибири, откуда она упоминается д-ромъ Финшъ, нужно считать не подтвержденнымъ никакими положительными доказательствами. *Камышевка тростниковая* (Acrocephalus streperus Vieill.), послѣдняя изъ разсматриваемаго рода, найдена на Алтаѣ. Lusciniola indica Jerd. получена гг. Homeyer и Tancré съ Алтая, гдѣ гнѣздится. *Малиновка лѣсная* (Hypolais philomela L.), повидимому, очень рѣдко встрѣчается въ Сибири. Въ музеѣ, однако, имѣется одинъ экземпляръ, застрѣленный проф. Н. Ф. Кащен-

ко въ 1890 г., вблизи Томска. Зато *бормотушка* (Hypolais caligata Licht.) очень обыкновенная гнѣздящаяся птичка нашей губерніи, найденная какъ на Алтаѣ, такъ и въ окрестностяхъ Томска.

Пѣночки, къ которымъ мы теперь имѣемъ перейти, въ довольно большомъ числѣ видовъ встрѣчаются въ предѣлахъ нашей губерніи. *Пѣночка таловка* (Phylloscopus borealis Blas.) была добыта мною въ концѣ мая 1894 года около Томска; *пѣночка зеленая* (Phylloscopus viridanus Blyth.), найденная на Алтаѣ, только разъ попалась мнѣ въ окрестностяхъ Томска 19 мая 1895 года. Замѣняющій ее въ Восточной Сибири и Туркестанѣ близкій видъ Phylloscopus plumbeitarsus Swinh., найденъ мною на Алтаѣ въ долинѣ Чолышмана. *Пѣночка весничка*, широко распространенная въ Европѣ, образуетъ въ Сибири болѣе блѣдный подвидъ (Phylloscopus trochilus septentrionalis Brehm) (19) и въ большомъ количествѣ встрѣчается въ окрестностяхъ Томска, но отсутствуетъ на Алтаѣ. Наиболѣе характерная для нашего края изъ пѣночекъ несомнѣнно *пѣночка сибирская* (Phylloscopus tristis Blyth.), встрѣчающаяся, повидимому, на всемъ пространствѣ нашей губерніи. Такъ какъ мѣста зимовья нашей сибирской пѣночки въ Индіи и Белуджистанѣ служатъ въ то-же время и мѣстомъ зимовокъ близкаго къ нашему, кавказскаго вида (Phylloscopus sindianus Brooks), то по словамъ академика Ѳ. Д. Плеске „весьма неудивительно, что отдѣльныя особи залетаютъ въ сообществѣ съ родственною формою за предѣлы своей нормальной области распространенія" (9). Только такимъ образомъ можно объяснить нахожденіе мною 10 іюня 1896 года въ окрестностяхъ Томска одного самчика этого вида, который кромѣ Кавказа и Персіи найденъ спородически гнѣздящимся и въ Туркестанѣ.

Широкимъ распространеніемъ на Алтаѣ изъ пѣночекъ пользуется Phylloscopus humei Brooks, центрально-азіатская

форма, зимующая въ Индіи и не найденная въ низменной части нашей губерніи. Зато послѣдняя изъ томскихъ пѣночекъ, *зарничка* (Phylloscopus superciliosus Gmel.), болѣе распространена въ нашемъ краѣ; какъ гнѣздящаяся птичка, она часто наблюдалась на Алтаѣ; вѣроятно, пролетомъ изъ болѣе сѣверныхъ мѣстъ гнѣздовья она бываетъ и около Томска, такъ какъ неизвѣстна пока, какъ гнѣздящаяся въ окрестностяхъ нашего города. Случайно залетные экземпляры этого характернаго для Сибири вида часто наблюдались въ разныхъ мѣстахъ Западной Европы.

Славки не въ особенно большомъ числѣ видовъ встрѣчаются въ нашей губерніи. Изъ нихъ *славка ястребиная* (Sylvia nisoria Bechst.), самая большая между ними, найдена широко распространенной на Алтаѣ. Встрѣчается ли она и въ другихъ частяхъ нашей губерніи, пока неизвѣстно. Какъ около Томска, такъ и на Алтаѣ, найдена *славка сѣрая* (Sylvia cinerea fuscipilea Sev.), въ болѣе темной, отличной отъ западной, формѣ. Что касается *славки садовой* (Sylvia hortensis Bechst.), столь распространенной въ Европѣ, то свѣдѣній о нахожденіи ея въ предѣлахъ нашей губерніи пока не имѣется, между тѣмъ какъ извѣстно, что она найдена около Красноярска и Омска. Эти данныя заставляютъ упомянуть этотъ видъ, какъ, вѣроятно, изрѣдка встрѣчающійся и въ нашемъ обширномъ краю. Что касается *славки-завирушки* (Sylvia curruca L.), то она встрѣчается около Томска, насколько мнѣ извѣстно, въ западной формѣ. Изъ другихъ мѣстностей нашей губерніи приводятся и экземпляры восточной формы (Sylvia curruca affinis Blyth.).

Соловей (Erithacus philomela Bechst.) широко распространенъ въ средней части нашей губерніи. Насколько къ сѣверу и югу простирается область его распространенія, неизвѣстно; на Алтаѣ, по словамъ гг. Homeyer и Tancrè (7), встрѣчается только *персидскій соловей* (Erithacus hafizi Sev.).

Варакушка (Cyanecula coerulecula Pall.) является очень распространеннымъ въ нашей губерніи видомъ. Какъ около Томска, тамъ и на Алтаѣ, мнѣ неоднократно приходилось наблюдать эту милую птичку съ „металлически-кобальтово-голубымъ“ (Мензбиръ) горломъ, посреди котораго выступаетъ рыжее пятно. Около Томска эта птичка населяетъ, главнымъ образомъ, тальниковыя заросли по берегамъ рѣкъ, ручейковъ и озеръ, между тѣмъ какъ на Алтаѣ мнѣ приходилось наблюдать ее на горныхъ хребтахъ, возвышающихся надъ предѣломъ лѣсной растительности, въ зарослях низкорослой березы (Betula nana), въ большинствѣ случаевъ почти непосредственно около снѣга.

Соловей красношейка (Calliope kamtschatkensis Gmel.) былъ добытъ мною только разъ въ одномъ экземплярѣ-самцѣ 7 сентября 1895 года въ окрестностяхъ Томска. Второй экземпляръ изъ нашей губерніи, хранящійся въ зоологическомъ музеѣ Томскаго университета, добытъ однимъ изъ воспитанниковъ Томской гимназіи (Л.) на Алтаѣ. *Г. И. Радде* (4), проѣздомъ въ Восточную Сибирь, слышалъ въ окрестностяхъ Томска пѣніе этого соловья, область распространенія котораго обнимаетъ лѣсную область Сибири отъ Урала до Камчатки. Самецъ нашей птички чрезвычайно красивъ, такъ какъ горло и зобъ у него заняты „металлически блестящимъ киноварно-краснымъ“ (Мензбиръ) полемъ, чѣмъ онъ отличается отъ всѣхъ прочихъ пернатыхъ нашего края.

Другая, также чрезвычайно характерная для лѣсной области Сибири птичка, *славка сивохвостая* (Nemura cyanura Pall.) добыта, насколько мнѣ извѣстно, въ Томскѣ только два раза, 6 и 20 апрѣля 1896 года въ самомъ городѣ. Оба экземпляра были пріобрѣтены мною (самецъ и самка). Самецъ этого вида, найденнаго и на Алтаѣ, отличается голубоватой окраской верхней стороны, которая становится болѣе яркой въ надхвостьѣ; у самки голубыми остаются только надхвостье и хвостъ.

Горихвостка (Ruticilla phoenicura L.)—очень обыкновенный у насъ видъ, гнѣздящійся и вблизи человѣческаго жилья, достигающій въ нашей губерніи восточнаго предѣла своего распространенія. Что касается другихъ видовъ горихвостокъ, то, кромѣ упомянутаго, пользующагося широкимъ распространеніемъ на протяженіи европейско-азіатскаго материка, въ южныхъ частяхъ нашей губерніи найдены центрально-азіатскія формы, *горихвостка краснобрюхая* (Ruticilla erythrogastra severzovi) и *горихвостка-красноспинка* (Ruticilla erythronota Eversm.).

Homeyer и Tancré приводятъ еще одинъ видъ горихвостокъ (Ruticilla semirufa Ehrb.), добытый ихъ коллекторами на Алтаѣ.

Изъ чекановъ-мухоловокъ широкимъ распространеніемъ въ нашей губерніи, какъ на Алтаѣ, такъ и въ болѣе сѣверныхъ частяхъ, пользуется *чеканъ черноголовый* (Pratincola maura Pall.), характерная азіатская форма. Что касается *чекана лугового* (Pratincola rubetra L.), то восточный предѣлъ его распространенія находится въ западныхъ частяхъ Западной Сибири, но гдѣ именно—недостаточно выяснено. Нѣкоторыми авторами, какъ между прочимъ гг. Homeyer и Tancré, этотъ чеканчикъ приводится. *Чеканъ-каменка* (Saxicola oenanthe L.), широко распространенный не только въ Европейской Россіи, но и на всемъ протяженіи Сибири отъ Урала до Тихаго океана, очень обыкновенная птичка какъ на Алтаѣ, такъ и въ окрестностяхъ Томска. Здѣсь за послѣднее время эта птичка, вообще избѣгающая лѣсистыхъ мѣстностей, съ проведеніемъ желѣзной дороги стала гораздо чаще встрѣчаться, чѣмъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Дѣло въ томъ, что проведеніе вѣтки, соединяющей Томскъ съ великимъ Сибирскимъ путемъ, создало въ окрест-

ностяхъ нашего города мѣста, вполнѣ соотвѣтствующія требованіямъ этой птички; появилось полотно дороги, по сторонамъ котораго во многихъ мѣстахъ приготовлены запасы камня и прочаго строительнаго матеріала, и, какъ слѣдствіе этого, значительно увеличилось число чекановъ-каменокъ въ мѣстахъ, гдѣ ихъ раньше почти не приходилось наблюдать. На Алтаѣ, кромѣ упомянутаго вида, найдены: *чеканъ—плясунъ* (Saxicola isabellina Rüpp.), *чеканъ пустынный* (Saxicola deserti Temm.) и *чеканъ-плѣшанка* (Saxicola morio Ehrb.), по образу жизни и манерамъ почти не отличающіеся отъ чекана-каменки и также избѣгающіе лѣсистыхъ мѣстностей. Скалистая горная природа Алтая представляетъ для нихъ всѣ необходимыя условія существованія.

Что касается *оляпокъ*, то на Алтаѣ широко распространенъ одинъ видъ (Cinclus cinclus leucogaster Bon.). Встрѣчаются ли оляпки и въ болѣе сѣверныхъ частяхъ нашей губерніи, пока не рѣшаюсь отрицать, хотя самому здѣсь не приходилось ихъ наблюдать. Открытымъ остается и вопросъ, не заходятъ-ли и другія формы оляпокъ, какъ напр. Cinclus cinclus cashmiriensis Gould., въ предѣлы нашей губерніи.

Съ завирушками я до сихъ поръ лично незнакомъ и ограничусь поэтому лишь указаніями литературными. Три вида ихъ, повидимому, встрѣчаются на Алтаѣ. Изъ нихъ одинъ, *завирушка алтайская* (Accentor altaicus Brandt.), повидимому, характерная для этой горной страны птичка, между тѣмъ какъ *завирушка черногорлая* (Accentor atrigularis Brandt.) принадлежитъ центральной Азіи, а *восточно-сибирская завирушка* (Accentor montanellus Pall.) находитъ въ предѣлахъ нашей губерніи, вѣроятно, западную границу распространенія, хотя залетные экземпляры этого вида часто наблюдались и въ Европѣ.

Между дроздами, которыми наша губернія довольно богата, каменные дрозды принадлежатъ лишь Алтаю. Одинъ только

видъ, *каменный дроздъ пестрый* (Monticola saxatilis L.) извѣстенъ пока изъ этой горной страны. Своимъ образомъ жизни, среди каменистыхъ розсыпей, избѣгая деревьевъ, этотъ видъ рѣзко отличается отъ прочихъ дроздовъ, а скорѣе напоминаетъ чекана, за котораго я и принялъ сперва экземпляръ, убитый мною на Алтаѣ.

Между настоящими дроздами особенное вниманіе обращаетъ на себя *дроздъ чернозобый* (Turdus atrigularis Temm.), какъ характерный сибирскій видъ, нѣсколько разъ находимый мною въ окрестностяхъ Томска, но особенно часто встрѣчающійся на Алтаѣ. Что касается *большого дрозда* или *дерябы* (Turdus viscivorus hodgsoni Hom.), то онъ гнѣздящаяся птица на Алтаѣ. Въ окрестностяхъ Томска мнѣ пришлось только разъ наблюдать стайку этихъ дроздовъ 16 августа 1894 года. *Дроздъ пѣвчій* (Turdus musicus L.) очень распространенная во всемъ краю, за исключеніемъ, можетъ быть, самыхъ сѣверныхъ частей нашей губерніи, птица, по числу особей однако значительно уступающая *дрозду-рябинник у* (Turdus pilaris L.), самому обыкновенному изъ нашихъ дроздовъ, живущему иногда большими колоніями. *Дрозда-бѣлобровика* (Turdus iliacus L.) весною 1894 года я нѣсколько разъ убивалъ въ окрестностяхъ Томска; въ литературѣ есть указаніе на нахожденіе этого вида на Алтаѣ. Вообще, этотъ дроздъ, повидимому, только въ небольшомъ количествѣ водится въ Сибири, гдѣ встрѣчается несомнѣнно рѣже, чѣмъ въ Европейской Россіи. Самымъ интереснымъ по своему географическому распространенію изъ дроздовъ является, несомнѣнно, *дроздъ пестрый* (Turdus varius Pall.), который долгое время считался лишь восточно-азіатскою формою, пока позднѣйшія наблюденія не обнаружили его присутствія даже въ Европѣ; по крайней мѣрѣ, проф. Мензбиръ имѣетъ очень вѣскія данныя, позволяющія ему предположить, что этотъ великолѣпный дроздъ, величиною даже нѣсколько пре-

восходящій дерябу, вѣроятно гнѣздящаяся птица Уральскаго хребта. Что касается нашей губерніи, то эта птица несомнѣнно гнѣздится на Алтаѣ, но, можетъ быть, живетъ лѣтомъ и въ болѣе сѣверныхъ частяхъ. Около Томска добыто до сихъ поръ два экземпляра этой красивой птицы осенью 1895 года, изъ которыхъ одинъ убитъ 4 сентября, а времени, когда былъ убитъ другой, мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось узнать.

Лазуны (Scansores).

Кромѣ обыкновенной, всѣмъ извѣстной и повсемѣстно въ нашей губерніи распространенной *кукушки* (Cuculus canorus indicus Cab.), не отличимой отъ европейскаго вида по голосу, но считаемой нѣкоторыми орнитологами за особый подвидъ, вслѣдствіе незначительныхъ цвѣтовыхъ разницъ, широко распространенъ еще другой видъ, который однако пользуется гораздо меньшей извѣстностью, это—*кукушка малая* (Cuculus intermedius Vahl.), называемая здѣсь въ окрестностяхъ Томска *глухою*, вслѣдствіе ея болѣе глухого крика. Какъ около Томска, такъ и на Алтаѣ, эта кукушка наблюдалась мною, но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе ея робкости и очень скрытаго образа жизни, чѣмъ она отличается отъ обыкновенной, мнѣ не удалось еще добыть этого вида во взрослomъ экземплярѣ. Если проф. М. А. Мензбиръ въ „Птицахъ Россіи“ говоритъ, что „эта кукушка по образу жизни не отличается отъ обыкновенной“, то это положительно не совсѣмъ вѣрно. Въ окрестностяхъ Томска и на Алтаѣ мнѣ приходилось всегда слышать крикъ этой птицы съ хвойныхъ деревьевъ, и въ чащѣ хвойнаго лѣса она и водится главнымъ образомъ, между тѣмъ какъ первая кукушка предпочитаетъ лиственные лѣса и избѣгаетъ глухой хвойной тайги.

Вертиголовка или *вертишейка* (Iynx torquilla L.) довольно распространенный въ окрестностяхъ Томска, гнѣздящійся въ дуплахъ, видъ. Лѣтомъ 1897 года мнѣ пришлось убѣдиться въ присутствіи этого интереснаго вида и на Алтаѣ, около Черги. Родители, застигнутые на яйцахъ во время высиживанія, ведутъ себя крайне оригинально. Птица, при приближеніи человѣка, не покидаетъ гнѣзда, а совершенно крѣпко продолжаетъ сидѣть на яйцахъ и на только что вылупившихся птенцахъ. При этомъ она, благодаря замѣчательной поворотливости шеи, поворачиваетъ безпрестанно голову то въ одну, то въ другую сторону и издаетъ особенные шипящіе звуки. У проф. Мензбира я нахожу, что эти своеобразные звуки издаются птенцами. Въ Тверской губерніи мнѣ приходилось нѣсколько разъ наблюдать выводящихъ самокъ и слышать шипящіе звуки отъ птицы, сидѣвшей на яйцахъ. Вертиголовка всѣми этими своеобразными свойствами напоминаетъ собою змѣю и, можетъ быть, ей и удается этимъ отогнать приближающагося къ ея гнѣзду врага, человѣка или животное. Сходство со змѣею увеличивается, можетъ быть, и тѣмъ, что верхняя сторона имѣетъ темную, болѣе или менѣе рѣзко очерченную, продольную полосу. Это послѣднее свойство имѣетъ значеніе, конечно, только въ такихъ случаяхъ, когда гнѣздо помѣщается не глубоко въ дуплѣ, а болѣе или менѣе открыто. И простой народъ подмѣтилъ особенности этой птички и въ окрестностяхъ Твери называетъ вертиголовку „змѣйкою“.

Перейдемъ теперь къ настоящимъ дятламъ. Самый большой изъ нихъ, *черный дятелъ* или *желна* (Dryocopus martius L.), въ Европейской Россіи мѣстами водится въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ прежде, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ. Въ Сибири-же желна встрѣчается еще въ большомъ количествѣ во всей лѣсной полосѣ отъ Урала до Японіи. На Алтаѣ это также весьма обыкновенная, повидимому, птица. Мнѣ приходилось ее наблюдать, какъ на Стаѣ, высшей изъ окружающихъ с. Чергу горъ, такъ и въ болѣе центральныхъ

частяхъ этой величественной горной страны, напр. въ долинѣ Чолышмана, недалеко отъ Телецкаго озера, гдѣ свѣтлый и сухой сосновый боръ, повидимому, служитъ мѣстомъ гнѣздовья, по крайней мѣрѣ, одной пары. Величиною нѣсколько уступающій предъидущему, *дятелъ сѣдоголовый* (Picus canus L.), неправильно называемый у насъ иногда зеленымъ, такъ какъ это названіе принадлежитъ другому виду, не найденному пока въ предѣлахъ нашей губерніи (Picus viridis L.), найденъ также на всемъ протяженіи Сибири, но предпочитаетъ лиственные лѣса. Такъ, около Томска мнѣ приходилось наблюдать его лишь въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ хвойнаго лѣса, между тѣмъ какъ на Алтаѣ я встрѣтилъ этоть видъ въ смѣшанномъ лѣсу. Впрочемъ, въ зоологическомъ музеѣ имѣется чучело сѣдоголоваго дятла, застрѣленнаго проф. Н. Ф. Кащенко въ 1890 г. вблизи Томска, на лѣвомъ берегу рѣки Киргизки, тоже въ смѣшанномъ лѣсу. Какъ предъидущій, такъ и *бѣлоспинный дятелъ* (Dendropicus leuconotus cirris Pall.), житель, главнымъ образомъ, лиственныхъ лѣсовъ. Другіе-же пестрые дятлы, которыхъ въ нашей губерніи, кромѣ только-что упомянутаго, имѣется два вида: *большой* (Dendropicus major cissa Pall.) и *малый* (Dendropicus minor pipra Pall.), не избѣгаютъ хвойныхъ лѣсовъ. Сибирскіе пестрые дятлы замѣчательны тѣмъ, что они отличаются отъ западно-европейскихъ чисто бѣлой окраской нижней стороны вмѣсто глинисто-бѣлой и большимъ развитіемъ бѣлаго цвѣта въ разныхъ частяхъ оперенія, такъ что служатъ прекрасными примѣрами вліянія континентальности на измѣненіе окраски оперенія. То въ хвойныхъ, то въ березовыхъ лѣсахъ у насъ, наконецъ, водится послѣдній изъ дятловъ нашей области, отличающійся отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что у него вмѣсто 4 цальцевъ на ногахъ находится только три, и названный на этомъ основаніи *трехпалымъ* (Picoides tridactylus crissoleucos Bonap.). Сибирскія особи этого вида также отличаются преобладаніемъ

бѣлаго цвѣта, въ сравненіи съ западно-европейскими, и выдѣлены поэтому подъ особымъ, выше приведеннымъ названіемъ.

Каменный воробей или *зимородокъ* (Alcedo ispida bengalensis Gmel.), широко распространенный въ нашей губерніи и пользующійся большою популярностью среди всего населенія, вполнѣ заслуживаетъ быть особенно отмѣченнымъ, какъ одна изъ наиболѣе красивыхъ, по окраскѣ не уступающихъ тропическимъ видамъ, птицъ. Наши сибирскія особи нѣсколько меньше западно-европейскихъ и, на основаніи этого и кое-какихъ другихъ признаковъ, приближаются болѣе къ зимородкамъ Индіи, чѣмъ Европы. Онъ питается исключительно мелкими рыбками, изъ косточекъ которыхъ состоитъ и плотная выстилка гнѣзда, помѣщающагося въ концѣ выкопанной имъ на берегу рѣки норы, и хотя этимъ и причиняетъ нѣкоторый убытокъ человѣку, но, благодаря своей красотѣ, во всякомъ случаѣ долженъ быть охраняемъ. Въ западной Европѣ, гдѣ зимородокъ нѣкоторое время принадлежалъ къ числу опальныхъ, въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ государствахъ жизнь этого красавца охраняется закономъ.

И въ самомъ дѣлѣ, неужели истреблять животное за то лишь, что оно питается тѣмъ, чѣмъ питается и человѣкъ? Неужели человѣкъ имѣетъ право осудить на смертную казнь и поголовное истребленіе красивое, изящное существо, при видѣ котораго всѣ приходятъ въ восторгъ, за то только, что и оно нуждается въ пищѣ, которую употребляетъ человѣкъ; какъ будто человѣкъ, царь природы, употребляющій въ пищу всевозможные продукты животнаго и растительнаго міра, не можетъ подѣлиться пищей съ маленькой птичкой?

Сизоворонка (Coracias garrula L.), яркостью оперенія не уступающая также тропическимъ птицамъ, встрѣчается лишь на югозападѣ нашей губерніи. Весьма желательно было-бы выяснить предѣлы распространенія этой блестящей, живой,

питающейся исключительно насѣкомыми и потому полезной птицы въ нашемъ краю.

Еще одинъ изъ ярко окрашенныхъ представителей тропическихъ птицъ встрѣчается въ Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ, это *щурка золотистая* (Merops apiaster L.), про которую проф. Мензбиръ говоритъ, что „она по изяществу и красотѣ оперенія должна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей фаунѣ“. Къ сожалѣнію, эта птица, хотя и питающаяся исключительно насѣкомыми, должна считаться вредною, такъ какъ любимой пищей ея служатъ пчелы. Вредъ, приносимый ею, увеличивается еще тѣмъ, что щурка не гнѣздится отдѣльными парочками, а въ большинствѣ случаевъ колоніями, довольно многочисленными, и поэтому пасѣчникъ, вблизи котораго поселятся щурки, вѣроятно, въ скоромъ времени приступитъ къ истребленію ихъ, имѣя на то. конечно, полное право, такъ какъ извѣстно, что пчеловодство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не могло развиться вслѣдствіе опустошеній, произведенныхъ этими птицами (Астраханская губ.).

Козодой или *полуночникъ* (Caprimulgus europaeus L.) водится въ большомъ числѣ въ лѣсахъ нашей губерніи, какъ напр. въ окрестностяхъ Томска. Это ночная птица, безшумно охотящаяся съ широко разинутымъ ртомъ за разными насѣкомыми, бабочками и жуками, и этимъ приносящая человѣку несомнѣнно пользу.

Изъ стрижей въ нашей губерніи встрѣчаются два, можетъ быть, и три вида. *Стрижъ черный* (Cypselus apus L.) распространенъ въ болѣе южныхъ частяхъ, такъ какъ въ Томскѣ и его окрестностяхъ наблюдался лишь нѣсколько разъ.

Около Черги, какъ и въ другихъ мѣстахъ сѣверной части Алтая, этотъ видъ, повидимому, гнѣздится. Въ Салаирѣ знаменитымъ Альфредомъ Брэмъ былъ добытъ экземпляръ стрижа (Cypselus pacificus Lath.), отличающагося отъ перваго бѣлымъ надхвостьемъ. Гг. Финшъ и Брэмъ наблюдали

этотъ видъ, широко распространенный въ центральной и восточной Азіи, въ западныхъ предгорьяхъ Алтая. Мнѣ самому удалось видѣть этого стрижа только около долины Чолышмана, но птицы носились такъ высоко надо мною и моими спутниками, что несмотря на всѣ наши старанія намъ не пришлось добыть этого характернаго азіатскаго вида.

Удодъ (Upupa epops L.), красивая птица съ хохломъ, состоящимъ изъ двухъ вѣерообразныхъ половинъ, поднимающихся надъ глазами, и придающимъ ему своеобразный видъ, широко распространенъ въ южной половинѣ нашей губерніи, на Алтаѣ, гдѣ называется русскими жителями „татарской курочкой“, и въ Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ въ степной полосѣ и въ полосѣ островныхъ лѣсовъ, гдѣ вездѣ пользуется большою извѣстностью и называется „пѣтушкомъ“. Что касается окрестностей Томска, то за послѣднее время и здѣсь наблюдалась нѣсколько разъ эта оригинальная птица. Такъ 15 мая 1894 г. въ окрестностяхъ Томска убитъ удодъ, хранящійся въ университетской коллекціи. Въ 1895 году былъ убитъ второй экземпляръ около Томска, въ 1896 году третій экземпляръ, 2 мая, профессоромъ Э. А. Леманъ также близъ Томска и, наконецъ, въ срединѣ іюля того-же года проф. Ф. К. Крюгеръ наблюдалъ здѣсь цѣлый, повидимому, выводокъ удодовъ, состоявшій изъ 5—6 штукъ. Разницы въ окраскѣ оперенія сибирскихъ удодовъ отъ европейскихъ пока не замѣчено.

Хищныя (Raptores).

Скопа рѣчная (Pandion haliaëtos L.), область распространенія которой обнимаетъ почти всѣ части свѣта, въ предѣлахъ нашей губерніи встрѣчается довольно часто, какъ гнѣздящаяся птица, питающаяся рыбою и потому вредная. Изъ мелкихъ хищниковъ безусловно принадлежатъ къ самымъ полезнымъ человѣку пустельги, такъ какъ онѣ унич-

тожаютъ массу вредныхъ насѣкомыхъ. Изъ нихъ въ нашей губерніи широко распространены два вида, *пустельга обыкновенная* или *трясучка* (Falco tinnunculus L.), встрѣчаемая, главнымъ образомъ, во всей лѣсной части губерніи и на Алтаѣ, между тѣмъ какъ въ степной полосѣ и отчасти на Алтаѣ, найдена въ большомъ количествѣ и *пустельга степная* (Falco cenchris Naum.). *Кобчикъ* (Falco vespertinus L.), такъ же какъ и предыдущіе два вида, полезнѣйшая для человѣка птица, въ предѣлахъ нашей губерніи достигаетъ своей восточной границы; въ восточной Сибири онъ замѣненъ другимъ видомъ (Falco amurensis Radde), отличающимся чисто бѣлыми подмышечными перьями отъ западной формы. Въ окрестностяхъ Томска кобчикъ рѣдкая гнѣздящаяся птица, между тѣмъ какъ въ болѣе южныхъ и западныхъ округахъ онъ становится весьма обыкновеннымъ. *Дербникъ* (Falco aesalon L) не особенно распространенъ въ нашей губерніи. Мнѣ за время моихъ наблюденій почему-то не попадался. Въ университетской коллекціи имѣется экземпляръ, убитый въ окрестностяхъ Томска. Въ отличіе отъ пустельги и кобчика, этотъ небольшой соколъ лишь изрѣдка питается насѣкомыми, а главную его пищу составляютъ мелкія птицы. Хотя и маленькій, но обладающій силою и ловкостью, этотъ хищникъ нападаетъ иногда и на голубей. *Чеглокъ* (Falco subbuteo L.) болѣе или менѣе распространенъ во всей Сибири, не заходя однако далеко на сѣверъ. И въ окрестностяхъ Томска это гнѣздящаяся птица. Мнѣ пришлось разъ убить здѣсь самку съ яйцомъ, готовымъ къ сносу. Этотъ соколъ одинъ изъ самыхъ кровожадныхъ хищниковъ средней величины и его слѣдовало-бы преслѣдовать, еслибы за него не принимали иногда такихъ полезныхъ хищниковъ, какъ напр. пустельга. Если же преслѣдующимъ чеглоковъ охотникомъ будетъ убито, вмѣсто чеглока, хотя бы только нѣсколько пустельгъ или кобчиковъ, то такое преслѣдованіе хищниковъ окажетъ человѣку несомнѣнный вредъ. Поэтому мнѣ кажется, что истребленіе вредныхъ птицъ вообще слѣдуетъ дозволить лишь лицамъ, умѣющимъ безошибочно отличать вредныхъ отъ полезныхъ. Что касается *сапсана* (Falco peregrinus L.) и *сапсана бѣлощекаго* (Falco peregrinus leucogenys Brehm.), то область распространенія какъ того, такъ и другого захватываетъ нашу губернію. Ни съ однимъ изъ нихъ мнѣ не пришлось встрѣтиться и я привожу ихъ лишь на основаніи литературныхъ указаній. Область распространенія второго болѣе южная и указываютъ Алтай, какъ восточный предѣлъ. Сапсаны несомненно вредные хищники, такъ какъ питаются почти исключительно птицами.

Въ полосѣ островныхъ лѣсовъ и въ степи въ нашей губерніи, какъ и въ остальной западной Сибири, очень распространенъ *кречетъ-балобанъ* (Hierofalco saker Gm.), питающійся не только птицами, но и звѣрками. *Исландскій* же *кречетъ* (Hierofalco islandicus Briss.), вѣроятно, посѣщаетъ нашу губернію лишь на пролетѣ, преслѣдуя отлетающую водяную птицу. *Коршунъ черноухій* (Milvus melanotis Temm.) очень обыкновенный хищникъ въ нашей губерніи. Неоднократно мнѣ приходилось находить въ окрестностяхъ Томска его гнѣзда. Область его распространенія обнимаетъ Сибирь до Тихаго океана; въ Европейской Россіи онъ замѣненъ другимъ видомъ.

Орланъ-бѣлохвостъ (Haliaëtos albicilla Briss.) на Оби и другихъ рѣкахъ нашей губерніи довольно часто встрѣчающаяся, гнѣздящаяся (15) птица. Въ болѣе южныхъ частяхъ нашего края, на Алтаѣ и въ прилегающихъ мѣстностяхъ, повидимому, чаще встрѣчается *долгохвостъ* (Haliaëtos leucoryphus Pall.). Въ противоположность первому, долгохвостъ питается охотно рыбою, между тѣмъ какъ пищу бѣлохвоста составляетъ, кромѣ разныхъ птицъ (гусей, тетеревей, утокъ), и падаль. Что касается настоящихъ орловъ, то въ качествѣ

гнѣздящагося въ нашей губерніи извѣстенъ *халзанъ* (Aquila chrysaëtos L.), принадлежащій лѣсной области не одной только Сибири, отъ Урала до береговъ Тихаго океана, но и сѣверной лѣсной части Европы. Въ зоологическомъ музеѣ здѣшняго университета хранится прекрасный экземпляръ халзана, убитый около Бійска. *Беркутъ* (Aquila nobilis Pall.), вѣроятно, только залетающій въ предѣлы нашей губерніи орелъ, встрѣчающійся чаще въ болѣе южныхъ ея частяхъ, между тѣмъ какъ *орелъ могильникъ* (Aquila heliaca Sav.) гнѣздится въ нашемъ краю. Въ іюлѣ 1891 года проф. Н. Ф. Кащенко застрѣлилъ нѣсколькихъ могильниковъ въ области большихъ Барабинскихъ озеръ (Чаны, Сартланъ). Нѣкоторые экземпляры были молодые того-же года. Что касается *степного орла* (Aquila orientalis Cab.), предпочитающаго безлѣсную степь, то о гнѣздованіи этого вида въ предѣлахъ нашей губерніи мнѣ ничего пока неизвѣстно. Наконецъ, *подорликъ большой* (Aquila clanga Pall.) встрѣчается кромѣ Барабы, откуда его привезъ въ 1891 г. проф. Кащенко, вѣроятно также, въ южныхъ частяхъ Томской губерніи, въ качествѣ гнѣздящейся птицы, на Алтаѣ. *Орла змѣяда* (Circaëtos gallicus Gmel.) привожу лишь на основаніи замѣтки проф. Мензбира, что онъ „гнѣздится въ лѣсахъ юго-западной Сибири къ сѣверу до 52° с. ш.“.

Что касается канюковъ мохноногихъ или зимняковъ (Archibuteo), то по свидѣтельству проф. Мензбира гнѣздовая область европейскаго вида занимаетъ въ Сибири полосу тундры „до нижней Оби на востокѣ; восточнѣе въ Сибири мѣсто „обыкновеннаго мохноногаго канюка занимаетъ близкій“ сибирскій видъ. Оба вида съ наступленіемъ осени покидаютъ тундру и откочевываютъ болѣе или менѣе далеко на югъ. Наша губернія посѣщается какъ тѣмъ, такъ и другимъ; на то, что у насъ встрѣчается *зимнякъ западный* (Archibuteo lagopus Brünn.), указываетъ, кромѣ литературныхъ данныхъ

(не всѣми авторами различаются обѣ формы), экземпляръ университетской коллекціи, убитый въ окрестностяхъ Томска. Что касается нахожденія *канюка мохноногаго сибирскаго* (Archibuteo pallidus Menzb.), то мнѣ самому не далѣе какъ 28 сентября 1897 года посчастливилось убить первый пока экземпляръ въ окрестностяхъ нашего города, во время охоты на косачей съ чучелами, которыя, повидимому, и привлекли этого сѣвернаго гостя. То обстоятельство, что онъ летѣлъ на чучела, указываетъ, безъ сомнѣнія, что канюки нападаютъ иногда и на большихъ птицъ, какъ тетеревей. Сибирскій канюкъ отличается отъ западнаго очень блѣдной, „бѣлесоватой“, вмѣсто темной, окраской оперенія. Признакомъ сибирскаго зимняка служатъ, между прочимъ, „небольшія бурыя, ромбическія пятна“ на бѣлыхъ кроющихъ перьяхъ хвоста, который на нижней сторонѣ почти не имѣетъ поперечныхъ полосъ, выраженныхъ у западнаго очень рѣзко. Изъ обыкновенныхъ канюковъ (Buteo) самымъ обычнымъ въ нашей губерніи, по устному сообщенію проф. Н. Ф. Кащенко, нужно считать *канюка рыжаго* или *сарыча* (Buteo vulpinus Licht.). Дѣйствительно, въ университетскомъ музеѣ имѣются какъ шкурки этой птицы, такъ и гнѣзда, добытыя профессоромъ въ окрестностяхъ г. Томска. Этотъ же видъ, хотя и подъ другимъ, синонимнымъ, названіемъ (Buteo desertorum Daud.) указывается для Алтая у Homeyer и Tancré (7). Что касается другихъ видовъ канюковъ, то *канюка курганника* (Buteo ferox Gmel.), кажется, слѣдуетъ причислить къ гнѣздящимся въ нашей губерніи птицамъ, хотя и въ болѣе южныхъ округахъ.

Ястребъ перепелятникъ (Accipiter nisus L.), область распространенія котораго обнимаетъ почти всю Сибирь, найденъ въ окрестностяхъ Томска пока лишь въ одномъ экземплярѣ, добытомъ проф. Н. Ф. Кащенко въ началѣ августа 1895 года. *Ястребъ-тетеревятникъ* (Astur palumbarius L.)

встрѣчается, повидимому, чаще предыдущаго. Этотъ хищникъ распространенъ также по всему протяженію Сибири и заслуживаетъ безпощаднаго истребленія.

Всѣ луни, встрѣчающіеся въ Европейской Россіи, найдены и въ нашей губерніи. Ихъ четыре вида. *Лунь луговой* (Circus cinerаceus Mont.) встрѣчается лишь въ югозападныхъ ея частяхъ, между тѣмъ какъ *степной лунь* (Circus macrurus Gmel.) очень обыкновенная гнѣздящаяся птица во всей степной полосѣ нашей губерніи. Мнѣ неоднократно приходилось его видѣть и убивать въ окрестностяхъ Бійска, на дорогѣ отъ этого города до расположеннаго въ предгорьяхъ Алтая села Алтайскаго. Сѣвернѣе онъ встрѣчается рѣже, въ полосѣ островныхъ лѣсовъ, и одинъ экземпляръ этого вида, какъ мнѣ передаютъ, былъ убитъ даже въ окрестностяхъ Томска. Область распространенія *полевого луня* (Circus cyaneus L.) въ нашей губерніи гораздо обширнѣе. Этотъ видъ можно часто встрѣтить въ окрестностяхъ нашего города, въ особенности осенью; также и на Алтаѣ, на высотахъ, возвышающихся надъ предѣломъ лѣсной растительности, нѣсколько разъ въ моемъ присутствіи полевой лунь, появляясь неожиданно изъ-за скалъ, наводилъ страхъ на горныхъ коньковъ (Anthus spinoletta L.). Наконецъ, *камышевый* или *болотный лунь* (Circus aeruginosus L.), по литературнымъ даннымъ, находитъ восточный предѣлъ своего распространенія на Оби. Въ коллекціи Томскаго университета имѣются экземпляры этого луня изъ Барабы; за время моего коллектированія здѣсь я получилъ лишь одинъ экземпляръ камышеваго луня (типичнаго самца), убитаго 15 апрѣля 1896 года въ окрестностяхъ Томска. Луней принято считать, за ихъ преслѣдованіе птичекъ и разореніе гнѣздъ, вредными и потому подлежащими преслѣдованію. Но такъ какъ они всѣ истребляютъ массу мышей и другихъ вредныхъ грызуновъ, а также кормятся и насѣкомыми, то, можетъ быть, польза, приносимая

ими, превышаетъ вредъ и человѣку не слѣдовало бы ихъ преслѣдовать. *Бородачъ* (Gypaëtos barbatus L.), одинъ изъ величайшихъ хищниковъ, чисто горная птица. Встрѣчается ли онъ еще и теперь на Алтаѣ, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, пока на Алтаѣ еще водятся аргали и горные козлы, этотъ хищникъ, нерѣдко встрѣчаемый въ горахъ центральной Азіи, облетающій обширныя пространства, можетъ залетать и въ предѣлы нашей губерніи.

Ночныхъ хищниковъ или совъ, изъ которыхъ только очень немногія охотятся и днемъ, въ нашей губерніи до сихъ поръ найдено 10 видовъ, принадлежащихъ, за исключеніемъ одного, прилетающаго къ намъ на зиму съ сѣвера, къ гнѣздящимся въ нашемъ краю. Самая маленькая изъ этихъ совъ, *сычъ-воробей* (Glaucidium passerinum L.), распространенный въ лѣсахъ Западной Сибири и нашей губерніи, не отличается по окраскѣ оперенія отъ европейскаго. Въ Восточной же Сибири этотъ видъ образуетъ болѣе сѣрую породу, разсматриваемую нѣкоторыми орнитологами какъ особый подвидъ. Самая большая между нашими совами, *сибирскій филинъ* (Bubo maximus sibiricus Schl. et Sus.), отличается какъ отъ европейскаго, такъ и отъ туркестанскаго болѣе блѣдною окраскою и болѣе густымъ опереніемъ. Эта форма, широко распространенная въ лѣсной области Сибири, отъ Урала до Тихаго океана, въ окрестностяхъ Томска встрѣчается очень часто. Что касается *совки* (Scops giu Scop.), то сѣверной границей ея распространенія въ Сибири проф. Мензбиръ указываетъ 55°—56° с. ш. Въ коллекціи Томскаго университета имѣется экземпляръ этой совы, убитой 8 августа 1890 года въ окрестностяхъ нашего города. *Сова ястребиная* (Surnia ulula L.) встрѣчается въ большомъ количествѣ въ окрестностяхъ Томска и на Алтаѣ. Сибирскія особи этого вида, область распространенія котораго обнимаетъ сѣверъ Европы и Азіи, нѣсколько свѣтлѣе европейскихъ.

Часто попадался въ окрестностяхъ Томска и имѣетъ огромное распространеніе кругополярный *мохноногій сычъ* (Nyctala tengmalmi Gmel.). Нерѣдко въ окрестностяхъ нашего города убивается и *неясыть каменная* (Syrnium lapponicum Retz.), свойственная сѣверной лѣсной зонѣ стараго свѣта. Гораздо чаще предыдущей встрѣчается у насъ *неясыть длиннохвостая* (Syrnium uralense Pall.). Исключительно только на зиму прилетаетъ къ намъ *сова бѣлая* (Nyctea nivea L.), по величинѣ немного только уступающая филину. Эта сова, въ качествѣ гнѣздящейся птицы, принадлежитъ крайнему сѣверу нашего материка. Очень обыкновенны въ окрестностяхъ Томска, наконецъ, два вида ушастыхъ совъ, *болотная сова* (Asio accipitrinus Pall.) и *лѣсная сова* (Asio otus L.). Совы, въ общемъ, крайне полезныя для человѣка птицы и заслуживаютъ защиты и покровительства съ его стороны. Только самыя большія изъ нихъ, филинъ, оба вида неясытей и бѣлая сова, принадлежатъ къ хищникамъ, приносящимъ человѣку значительный вредъ, такъ какъ пищу ихъ составляютъ отчасти всевозможныя полезныя человѣку дикія птицы, отчасти же даже и домашнія. Но и эти перечисленные виды приносятъ человѣку пользу, уничтожая массу вредныхъ грызуновъ; къ сожалѣнію, польза, приносимая этими крупными совами, не уравновѣшиваетъ причиняемый ими вредъ и поэтому преслѣдованіе ихъ вполнѣ законно. Что же касается всѣхъ прочихъ совъ нашей губерніи, то онѣ рѣшительно полезнѣйшія птицы, уничтожающія массу мышей и полевокъ. Только невѣжественные и суевѣрные люди могутъ преслѣдовать этихъ полезныхъ совъ.

Гагаровыя (Pygopodes).

Въ нашей губерніи встрѣчаются слѣдующіе четыре вида поганокъ: *поганка большая* (Podiceps cristatus L.), распространенная болѣе въ ея южныхъ частяхъ, вмѣстѣ съ

сѣрощекой (Podiceps griseigena Bodd.). Наиболѣе распространена между гагарами *поганка рогатая* (Podiceps auritus L.), въ большомъ количествѣ гнѣздящаяся въ предѣлахъ нашей губерніи. *Поганка ушастая* (Podiceps nigricollis Ch. L. Brehm) также, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ числу гнѣздящихся томскихъ птицъ, хотя мнѣ до сихъ поръ не попадалась.

Что касается настоящихъ гагаръ, то *полосатая чернозобая гагара* (Colymbus arcticus L.), наиболѣе часто встрѣчается въ предѣлахъ нашей мѣстности и притомъ гнѣздится въ ней. *Краснозобая* же гагара (Colymbus septentrionalis L.), хотя и наблюдалась въ предѣлахъ нашей губерніи, но, вѣроятно, лишь на пролетѣ.

Длиннокрылыя (Longipennes).

Чаекъ въ нашей губерніи не особенно много и, насколько я могу судить, онѣ встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ низменной части ея, между тѣмъ какъ на Алтаѣ ихъ, повидимому, нѣтъ, такъ какъ мнѣ даже на Телецкомъ озерѣ не пришлось ихъ видѣть, не говоря уже о другихъ маленькихъ озерахъ и о рѣкахъ, орошающихъ эту горную возвышенность. За предѣлами нашей губерніи д-ръ Финшъ, впрочемъ, встрѣтилъ нѣсколько видовъ длиннокрылыхъ. *Чайка хохотунья* (Larus cachinnans Pall.) принадлежитъ къ числу гнѣздящихся въ окрестностяхъ Томска птицъ. Въ университетской коллекціи имѣются яйца этой чайки, добытыя во второй половинѣ мая около Томска. Этотъ видъ гнѣздится въ большомъ количествѣ по Барабинскимъ озерамъ. Въ сѣверной части нашей губерніи, въ Нарымскомъ краѣ, на Оби, можетъ быть, встрѣчается и близкій видъ, *сибирская хохотунья* (Larus affinis Reinh.), хорошо изученный д-ромъ Финшъ на Оби и Иртышѣ. Интересно было бы прослѣдить, гдѣ на Оби между устьемъ Томи и Самаровымъ впервые по-

падается сибирская хохотунья. *Чайка сизая* (Larus canus L.), отличающаяся широкимъ распространеніемъ въ Европейской Россіи, широко распространена и въ Сибири. Здѣсь этотъ видъ нѣсколько темнѣе и крупнѣе и выдѣляется нѣкоторыми орнитологами, какъ особый подвидъ Larus canus niveus. Pall. Чайка сизая встрѣчается, однако, рѣже и не въ такомъ количествѣ, какъ хохотуньи. Одна изъ наиболѣе часто встрѣчающихся у насъ чаекъ, это *чайка обыкновенная* (Larus ridibundus L.), широко распространенная на гнѣздовьѣ въ нашемъ краю. *Малая чайка* (Larus minutus Pall.) встрѣчается рѣже и гнѣздится спорадически. Въ университетской коллекціи хранится экземпляръ, добытый проф. Н. Ф. Кащенко 11 іюня 1891 года въ окрестностяхъ Томска. Д-ръ Финшъ наблюдалъ этотъ видъ въ окрестностяхъ Барнаула.

Наблюденія надъ крачками еще очень неполны. *Свѣтлокрылая крачка* (Hydrochelidon leucoptera Sch.) встрѣчается только въ южной части нашей губерніи, гдѣ была найдена докторомъ Финшъ въ окрестностяхъ Барнаула. *Черная крачка* (Hydrochelidon nigra L.), въ качествѣ гнѣздящейся птицы, чаще встрѣчается въ югозападныхъ частяхъ нашей губерніи; въ университетской коллекціи имѣется экземпляръ изъ окрестностей Томска, добытый В. П. Аникинымъ въ концѣ мая 1894 года, т. е. въ такое время, что этотъ видъ можетъ считаться гнѣздящимся около Томска. *Мартышка* (Sterna hirundo L.) одна изъ самыхъ распространенныхъ крачекъ въ нашей губерніи. По проф. Мензбиръ она доходитъ на Оби „приблизительно до 64° с. ш.“ Въ университетской коллекціи имѣются экземпляры этого вида изъ окрестностей Томска и изъ Барабы. По Палласу, *чеграва* (Sterna caspia Pall.) находится въ большомъ количествѣ на большихъ барабинскихъ озерахъ. Наконецъ, что касается распространенія въ нашей губерніи *малой крачки* (Sterna minuta L.), то уже Палласъ указываетъ на Барабу, какъ на мѣсто нахожденія этого вида; за цѣлое столѣтіе не прибавилось новыхъ данныхъ и наблюденій надъ этой крачкой въ нашемъ краю, пока мнѣ не былъ доставленъ одинъ экземпляръ, добытый 2 іюня 1896 г. на Оби, около села Тулинскаго (Барнаульскаго округа).

Кулики (Limicolae).

Какъ гнѣздящіяся птицы, притомъ очень распространенныя въ нашемъ краю, всѣмъ охотникамъ хорошо извѣстны: *вальдшнепъ* (Scolopax rusticola L.), *обыкновенный дупель* (Gallinago major L.), *бекасъ* (Gallinago gallinago L.) и *гаршнепъ* (Gallinago gallinula L.), виды, представляющіе собою самую благородную дичь, болѣе всего цѣнимую охотниками по перу. Что касается перечисленныхъ формъ, то онѣ тождественны съ видами, извѣстными изъ Европейской Россіи. Томская губернія, въ сравненіи съ Европейской Россіей, богаче видами этой благороднѣйшей дичи, такъ какъ въ ней, кромѣ имѣющихся въ Европѣ видовъ, встрѣчаются и азіатскія формы, которыя, главнымъ образомъ, распространены въ Восточной Сибири. Между ними *мясной сибирскій дупель* (Gallinago megala Swinh.) очень часто встрѣчается въ окрестностяхъ Томска. Въ зоологическомъ музеѣ Томскаго университета имѣется нѣсколько его экземпляровъ, убитыхъ и препарированныхъ бывшимъ консерваторомъ Э. Д. Пельцамъ. Лѣтомъ 1896 года мнѣ впервые пришлось здѣсь познакомиться съ этимъ долгоносикомъ, который отъ обыкновеннаго дупеля отличается тѣмъ постояннымъ признакомъ, что у него 20 рулевыхъ перьевъ, между тѣмъ какъ у европейскаго, очень распространеннаго и у насъ, ихъ 16. Лѣтомъ 1897 года мнѣ удалось найти этотъ видъ и на Алтаѣ. Въ высшей степени желательно, чтобы томскіе охотники, которымъ часто приходится встрѣчаться съ этимъ интереснымъ, но мало извѣстнымъ дупелемъ, дѣлали наблюденія надъ образомъ его жизни и

позаботились о томъ, чтобы ихъ наблюденія не пропали для науки. Интересно также выяснить распространеніе этого вида въ нашемъ краю, численность особей, время прилета и отлета и т. д. Въ самыхъ южныхъ частяхъ нашей губерніи, на Алтаѣ, водится еще видъ дупеля, который имѣетъ 22 рулевыхъ пера. Это *горный дупель* (Gallinago solitaria Hodgs.); центрально-азіатская форма, гнѣздящаяся, по словамъ проф. Мензбира, „на высотѣ 10,000′—15,000′ надъ уровнемъ моря“. Наконецъ, очень возможно, что въ предѣлахъ нашей губерніи окажется и еще одинъ изъ азіатскихъ долгоносиковъ, форма болѣе близкая къ бекасу, съ 26 рулевыми вмѣсто 14 у обыкновеннаго бекаса, *сибирскій бекасъ* (Gallinago stenura Temm.), по словамъ проф. М. А. Мензбиръ, „на гнѣздовьѣ распространенный отъ Енисея до Тихаго океана“. Въ дѣлѣ изученія этихъ азіатскихъ формъ охотники могли бы оказать великія услуги и большое содѣйствіе натуралистамъ; это тѣмъ легче, что для совершенно точнаго опредѣленія вида вполнѣ достаточно сосчитать и записать только одно число рулевыхъ перьевъ, которыя у этихъ азіатскихъ бекасовъ разныхъ формъ: среднія перья хвоста широки, между тѣмъ какъ крайнія, отъ 4 до 8 съ каждой стороны, очень узки; еслибы кто изъ охотниковъ пожелалъ даже только отрѣзанные хвосты сибирскихъ бекасовъ и дупелей отослать для опредѣленія, то и такимъ способомъ коллектированія можно будетъ подвинуть изученіе распространенія этихъ куликовъ въ нашемъ краю значительно впередъ и я, съ своей стороны, съ удовольствіемъ возьмусь за опредѣленіе и всякія наблюденія, даже самыя отрывочныя, приму съ величайшею благодарностью.

Слѣдующая группа куликовъ, песочники, только на пролетѣ, весною и осенью, встрѣчаются въ нашей губерніи. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ и гнѣздятся въ предѣлахъ нашего края, но подобныхъ наблюденій пока еще не имѣется. *Песочникъ* (Tringa minuta Leisl.) и близкій къ нему *кулик-воробей* (Tringa temmincki Leisl.), самые маленькіе между ними, встрѣчаются ежегодно въ окрестностяхъ Томска, второй изъ нихъ, повидимому, чаще перваго.

Песчанка (Calidris arenaria L.) мною до сихъ поръ около Томска не была добыта, но части этой птицы были доставлены мнѣ г. А. А. Штиренъ изъ Нарымскаго края, гдѣ она тоже, повидимому, только пролетная птица. Что касается *песочника морского* (Tringa maritima Brünn.), то я привожу его лишь на основаніи замѣтки Палласа, упоминающаго его для Барабы. Болѣе современныхъ указаній на нахожденіе этого кругополярнаго вида въ нашей губерніи я не могъ найти, такъ что сообщеніе Палласа пока не подтверждено другими авторами, хотя, конечно, возможно, что этотъ куликъ залетаетъ и въ нашу губернію, какъ наблюдали его напр. въ Оренбургскомъ краѣ. *Куликъ-чернозобикъ* (Tringa alpina L.) ежегодно правильно бываетъ на пролетѣ въ окрестностяхъ Томска. Этотъ куличекъ гнѣздится иногда значительно южнѣе другихъ сородичей и на этомъ основаніи можно предположить, что онъ окажется гнѣздящейся въ предѣлахъ нашего края птицей. *Куликъ-краснозобикъ* (Tringa subarquata Güld.) лишь на пролетѣ посѣщаетъ нашу губернію. *Камнешарка* (Strepsilas interpres L.), хотя и не найдена до сихъ поръ въ предѣлахъ нашей губерніи, но, какъ космополитъ, вѣроятно не разъ посѣщала нашъ край и поэтому упоминается мною.

Болотный куликъ или *веретенникъ* (Limosa melanura Leisl.) уже со временъ Палласа извѣстенъ какъ гнѣздящаяся въ большомъ количествѣ въ Барабѣ птица, откуда имѣется экземпляръ и въ коллекціи Томскаго университета. Этотъ куликъ встрѣчается, вѣроятно, и въ другихъ подходящихъ къ требованіямъ этой птицы мѣстностяхъ нашего обширнаго края. Что касается *веретенника малаго* (Limosa rufa Briss.), то онъ гнѣздится не только въ западно-сибирской тундрѣ,

но и въ болѣе южныхъ частяхъ. Вѣроятно, на пролетѣ этотъ видъ наблюдался около Барнаула.

Между куликами особенное вниманіе обращаетъ на себя *турухтанъ* (Machetes pugnax L.) тѣмъ, что самцы этого вида окрашены чрезвычайно разнообразно. По словамъ проф. М. А. Мензбира, „самцы турухтановъ представляютъ безчисленныя варіаціи окраски, которыя однако могутъ быть подведены къ 33 типамъ, соединяемымъ множествомъ переходовъ". Имѣющіеся въ коллекціи Томскаго университета экземпляры прекрасно демонстрируютъ измѣнчивость этого, повидимому, неустановившагося еще вида. Что касается нашей губерніи, то турухтаны у насъ не только пролётныя, но и гнѣздящіяся птицы. Кромѣ этихъ куликовъ, въ нашемъ краю, какъ гнѣздящіяся птицы, очень распространены слѣдующіе виды: *перевозчикъ* (Totanus hypoleucos L.), *мородунка* (Totanus terekius Lath.), *куликъ-чернышъ* (Totanus ochropus L.) и *фифи* (Totanus glareola L.). *Поручейникъ* (Totanus stagnatilis Bechst.), въ одномъ только экземплярѣ, полученъ мною изъ Барнаульскаго округа съ Оби и въ окрестностяхъ Томска, повидимому, еще не найденъ. *Улитъ большой* (Totanus glottis L.) нѣсколько разъ попадался мнѣ въ окрестностяхъ Томска, между тѣмъ какъ *травникъ* (Totanus calidris L.) всего разъ подъ Томскомъ. Для Барабы, наконецъ, приводятся еще два вида куликовъ (Totanus fuscus L. и T. pulverulentus Müll.), изъ которыхъ первый, называемый щеголемъ, по слухамъ, найденъ на пролетѣ и около Томска.

Изъ плавунчиковъ въ окрестностяхъ Томска мнѣ всего разъ, 23 августа 1894 года, пришлось наблюдать небольшими стайками *плавунчика круглоноса* (Phalaropus hyperboreus L), посѣщающаго долину Томи лишь на пролетѣ. Въ коллекціи университетской хранятся экземпляры, добытые 30 іюля и 1 августа 1891 года на Барабинскихъ озерахъ, что, можетъ быть, указываетъ на то, что плавунчикъ тамъ

гнѣздится, какъ это извѣстно для Московской губерніи. Преимущественно же этотъ милый куличекъ, обладающій способностью плавать, какъ немногіе другіе, кругополярная гнѣздящаяся птица тундры. Что касается также кругополярнаго *плавунчика плосконосаго* (Phalaropus fulicarius L.), то имѣются указанія на нахожденіе этого вида въ Западной Сибири и, можетъ быть, и въ нашей губерніи, но этотъ куличекъ населяетъ крайній сѣверъ материка и къ намъ попадаетъ, вѣроятно, лишь на пролетѣ или является случайно залетнымъ.

Самые большіе между куликами—*кроншнепы*.

Кроншнепъ большой (Numenius arcuatus lineatus Cuv.), встрѣчающійся въ нашей губерніи въ качествѣ гнѣздящейся птицы, нерѣдко наблюдается и въ окрестностяхъ нашего города. Сибирскіе кроншнепы отличаются отъ европейскихъ болѣе блѣднымъ цвѣтомъ и большимъ развитіемъ бѣлаго цвѣта на надхвостьѣ и подмышечныхъ. Что касается *кроншнепа средняго* (Numenius phaeopus L.), то онъ находитъ восточный предѣлъ своего распространенія, вѣроятно, на обширномъ пространствѣ нашей губерніи.

Куликъ-сорока (Haematopus ostralegus L.), въ качествѣ гнѣздящейся птицы, широко распространенъ на Оби и ея притокахъ: въ университетской коллекціи имѣется экземпляръ съ гнѣздомъ изъ окрестностей Томска.

Что касается *шилоклювки* (Himantopus avocetta L.), то этотъ видъ, можетъ быть, встрѣчается въ югозападныхъ частяхъ нашего края, но опредѣленныхъ указаній пока не имѣется.

Что касается *тиркуши степной* (Glareola melanoptera Nordm.), то этотъ видъ широко распространенъ въ степной области Западной Сибири; хотя у меня и не имѣется указаній на нахожденіе его въ предѣлахъ нашей губерніи, но весьма вѣроятно, что онъ окажется гнѣздящимся въ югозападныхъ ея частяхъ.

Изъ чибисовъ *кречетка* (Vanellus gregarius Pall.), также какъ и тиркуша, принадлежитъ, вѣроятно, лишь самымъ югозападнымъ частямъ нашей губерніи, между тѣмъ какъ *Пиголица* (Vanellus vanellus L.) имѣетъ гораздо большее распространеніе, такъ какъ въ качествѣ гнѣздящейся птицы встрѣчается ежегодно и въ окрестностяхъ Томска.

Зуекъ морской (Charadrius cantianus Lath.) распространенъ въ качествѣ гнѣздящейся птицы въ Туркестанѣ, Монголіи и Дауріи; имѣется указаніе на нахожденіе этого вида на Алтаѣ. *Зуекъ малый* (Charadrius curonicus Bes.) очень обыкновенное явленіе какъ въ окрестностяхъ Томска, такъ и на Алтаѣ, въ качествѣ гнѣздящейся птицы. *Галстушникъ* же (Charadrius hiaticula L.) лишь на пролетѣ встрѣчается въ нашей губерніи, да и то рѣдко.

Что касается *сивки глупой* (Charadrius morinellus L.), *тулеса* (Charadrius helveticus Briss.), *ржанки* (Charadrius pluvialis L.), то этихъ куликовъ приходилось мнѣ неоднократно наблюдать во время осенняго пролета въ окрестностяхъ Томска. Перечисленныя ржанки несомнѣнно гнѣздящіяся птицы далекаго сѣвера, а у насъ останавливаются на пролетѣ, и то лишь, когда погода препятствуетъ ихъ слѣдованію на югъ. На основаніи указаній проф. Мензбиръ, приходится упомянуть и о *сибирской ржанкѣ* (Charadrius fulvus Gmel.), гнѣздящейся въ тундрахъ Восточной Сибири и, вѣроятно, посѣщающей нашу губернію на пролетѣ, или случайно залетающей въ нее, хотя мнѣ до сихъ поръ и не приходилось видѣть экземпляра изъ нашего края.

Что касается *авдотки* (Oedicnemus crepitans Temm.), то этотъ видъ, лѣтующій „въ Туркестанскомъ краѣ и южной части Западной Сибири“ (Мензбиръ), вѣроятно, заходитъ и въ южныя части нашей губерніи, хотя прямыхъ указаній на нахожденіе его въ нашей губерніи пока нѣтъ.

Пастушковыя (Alectorides).

Изъ птицъ этой группы на *журавлѣ обыкновенномъ* (Grus grus L.) нечего останавливаться, такъ какъ это рѣшительно всѣмъ извѣстная, широко распространенная во всей губерніи на гнѣздовьѣ птица. Тѣмъ бо́льшаго вниманія заслуживаютъ другіе виды журавлей, также добытые въ предѣлахъ нашей губерніи. Авифауна Сибири и Томской губерніи въ частности заключаетъ много до сихъ поръ мало извѣстныхъ птицъ. Неудивительно, что такая неизвѣстность выпала на долю маленькихъ пернатыхъ, легко ускользающихъ отъ вниманія и неподдающихся наблюденію даже спеціалистовъ-орнитологовъ, обыкновенно съ бо́льшей или меньшей поспѣшностью путешествующихъ по извѣстной мѣстности, или дѣлающихъ наблюденія только проѣздомъ въ другія мѣстности, съ парохода или дорожнаго тарантаса. На долю изученія птицъ Западной Сибири приходились, до открытія Томскаго университета, почти только такія наблюденія. Оказывается, однако, что неизвѣстными или недостаточно выясненными являются области распространенія и такихъ видныхъ представителей птичьяго царства, какихъ содержитъ группа пастушковыхъ, напр. журавлей. *Черный журавль* или *журавль-монахъ* (Grus monachus Temm.) добытъ 21 мая 1893 года В. П. Аникинымъ около села Спасскаго, близъ Томска, въ одномъ экземплярѣ—самцѣ. Нахожденіе въ окрестностяхъ Томска этого журавля такъ интересно, что я позволю себѣ привести здѣсь часть статьи, помѣщенной въ Правительственномъ Вѣстникѣ за 1897 г. въ № 55 авторомъ, къ сожалѣнію, пожелавшемъ остаться неизвѣстнымъ:

„Извѣстны слѣдующія мѣстонахожденія этого вида: Японія, Корея, Уссурійскій край, Манчжурія, восточная часть Монголіи, Даурія и область, прилегающая къ Байкальскому озеру съ юга; вездѣ, кромѣ южной Японіи, онъ извѣстенъ въ качествѣ пролетной птицы; въ южной Японіи онъ, вѣро-

ятно, гнѣздится. Но во всякомъ случаѣ, на основаніи данныхъ, собранныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ журавль-монахъ наблюдался на пролетѣ, не могло быть сомнѣнія, что главная гнѣздовая область его лежитъ въ сѣверной части Восточной Сибири. Поэтому, говоритъ г. Мензбиръ, я вовсе не былъ удивленъ, получивъ экземпляръ этого вида журавля изъ окрестности Якутска, по всей вѣроятности, уже изъ гнѣздовой области. Зато для меня было весьма большою неожиданностью узнать, что 21-го мая 1893 года журавля-монаха добылъ консерваторъ зоологическаго кабинета Томскаго университета, у деревни Спасское, подъ Томскомъ. Послѣдняя треть мая—такое время, когда едва ли можно говорить о случайномъ появленіи пролетной особи. Въ Дауріи журавль-монахъ весною прилетаетъ въ первыхъ числахъ мая; слѣдовательно, убитый подъ Томскомъ самецъ былъ или бродячая птица, или, быть можетъ, даже расположившаяся гдѣ-нибудь по близости на гнѣздовьѣ. Если бродячая, то опять-таки съ большою долей вѣроятія можно сказать, что она залетѣла сюда съ неособенно отдаленныхъ мѣстъ гнѣздовья. Имѣя въ виду, какъ неполны наши свѣдѣнія о распространеніи птицъ въ сѣверныхъ частяхъ, именно центральной Сибири, т. е. въ области нижняго теченія Енисея, Мензбиръ не находитъ невозможнымъ, что журавль-монахъ гнѣздится на западѣ гораздо далѣе, чѣмъ это вообще принято думать. А въ такомъ случаѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что журавль-монахъ отъ времени до времени залетаетъ въ юго-восточную Россію. Свѣдѣнія объ образѣ жизни этой птицы крайне скудны и отрывочны, и наука была бы весьма признательна сибирскимъ охотникамъ за ихъ пополненіе".

Прошло всего четыре года, послѣ того какъ найденъ журавль-монахъ въ нашей губерніи, и передъ нами опять фактъ нахожденія въ нашемъ краѣ вида журавля, область распространенія котораго на гнѣздовьѣ, какъ слѣдовало думать до

сихъ поръ, далеко не касается нашей губерніи. „Въ Азіи *журавль-красавка* (Grus virgo L.), говоритъ проф. Мензбиръ, распространенъ въ южной полосѣ югозападной Сибири къ сѣверу до 46° с. ш., въ Туркестанскомъ краѣ, въ области Байкальскаго озера, къ сѣверу до 53°, въ Дауріи и въ восточной Монголіи съ прилежащими частями сѣверо-западнаго Китая".

Хранящійся въ зоологическомъ музеѣ здѣшняго университета журавль-красавка (самка), добытъ въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1897 г. около Барнаула и, что особенно важно, по сообщенію студента Томскаго университета А. П. Вележанина, препарировавшаго и доставившаго этотъ экземпляръ въ коллекцію университета, ихъ было убито два, самецъ и самка, изъ которыхъ самецъ оказался негоднымъ къ набивкѣ, такъ какъ голова у него была вполнѣ разбита.

То обстоятельство, что этихъ журавлей было два, несомнѣнно говоритъ за то, что эта парочка расположилась въ окрестности Барнаула на гнѣздовьѣ*).

О распространеніи въ нашемъ краѣ *бѣлаго журавля* или *стерха* (Grus leucogeranus Pall.) имѣется нѣсколько указаній. Палласъ, открывшій этотъ видъ, указываетъ его мѣстонахожденіемъ, между прочимъ, барабинскія озера и упоминаетъ нарымское остяцкое названіе этого великолѣпнаго журавля. Изъ позднѣйшихъ наблюдателей только д-ръ Финшъ приводитъ этотъ видъ для нашего края на основаніи одного экземпляра, убитаго охотникомъ въ окрестности Барнаула 10 іюня 1876 г. Этотъ экземпляръ, сообщаетъ Финшъ, первый

*) Не хочу обойти молчаніемъ второй случай нахожденія журавля-красавки въ еще болѣе сѣверныхъ частяхъ нашей губерніи, о которомъ я узналъ лишь по прочтеніи лекціи. З. Яцевичъ, воспитанникъ Томскаго реальнаго училища, сообщаетъ мнѣ, что „лѣтомъ 1897 г. въ началѣ жатвы въ селѣ Дубровинѣ на Оби крестьянами былъ пойманъ запутавшійся въ горохѣ журавль, вполнѣ тождественный съ экземпляромъ журавля-красавки, который демонстрировался при лекціи. Такихъ журавлей было на полѣ нѣсколько, они принадлежали къ одному выводку". *Г. Іог.*

убитый за время долголѣтней охотничьей практики, былъ купленъ имъ для пополненія коллекціи Бременской экспедиціи. Экспедиція сама нигдѣ въ Западной Сибири не встрѣтила этого журавля. Послѣднее извѣстіе о нахожденіи стерха въ Западной Сибири, хотя и не относится къ нашей губерніи, тѣмъ не менѣе можетъ заинтересовать нашихъ охотниковъ и потому я рѣшаюсь привести его. М. Д. Рузскій, изслѣдовавшій фауну южной полосы Тобольской губерніи лѣтомъ 1896 года, пишетъ (18): „На озерѣ Таволжанѣ я наблюдалъ стерховъ (Grus leucogeranus). Я видѣлъ пару этихъ огромныхъ птицъ, державшихся большею частью на противоположной сторонѣ озера (совершенно недоступной, вслѣдствіе обилія камышей, топей и незначительной глубины озера), отчасти же путешествующихъ по самому „зеркалу“ озера, глубина котораго нигдѣ не превышала 1 аршина. Стерхи были необыкновенно сторожки и на выстрѣлъ не подпускали: держались на открытыхъ мѣстахъ, съ которыхъ имъ свободно можно было обозрѣвать окрестности на далекое разстояніе. Вообще же они были мало подвижны и по цѣлымъ часамъ выстаивали на одномъ мѣстѣ или медленно шагали на своихъ длинныхъ ногахъ по топкому берегу озера, время отъ времени наклоняясь и что-то отыскивая въ илѣ и береговой травѣ“.

На остальныхъ пастушковыхъ намъ не надолго придется остановиться. *Стрепетъ* (Otis tetrax L.), вѣроятно, имѣетъ болѣе обширную область распространенія въ нашей губерніи, чѣмъ это до сихъ поръ было принято думать, такъ какъ былъ добытъ и около Томска. Проф. Мензбиръ приводитъ сѣверной границей гнѣздовой области стрепета 54° въ Западной Сибири. *Дрофа* (Otis tarda L.), гнѣздящаяся въ степяхъ юго-западной Сибири, по словамъ проф. Мензбиръ, къ сѣверу до 54°—55° с. ш., заходитъ съ юго-запада въ предѣлы нашей губерніи, но какъ далеко, до сихъ поръ не

выяснено. Очень вѣроятно, что и третій видъ дрофъ, *джекъ* или *вихлякъ* (Otis macqueeni Gray), найденный д-ромъ Финшъ въ окрестностяхъ Алтая, внѣ предѣловъ нашей губерніи, заходитъ въ разсматриваемый край.

Широко распространена въ южной части нашей губерніи *лысуха* (Fulica atra L.). Мнѣ извѣстны экземпляры, добытые на Барабинскихъ озерахъ, близъ Томска и около Боготола. Это крайне оригинальная птица съ краснымъ клювомъ и бѣлой „бляхой“ на лбу.

Только изъ южныхъ частей губерніи извѣстно нахожденіе *водяной курочки* (Gallinula chloropus L.), между тѣмъ какъ *дергачъ* или *коростель* (Crex crex L.) распространенъ повсемѣстно, гдѣ только есть трава; гнѣздится онъ въ болѣе сырыхъ мѣстахъ.

Что касается *погоныша* или *болотной курочки* (Porzana maruetta Leach.), то она, благодаря скрытому образу жизни, попадается весьма рѣдко. Но она несомнѣнно гнѣздящаяся птица нашей губерніи и не разъ была убиваема и подъ Томскомъ.

Кажется, неошибочно будетъ причислить къ птицамъ Томской губерніи *курочку-крошку* (Porzana bailloni Vieill.), широко распространенный видъ, найденный какъ въ Туркестанскомъ краѣ, такъ и въ Дауріи и Уссурійскомъ краѣ (по словамъ проф. Мензбиръ). Если этотъ видъ заходитъ вообще въ предѣлы нашего края, что еще не подтверждается наблюденіями, то, вѣроятно, съ южной стороны.

Куриныя (Gallinae).

Число куриныхъ, извѣстныхъ для нашей губерніи, довольно велико и значительно превышаетъ число живущихъ въ центральныхъ губерніяхъ Европейской Россіи представителей этого порядка. Дѣло въ томъ, что кромѣ *глухаря* (Tetrao urogallus L.), *косача* (Tetrao tetrix L.), *бѣлой куропатки*

(Lagopus albus Gmel.), *рябчика* (Bonasa canescens Spar.) и *перепелки* (Coturnix coturnix L.), широко распространенныхъ въ Европейской и Азіатской Россіи и въ нашей губерніи на гнѣздовьѣ въ частности, въ нашемъ краю, благодаря входящимъ въ его составъ горнымъ странамъ, Алтаю и Кузнецкому Алатау, живутъ еще виды куриныхъ, на которыхъ намъ и придется нѣсколько остановиться. Изъ нихъ самой интересной птицей, безъ всякаго сомнѣнія, должна считаться *алтайская горная индѣйка* или *улярь* (Tetraogallus altaicus Gebler), видъ, свойственный исключительно Алтаю, замѣненный на другихъ центрально-азіатскихъ хребтахъ другими видами, слѣдовательно, характерная для южной части нашей губерніи птица. Это житель самыхъ дикихъ, мало доступныхъ мѣстъ и притомъ только такихъ хребтовъ, гдѣ есть вѣчный снѣгъ. Изученіе образа жизни этой горной птицы было бы весьма желательно, такъ какъ о немъ не имѣется почти никакихъ наблюденій. Нашъ обыкновенный глухарь, еще очень распространенный въ губерніи и иногда очень обыкновенный и въ окрестностяхъ Томска, въ особенности осенью, тождественъ съ европейскимъ и доходитъ въ лѣсахъ Сибири на востокъ до Байкальскаго озера. Въ Восточной Сибири онъ замѣненъ другимъ видомъ (Tetrao urogalloides Midd.), который найденъ и въ южныхъ частяхъ нашей губерніи, на Алтаѣ. Въ сѣверныхъ частяхъ Алтая болѣе распространенъ обыкновенный глухарь. Обитателемъ каменистыхъ розсыпей и зарослей низкорослой березы (Betula nana), покрывающихъ за предѣлами лѣсной растительности алтайскіе хребты, является, въ качествѣ гнѣздящейся птицы, также исключительно горный видъ, *бѣлая горная куропатка* (Lagopus mutus rupestris Gmel.), которая такъ-же какъ и жительница низменной части губерніи, близкая ея родственница, обыкновенная бѣлая куропатка, становится на зиму почти чисто бѣлой.

Что касается обыкновенной или *полярной бѣлой куропатки* (Lagopus albus Gmel.), то о гнѣздованіи ея въ Томской губерніи давно извѣстно. Это же подтверждаетъ имѣющееся въ зоологическомъ музеѣ ея гнѣздо, добытое проф. Н. Ф. Кащенко въ 20 верстахъ къ югу отъ Томска.

Обыкновенная *сѣрая куропатка*, столь распространенная въ Западной Европѣ и Европейской Россіи, не встрѣчается въ нашей губерніи. На Алтаѣ, въ Бійскомъ, Барнаульскомъ и отчасти въ Маріинскомъ округахъ она замѣнена близкимъ подвидомъ (Perdix perdix robusta E. F. v. Hom.), отличающимся отъ западной формы большей величиною и болѣе свѣтлой окраской оперенія. Въ особенности сѣрый цвѣтъ оперенія на шеѣ и затылкѣ болѣе чистъ и почти безъ примѣси коричневыхъ оттѣнковъ. Въ окрестностяхъ Томска эта сибирская сѣрая куропатка не встрѣчается, но предполагается ее акклиматизировать и у насъ. На Алтаѣ же, въ нѣкоторыхъ частяхъ, встрѣчается другой видъ куропатокъ, *бородатая куропатка* (Perdix perdix dauurica Pall.), форма еще болѣе отличающаяся отъ обыкновенной сѣрой куропатки. Бородатую куропатку интересующіеся могутъ ежегодно зимою видѣть на Томскомъ базарѣ у торговцевъ птицей, которымъ она доставляется иногда въ большомъ количествѣ изъ Минусинскаго округа. На Томскомъ базарѣ эта куропатка извѣстна подъ названіемъ „каменнаго рябчика“. Наконецъ, въ предѣлахъ нашей губерніи встрѣчается еще одинъ видъ куропатокъ, распространенный, вѣроятно, въ югозападныхъ частяхъ Алтая, *куропатка каменная* (Perdix chukar Gray), съ краснымъ клювомъ и красными ногами, съ бѣловатымъ горломъ, окруженнымъ чернымъ кольцомъ, идущимъ чрезъ глаза и лобъ. Желательно было бы изслѣдованіе распространенія этого вида въ предѣлахъ нашей губерніи.

Рябки (Pterocletes).

Саджа или *бюлдерюкъ* (Syrrhaptes paradoxus Pall.), эта степная курочка, имѣющая огромное распространеніе въ Мон-

голіи и Киргизскихъ степяхъ, принадлежитъ и къ авифаунѣ нашей губерніи. Какъ мѣстонахожденіе ея, указываются степи югозападной части губерніи; кромѣ того, она найдена въ горныхъ степяхъ южнаго Алтая, гдѣ по верхнему теченію Чуи хорошо извѣстна инородцамъ. Мнѣ передавали, что и около Томска наблюдали этихъ интересныхъ птицъ, вѣроятно лишь случайно залетными.

Изъ всѣхъ азіатскихъ птицъ саджи пріобрѣли наибольшую извѣстность, можно сказать даже популярность, въ Европѣ своими неоднократными нашествіями, которыя происходили въ 1859, 1863 и 1888 годахъ. Наши птицы огромными стаями появились въ Европѣ, на протяженіи почти всего материка, достигая Ирландіи и Италіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ даже приступили къ выводу птенцовъ. О нахожденіи въ предѣлахъ нашей губерніи *чернобрюхаго рябка* (Pterocles arenarius Pall.) у меня имѣется лишь замѣтка гг. Homeyer и Tancré, которые сообщаютъ, что онъ доставлялся имъ коллектировавшимъ для нихъ лицомъ „нерѣдко“; но относится ли это указаніе къ мѣстности, входящей въ предѣлы нашей губерніи, неизвѣстно, а потому я не рѣшаюсь пока причислить этого рябка, широко распространеннаго въ центральной и югозападной Азіи, къ птицамъ нашей фауны.

Голубиныя (Columbae).

Дикими голубями сѣверная и средняя часть нашей губерніи не особенно богата; большая же часть ихъ приходится, какъ мы это видѣли и при обзорѣ куриныхъ, на долю Алтая. До сихъ поръ извѣстны во всей губерніи 6 видовъ, изъ которыхъ только одинъ встрѣчается около Томска. Здѣсь широко распространена *сибирская горлица* (Turtur ferrago Eversm.), отличающаяся отъ европейскаго вида Turtur turtur L., найденнаго, впрочемъ, и на Алтаѣ, тѣмъ, что ея шейный щитокъ состоитъ изъ черныхъ съ голубыми каемками

перышекъ, между тѣмъ какъ у европейскаго вида эти каемки бѣлаго цвѣта. Изслѣдованія М. Д. Рузскаго въ южной полосѣ Тобольской губерніи выяснили западный предѣлъ нашей горлицы и въ то же время и восточную границу европейской. Оказалось, что наша горлица въ Курганскомъ округѣ „попадается очень рѣдко, сталкиваясь тамъ съ европейской“. Третій близкій видъ, *горлица восточная* (Turtur orientalis Lath.), найденъ на Алтаѣ и отличается отъ нашей горлицы болѣе сѣрымъ цвѣтомъ на рулевыхъ и нижнихъ кроющихъ хвоста, вмѣсто бѣлаго.

Кромѣ приведенныхъ горлицъ изъ Алтая, извѣстны въ качествѣ гнѣздящихся тамъ птицъ: *дикій сизый голубь* (Columba livia Briss.), *бурый голубь* (Columba fusca Pall.) и *каменный голубь* (Columba rupestris Pall.). Изъ нихъ только съ послѣднимъ мнѣ пришлось познакомиться во время поѣздки на Алтай въ 1895 году, между прочимъ, въ долинѣ Чолышмана, гдѣ эти птицы, выводившія птенцовъ высоко на карнизахъ почти отвѣсныхъ скалъ, возвышающихся на 600 метровъ надъ Чолышманомъ, стайками штукъ до двадцати спускались внизъ на водопой.

Пластинчатоклювыя (Lamellirostres).

На *лутка* (Mergus albellus L.), этой широко распространенной птицѣ, встрѣчающейся на гнѣздовьѣ по всему протяженію Сибири отъ Урала до Тихаго океана, останавливаться нечего; замѣтимъ лишь, что этотъ видъ крохалей въ Томскѣ считается съѣдобнымъ и весною часто привозится на базаръ. Свѣдѣнія о нахожденіи *крохаля длинноноса* (Mergus serrator L.) въ нашей губерніи крайне скудны; эта кругополярная птица на пролетѣ, вѣроятно, останавливается и въ нашемъ краѣ. Что касается *крохаля большого* (Mergus merganser L.), то это гнѣздящаяся птица большей части Сибири и широко распространена и у насъ.

Савка синеносая (Erismatura leucocephala Scop.) приводится для нашей губерніи Палласомъ какъ видъ, широко распространенный на Барабинскихъ озерахъ; другихъ указаній на нахожденіе этого южнаго вида въ предѣлахъ нашего края не имѣю. Пролетная, а можетъ быть и гнѣздящаяся птица нашей губерніи, *синьга* (Fuligula nigra Briss.), широко распространена на сѣверѣ Европы и Азіи. *Турпанъ* (Fuligula fusca L.), вѣроятно, не только пролетная, но и выводящая птенцовъ въ Томской губерніи птица. *Гоголь* (Fuligula clangula L.) и *нырокъ бѣлоглазый* (Fuligula nyroca Güld.), широко распространенныя и всѣмъ извѣстныя, гнѣздящіяся у насъ, птицы. *Чернеть хохлатая* (Fuligula cristata Leach.) гнѣздится у насъ, между тѣмъ какъ *чернеть морская* (Fuligula marila L.), вѣроятно, лишь на пролетѣ посѣщаетъ нашу губернію. Университетская коллекція, впрочемъ, имѣетъ экземпляры этого вида съ Барабинскихъ озеръ, добытые въ концѣ іюля 1891 года. *Нырокъ красноголовый* (Fuligula ferina L.) гнѣздится въ нашей губерніи.

Настоящія утки всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны и я ограничусь приведеніемъ однихъ только названій найденныхъ въ нашей губерніи видовъ: *сокунь* (Anas clypeata Briss), *чирокъ-трескунокъ* (Anas circia L.), *чирокъ-свистунокъ* (Anas crecca L), *сѣрая утка* (Anas strepera L.), *кряква* (Anas boschas L.), *шилохвость* (Anas acuta L.) и *свіязь* (Anas penelope L.). Всѣ эти виды встрѣчаются, какъ гнѣздящіеся, въ громадномъ количествѣ.

Атайка (Tadorna cornuta Gmel.), широко распространенная на соленыхъ, носящихъ реликтовый характеръ, озерахъ Арало-Каспійской области, заходитъ въ предѣлы нашей губерніи съ запада, гдѣ извѣстна уже со временъ Палласа, какъ гнѣздящійся на Барабинскихъ озерахъ видъ. Другой видъ пѣганокъ, *утка красная* или *варнавка*, какъ ее зовутъ въ Западной Сибири (Tadorna rutila Pall.), заходитъ

только въ южную часть нашей губерніи, гдѣ почти повсюду на Алтаѣ является обыкновенной, гнѣздящейся птицей.

Изъ лебедей въ нашей губерніи все еще довольно распространенъ *лебедь кликунъ* (Cygnus musicus Bechst.), для котораго обширныя водныя пространства Оби съ множествомъ протокъ, рукавовъ и озеръ, доставляютъ удобныя для гнѣздовья мѣста. Что касается *лебедя малаго* (Cygnus bewicki Yarr.), гнѣздящагося на глубокомъ сѣверѣ европейско-азіатскаго материка, то онъ посѣщаетъ нашу губернію лишь на пролетѣ. О немъ имѣются лишь очень скудныя указанія, между тѣмъ какъ шкурки кликуна ежегодно скупаются въ Томскѣ въ довольно большомъ количествѣ для отправленія въ Европейскую Россію.

Что касается гусей, то изъ нихъ большинство лишь на пролетѣ посѣщаетъ нашу губернію, и не относительно всѣхъ сдѣланы наблюденія. Къ пролетнымъ принадлежатъ: *гусь бѣлый* (Anser hyperboreus Pall.), птица крайняго сѣвера, *казарка черная* (Anser brenta Briss.), *казарка краснозобая* (Anser ruficollis Pall.), *казарка бѣлолобая* (Anser albifrons Scop.).

Что касается *гуменника* (Anser segetum Gm.), то онъ, вѣроятно, не только на пролетѣ посѣщаетъ нашу губернію, но, можетъ быть, даже и гнѣздится на сѣверѣ нашего края. *Гуменникъ восточный* (Anser middendorffi Sev.), замѣняющій обыкновеннаго гуменника въ Восточной Сибири, на пролетѣ въ Туркестанъ, вѣроятно, проносится надъ нашей губерніей и отдыхаетъ въ ней.

Несомнѣнно гнѣздится въ нашей губерніи *гусь сѣрый* или *дикій* (Anser cinereus Meyer), который нѣсколько крупнѣе европейскаго и нѣкоторыми орнитологами разсматривается какъ особый подвидъ. У Палласа имѣется, наконецъ, указаніе на нахожденіе на Телецкомъ озерѣ и на притокахъ Оби, берущихъ начало на Алтаѣ, напр. на Чарышѣ, послѣдняго изъ

гусей, которыхъ я могу привести для нашей губерніи, *китайскаго* (Anser cygnoides Pall.). Крайне жалательно, чтобы лица, которымъ приходится убивать пролетныхъ гусей, доставляли ихъ для опредѣленія, такъ какъ свѣдѣнія наши о томскихъ гусяхъ, въ особенности пролетныхъ, весьма скудны.

Цаплевыя (Herodiones).

Колпица (Platalea leucorodia L.) уже со временъ Палласа приводится для Барабинскихъ озеръ. Встрѣчается ли она еще и теперь тамъ, мнѣ неизвѣстно. Наблюдателей эта птица поражаетъ тѣмъ, что не издаетъ никакихъ звуковъ, кромѣ щелканія клювомъ. *Бѣлый аистъ* (Ciconia alba L.) совершенно не наблюдался въ нашемъ краѣ. Нѣсколько близкихъ видовъ встрѣчаются въ самыхъ южныхъ частяхъ Западной Сибири и на Амурѣ. Зато *черный аистъ* (Ciconia nigra L.) гнѣздящаяся птица нашей губерніи. Его убивали и подъ Томскомъ. Отъ бѣлаго аиста этотъ видъ отличается тѣмъ, что избѣгаетъ близости человѣческаго жилья, ведетъ себя осторожно и гнѣздится въ уединенныхъ, сырыхъ мѣстахъ. Звуковыя средства этого вида ограничиваются щелканіемъ клювомъ.

Стоячія воды, окруженныя тростникомъ и камышомъ, служатъ мѣстопребываніемъ широкораспространеннаго въ нашей губерніи вида, очень оригинальной и ведущей скрытый образъ жизни птицы, потому и мало извѣстной. Это *выпь* (Botaurus stellaris L.), принадлежащая по образу жизни къ ночнымъ птицамъ. Днемъ, если въ болотѣ и находится выпь, ее трудно замѣтить, благодаря покровительствующей бурой окраскѣ и позѣ, которую она занимаетъ, сидя или стоя среди камыша и держа вертикально шею и голову. Въ отличіе отъ другихъ цаплевыхъ, этотъ видъ, по крайней мѣрѣ самецъ, весною издаетъ громкіе ревообразные звуки, слышные на далекое разстояніе.

Изъ настоящихъ цаплей только одинъ видъ, *цапля сѣрая* (Ardea cinerea Briss.), встрѣчается въ качествѣ гнѣздящейся птицы въ нашей губерніи по берегамъ рѣкъ, озеръ и въ болотахъ. По словамъ проф. Мензбира, она въ Западной Сибири „поднимается до 55°—56° с. ш.“ Возможно, что тщательныя орнитологическія изслѣдованія обнаружатъ въ нашей губерніи присутствіе и другихъ цаплевыхъ.

Пеликановыя (Steganopodes).

Отрядъ пеликановыхъ заключаетъ вообще очень мало птицъ, а для разсматриваемой нами мѣстности имѣются въ моемъ распоряженіи лишь свѣдѣнія о двухъ видахъ. *Пеликанъ кудрявый* (Pelecanus crispus Bruch.) или *птица-баба* приводится Палласомъ для Барабинскихъ озеръ. Въ началѣ мая 1894 г., какъ мнѣ сообщали, птица-баба была убита подъ Томскомъ, но экземпляра мнѣ не пришлось видѣть. Бо́льшимъ распространеніемъ въ нашей губерніи отличается *бакланъ большой* (Phalacrocorax carbo L.), вообще широко распространенный въ южной Сибири и найденный какъ на Алтаѣ въ разныхъ мѣстахъ, такъ и разъ около Томска.

ЛИТЕРАТУРА.

1) P. Pallas. Zoographia rosso-asiatica. Petropoli MDCCCXI.

2) F. Gebler. Uebersicht des Katunischen Gebirges, der höchsten Spitze des russischen Altai. Memoir. Kaiserl. Akad. Wiss. T. III. St. Petersb. 1837.

3) P. de Tchihatcheff. Voyage scientifique dans l'Altai oriental. Paris 1845, p. 419. F. Brandt. Considérations sur les animaux vertébrés de la Sibérie occidentale.

4) G. Radde. Reisen im Süden von Ost-Sibirien. St.Petersburg. 1863.

5) *А. Миддендорфъ.* Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Отдѣлъ V. Сибирская фауна. С.-Петербургъ 1869, 1877 г.

6) O. Finsch. Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. Wissenschaftliche Ergebnisse. Verhandl. Zool. bot. Gesellsch. Wien 1879.

7) E. F. v. Homeyer und C. A. Tancré. Beiträge zur Kenntniss der Ornithologie West-Sibiriens, namentlich der Altai-Gegend. Mitteilungen des Ornith. Vereines in Wien 1883.

8) *Н. А. Зарудный.* Орнитологическая фауна Оренбургскаго края. Приложеніе къ LVII-му тому Записокъ Императ. Академіи наукъ, № 1. С.-Петербургъ. 1888.

9) *Ѳ. Д. Плеске.* Ornithographia rossica. С.-Петербургъ 1891 г.

10) I. A. Dwigubsky. Primitiae Faunae Mosquensis. Изданіе второе. Москва. 1892 г.

11) *П. П. Сушкинъ.* Птицы Тульской губерніи. Москва. 1892 г.

12) *М. Рузскій.* Матеріалы къ изученію птицъ Казанской губерніи. Труды общ. естествоиспыт. при Имп. Казанск. Унив. Т. XXV. Казань. 1893 г.

13) Th. Lorenz. Die Vögel des Moskauer Gouvernements. Moskau. 1894.

14) *М. А. Мензбиръ.* Птицы Россіи. Москва. 1895 г.

15) *Н. Кащенко.* Гнѣзда орлановъ-бѣлохвостовъ на р. Оби. Естествознаніе и географія, № 9 и 10. 1896 г.

16) N. v. Ssomow. Das erste Vorkommen von Turdus swainsoni Cab. in Russland. Ornith. Jahrb. 1896.

17) *В. П. Аникинъ.* О полезныхъ и вредныхъ сибирскихъ животныхъ. Томскъ. 1896 г.

18) *М. Рузскій.* Краткій фаунистическій очеркъ южной полосы Тобольской губерніи. Тобольскъ. 1897 г.

19) Naumann. Naturgeschichte der Vögel Mittel-Europa's. Томъ II и VI. Второе изданіе.

20) W. Schlüter. Systematisches Verzeichnis der Europäisch-Sibirischen Vögel mit Einschluss der mediterranen Formen. Halle a. S. 1897.

21) H. Iohansen. Ornithologische Beobachtungen in Tomsk während des Jahres 1894. Ornithol. Jahrb. 1895.

22) Его-же. Ornithologische Beobachtungen in Tomsk. Ornithol. Jahrb. 1896.

23) Его-же. Aus dem Altai. Ornith. Jahrb. 1897.

24) Его-же. Ornithologische Beobachtungen in Tomsk während des Jahres 1896. Ornithol. Jahrb. 1897.

ОТДЕЛ СОЮЗ

Тайга съ естественно-исторической точки зрѣнія.

П. Н. Крылова.

Въ Сибири очень часто приходится слышать слово *тайга* и нѣкоторыя производныя отъ него, напр. *таежный*, *подтаежный*, *таежка* и др. Въ Европейской-же Россіи это слово почти не употребляется и мѣстному населенію не извѣстно. Поэтому можно думать, что имъ опредѣляется или нѣчто такое, что свойственно только Сибири, или-же что самое слово мѣстнаго, сибирскаго и, притомъ, не русскаго происхожденія. Послѣднее предположеніе сразу кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ корень этого слова въ очень многихъ мѣстныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ географическихъ пунктовъ южной Сибири и средней Азіи, какъ напр. Ал-*тай*, Тарбага-*тай*, Ала-*тау*, Алтын-*тагъ*, Яман-*тагъ*, Кокъ-*тасъ* и др. Все это названія горъ, хребтовъ, отдѣльныхъ горныхъ вершинъ или сопокъ, иногда холмовъ. Нерѣдко и цѣликомъ слово *тайга* входитъ въ составъ собственныхъ именъ нѣкоторыхъ горныхъ хребтовъ, напр. Ергикъ-таргакъ-*тайга*, Улу-*тайга*, Томатъ-*тайга*, Отыгъ-*тайга* и проч. Изъ этого можно придти къ заключенію, что подъ словомъ *тайга* подразумѣваются вообще горы.

Такъ какъ въ степяхъ и пустыняхъ средней Азіи, гдѣ особенно часто корень *та* слышится въ собственныхъ названіяхъ горъ, лѣса, въ особенности хвойные, отсутствуютъ въ равнинахъ и пріурочиваются исключительно лишь горамъ на

© ГПНТБ СО РАН

извѣстной высотѣ, то съ понятіемъ о горахъ въ словѣ тайга связывается, повидимому, представленіе и о покрывающихъ ихъ лѣсахъ. Хотя, съ другой стороны, въ сѣверной гористой окраинѣ Монголіи, какъ это мнѣ лично приходилось слышать, тайгой коренные обитатели тѣхъ мѣстъ, урянхайцы, называютъ именно болѣе высокіе хребты, у которыхъ вершины являются безлѣсными; низменныя-же равнины, покрытыя сплошными хвойными лѣсами, они называли мнѣ степью.

Поэтому является несовсѣмъ понятнымъ, почему русскіе пріурочили названіе *тайга* исключительно къ лѣсу и не воспользовались для этой цѣли другимъ болѣе подходящимъ инородческимъ словомъ, напр. татарскимъ названіемъ лѣса—*урманъ*. Это слово хотя и употребляется русскими въ западной части Томской губерніи, а также мѣстами и въ Тобольской, но широкаго распространенія не получило; между тѣмъ, слово *тайга* слышится по всей Сибири и очень охотно принимается всякимъ вновь сюда прибывающимъ.

Какъ-бы то ни было, но русскіе обитатели Сибири тайгой называютъ лѣса, все равно, расположены-ли они на горахъ, или-же на равнинахъ, и, притомъ, связываютъ съ этимъ словомъ понятіе о лѣсахъ дремучихъ, трудно проходимыхъ, дикаго, угрюмаго характера, какими и являются, именно, лѣса хвойные. Слѣдовательно, моя задача въ настоящее время состоитъ въ ознакомленіи своихъ слушателей съ такими лѣсами.

Въ прошлой своей лекціи—о растительномъ населеніи Томской губерніи—я уже касался этого вопроса и обрисовалъ въ общихъ чертахъ характеръ этихъ лѣсовъ и ихъ распредѣленіе по площади губерніи. Тогда мной было указано, что хвойные лѣса можно подраздѣлить на три группы, изъ которыхъ двѣ отличаются значительнымъ постоянствомъ своего состава, т. е. постояннымъ присутствіемъ въ нихъ опредѣленныхъ какъ древесныхъ, такъ и кустарныхъ и травянистыхъ

растеній, почему ихъ и можно принять за растительныя формаціи или за такія группы, которыя вполнѣ подходятъ къ понятію о соціальныхъ единицахъ, т. е. достаточно рѣзко очерченныхъ растительныхъ общинахъ, члены которыхъ находятся между собой какъ-бы въ равновѣсіи, чѣмъ и обусловливается указанное постоянство ихъ состава. Къ такимъ рѣзко очерченнымъ растительнымъ ассоціаціямъ принадлежатъ пихтово-еловые лѣса и сосновые бора. Третью-же группу, именно лиственничные лѣса, состоящіе изъ хвойнаго дерева—лиственницы, уже нельзя причислить къ этой рубрикѣ, такъ какъ въ нихъ не замѣчается такой опредѣленности въ составѣ растительности, живущей совмѣстно съ лиственницей, да и вообще не извѣстно до сихъ поръ ни одного растенія, которое обитало-бы исключительно только въ сообществѣ съ этимъ деревомъ и нигдѣ среди другихъ ассоціацій.

Означенныя двѣ формаціи довольно рѣзко отличаются одна отъ другой съ внѣшней, физіономической, стороны: пихтово-еловые лѣса имѣютъ своеобразный угрюмый характеръ; вслѣдствіе значительной густоты, въ нихъ царствуетъ полумракъ, благопріятствующій развитію мховъ, одѣвающихъ толстымъ слоемъ не только влажную почву, но и гніющіе пни и валежины, а также и основаніе живыхъ древесныхъ стволовъ. На корѣ послѣднихъ лѣпятся многочисленные лишайники, а съ вѣтвей спускаются длинныя сѣдыя пряди такъ называемой кухты или бородатаго лишая. По моховому ковру разсѣяны немногочисленныя мелкія кустарныя и травянистыя растенія съ блѣдно-окрашенными, чаще бѣлыми, мелкими цвѣтами и нерѣдко кожистыми зимующими листьями.

Безмолвіе этой угрюмой тайги рѣдко нарушается звуками, издаваемыми обитающими въ ней животными. Не слышно здѣсь птичьяго пѣнія, а лишь слабый писк рябчика и бурундука, щелканье бѣлки, да изрѣдка рѣзкіе крики кедровки и дятла. Иногда присоединяется къ этому трескъ вѣт-

вей подъ тяжелыми шагами царя тайги—медвѣдя. Существованіе этихъ и другихъ, свойственныхъ тайгѣ, животныхъ обитателей такъ тѣсно связано съ ней, что невольно хочется принять и ихъ также въ число сочленовъ разсматриваемой ассоціаціи.

Сосновые бора не представляютъ такой густоты въ расположеніи вѣтвей и хвои, почему являются болѣе свѣтлыми, имѣютъ, такъ сказать, болѣе веселый характеръ. Песчаная почва, на которой обыкновенно располагается эта формація, одѣта не мхами, какъ въ пихтово-еловыхъ лѣсахъ, а ковромъ изъ лишайниковъ, имѣющихъ по большей части видъ плотныхъ сѣроватыхъ кустиковъ, жесткихъ и хрустящихъ подъ ногами въ сухую погоду, и мягкихъ и пышныхъ, какъ подушки,—во влажную. Коверъ этотъ, среди котораго селятся остальные представители этой ассоціаціи, къ концу лѣта украшается многочисленными разноцвѣтными шляпками разныхъ грибовъ.

Несмотря на такой контрастъ въ физіономіи этихъ обѣихъ формацій, онѣ представляютъ нѣкоторыя довольно глубокія общія черты какъ въ своемъ составѣ, такъ и по нѣкоторымъ одинаковымъ особенностямъ своихъ сочленовъ. Тѣ-же общія черты проявляются еще въ третьей ассоціаціи, тѣсно связанной съ этими своимъ постояннымъ нахожденіемъ исключительно лишь въ области ихъ распространенія. Это—формація торфяно-болотной растительности. Она принадлежитъ къ болотному типу и характеризуется сплошнымъ развитіемъ ковра изъ особаго, такъ называемаго торфянаго, мха (Sphagnum), бѣловатаго цвѣта, образующаго вмѣстѣ съ торфомъ, происшедшимъ отъ перегниванія нижнихъ, отжившихъ его частей, зыбкую почву, на которой и разсѣяны члены этой формаціи.

Эта общность внутренняго, такъ сказать, характера рѣзко выдѣляетъ разсматриваемыя три формаціи изъ ряда остальныхъ растительныхъ ассоціацій нашей страны и даетъ право

соединить ихъ въ болѣе сложную, высшаго порядка, соціальную группу, которой можно придать названіе *фаціи хвойнаго лѣса*.

Чтобы не быть голословнымъ, я постараюсь выяснить всѣ эти общія черты, сближающія упомянутыя формаціи. Это дастъ намъ возможность, кромѣ того, болѣе полно оцѣнить значеніе фаціи хвойнаго лѣса, а, слѣдовательно, и тайги, въ общемъ растительномъ покровѣ страны. Для этого необходимо, конечно, узнать поточнѣе составъ каждой изъ упомянутыхъ трехъ формацій и ознакомиться поближе съ ихъ представителями. Рѣшеніе первой задачи является дѣломъ не такъ-то легкимъ, какъ это могло-бы показаться съ перваго раза. Для этого недостаточно еще опредѣлить всѣ виды растеній, которые мы нашли-бы въ районѣ, занятомъ этими формаціями, надо еще отличить и выдѣлить изъ нихъ тѣ, которые являются случайнымъ, пришлымъ, элементомъ въ этой фаціи, какъ-бы временными гостями, забредшими сюда изъ другихъ, обитающихъ по сосѣдству ассоціацій. Слѣдовательно, надо знать составъ и этихъ послѣднихъ. Дѣло нѣсколько облегчается, если мы для изученія будемъ выбирать формаціи по возможности въ чистомъ, неизмѣненномъ (отъ такихъ причинъ, какъ напр. порубки, лѣсные пожары и проч.) видѣ и притомъ прослѣдимъ ихъ составъ на возможно обширной площади. Лишь послѣ критическаго отношенія ко всѣмъ встрѣченнымъ формамъ и по отдѣленіи отъ нихъ всѣхъ тѣхъ, которыя являются свойственными другимъ ассоціаціямъ, мы будемъ имѣть дѣло съ типичными представителями,—дѣйствительными, такъ сказать, членами разсматриваемыхъ ассоціацій. Ихъ оказывается не особенно много—менѣе сотни видовъ*).

*) Типичные представители фаціи хвойнаго лѣса:

Drosera rotundifolia L.
D. intermedia Hayne.
D. longifolia L.
Stellaria Bungeana Fenzl.
St. longifolia Mühl.
Cerastium pilosum Ledb.

Группируя эти виды по степени ихъ родства, т. е. по естественной системѣ, мы увидимъ, что на долю выше организованныхъ, двудольныхъ, растеній приходится меньшая часть —всего 44%, и изъ этого количества бо́льшая половина принадлежитъ семейству вересковыхъ растеній и родственныхъ имъ грушанковыхъ и брусничныхъ. Остальные-же 56% падаютъ на однодольныя растенія, главнымъ образомъ на семейства орхидныхъ и осоковыхъ (33%), на голосѣмянныя или хвойныя (7%) и высшія споровыя (16%), именно папоротники, плауны и хвощи.

По формаціямъ эти растенія распредѣляются слѣдующимъ образомъ: бо́льшая часть ихъ приходится на долю формаціи торфяного болота, именно 43%, на формацію пихтово-елова-

Oxalis Acetosella L.
Rubus humulifolius C. A. Mey.
R. Chamaemorus L.
Circaea alpina L.
Linnaea borealis L.
Arctostaphylos Uva ursi Spreng.
Andromeda polifolia L.
Cassandra calyculata Don
Ledum palustre L.
Calluna vulgaris Salisb.
Vaccinium Vitis idaea L.
V. Myrtillus L.
V. uliginosum L.
Oxycoccus palustris Pers.
Pyrola rotundifolia L.
P. minor L.
P. media Swartz.
P. chlorantha Swartz.
P. secunda L.
P. umbellata Nutt.
Moneses grandiflora Salisb.
Hypopitis multiflora Scop.
Empetrum nigrum L.
Utricularia minor L.
U. intermedia Hayne.
Salix myrtilloides L.
S. lapponum L.
Corallorhiza innata R. Br.
Listera cordata R. Br.
Spiranthes australis Lindl.
Goodiera repens R. Br.
Epipogum Gmelini Rich.
Calypso borealis Salisb.
Malaxis paludosa Swartz.
Microstylis monophyllos Lindl.
Luzula pilosa Willd.
Scheuchzeria palustris L.
Eriophorum vaginatum L.
E. angustifolium Roth.
E. gracile Koch.
E. latifolium Hoppe.
Carex pauciflora Lightf.
C. chordorhiza L.
C. capitata L.
C. globularis L.
C. limosa L.
C. irrigua Smith.
C. filiformis L.
Abies sibirica Ledb.
Picea obovata Ledb.
P. excelsa Link.
Pinus sylvestris L.
P. Cembra L.
Iuniperus communis L.
Equisetum hiemale L.
Lycopodium clavatum L.
L. complanatum L.
L. annotinum L.
L. Selago L.
Polystichum cristatum Roth.
Polypodium Dryopteris L.
P. Phaegopteris L.
Polystichum spinulosum DC. и нѣк. др.

го лѣса—37% и всего менѣе на сосновый боръ, а именно 20%. Упомянутая связь между этими формаціями высказывается, главнымъ образомъ, въ томъ обстоятельствѣ, что представители ихъ суть формы близкія между собой, родственныя, т. е. принадлежащія видамъ одного и того-же рода или семейства. Такъ напр., изъ рода грушанокъ два вида, именно грушанка зонтичная и зеленоцвѣтная (Pyrola umbellata (см. табл. I, рис. 2), P. chlorantha), особенно типичны для формаціи соснового бора, а остальные виды свойственны формаціи пихтово-елоaго лѣса. Изъ брусничниковъ клюква (Oxycoccus palustris—табл. II, рис. 3) и голубика (Vaccinium uliginosum) принадлежатъ торфяному болоту, а брусника и черника (Vaccinium Vitis idaea—табл. II, рис. 1, V. Myrtillus)—другимъ формаціямъ. Изъ семейства вересковыхъ богульникъ (Ledum palustre—табл. III, рис. 3), андромеда (Andromeda polifolia—табл. III, рис. 1) и кассандра (Cassandra calyculata—табл. III, рис. 2) —члены торфяно-болотной формаціи, а толокнянка (Arctostaphylos Uva ursi—табл. II, рис. 2) и вересъ (Calluna vulgaris—табл. III, рис. 4)—формаціи соснового бора и т. д. То-же наблюдается и въ нѣкот. др. семействахъ.

Этимъ родствомъ между членами упомянутыхъ ассоціацій выражается какъ-бы родство и между самими формаціями. Помимо того, близость ихъ высказывается и въ томъ явленіи, что представители одной формаціи охотно принимаются и среди другихъ. Грушанка однобочная, круглолистная и малая (Pyrola secunda, rotundifolia—табл. I, рис. 1, minor), свойственныя пихтово-еловымъ лѣсамъ—нерѣдкіе гости и въ сосновыхъ борахъ, а грушанка одноцвѣтная (Moneses grandiflora)—на торфяныхъ болотахъ. Типичный для торфяного болота багульникъ охотно поселяется и на сухихъ почвахъ соснового бора и пихтово-елоaго лѣса. Сама сосна, тщательно избирающая для своего поселенія легкія песчанистыя почвы, не брезгуетъ очень сырой и совсѣмъ иной, по своему характеру, почвой торфя-

ныхъ болотъ. Сосна живетъ тамъ повидимому очень охотно, по крайней мѣрѣ весьма часто встрѣчается, хотя это и не проходитъ безслѣдно для ея здоровья: она дѣлается приземистой, тугорослой и коряжистой.

Наконецъ, общность всѣхъ этихъ ассоціацій выражается еще въ одномъ очень любопытномъ явленіи,—именно въ присутствіи среди членовъ каждой изъ нихъ такъ называемыхъ вѣчно-зеленыхъ формъ, т. е. растеній, которыя не сбрасываютъ на зиму своихъ листьевъ, отличающихся довольно плотной кожистой консистенціей, а сохраняютъ ихъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Этотъ фактъ представляется замѣчательнымъ еще и въ томъ отношеніи, что такія формы совершенно отсутствуютъ въ другихъ ассоціаціяхъ какъ лѣсной, такъ и степной области нашей страны, слѣдовательно, являются рѣзкой особенностью всей фаціи хвойнаго лѣса.

Вмѣстѣ съ стоящими во главѣ ассоціацій хвойными породами, этихъ вѣчно-зеленыхъ растеній насчитывается относительно довольно много, именно около 30% всѣхъ членовъ фаціи (см. таблицы рисунковъ).

Эти вѣчно-зеленыя растенія очень интересны еще и въ томъ отношеніи, что присутствіе ихъ въ суровомъ климатѣ нашихъ странъ есть явленіе не вполнѣ нормальное. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему постоянная листва растеніямъ, обитающимъ въ странѣ съ такимъ періодическимъ климатомъ, гдѣ растительные процессы могутъ происходить въ теченіи лишь какихъ нибудь 5 мѣсяцевъ, а то и менѣе. Въ остальное-же время года эта листва не только должна оставаться бездѣятельной, но, сверхъ того, сильно увеличивая поверхность растенія, соприкасающуюся съ воздушной средой, она еще ставитъ его въ суровое зимнее время въ особенно неблагопріятныя условія.

Постоянная листва является цѣлесообразной лишь въ климатахъ болѣе ровныхъ, гдѣ температура или совсѣмъ не спускается ниже 0°, или-же понижается за этотъ предѣлъ

мало и притомъ на короткій срокъ, именно въ странахъ болѣе умѣренныхъ и теплыхъ, гдѣ отъ листвы требуется дѣятельная работа въ теченіи большей части года. Тамъ, дѣйствительно, и наблюдается преобладаніе вѣчно-зеленыхъ формъ. Словомъ, существованіе постоянной листвы у растеній есть результатъ воздѣйствія именно такого болѣе ровнаго и теплаго климата, а потому предполагать возможность выработки ея въ холодныхъ странахъ будетъ во всякомъ случаѣ не логично.

И въ самомъ дѣлѣ, можно привести нѣкоторыя данныя, указывающія скорѣе на то, что въ этихъ поясахъ происходитъ другой, совершенно обратный процессъ, именно превращеніе вѣчно-зеленыхъ постоянныхъ листьевъ—въ ежегодно опадающіе, т. е. однолѣтніе.

Изъ семейства уже знакомыхъ намъ грушанокъ, свойственныхъ фаціи хвойнаго лѣса, только одинъ видъ, именно грушанка зонтичная, безъ всякаго колебанія можетъ быть отнесена къ вѣчно-зеленымъ растеніямъ, такъ какъ постоянство листвы выражено у ней очень рѣзко: пластинка листьевъ, очень толстая, плотная, способна перезимовывать и сохраняться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безъ всякаго поврежденія. Про другіе-же виды грушанокъ этого сказать нельзя. У грушанокъ круглолистной, малой и нѣк. др. листья уже не имѣютъ такой плотной консистенціи и хотя перезимовываютъ, но повреждаются отъ мороза, покрываются черными пятнами и въ такомъ видѣ хотя и держатся въ теченіи слѣдующаго лѣта, но уже плохо могутъ выполнять лежащую на нихъ функцію, почему растенія и выгоняютъ ежегодно значительное количество новыхъ листьевъ. У грушанки однобочной консистенція листьевъ еще нѣжнѣе и переходъ ихъ въ однолѣтніе выраженъ еще рѣзче.

Толокнянка обыкновенная (Arctostaphylos Uva ursi--табл. II, рис. 2), членъ формаціи сосноваго бора,--растеніе вполнѣ вѣчно-зеленое. Другой-же видъ этого рода, толокнянка альпійская (Arcto-

staphylos alpina), обитающій въ арктической и альпійской областяхъ, уже выгоняетъ ежегодно новые листья, такъ какъ прежніе хотя и не опадаютъ, но погибаютъ отъ мороза и остаются на стебляхъ въ теченіи слѣдующаго лѣта совершенно посохшими.

Изъ семейства брусничныхъ только два вида, именно обыкновенная брусника и клюква, являются вѣчно-зелеными; близкіе-же родственники ихъ, голубика и черника, имѣютъ вполнѣ однолѣтнюю листву, которая совершенно сваливается съ вѣточекъ еще неподздней осенью. Если принять во вниманіе предыдущіе примѣры, даваемые грушанками и толокнянками, то можно придти къ заключенію, что голубика и черника, имѣвшія первоначально постоянную листву, приспособляясь къ холодному періодическому климату, превратили ее уже вполнѣ въ болѣе соотвѣтствующую—однолѣтнюю.

Интересный примѣръ даетъ въ данномъ случаѣ также одинъ видъ рододендрона, который хотя и не принадлежитъ къ числу постоянныхъ обитателей фаціи хвойнаго лѣса, но встрѣчается очень часто въ горныхъ лѣсахъ южной Сибири. Это, именно, даурскій рододендронъ (Rhododendron dahuricum). Изъ этого рода по горамъ Сибири и Европы встрѣчается 8 видовъ, изъ которыхъ 7 вѣчно-зеленые и лишь даурскій имѣетъ отчасти однолѣтнюю листву. Это неполное превращеніе выразилось въ данномъ случаѣ такимъ образомъ, что видъ раздѣлился на два подвида или разновидности, разошелся въ своихъ признакахъ: одинъ изъ подвидовъ, который Декандолемъ былъ названъ вѣчно-зеленымъ (Rh. dahuricum L. α. sempervirens DC.), сохранилъ до сихъ поръ постоянную листву; другой-же совершенно измѣнилъ ее на однолѣтнюю. Первый подвидъ является довольно рѣдкимъ, свойственнымъ преимущественно степнымъ горамъ болѣе южныхъ частей Сибири, также и сѣверной Монголіи. Второй-же является весьма распространеннымъ въ Сибири, начиная съ Томской губерніи (есть даже и въ окрестностяхъ Томска) до Великаго океана, притомъ въ очень разнообразныхъ мѣстообитаніяхъ: на каменистой почвѣ горъ какъ въ альпійской, такъ и въ степной областяхъ, а въ лѣсной области—по хвойнымъ лѣсамъ и даже на торфяныхъ болотахъ. Отъ всѣхъ остальныхъ вѣчно-зеленыхъ сибирскихъ рододендроновъ, имѣющихъ видъ небольшихъ низкорослыхъ кустиковъ, эта форма отличается болѣе роскошнымъ развитіемъ; она достигаетъ величины большого куста, иногда даже деревца до 3 саженъ высоты и трехъ вершковъ въ поперечникѣ ствола. Невольно приходишь къ мысли, что такое относительно роскошное развитіе и обширное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обильное, распространеніе этой формы находится въ прямой зависимости отъ приспособленности ея къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, выразившейся въ упомянутой замѣнѣ постоянной листвы однолѣтнею.

Наконецъ, примѣръ обмѣна вѣчно-зеленой листвы на опадающую мы находимъ даже и между хвойными деревьями, именно у лиственницы. Весьма поучительно то обстоятельство, что именно лиственница изъ всѣхъ хвойныхъ породъ является наиболѣе выносливымъ деревомъ по отношенію къ климатическимъ крайностямъ: она идетъ далѣе всѣхъ на сѣверъ, образуя полярный предѣлъ лѣсной области; на югѣ также оставляетъ за собой всѣ прочія наши хвойныя деревья и проникаетъ далеко въ Монголію. Я находилъ ее среди безплодныхъ пустынь около озера Убса, гдѣ лѣсокъ изъ нея, пріютившійся на влажной почвѣ, составлялъ рѣзкій контрастъ съ совершенно голой, раскаленной солнцемъ пустыней.

Эти данныя должны, мнѣ кажется, привести насъ къ тому заключенію, что всѣ вѣчно-зеленыя растенія, столь характерныя для фаціи хвойнаго лѣса, а также и всѣ родственныя имъ формы, отчасти или уже совсѣмъ обмѣнившія постоянную листву на опадающую, не могутъ считаться произведеніемъ нашихъ странъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую эпоху, ко-

гда въ нихъ царствуетъ холодный, суровый климатъ. Эти формы должны были или образоваться въ другихъ, болѣе благословенныхъ странахъ, или-же, если и могли произойти въ области теперешняго ихъ распространенія, то во всякомъ случаѣ лишь при условіяхъ иного климата, господствовавшаго здѣсь въ болѣе отдаленныя времена.

Чтобы сколько нибудь разобраться въ этомъ вопросѣ, мы не можемъ обойтись безъ того, чтобы не поискать, къ какимъ центрамъ тяготѣютъ въ настоящее время эти растенія; не можемъ не заглянуть также и въ геологическія лѣтописи. Ограничиваясь, по недостатку времени, лишь общимъ обзоромъ интересующихъ насъ растительныхъ группъ, мы найдемъ слѣдующее: изъ семейства брусничныхъ фаціи хвойнаго лѣса принадлежатъ, какъ это мы уже видѣли, четыре вида. Почти этимъ количествомъ и ограничивается число представителей этого семейства въ большей части Сибири, а также и Европы. Между тѣмъ, въ тропическихъ странахъ Америки и южной Азіи число родственныхъ имъ формъ, т. е. видовъ того-же семейства, достигаетъ слишкомъ 300. Въ прежніе-же геологическіе періоды, именно въ третичный, начиная уже съ эпохи эоцена, болѣе древней, главнымъ-же образомъ въ эпоху міоцена, число видовъ, обитавшихъ подъ нашими широтами, было значительнѣе нынѣшняго; по крайней мѣрѣ, въ средней Европѣ ископаемыхъ остатковъ рода брусники найдено не менѣе 25 видовъ. Указанные ранѣе 7 видовъ грушанокъ, кромѣ нашего материка, являются распространенными и въ сѣверной Америкѣ; но тамъ встрѣчается еще 12 видовъ изъ этого семейства. Въ обширномъ семействѣ вересковыхъ, изъ которыхъ фаціи хвойнаго лѣса принадлежитъ всего 5 видовъ, а во всей умѣренно-холодной полосѣ стараго свѣта не насчитывается и двухъ десятковъ, заключается до 1000 видовъ, обитающихъ подъ южными широтами, преимущественно въ южной Африкѣ. Въ прежнія-же времена, а именно

въ эпоху міоцена, растенія этого семейства были опять-таки болѣе распространены подъ сѣверными широтами, чѣмъ нынѣ, такъ какъ въ ископаемомъ состояніи ихъ найдено тутъ не менѣе 40 видовъ.

Такимъ образомъ, наши вѣчно-зеленыя растенія, свойственныя фаціи хвойнаго лѣса, вмѣстѣ съ ихъ ближайшими родственниками, имѣющими однолѣтнюю листву, являются лишь ничтожными, если можно такъ выразиться, обрывками обширныхъ растительныхъ группъ,—семействъ, область распространенія которыхъ лежитъ въ настоящее время въ теплыхъ странахъ, отдаленныхъ отъ нашей лѣсной области громадными пространствами суши, или океанами. Данныя-же исторической геологіи убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ прежніе геологическіе періоды эти формы были распространены обширнѣе по земной поверхности,—обитали также и въ сѣверныхъ широтахъ.

Единственный выводъ отсюда, мнѣ кажется, тотъ, что эти типичные представители фаціи хвойнаго лѣса суть остатки древней флоры, дошедшей до насъ изъ третичнаго періода, притомъ изъ болѣе раннихъ эпохъ, нежели пліоценовая, передавшая тоже намъ по наслѣдству, какъ я упоминалъ въ прошлую лекцію, часть своей флоры, въ видѣ формаціи широколиственнаго лѣса.

Въ большой древности этихъ растеній убѣждаетъ насъ еще тотъ фактъ, что въ числѣ членовъ формацій, слагающихъ фацію хвойнаго лѣса, есть довольно значительный процентъ (около 15%) такъ называемыхъ *монотиповъ*, т. е. видовъ, единственныхъ въ родѣ (иногда даже во всемъ семействѣ), каковы напр. виды родовъ Empetrum, Calluna, Andromeda, Cassandra, Linnaea (см. табл. I, рис. 3 и 4, табл. III, рис. 1, 2 и 4), Hypopithys, Calypso, Malaxis и нѣк. др. Всѣ эти роды являются въ настоящее время на всей земной поверхности только въ одномъ видѣ; слѣдовательно, мы должны признать за ними какъ-бы неподвижность, отсутствіе

измѣнчивости, неспособность давать уклоненія въ своихъ формахъ и переходить, такимъ образомъ, въ новые близкіе виды, отчего они и являются очень рѣзко очерченными. Монотипные роды составляютъ, такимъ образомъ, полную противоположность родамъ полиморфнымъ, гдѣ наблюдается, наоборотъ, необыкновенная склонность къ измѣнчивости, крайняя какъ-бы пластичность формы, отчего родъ разбивается на громадное число видовъ, достигающихъ иногда до 1000, какъ это мы видимъ напр. въ родѣ Astragalus, столь характерномъ для степной и пустынной областей средней Азіи. При этомъ, конечно, виды не могутъ рѣзко отличаться одинъ отъ другого; кромѣ того, они сами дробятся на подвиды, разновидности, которые составляютъ нерѣдко переходъ отъ одного вида къ другому, связывая ихъ въ непрерывныя цѣпи или вѣрнѣе въ спутанную сѣть, въ которой нерѣдко чрезвычайно трудно разобраться и опредѣлить, гдѣ кончается одинъ видъ и начинается другой. Форма тутъ какъ будто расплывается въ неопредѣленныя очертанія, чѣмъ подрывается отчасти и самое понятіе о видѣ.

Въ этихъ полиморфныхъ родахъ жизнь какъ-бы бьетъ ключемъ; они находятся въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, словомъ, являются современными. Въ монотипныхъ-же родахъ мы не видимъ уже такой жизненной энергіи, а между тѣмъ и они нѣкогда отличались ею, и были богаты видами, какъ напр. Andromeda въ эпоху эоцена. Но теперь они устарѣли, находятся на склонѣ своихъ дней, близки къ вымиранію.

Присутствіе такихъ дряхлыхъ членовъ въ общинахъ фаціи хвойнаго лѣса кладетъ, конечно, отпечатокъ дряхлости и на самую фацію.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ данныхъ, мы и не можемъ, мнѣ кажется, не признать за ней большей древности происхожденія, сравнительно съ другими ассоціаціями, составляющими растительный покровъ нашей страны. Намъ станетъ

ясно теперь, почему общины, входящія въ составъ фаціи хвойнаго лѣса имѣютъ болѣе ясно выраженный характеръ и составъ, словомъ, являются гораздо рѣзче очерченными, нежели большинство остальныхъ растительныхъ ассоціацій, которыя, какъ и составляющіе ихъ члены, являются болѣе молодыми, болѣе жизненными, способными въ цѣляхъ приспособляемости измѣнять свой характеръ и составъ, отчего и трудно поддаются разграниченію. Эти болѣе молодыя ассоціаціи суть произведеніе современнаго намъ геологическаго, именно четвертичнаго, періода. Понятнымъ также становится, отчего березово-осиновые и лиственничные лѣса, имѣющіе такое обширное развитіе въ нашихъ странахъ, не являются аналогами вышеупомянутыхъ формацій. Они еще слишкомъ молоды, составляющія ихъ древесныя породы не успѣли еще войти въ болѣе тѣсныя и близкія соотношенія съ другими растительными формаціями, словомъ, не успѣли еще образовать такія опредѣленныя ассоціаціи.

Кому приходилось бывать среди типичной тайги, напр. въ болѣе дремучемъ пихтово-еловомъ лѣсу, тотъ, конечно, испытывалъ особенное ощущеніе, вызываемое его угрюмой и величественной картиной, увеличиваемое еще своеобразнымъ гуломъ вѣтра, скользящаго между плотной хвоей. Но впечатлѣніе это, конечно, будетъ несравненно сильнѣе у того, кто знаетъ, что проникая въ такую тайгу, напр. изъ березоваго лѣса, онъ переступаетъ изъ современной намъ обстановки въ обстановку сѣдой старины, существовавшую уже въ тѣ отдаленнѣйшія времена, когда на землѣ не было еще нынѣшняго могущественнаго властелина ея—человѣка.

1. Грушанка круглолистная (Pyrola rotundifolia L.).
2. Грушанка зонтичная (Chimaphila umbellata Nutt.).
3. Водянка (Empetrum nigrum L.).
4. Линнеева трава (Linnaea borealis L.).

Къ статьѣ П. Крылова „Тайга".

© ГПНТБ СОАН

1. Брусника (Vaccinium Vitis idaea L.).
2. Толокнянка (Arctostaphylos Uva ursi).
3. Клюква (Oxycoccus palustris Pers.).

© ГПНТБ СО РАН

Вѣчно-зеленыя растенія фаціи хвойнаго лѣса.

Табл. III.

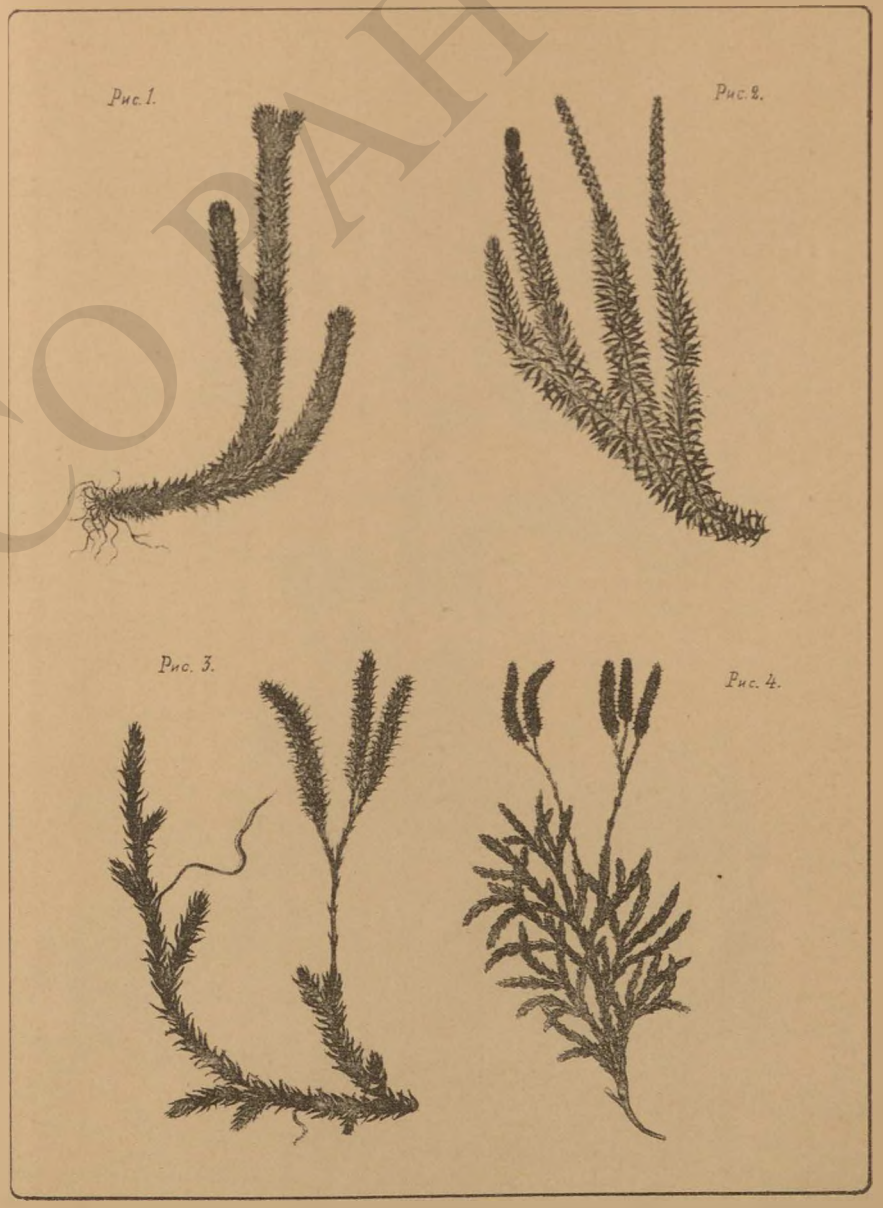
1. Андромеда (Andromeda polifolia L.).
2. Кассандра (Cassandra calyculata Don.).
3. Багульникъ (Ledum palustre L.).
4. Вересъ (Calluna vulgaris Salisb.).

Къ статьѣ П. Крылова „Тайга".

© ГПНТБ СОРАН

Вѣчно-зеленыя растенія фаціи хвойнаго лѣса

Табл. IV.



1. Борунецъ (Lycopodium Selago L.).
2. Деряба (Lycopodium annotinum L.).
3. Плаунъ (Lycopodium clavatum L.).
4. Зеленица (Lycopodium complanatum L.).

Къ статьѣ П. Крыслова „Тайга."

© ГПНТБ СО РАН

1. Ель сибирская (Picea obovata Ledb.).
2. Пихта сибирская (Abies sibirica Ledb.).
3. Можжевельникъ (Juniperus communis L.).
4. Сосна (Pinus sylvestris L.).
5. Кедръ (Pinus Cembra L.).

© ГПНТБ СО АН

ТАЕЖНЫЕ УГЛЫ ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

В. Т. Волкова.

Продолжительное пребываніе земледѣльческаго населенія на одномъ и томъ же мѣстѣ сообщаетъ извѣстный отпечатокъ тѣмъ землямъ, которыми оно пользуется для своихъ надобностей: лѣса начинаютъ рѣдѣть и совершенно исчезать, вмѣсто нихъ появляются пашни, сырыя низины просыхаютъ и обращаются въ луга или пастбищныя угодья; вмѣсто грубаго бурьяна появляются мелкія травы, годныя въ кормъ скоту и пр. Вообще, чѣмъ гуще населеніе, чѣмъ выше сельскохозяйственная культура, тѣмъ полнѣе господство человѣка по отношенію къ землѣ. Она вся къ его услугамъ и производитъ лишь тѣ растенія, которыя необходимы. Она до такой степени подчинена контролю со стороны хозяина, что онъ въ состояніи сказать вамъ, какіе хлѣба произвела данная площадь за опредѣленный періодъ времени, какимъ улучшающимъ вліяніямъ она подвергалась, каковъ въ ней приблизительно запасъ необходимыхъ растеніямъ веществъ, въ отношеніи какихъ именно изъ нихъ она близка къ истощенію, воздѣлываніемъ какихъ растеній въ данное время можно заняться, не нарушая производительныхъ силъ почвы.

На ряду съ землями, въ большей или меньшей степени приспособленными для хозяйственныхъ цѣлей, въ области Сибири находятся необъятныя пространства, которыя или по своему положенію на крайнемъ сѣверѣ и свойственному имъ

© ГПНТБ СО РАН

болотному характеру должны на вѣки вѣчные сохранить свой настоящій видъ, или заняты сплошными лѣсами, которые отчасти уже начинаютъ измѣнять свой первоначальный видъ отъ дѣйствія пожаровъ, но остаются дикими и непривѣтливыми до тѣхъ поръ, пока здѣсь царитъ безлюдье.

Лѣсныя окраины Томской губерніи прорѣзаны многоводными рѣками: Обью, Чулымомъ, Васюганомъ, Четью, Чаей, Чичкаюломъ и др., и по берегамъ этихъ рѣкъ ютятся преимущественно полудикія племена Сибирскихъ инородцевъ, которые скучиваются здѣсь главнымъ образомъ ради рыболовнаго промысла, а также отчасти вслѣдствіе того давленія, которое оказываютъ на нихъ русскіе промышленники. Послѣдніе также, въ свою очередь, склонны держаться въ нѣкоторомъ удаленіи отъ населенныхъ мѣстъ и, вслѣдствіе этого, часть тайги, непосредственно прилегающая къ такъ называемой культурно-земледѣльческой полосѣ, во многихъ случаяхъ представляетъ совершенно безлюдныя площади. На право владѣнія ими никто не претендуетъ и рѣдко кто до сего времени изъявлялъ готовность къ захвату этихъ земель.

Интересъ къ ознакомленію съ окраинами Сибирскихъ губерній, замѣчающійся за послѣдніе годы въ литературѣ и въ дѣятельности правительственныхъ учрежденій, дѣлается понятнымъ, если принять во вниманіе, что населеніе Сибири и спросъ на земли быстро возрастаютъ и удовлетворить этому спросу въ концѣ концовъ не будетъ другаго средства, кромѣ допущенія нуждающихся въ землѣ лицъ въ предѣлы таежныхъ пространствъ.

Кромѣ того, съ проведеніемъ желѣзной дороги долженъ измѣниться взглядъ на отдаленныя окраины, потому что самая удаленность ихъ теряетъ значеніе при усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія.

Насколько обширна площадь этихъ почти неизученныхъ земель, опредѣлить не представляется возможности, потому что

неизвѣстно, гдѣ именно оканчивается область лѣсовъ и гдѣ начинаются безлѣсныя сѣверныя тундры. Но, чтобы судить о размѣрахъ пустующихъ окраинъ достаточно представить себѣ, что лѣсныя пространства прилегаютъ къ населенной части губерніи въ предѣлахъ Томскаго, Маріинскаго и Каинскаго округовъ на протяженіи 1300 верстъ и, что одна лишь пятидесятиверстная полоса этихъ земель при границѣ тайги составитъ около $6^1/_2$ милліоновъ десятинъ. Уже одна эта площадь можетъ поспорить въ величинѣ съ нѣкоторыми изъ россійскихъ губерній.

Обыкновенно, при словѣ тайга является представленіе о лѣсной чащѣ, среди которой находятся, въ видѣ узловъ, сплетенія древесныхъ корней, впадины полныя стоячей воды, валежникъ и кочки. Такія мѣста, только въ видѣ небольшихъ площадей, часто встрѣчаются въ прирѣчныхъ долинахъ р.р. Яи, Кіи, Антибеса, Тяжина и др. въ раіонѣ населенной полосы. На каждой проселочной дорогѣ, тамъ, гдѣ она идетъ по колотливой гати и чрезъ едва замѣтную, теряющуюся въ кочкахъ рѣчку, увидите стѣной стоящій пихтачъ въ смѣси съ черемошникомъ, березникомъ и ивнякомъ по сырой кочковатой низинѣ. Но такого характера заросли, уменьшительно называемыя таежками, далеко не могутъ служить образчикомъ настоящей тайги.

Правда, на первыхъ порахъ, когда вы переступаете границу населенныхъ мѣстъ и входите въ область безпредѣльнаго лѣсного пространства, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни жилья, куда лишь изрѣдка заходитъ охотникъ, увлеченный ударившимися по свѣжему слѣду собаками, васъ подавляетъ безконечность болотистыхъ трясинъ и глухихъ зарослей не столько вслѣдствіе дѣйствительной ихъ обширности, сколько по причинѣ вашего незнанія, куда именно держать путь.

Если стоитъ лѣтняя пора,—ваше состояніе близко къ отчаянію, потому что масса комаровъ и мошекъ не даетъ вамъ

ни минуты покоя, мѣшаетъ смотрѣть и свободно дышать. Кромѣ того, сухіе и острые сучья деревьевъ, скрытые въ зеленой листвѣ, груды валежника и кочки затрудняютъ ваши движенія до послѣдней степени. Теряя надежду найдти выходъ, инстинктивно мѣняете направленіе и попадаете въ еще болѣе непроходимыя заросли и топи.

Наконецъ, дѣлается понятнымъ, что передъ вами неширокая таежка протянувшаяся вдоль рѣчки и нужно во что-бы то ни стало пересѣчь ее поперекъ. Промокшій, въ разорванномъ платьѣ, съ царапинами на лицѣ и рукахъ вы добираетесь до края таежки.

Здѣсь, вступая въ заросль березника, чувствуете подъ ногами болѣе твердую почву, хотя скрытый въ травѣ валежникъ то и дѣло напоминаетъ вамъ, что въ тайгѣ скоро не ходятъ, а ощупью. Выглядывая изъ травы, закрывающей васъ съ головою, видите лишь нависшія вѣтви деревьевъ и ихъ стволы и, кромѣ березъ да кустовъ акаціи, не на чемъ глазу отдохнуть. Присматриваясь къ лѣсу, не видите такихъ березъ, какія привыкли встрѣчать въ любой рощѣ, многія изъ нихъ изогнуты или надломлены подъ тяжестью скопляющагося зимою снѣга, кора какого то грязноватаго цвѣта отъ растущаго на ней моха и лишайника, и часто попадаются деревья расщепленныя молніей, или съ характерными трещинами вдоль стволовъ, по винтовой линіи, образовавшимися отъ той же причины.

Далѣе, переходя въ сплошное насажденіе осинника, невольно заглядитесь на необычайно высокіе и прямые, какъ свѣча, стволы деревьевъ; травянистая растительность здѣсь въ видѣ болѣе мелкихъ растеній, но густота лѣса усиливается отъ примѣси рябинника и тутъ также вы лишены возможности видѣть вокругъ себя далѣе 10—20 саженъ.

Смѣняющія другъ друга березовыя и осиновыя насажденія тянутся мѣстами верстъ на 20—30, чередуясь иногда съ

сплошными пихтовыми и еловыми лѣсами, и въ глубинѣ тайги почти совершенно уступаютъ свое мѣсто хвойнымъ насажденіямъ. Только въ гористыхъ мѣстахъ тайги, какова напримѣръ такъ наз. золотопріисковая казенная дача, залегающая на югѣ Маріинскаго округа, замѣчается болѣе частое чередованіе различныхъ лѣсныхъ породъ. Кромѣ того, здѣсь весьма часто встрѣчаются насажденія лиственицы по склонамъ горъ.

Затѣмъ чередованіе плотныхъ насажденій съ изрѣженными, съ зарослями молодняковъ, или съ совершенно безлѣсными площадями, наблюдается преимущественно тамъ, гдѣ населеніе ближайшихъ къ тайгѣ деревень начинаетъ вторгаться въ ея предѣлы и пользоваться этими никому, повидимому, ненужными и никѣмъ неохраняемыми землями.

Наиболѣе типичнымъ представителемъ таежныхъ окраинъ является Маріинско-Чулымская лѣсная дача, охватывающая весь сѣверъ Маріинскаго округа. Начинаясь крутыми подъемами отъ прирѣчныхъ долинъ по рѣкамъ Кіѣ, Тяжину, Итаткѣ, Катыку и др., составляющимъ границу дачи, тайга эта характеризуется рѣдкимъ сравнительно чередованіемъ лиственныхъ и хвойныхъ лѣсныхъ породъ и плоскимъ рельефомъ мѣстности. Нѣкоторое отступленіе отъ общаго характера представляютъ земли, прилегающія къ таежнымъ рѣчкамъ,—прежде всего здѣсь замѣчается нѣкоторый уклонъ поверхности по направленію къ рѣчкѣ, рѣже встрѣчаются сырыя низины, по краямъ логовъ, впадающихъ въ рѣчки, примѣсь сосновыхъ деревьевъ. Но въ общемъ рѣдкія изъ таежныхъ рѣчекъ оживляютъ унылый видъ тайги,—большинство ихъ отличается почти незамѣтнымъ теченіемъ. Зато большія рѣки, какъ напр. Четь, Тяжинъ, Кія и др. являются украшеніемъ тайги. Вблизи рѣкъ иногда группируются сосновые боры; верстахъ въ 2—3 отъ возвышеннаго берега рѣки мѣстность часто имѣетъ волнистый характеръ, вслѣдствіе присутствія многочисленныхъ логовъ.

ОТПЕЧАТАН

Нѣсколько исключительный видъ имѣетъ золотопріисковая дача въ томъ отношеніи, что однообразныя плоскія равнины здѣсь занимаютъ сравнительно меньшую часть дачи; подъемы на возвышенные хребты, склоны отлогихъ холмовъ, сопки состоящія изъ сплошнаго камня, какъ напр. Романовъ Камень, Церкаликъ и др., обрывистые утесы нарушаютъ однообразіе лѣсной глуши и представляютъ много живописныхъ видовъ. Признаки каменноугольныхъ залежей, различныхъ рудъ даютъ поводъ думать, что съ годами каменистыя глыбы застонутъ отъ динамитныхъ и пороховыхъ взрывовъ, въ долинахъ ручьевъ и рѣчекъ закопошатся люди въ поискахъ за золотомъ и за рудными отложеніями, а затѣмъ прійдетъ земледѣлецъ со своимъ плугомъ и косою, высмотрѣвъ предварительно мѣста, гдѣ не такъ много каменистыхъ примѣсей въ почвѣ, гдѣ не такъ густъ лѣсъ и не особенно круты склоны холмовъ. Въ такихъ именно мѣстахъ, повидимому, недостатка не будетъ, а рѣдники лиственницы и молодой березовый лѣсъ, встрѣчающійся кое-гдѣ въ видѣ острововъ среди зарослей крупнаго лѣса, на первыхъ порахъ дадутъ пріютъ земледѣльческому промыслу. Часть крупнаго лѣса въ какой нибудь десятокъ лѣтъ уйдетъ на постройки и топливо, они повысніютъ, и на зеленомъ фонѣ тайги отчетливо выступятъ полосы зрѣющихъ хлѣбовъ и разработанныхъ подъ пашню земель.

На мысль о менѣе пріятномъ будущемъ наводятъ остальныя таежныя площади, но нельзя не замѣтить, что здѣсь уже нѣсколько десятковъ лѣтъ идетъ борьба человѣка съ природой, борьба безсознательная, грубая, и въ результатѣ—въ полосѣ ближайшей къ населеннымъ мѣстамъ, верстъ на 40—50 почти не остается ни одного таежнаго угла, гдѣ сохранились бы вѣковые лѣса. Всѣ громадныя площади осинниковъ и березняковъ, или такъ называемые бѣльники,—это чуждые тайгѣ пришельцы, занявшіе мѣсто хвойныхъ лѣсовъ, исчезнувшихъ болѣе полвѣка тому назадъ.

Но не вездѣ, однако, въ одинаковой степени быстро происходило возобновленіе лѣса. Въ однихъ мѣстахъ, преимущественно возвышенныхъ и сухихъ, огнемъ была уничтожена вмѣстѣ съ лѣсомъ и такъ наз. лѣсная подстилка, и на оголенной почвѣ вскорѣ появилась травянистая растительность, которая до настоящаго времени не допускаетъ развитія древесной поросли; въ другихъ случаяхъ возобновленія лѣса не происходитъ потому, что молодыя поросли уничтожаются время отъ времени заходящими палами. Благодаря той или другой причинѣ, въ настоящее время уже можно указать не менѣе 300,000 десятинъ, настолько свободныхъ отъ лѣса, что не предвидится большихъ затрудненій къ обращенію ихъ въ сельскохозяйственныя угодья. Такія именно земли встрѣчаются по верхнему теченію рѣкъ Баксы и Шегарки, по нижнему теченію послѣдней, вблизи г. Томска въ южной части Чулымской лѣсной дачи и въ Маріинскомъ округѣ по верховьямъ рѣкъ Чети и Тюхтети. Всѣ же остальныя земли, лежащія за предѣлами безлѣсныхъ площадей, или такъ называемыхъ гарей, представляютъ сплошные лѣса и почти недоступны, вслѣдствіе отсутствія дорогъ.

Проѣздные пути въ тайгу изъ населенныхъ мѣстъ ограничиваются, въ большинствѣ случаевъ, однѣми тропами, проложенными верстъ на 10—15 при поѣздкахъ за колбой или черемшой, которую сибиряки имѣютъ обыкновеніе запасать на зиму въ большомъ количествѣ, или за ягодами. Сравнительно на большое разстояніе проторенной является тропа изъ д. Прокопьевой на заимку Поваренкина на р. Чети. Тропа эта тянется верстъ на 100 и, мѣстами теряясь въ сырыхъ болотистыхъ низинахъ, въ большинствѣ случаевъ является настолько торной, что сбиться съ нея почти невозможно. Но при частыхъ мочагахъ и валежникѣ, который иногда цѣлыми грудами встрѣчается на самой тропѣ, ѣзда по ней совершается не скорѣе 2—3 верстъ въ часъ и для переѣзда на заимку Поваренкина, обыкновенно, требуется трое сутокъ.

Другой подобный же путь имѣется въ золотопріисковой дачѣ и проложенъ при прогонѣ скота изъ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ чрезъ Маріинскій округъ въ Енисейскую губернію. Этотъ скотопрогонный трактъ, или по мѣстному названію сакма, состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ тропъ, которыя мѣстами образуютъ дорогу саженъ въ 5 шириною и представляетъ растоптанную грязь настолько глубокую, что скотъ вязнетъ въ ней по колѣно. По склонамъ горъ ногами животныхъ выбиты углубленія, напоминающія ступени лѣстницы, съ тою разницею, что разстоянія между ними иногда бываютъ сажени въ 2 и болѣе, а въ промежуткахъ скотъ положительно скатывается на ногахъ и спуски носятъ отчетливые слѣды такого способа передвиженія. Но несмотря на грязь и выбоины, а мѣстами валежникъ и совершенное отсутствіе мостовъ чрезъ рѣчки, скотогоны ухитряются провозить за собой колесные экипажи, хотя несомнѣнно переѣздъ въ нихъ можно назвать истязаніемъ для сѣдоковъ и лошадей.

Болѣе удобные проѣздные пути существуютъ главнымъ образомъ въ тѣхъ частяхъ тайги, гдѣ, какъ сказано выше, уничтоженіе лѣса дало возможность заниматься земледѣльческимъ хозяйствомъ. Такъ напримѣръ, часть Томско-Чулымской дачи на пространствѣ болѣе 200,000 дес. изрѣзана колесными дорогами, проложенными между отдѣльными заимками.

Но какъ бы ни были затруднительны для проѣзда таежныя тропы и дороги, онѣ чрезвычайно драгоцѣнны какъ указатели пути, потому что безъ нихъ нерѣдко пришлось бы тратить очень много времени въ поискахъ удобныхъ мѣстъ для переправы лошадей чрезъ мочаги и топкія таежки. Для этой цѣли бываютъ полезны и старинныя тропы, слѣдъ которыхъ совершенно изгладился; исчезло бы и воспоминаніе о нихъ, если бы не уцѣлѣвшія на деревьяхъ затески.

Напримѣръ, направленіе т. н. Филимоновой тропы изъ д. Тюхтетской можно возстановить только по затескамъ, сдѣ-

ланнымъ лѣтъ 35 тому назадъ. Затески эти уже утратили свою форму и представляютъ впадины, окруженныя ободкомъ отъ наплывшей съ годами древесины; отыскать ихъ и отличить отъ естественныхъ трещинъ можетъ только привычный глазъ охотника. И такіе признаки пути встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, и таежному промышленнику по большей части приходится ходить наугадъ, руководясь солнцемъ, а въ пасмурные дни различными примѣтами, которыя выработала народная наблюдательность. Самой надежной примѣтой служитъ осинникъ, который въ тѣхъ случаяхъ, когда растетъ въ сплошномъ насажденіи, имѣетъ совершенно чистую и гладкую кору только со стороны обращенной къ югу; наоборотъ, кора деревьевъ обращенная къ сѣверу почти всегда бываетъ покрыта мхомъ. Точно также, кора еловыхъ деревьевъ получаетъ большую рыхлость на этой же именно сторонѣ. Наконецъ, одна изъ такихъ примѣтъ основана на болѣе или менѣе однообразномъ направленіи, въ которомъ ложится валежникъ отъ вліянія вѣтровъ.

Поѣздки въ болѣе отдаленныя мѣста тайги изъ подтаежныхъ селеній предпринимаются главнымъ образомъ для сбора кедровыхъ орѣховъ, для охоты и рыбной ловли. Въ зимнее время дороги иногда прокладываются по рѣкамъ, напр. по Кіѣ и Урюпу, для доставки на пріиски товаровъ, мяса, сѣна, хлѣба и пр. и чрезъ лѣсъ для вывоза изъ тайги заготовленныхъ съ осени орѣховъ.

Сосредоточіемъ орѣховаго промысла являются, обыкновенно, уцѣлѣвшія въ глубинѣ тайги хвойные лѣса, напр. въ Томскомъ округѣ по р.р. Чаѣ и Иксѣ, верстахъ въ 40 отъ западной границы округа, въ МаріинскоЧулымской дачѣ по р. Долгоуну и Чиндату, въ золотопріисковой по р. Чебулы. Промыселъ, обыкновенно, начинается во 2-й половинѣ августа, и артели крестьянъ съ вьючными лошадями отправляются въ тайгу на цѣлый мѣсяцъ. Лошади съ однимъ изъ участ-

никовъ артели идутъ обратно, потому что прокормить ихъ въ теченіе мѣсяца бываетъ затруднительно при отсутствіи травы среди хвойныхъ насажденій. Окончивъ сборъ орѣховъ, ихъ ссыпаютъ въ амбары, устроенные на высокихъ подставкахъ, въ видахъ предохраненія отъ мелкихъ звѣрковъ, носящихъ общее названіе гнуса, и только въ зимнее время вывозятъ въ селенія.

Наиболѣе распространеннымъ видомъ охоты является добыча глухарей и рябчиковъ въ осеннее и зимнее время. Охотой на крупнаго звѣря занимаются весьма немногіе и предпочитаютъ при этомъ пользоваться различными ловушками. Для охоты на медвѣдя, которая нерѣдко бываетъ вынужденной, вслѣдствіе частаго посѣщенія имъ пасѣкъ, устраиваютъ лабазы, но чаще прибѣгаютъ къ настораживанію ружей, луковъ и къ устройству такъ называемыхъ кулемъ въ такихъ мѣстахъ, которыя въ извѣстное время особенно часто посѣщаютъ медвѣди. Напримѣръ, раннею весною, когда еще нѣтъ никакой растительности, они питаются корнями растеній и особенно любятъ кандыкъ (Erythronium dens canis), отличающійся весьма вкуснымъ корнемъ; затѣмъ переходятъ на сочевникъ и пучки; позднѣе питаются ягодами—смородиной, малиной и черемухой, а вблизи населенныхъ мѣстъ портятъ овсяныя поля передъ созрѣваніемъ зеренъ.

Едва-ли не самымъ зарварскимъ приспособленіемъ для добычи медвѣдей является кулема, состоящая изъ треугольнаго сруба вышиною въ ростъ человѣка; съ одной стороны сруба устаивается только порогъ, надъ которымъ укрѣпляется бревно, а поверхъ бревна накладывается груда валежника. Медвѣдь, переступивъ порогъ, хватаетъ приманку, обрушиваетъ на себя тяжесть и убитый наповалъ, а иногда лишь страшно искалѣченный, остается на мѣстѣ.

Весьма выгодной считается охота на сохатыхъ (лосей) по насту, или въ лѣтнее время, при помощи ямъ. При употребленіи послѣднихъ бываютъ между прочимъ такіе случаи, когда

животное вынимается изъ ямы уже мертвымъ и разложившимся, потому что каждый охотникъ устраиваетъ, обыкновенно, по десятку и болѣе ловушекъ и не успѣваетъ ихъ часто осматривать. Необходимо между прочимъ отмѣтить довольно вредный въ смыслѣ истребленія этихъ цѣнныхъ животныхъ пріемъ подкарауливанія молодыхъ лосятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ была убита или поймана самка сохатаго.

При охотѣ на дикихъ козъ *) устраиваютъ т. н. козлиныя подскотины, состоящія изъ широко разставленныхъ и скрытыхъ среди лѣса крыльевъ изгороди; крылья, постепенно сближаясь, образуютъ узкій проходъ, въ которомъ коза лишена возможности сдѣлать прыжокъ и не можетъ повернуться обратно.

Изъ прочихъ видовъ охоты необходимо упомянуть о ловлѣ лисицъ, колонковъ при помощи ловушекъ и о добываніи выдръ при помощи запрудъ, въ зимнее время.

Рыбная ловля производится по многимъ таежнымъ рѣчкамъ, но особенно выгоднымъ считается рыболовство по р. Урюну, Кіѣ и ея мелкимъ притокамъ, гдѣ водятся таймень, ускучъ, харіузъ. Орудіемъ ловли служатъ по большей части сѣти, а на маленькихъ рѣчкахъ устраиваются запоры, состоящіе изъ дощатаго ящика съ рѣшетчатымъ дномъ; при помощи такого приспособленія удается ловить помногу рыбы, такъ что рыболовы, оставляя иногда свои ловушки безъ присмотра, находятъ ихъ наполненными задохшейся рыбой.

Наиболѣе заманчивымъ изъ всѣхъ таежныхъ промысловъ является такъ называемая летучка или тайная добыча золота. При первомъ же знакомствѣ съ летучкой бросается въ глаза настойчивость, съ которою люди преслѣдуютъ свою цѣль, несмотря на большія затраты труда, необходимыя при постановкѣ дѣла, и на грозящую имъ отвѣтственность. Такъ какъ работы предпринимаются, обыкновенно, въ рѣчныхъ руслахъ, то прежде всего является необходимымъ от-

*) Козами въ Сибири часто называютъ козуль. *Ред.*

вести воду, прокопать новое русло и устроить плотину, которая давала бы водѣ желательное направленіе. Обезводивъ такимъ образомъ извѣстную часть стараго русла, приступаютъ къ съемкѣ такъ называемаго турфа, т. е. пласта рѣчного ила и разныхъ другихъ породъ мощностью аршина въ въ $2^1/_2$—3, залегающаго надъ породой содержащей золото.

Промывка золота производится при помощи весьма несложнаго приспособленія, состоящаго изъ деревянной площадки аршина $2^1/_2$ длиною и шириною около аршина съ закраинами въ ладонь шириною. Площадка эта имѣетъ наклонное положеніе и раздѣлена на 3 части положенными поперекъ дощечками или т. н. клинтусами.

Въ верхнемъ отдѣленіи закраины дѣлаются выше и на нихъ укрѣпляется рама съ продырявленнымъ желѣзнымъ листомъ, который служитъ пріемникомъ для промываемой массы и для проведенной по желобу воды. При промывкѣ участіе рабочихъ заключается въ подвозкѣ золотосодержащей породы и въ постоянномъ перемѣшиваніи ея при помощи желѣзныхъ скребковъ надѣтыхъ на деревянныя ручки; галька и болѣе крупные камни удаляются прочь, илъ и песокъ уносятся струей воды, а мелкія тяжеловѣсныя частицы магнитнаго желѣзняка или т. н. шлиха, вмѣстѣ съ золотомъ, задерживаются упомянутыми выше клинтусами, которые по окончаніи промывки вынимаются и золото, въ видѣ мелкихъ желтоватыхъ кусочковъ, собирается на самой нижней площадкѣ и при помощи щетки отдѣляется отъ шлиха.

Кромѣ упомянутыхъ промысловыхъ занятій, возникшихъ среди таежнаго простора, необходимо болѣе подробно остановиться на земледѣльческомъ промыслѣ, хотя земледѣліе является здѣсь почти такимъ же подспорьемъ въ хозяйствѣ какъ пчеловодство, охота, рыболовство и пр.

Прежде всего необходимо указать на то обстоятельство, что, когда пустующія таежныя пространства находятся вблизи

жилыхъ мѣстъ, они чрезвычайно рѣдко привлекаютъ къ себѣ мѣстное населеніе, какъ напр. вблизи деревень Четской, Тюхтетской, селъ Лазарева, Коробейникова, Итата и др. въ Маріинскомъ округѣ имѣются обширныя площади гарей, которыя могутъ служить пахотными и сѣнокосными угодьями, однако же все пользованіе со стороны мѣстныхъ крестьянъ ограничивается тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ здѣсь пасѣчныя хозяйства, при которыхъ нѣтъ ни одной десятины распаханныхъ земель. Съ другой стороны, нерѣдко гари, удаленныя верстъ за 20—30 отъ селеній, оказываются съ давнихъ временъ занятыми заимщиками, проживающими постоянно или же крестьянами подтаежныхъ селеній, пріѣзжающими лишь на лѣтнее время для производства полевыхъ работъ и присмотра за пасѣками. Только при такихъ заѣздахъ въ тайгу здѣсь предпринимается расчистка и приспособленіе гарей для сельско-хозяйственнаго пользованія; это явленіе между прочимъ убѣждаетъ въ томъ, что въ тайгу привлекаетъ не одно только желаніе вести на просторѣ сельскохозяйственную дѣятельность.

Большинство извѣстныхъ въ настоящее время жителей тайги принадлежитъ къ числу ясачныхъ инородцевъ и русскихъ старообрядцевъ различныхъ толковъ. Для первыхъ изъ нихъ стремленіе въ безлюдныя мѣстности объяснимо отчасти врожденнымъ инстинктомъ, а у послѣднихъ различными религіозными побужденіями; но среди заимщиковъ немало и такихъ лицъ, которыя принадлежали ранѣе къ крестьянскимъ обществамъ, а затѣмъ, изъ желанія быть свободными отъ крестьянскихъ повинностей, перечислились въ мѣщане, образовали самостоятельные поселки, или же живутъ отдѣльными заимками.

Свѣдѣнія о появленіи поселеній въ тайгѣ относятся къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ текущаго столѣтія и, какъ о наиболѣе давнемъ жителѣ, существуютъ разсказы о

пустынникѣ Тундинѣ, жившемъ на рѣчкѣ Тундинкѣ, верстахъ въ 20 отъ границы Маріинско-Чулымской тайги.

Тундинъ имѣлъ только огородъ и питался картофелемъ; посѣтившіе его лѣтъ 50 тому назадъ охотники нашли его голодающимъ.

Затѣмъ, въ той же дачѣ лѣтъ около 40 тому назадъ было устроено нѣсколько раскольничьихъ поселеній, которыя въ 70-хъ годахъ, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ, были уничтожены и жители выдворены изъ предѣловъ тайги; существующія же теперь заимки на р. Чети образованы всего лѣтъ 20 тому назадъ.

При западной границѣ Томскаго округа нѣкоторыя изъ существующихъ поселеній образованы болѣе 40 лѣтъ и первоначальными основателями ихъ были обрусѣвшіе ясачные инородцы. Существующія въ настоящее время по верховьямъ рр. Баксы и Шегарки заимки состоятъ, по большей части, изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ хозяйствъ и по внѣшнему виду мало чѣмъ отличаются отъ обыкновенныхъ деревушекъ населенной полосы; нельзя сказать также, чтобы окружающія ихъ угодья не носили никакихъ слѣдовъ хозяйственности, хотя распаханныя земли обыкновенно разбросаны въ видѣ острововъ на громадной площади. Кромѣ того, здѣсь бросается въ глаза неодинаковая степень зажиточности жителей—на ряду съ некрытыми и убогими избушками, съ самымъ крохотнымъ хозяйствомъ при одной лошади и какой нибудь десятинѣ запашки, встрѣчаются запашки въ 30—40 десятинъ у одного хозяина, имѣющаго по 100 и болѣе головъ скота, небольшой конный заводъ, складъ кедровыхъ орѣховъ, сберегаемый въ ожиданіи хорошей цѣны и пр. Нельзя не замѣтить при этомъ и той зависимости, которая устанавливается между богатыми и бѣднѣйшими изъ заимщиковъ, выражаясь въ задолженности со стороны послѣднихъ. Такая же зависимость существуетъ и въ отношеніи пріѣзжающихъ

сюда время отъ времени торговцевъ, раздающихъ товаръ въ долгъ подъ условіемъ уплаты осенью скотомъ, орѣхами, медомъ и пр. продуктами таежнаго хозяйства.

Совершенно особый характеръ имѣютъ заимки, находящіяся по сосѣдству съ землями Николаевской волости, по рр. Бровской, Горевой, Татошу и др. Большая часть имѣющихся здѣсь земель оказывается уже побывавшей подъ обработкой; между тѣмъ, ни одного прочно устроеннаго поселенія не встрѣчается на пространствѣ сотни тысячъ десятинъ, и крестьяне, производящіе распашку гарей, имѣютъ здѣсь только полевыя и пасѣчныя избушки, въ которыхъ живутъ лишь въ теченіе лѣта, а на зиму удаляются каждый въ свою деревню.

Для той и другой категоріи заимочныхъ хозяйствъ общей чертой является постоянное стремленіе въ глубь тайги ихъ владѣльцевъ. Такъ, въ каждомъ изъ таежныхъ поселковъ вамъ перечислятъ по нѣскольку заимщиковъ, которые прожили здѣсь 5—10 лѣтъ и того меньше, а затѣмъ ушли на новыя мѣста, еще болѣе удаленныя отъ населенной полосы. Точно также, когда заимщикъ пользуется таежными землями не какъ мѣстный житель, а лишь при случайныхъ сюда заѣздахъ, онъ еще менѣе продолжительное время остается на одномъ мѣстѣ. Сами заимщики свои перекочевки объясняютъ боязнью многолюдства, образовавшагося на прежнемъ мѣстѣ жительства. Хотя это кажущееся многолюдство не превышаетъ какого нибудь десятка скучившихся заимокъ, но видимо и при этихъ условіяхъ оказывается невозможнымъ съ выгодою пользоваться таежными пространствами; тогда какъ уединившійся заимщикъ можетъ выбрать любое мѣсто для пасѣки, подъискать для пахоты еще никѣмъ не тронутую землю, имѣть вблизи жилья мѣста, удобныя для охоты, и вообще по возможности всесторонне использовать таежный просторъ.

Исключительныя условія представляетъ лишь часть Томско-

Чулымской тайги, лежащая въ 50—70 в. отъ г. Томска; она является самымъ прочнымъ опорнымъ пунктомъ въ тайгѣ потому, что близость къ городу нѣкоторымъ образомъ вліяетъ на кругъ дѣятельности заимщика и дѣлаетъ выгодными даже такія занятія, какъ ягодный промыселъ, варку варенья по заказу городскихъ торговцевъ, выдѣлку деревянной посуды, столярныхъ и токарныхъ издѣлій, дегтярный и угольный промыслы и пр.

Случаевъ же, показывающихъ склонность заимщиковъ сосредоточить дѣятельность исключительно на земледѣліи, совершенно не встрѣчается въ таежныхъ окраинахъ и обыкновенно земледѣлію удѣляется только извѣстная часть времени и силъ заимщика. Можетъ быть, многіе и совсѣмъ забросили бы это занятіе, если бы не потребность въ хлѣбѣ для собственнаго продовольствія. Но, чтобы обойтись въ хозяйствѣ возможно меньшей затратой труда, заимщику необходимо имѣть подъ руками цѣлинныя земли, которыя при самой торопливой обработкѣ всегда дадутъ 1—2 удовлетворительныхъ урожая.

Сравнивая пріемы расчистки лѣсовъ подъ пашню, практикующіеся въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи и въ тайгѣ, увидимъ, что россійскій крестьянинъ несетъ гораздо больше труда, не отказывается и отъ ручной обработки земли. Прежде чѣмъ приступить къ обработкѣ, онъ производитъ въ началѣ лѣта сплошную рубку лѣса, отбираетъ лучшія деревья, а мелкія вмѣстѣ съ вершинникомъ и сучьями, давъ имъ подсохнуть, сжигаетъ. Загѣмъ, земля ручными мотыками или особыми боронами, сдѣланными изъ еловыхъ сучьевъ, рыхлится и засѣвается рожью или льномъ. Съ годами, по мѣрѣ уничтоженія пней, лѣсныя расчистки начинаютъ пахаться обычнымъ путемъ, но тѣмъ не менѣе остаются такія мѣста, гдѣ съ сохой не проѣхать и ихъ все-таки приходится обрабатывать упомянутымъ первобытнымъ способомъ.

Въ Сибири же едва ли гдѣ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ уничтоженія молодняка засѣвшаго на выпашахъ, можно встрѣтить примѣры расчистки земель и разрабатываются обыкновенно лишь настолько чистыя гари, на которыхъ сохранились только остатки древесныхъ стволовъ. Обработка земель въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ однократной вспашки и бороньбы; нѣкоторые хозяева для скорости пашутъ русской одноконной сохой, хотя для тяжелыхъ таежныхъ земель она казалась бы совсѣмъ не пригодной. Но такъ какъ при обработкѣ преслѣдуется лишь поверхностное разрыхленіе почвы, чтобы было чѣмъ прикрыть сѣмена, то такой цѣли вполнѣ удовлетворяетъ и это орудіе.

Пользуясь просторомъ, таежные земледѣльцы имѣютъ возможность хотя бы ежегодно переносить свои запашки на новыя мѣста и получаютъ отъ нихъ по большей части весьма хорошіе урожаи. Напримѣръ, отъ одного изъ заимщиковъ мнѣ приходилось слышать, что съ посѣва, произведеннаго на гари, имъ въ 1894 году былъ полученъ урожай отъ 10 пудовъ пшеницы 160 пуд. При попыткахъ же продлить пользованіе на одномъ и томъ же мѣстѣ замѣчаютъ, что посѣвы начинаютъ страдать отъ сорныхъ травъ; усилить же уходъ за посѣвами и улучшить обработку, очевидно, совсѣмъ не входитъ въ задачи мѣстнаго хозяина.

Сами по себѣ таежныя земли, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ довольно однообразныя почвенныя условія и состоятъ по большей части изъ плотныхъ сѣрыхъ суглинковъ, почти переходящихъ въ глину. Болѣе рыхлыя почвы встрѣчаются лишь въ Томско-Чулымской тайгѣ, а въ остальныхъ мѣстахъ только въ видѣ исключенія. За почвами помянутаго состава, обыкновенно, признаются слѣдующія не совсѣмъ благопріятныя свойства: вслѣдствіе очень мелкихъ скважинъ между частицами онѣ мало проницаемы для воздуха и для воды, орошающей поверхность почвы; наоборотъ, въ нихъ наблю-

дается способность усиленно всасывать влагу изъ глубже лежащихъ слоевъ; въ особенности, когда почва бываетъ уплотнена, или ссыхается въ плотную корку, она испаряетъ сравнительно съ рыхлыми почвами большее количество воды, а вслѣдствіе этого просыхаетъ на большую глубину; при избыткѣ влажности—почвы склонны къ увеличенію объема и, при высыханіи, къ образованію трещинъ. Но, рядомъ съ упомянутыми отрицательными свойствами, онѣ имѣютъ ту хорошую сторону, что, вслѣдствіе дурной проницаемости для воздуха, въ нихъ медленно происходитъ разложеніе органическихъ остатковъ и совершается процессъ образованія перегноя. Получающееся при этомъ вещество по натурѣ своей представляетъ видоизмѣненіе клѣтчатки, т. е., древесной части каждаго растенія; при различныхъ лабораторныхъ пріемахъ оно даетъ цѣлую группу кислотъ, которыя въ своемъ естественномъ состояніи бываютъ соединены съ минеральными веществами почвы и образуютъ весьма сложное тѣло, называемое гумусомъ, въ составъ котораго входятъ вмѣстѣ съ органическими кислотами известь, магній, калій, желѣзо, марганецъ, кремневая и фосфорная кислоты.

Перегнойныя вещества прежде всего являются пособниками атмосфернымъ дѣятелямъ въ отношеніи вліянія на неорганизованную матерію. При извѣстныхъ условіяхъ, они проявляютъ свою дѣятельность въ томъ, что химически вліяютъ на минеральныя составныя части почвы и сообщаютъ мертвой матеріи такія свойства, при которыхъ она сдѣлается удобоусвояемой корнями растеній.

Не имѣя времени вдаваться въ изложеніе теоріи перегнойныхъ веществъ, остановлюсь лишь на наблюденіяхъ, показывающихъ, что отложеніе въ почвѣ перегнойныхъ веществъ совершается на счетъ корней растеній и, съ другой стороны, что только травянистыя растенія служатъ главнымъ источникомъ вырабатываемаго въ почвѣ гумуса. По опытамъ Вейске,

количество органической массы для бобовыхъ, напримѣръ, растеній составляетъ до 600 пудовъ въ годъ на десятину. Участіе же древесныхъ растеній въ этомъ отношеніи ничтожно, потому что корни деревьевъ не могутъ давать ежегодно значительнаго количества отмирающей массы.

Кромѣ того, однимъ изъ условій правильнаго теченія процесса образованія перегнойныхъ веществъ является отсутствіе избытка влажности и теплота почвы, такъ какъ въ чрезмѣрно влажной и холодной средѣ ослабѣваетъ теченіе химическаго процесса, дѣятельность низшихъ растительныхъ организмовъ, работающихъ надъ созданіемъ перегноя, парализуется и въ результатѣ получается почва, хотя и обогащенная растительными остатками, но остатки эти находятся или въ видѣ свободныхъ кислотъ, не вошедшихъ въ соединеніе съ минеральными составными частями почвы, или же въ видѣ не вполнѣ разложившейся растительной массы.

Относясь съ этой превзятой мыслью къ оцѣнкѣ таежныхъ земель, увидимъ подтвержденіе ожидаемаго и прійдемъ къ выводу, что изъ нихъ прежде всего заслуживаютъ вниманія земли ранѣе другихъ освободившіяся отъ древесной растительности, не только вслѣдствіе отсутствія нужды въ расчисткѣ, но и потому, что въ теченіи десятковъ лѣтъ, истекшихъ послѣ пожара, земли производили главнымъ образомъ лишь травянистыя растенія, корневыя остатки которыхъ изъ года въ годъ, истлѣвая въ почвѣ, шли на образованіе гумуса.

Самая почва послѣ уничтоженія лѣса служитъ непосредственнымъ пріемникомъ солнечной теплоты; таяніе снѣга начинаетъ совершаться быстрѣе, избытокъ весенней воды испаряется подъ вліяніемъ вѣтра, поэтому можно думать, что и вышеупомянутый процессъ образованія перегноя долженъ имѣть всѣ условія къ болѣе или менѣе правильному его теченію. Въ виду этого обстоятельства, сравнивая между собой два совершенно тождественныя по своему положенію и рель-

ефу участка земли, изъ которыхъ одинъ только въ настоящее время сдѣлался свободнымъ отъ лѣса, другой же представляетъ гарь образовавшуюся, лѣтъ 50 тому назадъ, необходимо признать во всѣхъ отношеніяхъ послѣдній болѣе цѣннымъ, какъ сельскохозяйственное угодье.

Затѣмъ, всѣ тѣ земли, которыя избавлены отъ избытка влаги, вслѣдствіе естественнаго уклона поверхности, заслуживаютъ предпочтенія предъ совершенно равнинными пространствами. Наконецъ, въ зависимости отъ состава лѣсныхъ насажденій, покрывающихъ таежныя земли, наиболѣе пригодными для обращенія подъ обработку слѣдуетъ считать изрѣженныя насажденія, затѣмъ лѣса, состоящіе изъ березняковъ и осинниковъ.

Менѣе всего пригодными для этой цѣли будутъ мѣста, занятыя хвойными насажденіями, потому что въ нихъ вся свободная поверхность земли бываетъ занята главнымъ образомъ лишайникомъ и мхомъ, который иногда растетъ въ такомъ обильномъ количествѣ, что служитъ кормомъ для оленьихъ стадъ.

Такимъ образомъ, при настоящемъ положеніи вещей оказывается, что, съ одной стороны, окраины губерніи представляютъ сравнительно ничтожную площадь безлѣсныхъ пространствъ, которыя могутъ служить удовлетворительными сельскохозяйственными угодьями, а съ другой стороны—громадную площадь такихъ земель, для которыхъ предварительно необходима затрата труда на расчистку изъ подъ лѣса, и притомъ площадь эта можетъ дать угодья, отличающіяся не особенно прочнымъ плодородіемъ, потому что до настоящаго времени они не переживали во всей полнотѣ того подготовительнаго процесса, благодаря которому пріобрѣтаются свойства цѣнныя для культурныхъ земель. Угодья, которыя получаются послѣ уничтоженія лѣса, вскорѣ потребуютъ примѣненія удобренія, лучшей обработки и вообще пріемовъ, необходимыхъ для того, чтобы поставить эти почвы въ такія условія, при которыхъ возможно улучшеніе ихъ свойствъ.

Въ виду этого обстоятельства, необходимо признать, что современный таежный заимщикъ принесъ уже несомнѣнную пользу для дѣла заселенія окраинъ и, благодаря его скитаніямъ по тайгѣ, сопровождавшимся нерѣдко уничтоженіемъ лѣсовъ и проложеніемъ кое-какихъ проѣздныхъ путей, въ настоящее время уже есть возможность болѣе нежели въ 100 пунктахъ при границѣ тайги образовать новыя поселенія изъ пришлаго изъ Россіи народа и снабдить каждое изъ нихъ необходимыми сельскохозяйственными угодьями.

Столкнувшійся съ пришлымъ населеніемъ контингентъ заимщиковъ, по всей вѣроятности, пожелаетъ уйдти въ глубь тайги и будетъ продолжать тамъ привычный образъ жизни, въ которомъ онъ усматриваетъ, между прочимъ, и ту хорошую сторону, что быть подальше отъ населенныхъ пунктовъ значитъ быть спокойнымъ за свое добро, не имѣть дѣла съ конокрадами и прочаго рода похитителями чужой собственности; а при мысли о приходѣ переселенцевъ у него прежде всего является опасеніе, что съ прибытіемъ ихъ будетъ неудобно оставлять не прибранными на пашнѣ сбрую, сохи, бороны и проч., нельзя будетъ оставлять безъ всякаго присмотра пасѣки на зимнее время, скотъ во время пастьбы и пр.

Такой отзывъ заимщиковъ о покойномъ таежномъ житьѣ не всегда, однакожь, оправдывается, и въ лѣсной глуши совершаются темныя дѣла, которыя лишь случайно получаютъ огласку. Напримѣръ, чрезвычайно загадочной является личность Андрюшки, проживавшаго лѣтъ 35 тому назадъ въ Маріинской тайгѣ, который, по разсказамъ охотниковъ, никого не подпускалъ близко къ своей избѣ и въ случаѣ посѣщенія кѣмъ либо пускалъ въ ходъ оружіе. Этотъ неспокойный человѣкъ въ концѣ концовъ былъ найденъ убитымъ. Позднѣе, лѣтъ 20 тому назадъ, получилъ огласку случай

убійства, совершеннаго съ корыстной цѣлью однимъ изъ раскольниковъ надъ безпомощнымъ старикомъ, уединенно проживавшемъ въ тайгѣ. Наконецъ, въ текущемъ году, при работахъ въ одной изъ таежныхъ дачъ, къ межевому чиновнику явился какой-то человѣкъ съ слезной мольбой защитить и спасти отъ смерти, и разсказалъ, что живетъ онъ уже 6 лѣтъ на пасѣкѣ вмѣстѣ со старикомъ раскольникомъ, имѣютъ небольшое хозяйство и значительный запасъ хлѣба. Въ послѣднее время старикъ заболѣлъ, а единовѣрцы его, прибывшіе съ другихъ заимокъ, явившись на посѣку, забрали лошадей, деньги и все, что можно навьючить на лошадей и увезли вмѣстѣ со старикомъ, разсказщикъ же спасся бѣгствомъ отъ грозившей будто бы ему смерти.

Какова настоящая подкладка этого дѣла, опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что сплотившаяся группа заимщиковъ легко можетъ безнаказанно прибѣгать къ какому угодно произволу и насилію надъ отдѣльными лицами,—защиты ждать неоткуда, да и жаловаться нельзя, потому что тогда уже совершенно невыносимой окажется жизнь подъ страхомъ мести со стороны озлобленныхъ сосѣдей.

Въ виду возможности подобныхъ фактовъ, оторванности отъ общества и необходимости всякія неблагопріятныя случайности переносить безъ чьей либо поддержки, надо полагать, что только исключительныя лица могутъ стремиться въ глубь тайги и вести здѣсь изолированное существованіе. Въ средѣ ихъ не рѣдко попадаются люди, выдающіеся своею удалью и беззаботностью, или же наоборотъ съ задатками предпріимчиваго торговаго человѣка. Напримѣръ, владѣлецъ одной изъ весьма дальнихъ заимокъ служитъ для нѣсколькихъ селеній Маріинскаго округа почти единственнымъ поставщикомъ зубчатокъ для вѣялокъ, которыя онъ закупаетъ въ Гурьевскомъ заводѣ и сбываетъ по тѣмъ селеніямъ, гдѣ производство вѣялокъ является промысломъ. Другіе, живя въ тайгѣ, выращиваютъ лошадей для продажи или отгуливаютъ гурты скота и пр.

Но почти невѣроятно, чтобы та масса населенія, которая ежегодно движется изъ Россіи на вольныя мѣста, могла бы такъ же легко освоиться съ жизнью въ тайгѣ и перестала бы смотрѣть на эту жизнь какъ на какое-нибудь наказаніе, потому что пришлому населенію въ большинствѣ случаевъ совершенно чужда привычка къ обособленію и къ уединенной жизни. Для сплоченныхъ же многолюдныхъ поселеній здѣсь прежде всего долженъ явиться недостатокъ такихъ земель, которыя могли-бы въ настоящее же время поступить подъ обработку; а затѣмъ—при наплывѣ населенія въ тайгу, оно встрѣтитъ большое затрудненіе въ отношеніи продовольствія.

Однако, нельзя также не замѣтить, что движущееся въ Сибирь населеніе идетъ не ради только перемѣны мѣста и желанія разбогатѣть, а въ большинствѣ случаевъ въ поискахъ тѣхъ минимальныхъ средствъ къ жизни, которыя оно добывало въ Россіи преимущественно на чужой работѣ, путемъ отхожаго промысла и отъ скуднаго своего надѣла, и при этомъ настойчиво желаетъ получить эти средства болѣе вѣрнымъ путемъ, внѣ зависимости отъ спроса на рабочія руки.

По статистическимъ даннымъ еще 1880-хъ годовъ мы видимъ, что средній размѣръ крестьянскаго надѣла для отдѣльныхъ губерній составляетъ отъ 1,9 до 4,4 дес. на наличную душу у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и отъ 3,2 до 6½ дес.—у бывшихъ государственныхъ. При этомъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ % безземельнаго населенія составляетъ 10—20 и даже иногда болѣе 30%.

Что касается земельной собственности, состоящей въ непосредственномъ распоряженіи казны, то, напримѣръ, въ губерніяхъ Полтавской, Курской и Бессарабской области она составляетъ всего отъ 0,4 до 1,1% общей площади губерніи. Во всѣхъ Малороссійскихъ губерніяхъ, въ Новороссіи, юго-западномъ краѣ, Бѣлоруссіи и прибалтійскихъ губерніяхъ казнѣ принадлежитъ отъ 3,3 до 7,8 % общей площади.

Кромѣ того, соотношеніе между казенными и крестьянскими землями для многихъ изъ Россійскихъ губерній составляетъ отъ 2 до 6 дес. казеннаго владѣнія на каждыя 100 дес. принадлежащей крестьянамъ земли.

Слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ удовлетвореніи изъ этого источника существующихъ потребностей въ землѣ. При такомъ положеніи вещей нельзя не дорожить тайгою, какова бы она ни была, и приходится пожалѣть о томъ, что въ настоящее время доступны для переселенцевъ лишь тѣ части тайги, чрезъ которыя прошелъ авангардъ заимщиковъ, производившихъ уничтоженіе лѣса.

Но не слишкомъ ли дорогъ этотъ способъ заселенія тайги? До сихъ поръ лѣса, дѣйствительно, не имѣли никакой цѣны, но съ годами мѣстныя потребности въ лѣсѣ увеличатся, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ въ населенной полосѣ, благодаря спросу на желѣзную дорогу и возможности сбыта въ безлѣсныя мѣстности. Если это такъ, то въ скоромъ времени можно ожидать развитія лѣсопромышленности въ предѣлахъ тайги, а съ нею должны установиться сухопутные или водные пути, соединяющіе тайгу съ промышленными центрами.

Избѣгая вдаваться далѣе въ область предположеній, позволю себѣ замѣтить, что тайга съ точки зрѣнія того значенія, которое она можетъ имѣть въ будущемъ для народнаго хозяйства, заслуживаетъ прежде всего вниманія сельскохозяйственнаго общества. Такіе вопросы—„какимъ образомъ облегчить возможность существованія въ тайгѣ для россійскаго крестьянина, какимъ путемъ расширить кругъ его дѣятельности, не будетъ ли умѣстна организація въ тайгѣ особой колоніи, съ цѣлью выработать пріемы къ разумной эксплуатаціи таежнаго простора“—казалось бы заслуживаютъ не одного обсужденія, но и практическихъ мѣръ къ ихъ осуществленію.

30 Ноября 1897 г.

О пчеловодствѣ въ Томской губерніи.

С. А. Сухова.

Мм. Гг.! Въ настоящее чтеніе мнѣ предстоитъ познакомить Васъ съ состояніемъ пчеловодства Томской губерніи; а такъ какъ большая часть Васъ очень мало знакомы съ этимъ, заслуживающимъ полнаго вниманія съ нашей стороны, отдѣломъ сельскаго хозяйства, то я позволю себѣ коротко изложить предъ Вами самую его сущность. Въ болѣе подробное описаніе этого занятія входить я считаю совершенно излишнимъ, такъ какъ въ настоящее время существуетъ уже достаточно очень хорошихъ и довольно подробныхъ руководствъ, которыя въ состояніи удовлетворить даже самаго требовательнаго любителя-спеціалиста*).

Пчеловодство есть искусство воспитывать и содержать пчелъ для полученія отъ нихъ наибольшей выгоды при наименьшихъ затратахъ.

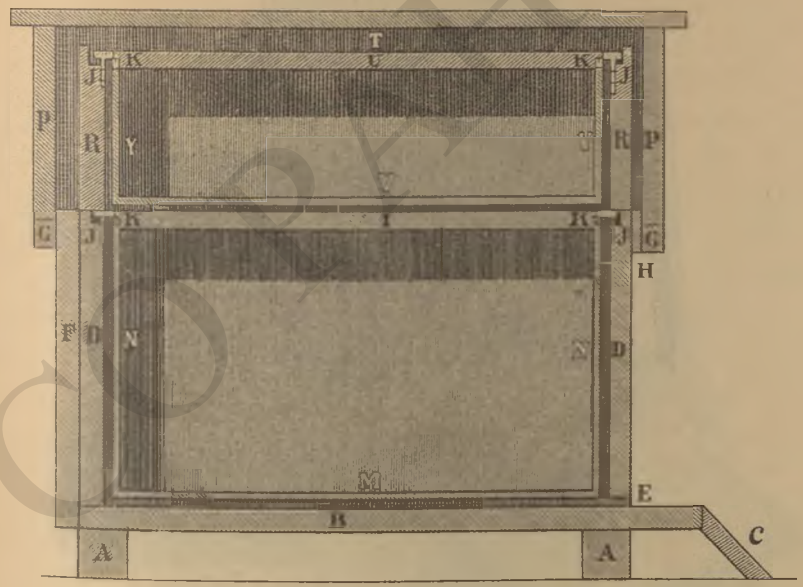
Пчелы относятся учеными къ насѣкомымъ перепончатокрылымъ, снабженнымъ жаломъ. Обыкновенно, онѣ могутъ жить только довольно многочисленными обществами, такъ называе-

*) *Цесельскій* Т. Пчеловодство, основанное на наукѣ и многолѣтней практикѣ. 1893 г.
Ланістротъ Л. Пчела и улей. 1892 г.
Берлепшъ Ав. Пчела и ея воспитаніе въ ульяхъ съ подвижными сотами въ странахъ безъ поздняго осенняго взятка. 1876 г.
Бертранъ Э. Уходъ за пасѣкой. 1893.
Табусинъ И. Опытъ руководства къ пасѣчному хозяйству. 1875.
Куланда И. С. Народная пчела. *Бутлеровъ А. М.* Пчела, ея жизнь и главныя правила толковаго пчеловодства. *Потьхинъ Л. А.* Учебникъ пчеловодства. *Левицкій К.* Пчеловодство. 1888 г. *Сильвенъ Тибо.* Руководство къ толковому пчеловодству. 1895 г. и многія другія.

мыми „роями“. Въ составъ каждаго общества входитъ только одна вполнѣ развитая самка, способная класть яица. Она называется „маткой“ или царицей. Далѣе, въ каждомъ роѣ находится отъ 20 до 100 тысячъ такъ называемыхъ „рабочихъ пчелъ“, т. е. самокъ съ недоразвитыми органами размноженія; яички онѣ могутъ класть только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. И наконецъ, при полномъ развитіи и силѣ общества, въ немъ можно встрѣтить еще отъ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ „трутней“; это—вполнѣ развитые самцы, терпимые въ обществѣ въ извѣстное время его развитія по необходимости.

На свободѣ пчелы для своего жилища избираютъ дупла различныхъ деревьевъ, выбирая притомъ такія, которыя отличались бы достаточною обширностью и склонностью сохранять теплоту. Замѣтивъ качества такого жилья въ природѣ, человѣкъ сталъ дѣлать для помѣщенія пчелъ искусственныя жилища, которыя называются вообще ульями. Въ настоящее время существуетъ такъ много разнообразно устроенныхъ ульевъ, которые рекомендуются ихъ изобрѣтателями, что разбирать ихъ, сравнивать ихъ качества и недостатки—у меня не хватило бы времени, а потому я только позволю себѣ назвать нѣкоторые изъ нихъ, заслуживающіе большаго вниманія, во-1-хъ, по ихъ удобствамъ и во-2-хъ, по распространенію. Таковы лежаки: Табусина, Лайянса, Андріяшева, Долиновскаго; стояки: Берлепша, Левитскаго, Алтайскій улей, Русскаго пчеловоднаго общества, Лангстрота, Дубини, Дадана и Блата. Кромѣ того, въ настоящее время заслуживаетъ большаго вниманія по благопріятнымъ отзывамъ пчеловодовъ измѣненный улей Лангстротъ-Дадана, который можно видѣть на приложенныхъ здѣсь рисункахъ въ различномъ положеніи: въ разрѣзѣ, съ указаніемъ главныхъ его размѣровъ (фиг. 1), вскрытый сверху (фиг. 2) и собранный, съ одной (фиг. 3) и съ тремя надставками (фиг. 4). Рисунки взяты мной изъ

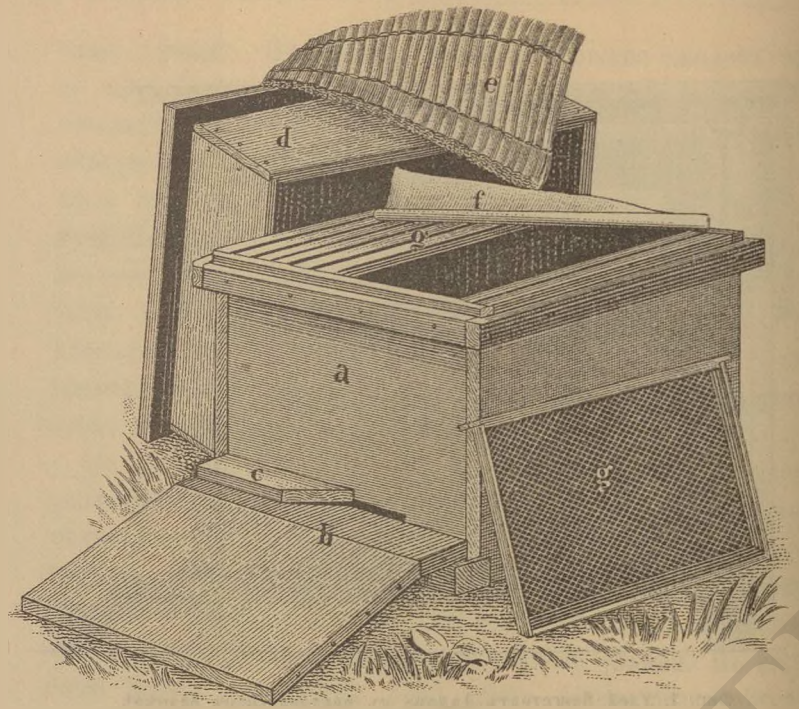
(Продолженіе на стр. 3-й).



Фиг. 1. Улей Лангстратъ-Дадана въ вертинальномъ разрѣзѣ.

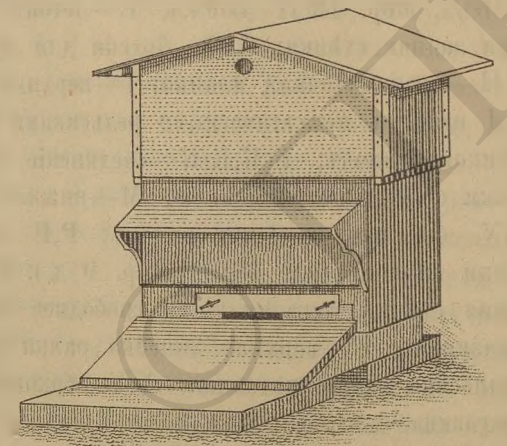
A,A—бруски, поддерживающіе полъ; B—полъ (дл. 25, шир. $17^3/_8$ дюйм.); C—прилетная доска; D,D—передняя и задняя стѣнки (дл. $16^1/_2$, шир. $12^1/_4$ дюйм.); E—летокъ ($8 \times {}^5/_{16}$ д.); F—вторая задняя стѣнка; G,G—бруски для поддержанія крышки; H—промежуточная планка; I—верхняя линейка рамки; J,J,J,J пазы съ металлическими рельсиками для поддержанія плечиковъ рамокъ; K,K,K,K—соединеніе боковыхъ линеечекъ рамки съ верхнею линейкою; M—нижняя линеечка рамки; N,N—боковыя линеечки рамокъ; P,P—передняя и задняя стѣнки крышки (дл. $18^1/_2$, шир. 9 д.); R,R—передняя и задняя стѣнки магазина; T—свободное пространство надъ магазиномъ; U—верхняя линейка рамки магазина; V—нижняя линеечка рамки магазина; Y,Y—боковыя линеечки рамки магазина.

СТИНЕТ СОБРН

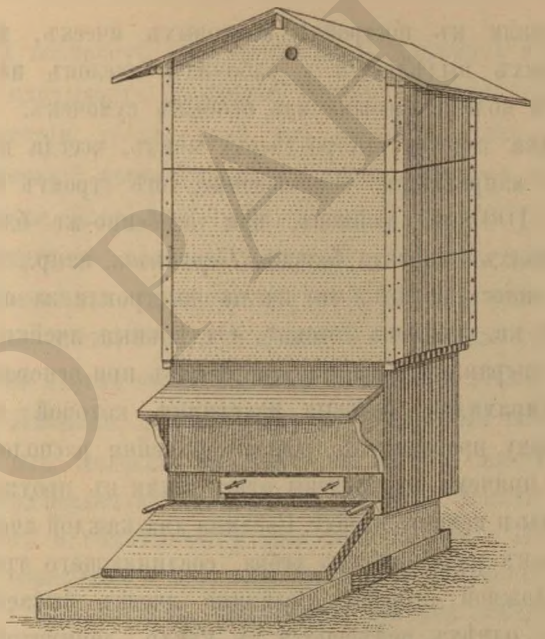


Фиг. 2. Улей Лангстротъ-Дадана, открытый.

a—передняя стѣнка, b—прилетная доска, c—клинъ для уменьшенія летка, d—крышка, e—соломенный матъ, f—клеенка, g,g—рамки съ сотами. Одна рамка поставлена рядомъ съ ульемъ.



Фиг. 3. Улей Лангстротъ-Дадана одинарный.



Фиг. 4. Улей Лангстротъ-Дадана тройной.

сочин. Лангстрота „Пчела и улей“ и Бертрана „Уходъ за пасѣкой“. Къ этимъ сочиненіямъ я и рекомендую обратиться всѣмъ, желающимъ познакомиться съ ульемъ болѣе подробно.

Основное требованіе отъ каждаго улья вытекаетъ само собою изъ практики: онъ долженъ быть помѣстителенъ, тепелъ, долженъ легко разбираться и собираться, а также долженъ быть удобенъ для постановки, очистки и переноса. Рекомендовать тотъ или другой я не беру на себя смѣлости; но съ своей стороны позволю себѣ сказать, что, по моему мнѣнію, всякій улей, кромѣ простыхъ колодъ, хорошъ въ хорошихъ и умѣлыхъ рукахъ, а это—самое главное.

Предположимъ теперь, что мы съ Вами поймали рой пчелъ и помѣстили ихъ въ надлежащій улей.

Будемте слѣдить за дѣятельностью пчелъ шагъ за шагомъ. Съ самаго начала наши пчелы, осмотрѣвъ помѣщеніе, тотчасъ

же приступили къ постройкѣ восковыхъ ячеекъ, матеріалъ для которыхъ выдѣляется у рабочихъ пчелокъ на нижней поверхности колецъ брюшка изъ особыхъ сумочекъ.

Постройка ведется быстро сверху внизъ, всегда въ строго отвѣсномъ направленіи. Обыкновенно, онѣ строятъ въ сутки не болѣе 100 кв. дюймовъ, при особенно-же благопріятныхъ условіяхъ—гораздо больше. *Берлепшъ*, напр., говоритъ: „Мнѣ случилось видѣть, что пчелы выстроили за одну ночь болѣе 300 кв. дюймовъ сотовъ“. Отдѣльныя ячейки имѣютъ видъ шестигранныхъ призмъ, закрытыхъ при основаніи трехгранной пирамидой, боковыя пластинки которой представляютъ форму правильныхъ ромбовъ. Ячейки расположены въ два слоя, причемъ направлены отверстіями въ противуположныя стороны и немного кверху. Средина дна каждой ячейки приходится какъ разъ противъ ребра, соединяющаго три ячейки противуположной стороны. Величина ячеекъ бываетъ двухъ размѣровъ: однѣхъ помѣщается въ квадр. дециметрѣ одного слоя 425 штукъ, другихъ—болѣе крупныхъ—только 265 (или, что все равно, квадр. дециметръ сота содержитъ 850 ячеекъ въ обоихъ слояхъ пчелиныхъ сотовъ и 530 ячеекъ трутневыхъ); первыя называются пчелиными, а вторыя—трутневыми. Постройки ячеекъ всегда ведутся правильными параллельными одинъ къ другому пластами.

Толщина пчелинаго пласта бываетъ не меньше 25 миллиметровъ; разстояніе между двумя пластами не меньше 8 милл., но и не больше 13 милл. Эти восковые пласты называются сотами. Обыкновенно, въ ульѣ бываетъ болѣе всего пчелиныхъ сотовъ, трутневыхъ-же не болѣе $^1/_3$. Въ первое время крупныя ячейки служатъ для склада запасовъ. По мѣрѣ ихъ постройки, матка или царица бѣгаетъ по нимъ и въ каждую ячейку, опуская брюшко, кладетъ по одному яичку, величина котораго равна $1^1/_2$ милл., а по формѣ оно напоминаетъ запятую. Въ это время часть пчелъ, свободная отъ построекъ, летаетъ

въ полѣ и собираетъ цвѣточную пыль (хлѣбину) и медъ, которые и складываетъ въ болѣе крупныя ячейки (трутневыя). По прошествіи трехъ дней, изъ каждаго яичка выходитъ очень маленькій червячекъ или личинка, которая въ теченіе —для матки $5^1/_2$ дней, для пчелы 6 и для трутня $6^1/_2$ дней—достигаетъ полнаго роста. Во все это время пчелы заботливо кормятъ личинокъ и ухаживаютъ за ними. По прошествіи для матки $8^1/_2$, для пчелы 9 дн. и для трутня $9^1/_2$ дней, пчелки плотно закупориваютъ ихъ ячейки восковыми крышечками. Личинки, такимъ образомъ, закрытыя пчелами, выдѣляютъ изъ железки нижней губы липкую жидкость, тотчасъ отвердѣвающую на воздухѣ, въ видѣ тонкой паутины, которой онѣ и обматываютъ свое тѣло кругомъ. Послѣ этого личинка сбрасываетъ съ себя кожицу и получаетъ названіе куколки. Слѣдовательно, образованіе куколки совершается: у матки чрезъ $8^1/_2$ дней, рабочей пчелы—9 и у трутня—чрезъ $9^1/_2$ дней, считая съ момента кладки яйца. Затѣмъ совершается превращеніе въ совершенное насѣкомое: матки—чрезъ $8^1/_2$ дней, рабочей пчелы—чрезъ 11 дней и трутня—чрезъ $14^1/_2$ дней. Такъ что всего времени нужно отъ момента кладки яйца до выхода совершеннаго насѣкомаго: у матки 17 дн., у рабочей пчелы 20 дней и у трутня 24 дня. Продолжительность развитія при благопріятныхъ условіяхъ сокращается: для матки до 16 дн., для раб. пч. до 19, для трутня до 24 дней. При неблагопріятныхъ условіяхъ, напротивъ, затягивается для матки до 22 дн., раб. пч. 26 дн. и для трутня до 28 дней.

По выходѣ изъ ячейки, пчела вылетаетъ чрезъ восемь дней; матка, вполнѣ развившаяся, не выходитъ изъ своей ячейки (маточника) отъ 8—10 дн., послѣ этого уже на третій или же на седьмой день вылетаетъ для спариванія съ трутнемъ. Трутни вылетаютъ на 8-й или 12 день по выходѣ изъ ячей-

СЕЛЕКЦИЯ

ки. Такимъ образомъ, мы видимъ, что всего времени отъ кладки яйца до самостоятельной жизни проходитъ:

	МАТКИ.		РАБ. ПЧЕЛЫ.		ТРУТНЯ.	
	min.	max.	min.	max.	min.	max.
Отъ кладки яйца до окончательнаго сформированія .	16	22	19	26	24	28
Остается въ ячейкѣ и не выходитъ изъ нея послѣ того .	8	10	—	—	—	—
По выходѣ изъ ячейки остается въ ульѣ	3	7	8	8	7	11
Всего проходитъ дней отъ кладки яйца до самостоятельной жизни	27	39	27	34	31	39

По возвращеніи изъ своей брачной прогулки, матка чрезъ два дня начинаетъ класть яица. Число послѣднихъ, начиная съ весны, увеличивается къ срединѣ лѣта и снова уменьшается къ концу осени. Въ среднемъ можно положить, что она кладетъ въ день 1800 (отъ 1200— до 2400) яичекъ; но это число въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ достигать и 3000. Изслѣдованія различныхъ ученыхъ даютъ намъ возможность положительно утверждать, что яички, положенныя на рабочую пчелу и матку (т. е. съ расчетомъ, на развитіе этихъ именно формъ), бываютъ оплодотворены, на трутня-же—никогда. Изъ всего сказаннаго видно, что населеніе улья съ каждымъ днемъ увеличивается, въ среднемъ, не меньше какъ на 1800 особей.

Пчелы и сами питаются, и кормятъ черву и матку запасами, собираемыми ими съ цвѣтовъ различныхъ растеній и состоящими или изъ цвѣточной пыли (хлѣбина, перга, обножка), или—изъ сахаристаго сока растеній (меда), а чаще всего —изъ того и другого. Кромѣ того, онѣ нуждаются въ значительной степени въ водѣ и соли; послѣднюю даже очень любятъ. Собранные запасы складываютъ въ соты, причемъ

перга никогда не складывается въ одну ячейку съ медомъ. Наполнивши медовыя ячейки, пчелы закупориваютъ ихъ воскомъ, какъ говорится „печатаютъ“. Отсюда получаются выраженія: „печатная черва“, „печатный медъ“. Такъ какъ пчелы въ ульѣ не могутъ быть всѣ одного возраста, потому что каждый день изъ ячеекъ выходятъ все новыя и новыя поколѣнія, то поэтому и занятія ихъ въ ульѣ неодинаковы. Часть пчелъ занята постройкой сотовъ, часть воспитаніемъ и уходомъ за молодью. Уходъ этотъ ведется очень тщательно, что, какъ увидимъ далѣе, имѣетъ громадное значеніе при выводѣ матокъ.

Когда населеніе улья становится очень многочисленнымъ и помѣщеніе для него оказывается тѣснымъ, тогда пчелы устраиваютъ въ нижнихъ или боковыхъ краяхъ сотовъ особыя ячейки, похожія на опрокинутый наперстокъ. Это такъ называемые маточники. Яичко, положенное въ него, такъ-же какъ и пчелиное, даетъ чрезъ три дня червячка или личинку, которая пользуется лучшимъ уходомъ, чѣмъ пчелиная: кормятъ ее особой пищей и въ большомъ изобиліи. Этимъ, вѣроятно, и объясняется ускоренный ходъ ея развитія (17 дней). Первая вышедшая молодая матка прогрызаетъ остальные маточники и безъ всякаго сожалѣнія убиваетъ сидящихъ въ нихъ молодыхъ соперницъ. Пчелы незадолго до этого начинаютъ высыпать изъ улья и летать предъ его очкомъ, описывая небольшіе круги. Затѣмъ круги эти увеличиваются все болѣе и болѣе. Наконецъ, пчелы высыпаютъ съ такой силой, что слышится какъ-бы шелестъ отъ ихъ движенія. Волненіе это продолжается до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ старая матка. Коль скоро выйдетъ матка, вся масса пчелъ, волнуясь и кружась сначала надъ ульемъ, а затѣмъ захватывая своими кругами все болѣе и болѣе широкое пространство, наконецъ направляется къ ранѣе намѣченному ими дереву, кусту, колу или какому нибудь подобному предмету, гдѣ пчелы и собираются

ОТПЕЧАТАНО

всѣ въ одну кучу, которая виситъ нерѣдко на сучкѣ дерева, въ видѣ какъ-бы кувшина или большого вытянутаго шара. Это—какъ говорятъ, „привился рой“. Его смѣло, не боясь ужаленья, можно стряхнуть въ какой нибудь плотно закрывающійся холстомъ ящикъ или корзину и перенести въ прохладное помѣщеніе, а затѣмъ пересыпать въ заранѣе приготовленный улей, поставленный гдѣ нибудь въ тѣни.

Если въ какомъ-либо ульѣ пчелъ все-таки еще очень много и молодь, выходящая ежедневно, продолжаетъ увеличивать его населеніе, то такой улей отпускаетъ еще и второй рой „(вторакъ)“. Нерѣдко и самые рои, въ особенности ранніе и сильные, въ хорошее время, даютъ еще рои, называемые „пороями“. Обыкновенно, это явленіе не желательно, такъ какъ сильно ослабляетъ пчелъ и онѣ въ нужное и дорогое время главнаго взятка (когда цвѣтетъ очень много разнообразныхъ растеній), съ 15 іюня до 15 іюля, не въ состояніи будутъ обстроиться и собрать себѣ достаточное количество запасовъ на зиму, а о хозяинѣ уже и говорить нечего.

Если въ теченіе лѣта, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, пчелы лишаются матки, а въ ульѣ есть яички или личинки (непремѣнно пчелиныя) не старше семи дней, то изъ нихъ пчелы заботливымъ уходомъ и отборной пищей сами выводятъ себѣ молодую матку, которая ничѣмъ не будетъ отличаться отъ настоящей, выведенной нормально. Если-же утрата матки произойдетъ тогда, когда въ ульѣ не будетъ ни яицъ, ни личинокъ моложе семидневнаго возраста, то пчелы улья, не имѣя возможности вывести себѣ новую матку, мало по малу теряются, улей обезсиливается и наконецъ совершенно пустѣетъ. Если все пчелиное хозяйство ведется хорошо, въ природѣ взятокъ продолжается долго и погода стоитъ хорошая, однимъ словомъ, когда всѣ условія благопріятны, то пчелы могутъ не только собрать меду въ запасъ себѣ на зиму достаточно, но даже съ большимъ излишкомъ, который нерѣдко

можетъ достигнуть до 1 пуда. Конечно, весь излишекъ поступаетъ цѣликомъ въ пользу хозяина. Но такіе изобильные медомъ года очень рѣдки, въ большинствѣ-же случаевъ средній доходъ можно положить отъ 24 до 25 фунтовъ, и то при хорошемъ уходѣ.

Вамъ, Мм. Гг., можетъ быть интересно узнать, въ чемъ-же состоитъ этотъ хорошій уходъ?

Прежде всего нужно, чтобы пчелы пошли въ зиму съ большими запасами, чтобы перезимовали хорошо. Затѣмъ, чтобы весной, когда въ природѣ еще очень мало пищи, у нихъ было достаточно корму; и, наконецъ, надо стараться, чтобы ко времени главнаго взятка сила семей была достаточно велика. При этомъ не надо забывать и того, что пчелы для постройки одного фунта воска истребляютъ до десяти и болѣе фунтовъ меда, а стало быть не надо заставлять пчелъ строить много новыхъ сотовъ, а помогать имъ въ этомъ случаѣ подставкой старой и чистой вощины или суши въ надлежащемъ количествѣ. Однимъ словомъ, какъ говоритъ Цесельскій: „тотъ только можетъ хорошо осуществить какое либо предпріятіе, кто пріобрѣлъ въ немъ навыкъ, или—другими словами—тотъ, кто имѣетъ полное понятіе о дѣлѣ, которое онъ намѣренъ провести“.

Сообщивъ Вамъ, Мм. Гг., краткое понятіе о пчеловодствѣ вообще, надѣюсь, что теперь Вы будете слѣдить съ большимъ вниманіемъ за моимъ сообщеніемъ о состояніи пчеловодства въ Томской губерніи, къ чему я теперь и перехожу.

Чтобы судить о развитіи этого чрезвычайно интереснаго промысла у насъ, надо имѣть достаточно точныя данныя. Матеріалъ-же, которымъ я пользовался, заключается въ донесеніяхъ волостныхъ властей за 1894 г. (голодный). Насколько точны эти донесенія, судить не берусь, но съ большой вѣроятностью можно предполагать, что указанныя въ нихъ цифры ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ при всякомъ

оффиціальномъ собираніи свѣдѣній о количествѣ добытыхъ продуктовъ у простого человѣка является какой-то неопредѣленный страхъ новыхъ взысканій, поборовъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, пользованіе этими данными вполнѣ возможно. Нужно только имѣть въ виду, что полученные этимъ путемъ выводы должны разсматриваться, какъ минимальные, т. е. они представляютъ положеніе нашего пчеловодства можетъ быть въ худшемъ видѣ, чѣмъ въ какомъ оно въ дѣйствительности находится, но уже ни въ какомъ случаѣ нельзя насъ будетъ упрекнуть въ ошибочномъ преувеличеніи.

Томская губернія, и говорить нечего, очень обширна: пространство ея занимаетъ 768.663 квадр. верстъ или 877.469 кв. километровъ. Она много больше каждаго изъ самыхъ большихъ западно-европейскихъ государствъ (Англія—314. 628 кв. километр., Норвегія—325.422, Швеція—450.574, Франція—536.408, Германія—540.419, и Австро-Венгрія—676.665). На такомъ огромномъ пространствѣ условія должны быть очень разнообразны какъ въ отношеніи строенія поверхности, количества рѣкъ и озеръ, такъ и въ отношеніи распредѣленія лѣсной и луговой растительности и т. п. Что-же касается климатическихъ особенностей, температуры, влажности, водяныхъ осадковъ, вѣтровъ и пр., то достаточно сказать, что на пространствѣ отъ 49° до 61° сѣв. широты, каковое занимаетъ наша губернія, существуетъ только семь или восемь наблюдателей-метеорологовъ (да и то въ недавнее, сравнительно, время), а этого слишкомъ недостаточно для того, чтобы составить себѣ обо всѣхъ этихъ особенностяхъ опредѣленное понятіе. Кажется, всѣ эти разнообразныя свойства разсматриваемой нами страны намъ слѣдовало-бы хорошо знать для того, чтобы судить о пригодности ея въ отношеніи пчеловодства. Но, можетъ быть, мы можемъ какъ нибудь обойтись и безъ нихъ? Обратимся за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ самимъ пчеламъ.

Взглянувъ на карту (табл. I), легко замѣтить по намѣченнымъ на ней знакамъ, гдѣ есть пасѣки и гдѣ ихъ нѣтъ. Начнемъ съ юга и будемъ подвигаться къ сѣверу.

Мы видимъ, что большая часть пасѣкъ занимаетъ сплошь весь югъ и, за немногими исключеніями,—весь востокъ. На западѣ—въ Каинскомъ округѣ почти по самой окраинѣ есть пасѣки, на сѣверѣ пасѣки есть даже въ Нарымскомъ краѣ (село Тогурское), недалеко отъ устья р. Кети. Это намъ говоритъ, что пчеловодство возможно по всей почти поверхности Томской губерніи и стало быть климатическія условія позволяютъ ему развиваться. Фактическія данныя указываютъ намъ также, что пчеловодство можетъ существовать даже въ Каинскомъ округѣ, хотя, какъ намъ извѣстно, здѣсь имѣется масса болотъ и озеръ, представляющихъ своей величиной непреоборимыя для пчелъ препятствія. Въ Нарымскомъ же краѣ такимъ препятствіемъ пчеловодству служитъ сильный разливъ рѣки Оби и ея притоковъ, и долгое стояніе этого разлива на высокомъ уровнѣ. Вода, покрывая луга почти до второй половины лѣта, сильно задерживаетъ нормальный ходъ развитія растеній и лишаетъ пчелъ, на все это время, необходимаго для нихъ взятка. Все это и задерживаетъ развитіе пчеловодства.

Это послѣднее обстоятельство показываетъ намъ и карта. Если-же мы видимъ, что нѣкоторыя волости, повидимому пригодныя для пчеловодства, все-таки остались почему-то пустыми, то это объясняется тѣмъ, что пчеловодство, какъ опредѣленное хозяйственное занятіе, въ нихъ еще не проникло. Однако, мы будемъ надѣяться, что современемъ оно и эти волости займетъ въ достаточной степени.

Въ настоящее время мы во всей Томской губерніи имѣемъ 577.169 ульевъ въ 14.163 пасѣкахъ[1]). Распредѣленіе пасѣкъ

[1]) Эти данныя относятся, собственно къ 1894 г., но съ тѣхъ поръ коренныхъ перемѣнъ произойти, конечно, не могло.

ОТГПБ СОРАН

и прочія свѣдѣнія по всѣмъ округамъ Томской губерніи собраны на цифровой таблицѣ № 7, изъ которой видно, что на каждаго жителя (не принимая въ расчетъ жителей городовъ и всего Каинскаго округа) приходится 0,41 улья, а на каждаго пасѣчника по 49,7 колодокъ и что на каждую квадратную версту всего пространства губерніи (за вычетомъ Каинскаго округа) приходится 0,82 колодки. Свѣдѣнія по отдѣльнымъ волостямъ каждаго округа (кромѣ Каинскаго) помѣщены на первыхъ шести цифровыхъ таблицахъ, №№ 1—6. Восьмая же цифровая таблица изображаетъ возможное развитіе пчеловодства въ Томской губерніи.

Если разсматривать распредѣленіе и густоту пчеловодства по округамъ, то увидимъ, что ульевъ приходится:

на каждаго жителя.		на 1 кв. версту.	
Въ Кузнецкомъ	0,68,	Въ Змѣиногорск.	2,38
„ Змѣиногорск.	0,65	„ Бійскомъ	1,47
„ Бійскомъ	0,48	„ Кузнецкомъ	1,03
„ Томскомъ	0,40	„ Барнаульск.	0,58
„ Маріинскомъ	0,16	„ Томскомъ	0,35
„ Барнаульск.	0,14	„ Маріинскомъ	0,31

улья. улья.

Цифры послѣдняго столбца указываютъ намъ, что пчеловодство въ Змѣиногорскомъ и Бійскомъ округахъ распредѣлено относительно гуще, а рѣже всего въ Маріинскомъ и Томскомъ. Въ послѣднемъ незначительная густота пчеловодства обусловливается тѣмъ, что о пчеловодахъ всей сѣверной тайги, такъ называемой „Чулымской дачи“, у насъ свѣдѣній не имѣется, да кромѣ того сюда относится еще и совершенно пустой Нарымскій край[1]). Прибавленіе этихъ пространствъ къ Томскому округу въ значительной степени разрѣжаетъ его пчеловодную густоту.

[1]) Хотя на картахъ Томской губерніи Нарымскій край обыкновенно отграничивается въ видѣ особой территоріи, но въ статистическихъ данныхъ, которыми авторъ пользовался, все это обширное пространство включено въ составъ Томскаго округа.

Постараемся теперь выяснить относительное значеніе этихъ чиселъ. Для разрѣшенія этого вопроса обратимся къ опытнымъ пчеловодамъ, практикамъ и раціоналистамъ, каковы напр.: Лангстротъ, Цесельскій, Левицкій и др., и нашъ извѣстный пчеловодъ еще 30-хъ годовъ Витвицкій. Число колодъ на одну кв. версту, по указанію перваго, можетъ достигнуть отъ восьми до сорока, смотря по растительности. Цесельскій говоритъ, что на одной квадратной верстѣ можно имѣть двадцать колодокъ. Левицкій-же допускаетъ 8 въ отличной, четыре колодки—въ хорошей и двѣ—въ плохой мѣстности. Разница между числами первыхъ двухъ и числами послѣдняго объясняется тѣмъ, что первые имѣли въ виду засѣянное медоносными растеніями поле, послѣдній-же предполагалъ естественныя условія. Но старинный пчеловодъ Н. Витвицкій, въ сочиненіяхъ своихъ, изданныхъ еще въ 29-мъ и 42-мъ годахъ, шелъ еще дальше и говоритъ, что на одной кв. верстѣ можно имѣть: въ отличной мѣстности до 60, въ хорошей до 50 и въ средней—до 30 колодъ. Есть, правда, нѣкоторыя основанія считать и эти, хотя довольно большія, цифры вѣроятными. Перечисленными указаніями намъ можно и ограничиться, тѣмъ болѣе, что въ составленной мною цифровой таблицѣ (№ 8) возможнаго у насъ состоянія пчеловодства, мною приняты данныя Левицкаго, какъ самыя умѣренныя, хотя и выводы Цесельскаго, по моему мнѣнію, должны считаться весьма вѣроятными. Отношеніе данныхъ чиселъ ко всему пространству нашей губерніи брать нельзя, такъ какъ мы уже знаемъ, что Нарымскій край имѣетъ всего только одну пасѣку въ 50 колодокъ, а въ Каинскомъ округѣ имѣется всего около 400 колодокъ. Эти данныя слишкомъ ничтожны для того, чтобы включать ихъ въ общій разсчетъ. Поэтому въ нижеизложенныхъ соображеніяхъ и разсчетахъ я имѣю въ виду пространство губерніи за вычетомъ изъ него всего Каинскаго округа и сѣверной половины Томскаго окру-

© ЭКЗЕМПЛЯР

га. При этомъ у насъ остается все таки громадная площадь, имѣющая 567.518 кв. верстъ. Это, слѣдовательно, будетъ то пространство, на которомъ пчеловодство можетъ развиваться съ полнымъ успѣхомъ. Принявъ за наибольшее возможное количество колодокъ или ульевъ на квадр. версту 8 (Левицкаго), мы получимъ, что на всей площади Томской губерніи (за вычетомъ упомянутыхъ ея частей) можно имѣть 4.540.144 улья; при густотѣ въ 4 колоды на 1 кв. версту получимъ 2.270,072 и при густотѣ только въ 2 колоды на 1 кв. вер. число будетъ 1.135.036. Эта ничтожная густота, свойственная очень бѣднымъ мѣстностямъ, все-же въ два почти раза болѣе той, какая имѣется у насъ въ настоящее время. Если-же взять густоту въ 8 колодокъ, то возможное число колодокъ, какъ видите, превышаетъ настоящее больше чѣмъ въ восемь разъ.

Для большей наглядности всего сказаннаго, на таблицѣ II схематически представлено мною современное состояніе пчеловодства и возможное его развитіе въ Томской губерніи. На фиг. 1 кв. весь (наружный) квадратъ представляетъ собою всю площадь Томской губерніи безъ исключенія, 1-й внутренній квадратъ представляетъ пространство удобное для пчеловодства, а 2-й внутренній квадратъ—пространство занятое пчеловодствомъ въ настоящее время. Наружные квадраты остальныхъ фигуръ предстазляютъ пространство удобное для пчеловодства во всей Томск. губ., слѣдовательно они равны первому внутреннему квадрату фигуры 1-й. Первый внутренній квадратъ каждой изъ этихъ фигуръ изображаетъ удобную для пчеловодства площадь соотвѣтствующаго округа. Еще далѣе внутрь находится третій квадратъ, представляющій пространство занятое пчеловодствомъ въ дѣйствительности. Цифры на правой сторонѣ указываютъ на возможное развитіе пчеловодства при густотѣ (или плотности, какъ означено на фигурахъ) въ 4 колодки на 1 квадр. версту. На лѣвой же сторонѣ цифры

соотвѣтствуютъ его дѣйствительному состоянію въ 1894 г. Что касается полученія продуктовъ, то въ 1894 году во всѣхъ округахъ Томской губерніи добыто было 2.028,526 фунтовъ меду и 244.424 фун. воску; считая въ среднемъ первый по 4 руб. пудъ и второй—по 16 р., увидимъ, что меду продано на 202,852 руб. 60 коп., воску-же на 97,769 р. 60 коп.

Стало быть Томская губернія выручила отъ пчеловодства за весь годъ 300.622 руб. 20 коп.*). Неумѣнье воспользоваться наибольшею продуктивностью пчеловодства здѣсь играетъ немалую роль. Въ самомъ дѣлѣ, за воскъ выручено только 97769 руб. 60 коп. Между тѣмъ мы знаемъ, что для приготовленія одного фунта воску пчела съѣдаетъ никакъ не менѣе 10 фун. меду. Слѣдовательно, если-бы не заставляли ее дѣлать такое количество воску, то у насъ осталось-бы 2.444.240 фун. меду, употребленнаго пчелами на воскъ; а обративъ его въ деньги, получили-бы 244.424 руб., т. е. выиграли-бы на этой продажѣ 146.654 р. 40 коп., такъ какъ за воскъ мы получили не 244.000, а только 97.000.

Мнѣ кажется, все это ясно указываетъ на то, что пчеловодство у насъ еще не достигло высшаго своего развитія, да и предполагать это трудно, такъ какъ намъ извѣстно, что назадъ тому какихъ нибудь сто съ небольшимъ лѣтъ о пчелахъ въ Сибири и понятія не имѣли. Такое важное хозяйственное занятіе, какъ пчеловодство, не можетъ быстро развиваться, оно должно идти почти пропорціонально заселенію страны. Въ настоящее время, съ увеличеніемъ заселенія страны переселенцами, отъ старинныхъ пчеловодовъ нерѣдко можно услышать жалобы. Такъ, они говорятъ, что „прежде было гораздо привольнѣе, а теперь земельныя угодья ограничиваются все болѣе и болѣе и пчелѣ стало негдѣ собирать свои

*) 1894-й годъ—плохой, отличался повсемѣстно почти совершеннымъ отсутствіемъ взятка.

запасы". Съ ихъ точки зрѣнія оно вѣрно: это не могло не отразиться на нашемъ пчеловодствѣ, такъ какъ прежде мы могли ставить пчелъ гдѣ хотѣли, вездѣ была земля свободная. Кромѣ того, весь уходъ за пчелой ограничивался ихъ выставкой весной, подрѣзкой меда, если онъ былъ, или-же убиваніемъ части пчелъ, если его нѣтъ, и постановкой остальныхъ въ подвалъ или въ яму на зимовку. Въ остальное время пчелы предоставлялись самимъ себѣ. Даже и караула никакого не надо было, кромѣ роевого времени, когда ловля роевъ по необходимости заставляла присутствовать на пасѣкѣ хозяина или-же, въ большинствѣ случаевъ, какого-нибудь наемнаго старика. Весеннее кормленіе бѣдныхъ запасами пчелъ, и то стало примѣняться лишь недавно*). Если-бы наши пчеловоды ходили за пчелой хорошо, то было-бы совершенно невозможно то печальное положеніе, въ которомъ очутились пчелы въ 1894 году, когда почти во всѣхъ округахъ взятка не было. Результатъ, дѣйствительно, не замедлилъ обнаружиться въ томъ, что пчелы у большинства на половину погибли, другіе для сохраненія должны были кассировать одну половину пасѣки, чтобы добыть медъ для поддержки второй половины. Многіе-же мелкіе пчеловоды даже совершенно лишились пчелъ. Слѣдовательно, замѣченный вездѣ и всѣми недостатокъ взятка не заставилъ ихъ искусственно подкармливать пчелъ. Между тѣмъ знающіе дѣло люди безъ корма пчелъ не оставили-бы. „Въ плохіе года пчелы превосходно могутъ зимовать и на сиропѣ, изготовленномъ человѣкомъ. Нечего, слѣдовательно, опасаться случайнаго недостатка въ цвѣтахъ, или неблагопріятнаго сезона" — *справедливо говоритъ Ж. де-Суанъи.*

У насъ нѣкоторые пчеловоды умудряются имѣть отъ 1000 до 3000 колодокъ въ однѣхъ рукахъ, т. е. при единолич-

*) Уходъ за пчелами, къ сожалѣнію, и въ Европейской Россіи ведется большинствомъ неграмотныхъ пчеловодовъ такимъ же способомъ, какъ и у насъ въ Сибири.

номъ надзорѣ и уходѣ, которые понятно не могутъ быть достаточными. Только такимъ мало свѣдущимъ и безпечнымъ пчеловодамъ мѣшаетъ большая населенность страны. Если-же вести дѣло правильно и осмотрительно, то увеличеніе населенія мѣшать дѣлу не будетъ. Нужно только усилить заботы о пчелахъ. Необходимо засѣвать часть полей медоносными растеніями въ тѣхъ случаяхъ, когда естественныя условія пчеламъ неблагопріятны, по отсутствію необходимыхъ растеній. Замѣтьте, что одна десятина гречихи даетъ въ день 12 килограммовъ меду или 30 фунтовъ (что все равно),—только въ одинъ день! Но кромѣ гречихи есть много такихъ растеній, которыя даютъ меду и побольше ея. Какъ на примѣры, укажу на синякъ, фацелію, бѣлый клеверъ, суренку и мн. др. Можно изъ нихъ подобрать такія растенія, которыя по отцвѣтеніи пригодились бы или на сѣно, или на другія хозяйственныя потребности. Только при подобномъ сочетаніи одного съ другимъ и можно будетъ вести правильное пчеловодство. Прибавивъ къ этому разборный улей и правильный уходъ, намъ не останется ничего больше желать.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ мною, видно, что правильное пчеловодство начинаетъ понемногу и у насъ распространяться, такъ какъ во всей Томской губерніи мы имѣемъ уже 1468 рамочныхъ и 12087 линеечныхъ ульевъ различныхъ системъ, что составляетъ 2,4% всѣхъ ульевъ, или немного болѣе одного улья на каждую пасѣку.

Въ самомъ дѣлѣ, если-бы скученность населенія имѣла такое неблагопріятное вліяніе на пчеловодство, то въ Западной Европѣ, гдѣ густота населенія достигаетъ очень значительной степени, нельзя было-бы имѣть и одной колодки пчелъ. Однако, въ Бельгіи напр., гдѣ на 1 кв. килом. приходится жителей 207 человѣкъ, пчелъ на то-же пространство приходится около 4,7 колодъ.*) Я ужъ не привожу другихъ странъ.

*) Въ Германіи въ 1892 г. на простр. 540,419 квад. килом. съ плотностію

Стало быть, заселенность и обработка земли не должны ни въ какомъ случаѣ насъ пугать. Тѣмъ болѣе не должны мы опускать руки при малѣйшей неудачѣ, а напротивъ должны усиленно изучать дѣло и, заручившись знаніемъ его, идти смѣло впередъ.

До сихъ поръ, Мм. Гг., я еще не сказалъ Вамъ ни слова о доходности пчеловодства. Можетъ быть, она настолько незначительна, что не стоитъ вообще о ней и заботиться? Цесельскій, Тибо, Лангстротъ и др. говорятъ, что въ хорошій годъ улей зачасаетъ до 125 фунт. меду, изъ которыхъ $^2/_3$ идетъ въ пользу человѣка. Если это такъ, то вѣдь по средней цѣнѣ на медъ 4 руб. за пудъ, каждая колодка дастъ 8 руб., а если ихъ 100 штукъ, то пчеловодство дастъ намъ 800 руб. за одно лѣто, предоставляя остальное время года въ полное наше распоряженіе. Правда, такая доходность не каждый годъ возможна, но въ среднемъ, по мнѣнію лучшихъ пчеловодовъ, колодка должна дать не менѣе 37 фунт. Даже если-бы мы взяли только 25 фунт. съ колодки, то со 100 колодокъ, нормальныхъ размѣровъ, получили-бы 248 руб. Это для сельскаго хозяина могло-бы быть, такъ сказать, резервомъ на всякій непредвидѣнный случай, вродѣ напримѣръ неурожая, падежа скота и т. под. Эти несчастія, при неимѣніи средствъ, всегда сильно отражаются на благосостояніи жителей и тѣ изъ нихъ, которые имѣли-бы такую заручку, легче могли-бы перенести подобнаго рода бѣдствія.

Какихъ-же вообще экономическихъ результатовъ можетъ достигнуть пчеловодство въ Томской губерніи? Раньше я говорилъ, что при средней густотѣ пчеловодства возможно имѣть на 1 кв. версту по крайней мѣрѣ 4 колодки. При этомъ оказалось, что на взятомъ нами пространствѣ губерніи съ удобствомъ можетъ помѣститься 3.074.652 колодки. Считая по 25 фунт. въ среднемъ отъ каждой колодки, мы, такимъ образомъ, получимъ 56.751.800 фунтовъ меду.

Переводя все это на деньги, будемъ имѣть 5.675.180 руб. А это болѣе чѣмъ въ восемнадцать разъ увеличитъ продуктивность нашего пчеловодства. Какія-же затраты требуются при этомъ? Только одно употребленіе облегчающихъ уходъ за пчелами рамочныхъ или разборныхъ ульевъ той или другой системы, да кромѣ того, конечно, надо вести весь уходъ за пчелами сообразно съ ихъ жизнью, потребностями и привычками, которыя нужно хорошо знать.

Оканчивая это краткое изложеніе, я позволю себѣ, Мм. Гг., сказать, что пчела, это сравнительно ничтожное насѣкомое, всегда внимательно слѣдитъ за воспитаніемъ своего молодого поколѣнія, соблюдаетъ строгость нравовъ, ведетъ постоянную неусыпную дѣятельность, направленную къ благополучію семьи, не прекращающуюся не только въ лѣтнее, но и въ теченіе зимняго холоднаго времени. Въ это время дѣятельность пчелъ направлена исключительно къ поддержанію необходимой имъ теплоты внутри улья. Своимъ временемъ пчелы очень дорожатъ и не тратятъ его попусту, точно вполнѣ понимая американскую поговорку „время—деньги“.

Однако, всѣ мы боимся пчелъ, потому что онѣ очень больно жалятъ, или, какъ многіе говорятъ, „кусаются“. Извѣстно, что каждый уколъ жаломъ стоитъ пчелѣ жизни. Отрываніе жала отъ тѣла пчелы, происходящее при каждомъ ужаленіи, влечетъ за собою смерть особи. Но это вызывается необходимостью самозащиты. Въ данномъ случаѣ защита направлена къ благосостоянію цѣлаго общества, сохраненію его жилища и запасовъ; если же эта защита сопряжена съ лишеніемъ жизни особи, то вѣдь это самопожертвованіе.

Наблюденіе всего этого доставляетъ человѣку величайшее наслажденіе. Всякій, кто привыкъ къ пчеламъ, кто видѣлъ ихъ, ухаживалъ за ними, не можетъ не удивляться проявлені-

жителей 91 ч. на 1 кв. кил. имѣлось 2,034.479 ульевъ, изъ которыхъ 31% разборн., т. е. густота пчелов. достигаетъ 3,76 ул. на 1 кв. килом., а на 1 кв. версту 4,3 ул. Вѣстн. Иностр. Литерат. Пчеловод. за 1896 г. стр. 97.

ОТПЕЧАТОК

ямъ въ нихъ разумныхъ высшихъ инстинктовъ и, невольно полюбивъ ихъ, увлекается ими и дѣлается въ душѣ пчеловодомъ. Постоянная же дѣятельность на открытомъ воздухѣ въ полѣ, или въ лѣсу, ставитъ человѣка въ близкія непосредственныя сношенія съ природой, развиваетъ въ немъ наблюдательность, заставляетъ невольно погружаться въ самого себя и съ нѣмымъ восторгомъ любоваться гармоніей окружающей насъ природы. „Кто можетъ заставить полюбить поля, тотъ заставитъ полюбить и добродѣтель“,—говоритъ извѣстный апостолъ пчеловодства въ Бельгіи Жюль де-Суаньи.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ его Исторіи пчеловодства въ Бельгіи. Онъ говоритъ: „По генеральному отчету Французской уголовной палаты 1874 г., въ средѣ людей, занимающихся земледѣліемъ и составляющихъ $^2/_3$ всего населенія, было всего 1.938 человѣкъ, осужденныхъ за преступленія, тогда какъ среди всѣхъ другихъ профессій, въ совокупности составляющихъ $^1/_3$, было 3.290 преступниковъ, т. е. 67% всего числа осужденныхъ за преступленія. Слѣдовательно, способствовать развитію сельско-хозяйственной промышленности, доставляющей и удовольствіе и выгоду, значитъ добиваться и нравственнаго совершенства и матеріальнаго благостоянія народа. Едва-ли найдется другая отрасль сельскаго хозяйства, которая удовлетворяла-бы въ такой степени указаннымъ двумъ условіямъ, какъ пчеловодство, дающее хорошій барышъ при затратѣ ничтожнаго капитала и еще болѣе ничтожнаго количества времени“. И слѣдовательно: „Имѣя пасѣку, сельскій житель собираетъ жатву не посѣявъ. Это тоже, что манна въ пустынѣ: ее нужно только собирать“.

№ 1.

ТОМСКІЙ ОКРУГЪ ЗА 1894 ГОДЪ.

№№	Названія волостей и инородческ. управъ.	Простр. въ кв. верст.	Число жите-лей.	Число поселеній		Число пасѣкъ.	Количество ульевъ.			Сколько приходится ульевъ.			Сколько добываютъ.		На сумму.	
				Всѣхъ пасѣкъ.	Съ пасѣкам.		Лине-ечныхъ.	Рамоч-ныхъ.	Про-стыхъ.	Всѣхъ.	На каж. пасѣку.	На каж. жителя	Меду въ фунтахъ.	Воску	Руб.	К.
1	Нелюбинская в.			7	18	25			1603	1603	27					
2	Ишимская в.			12	8	20			3395	3395	57					
3	Николаевская в.			15	11	26			5534	5534	53					
4	Богородская в.			15	18	33			2854	2854	21					
5	Ялтайская в.			2	18	20			3328	3328	30					
6	Уртамская в.			4	6	10			2748	2748	31					
7	Суджанская в.				9	9			2504	2504	47					
8	Ново-Кусковская в.				8	8			5005	5005	50					
9	Спасская в.			17	16	33			3214	3214	40					
10	Семилужинская в.			12	23	35			9581	9581	66					
11	Кривощековская в.			15	25	40			6592	6592	28					
12	Оянинская в.			4	34	38			12386	12407	39					
13	Чаусская в.			4	19	23			1037	1038	18					
14	Тутальская в.			9	59	68			14512	14524	38					
15	Кайлинская в.				44	44			17161	17739	38					
16	Телеутская и. у.			150	6	156			791	791	66					
		266168	232195	266	322	588	2388		672	92245	92917	39	0,40	0,35	226407	36431	59071	70

© ГПИБ РАН

№ 2.

МАРІИНСКІЙ ОКРУГЪ ЗА 1894 ГОДЪ.

№№	Названія волостей и инородческ. управъ.	Простр. въ кв. верст.	Число жителей.	Число поселеній			Число пасѣкъ.	Количество ульевъ.			Сколько приходится ульевъ.		Сколько добывается.		На сумму.	
				Безъ пасѣкъ.	Съ пасѣками.	Всѣхъ		Линеечныхъ	Рамочныхъ.	Простыхъ.	На каж. пасѣку.	На каж. жителя	Меду въ фунтахъ.	Воску	Руб.	К.
1	Алчедатская в. . .			13	3	16	27	„	„	980	36					
2	Почитаевская в. .			15	16	31	150	„	„	3377	22					
3	Баинская в. . . .			11	12	23	„	„	„	3866	30					
4	Дмитріевская в. .			23	5	28	58	„	„	676	17					
5	Богословская в. .			41	17	58	157	56	30	7291	47					
6	Зырянская в. . .			30	14	44	192	„	„	3089	19					
		6580	139618	133	97	200	709	56	68	19582	28	0,14	0,30	51551	5106	10961

№ 3.

КУЗНЕЦКІЙ ОКРУГЪ ЗА 1894 ГОДЪ.

№№	Названіе волостей и инородческ. управъ.	Простр. въ кв. верст.	Число жителей.	Число поселеній			Число пасѣкъ.	Количество ульевъ.			Сколько приходится ульевъ.		Сколько добывается.		На сумму.	
				Безъ пасѣкъ.	Съ пасѣками.	Всѣхъ		Линеечныхъ	Рамочныхъ.	Простыхъ.	На каж. пасѣку.	На каж. жителя	Меду въ фунтахъ.	Воску	Руб.	К.
1	Кузнецкая в. . .			3	29	32	230	„	„	14495	14495	63				
2	Ильинская в. . .			2	26	28	208	„	„	8996	8996	43				
3	Бочатская в. . .			11	17	28	111	20	20	2474	2514	22				
4	Салаирская в. . .			9	„	9	„	„	„	„	„	„				
5	Косьминская в. .			27	24	51	233	„	„	6202	6202	26				
6	Тарсминская в. .			8	51	59	373	171	„	12778	12949	35				
7	Верхо-Томская в. .			1	38	39	332	„	„	13421	13421	40				
8	Уксунайская в. *) .			6	48	54	385	„	„	16184	16184	32				
9	Мунтатская в. . .			8	31	39	265	„	45	13752	13797	52				
10	31 инородч. управа.			335	4	339	11	1585	„	—	1585	144				
		87171	132559	410	268	678	2148	1776	65	88302	90143	42	0,68	1,03	144210	39057	53278	„

*) Ялгинская волость вошла въ составъ Уксунайской.

© ГПНБ СО РАН

№ 4.

БАРНАУЛЬСКІЙ О[круг]Ъ ЗА 1894 ГОДЪ.

№№	Названіе волостей и инородческихъ управъ.	Простр. въ кв. верст.	Число жителей.	Число поселеній. Безъ пасѣкъ.	Съ пасѣками.	Всѣхъ.	Количество ульевъ. Линейныхъ.	Рамочныхъ.	Простыхъ.	Всѣхъ.	Сколько приходится ульевъ. На каждую пасѣку.	На каждаго жителя	На кв. версту.	Сколько добывается. Меду въ фунтахъ.	Воску въ фунтахъ.	На сумму. Руб.	Коп.
1	Бѣлоярская в.			2	19	21			2893	2893	29						
2	Косихинская в.			„	19	19			5298	5298	27						
3	Чумышская в.			8	31	39			4200	4200	21						
4	Жуланихинская в.			„	11	11			6254	6254	46						
5	Верхъ-Чумышская в.			11	24	35		3	1139	1142	16						
6	Залѣсовская в.			14	8	22			3013	3013	40						
7	Тальменская в.			4	27	31			2222	2222	24						
8	Боровлянская в.			„	32	32			7251	7251	27						
9	Николаевская в.			„	33	33			15651	15651	57						
10	Чингинская в.			4	25	29			3563	3563	42						
11	Легостаевская в.			22	6	28			3799	3799	56						
12	Бердская в.			3	21	24	915	3	7365	8283	51						
13	Шадринская в.			19	15	34			1302	1302	20						
14	Малышевская в.			4	14	18			2171	2171	34						
15	Кулундинская в.			25	4	29			55	55	8						
16	Нижне-Кулундинская в.			31	3	34			42	42	10						
17	Бурлинская в.			11	6	17			169	169	10						
18	Ордынская в.			39	6	45			115	115	14						
19	Павловская в.			1		1											
20	Сузунская в.			1		1											
21	Александровская в.			12		12											
22	Ляпинская в.			35		35											
23	Карасукская в.			40		40											
24	Чулымская в.			17		17											
25	Покровская в.			24		24											
		114513	500262	327	304	631	915	6	66502	67523	36	0,13	0,58	99034	22338	32241	40

№ 4.

© ГПНТБ СО РАН

№ 5.

БІЙСКІЙ ОКРУГЪ ЗА 1894 ГОДЪ.

№№	Названіе волостей и инородческ. управъ.	Простр. въ кв. верст.	Число жителей.	Число поселеній			Число пасѣкъ.	Количество ульевъ.			Сколько приходится ульевъ.		Сколько добывается.		На сумму.	
				Всѣхъ пасѣкъ.	Съ пасѣками.	Всѣхъ.		Линеечныхъ	Рамочныхъ.	Простыхъ.	На каж. пасѣку.	На каж. жителя	Меду въ фунтахъ.	Воску	Руб.	К.
1	Бійская в. . .	100489	9	15	24	97	—	—	—	5405	56	0,54	5405	56		
2	Енисейская в. .	321419	3	23	26	465	2556	502	13351							
3	Сростинская в. .	254	3	26	29	516	756	5	22318							
4	Алтайская в. .	208	1	25	26	516	—	—	23581							
5	Смоленская в. .	462	2	12	14	303	—	—	11439							
6	Сычевская в. .	3832	1	20	21	406	—	5	16249							
7	Алтайская в. .	5848	7	32	39	731	—	—	—							
8	Нижне-Чарышская	595	15	9	24	176	—	—	7016							
9	Барнаульская в.	142071	19	6	25	23	—	—	633							
10	Бобкинская п. у.	148514	5	5	10	83	—	30	2810							
11	Нижне Кумандинс.	38,5	12	20	32	96	—	—	4458							
12	1-я Алтайская дюч.	0,48	46	—	46	—	—	—	1165							
13	Бомнжская п. у.	1,47	35	—	35	—	—	—	—							
14	Южская п. в. .	397742	20	—	20	—	—	—	—							
15	Кузенская п. в.	53202	21	—	21	—	—	—	—							
16	Берчевская п. в.	92976	15	—	15	—	—	—	—							
17	Ново-Чершовская	20	8	8	15	—	—	—	—							
18	Верхъ-Кумандинс.		40	7	47	209	—	5	3791							

№ 6.

ЗМѢИНОГОРСКІЙ ОКРУГЪ ЗА 1894 ГОДЪ.

№№	Названіе волостей и инородческ. управъ.	Простр. въ кв. верст.	Число жителей.	Число поселеній			Число пасѣкъ.	Количество ульевъ.			Сколько приходится ульевъ.		Сколько добывается.		На сумму.	
				Всѣхъ пасѣкъ.	Съ пасѣками.	Всѣхъ.		Линеечныхъ	Рамочныхъ.	Простыхъ.	На каж. пасѣку.	На каж. жителя	Меду въ фунтахъ.	Воску	Руб.	К.
1	Чарышская в. . .	6645	4245	15	19	34	119	—	—	1835	1835	15				
2	Бобровская в. . .			1	4	5	52	452	45	3647	4144	80				
3	Усть-Каменогорская			—	6	6	123	—	—	6177	6177	50				
4	Владимирская в. .	2424	56	7	8	15	589	—	—	29488	29488	50				
5	Змѣиногорская в. .	56		2	5	7	76	—	—	4581	4581	60				
6	Ново-Алейская в. .			13	—	13	—	—	—	—	—	—				
7	Колыванская в. .			4	16	20	398	—	2	18815	18817	47				
8	Локтевская в. . .			2	7	9	28	—	—	502	502	18				
9	Шелковниковская .	456	27	15	—	15	—	—	—	—	—	—				
10	Александровская в.			4	12	16	326	85	15	14449	14549	45				
11	Ридерская в. . .			5	2	7	141	—	—	6683	6683	47				
12	Алейская в. . .			4	9	13	247	—	—	9772	9772	39				
13	Бухтарминская в. .			—	12	12	483	—	—	25321	25321	52				
14	Зыряновская . .			1	5	6	107	—	—	6310	6310	59				
15	Верхъ-Бухтарминск.			—	8	8	185	2955	—	6321	9276	50				
16	Нарымская в. . .			1	13	14	319	—	—	16373	16373	51				
17	Покровская . . .			13	11	24	85	—	—	4235	4235	50				
		6645	4245	87	137	224	3278	3492	62	154509	158063	48,2	0,65	2,38	1106982	88137	198835	20

© ГПНТБ СО РАН

№ 7.

СОСТОЯНІЕ ПЧЕЛОВОДСТВА

ОКРУГЪ.	Простр. въ квадр. верстахъ.	Число жителей.	Число поселеній			Число пасѣкъ.	Число ульевъ.	
			Безъ пасѣкъ.	Съ пасѣк.	Всѣхъ.		Разстоящихъ.	
Томскій	266168	232195	266	322	588	2388	67	
Маріинскій	65807	139618	133	67	200	700	68	
Каинскій	68061	174360	397	4	401	7	-	
Кузнецкій	87171	132559	410	268	678	2148	65	
Барнаульскій	114513	500262	327	304	631	1882		
Бійскій	100489	321419	251	208	462	3832	595	
Змѣиногорскій	66454	242456	87	137	224	3206	231	
	768663	1713469	1874	1310	3184	14163	1467	
	700602	1403454						

При разсчетѣ количества ульевъ, приходящагося на 1 человѣка и на 1 кв. версту (см. правую половину таблицы) изъ общей площади губерніи вычтено пространство, занимаемое Каинскимъ округомъ (по причинѣ слабаго развитія въ немъ пчеловодства), а изъ общаго числа жителей вычтено населеніе городовъ. Такимъ образомъ получились двѣ цифры, стоящія рядомъ, направо отъ этого примѣчанія.

№ 7.

ОМСКОЙ ГУБЕРНІИ ЗА 1894 ГОДЪ.

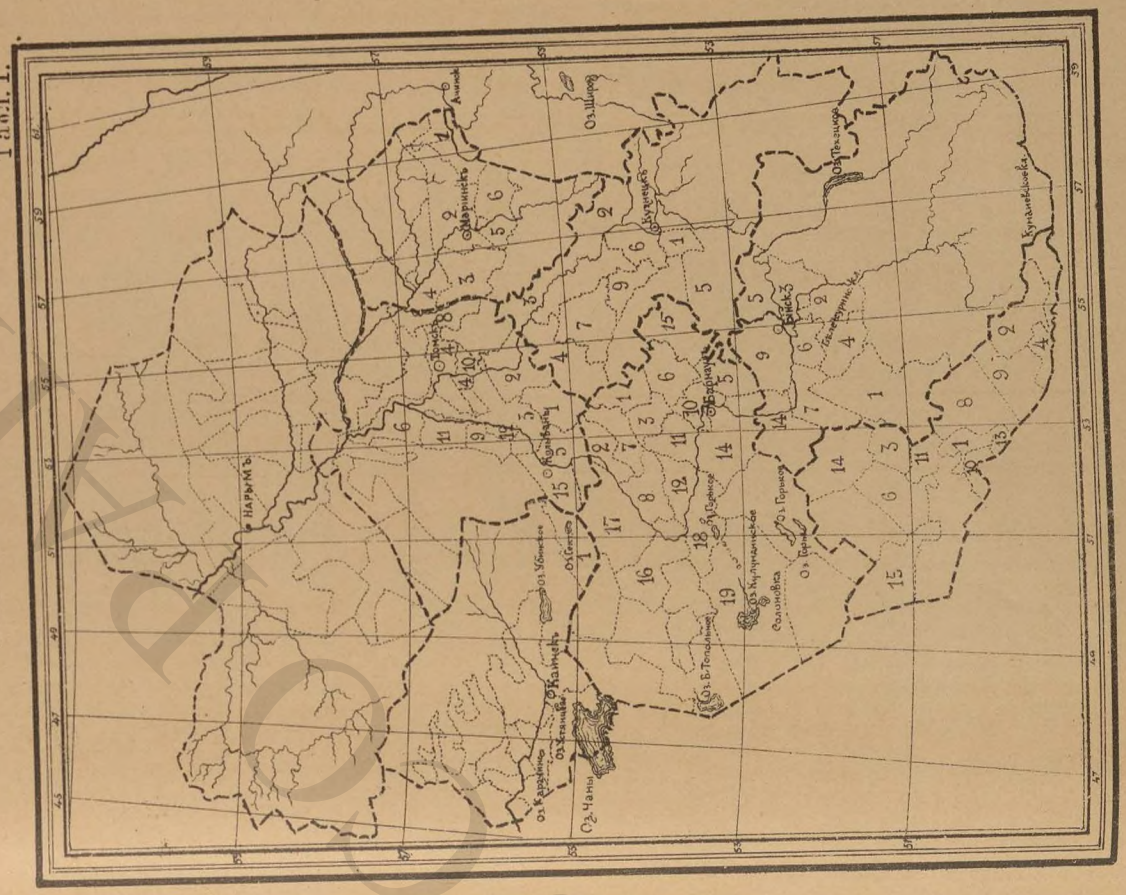
ульевъ.		Сколько приходится на			Сколько получено въ фун.			По скольку на улей	НА СУММУ.	
стоящ.	Всѣхъ.	1-го пасѣч.	1-го жител.	1 кв. версту.	Меду.	Воску.	Всего*).		Р.	К.
245	92917	39	0,40	0,35	226407	36431	590717	5,3	59071	70
582	19706	28	0,14	0,30	51551	5106	102611	5,2	10261	10
403	403	57,5	0,002	0,005	2600	153	4130	12,4	413	„
3302	90143	42	0,68	1,03	144210	39057	532780	5.8	53278	„
3502	67423	36	0,13	0,58	99034	22338	322414	5,04	32241	40
2071	148514	38,5	0,48	1,47	397742	53202	929762	6,2	92976	20
3509	158063	48,2	0,65	2,38	1106982	88137	1988352	12,5	198835	20
3614	577169	40,7	0,41	0,82	2028526	244424	4472766	7,7	447276	60 а)
					Отдѣльно за	2028526	по 10 к. фунтъ.		202852	60
					за	244424	по 40 к. фунтъ.		97769	60
									300622	20 в).
					Разность между а) и в) выражаетъ потерю при продажѣ воскемъ, а не медомъ.				146654	40

*) Показанныя въ этой графѣ цифры изображаютъ оба продукта пчеловодства въ одной и той же формѣ, именно—въ видѣ меда. При переводѣ воска на медъ принято, что 1 фунтъ воску равенъ 10 ф. меду.

© ПЧЕЛОСОРАН

Таб. I.

КАРТА РАСПРЕДѢЛЕНІЯ ПЧЕЛОВОДСТВА ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.



1, 2, 3, 4 и т. д. — степени развитія пчеловодства въ каждой волости (принимая 1 за наивысшую степень).

— — — — границы округовъ.

границы волостей.

Изъ статьи С. А. Суховъ

№ 8.

Таблица возможнаго развитія пчеловодства и доходности его въ Томской губерніи.

	ОКРУГЪ.	Простран. въ квадр. верст.	Общее число ульевъ въ наст. время.	Число ульевъ на 1 кв. верст.	Сколько должно быть ульевъ при: Густотѣ.	Соотвѣтст. число ульевъ отличныхъ мѣст.	Густотѣ.	Соотвѣтст. кол. ульевъ въ мѣстн. хорош.	Густотѣ.	Соотвѣтст. число ульевъ въ плохихъ мѣст.	Количество меда, въ фунтахъ, полагая 25 ф. съ улья.	СУММА. Руб.	К.	Примѣчанія.
1	Томскій . . .	266,168	92,917	0,35	8	—	4	1,064,672	2					
2	Маріинскій . .	65,807	19,706	0,31	—	—	—	263,228	—					
3	Каинскій . .	68,061	403	0,002	—	—	—	272,244	—					
4	Барнаульскій .	114,513	67,423	0,58	—	—	—	458,052	—					
5	Кузнецкій . .	87,171	90,143	1,03	—	—	—	348,684	—					
6	Бійскій *) . .	100,489	148,514	1,47	—	—	—	401,940	—					
7	Змѣиногорскій .	66,454	158,063	2,38	—	—	—	1,106,982	—					
		768,663	577,169	0,75	8	6,149,304	4	3,074,652	2	1,537,326	76,866,300**)	7,686,630	—	
	Если взять пространство безъ Каинскаго окр. и безъ ½ Томскаго округа, то получимъ . .	567,518	—	—	8	4,540,144	4	2,270,072	—	—	113,503,600 / 56,751,800	11,350,360 / 5,675,180	— / —	Цѣна на медъ взята средняя 4 руб. пудъ. **) Количество меда взято при густотѣ (плотности) въ 4 колодки на 1 кв. версту.
	*) Бійскій и Змѣиногорскій округа раздѣлены приблизительно.		—	—		—		—	2	1,135,036	28,376,125	2,837,612	50	

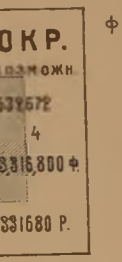
С. А. Суховъ.

СХЕМЫ ОТНОСИТЕЛЬНАГО РАЗВИТІЯ ПЧЕЛОВОДСТВА
ПО ОКРУГАМЪ ТОМСКОЙ ГУБЕРН.

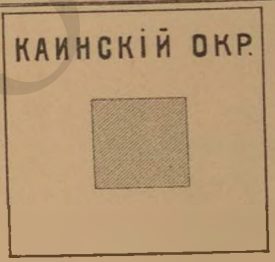
Табл. II

Фиг.1.

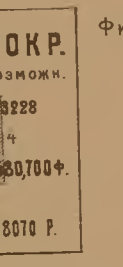
Фиг.2.



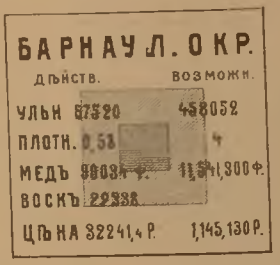
Фиг.3.



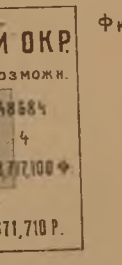
Фиг.4.



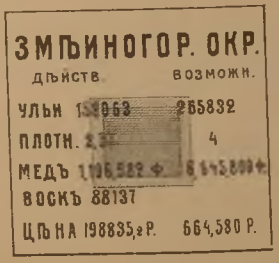
Фиг.5.



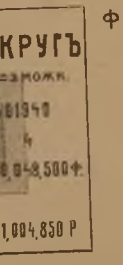
Фиг.6.



Фиг.7.



Фиг.8.



КЪ СТАТЬѢ С.А.СУХОВА.

© ГПНТБ СО РАН

Важнѣйшія эпизоотіи Томской губерніи*).

Э. Д. Жуковскаго.

Мм. Гг.! Скотоводство въ нашей громадной губерніи составляетъ главнѣйшую отрасль сельскаго хозяйства, а въ нѣкоторыхъ ея мѣстностяхъ, какъ въ южной части Барнаульскаго и юго-восточной Бійскаго и Кузнецкаго округовъ, оно служитъ почти единственнымъ источникомъ существованія населенія, въ особенности инородческаго. Условія для развитія въ губерніи скотоводства—самыя благопріятныя. Обширныя пространства поемныхъ луговъ и огромное количество степей и лѣсныхъ полянъ ежегодно даютъ такое количество хорошей питательной травы, что не стѣсняемый ни мѣстомъ, ни пространствомъ подножный кормъ, въ теченіе 5-ти, а иногда 6-ти мѣсяцевъ, представляетъ собою уже изобиліе, неизвѣстное сельскимъ хозяевамъ Европы. Въ настоящее время не потребляется и сотая доля ежегодно выростающей травы, такъ какъ всякій хозяинъ дѣлаетъ себѣ запасы сѣна по мѣрѣ надобности его хозяйства. На всемъ пространствѣ Томской губерніи, исключая Нарымскаго края, климатическія условія самыя благопріятныя для успѣшнаго развитія всѣхъ видовъ скотоводства; что-же касается Бійскаго, Барнауль-

*) Хотя всѣхъ, встрѣчающихся въ этой статьѣ спеціальныхъ выраженій и не удалось въ достаточной мѣрѣ объяснить вставками какъ въ самомъ текстѣ, такъ и подстрочными, однако статья эта заключаетъ такъ много общеинтересныхъ данныхъ, что навѣрно прочтется съ удовольствіемъ и неспеціалистами. *Red.*

© ГПНТБ СО РАН

скаго, Кузнецкаго и Змѣиногорскаго округовъ и вообще пространствъ, прилегающихъ къ Алтаю, то лучшихъ условій едва-ли можно желать: и плодородіе почвы, и умѣренность лѣтняго зноя, и повсемѣстный достатокъ необходимой для скота воды—все безъ исключенія свидѣтельствуетъ о томъ, что сама мѣстная природа видимо благопріятствуетъ развитію скотоводства. И дѣйствительно, съ перваго взгляда можно заключить, что скотоводство процвѣтаетъ въ губерніи, такъ какъ напр. изъ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ видно, что количество рогатаго скота въ губерніи составляетъ 2,6% всего количества рогатаго скота въ Имперіи и 18,6% скота, числящагося въ 14 губерніяхъ и областяхъ Сибири; а количество находящихся въ ней лошадей составляетъ 5,2% всего количества этого рода животныхъ въ Имперіи и 22% въ Сибири. По количеству скота Томская губернія уступаетъ лишь только областямъ: Кубанской и Войска Донского. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ этою отраслью сельскаго хозяйства и принявъ во вниманіе наличность благопріятныхъ условій для развитія его, къ сожалѣнію, должно сказать, что въ настоящее время скотоводство и коневодство въ Томской губерніи находятся еще настолько въ неудовлетворительномъ состояніи, что оставляютъ желать очень многаго, особенно въ отношеніи качественнаго улучшенія породъ.

Главнѣйшія препятствія къ успѣшному развитію всѣхъ формъ скотоводства въ губерніи, какъ въ былое отдаленное время, такъ и теперь, остаются почти одни и тѣ-же: 1) совершенное отсутствіе въ сельскомъ населеніи сколько нибудь разумныхъ понятій о правильномъ содержаніи и уходѣ за домашнимъ скотомъ и 2) частое появленіе падежей, происходящихъ отъ повально-заразительныхъ болѣзней, опустошительное дѣйствіе которыхъ, поражающее численностью жертвъ, является послѣдствіемъ крайней малочисленности ветеринарнаго состава для оказанія помощи, какъ при единичныхъ,

такъ и при массовыхъ заболѣваніяхъ скота. Въ этомъ отношеніи достаточно сказать, что на всю Томскую губернію, превосходящую своею обширностью любое изъ Европейскихъ государствъ, имѣется меньше ветеринаровъ, нежели въ одномъ уѣздѣ многихъ земскихъ губерній.

Среди скота Томской губерніи встрѣчаются всѣ инфекціонныя (заразныя) болѣзни, которыя до сихъ поръ приходилось наблюдать у животныхъ, но первое мѣсто между ними по ущербамъ, причиняемымъ сельскому хозяйству, занимаютъ: *чума рогатаго скота, повальное воспаленіе легкихъ* и *сибирская язва*. Ознакомленіе съ ними благосклонныхъ слушателей составляетъ задачу настоящаго моего чтенія.

Чума рогатаго скота.

Сообразно тѣмъ громаднымъ опустошеніямъ, какія причиняетъ сельскому хозяйству чума рогатаго скота, разоряющая и окончательно подрывающая благосостояніе населенія, она вполнѣ заслуженно считается народнымъ бѣдствіемъ. Болѣзнь, разъ появившись въ извѣстномъ хозяйствѣ, очень быстро распространяется между наличнымъ скотомъ данной мѣстности и крупно-рогатый скотъ, въ большинствѣ случаевъ, въ короткое время весь погибаетъ. Заболѣвшее животное передаетъ заразу не только всему непосредственно съ нимъ соприкасающемуся крупному рогатому скоту, но и находящемуся въ одномъ съ нимъ помѣщеніи, или дворѣ. Кромѣ того, зараза отъ больнаго животнаго можетъ передаваться здоровому еще при посредствѣ всевозможныхъ переносчиковъ, какъ-то: людьми, ухаживающими за больнымъ скотомъ, ихъ платьемъ, посудою, утварью, кормомъ, подстилкою, сѣномъ, соломою, навозомъ, кожами павшихъ животныхъ, мясомъ и многими другими путями. Совершенно поэтому понятна та паника, которая поражаетъ жителей при одномъ извѣстіи о появле-

ОТПЕЧАТОК

ніи въ ихъ селеніи чумы рогатаго скота, такъ какъ съ этимъ связано, если не полнѣйшее разореніе, то во всякомъ случаѣ громадные убытки.

Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о появленіи чумы рогатаго скота въ Европѣ относятся къ IV столѣтію нашего лѣтоисчисленія. Болѣзнь особенно сильно свирѣпствовала въ VI, IX, XIII, XVI и XVIII столѣтіяхъ. При этомъ вспышки чумныхъ эпизоотій совпадали или съ массовыми передвиженіями народовъ, или съ періодами войнъ, когда сообщеніе между отдѣльными странами особенно сильно было развито; такъ, появленіе этой губительной болѣзни въ Европѣ совпадаетъ со временемъ великаго переселенія народовъ въ IV столѣтіи; въ XIII ст. она появилась въ восточной половинѣ Европы вмѣстѣ съ монголами и истребила тамъ почти весь наличный скотъ. Самая страшная эпизоотія чумы была въ XVIII ст. (сѣверная война, войны за наслѣдство, семилѣтняя война), когда она обошла почти всю Европу, приведя въ ужасъ ея народы. Въ Россіи чумная эпизоотія особенно сильныя опустошенія причинила въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія.

Убытки, причиняемые населенію падежами рогатаго скота отъ чумы, въ прежнее время были столь колоссальны, что теперь, когда, благодаря своевременному и настойчивому проведенію ветеринарно-полицейскихъ мѣръ предосторожности, въ Западной Европѣ, а частью и въ Европейской Россіи, о чумѣ почти забыли, они кажутся даже невѣроятными. Такъ, въ продолженіи 18-го ст. Европа потеряла до 200 милліоновъ головъ скота, стоимостью приблизительно въ 15 милліардовъ рублей! Потери Россіи, до послѣдняго времени, были тоже громадны. Можно почти безошибочно считать, что съ начала настоящаго столѣтія чума рогатаго скота ежегодно уносила до 300.000 головъ скота, по умѣренному исчисленію на 6 милліоновъ рублей. Въ нѣкоторые-же года эти потери

были еще значительнѣе, какъ напр. во время сильныхъ эпизоотій 40-хъ годовъ, когда убыль скота доходила ежегодно до 1 милліона головъ, стоимостью до 20 милліоновъ рублей. Если при этомъ принять во вниманіе тѣ громадные убытки, которые получаются косвеннымъ образомъ, отъ разстройства сельско-хозяйственной промышленности, то убытки эти окажутся трудно даже поддающимися непосредственному вычисленію.

Опустошенія, причиняемыя Томской губерніи чумою рогатаго скота, въ недавнее еще время были тоже громадны. По имѣющимся статистическимъ даннымъ видно, что губернія, въ теченіе 25 лѣтъ, до 1892 года, даже на короткое время не была свободна отъ чумной эпизоотіи, и въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1883 года по 1892 годъ включительно, ежегодно погибало отъ названной эпизоотіи, среднимъ числомъ, 50,000 головъ скота, стоющихъ населенію не менѣе $^1/_2$ милліона рублей. Если сравнить цифры убытковъ, причиняемыхъ населенію Томской губерніи пожарами, съ убытками, происходящими отъ скотскихъ падежей, то послѣдніе окажутся значительно бо́льшими. Такъ напр., въ 1889 г., по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, пожары во всей губерніи нанесли убытка на 44.195 р. 25 коп.; между тѣмъ, въ теченіе того-же года, отъ чумы пало 13.224 головы скота, стоющихъ не менѣе 132.240 рублей. Въ 1890 г. пало отъ этой-же эпизоотіи въ одномъ Бійскомъ округѣ болѣе 35.000 животныхъ, по самой низкой оцѣнкѣ на 350.000 руб. Во время страшныхъ пожаровъ, бывшихъ въ 1882 и 1883 гг., уничтожено въ Томской губ. имущества на 1.152.471 руб., а въ теченіе одного-лишь 1884 г. чумной эпизоотіей истреблено 215.484 штуки крупнаго рогатаго скота на 2.154.840 руб. Но эта эпизоотія не ограничилась только указанными годами: она свирѣпствовала въ нѣкоторыхъ округахъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, а въ Каинскомъ округѣ не прекращалась въ теченіе 25 лѣтъ!

Западно-Европейскіе изслѣдователи прошлаго столѣтія предполагали, что чума рогатаго скота вездѣ можетъ развиваться самостоятельно, вслѣдствіе разнообразнѣйшихъ почвенныхъ и климатическихъ вліяній. Взглядъ этотъ однакожъ перемѣнился съ того времени, когда было подмѣчено, что чума очень заразительна, что она очень быстро переходитъ отъ одного животнаго къ другому и что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она появляется только вслѣдствіе заноса заразы. Тогда стали увѣрять, что чума рогатаго скота самопроизвольно развивается только въ степныхъ мѣстностяхъ Европейской и Азіатской Россіи и вообще въ центральной Азіи. Но затѣмъ относительно Европейской Россіи раціональныя мѣропріятія противъ этой болѣзни ясно убѣдили, что здѣсь чума распространяется только путемъ переноса заразы съ одного мѣста на другое. Что-же касается возникновенія и распространенія чумы рогатаго скота въ Томской губерніи, то многолѣтнія наблюденія надъ этой болѣзнью даютъ мнѣ право категорически утверждать, что появленіе ея въ предѣлахъ губерніи точно также обязано только заносу заразы, а ея обнаруженіе то здѣсь, то тамъ въ губерніи, объясняется сосѣдствомъ съ Семипалатинскою областью и Монголіею, гдѣ чума свила себѣ прочное гнѣздо и гдѣ она никогда не прекращалась до послѣдняго времени.

Сильное развитіе чумы рогатаго скота въ губерніи въ прежнее время объясняется чуть не полнымъ отсутствіемъ ветеринарнаго персонала и потому отсутствіемъ примѣненія раціональныхъ мѣръ борьбы съ болѣзнью. Гурты скота и животные продукты, вступая въ Томскую губернію изъ Семипалатинской области и Монголіи и направляясь какъ къ г. Томску, такъ и въ Восточную Сибирь, проходя громадныя пространства губерніи и нигдѣ на пути, въ продолженіи долгаго времени, не подвергаясь осмотру и освидѣтельствованію, являлись главною причиною распространенія всевозможныхъ

и разнообразнѣйшихъ инфекціонныхъ болѣзней, преимущественно-же чумы рогатаго скота. Укажу лишь на нѣсколько примѣровъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1888 г. чума обнаружилась въ гуртѣ Томскаго скотопромышленника Сильверстова, пригнанномъ въ г. Томскъ и послужившемъ причиною истребленія скота въ городѣ и во многихъ окрестныхъ селеніяхъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ она заносилась въ селенія Чарышской, Нижне-Чарышской, Алейской волостей и Антоновской станичной управы Змѣиногорскаго округа гуртомъ Бійскаго мѣщанина Яковенкова, выпущеннымъ съ Чарской ярмарки Семипалатинской области. Только что успѣли прекратить эпизоотію въ сказанныхъ мѣстностяхъ, какъ опять гурты Рубановичей и Пешковскаго, выпущенные также съ Чарской ярмарки, распространяютъ заразу, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1889 г., въ Локтевской и Новоалейской волостяхъ Бійскаго округа и въ селахъ Касмалинской и Кулундинской волостей Барнаульскаго округа. Не успѣли прекратить падежъ въ сказанныхъ волостяхъ, какъ онъ обнаруживается въ Бухтарминскомъ краѣ и въ волостяхъ: Александровской, Устькаменогорской, Бобровской и др., а источникомъ заразы опять-таки послужилъ или пригнанный скотъ, или привезенные животные продукты изъ неблагополучныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ Семипалатинской области.

Способъ распространенія и передача чумы рогатаго скота указываютъ, что она чисто контагіозная (прилипчивая) болѣзнь. Съ начала 60-хъ годовъ, многіе изслѣдователи, какъ напр. Сандерсонъ, Биль, Земмеръ, Начинскій, Клебсъ, Рожновъ, Воронцовъ, Медвѣдскій, Савельевъ, Мечниковъ, Гамалѣя, Захаровъ, Садовскій, Коневъ и Трофимовъ, пытались отыскать заразительное начало чумы рогатаго скота. Между тѣмъ какъ одни изслѣдователи, по примѣру Биля, усматривали причину въ микрококкахъ, другіе, съ Савельевымъ во главѣ, считаютъ заразительнымъ началомъ бактерій. Однако,

ни одинъ изъ этихъ взглядовъ, до сихъ поръ, не завоевалъ себѣ прочнаго права гражданства. Въ послѣднее время за изслѣдованіе чумы рогатаго скота взялся знаменитый германскій бактеріологъ Кохъ. Не только спеціалисты, но даже и большинство интеллигентныхъ сельскихъ хозяевъ, достаточно знакомыхъ съ губительными опустошеніями чумы, съ замираніемъ сердца ждали извѣстій съ Южной Африки, гдѣ Кохъ занимался изслѣдованіемъ чумы рогатаго скота. Одно время казалось, что изслѣдованія Коха увѣнчались полнымъ успѣхомъ; однакожъ, послѣднія газетныя извѣстія принесли одно-лишь горькое разочарованіе. Въ концѣ истекшаго года опубликовалъ свои изслѣдованія, по разсматриваемому вопросу, извѣстный ученый, проф. Императорскаго Института Экспериментальной медицины, Ненцкій, работающій вмѣстѣ съ Зиберъ-Шумовой и ветер. врачемъ Выжникевичемъ. Проф. Ненцкій и его сотрудники нашли въ организмѣ чумныхъ животныхъ особаго паразита, не бактеріальнаго, относящагося скорѣе къ типу Protozoa. Это блѣдное, нѣсколько блестящее, изрѣдка яйце—или грушевидное образованіе, 1—3 μ въ поперечникѣ [1]), имѣющее болѣе всего сходство съ такъ наз. Корнальевскими тѣльцами, обусловливающими извѣстную болѣзнь шелковичнаго червя „Pebrine“ (пебрина). Ненцкій утверждаетъ, что прививками культуръ найденнаго имъ микроскопическаго паразита удалось вызвать типичную чуму. Изслѣдователь этотъ работаетъ также въ направленіи изысканія способовъ иммунизаціи [2]) животныхъ противъ чумы и способовъ ея леченія.

Перехожу теперь къ изложенію самой болѣзни. Чума рогатаго скота представляетъ инфекціонную болѣзнь, свойственную только отрыгающимъ жвачку и преимущественно крупному рогатому скоту, но переносимую также и на овецъ, козъ и на другихъ жвачныхъ животныхъ (олень, якъ, зубръ, антилопа, верблюдъ, газель и пр.). Лошади чумою не заболѣваютъ и совершенно застрахованы отъ нея. Болѣзнь характеризуется страшною злокачественностью и въ большинствѣ случаевъ острымъ теченіемъ, такъ что, появившись въ извѣстномъ хозяйствѣ, въ продолженіи короткаго времени (нѣсколькихъ недѣль) уничтожаетъ весь почти наличный крупный рогатый скотъ (быковъ и коровъ). Отъ поступленія заразительнаго начала въ тѣло животнаго, до появленія первыхъ видимыхъ признаковъ болѣзни, протекаетъ извѣстное время, въ теченіе котораго животное свиду кажется совершенно здоровымъ. Періодъ этотъ называется скрытымъ, или инкубаціоннымъ. Продолжительность его колеблется между 6 и 9 днями, хотя нужно замѣтить, что отъ различныхъ, еще недостаточно выясненныхъ, причинъ, а также у отдѣльныхъ особей и у различныхъ породъ скота, продолжительность его можетъ значительно измѣняться. Имѣется не мало случаевъ, указывающихъ на очень короткій скрытый періодъ болѣзни, а также не рѣдкость и обратное явленіе, т. е. продолжительный инкубаціонный періодъ, достигающій 20 и болѣе дней.

[1]) Микронъ, обозначаемый знакомъ μ, равенъ 0,001 миллиметра.

[2]) Иммунизировать значитъ сдѣлать невосприимчивымъ къ заразѣ.

Болѣзнь начинается общимъ недомоганіемъ животнаго, лихорадкой, слабостью и уменьшеніемъ удоя молока у коровъ; шерсть взъерошивается, аппетитъ уменьшается, отрыганіе жвачки разстраивается, появляется временное легкое дрожаніе различныхъ частей тѣла. Между всѣми этими, такъ сказать, общими признаками недомоганія животнаго, самый главный и прежде всего появляющійся, а также и самый надежный,—это лихорадочное повышеніе температуры тѣла животнаго. Температура при этомъ достигаетъ 41° и даже 42° по термометру Цельзія. Типъ лихорадки непрерывный, съ небольшими утренними паденіями и вечерними повышеніями температуры. Если слѣдить за типично заболѣвшимъ животнымъ, то при этомъ представляется слѣдующая общая картина: животное обнаруживаетъ признаки озноба и перемѣн-

чивую температуру кожи, сильное ослабленіе, нечувствительность ко всему окружающему (анатія), доходящая до того, что животное напр. въ лѣтнее время не отгоняетъ даже мухъ; уши опущены, походка шатающаяся, наклонность оставаться въ лежачемъ положеніи и неохота подниматься. Видимыя слизистыя оболочки окрашены въ красный цвѣтъ то сплошной, то пятнистый. Пріемъ корма и жвачка прекращены, жажда напротивъ усиливается; изверженіе кала замедлено, послѣдній дѣлается сухимъ и покрытымъ слизью. Затѣмъ обнаруживается слезотеченіе, истеченіе серозное, а потомъ—серозно-слизистое изъ носа, влагалища, а также слюнотеченіе. Къ самымъ характернымъ симптомамъ принадлежитъ гипереміа [1]) и дальнѣйшее измѣненіе слизистой оболочки полости рта. Вслѣдъ за гипереміей, эпителій въ отдѣльныхъ мельчайшихъ фокусахъ набухаетъ, мутнѣетъ и даетъ зернистые узелки, величиною въ горошину. Затѣмъ эпителій подвергается сыровидному (казеозному) перерожденію, представляя такую картину, какъ будто-бы слизистая оболочка была покрыта кусочками творогу; участки казеозно перерожденнаго эпителія легко стираются, образуя язвы или такъ наз. эрозіи. Обыкновенно, упомянутыя казеозныя массы располагаются на нижней губѣ и на противолежащей слизистой оболочкѣ десенъ, а также на языкѣ, щекахъ, нёбѣ и зѣвѣ. Слизистая оболочка носа темнокраснаго цвѣта и бываетъ иногда покрыта сѣрожелтыми, дряблыми струпьями, но удаленіи которыхъ обнажается ткань названной оболочки. Пораженіе дыхательныхъ органовъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, выражается весьма различно. Вообще, при полномъ развитіи болѣзни, бросается въ глаза сильно затрудненное дыханіе, сопровождающееся стономъ животнаго. Физическое изслѣдованіе груди обнаруживаетъ эмфизему легкихъ. На второй или

[1]) Гипереміей называется переполненіе кровью мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ, связанное съ расширеніемъ послѣднихъ. Внѣшнимъ признакомъ гипереміи является краснота соотвѣтственнаго органа или мѣста.

третій день отъ начала заболѣванія появляется поносъ; при этомъ изверженія становятся слизистыми, очень вонючими, иногда перемѣшанными съ кровью; животныя часто испражняются при сильныхъ потугахъ, даже при выворачиваніи наружу сильно покраснѣвшей слизистой оболочки прямой кишки. Силы животнаго постепенно падаютъ и смерть, въ большинствѣ случаевъ, наступаетъ на 4—7 день отъ начала заболѣванія животнаго.

Переходя къ дальнѣйшему изложенію, я долженъ сдѣлать оговорку, что только-что нарисованная мною картина относится къ животному, разсматриваемому нами при жизни. Для полнаго-же убѣжденія въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ именно болѣзнь, именуемую „чумой“, должно быть сдѣлано вскрытіе трупа животнаго. Только на основаніи добытыхъ при этомъ данныхъ, судятъ уже окончательно о характерѣ болѣзни. Явленія, получаемыя при вскрытіи трупа чумнаго животнаго, выражаются главнымъ образомъ въ пораженіи слизистой оболочки полости рта, сычуга, тонкихъ кишекъ, а также прямой кишки и влагалища. Другія измѣненія имѣютъ меньшее значеніе. Слизистая оболочка рта и зѣва оказывается пятнисто покраснѣвшей, опухшей, покрытой слизистыми массами, среди которыхъ видны кругловатыя желтосѣрыя, творожистыя отложенія, состоящія изъ перерожденнаго эпителія оболочки. Тамъ, гдѣ эти отложенія удалены, видны язвенныя, сильно покраснѣвшія углубленія слизистой оболочки, такъ наз. эрозіонныя язвы. Измѣненія всего больше бываютъ выражены на внутренней поверхности губъ, нижней поверхности языка, слизистой оболочкѣ щекъ и на деснахъ нижней челюсти. Слизистая оболочка первыхъ трехъ желудковъ представляетъ картину воспаленія. Содержимое требухи и сѣтки кашицеобразно, содержимое-же книжки представляется высушеннымъ, какъ-бы спрессованнымъ. При удаленіи этого содержимаго слизистая оболочка книжки, часто очень

легко, отслаивается цѣлыми лоскутами. Сычугъ большею частью пустъ и содержитъ лишь незначительное количество клейкаго, слизисто-гнойнаго содержимаго; слизистая оболочка его особенно сильно гиперемирована, иногда пріобрѣтаетъ даже аспидно-сѣрый цвѣтъ. На сказанной оболочкѣ очень часто встрѣчаются маленькія, буро-желтыя, пластинчатыя, сыровидныя отложенія, легко отдѣлающіяся и оставляющія язвочки—эрозіи. Подобныя же измѣненія находятъ въ тонкихъ кишкахъ. Особенно характерныя измѣненія представляютъ пейеровы железы (такъ наз. пейеровы бляшки). Лимфатическіе мѣшечки ихъ набухаютъ, подвергаются казеозному перерожденію и, въ тяжкихъ случаяхъ болѣзни, содержимое ихъ легко можетъ быть выдѣлено, а то и само выпадаетъ, такъ что вся пейерова бляшка представляется тогда рѣшетовидною. Въ легкихъ находятъ эмфизему и притомъ чаще всего междольчатую (интерстиціальную).

Чума рогатаго скота, въ теченіи своемъ, представляетъ черезвычайно много различій, смотря по характеру эпизоотіи и по породѣ скота. Въ началѣ эпизоотіи болѣзнь протекаетъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ къ концу ея. Затѣмъ, сѣрый степной скотъ болѣетъ и переноситъ болѣзнь легче, чѣмъ остальныя породы, вслѣдствіе выработаннаго частичнаго иммунитета противъ чумы. Цифра смертности у обыкновеннаго скота достигаетъ 90—95%, у сѣраго степнаго скота эта убыль можетъ выразиться 30—50%.

Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы врачебная помощь противъ чумы рогатаго скота воспрещена закономъ, такъ какъ наглядный опытъ въ этомъ отношеніи Англіи и Голландіи, во время эпизоотій въ 1865—1867 гг., достаточно показалъ, насколько въ этомъ случаѣ мало пользы отъ терапевтическаго леченія. Мало того, такая помощь можетъ иногда даже прямо таки принести вредъ, такъ какъ способствуетъ распространенію заразы. Въ виду этого, во всѣхъ

государствахъ Западной Европы установлена мѣра убиванія. У насъ, въ Россіи, по отношенію къ чумѣ введенъ законъ 3-го іюня 1879 года, предписывающій убиваніе зачумленныхъ и подозрительныхъ въ послѣднемъ смыслѣ животныхъ. Введеніе сказаннаго закона вызвано было необходимостью положить предѣлъ чумнымъ эпизоотіямъ, подрывающимъ главныя основы скотоводства, и удовлетворить справедливымъ требованіямъ западно-европейскихъ государствъ, временно совершенно воспретившихъ ввозъ русскаго скота, что ставило скотопромышленность Россіи въ крайне неблагопріятныя условія. Насколько введенная мѣра оказалась полезною и цѣлесообразною, лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить губерніи юга Россіи, считавшіяся, до послѣдняго времени, чуть-ли не родиною „чумы“. Съ введеніемъ вышеназваннаго закона, чумныя эпизоотіи въ нихъ прекращены были скоро и съ весьма незначительными затратами. На Сибирь, до послѣдняго времени, упомянутый законъ не распространялся. Въ Томской губерніи только въ прошломъ году, въ видѣ временной мѣры, было введено убиваніе зачумленныхъ животныхъ по смыслу закона 3-го іюня 1879 года. Не входя пока въ оцѣнку результатовъ полученныхъ отъ примѣненія мѣры убиванія противъ чумы рогатаго скота въ Томской губ., считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько поясненій, касающихся какъ организаціи самой мѣры, такъ и причинъ вызвавшихъ примѣненіе ея. Съ 1892 года, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, Томская губернія оставалась безусловно свободной отъ чумы рогатаго скота. Къ сожалѣнію, въ 1895 и 1896 гг. эта эпизоотія въ Семипалатинской области приняла такіе обширные размѣры (какъ это видно изъ поступившихъ отъ областной администраціи свѣдѣній), что, при постоянныхъ сношеніяхъ жителей пограничныхъ мѣстностей, не представлялось никакой возможности противостоять сильному напору заразы и она, начиная съ конца февраля, въ теченіе 1896 года, съ не-

большими промежутками времени обнаруживалась то въ томъ, то въ другомъ селеніи Змѣиногорскаго округа, расположенныхъ вблизи границы Семипалатинской области. Для скорѣйшаго прекращенія названной эпизоотіи, съ разрѣшенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Томской губернской администраціей были выработаны ветеринарно-полицейскія мѣры, примѣнительно къ идеѣ закона 3-го іюня 1879 года. Кромѣ того, въ неблагополучномъ раіонѣ сконцентрированъ почти весь имѣющійся на лицо ветеринарный персоналъ губерніи и усиленъ полицейскій надзоръ. Во всѣхъ 20 мѣстахъ, въ которыхъ появилась чумная эпизоотія въ 1896 году, считая въ томъ числѣ и заимки селеній пораженныхъ заразою, до обнаруженія падежа насчитывалось 12.017 головъ скота. Изъ этого числа заболѣло 1794 животныхъ, т. е. почти 15%, изъ коихъ выздоровѣло 43, пало 501 и убито съ выдачею вознагражденія 1250 головъ. Такимъ образомъ, благодаря совокупности принятыхъ энергичныхъ мѣръ, чума была захвачена у входа въ губернію, локализирована и уничтожена. Съ неменьшимъ успѣхомъ велась борьба со вспыхнувшею заразою и въ текущемъ 1897 г. въ Барнаульскомъ и Томскомъ округахъ, а также и въ Бійскомъ, вблизи китайскихъ владѣній. Эпизоотія къ маю мѣсяцу прекращена и съ этого времени Томская губернія остается пока безусловно свободной отъ этой грозной болѣзни.

Прежде чѣмъ остановились на примѣненіи мѣры убиванія противъ чумы рогатаго скота, неоднократно поднимался вопросъ о прививкахъ ослабленной чумной заразы, съ цѣлью ограниченія потерь отъ чумы. Способъ этотъ впервые былъ испробованъ въ Англіи въ 1744 году Додсономъ, а затѣмъ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Вопросъ о прививкахъ противъ чумы также не разъ поднимался и у насъ въ Россіи. Въ особенности горячимъ защитникомъ прививокъ выступилъ проф. Іессенъ въ 1834 году, по идеямъ

котораго, съ разрѣшенія министерства Внутреннихъ Дѣлъ, было учреждено два прививательныхъ пункта: одинъ на югѣ Россіи, въ Бондаревкѣ (Херсонской губ.) въ 1863 г., а другой на востокѣ, на Салмышѣ (Оренбургской губ.). Еще раньше чумопрививаніе практиковалось съ 1857 г. въ Карловкѣ (Полтавской губ.), имѣніи Е. И. В. Вел. Княгини Екатерины Михайловны, братьями Раушахъ. Но такъ какъ въ то время не удалось получить ослабленія заразы, а напротивъ прививаніе вызывало настоящую чуму и прививки служили только къ еще большему распространенію и поддержанію этой губительной болѣзни, то онѣ вскорѣ были оставлены и даже запрещены правительствомъ, а вмѣсто этого стали примѣняться однѣ лишь строгія ветеринарно-полицейскія мѣры и вышеупомянутый законъ 3-го іюня 1879 г.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, что убиваніе само по себѣ мѣра совершенная; но въ настоящее время, за неимѣніемъ болѣе дѣйствительной, она представляется самою лучшею.

Благодаря замѣчательнымъ открытіямъ французскаго ученаго Пастера въ области бактеріологіи, его работамъ по ослабленію заразнаго начала сибирской язвы, вопросъ о прививкахъ противъ инфекціонныхъ болѣзней вообще получилъ совершенно новое направленіе, а знаменитыя открытія послѣдняго времени Беринга и Китазато открыли новые, до сихъ поръ невѣданные, горизонты въ леченіи заразныхъ болѣзней. Если принять во вниманіе только что сказанное, то вопросъ о прививкахъ противъ чумы рогатаго скота покажется не столь неразрѣшимымъ, какъ это представлялось еще такъ недавно. Выше я коснулся работъ проф. Ненцкаго, которому въ послѣднее время, по сообщенію спеціальныхъ журналовъ, удалось отыскать микропаразита чумы рогатаго скота. Одновременно получилось извѣстіе, что названный ученый работаетъ въ направленіи полученія невоспріимчивости животныхъ

противъ чумы, а теперь уже извѣстно, что ему удалось сдѣлать нѣсколькихъ животныхъ невосприимчивыми (иммунными) къ чумной заразѣ.

Повальное воспаленіе легкихъ.

Повальное воспаленіе легкихъ, послѣ чумы, представляетъ самую опасную болѣзнь крупнаго рогатаго скота, такъ какъ, благодаря большой смертности, достигающей 60%, продолжительному періоду теченія болѣзни, достигающему нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а также благодаря и тому обстоятельству, что даже выздоровѣвшія животныя на долгій періодъ времени дѣлаются положительно негодными къ той роли, къ которой они предназначены, вслѣдствіе сильнаго исхуданія и потери рабочей способности,—убытки, причиняемые повальнымъ воспаленіемъ легкихъ населенію, достигаютъ громадныхъ размѣровъ.

Первыя свѣдѣнія о появленіи повальнаго воспаленія легкихъ относятся къ концу XVII-го столѣтія, именно къ 1693 г., когда болѣзнь была замѣчена въ Гессенѣ. Въ 1733 году она принимаетъ размѣры эпизоотіи въ Швейцаріи, излѣдуется и описывается, такъ что многіе авторы, этотъ періодъ считаютъ дѣйствительнымъ временемъ ея появленія въ Европѣ. Затѣмъ болѣзнь проникла въ разныя государства западной и восточной Европы, а также, въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія, въ Африку, Австралію и въ Америку.

Къ весьма важнымъ и характернымъ свойствамъ повальнаго воспаленія легкихъ крупнаго рогатаго скота слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что разъ заболѣваніе появилось въ извѣстномъ раіонѣ, оно принимаетъ характеръ мѣстной постоянной (стаціонарной) болѣзни; постепенно и незамѣтнымъ образомъ распространяется все больше и больше, пускаетъ, такъ сказать, глубоко корни между рогатымъ скотомъ, развивается до размѣровъ эпизоотій, унося при этомъ значительное число жертвъ и причиняя значительные убытки сельскому хозяйству.

Точныя наблюденія, сдѣланныя какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи, показываютъ, что повальное воспаленіе легкихъ появляется въ новыхъ мѣстахъ только благодаря заносу заразы съ ново-приводимымъ скотомъ. Наблюденія, произведенныя въ Томской губерніи, подтверждаютъ это положеніе. Въ виду того, что ежегодно масса скота и животныхъ продуктовъ направляются въ Томскую губернію съ сосѣднихъ западныхъ и южныхъ, богатыхъ скотомъ, областей, въ которыхъ повальное воспаленіе легкихъ имѣетъ для своего существованія очень благопріятныя условія, болѣзнь легко проникаетъ даже въ отдаленные уголки губерніи; а затѣмъ существованіе распространившагося такимъ образомъ страданія не только не уменьшается, несмотря на примѣненіе энергическихъ мѣропріятій, но даже постепенно захватываетъ все новые и новые пункты, благодаря какъ постепенной передачѣ заразы здоровымъ животнымъ, такъ и постоянной подбавкѣ послѣдней, съ вновь приводимымъ скотомъ, изъ зараженныхъ мѣстностей.

Непосредственная убыль скота отъ повальнаго воспаленія легкихъ, въ нѣкоторые періоды времени, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ другихъ странахъ, достигала огромныхъ размѣровъ. Такъ, въ 1860 г. въ Великобританіи погибло до 200.000 головъ скота; въ Голландіи въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1830—1840 г.) погибло 600.000 головъ; въ Германіи за такой-же промежутокъ времени (съ 1835—1845 г.) пало 100.000 головъ; во Франціи, въ одномъ лишь департаментѣ, за 19 лѣтъ погибло 200,000 головъ; въ Австраліи за 22 года (съ 1860—1882 г.) пало около полутора ($1^1/_2$) милліона рогатаго скота; въ Бельгіи за послѣднія 12 лѣтъ (съ 1879—1890 г.) пало и убито 14.449 головъ. Въ Россіи за 12-ти лѣтній періодъ времени (съ 1877—1888) пало отъ

названной болѣзни крупнаго и мелкаго скота 63.116 головъ, что дастъ убытка, по самой низкой оцѣнкѣ, болѣе 2.278.000 рублей. Въ этотъ расчетъ не включены многія десятки тысячъ головъ заболѣвшаго скота, хотя и не павшаго, но, вслѣдствіе сильнаго исхуданія и потери рабочей способности, проданнаго за безцѣнокъ на живодерни. Убытки, причиняемые Томской губерніи повальнымъ воспаленіемъ легкихъ, очень значительны, такъ какъ болѣзнь, проникнувъ въ губернію и найдя для своего существованія обильную пищу, въ видѣ значительно развитаго скотоводства, приняла характеръ эпизоотіи и, переходя съ одного мѣста на другое, по временамъ то утихая, то вспыхивая съ новою силою, уноситъ массу жертвъ и окончательно разстраиваетъ отдѣльныя хозяйства. Для примѣра привожу данныя распространенія болѣзни въ губерніи за послѣднія семь лѣтъ—съ 1890 по 1896 г. включительно:

Годъ.	Число пунктовъ.	Заболѣло.	Пало.
1890	15	633	453
1891	14	715	301
1892	16	1248	644
1893	43	2661	1320
1894	57	3526	2409
1895	103	4194	2627
1896	66	1784	1064
	Итого .	14761	8817=59,7%.

Изъ этихъ данныхъ видно, что за указанный періодъ времени въ губерніи заболѣло 14.761 гол. и пало 8817 головъ скота, что дастъ 59,7% смертности. Болѣзнь въ особенности имѣетъ сильное развитіе и распространеніе на западной, сосѣдней съ Семипалатинскою областью, границѣ губерніи, т. е. въ округахъ Барнаульскомъ и Каинскомъ. Несмотря на принятыя очень строгія мѣры по отношенію скота, пригоняемаго въ г. Томскъ, повальное воспаленіе легкихъ однакожъ было занесено въ городъ въ 1894 году и съ этого времени причиняетъ значительные убытки городскому населенію.

Что касается болѣзненнаго процесса, то повальное воспаленіе легкихъ представляетъ собою чисто контагіозную болѣзнь, свойственную крупному рогатому скоту (зараза, повидимому, можетъ дѣйствовать и на другіе родственные виды, какъ напр. яковъ, бизоновъ, буйволовъ и т. д.), и выражается главнымъ образомъ въ эксудативномъ воспаленіи легкихъ и плевры. Заразительное вещество развивается въ организмѣ уже съ самаго зарожденія болѣзни и продолжаетъ существовать не только во все время ея теченія, но и послѣ окончанія ея. Многіе факты говорятъ въ пользу того, что сильно болѣвшія животныя способны, даже послѣ выздоровленія, заражать другихъ животныхъ въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ. Если къ тому же принять во вниманіе скрытый (инкубаціонный) періодъ, продолжающійся отъ 3 до 6 недѣль и даже до 3-хъ мѣсяцевъ, и довольно продолжительное непосредственное теченіе болѣзни, съ ясно выраженными признаками, то окажется, что животное, зараженное повальнымъ воспаленіемъ легкихъ, можетъ служить источникомъ заразы *болѣе полугода*. Можно принять, что сила дѣйствія заразы пропорціональна степени развитія болѣзненнаго процесса, такъ что при полномъ развитіи болѣзни зараза дѣйствуетъ быстрѣе и вѣрнѣе, чѣмъ въ начальномъ періодѣ, а также и во время выздоровленія, слѣдовательно у здоровыхъ повидимому животныхъ.

©ГПБ ОРАН

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ зараза бываетъ какъ-бы болѣе разжижена, а животное, чтобы заразиться, должно находиться подъ ея вліяніемъ болѣе продолжительное время. Выдѣлившаяся изъ организма зараза скопляется въ самыхъ разнообразныхъ предметахъ, какъ напр.: въ гниломъ деревѣ, сѣнѣ, соломѣ, навозѣ и т. д. Зараза долго можетъ сохраняться въ сказанныхъ предметахъ, если она не подвергается непосредственному вліянію разрушающихъ ея агентовъ. Такимъ образомъ, давно уже подмѣчено, что спустя 3—4 мѣсяца послѣ окончанія эпизоотіи повальнаго воспаленія легкихъ, заболѣвали ново-приведенныя животныя, коль скоро они вводились въ неочищенныя и недезинфецированныя помѣщенія, въ которыхъ раньше находились больныя.

Переходя къ вопросу о сущности заразы повальнаго воспаленія легкихъ, приходится замѣтить, что этотъ вопросъ, до настоящаго времени, не получилъ еще окончательнаго выясненія. Несмотря на то, что уже съ 50-хъ годовъ, многія лица, какъ напр. Виллемсъ, Цюрнъ, Галліеръ, Вейсъ, Пютцъ, Зусдорфъ, Браццола и Лустигъ занимались отыскиваніемъ заразнаго начала повальнаго воспаленія легкихъ, вопросъ этотъ значительно подвинулся впередъ благодаря лишь наблюденію Амстердамскихъ изслѣдователей Пельса и Нолена и французскаго ученаго Arloing'a (Арлуенъ). Первые констатировали, въ эксудатѣ легкихъ заболѣвшихъ животныхъ, постоянное присутствіе круглыхъ микрококковъ, діаметромъ въ 0,9 μ, которые располагаются то отдѣльно, то соединяясь по 2—3, въ видѣ цѣпочекъ, до 6 кряду. Авторы утверждаютъ, что прививками имъ удалось убѣдиться въ специфичности описываемыхъ ими микробовъ. Не входя въ детальное описаніе упомянутыхъ микробовъ, такъ какъ это завело-бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ намѣченной программы, не могу не замѣтить, что приведенныя мною изслѣдованія Пельса и Нолена справедливы, въ томъ отношеніи, что

дѣйствительно описываемыхъ микрококковъ можно наблюдать въ эксудатѣ легкихъ острой формы повальнаго воспаленія, какъ это было неоднократно констатировано при изслѣдованіи какъ свѣжихъ препаратовъ, такъ и окрашенныхъ, а также и въ культурахъ, полученныхъ въ микроскопической лабораторіи Томской городской скотобойни. Что-же касается наблюденій Arloing'a, то онъ утверждаетъ, что при помощи культуръ ему удалось получить при повальномъ воспаленіи легкихъ 4 различныхъ микроба, которыхъ онъ назвалъ: pneumobacillus liquefaciens bovis, pneumococcus gutta-cerei, pneumococcus lichenoides, pneumococcus flavescens (т. е. 1 бациллярную форму и 3 микрококка). Эти 4 формы бываютъ соединены въ различныхъ пропорціяхъ во всѣхъ мѣстахъ легкаго, пораженнаго повальнымъ воспаленіемъ; тѣмъ не менѣе, по словамъ Arloing'a, только одинъ изъ перечисленныхъ микробовъ представляется существеннымъ агентомъ заразы. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Arloing, какъ выяснилось впослѣдствіи, отдавалъ преимущество въ возбужденіи болѣзненнаго процесса первому микробу, а именно— pneumobacillus liquefaciens bovis. Однако, въ засѣданіи французскихъ ветер. врачей 23 февраля 1893 года, проф. Nocard заявилъ, что найденный Arloing'омъ pneumobacillus liquefaciens bovis нельзя признать болѣзнетворнымъ агентомъ повальной плевропневмоніи и что, на основаніи біологическихъ свойствъ сказаннаго бацилла, его слѣдуетъ признать за случайную примѣсь. Такимъ образомъ, вопросъ о сущности заразы остается до настоящаго времени не выясненнымъ и открытымъ.

Послѣ инкубаціоннаго періода, продолжительность котораго можетъ значительно колебаться, среднимъ-же числомъ занимаетъ отъ 3-хъ до 6-и недѣль, начинаютъ медленно и незамѣтнымъ образомъ появляться признаки недомоганія животнаго. Признаки эти сейчасъ-же указываютъ, что дѣло

касается заболѣванія легкихъ, такъ какъ животное изрѣдка и временами начинаетъ покашливать. Съ теченіемъ времени кашель усиливается, повторяется все чаще и чаще, дѣлается громче и наконецъ становится весьма мучительнымъ. Одновременно пріемъ корма уменьшается, отрыганіе жвачки разстраивается и замѣчается убыль удоя молока. Температура тѣла можетъ подниматься до лихорадочной. Съ комплексомъ такихъ весьма немногочисленныхъ и мало характерныхъ симптомовъ болѣзнь можетъ длиться отъ 2-хъ до 6-и недѣль и только въ дальнѣйшемъ теченіи болѣзненаго процесса животное начинаетъ обнаруживать признаки явно больнаго животнаго. При этомъ температура тѣла сильно поднимается (до 40,5—41,5° С); движенія больнаго животнаго дѣлаются нетвердыми, шаткими, оно легко спотыкается; аппетитъ и отрыганіе жвачки совершенно пропадаютъ. Слизистыя оболочки гиперемируются, причемъ гиперемія имѣетъ ціанотичный характеръ. Кашель дѣлается частымъ, но слабымъ и болѣзненнымъ. Дыханіе учащается, временами оно значительно затрудняется и животное, для облегченія доступа воздуха въ легкія, вытягиваетъ шею и голову, расширяетъ сильно ноздри и раскрываетъ даже ротъ; при этомъ дыханіе сопровождается сильнымъ движеніемъ паховъ. Изъ глазъ и носа замѣчается выдѣленіе серозной, а изъ полости рта—пѣнистой жидкости. Животное совершенно апатично, чувствительность его сильно притупляется, оно едва держится на ногахъ. Со стороны желудочно-кишечнаго канала обыкновенно замѣчается запоръ, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ появляется сперва поносъ, а затѣмъ запоръ. Стельныя животныя выкидываютъ. При сильномъ исхуданіи и постепенно увеличивающемся затрудненіи дыханія, животное погибаетъ отъ задушенія. Физическое изслѣдованіе груди (аускультація и перкуссія) обнаруживаетъ пораженіе, распространяющееся на цѣлую долю легкаго, съ явленіями плеврита. Болѣзненный процессъ захватываетъ, въ большинствѣ случаевъ, одну какую-либо долю легкаго и чаще всего лѣвую, хотя это ничуть не составляетъ правила. Продолжительность только что описаннаго, ясно выраженнаго періода страданія животнаго, занимаетъ отъ 2-хъ до 4-хъ недѣль. Такимъ образомъ, весь періодъ болѣзни животнаго можетъ длиться до 10 недѣль, или около 3-хъ мѣсяцевъ. При этомъ я долженъ оговориться, что продолжительность теченія повальнаго воспаленія легкихъ подвержена большимъ колебаніямъ. Въ этомъ отношеніи оказываютъ вліяніе весьма сложные и разнообразные агенты, какъ то: конституція (сложеніе) животнаго, возрастъ, полъ, способъ содержанія и т. д.

Если изслѣдовать грудные органы животнаго, страдающаго повальнымъ воспаленіемъ легкихъ, убитаго или павшаго въ періодѣ полнаго развитія болѣзненнаго процесса, то при этомъ получается приблизительно слѣдующая картина: пораженное легкое сильно увеличено въ объемѣ, имѣетъ плотную консистенцію, весьма тяжело на вѣсъ, при разрѣзѣ не хруститъ. Легочныя дольки представляютъ различную окраску, отъ блѣднокраснаго, до интенсивно темно-краснаго, желто-краснаго и даже сѣраго цвѣта. Соединительная ткань, окружающая и связывающая упомянутыя легочныя дольки, утолщена и представляется въ видѣ красножелтыхъ, или-же сѣробѣлыхъ полосъ, происшедшихъ благодаря отложенію фибринознаго эксудата; отложеніе такого-же эксудата происходитъ и въ легочныхъ альвеолахъ. Благодаря такой неравномѣрной окраскѣ легочныхъ долекъ и рѣзкому разграниченію ихъ растянутой соединительной тканью, получается очень характерная картина разрѣза больнаго легкаго,—картина, имѣющая сходство съ мраморомъ, почему описываемый патологическій процессъ получилъ названіе „мраморной гепатизаціи легкихъ". Плевра также почти всегда участвуетъ въ заболѣваніи, причемъ степень ея пораженія находится въ зависимости отъ

интенсивности болѣзненнаго процесса въ легкихъ. При значительномъ пораженіи, плевра представляется мутною, утолщенною, богатою сосудами и покрыта фибринозными перепонками, имѣющими слоистое строеніе и склеивающими паріетальный и висцеральный листки ея. Въ грудной полости, кромѣ того, находятъ различное количество то свѣтлаго, то мутнаго, обыкновенно безъ запаха, жидкаго эксудата, содержащаго хлопья. Наружная поверхность околосердечной сумки также часто покрыта фибринозными массами. Само-собою разумѣется, что въ различныхъ періодахъ болѣзни картина пораженія легкихъ можетъ сильно мѣняться. Кромѣ измѣненій, обнаруживаемыхъ въ легкихъ и на плеврѣ, при повальномъ воспаленіи легкихъ, не имѣется никакихъ особенно важныхъ патологическихъ измѣненій въ другихъ органахъ. Желудочно-кишечный каналъ представляетъ картину катарральнаго воспаленія, съ опуханіемъ пейеровыхъ бляшекъ, а иногда удается наблюдать язвы на слизистой оболочкѣ кишекъ и желудка.

Убыль животныхъ отъ повальнаго воспаленія легкихъ достигаетъ 60-и и болѣе процентовъ. Теченіе болѣзни имѣетъ весьма разнообразный характеръ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ повальное поспаленіе легкихъ появляется впервые, оно бываетъ гораздо злокачественнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ болѣзнь давно уже существуетъ. Интенсивность болѣзни при различныхъ эпизоотіяхъ бываетъ крайне разнообразна. Животныя, заболѣвающія въ началѣ эпизоотіи, обыкновенно сильнѣе поражаются, чѣмъ тѣ, которыя заболѣли позже; особи сильно упитанныя заболѣваютъ сильнѣе, чѣмъ особи съ умѣреннымъ питаніемъ; болѣзнь у молодыхъ животныхъ протекаетъ бурнѣе, чѣмъ у старыхъ. Скотъ, пользующійся стойловымъ содержаніемъ, заболѣваетъ сильнѣе пастбищнаго. При появленіи эпизоотіи въ извѣстномъ стадѣ, сперва заболѣваютъ лишь нѣсколько животныхъ, по истеченіи многихъ недѣль,—другія

животныя и, наконецъ,—значительное число разомъ. Такимъ образомъ, продолжительность эпизоотіи въ хозяйствахъ съ большимъ количествомъ скота растягивается часто на цѣлые мѣсяцы и даже годы, если съ должной энергіей и послѣдовательностью не будутъ примѣняться мѣры къ ея прекращенію.

Въ настоящее время, правительственныя распоряженія всѣхъ государствъ и у насъ въ Россіи, какъ самую раціональную мѣру прекращенія повальнаго воспаленія легкихъ, предписываютъ убиваніе больнаго животнаго, вмѣстѣ съ которымъ уничтожается и инфекціонный возбудитель болѣзни, т. е. зараза.

Кромѣ мѣры убиванія, въ нѣкоторыхъ государствахъ (Пруссія и Франція*), для сокращенія потерь отъ повальнаго воспаленія легкихъ, въ послѣднее время разрѣшено производство прививокъ. Мнѣ кажется, что ни при одной болѣзни вопросъ о прививкахъ не возбудилъ столько толковъ и споровъ,—споровъ, доходящихъ чуть-ли не до личной вражды,—какъ при повальномъ воспаленіи легкихъ крупнаго рогатаго скота. Еще въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія Бельгійскій докторъ Виллемсъ предложилъ прививаніе заразы повальнаго воспаленія легкихъ, съ цѣлью предохраненія животныхъ отъ натуральнаго зараженія. Послѣ опубликованія благопріятныхъ результатовъ, достигнутыхъ Виллемсомъ, этотъ методъ предохраненія животныхъ отъ столь губительной болѣзни былъ примѣняемъ во многихъ мѣстахъ, въ различныхъ

*] *Въ Пруссіи*, въ силу § 45 новаго закона [1894 г.?] объ эпизоотіяхъ, предоставлено право мѣстнымъ общиннымъ учрежденіямъ установлять условія предохранительныхъ прививокъ противъ повальнаго воспаленія легкихъ.

Во Франціи, по закону 24 іюля 1881 года, обязательно прививаніе, въ случаѣ обнаруженія повальной плевропнеумоніи, всѣмъ животнымъ пораженнаго хозяйства.

— Кромѣ того, министерскимъ распоряженіемъ отъ 22 февраля 1892 г., скотовладѣльцамъ предоставлено право производить своему скоту предохранительное прививаніе повальной плевропнеумоніи, какъ это практикуется противъ антракса.

государствахъ Западной Европы и въ Австраліи, но такъ какъ результаты получались самые разнообразные, то мнѣнія экспериментаторовъ раздѣлились. Между тѣмъ какъ одни,—такіе извѣстные авторитеты, какъ напр. Булей, Деживъ, Гаубнеръ, Пютцъ, Рюффъ,—высказались за несомнѣнную пользу прививокъ, другіе, какъ напр. Ролоффъ, Вегенкель, Зюндель, Киттъ, Адамъ и многіе другіе дошли до полнаго отрицанія ихъ пользы. Не входя въ детальный разборъ „pro et contra“, не могу не замѣтить, что приверженцы прививокъ исходятъ изъ того извѣстнаго факта, что рогатый скотъ, выздоровѣвшій отъ повальнаго воспаленія легкихъ, становится иммуннымъ къ этой болѣзни на всю жизнь. Однакожъ, въ виду разнорѣчивыхъ показаній относительно пользы прививокъ, онѣ были оставлены до окончательнаго и всесторонняго изученія, съ научной точки зрѣнія, этого вопроса. Благодаря значительному усовершенствованію бактеріологическихъ методовъ изслѣдованія новѣйшаго времени, вопросъ о прививкахъ былъ опять поднятъ и подвергнутъ научной разработкѣ. Произведенные въ этомъ послѣднемъ направленіи опыты: Шютцъ и Стеффена (въ Германіи), Arloing'a (во Франціи), проф. Dessart (въ Бельгіи), доктора Loir (въ Австраліи) ясно доказали пользу прививокъ противъ повальнаго воспаленія легкихъ рогатаго скота. Къ только что сказанному слѣдуетъ еще добавить, что сравнительные опыты, произведенные въ самое послѣднее время во Франціи, по способамъ Arloing'a и Виллемса, ясно доказали какъ несомнѣнную пользу и высокое значеніе прививокъ вообще, такъ и способа Виллемса, въ частности. Это было подтверждено цѣлою комиссіею, состоявшею изъ: Leblanc'a, Nocard'a, Trasbot, Arloing'a, Lavalard'a, Butel'я, Владимірова, Constant'a, Bascou, Blier, Robcis и Rossignol'я. Въ виду этого, проф. Rossignol рѣшительно высказывается противъ поголовнаго убоя животныхъ, зараженныхъ повальнымъ воспаленіемъ легкихъ.

Сибирская язва (антраксъ).

Не слѣдуетъ думать, что болѣзнь, которая носитъ названіе здѣшняго обширнаго края, болѣзнь, поражающая не только животныхъ, но опасная и для людей, именно, сибирская язва, составляетъ исключительную принадлежность Сибири. Напротивъ, она встрѣчается во всѣхъ странахъ и была наблюдаема въ глубочайшей древности. Такъ, объ ней уже упоминаетъ Моисей, какъ объ одной изъ Египетскихъ казней. Далѣе, опустошительныя ея дѣйствія среди домашняго скота были извѣстны древнѣйшимъ писателямъ, какъ Гомеру, Овидію, Плутарху, а Ливій (въ V вѣкѣ до Р. Х.), приводя примѣры антраксныхъ эпизоотій среди крупнаго рогатаго скота, присовокупляетъ, что болѣзнь отъ животныхъ передавалась и людямъ, ухаживающимъ за скотомъ. Слѣдуетъ упомянуть, что различные авторы, какъ древнихъ, такъ и послѣдующихъ временъ, описывая разсматриваемую болѣзнь, давали ей различныя названія, какъ напр. „Ignis sacer“, „Пустула“, „Персидскій огонь“, „Ignis st. Antonii“ и. т. п,

Хотя сибирская язва встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта и подъ различными широтами, но давно уже замѣчено, что ея значительное распространеніе находится въ существенной зависимости отъ извѣстныхъ свойствъ почвы, ея влажности, опредѣленныхъ условій растительности и окружающей температуры воздуха. Такими излюбленными районами сибирской язвы являются мѣстности съ болотистой, топкой, торфяной почвой, съ непроницаемымъ подпочвеннымъ слоемъ, богатыя органическими примѣсями и извѣстными минеральными соединеніями. При этомъ замѣчено, что, при наличности такихъ данныхъ, развитіе сибирской язвы увеличивается съ повышеніемъ окружающей температуры воздуха, которое приходится, конечно, на самые жаркіе лѣтніе мѣсяцы. Въ Европейской Россіи, еще въ сравнительно недавнее время, сибир-

ская язва имѣла значительное распространеніе, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ особенно прославился районъ Маріинской водной системы. Что касается Томской губерніи, то сибирская язва почти ежегодно, въ большей или меньшей мѣрѣ, свирѣпствуетъ въ Нарымскомъ краѣ и округахъ: Каинскомъ, Томскомъ, Барнаульскомъ, Маріинскомъ и Бійскомъ. Нарымскій край и Каинскій округъ представляютъ самыя благопріятныя почвенныя условія для существованія разсматриваемой болѣзни, и не проходитъ года, чтобы въ нихъ не наблюдалось вспышекъ эпизоотій сибирской язвы. Въ нѣкоторые годы, упомянутая эпизоотія, въ Томской губ., достигала весьма значительныхъ размѣровъ. Такъ, напр., въ 1888 году она почти въ одно время появилась въ 172 селеніяхъ губерніи; лошади, рогатый скотъ и овцы гибли во дворахъ, въ полѣ—во время работы, на пастбѣ, по дорогамъ—во время ѣзды, такъ что не успѣвали убирать труповъ и они долгое время оставались незарытыми, способствуя еще большему развитію и распространенію заразы. Благодаря малочисленности ветеринарнаго персонала, прекращеніе эпизоотій сибирской язвы становится очень труднымъ, такъ какъ жители, по своему невѣжеству, не только не принимаютъ предлагаемыхъ имъ мѣръ для прекращенія болѣзни, но какъ будто нарочно способствуютъ еще большему ея распространенію. Такъ, напр., вездѣ можно встрѣтить факты снятія шкуръ съ павшихъ животныхъ, зарыванія труповъ во дворахъ у источниковъ питьевой воды, оставленіе падали на пастбищахъ и поляхъ, гдѣ таковая является источникомъ не только непосредственнаго зараженія пасущихся тутъ-же здоровыхъ животныхъ, но и загрязненія на долгое время самой почвы. Неудивительно поэтому, что сибирская язва, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ для своего развитія, возобновляется ежегодно и усиливается съ каждымъ годомъ въ той мѣстности, гдѣ появилась хотя-бы случайно, напр. путемъ заноса,

не говоря уже о мѣстностяхъ, гдѣ сама почва благопріятствуетъ развитію заразы, какъ напр. въ Каинскомъ округѣ и Нарымскомъ краѣ. Не говоря уже о значительной убыли животныхъ, почти ежегодно дѣло не обходится и безъ человѣческихъ жертвъ: такъ, въ истекшемъ 1896 году сибирскою язвою въ губерніи заболѣло 40 человѣкъ и умерло 10.

Убытки отъ эпизоотій сибирской язвы очень значительны. Изъ данныхъ Ветеринарнаго Управленія М. В. Д. видно, что въ теченіе 27 лѣтъ (съ 1861 по 1887 годъ включительно) только въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи пало отъ сказанной эпизоотіи около 600.000 головъ скота (567.798 гол.). Въ продолженіе-же 4-хъ лѣтъ (съ 1889 по 1892 г. включ.) во всей Имперіи заболѣло 248.764 животныхъ и пало 180.230 головъ. Одна Томская губернія за $8^1/_2$ лѣтній промежутокъ времени (съ 1889 по октябрь 1897 года) потеряла животныхъ отъ разсматриваемой болѣзни 8.945 головъ.

Сибирская язва принадлежитъ къ числу такихъ болѣзней, отъ которыхъ не застрахованъ ни одинъ родъ млекопитающихъ животныхъ, ни даже человѣкъ. Всего болѣе воспріимчивы къ этой болѣзни травоядныя животныя: рогатый скотъ, овцы, козы, лошади, олени, верблюды; затѣмъ слѣдуютъ кошки, кролики и, наконецъ, собаки обладаютъ лишь незначительною воспріимчивостью. Всѣ продукты отъ больныхъ и умершихъ животныхъ содержатъ въ себѣ заразу и притомъ кровь содержитъ таковой всего болѣе; далѣе, зараза находится во всѣхъ выдѣленіяхъ больныхъ животныхъ, а также въ шерсти, костяхъ, копытахъ и т. д. Упомянутые продукты отъ зараженныхъ павшихъ животныхъ, попадая въ почву, не только не теряютъ своей заразы, но, напротивъ, послѣдняя, при благопріятныхъ условіяхъ, размножается и служитъ къ зараженію пасущихся на этой мѣстности здоровыхъ животныхъ, или поѣдающихъ кормъ, загрязненный заразительнымъ веществомъ. Такимъ образомъ, при зараженіи сибирской яз-

вой, переносъ заразы, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, играетъ первенствующее значеніе. Болѣзнь поражаетъ безъ разбора какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ, молодыхъ и старыхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ индивидуумовъ. Замѣчено, однакожъ, что въ началѣ эпизоотіи поражаются преимущественно сильныя, упитанныя животныя, у которыхъ болѣзнь протекаетъ болѣе бурно, чѣмъ у старыхъ и истощенныхъ. Животныя, разъ перенесшія болѣзнь, пріобрѣтаютъ иммунитетъ, но не на всю жизнь, а лишь на извѣстное только время.

Пятидесятые года въ патологіи сибирской язвы имѣютъ выдающееся значеніе, благодаря почти одновременному опубликованію работъ Поллендера (въ 1855 г.—Германія) и Брауэля (въ 1857 г.—Дерптъ), открывшихъ въ крови животныхъ, пораженныхъ сибирскою язвою, низшіе организмы. Открытіе это не только кореннымъ образомъ измѣнило господствовавшее до этого времени понятіе о сибирской язвѣ, но и оказало громадную услугу ученію о всѣхъ вообще инфекціонныхъ болѣзняхъ. Благодаря Давену, Коху и Пастеру, природа бациллъ сибирской язвы была точно изучена. Въ виду того, что упомянутыя бациллы обладаютъ особенными типичными свойствами, присущими почти всѣмъ возбудителямъ инфекціонныхъ болѣзней, въ настоящее время нѣтъ почти ни одного ученаго естествоиспытателя, который не работалъ-бы въ томъ или другомъ направленіи съ ядомъ сибирской язвы. Возбудитель этой болѣзни, находимый въ животномъ организмѣ и являющійся въ видѣ палочкообразныхъ, цилиндрическихъ, неподвижныхъ образованій, по величинѣ—въ два раза больше діаметра краснаго кровяного тѣльца, принадлежитъ къ самымъ крупнымъ инфекціоннымъ бактеріямъ. Эти палочкообразныя образованія впервые были названы Кохомъ бациллами—„Bacillus anthracis“. Бациллы сибирской язвы замѣчательны тѣмъ, что способны образовывать стойкія споры.

Въ тѣлѣ животнаго бациллы размножаются только поперечнымъ дѣленіемъ; внѣ-же тѣла онѣ образуютъ споры, которыя, попавъ въ тѣло животнаго, превращаются опять въ бациллы. Бациллы могутъ произрастать на всевозможныхъ питательныхъ веществахъ; стойкость ихъ по отношенію къ низкимъ и высокимъ температурамъ, а также къ различнымъ дезинфецирующимъ средствамъ, не особенно велика. Что-же касается споръ, то онѣ принадлежатъ къ самымъ стойкимъ образованіямъ. Въ высушенномъ состояніи споры сохраняютъ свое ядовитое дѣйствіе многіе годы; онѣ не погибаютъ ни отъ температуры кипѣнія воды, ни отъ дѣйствія сильнаго холода; онѣ не могутъ противостоять только дезинфецирующимъ свойствамъ сулемы, хлора, брома и іода. Если упомянутыя споры, вмѣстѣ съ трупомъ или выдѣленіями больного животнаго, попадутъ въ почву, то онѣ могутъ тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (6 и болѣе лѣтъ) сохранять способность къ размноженію; мало того, онѣ могутъ, при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, совершать полный циклъ своего развитія. Сказанное имѣетъ весьма важное практическое значеніе, такъ какъ этимъ объясняется существованіе такъ наз. округовъ или районовъ сибирской язвы, въ которыхъ ядовитое начало болѣзни можетъ въ продолженіе многихъ лѣтъ оказывать свое губительное дѣйствіе, безъ всякаго подновленія свѣжими случаями падежа скота, и передаваться здоровымъ животнымъ (заражать) при посредствѣ кормовыхъ веществъ, воды и т. п.

Скрытый (инкубаціонный) періодъ при сибирской язвѣ продолжается чаще всего 3—4 дня.

Болѣзненныя явленія у различныхъ видовъ и родовъ животныхъ, какъ по своей продолжительности, такъ и по интенсивности болѣзненнаго процесса, значительно разнятся между собой. Однакожъ, между различными проявленіями на первый планъ выступаютъ слѣдующіе общіе признаки: вне-

запное наступленіе болѣзни, бурное теченіе, ведущее къ смерти приблизительно въ 1—3 дня, сильное лихорадочное состояніе, наклонность слизистыхъ оболочекъ къ кровотеченію и, наконецъ, присутствіе бациллъ въ крови. Къ этимъ даннымъ присоединяются болѣзненныя явленія со стороны кишечника, мозга и легкихъ и, какъ мѣстное пораженіе, образованіе карбункуловъ и отековъ на кожѣ. По продолжительности болѣзненнаго процесса, различаютъ: 1) весьма острую или апоплектическую, 2) острую и 3) подъострую формы сибирской язвы. Первая изъ нихъ чаще всего наблюдается у овецъ, рѣже у лошадей и рогатаго скота. Жертвами бываютъ преимущественно крѣпкія, хорошо упитанныя животныя, при чемъ лошади и рогатый скотъ поражаются этою формою чаще всего въ началѣ эпизоотіи. Характеризуется она весьма быстрымъ теченіемъ, не имѣющимъ себѣ примѣра ни въ одной изъ прочихъ инфекціонныхъ болѣзней, такъ какъ животное заболѣваетъ вдругъ, безъ видимыхъ предвѣстниковъ, а весь комплексъ симптомовъ имѣетъ характеръ апоплексіи мозга: животное, казавшееся до этого времени совершенно здоровымъ, вдругъ начинаетъ дрожать, у него развивается сильная одышка; слизистыя оболочки полости рта, носа, вѣкъ, прямой кишки получаютъ сильную ціанотичную окраску; глаза выдаются изъ орбитъ, зрачки расширены. Животное умираетъ или моментально, въ нѣсколько минутъ, или-же смерть, при явленіяхъ асфиксіи, наступаетъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Что касается двухъ остальныхъ формъ, то онѣ характеризуются болѣе медленнымъ теченіемъ болѣзни, продолжающимся отъ нѣсколькихъ часовъ до нѣсколькихъ сутокъ (при подъострой формѣ). Болѣзненныя явленія начинаются ознобомъ и повышеніемъ температуры тѣла (отъ 40° до 42° С.). Изъ объективныхъ явленій на первый планъ выступаютъ данныя, характеризующія гиперемію мозга, какъ-то: безпокойство и раздражительность, смѣняющіяся угнетеннымъ состояніемъ и

общею подавленностью, или вмѣсто этого получается картина пораженія легкихъ, или-же—кишечнаго канала.

Мѣстныя пораженія при сибирской язвѣ выражаются въ видѣ различныхъ опухолей, т. наз. карбункуловъ и отековъ кожи. При этомъ на первый планъ выступаютъ или только-что сказанныя карбункулезныя образованія, а затѣмъ уже присоединяется общее пораженіе организма, съ повышеніемъ температуры тѣла до лихорадочной, или-же болѣзненный процессъ имѣетъ обратное направленіе. Наиболѣе часто образованіе карбункуловъ наблюдается у лошадей и у рогатаго скота. Карбункулы представляются въ видѣ ограниченныхъ, твердыхъ, горячихъ и болѣзненныхъ, а затѣмъ холодныхъ и безболѣзненныхъ кожныхъ опухолей; отеки-же имѣютъ характеръ разлитыхъ, плоскихъ припухлостей кожи.

Посмертныя явленія выражаются приблизительно слѣдующею картиною: Трупы хорошо упитанныхъ животныхъ чрезвычайно медленно охлаждаются, долго сохраняютъ гибкость, быстро начинаютъ разлагаться и часто оказываются сильно вздутыми. Видимыя слизистыя оболочки имѣютъ синекрасный цвѣтъ; изъ естественныхъ отверстій течетъ кровь, прямая кишка часто выпячена. При снятіи кожи, вены оказываются переполненными черною, дегтеобразною кровью; мышцы туловища представляются дряблыми, какъ-бы сваренными. Въ брюшной и грудной полостяхъ находятъ умѣренное количество кровянистой жидкости. Подсерозная соединительная ткань, особенно на брыжейкѣ, въ передней полости средостѣнія и въ окружности почекъ, студенисто инфильтрирована. Инфильтраты эти часто достигаютъ значительнаго объема и, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ желтооранжевый, или желтобурый цвѣтъ. Селезенка, въ большинствѣ случаевъ, значительно увеличена въ объемѣ, ткань ея разрыхлена и переполнена темною кровью. Печень и почки представляютъ свойства. характеризующія паренхиматозное ихъ воспаленіе. Кровь имѣетъ

очень темный, даже черно-красный цвѣтъ, жидка, плохо створаживается; на воздухѣ она нѣсколько просвѣтляется. Кромѣ вышеупомянутой патоло-анатомической картины измѣненій трупа, самымъ прочнымъ діагностическимъ основаніемъ для сужденія объ имѣющейся сибирской язвѣ является микроскопическое изслѣдованіе и доказательство присутствія сибиреязвенныхъ бациллъ. Послѣднія находятся во всѣхъ органахъ, преимущественно-же въ капиллярной крови внутреннихъ органовъ (селезенка, печень, кишечный каналъ) и въ серозно-студенистыхъ инфильтратахъ брыжейки.

Убыль животныхъ отъ сибирской язвы очень велика, смертность среднимъ числомъ достигаетъ 70—80%, а при апоплектической формѣ даже до 100%.

Помимо губительнаго дѣйствія на животныхъ, сибирская язва опасна также и для человѣка. Зараженіе людей, обыкновенно, происходитъ или вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ больными животными, съ трупами, продуктами, полученными отъ такихъ животныхъ, какъ это часто случается напр. при выдѣлкѣ кожъ, мытьѣ шерсти, разборкѣ сала, костей, копытъ и т. п., далѣе вслѣдствіе обращенія съ предметами, бывшими въ соприкосновеніи съ больными, или-же отъ употребленія въ пищу мяса зараженныхъ животныхъ. Болѣзненный процессъ у человѣка выражается въ видѣ мѣстнаго страданія, такъ наз. „огневика“ или карбункула и, къ величайшему счастью человѣка, не имѣетъ той злокачественности и того губительнаго дѣйствія, какимъ представляется ядъ сибирской язвы для нашихъ домашнихъ животныхъ.

Въ виду того, что трупы павшихъ отъ сибирской язвы животныхъ являются опаснѣйшими очагами распространенія этой болѣзни, благодаря какъ непосредственному зараженію животныхъ и людей, такъ и накопленію заразы въ почвѣ, гдѣ, какъ было выше сказано, при высокой лѣтней температурѣ воздуха и достаточной влагѣ, зараза можетъ долго сохраняться и служить источникомъ происхожденія эпизоотій сибирской язвы,—самымъ главнымъ основаніемъ для предупрежденія распространенія этой губительной болѣзни должно быть полное уничтоженіе павшаго животнаго, тщательная уборка труповъ и основательная дезинфекція зараженнаго помѣщенія.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сибирская язва производитъ ежегодно значительныя опустошенія, самымъ раціональнымъ средствомъ для защиты животныхъ отъ заболѣванія, являются прививки ослабленныхъ культуръ антраксныхъ бациллъ.

Способъ вакцинаціи животныхъ противъ сибирской язвы впервые былъ предложенъ проф. Туссеномъ, однакожъ прививки получили прочную основу, благодаря лишь разработкѣ этого вопроса Пастеромъ. Вслѣдъ за его сообщеніемъ Парижской Академіи Наукъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1881 года, о результатахъ опытовъ по митигаціи яда сибирской язвы, прививки получили широкое распространеніе не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ Европы. Въ Россіи первый опытъ прививокъ Пастеровскими вакцинами, произведенный въ 1882 году въ Херсонской губерніи, въ имѣніи Кудрявцева, далъ неблагопріятные результаты. Въ виду этого, необходимо было приготовить сибиреязвенныя вакцины, такъ сказать, у себя дома, примѣняясь къ впечатлительности подвергаемыхъ прививкѣ мѣстныхъ животныхъ. Задачу эту блистательнымъ образомъ исполнилъ Харьковскій профессоръ Ценковскій. Я не буду останавливаться ни на исторіи развитія у насъ сибиреязвенныхъ прививокъ, ни на способѣ приготовленія вакцинъ, такъ какъ это могло-бы послужить темой для бесѣды чисто-спеціальнаго характера. Скажу только, что вакцины Ценковскаго, въ настоящее время, пользуются большой популярностью среди сельскихъ хозяевъ Южной Россіи и что въ продолженіе десяти лѣтъ, по 1894 годъ включительно, прививкѣ таковыми подвергнуто: 801.243 овцы, 24.972

головы рогатаго скота и 9.914 лошадей, со средней смертностью для овецъ 0,7%, для рогатаго скота—0,1% и для лошадей—0,9%*). Кромѣ вакцинъ Ценковскаго, въ настоящее время, у насъ въ Россіи пользуются и вакцинами Казанскаго проф. Ланге, а также изготовляемыми бактеріологической лабораторіей Французскаго Общества Пастеровскихъ сибиреязвенныхъ прививокъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Закончивъ изложеніе 3-хъ инфекціонныхъ болѣзней, всего чаще свирѣпствующихъ среди домашняго скота, я позволю себѣ попросить еще одну минуту вниманія, чтобы сказать, что открытія послѣдняго времени въ области бактеріологіи не только освѣтили происхожденіе многихъ повально-заразительныхъ болѣзней домашняго скота, но и указали во многихъ случаяхъ вѣрное средство къ охраненію его отъ послѣднихъ посредствомъ предохранительныхъ прививокъ. Приготовленіе вакцинъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ бактеріологіи, такъ какъ при посредствѣ ихъ явилась возможность дѣлать животныхъ невоспріимчивыми ко многимъ заразнымъ болѣзнямъ и сохранять отъ неизбѣжной гибели скотъ, составляющій у насъ, въ Россіи, главное народное богатство. Леченіе животныхъ, пораженныхъ инфекціонными болѣзнями, посредствомъ вакцинацій (инъекцій) крови, или ея сыворотки, отъ животныхъ предварительно сдѣланныхъ невоспріимчивыми (иммунными) къ извѣстной болѣзни, является новою эрою для терапевтики этихъ болѣзней. Уже извѣстны факты, что сказанными методами удалось излечить: столбнякъ, сапъ, бѣшенство, рожу и дифтеритъ,—т. е. такія болѣзни, которыя до сихъ поръ или совершенно не поддавались терапевтическому леченію, или весьма трудно уступали ему. Наконецъ, открытіе туберкулина и маллеина дало возможность

*) Министерство В. Д. циркулярами отъ 22 апрѣля 1892 года за № 210 и отъ 23 декабря 1893 г. за № 1654 указало подлежащимъ властямъ какъ на желательность дальнѣйшаго развитія этого дѣла, такъ и на тѣ административныя требованія, которымъ указанныя прививки должны удовлетворять.

безошибочно опредѣлять, въ сомнительныхъ случаяхъ, сапъ и бугорчатку и, вслѣдствіе этого, успѣшно бороться съ этими страшными болѣзнями, въ особенности-же съ послѣднею.

Если принять все это во вниманіе, а также и то, что тысячи тружениковъ не перестаютъ работать въ извѣстномъ направленіи для блага человѣчества, то можно съ увѣренностью сказать, что сравнительно недалеко то время, когда инфекціонныя болѣзни перестанутъ быть такими страшными бичами для человѣчества, въ качествѣ эпидемій или эпизоотій, какими онѣ являются отчасти еще теперь, и въ особенности-же, какими онѣ были до внесенія бактеріологіей въ медицинскую и ветеринарную науки новаго свѣта, озарившаго вопросы, которымъ безъ этого суждено было-бы еще долго оставаться покрытыми глубокимъ мракомъ.

21 ноября
1897 г.

ОХОТА ВЪ ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

И. И. Дочевскаго.

Подъ именемъ „охоты“ слѣдуетъ разумѣть ловлю или лишеніе жизни дикихъ звѣрей и птицъ различными способами, съ цѣлью добычи ихъ мяса, шкуры, перьевъ и даже костей.

Въ настоящее время болѣе или менѣе культурный человѣкъ, какъ орудіемъ охоты, обыкновенно пользуется ружьемъ и гораздо рѣже силками, сѣтями и капканами; дикари-же, которымъ недоступно или мало извѣстно огнестрѣльное оружіе, употребляютъ лукъ и стрѣлы, ножи, копья и дротики, и почти постоянно—всевозможнаго рода ловушки. Эти послѣднія представляютъ изъ себя то просто вырытыя въ землѣ и прикрытыя сверху глубокія ямы, въ которыя попадаетъ неосторожное животное или само, или загоняемое охотниками, то эти ловушки являются чрезвычайно остроумными и въ то-же время простыми приборами, въ большинствѣ случаевъ сдѣланными изъ дерева. Однѣ изъ этихъ ловушекъ основаны на силѣ тяжести, такъ что попавшая въ нихъ жертва придавливается однимъ или нѣсколькими падающими бревнами, другія-же дѣйствуютъ вслѣдствіе гибкости дерева и, смотря по устройству, попавшее въ нихъ животное то задергивается петлей, подвѣшенной на деревянной пружинѣ, то убивается самострѣломъ, сдѣланнымъ въ видѣ лука. Вообще, надо сказать, что всѣ способы, которыми пользуются дикари для охоты, обнаруживаютъ въ нихъ наблюдательность и глубокое знаніе жизни и привычекъ животныхъ, за которыми они охотятся.

© ГПНТБ СО РАН

Если современный намъ дикарь охотится за звѣремъ и птицей съ цѣлью добычи ихъ мяса себѣ въ пищу и шкуры и перьевъ для одежды и украшенія, то для него охота является тѣмъ-же, чѣмъ хлѣбопашество для земледѣльца. Какъ урожай обезпечиваетъ жизнь земледѣльца, такъ и изобиліе дичи обезпечиваетъ существованіе дикаря-охотника; какъ земледѣлецъ ищетъ удобной и плодородной земли, такъ и дикарь ищетъ тѣхъ мѣстъ, которыя изобилуютъ дичью. Словомъ, охота для дикаря-охотника такъ-же необходима, какъ и сборъ хлѣба для земледѣльца. Въ данномъ случаѣ охота вызывается насущной потребностью.—Земледѣлецъ избытокъ хлѣба продаетъ или обмѣниваетъ на различнаго рода потребные ему продукты и, такимъ образомъ, земледѣліе является уже статьей дохода и средствомъ къ улучшенію жизни и матеріальнаго благосостоянія. Точно также и охота становится статьей дохода и средствомъ къ улучшенію жизни, если охотникъ, подобно земледѣльцу, сбываетъ мясо и шкуру убитыхъ звѣрей и птицъ. Здѣсь, можно сказать, существуетъ полная аналогія.

Есть люди, которые живутъ исключительно охотой: для нихъ это—и источникъ къ жизни и статья дохода. Такую охоту мы называемъ постоянной промысловой охотой, или постояннымъ охотничьимъ промысломъ, въ отличіе отъ такового-же промысла случайнаго, когда охота для человѣка служитъ не единственнымъ средствомъ къ жизни, а побочнымъ, служащимъ въ помощь къ другимъ источникамъ.

Наконецъ, для многихъ людей охота служитъ удовольствіемъ, пріятнымъ и часто полезнымъ развлеченіемъ, такъ какъ на охотѣ охотникъ-любитель, не будучи вовсе, какъ многіе думаютъ, кровожаднымъ, получаетъ извѣстнаго рода наслажденіе и какъ-бы нѣкоторое удовлетвореніе отъ развитія и примѣненія своей ловкости и силы и отъ совершенія болѣе или менѣе продолжительнаго движенія подъ открытымъ небомъ и на чистомъ воздухѣ.

На основаніи только что сказаннаго, важное значеніе охоты очевидно само собою: для однихъ она необходимое занятіе, какъ единственный источникъ къ жизни, для другихъ—статья дохода и для третьихъ—удовольствіе. Конечно, самое важное значеніе имѣетъ охота для тѣхъ, кто занимается ею регулярно и для кого она служитъ постояннымъ промысломъ. При этомъ, однако, мы не должны забывать огромнаго значенія охоты и для тѣхъ, кто ею не занимается, ибо они постоянно пользуются ея продуктами такъ-же, какъ и продуктами земледѣлія и любой отрасли промышленности. Взгляните только на вашу зимнюю одежду, на украшенія дамскихъ костюмовъ, да еще вспомните вкусное и питательное мясо той или иной дичи!—Все это плоды охоты, результатъ трудовъ охотника!

Промысловая охота возможна только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ изобиліе, или, во всякомъ случаѣ, такое количество дичи, которое позволяетъ достаточную ея добычу, вознаграждающую и трудъ и потраченное время. По мѣрѣ заселенія какой либо страны, дикія животныя, водившіяся здѣсь въ изобиліи, начинаютъ постепенно исчезать, такъ какъ, съ одной стороны, ихъ истребляетъ человѣкъ, а съ другой,—съ разработкой лѣсовъ, степей, болотъ и т. д., они лишаются пространствъ, привольныхъ и удобныхъ для ихъ жизни и размноженія, и перекочевываютъ въ другія подходящія мѣста. Поэтому въ густонаселенныхъ и культурныхъ мѣстахъ промысловой охоты нѣтъ; тамъ, если и существуетъ охота, то почти исключительно любительская.

Томская губернія занимаетъ пространство около 760 тысячъ квадратныхъ верстъ. Для такого огромнаго пространства народонаселеніе ея сравнительно очень не велико. Огромные участки остаются совершенно незаселенными, а потому есть много мѣстъ, куда или совершенно не проникаетъ человѣкъ, или проникаетъ очень рѣдко; мѣстами обиліе рѣкъ, озеръ и болотъ, мѣстами на сотни верстъ лѣсныхъ про-

странствъ,— все это чрезвычайно благопріятствуетъ размноженію и сохраненію дичи. Если около наиболѣе заселенныхъ мѣстъ и замѣчается съ каждымъ годомъ постепенное уменьшеніе звѣря и птицы, то зато стоитъ только углубиться въ тайгу или вообще забраться куда либо подальше отъ жилья человѣческаго, чтобы убѣдиться, насколько эта часть Сибири еще богата различнаго рода животными. Эти мѣста вполнѣ пригодны для охоты и особенно для охоты промысловой, которая, какъ только что было сказано, возможна исключительно при изобиліи дичи. Такая охота и существуетъ въ нѣкоторыхъ округахъ Томской губерніи.

Животное населеніе Томской губерніи довольно разнообразно. Въ сѣверной, лѣсной, ея части изъ звѣрей, за которыми охотятся, водятся въ большомъ количествѣ медвѣди, волки, лисицы, зайцы, рыси, россомахи, выдры, соболи, колонки, горностаи, бѣлки, лоси, сѣверные олени, козули, а изъ птицъ: глухари, тетерева, рябчики, гуси, утки, лебеди, бекасы, дупеля и кулики всевозможныхъ породъ. Въ южныхъ, горныхъ, округахъ нѣкоторыя изъ перечисленныхъ животныхъ встрѣчаются рѣдко, но зато здѣсь есть такія, какихъ нѣтъ въ сѣверныхъ округахъ: горные козлы и бараны, кабарги, маралы, куропатки, особая порода горныхъ индѣекъ и гусей и т. д. Всѣ эти животныя въ Томской губерніи и служатъ объектами охоты, съ тою только разницей, что не всѣ тѣ изъ нихъ, за которыми ревностно охотятся промышленники, привлекаютъ любителей: напр., бѣлка для любителей охоты не представляетъ никакого интереса. Кто-же въ Томской губерніи занимается промысловой охотой? Занимаются этой охотой какъ инородцы, такъ и русскіе крестьяне; но крестьяне не изъ недавно прибывшихъ переселенцевъ, а изъ тѣхъ, которые родились въ Сибири, которыхъ дѣды и прадѣды жили въ Сибири и занимались тѣмъ-же промысломъ. Для многихъ и очень многихъ инородцевъ Томской губерніи охота и

рыбная ловля представляютъ единственное средство къ жизни, какъ, напр., для остяковъ и для инородцевъ Кузнецкаго округа; для нѣкоторыхъ-же изъ нихъ она служитъ побочной статьей дохода. Что касается промышленниковъ-крестьянъ, то только немногіе изъ нихъ существуютъ исключительно охотой, для большинства-же она побочный источникъ при занятіи земледѣліемъ, скотоводствомъ, разработкой лѣса и т. п.

Промышленники свою добычу продаютъ, обыкновенно, скупщикамъ, для чего разъ или два въ годъ собираются въ извѣстные центры—города или села, а часто также скупщики въ извѣстное время объѣзжаютъ села и становища кочевниковъ и скупаютъ или вымѣниваютъ у нихъ добычу. Конечно, въ барышахъ, и въ большихъ барышахъ, всегда остается скупщикъ, особенно, если производится мѣна; табакъ и водка, до которыхъ такъ падки инородцы, и дешевые ситцы яркихъ цвѣтовъ оказываютъ скупщикамъ огромную услугу: вещь, стоящая бездѣлицу, часто промѣнивается на довольно цѣнный мѣхъ; сплошь и рядомъ мелкій, но ловкій скупщикъ черезъ нѣсколько лѣтъ становится крупнымъ капиталистомъ.

Свой промыселъ промышленники, обыкновенно, начинаютъ въ сентябрѣ, а оканчиваютъ въ мартѣ и даже апрѣлѣ, т. е. уже въ то время, когда для многихъ животныхъ настаетъ пора размноженія и когда шкура ихъ становится малоцѣнной.

Такъ какъ самой добычливой охота бываетъ вдали отъ заселенныхъ мѣстъ, то съ наступленіемъ извѣстнаго времени крестьяне-промышленники уходятъ въ тайгу иногда верстъ за 200, причемъ на промыселъ отправляются чаще всего въ одиночку или вдвоемъ, инородцы-же перекочевываютъ всѣмъ семействомъ. Орудіемъ охоты для крестьянъ и для инородцевъ Кузнецкаго и Бійскаго округовъ, обыкновенно, служитъ малокалиберная пистонная, кремневая и даже фитильная винтовка, силки, капканы и различнаго рода другія ловушки. Остяки-же Нарымскаго края пользуются такими-же ловушками,

но, вмѣсто винтовки, чаще употребляютъ лукъ, причемъ, смотря по звѣрю, за которымъ охотятся, пользуются деревянными стрѣлами то съ булавовиднымъ деревяннымъ-же наконечникомъ, то съ наконечникомъ изъ желѣза, сдѣланнымъ на подобіе обоюдоостраго меча отъ 3 до 5 вершковъ длины и въ вершокъ или полтора ширины.

Однимъ изъ округовъ Томской губерніи, для жителей котораго охота имѣетъ огромное значеніе, является Нарымскій край. Сборъ кедровыхъ орѣховъ, охота и рыбная ловля служатъ чуть-ли не исключительными средствами къ жизни крестьянъ, мѣщанъ и инородцевъ этого округа. Въ годы неурожая кедровыхъ орѣховъ и плохой рыбной ловли охота для нихъ остается единственнымъ источникомъ дохода. Постоянной промысловой охотой занимаются здѣсь около 1000 человѣкъ. Охотятся промышленники на бѣлку, колонка, соболя, лисицу, горностая, медвѣдя и выдру, а изъ птицъ: на утку, гуся, лебедя, глухаря, тетерева и рябчика. Бѣлки, за которой у остяковъ охотятся какъ мужчины, такъ и женщины, добывается въ среднемъ отъ 60 до 100 тысячъ штукъ ежегодно. Затѣмъ, послѣ бѣлки, больше всего убивается колонковъ, а именно 2—3 тысячи, около 1.500 соболей, 1000 лисицъ, 500 горностаевъ, отъ 50—100 выдръ и около 30 медвѣдей. Что касается птицъ, то ихъ истребляется не такъ много, какъ это можно-бы было предполагать. Дѣло въ томъ, что промышленники главнымъ образомъ охотятся за звѣремъ, за птицей-же, такъ сказать, между прочимъ, или, какъ говорятъ сами промышленники, „по спопутью“. Исключеніе, впрочемъ, составляютъ утки, которыхъ иногда одинъ промышленникъ въ одну ночь добываетъ до 300 штукъ.

Нарымскій край очень богатъ озерами и болотами, на которыхъ выводится огромное количество водяной и болотной дичи и, въ томъ числѣ, баснословное количество различной породы утокъ. Осенью, незадолго до отлета, утки начинаютъ

собираться въ огромныя стаи и по вечерамъ перелетать съ озера на озеро: это—хорошо извѣстные всѣмъ охотникамъ любителямъ, такъ называемые, осенніе перелеты. Вотъ этимъ то вечернимъ летаніемъ утокъ съ мѣста на мѣсто и пользуются промышленники. На такую охоту часто отправляются и женщины. Выбираютъ, обыкновенно, въ лѣсу два озера и между ними дѣлаютъ просѣку; вечеромъ эту просѣку перегораживаютъ большою сѣтью и затѣмъ либо вспугиваютъ съ одного озера утокъ, а онѣ по просѣкѣ летятъ на другое и попадаютъ въ сѣть, либо просто ожидаютъ, когда утки сами полетятъ съ озера на озеро. Если-же просѣки сдѣлать нельзя, то выбираютъ подходящее озеро и на немъ вертикально ставятъ достаточной длины и ширины сѣть. Для этого въ дно озера поближе къ берегамъ или, если озеро неширокое, то просто въ оба берега втыкаютъ по длинному шесту, а между ними и протягиваютъ сѣть. Внизу сѣть прикрѣпляется прочно, а вверху такъ, что, при ударѣ въ средину сѣти, она тотчасъ-же падаетъ, какъ-бы перегибаясь по длинѣ.

Такимъ образомъ, стая утокъ, пролетая надъ озеромъ, ударяетъ въ средину сѣти, сѣть падаетъ и утки пойманы: взлетѣть онѣ не могутъ, ибо прикрыты половиной сѣти, нырнуть тоже нельзя, такъ какъ подъ ними другая половина. Тогда охотникъ подплываетъ на челнокѣ, вынимаетъ поодиночкѣ свою добычу и быстро умерщвляетъ, раздробляя зубами затылочную часть головки каждой утки. Вотъ такимъ-то образомъ при хорошемъ перелетѣ усердный охотникъ въ одну ночь добываетъ отъ 200 до 300 и болѣе утокъ. Эти утки частью продаются, а частью, посредствамъ соленья, копченья и вяленья, заготовляются впрокъ почти на круглый годъ и иногда замѣняютъ собой хлѣбъ, въ случаѣ его недостачи.

Раньше было сказано, что промышленники свою добычу сбываютъ скупщикамъ. Въ Нарымскомъ краѣ существуютъ четыре такихъ центра, въ которые съѣзжаются какъ про-

мышленники, такъ и скупщики, а именно: городъ Нарымъ, село Тымское, Парабѣльское и Васьюгинское. Ежегодную добычу нарымскихъ промышленниковъ въ среднемъ можно оцѣнить въ 35,000 рублей, а средній заработокъ каждаго промышленника около 35 руб. въ годъ.

Другой богатый промысловой охотой округъ, для части жителей котораго этотъ промыселъ тоже имѣетъ существенное значеніе,—это Кузнецкій. Весь Кузнецкій округъ можно раздѣлить на двѣ части: таежную и степную. Таежная часть заселена преимущественно кочующими инородцами, для которыхъ охота съ рыбной ловлей и служатъ главнымъ источникомъ дохода. Въ степной части охота является занятіемъ побочнымъ, а главнымъ занятіемъ служатъ скотоводство и земледѣліе. Около 2000 человѣкъ въ Кузнецкомъ округѣ занимаются промысловой охотой, причемъ главнымъ предметомъ, привлекающимъ промышленника, служитъ опять таки бѣлка, а затѣмъ соболь; на другихъ-же звѣрей, водящихся въ таежной части (медвѣдь, маралъ, сѣверный олень, козуля, россомаха, колонокъ, выдра, горностай, лиса, волкъ, заяцъ и бурундукъ), а равно и на птицъ (глухарь, тетеревъ, рябчикъ, гусь и утка), охота производится, такъ сказать, попутно при охотѣ за бѣлкой и соболемъ. Въ степной части въ изобиліи водятся волки, лисицы, зайцы и хорьки, а изъ птицъ: куропатка, гусь, утка, дупель, бекасъ, гаршнепъ, коростель и перепелъ. Въ Кузнецкомъ округѣ, какъ и въ Нарымскомъ краѣ, больше всего добывается бѣлокъ, а именно, въ среднемъ, ежегодно около 300,000 штукъ; затѣмъ до 100,000 бурундуковъ, 15,000 зайцевъ, 10,000 колонковъ, 3,000 хорьковъ, 1200 соболей, 1000 горностаевъ, 350 лисицъ, 300 оленей, 150 дикихъ козъ, 50 медвѣдей, 20 россомахъ и 15 выдръ. Количество-же убиваемыхъ птицъ приблизительно такое: 50,000 рябчиковъ, 1000 глухарей, 10,000 тетеревей, 500 гусей, 10,000 утокъ и

5,000 куропатокъ. Такимъ образомъ, если считать по мѣстнымъ цѣнамъ, отъ продажи звѣриныхъ шкуръ и убитыхъ птицъ промышленники Кузнецкаго округа выручаютъ около 75,000 руб., а средній заработокъ отдѣльнаго промышленника составитъ около 38 руб.

Въ Маріинскомъ округѣ промысловой охотой занимаются жители Зырянской волости и инородцы пяти смежныхъ съ нею инородческихъ управъ. Для большинства промышленниковъ охота служитъ побочной статьей дохода и занимаются промысловой охотой всего около 300 человѣкъ. Главнымъ предметомъ промысла служатъ бѣлка и колонокъ, а затѣмъ медвѣдь, волкъ, лиса, россомаха, лось, олень, заяцъ, утка, рябчикъ и тетеревъ. Въ среднемъ ежегодно добывается около 30,000 бѣлокъ, 1,500 колонковъ, 1300 зайцевъ, 30 лисицъ, 15 медвѣдей, 4 волка, 3 россомахи, 10 оленей, 5 лосей, 18,000 утокъ, 1500 рябчиковъ, и 3000 тетеревей. Общая стоимость добычи около 8,000 руб., а средній заработокъ промышленника окола 27 р. въ годъ.

Наконецъ, въ Бійскомъ округѣ постоянной промысловой охотой занимаются около 2250 человѣкъ. При этомъ для промышленниковъ инородцевъ это главный источникъ дохода, а для крестьянъ побочный. Въ этомъ южномъ и гористомъ округѣ къ тѣмъ животнымъ, за которыми охотятся въ сѣверныхъ округахъ, присоединяются еще различныя породы козъ, горные бараны, кабарга и маралъ, рога котораго такъ дорого цѣнятся китайцами и даютъ хорошій доходъ промышленнику. Въ среднемъ, въ Бійскомъ округѣ ежегодно убивается около 20 мараловъ, 516 козъ, 60 медвѣдей, 20 волковъ, 360 лисицъ, 100 барсуковъ, 50 рысей, 20 россомахъ, 1,700 колонковъ, 106,000 бѣлокъ, 211 соболей, 400 горностаевъ, 50 выдръ, 450 хорьковъ, 1000 зайцевъ, 7500 тетеревей, 3500 рябчиковъ, 1000 сорокъ, шкурки которыхъ идутъ заграницу для украшеній дамскихъ шляпъ, около 50 гусей и

100 или 150 утокъ. Общая стоимость добычи можетъ быть оцѣнена въ 25,280 р., а средній заработокъ промышленника около 12 руб.

Теперь, прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ объ округахъ Томскомъ, Каинскомъ, Барнаульскомъ и Змѣиногорскомъ, я долженъ оговориться, что всѣ вышеприведенныя цифры, хотя и добыты мною изъ оффиціальнаго источника (изъ свѣдѣній объ охотѣ въ округахъ Томской губ., посылаемыхъ изъ Томскаго губ. управленія въ министерство земледѣлія), а также путемъ частной переписки съ мѣстными охотниками, но они далеко не могутъ претендовать на полную точность по той простой причинѣ, что собрать точныя свѣдѣнія о количествѣ убиваемой въ томъ или другомъ округѣ дичи положительно немыслимо; тѣмъ не менѣе, однако, эти цифры „дороги уже тѣмъ, что даютъ хоть приблизительное понятіе о размѣрахъ промысловыхъ охотъ, о доходности ихъ и отчасти о количествѣ различной дичи въ различныхъ округахъ.

Въ только что названныхъ округахъ, Томскомъ, Каинскомъ, Барнаульскомъ и Змѣиногорскомъ, можно сказать, промысловой охоты нѣтъ, если не считать отдѣльныхъ немногихъ крестьянъ, которые иногда охотятся на бѣлку и другихъ животныхъ, но для которыхъ охота не играетъ ужь такой важной роли и вызывается скорѣе любовью къ самой охотѣ, чѣмъ необходимостью. Это зависитъ частью отъ того, что въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ округовъ плохія мѣста для промысловой охоты и она не можетъ дать достаточнаго заработка, а частью отъ того, что жители этихъ округовъ получаютъ достаточный доходъ отъ другихъ занятій, не связанныхъ съ такимъ трудомъ и лишеніями, какъ охота, и потому въ ней не нуждаются.

Я только что сказалъ, что охота связана съ трудомъ и лишеніями. И дѣйствительно это такъ. Вѣдь промышленники уходятъ въ тайгу на нѣсколько мѣсяцевъ, живутъ тамъ въ

темныхъ, сырыхъ и холодныхъ землянкахъ-избушкахъ, подвергаются всякимъ случайностямъ, невзгодамъ отъ погоды и подолгу питаются сухарями и черствымъ хлѣбомъ.

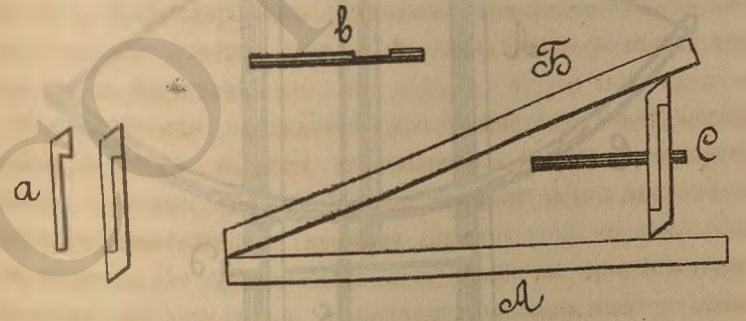
Мы видѣли, что во всѣхъ округахъ промышленники больше всего убиваютъ бѣлокъ и что промысловая охота на бѣлку почти повсемѣстная и самая распространенная, а потому я и позволю себѣ начать описаніе способовъ охоты съ охоты на бѣлку. Охота на нее у промышленниковъ начинается съ сентября и оканчивается въ мартѣ и даже апрѣлѣ. Осенью и въ началѣ зимы промышленники бьютъ бѣлокъ недалеко отъ своего жилья. Остяки, обыкновенно, пользуются лукомъ и деревянными стрѣлами, рѣдко винтовкой, а большинство другихъ промышленниковъ—почти исключительно винтовкой. Охота заключается въ томъ, что охотникъ либо самъ высматриваетъ сидящую на деревѣ бѣлку и стрѣляетъ, цѣлясь непремѣнно въ головку, чтобы не портить шкурки, либо въ отыскиваніи бѣлокъ ему помогаетъ собака, которая, найдя бѣлку, начинаетъ ее „облаивать“, т. е. просто лаетъ на нее; на этотъ лай спѣшитъ охотникъ и своимъ мѣткимъ выстрѣломъ сражаетъ звѣрька, съ любопытствомъ смотрящаго съ дерева на лающую собаку. Зимой-же промышленники отправляются въ тайгу. Отправляются, обыкновенно, или въ одиночку, или вдвоемъ и рѣдко партіями отъ 3—5 человѣкъ. Впрочемъ, остяки часто уходятъ всей семьей, такъ какъ въ охотѣ на бѣлку у нихъ дѣятельное участіе принимаютъ и женщины. Путь въ тайгу и по тайгѣ совершается на легкихъ скользкихъ лыжахъ, а охотничьи принадлежности, запасная одежда, запасъ провизіи, т. е. сухари, соль, мука и иногда крупа, укладываются на маленькія салазки, называемыя нартами; при этомъ, если промышленникъ идетъ не одинъ, а вдвоемъ, то нарты везутся поочередно. Въ тайгѣ у промышленника имѣется зимовье,—маленькая избушка изъ 3 или 5 вѣнцовъ, частью врытая въ землю, съ очагомъ изъ круп-

ныхъ неправильной формы камней и съ узенькимъ окошкомъ, которое открывается на время топки очага. Иногда около такой избушки устраивается еще и лабазъ, т. е. небольшой срубъ на четырехъ столбахъ въ сажень или полторы вышиной; это—мѣсто для храненія съѣстныхъ припасовъ отъ хищныхъ звѣрей. Путь къ зимовью легко находится по затесямъ на деревьяхъ, а затеси эти дѣлаются такъ, что на нѣкоторыхъ деревьяхъ, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, стесывается небольшой участокъ коры. Зимовье отъ мѣста жительства промышленника, обыкновенно, отстоитъ на 100, а то и на 200 верстъ. Прійдя на зимовье, промышленникъ прежде всего осматриваетъ свой „ухожень“, чинитъ и настораживаетъ ловушки, оставшіяся съ прошлаго года и разставляетъ новыя. Все то пространство, на которомъ разставляются ловушки, и называется ухожнемъ; этотъ ухожень иногда тянется верстъ на 20 и болѣе. Разставивъ и насторожив ловушки, промышленникъ ежедневно выходитъ изъ зимовья собирать убитыхъ животныхъ и вновь настораживать ловушки. Самыя употребительныя и распространенныя по всей Сибири ловушки на бѣлку—это „плашка“ и „черканъ“. Прежде чѣмъ приступить къ описанію этихъ двухъ приборовъ, я долженъ сказать, что вообще всѣ ловушки, употребляемыя промышленниками Томской губерніи, употребляются и повсемѣстно въ Сибири.

Кто былъ изобрѣтателемъ этихъ ловушекъ, инородцы или русскіе крестьяне, сказать трудно, но я думаю, что не всѣ ловушки изобрѣтены инородцами, а что принципъ устройства нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ занесенъ изъ Европейской Россіи; мнѣ, напримѣръ, приходилось видѣть у крестьянъ въ Малороссіи ловушку для крысъ, которая ничѣмъ существенно не отличается отъ сибирской „плашки“. Чертежи большинства приборовъ взяты мною изъ сочиненія Кривошапкина „Енисейскій округъ и его жизнь“, а остальные изображены

такъ, какъ я ихъ видѣлъ лично. Всѣ чертежи исполнены многоуважаемымъ художникомъ А. Э. Мако, за что здѣсь-же считаютъ пріятнымъ долгомъ выразить ему глубочайшую признательность.

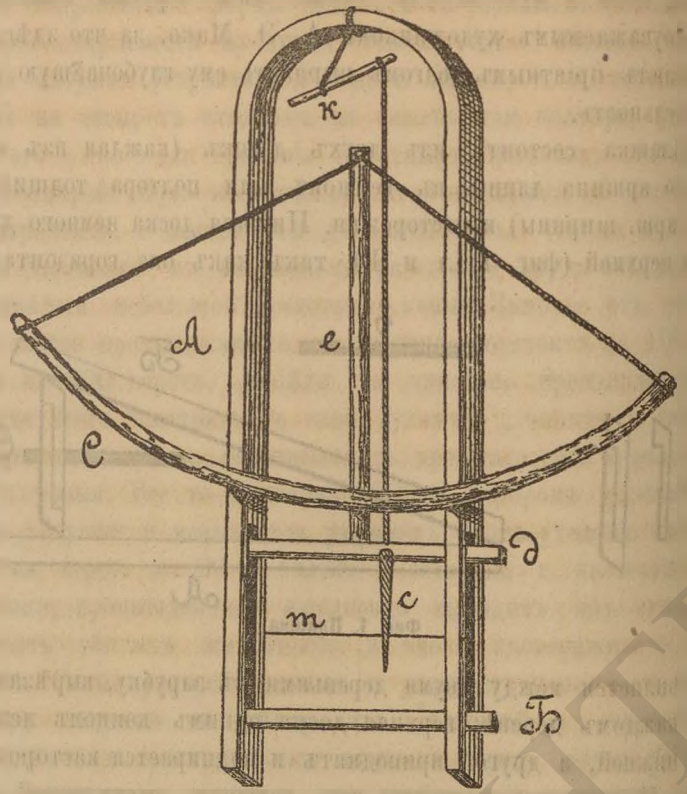
Плашка состоитъ изъ двухъ досокъ (каждая изъ нихъ около аршина длины, въ вершокъ или полтора толщины и $^3/_4$ арш. ширины) и насторожки. Нижняя доска немного длиннѣе верхней (фиг. 1, А и Б), такъ какъ она горизонтально



Фиг. 1. Плашка.

укрѣпляется между двумя деревьями въ зарубку, вырѣзанную въ каждомъ деревѣ; верхняя доска однимъ концомъ лежитъ на нижней, а другой приподнятъ и подпирается насторожкой (С). Насторожка состоитъ изъ дощечки, распиленной зигзагообразно на двѣ одинаковыя половинки (а) и стерженька (в), краями вырѣзки котораго и соединяются обѣ половинки дощечки. На свободный конецъ стерженька прикрѣпляется наживка. Стоитъ бѣлкѣ хоть немного смѣстить стержепекъ, какъ вся подпирающая снасть разрушается и верхняя доска падаетъ и убиваетъ звѣрька.

Для устройства черкана (фиг. 2) пластина изъ сыраго дерева, длиной въ 5—6 четвертей, шириной въ 1 вершокъ и около $^1/_2$ вершка толщиной (А), изгибается въ дугу такъ, что-бы разстояніе между ея концами было около четверти аршина. Эти концы скрѣпляются небольшимъ деревяннымъ



Фиг. 2. Черканъ.

брускомъ (Б); въ обоихъ концахъ дуги дѣлаются сквозные прорѣзы, длиною въ четверть, доходящіе до скрѣпляющаго бруска; въ этихъ прорѣзахъ помѣщается другой брусокъ (*д*), могущій подниматься и опускаться вплоть до нижняго бруска; въ среднюю часть этого верхняго бруска вдѣлывается небольшая палка (е), свободный конецъ которой вкручивается въ тетиву черемуховаго лука (С), который прикрѣпляется къ обѣимъ ногамъ дуги; вверху дуги на короткой веревочкѣ привязанъ стерженекъ (мотырь, к), однимъ концомъ котораго поддѣвается натянутая тетива лука, а къ другому на веревочкѣ привязывается сторожекъ (с). Когда приборъ насторожень, то сторожекъ своей головкой упирается въ край верхняго бруска, и такъ какъ онъ можетъ выскользнуть изъ-подъ этого края только тогда, когда не будетъ удерживаемъ въ вертикальномъ положеніи, то свободный конецъ его и заводится за легкій прутикъ (*т*), который втискивается между двумя ножками дуги посрединѣ двухъ брусковъ. Нажива можетъ быть надѣта на сторожекъ или на придерживающій его прутикъ. Разъ сторожекъ смѣстится, какъ тотчасъ-же съ мотыря соскочитъ тетива лука и животное будетъ ущемлено между двумя брусками.

Наживкой или прикормкой для бѣлки служатъ сушеные грибы, губчатые наросты съ тальника и березы и сосновыя шишки, которыя для этой цѣли собираются въ августѣ и хранятся переложенныя мокрымъ мхомъ, дабы не высыхали ихъ сѣмена. Но кромѣ плашекъ и черкановъ, промышленники ловятъ бѣлокъ еще и силкомъ, по ихъ выраженію—„осиливаютъ“. Эта осилка производится слѣдующимъ образомъ: на длинномъ шестикѣ, какіе употребляются для удилищъ, прикрѣпляется прочная петля изъ конскаго волоса; расхаживая по тайгѣ, промышленникъ отыскиваетъ на деревьяхъ бѣличьи гнѣзда и когда найдетъ такое гнѣздо, то сильно стучитъ по дереву; любопытная бѣлка высовывается изъ гнѣзда и удивленно осматриваетъ звѣролова, а онъ въ это время приближаетъ къ ней петлю, ловко надѣваетъ на шейку и въ одинъ мигъ звѣрекъ удавленъ. Только что описанные способы добычи бѣлки—самые обыденные и распространенные среди сибирскихъ промышленниковъ.

Плашка и черканъ, кромѣ бѣлки, употребляются и для ловли горностая; тогда они ставятся не на деревья, а около нихъ на какомъ-либо пнѣ или колодѣ, а для нажива употребляется мясо рябчика, съ перьями разрѣзаннаго на небольшіе кусочки.

ОТИНТРОРАН

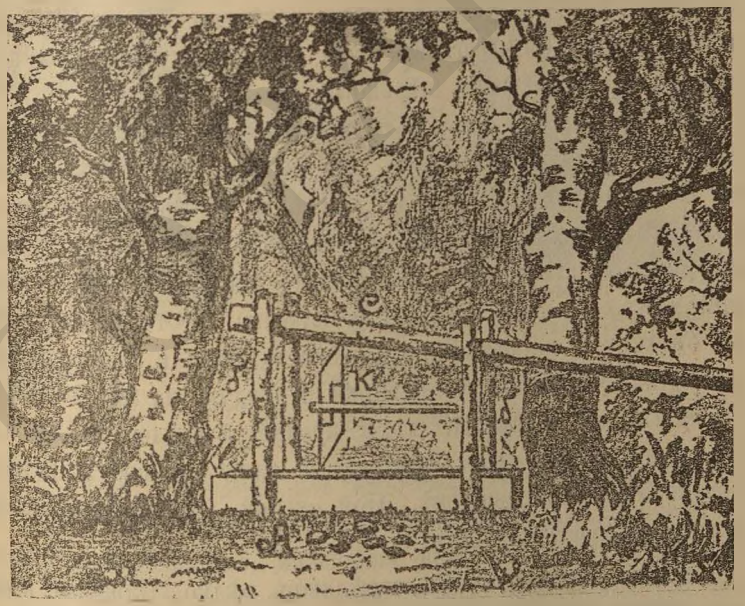
Прійдя въ зимовье съ добытыми звѣрьками, промышленникъ снимаетъ съ нихъ шкурки, а мясо разбрасываетъ около зимовья съ той цѣлью, чтобы, разлагаясь весной, оно своимъ запахомъ привлекало къ зимовью хищниковъ. Привлеченный этимъ мясомъ медвѣдь иногда недалеко отъ зимовья дѣлаетъ и свою берлогу и зимой становится добычей звѣролова.

На колонка, какъ и на бѣлку, осенью охотятся съ ружьемъ и собакой, а зимой онъ попадается въ черканы и плашки съ мясной наживой, попадается также въ капканы и въ кулемку, поставленную на соболя. Часто, если эти ловушки спеціально ставятся на колонка, то наживкой служитъ мясо бѣлки. Такимъ-же способомъ добываются и хорьки.

До зимы на соболя охотятся тоже съ ружьемъ и собакой, но это охота трудная, такъ какъ соболь рѣдко подпускаетъ къ себѣ охотника, а обыкновенно съ поразительной быстротой перепрыгиваетъ съ дерева на дерево и скоро уходитъ очень далеко, такъ что охотнику за нимъ не угнаться. Зимой-же соболь ловится обметомъ, кулемкой, пастушкой и капканомъ. Обметомъ называется длинная, сажени въ полторы шириной, сѣть.

Этотъ способъ охоты примѣняется въ томъ случаѣ, когда соболь спрячется въ дупло или зароется подъ колоду; тогда вокругъ этого мѣста ставится на кольяхъ сѣть и соболь выгоняется дымомъ костра. Иногда, окруживъ дерево сѣтью, промышленники караулятъ выходъ соболя по цѣлымъ сутками; на сѣти во многихъ мѣстахъ привязываются колокольчики, чтобы было слышно, куда ударится звѣрекъ,—промышленникъ долженъ немедленно броситься на него и схватить руками, защищенными лосиными рукавицами, иначе сѣть будетъ быстро прогрызена и добыча уйдетъ. Самый-же распространенный способъ—это ловъ кулемкой.

Для устройства кулемки вколачиваются въ землю попарно четыре кола; разстояніе между парами кольевъ около аршина, а между кольями каждой пары около 2—3 вершковъ (фиг. 3, б, б); между кольями кладется четырехгранный брусокъ (А) въ четверть аршина вышины и шириной рав-



Фиг. 3. Кулемка.

ный разстоянію между кольями каждой пары; затѣмъ длинная жердь (С) помѣщается между кольями по длинѣ прибора и приподнятый конецъ ея подпирается такимъ-же образомъ, какъ доска бѣличьей плашки, съ той разницей, что насторожка (к) дѣлается такой длины, чтобы по длинѣ перегородить пространство между двумя парами кольевъ. Пространство по одну сторону прибора огораживается вѣтвями и прутьями, такъ что самый приборъ служитъ какъ-бы воротцами въ это огороженное мѣсто, гдѣ посрединѣ кладутся сосновыя шишки. Все разсчитано на то, что соболь, желая полакомиться приманкой, пойдетъ чрезъ воротца, смѣститъ насторожку и будетъ придавленъ упавшей жердью. Другой при-

боръ—„пастушка"—тоже основанъ на тяжести падающаго бревна, которое придавливаетъ звѣрька, послѣ того какъ будетъ тронута поднимающая снасть. Капканы, которые ставятся на соболя, описывать не буду, такъ какъ они ничѣмъ не отличаются отъ капкановъ всѣмъ извѣстныхъ и употребляющихся и въ Европейской Россіи для ловли крысъ, зайцевъ и другихъ небольшихъ звѣрьковъ.

Въ Кузнецкомъ округѣ очень много добывается бурундуковъ. Это маленькій звѣрекъ изъ породы грызуновъ. Шкурка его красива тѣмъ, что по длинѣ ея идутъ пять темныхъ полосокъ. Отдѣльныя шкурки сшиваются такъ, чтобы полоска приходилась къ полоскѣ. Получается чрезвычайно красивый мѣхъ, въ видѣ полосатаго плюшка; этотъ мѣхъ идетъ на отдѣлку и на покрышку дамской одежды и на подкладку для мужскихъ халатовъ. Шкурка бурундука на мѣстѣ стоитъ ¼ копѣйки, сшитый-же мѣхъ продается рублей за 30 или 40. Ловятъ бурундука силками, а чаще убиваютъ палкой, подзывая особымъ свистомъ. Этой охотой, обыкновенно, занимаются подростки и дѣти.

Зайцевъ промышленники стрѣляютъ рѣдко. Чаще-же всего для добычи зайца употребляется чрезвычайно простой приборъ, называемый заячьей петлей. Дѣло въ томъ, что зимой, при глубокомъ снѣгѣ, заяцъ прокладываетъ себѣ тропу, по которой и ходитъ къ тѣмъ кустикамъ и молодымъ деревцамъ, кору которыхъ онъ гложетъ; на такой тропѣ звѣроловъ и ставитъ свою снасть, въ большинствѣ случаевъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Устраивается-же эта снасть слѣдующимъ образомъ: чрезъ одну изъ вѣтвей дерева, поближе стоящаго къ тропѣ, перебрасывается жердь, такъ чтобы получился неравноплечный рычагъ съ короткимъ плечомъ въ сторону тропы (фиг. 4, А); къ концу этого плеча прикрѣпляется веревочная затягивающаяся петля, а въ веревку на небольшомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ она дѣлаетъ петлю, ввязывается маленькая

Фиг. 4. Заячья петля.

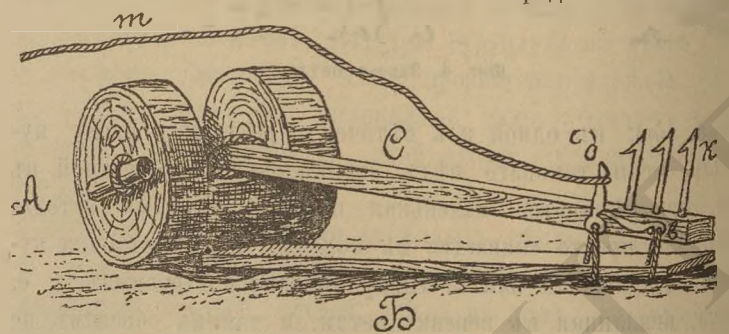
палочка (*m*); къ одной изъ вѣточекъ ростущаго внизу куста или, если таковаго нѣтъ, къ палочкѣ, вколоченной въ землю, прикрѣпляется маленькая незатягивающаяся петелька (к), или просто свивается въ колечко тонкая вѣточка куста; въ это колечко или петельку заводится сторожекъ, т. е. палочка, ввязанная въ веревку петли, и такимъ образомъ не позволяетъ опуститься длинному плечу рычага (толстому концу жерди); петля расправляется, навѣшиваясь на вѣточку кустарника, ростущаго противъ дерева по другую сторону петли. Такъ какъ петля располагается поперекъ тропы, то заяцъ непремѣнно долженъ пройти сквозь нее, а стоитъ только ему даже слегка задѣть петлю, какъ сторожекъ освобождается изъ придерживающаго его зацѣпа, тонкій конецъ жерди поднимается вверхъ и петля затягивается.

Значительную цѣнность представляетъ выдра, мѣхъ которой очень красивъ и идетъ на шапки и воротники. Въ Томской губерніи добываютъ выдру, подкарауливая ее на бе-

регу рѣки и убивая изъ ружья, или ловятъ въ сѣть, которую протягиваютъ поперекъ рѣки.

Россомаха—звѣрь, сравнительно, довольно рѣдкій, живущій въ глухой тайгѣ, гдѣ онъ охотится за оленями и даже за лосями. Этотъ звѣрь является нежелательнымъ сосѣдомъ, если появляется около мѣста, гдѣ промышляетъ звѣроловъ, такъ какъ безнаказанно разрушаетъ его ловушки, снимая съ нихъ мясную наживу, да, кромѣ того, отпугиваетъ и другихъ животныхъ.

Еще по слѣду узнавъ о присутствіи такого сосѣда, промышленникъ торопится поставить капканъ или „кляпицу". Эта „кляпица" устраивается такъ: въ обрубкѣ дерева четверти въ 2—3 длины (фиг. 5, А) дѣлается посрединѣ выемка вер-



Фиг. 5. Кляпица.

шка въ 2—3 ширины и вглубь немного ниже центра обрубка; по оси обрубка провертывается дыра, въ нее продѣвается двойной ременный гужъ (е), а въ него вкладывается конецъ деревяннаго бруска аршина въ полтора длины, около 2 вершковъ ширины и приблизительно такой-же толщины (С). На свободномъ концѣ этого бруска вколочены 3 острыхъ желѣзныхъ зубца (к), въ боковую сторону бруска подъ зубцами вколачивается прочный гвоздь; ниже выемки въ обрубокъ дерева вколачивается такой-же другой деревянный брусокъ (Б). а на свободномъ концѣ его, на ремешкахъ, привязаны два

деревянныхъ крючка (*д* и *в*); гужъ посредствомъ двухъ палочекъ, продѣтыхъ въ его петли, завертывается въ сторону дѣйствія прибора, брусокъ С пригибается къ бруску Б, крючекъ *в* заводится за гвоздь верхняго бруска и въ такомъ положеніи удерживается зазубриной крючка *д*, къ крючку-же *д* привязывается веревочка (*т*), которая протягивается вдоль прибора по снѣгу и прикрѣпляется къ какому-либо кусту или дереву. Подъ веревку въ такомъ разстояніи, чтобы могла достать бьющая часть прибора, кладется мясная приманка. Дѣйствіе прибора вполнѣ понятно. При дотрогиваніи до веревочки *т*, освобождается крючекъ *в*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доска С, которая съ силой перекидывается на лѣвую сторону прибора (при томъ его положеніи, какое изображено на рисункѣ) и своими зубцами (к) поражаетъ звѣря сверху.

Россомаха нелюбимый промышленникомъ звѣрь еще и потому, что нападаетъ на оленей и, если даже нападеніе ея не увѣнчается успѣхомъ, то во всякомъ случаѣ олени ужъ будутъ распуганы и угнаны съ тропы.

Найдя оленью тропу, россомаха сначала скрадываетъ оленей, а затѣмъ, забѣжавъ впередъ, взлазитъ на дерево и, когда олени проходятъ мимо этого дерева, стремительно бросается на одного изъ нихъ и острыми зубами и когтями старается быстрѣе перегрызть и перервать мягкія части, соединяющія затылочную часть черепа съ шеей. Одинъ олень гибнетъ, а напуганные остальные уходятъ очень далеко и охотникъ не скоро найдетъ ихъ.

Въ Томской губерніи волковъ сравнительно немного и они встрѣчаются далеко не такъ часто, какъ во многихъ губерніяхъ Европейской Россіи. Здѣсь, въ Томской губерніи, волковъ добываютъ либо капканами, либо травятъ пилюлями съ стрихниномъ или сулемой, либо, наконецъ, въ мягкій и глубокій снѣгъ заганиваютъ ихъ верхомъ на лошадяхъ и измученнаго, выбившагося изъ силъ волка или стрѣляютъ, или

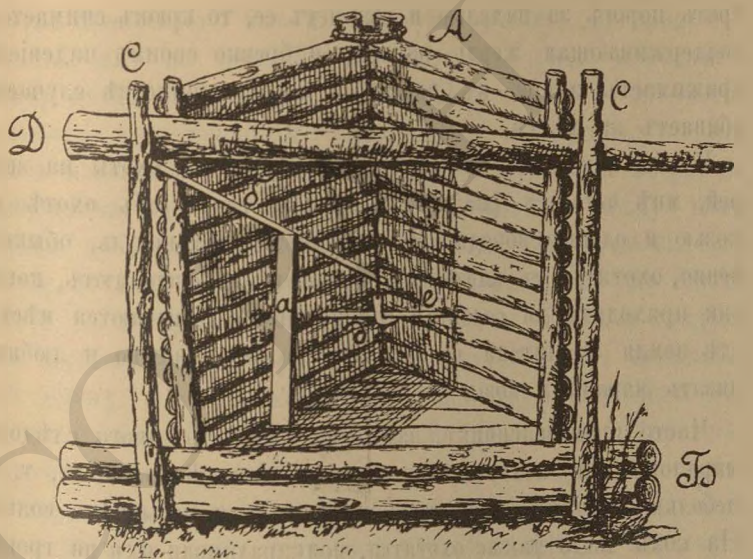
ОТНР СОПАН

убиваютъ просто палкой. Этотъ способъ охоты особенно употребителенъ въ Кузнецкомъ округѣ.

Лисицъ, какъ и волковъ, нѣкоторые звѣроловы тоже отравляютъ сулемой и стрихниномъ, но часто также добываютъ и различнаго рода ловушками. Одной изъ довольно употребительныхъ ловушекъ является такая-же „клянца“, какая употребляется и на россомаху. Подъ прикрытую снѣгомъ веревку *(m)* и около нея кладутся кусочки мяса; стоитъ лисѣ задѣть за эту веревку, какъ снарядъ приходитъ въ дѣйствіе, убивая звѣря на мѣстѣ. Въ Нарымскомъ краѣ нѣкоторые торговцы мѣхомъ выращиваютъ лисицъ въ закрытыхъ сараяхъ и затѣмъ ужь убиваютъ ихъ. Для этого въ началѣ лѣта покупаютъ у промышленниковъ взятыхъ изъ норъ лисятъ, запираютъ ихъ въ сарай и кормятъ падалью и зайцами. Говорятъ, мѣхъ такихъ выкормленныхъ лисицъ гораздо красивѣе и цѣнится поэтому дороже, чѣмъ мѣхъ выросшихъ на свободѣ.

Самый употребительный способъ охоты на медвѣдя—это зимняя охота на берлогѣ. Найдя берлогу, промышленникъ „заламываетъ“ ее, т. е. нѣсколькими толстыми кольями, перекрещенными между собою, загораживаетъ отверстіе берлоги, заколачивая концы кольевъ подъ корни дерева, у котораго вырыта берлога. Запертаго такимъ образомъ звѣря охотникъ убиваетъ или выстрѣломъ въ голову, или рогатиной.

Этотъ способъ охоты совершенно безопасенъ; опаснымъ онъ становится только тогда, когда въ берлогѣ находятся два медвѣдя, а охотникъ, не подозрѣвая объ этомъ, убивъ одного, неосторожно раскрываетъ берлогу. Изъ приборовъ, которыми пользуются промышленники для добычи медвѣдя, опишу здѣсь одинъ изъ болѣе часто употребляемыхъ—медвѣжью „кулему“ (фиг. 6). Въ землю вколачиваются, располагаясь треугольникомъ, колья вышиной въ ростъ человѣка (С, С). Эти колья служатъ основой двухъ, сходящихся подъ угломъ, заборовъ (А) изъ толстыхъ жердей или даже бревенъ; у концовъ образующагося такимъ образомъ угла, вбивается еще по колу и между ними и расходящимися сторонами забора кладутся одно на другое два или три бревна, для образованія порога (Б); въ этомъ треугольномъ пространствѣ, ближе къ одному изъ заборовъ, вколачивается еще колъ, пониже самыхъ заборовъ (а)—это „сторожильный колъ“. Бьющая часть прибора состоитъ изъ тяжелаго бревна въ нѣсколько саженъ длины (Д); одинъ конецъ его приподнимается надъ порогомъ и подпирается небольшой жердью (б), которая, какъ коромысло, кладется на сторожильный колъ; къ концу жерди, обращенному внутрь кулемы, привязывается деревянный крюкъ (*д*), а онъ цѣпляется за другую жердь (е), укрѣпленную въ углу между обоими заборами, и не позволяетъ, такимъ образомъ, упасть жерди, поддерживающей бьющее бревно; къ крюку прикрѣпляется нажива, обыкновенно кусокъ падали. Дѣйствіе прибора заключается въ томъ, что когда медвѣдь потянется



Фиг. 6. Кулема.

чрезъ порогъ за падалью и возьметъ ее, то крюкъ снимается, поддерживающая жердь падаетъ и бревно своимъ паденіемъ прижимаетъ звѣря къ порогу и въ большинствѣ случаевъ убиваетъ на мѣстѣ.

Чтобы покончить съ описаніемъ способовъ охоты на звѣрей, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ охотѣ на козью и оленью породы. На мараловъ и на козуль, обыкновенно, охотятся съ винтовкой, для чего подстерегаютъ, когда они приходятъ на солонцы; солонцами-же называются мѣста, гдѣ земля пропитана солью. Эту соленую землю и любятъ лизать маралы и козы.

Часто промышленникъ, замѣтивъ гдѣ-либо много слѣдовъ мараловъ или козъ, дѣлаетъ искусственный солонецъ, т. е. небольшой участокъ земли пропитываетъ и посыпаетъ солью. На козъ часто также охотятся, подкарауливая ихъ на тропѣ. Какъ я уже упоминалъ, маралъ цѣненъ своими рогами, а потому въ Бійскомъ, а въ послѣднее время и въ Кузнецкомъ, округахъ нѣкоторые крестьяне держатъ и кормятъ ихъ въ особыхъ огороженныхъ мѣстахъ, называемыхъ маральниками. Лѣтомъ у такихъ мараловъ спиливаются рога для продажи, на будущій годъ они выростаютъ снова и, такимъ образомъ, одинъ и тотъ-же маралъ ежегодно приноситъ своему владѣльцу извѣстный доходъ. Олени, какъ и зайцы, зимой прокладываютъ себѣ тропу. У промышленниковъ самая употребительная охота на нихъ „гоньбой“ и „скрадываньемъ“. Скрадыванье заключается въ томъ, что охотникъ скрывается гдѣ-либо у тропы и, выждавъ проходящее животное, убиваетъ его изъ ружья. Что касается „гоньбы“, то позволю себѣ привести описаніе ея изъ книги Кривошапкина (Енисейскій округъ и его жизнь). „Выходятъ не менѣе двухъ звѣролововъ съ винтовками и встаютъ на горѣ вблизи тропы, въ такомъ разстояніи одинъ отъ другого, чтобы слышенъ былъ окликъ. Такъ поджидаютъ оленей. Первый, со стороны котораго они

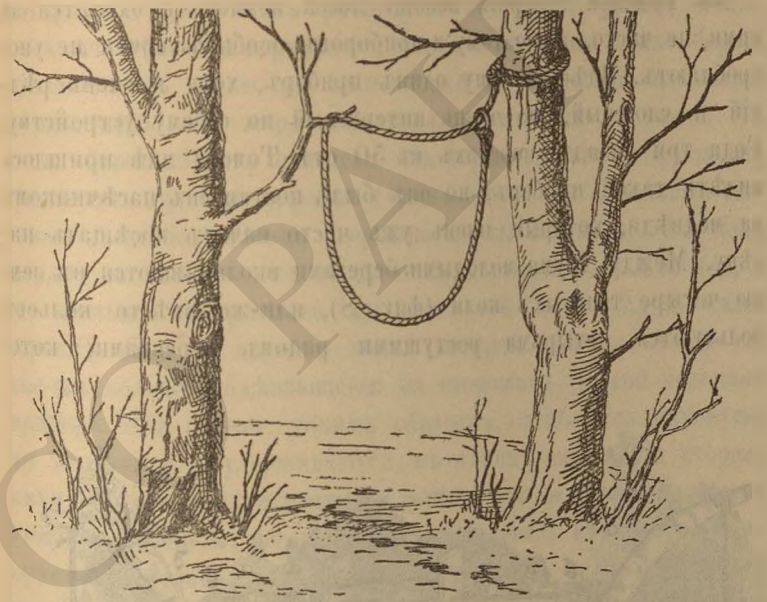
идутъ, пропускаетъ ихъ и, крикнувъ другому: „на тропу“— встаетъ самъ на нее. Такимъ образомъ, олени попадаютъ между двухъ стрѣлковъ и, испуганные, поневолѣ бросаются ускокомъ въ сторону и также одинъ за другимъ; рыхлый снѣгъ недовольно ихъ держитъ; передовой проваливается, но приподнимается для слѣдующихъ скачковъ, а между тѣмъ грудью продавливаетъ снѣгъ и другіе за нимъ уже скачутъ легче; но мало по малу передовой обезсиливаетъ, уже только бьется въ снѣжной глубинѣ и—падаетъ: второй и слѣдующіе перескакиваютъ черезъ него и несутся далѣе, прокладывая дорогу; а нѣсколько вздохнувшій передовой встаетъ, дѣлается заднимъ и снова несется по проложенной дорожкѣ. Впрочемъ, этотъ дружный порядокъ черезъ нѣсколько времени нарушается снова: падаетъ и второй передовой, слѣдующіе снова скачутъ черезъ него, онъ нѣсколько времени вздыхаетъ и можетъ быть готовится съѣсть что-нибудь: но и звѣроловы не дремлютъ—передовые изъ нихъ, каждый съ своей стороны, несутся на лыжахъ уже въ одной рубахѣ и безъ всякихъ тяжестей, а за ними послѣдній съ пищею и подобранной одеждой. Не успѣваетъ олень закусить, какъ видитъ съ обѣихъ сторонъ догоняющихъ звѣролововъ и, испуганный, скачетъ снова, но каждый скачекъ его слабѣе, хоть и по готовой дорогѣ; врагъ успѣваетъ забѣжать впередъ, наводитъ винтовку и мѣткій ударъ кладетъ задыхающагося скакуна. А между тѣмъ товарищъ, бѣгущій съ другой стороны, не останавливается при этомъ и несется далѣе: вдругъ новая сумятица между оленями,—упалъ третій передовой, но нуждѣ перевести духъ; но уже не встанетъ болѣе—пуля приковываетъ его на мѣстѣ. Наконецъ, ослабѣваютъ и прочіе олени, каждый изъ нихъ уже перебывалъ на трудной работѣ передового: уже томитъ голодъ, вдыханіе не совершается свободно и полно и легкія не окисляютъ всю приливную къ нимъ кровь, а звѣроловы зарядили винтовки и снова летятъ,—голодъ они

переносятъ, до сутокъ, легко (дѣло привычное), а жажду удовлетворить не трудно -стоитъ только слегка наклониться на бѣгу, схватить лопаткой койка*) снѣгу, да и въ ротъ; заболѣвшую пятку ноги, отъ набившихся подъ нее комьевъ снѣгу, лѣчить недолго: ловко крючкомъ койка, привычная рука звѣролова на бѣгу-же счищаетъ накопившійся снѣгъ; несется звѣроловъ, не останавливаясь, далѣе и не грузнутъ, какъ ноги оленя, лыжи, а широкія и скользкія несутъ его легко впередъ и впередъ. Очевидно, при такихъ условіяхъ бой дѣлается неравнымъ: къ концу сутокъ перевѣсъ явно на сторонѣ звѣролововъ и выстрѣлъ скорѣе слышится за выстрѣломъ, пуля бьетъ то отставшаго, только что онъ упалъ, то когда онъ уже готовъ снова бѣжать, то въ минуту, когда онъ ласкается сладкой надеждой утолить томящій голодъ, то (это ужъ верхъ торжества!) забѣжавшій впередъ звѣроловъ бьетъ передового и тогда остальные скачутъ черезъ своего окровавленнаго товарища. Гоньба кончается, когда всѣ олени перебиты. На это употребляютъ около двухъ сутокъ".

Затѣмъ ловятъ оленей также петлей. Устраивается петля чрезвычайно просто (фиг. 7). Къ одному изъ деревьевъ, ростущихъ вблизи тропы, привязывается прочная веревка, конецъ ея образуетъ затягивающуюся петлю, которая перебрасывается чрезъ тропу и поддерживается одной изъ вѣтвей дерева, ростущаго по другую сторону петли; нижній край петли не долженъ опускаться слишкомъ низко, а приходиться приблизительно на уровнѣ груди оленя. Дѣйствіе прибора вполнѣ понятно изъ приложеннаго рисунка.

Очень опасное животное, едва-ли не опаснѣе медвѣдя, особенно когда ранено,—это лось. Однимъ ударомъ своей могучей ноги онъ можетъ положить охотника на мѣстѣ. Кривошапкинъ разсказываетъ, какъ у одного, убитаго зимой, лося нашли на копытѣ примерзшаго тунгуза съ пробитымъ на-

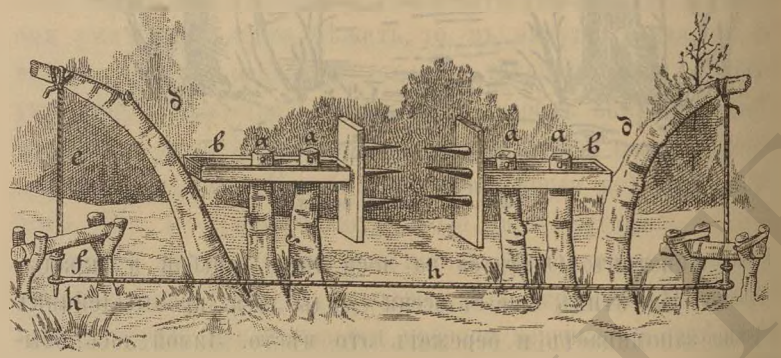
*) Коекъ – костыль звѣролова.



Фиг. 7. Оленья петля.

сквозь животомъ. Охотятся на лося тоже гоньбой и скрадываньемъ. Замѣтивъ еще съ осени слѣды лося, промышленникъ хорошо запоминаетъ и бережетъ это мѣсто. Зимой лось, обыкновенно, держится на тѣхъ мѣстахъ, которыя выбралъ съ осени. Въ то время, когда послѣ оттепели верхній слой снѣга подмерзнетъ, образуя кору, человѣка два или три звѣролововъ на легкихъ лыжахъ, вооружась винтовками и топорами, отправляются за лосемъ. Почуявъ человѣка, лось переходитъ съ одного стойбища на другое. Онъ идетъ тихо, время отъ времени останавливаясь, чтобы сорвать вѣтку рябинника, которую онъ очень любитъ. Одной изъ такихъ остановокъ и пользуются охотники, чтобы послать свой мѣткій выстрѣлъ. Въ случаѣ неудачи, охотники должны ужъ защищаться, увертываясь и прячась за деревья отъ прыжковъ и ударовъ разъяреннаго звѣря.

Въ Томской губерніи вообще лосей немного и охотятся за ними не часто, а поэтому и приборовъ особыхъ почти не употребляютъ. Здѣсь опишу одинъ приборъ, хотя и очень рѣдкій и сложный, но очень интересный по своему устройству. Года три назадъ, верстахъ въ 50 отъ Томска мнѣ пришлось видѣть такой приборъ, но онъ былъ поставленъ насѣчникомъ на медвѣдя, который очень ужь часто началъ посѣщать насѣку. Между двумя молодыми березами вколачиваются въ землю четыре толстыхъ кола (фиг. 8), или-же вмѣсто кольевъ пользуются четырьмя ростущими рядомъ деревьями, кото-



Фиг. 8. Приборъ на лося.

рыя срубаются на высотѣ 1—1½ арш. отъ земли: верхнія части этихъ кольевъ (а, а) обдѣлываются такъ, чтобы онѣ свободно входили въ прорѣзъ длиннаго и толстаго бруска (в), а чтобы онъ не могъ съ нихъ соскочить, то въ нихъ проверчены дыры и надѣтый брусокъ закрѣпляется колышками, продѣтыми въ эти дыры; такихъ брусковъ надѣвается два,—по одному на правую и лѣвую пары кольевъ. Въ вертикальномъ положеніи къ каждому бруску придѣланъ еще брусокъ покороче, но вооруженный острыми зубьями; молодыя двѣ березы (д, д), между

которыми устроенъ этотъ приборъ, на высоту 3—4 аршинъ очищаются отъ вѣтвей и верхушекъ: сзади каждой изъ этихъ березъ вбиваются въ землю два колышка, а къ нимъ привязывается жердь; подъ эту жердь подводится головка сторожка (f), когда береза будетъ отведена отъ горизонтальнаго бруска посредствомъ прочной веревки (с), къ которой и привязанъ сторожокъ; чтобы головка сторожка не выскользнула изъ-подъ жерди, на конецъ его надѣвается деревянное кольцо (к), а это кольцо прикрѣплено къ натянутой надъ самой землей веревкѣ (h), на другомъ концѣ которой имѣется второе такое-же кольцо, надѣвающееся на сторожокъ другой половины прибора. Объ березы, такимъ образомъ, отгибаются натянутыми веревками и удерживаются въ такомъ положеніи сторожками, брусья раздвигаются и упираются своими концами въ отогнутыя березы; но разъ задѣта веревка, на которой прикрѣплены кольца, удерживающія сторожки, какъ эти кольца соскальзываютъ съ сторожковъ, березы, выпрямляясь, съ большой силой сдвигаютъ брусья и острые зубья вонзаются въ животное. Но-истинѣ адская машина! Хорошо, что она употребляется весьма рѣдко!

Относительно добычи птицъ уже было сказано, что промышленники охотятся на нихъ какъ-бы между дѣломъ. Крупнѣйшая изъ этихъ птицъ—глухарь. Онъ погибаетъ либо отъ пули промышленника, если попадется ему въ тайгѣ, либо убивается особыми ловушками, называемыми „слопцами" и состоящими изъ одного или двухъ тяжелыхъ бревенъ, которыя придавливаютъ птицу, какъ только она коснется поднимающаго ихъ прибора. Осенью глухари часто рано по утру прилетаютъ на лѣсныя дороги, гдѣ отыскиваютъ мелкіе камешки и иногда лакомятся конскимъ навозомъ, особенно если въ немъ много непереваренныхъ овсяныхъ зеренъ: на такихъ дорогахъ, обыкновенно, и ставятся слопцы.

ОТИН РСФСР

Тетеревей тоже или стрѣляютъ, или ловятъ силками и сдѣланными изъ соломы западнями, разставляемыми, обыкновенно, на хлѣбныхъ кладяхъ.

Множество рябчиковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ добывается крестьянами-охотниками; особенно усилилась охота на рябчиковъ въ послѣднее время, когда, благодаря желѣзной дорогѣ, сибирская дичь начала увозиться въ Европейскую Россію. На рябчиковъ охотятся либо съ ружьемъ, подзывая ихъ особымъ свисткомъ, либо ихъ давятъ силками. Взлетѣвъ на дерево, рябчикъ обыкновенно любитъ ходить вдоль его вѣтвей; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много рябчиковъ, охотники развѣшиваютъ на вѣтвяхъ деревьевъ пучечки ягодъ рябины или другой лакомой приманки, съ обѣихъ-же сторонъ этой приманки, по длинѣ вѣтки, укрѣпляются петли изъ конскаго волоса; рябчикъ бѣжитъ по вѣткѣ, вытянувъ впередъ головку и попадаетъ шейкой въ петлю. Такъ какъ покупатели избѣгаютъ удавленной дичи, то такіе рябчики обращаются въ стрѣляныхъ, для чего ихъ складываютъ въ кучу и на извѣстномъ разстояніи въ эту кучу дѣлаютъ 2—3 выстрѣла мелкой дробью. Кушающіе увѣрены, что они ѣдятъ стрѣляную дичь, такъ какъ въ ней попадается дробь.

О добычѣ дикихъ утокъ я уже говорилъ при описаніи охоты на нихъ въ Нарымскомъ округѣ. Чтобы не утомлять вниманія слушателей, я позволю себѣ на этомъ закончить описаніе способовъ охоты промышленниковъ Томской губерніи и скажу еще нѣсколько словъ объ охотахъ любительскихъ. Въ Томской губерніи охотниковъ любителей очень много. Это потому, что охотникомъ человѣкъ не родится, а дѣлается имъ при благопріятныхъ условіяхъ. Этихъ то благопріятныхъ условій здѣсь много и на первомъ планѣ надо поставить обилие дичи и множество привольныхъ и пригодныхъ для охоты мѣстъ. Любитель охоты есть въ то-же время и любитель природы, а что касается природы, то въ Сибири-то и можно ее

наблюдать и любоваться ея дикой, дѣвственной красой. И дѣйствительно, очень многіе пріѣзжіе изъ Европейской Россіи, гдѣ они и не думали развлекаться охотой, здѣсь скоро превращаются въ страстныхъ охотниковъ.

Я уже говорилъ, что не всякая дичь, которая привлекаетъ промышленника,—привлекаетъ и любителя, а что до самыхъ способовъ охоты, то охота любительская далеко разнится отъ промысловой. Истый охотникъ-любитель исключительно пользуется ружьемъ и своимъ другомъ—собакой, онъ никогда не позволитъ себѣ разставить силки, капканы и т. п., онъ не погонится за массой дичи: здоровый моціонъ, десятокъ, а то и меньше дупелей или бекасовъ въ сумкѣ,—и удовольствіе получено!

Обыкновенно, въ городахъ Томской губерніи охотники-любители группируются въ свои кружки, составляютъ свои любимыя компаніи; въ Томскѣ-же есть уже, находящееся подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, Общество правильной охоты.

На какую-же дичь охотятся любители?

Весной, еще не успѣетъ стаять весь снѣгъ, какъ начинается охота на вальдшнепа. Способъ исключительно одинъ: стрѣльба вальдшнеповъ на тягѣ. Въ этотъ же приблизительно сезонъ, продолжающійся недѣли 2—3, производится охота на дикихъ селезней, которыхъ привлекаютъ деревяннымъ чучеломъ утки, а также и стрѣльба самцовъ глухарей на току; послѣдняя охота, впрочемъ, начинается нѣсколько раньше вальдшнепиной. На этомъ, обыкновенно, и прекращается охота вплоть до іюля. Въ іюлѣ-же начинается охота съ собакой на бекасовъ, дупелей, гаршнеповъ и другую болотную дичь. Въ августѣ—любимая охота на выводки тетеревей. Затѣмъ, осенью вечернія охоты на утокъ, а когда опадетъ листъ, начинается охота на зайцевъ съ загономъ и съ наступленіемъ холодныхъ дней—стрѣльба тетеревей на чучела. Обѣ послѣд-

нія охоты иногда продолжаются до декабря. Зимой нѣкоторые любители охотятся на медвѣдей и на оленей. На оленей охота производится съ загономъ, а медвѣдя не „заламываютъ" въ берлогѣ, какъ промышленники, а большей частью выгоняютъ его оттуда и стрѣляютъ на свободѣ.

Въ Барнаульскомъ округѣ поздней осенью и зимой довольно успѣшно охотятся на волковъ по псковскому способу. Вотъ собственно почти всѣ способы любительской охоты. Само собою разумѣется, что добычливость этихъ охотъ и сравнивать нельзя съ промысловыми, да за этимъ, какъ я уже говорилъ, любитель и не гонится.

Чѣмъ диче и глуше страна, чѣмъ меньше она заселена и культурна, тѣмъ большее значеніе для ея жителей имѣетъ охота. Мы видѣли, что въ Томской губерніи есть еще мѣста, гдѣ населеніе часто живетъ одной только охотой. Приблизительно было вычислено, какъ оплачивается тяжелый и полный лишенія трудъ промышленника. Смѣло можно сказать, что съ заселеніемъ Сибири, вообще, и Томской губерніи, въ частности, добычливость промысловыхъ охотъ, по вышеизложеннымъ причинамъ, съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться, и охота, какъ промыселъ, современемъ совершенно утратитъ свое значеніе. Заселеніе и развитіе культуры весьма желательны и хотя охота представляетъ для жителей статью дохода, но разъ эти факторы между собою не мирятся, конечно, приходится стремиться къ развитію и сохраненію того, что болѣе полезно и необходимо для человѣчества. Но, мнѣ кажется, въ настоящее время слѣдовало-бы направить старанія, съ одной стороны, на увеличеніе скуднаго заработка промышленниковъ, а съ другой,—по возможности, сохранять дичь отъ быстраго истребленія. Въ томъ, что заработокъ отъ охоты невеликъ, частью виноваты сами промышленники, а частью тѣ скупщики, которые ихъ эксплуатируютъ.

Промышленники не прекращаютъ охоты, когда это надлежитъ, т. е. когда для животныхъ настаетъ пора размноженія. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ промышленники бьютъ бѣлку еще въ апрѣлѣ и, конечно, часто съ убитой самкой безъ всякой пользы для промышленника погибаютъ еще не успѣвшіе родиться ея дѣтеныши; да и сама-то бѣлка въ это время малоцѣнна. Промышленникъ на это обращаетъ, повидимому, мало вниманія: хотя шкурка весенней бѣлки и мало стоитъ, а все-же таки что-либо да стоитъ! Между тѣмъ ничто не вліяетъ такъ на уменьшеніе дичи, какъ такія весеннія охоты. Томское Общество правильной охоты, среди другихъ задачъ, на первый планъ поставило распространеніе въ народѣ понятій о правильной охотѣ. Добрый часъ ему для благихъ начинаній!

Другое зло—это скупка и перепродажа мѣховъ. Промышленникъ свою добычу продаетъ мелкимъ скупщикамъ, тѣ съ барышемъ перепродаютъ крупнымъ, крупные съ барышемъ на фабрику для выдѣлки, отсюда торговцамъ готовыми мѣхами, а они наконецъ потребителямъ. Значитъ, пока отъ промышленника шкурка попадетъ на фабрику и къ потребителю, она проходитъ цѣлый рядъ нежелательныхъ таможенъ, налагающихъ свои пошлины. Имѣй возможность промышленники сбывать свою добычу прямо на фабрики, трудъ ихъ вѣроятно оплачивался-бы вдвое, да не такъ-бы страдалъ и карманъ потребителя. За что-же, въ самомъ дѣлѣ, собираютъ въ житницы тѣ, кто не сѣялъ и не жалъ?!

Примѣчаніе редактора. Въ концѣ печатанія этой статьи появился капитальный трудъ *А. А. Силантьева*: Обзоръ промысловыхъ охотъ въ Россіи. СПБ., 1898. Въ этой книгѣ интересующіеся могутъ найти описаніе и изображеніе еще многихъ другихъ общераспространенныхъ ловушекъ и вообще способовъ охоты.

Нынѣшнее состояніе цѣлебныхъ минеральныхъ водъ Томской губерніи.

Проф. Э. А. Лемана.

При естественно-историческомъ изученіи Томской губерніи и подробномъ разсмотрѣніи тѣхъ разнообразныхъ природныхъ богатствъ, которыми надѣленъ этотъ обширный край Сибири, нельзя обойти молчаніемъ встрѣчающіяся здѣсь минеральныя воды, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ уже пользуются извѣстностью, хотя пока только мѣстною. А такъ какъ цѣлебныя минеральныя воды вездѣ почитаются очень цѣннымъ даромъ природы, могущимъ при раціональномъ употребленіи ихъ оказать существенную пользу многимъ страждущимъ, то совершенно естественно, что ознакомленіе съ нынѣшнимъ состояніемъ мѣстныхъ цѣлебныхъ водъ должно представлять для обитателей этого края немалый интересъ.

Ввиду этого, я и взялъ на себя пріятную обязанность подѣлиться съ Вами, М. Г., тѣми свѣдѣніями о нашихъ минеральныхъ водахъ, которыми мы по настоящее время располагаемъ, не вдаваясь, при этомъ, въ критическую оцѣнку цѣлебности ихъ, такъ какъ послѣднее я предоставляю спеціалистамъ по бальнеотерапіи.

Приступая къ общей характеристикѣ нашихъ минеральныхъ водъ съ точки зрѣнія естественно-исторической, я долженъ замѣтить, что подобно тому какъ и геологическая физіономія Томской губерніи показываетъ самыя рѣзкія проти-

© ГПНТБ СО РАН

воположности—съ одной стороны грандіознѣйшую горную возвышенность съ вершинами, покрытыми вѣчными снѣгами и ледниками, изъ которыхъ берутъ свое начало большинство орошающихъ нашъ край рѣкъ, съ другой—обширнѣйшую низменность, покрытую въ сѣверной ея части первобытными лѣсами (тайгой), а въ южной образующую богатую озерами степь, такъ точно и находящіяся въ Томской губерніи минеральныя воды могутъ быть раздѣляемы на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга группы, а именно: на теплые минеральные источники, свойственные исключительно только горной области, и на минеральныя озера, разбросанныя въ степной полосѣ. Различаются эти двѣ группы минеральныхъ водъ не только мѣстоположеніемъ и происхожденіемъ, но и физическими и химическими свойствами своими, между тѣмъ какъ члены каждой отдѣльной группы имѣютъ между собою много общаго, какъ относительно происхожденія, такъ и свойствъ ихъ.

Къ первой категоріи, т. е. къ теплымъ минеральнымъ источникамъ или термамъ, мы должны отнести *Рахмановскіе* и *Бѣлокурихинскіе* ключи, наиболѣе извѣстные изъ всѣхъ, встрѣчающихся на Алтаѣ, минеральныхъ источниковъ; ко второй—къ группѣ минеральныхъ озеръ: *Солоновку*, *Карачинское* и *Устьянцевское* озера.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь минеральныхъ источниковъ и озеръ, въ Томской губерніи, несомнѣнно, имѣется еще много другихъ. Такъ, напримѣръ, указываютъ на существованіе еще нѣсколькихъ теплыхъ источниковъ въ горной области Кузнецкаго и Бійскаго округовъ, а въ Кулундинской и Барабинской степяхъ находится цѣлый рядъ горько-соленыхъ озеръ; но, къ сожалѣнію, о физическомъ и химическомъ характерѣ ихъ мы пока не имѣемъ почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, эти воды до сихъ поръ еще не примѣнялись для лечебныхъ цѣлей, слѣдовательно, не могутъ пока подлежать нашему разсмотрѣнію.

Вышеназванные теплые источники, Рахмановскіе и Бѣлокурихинскіе, вытекаютъ изъ нѣдръ земли у подножія болѣе или менѣе высокихъ горъ Алтайскихъ хребтовъ. Они обязаны постоянною высокою температурою своею, какъ и вообще почти всѣ термы, просачиванію воды, питающей эти источники, черезъ глубокіе слои земной коры, гдѣ земная теплота уже не подвергается колебаніямъ, въ зависимости отъ временъ года, а гдѣ вода согрѣвается до опредѣленной, болѣе или менѣе высокой температуры, смотря по абсолютной глубинѣ того слоя земли, черезъ который вода проходитъ. Вулканическіе процессы въ нѣдрахъ земли, сопровождаемые иногда также выдѣленіемъ горячихъ водяныхъ паровъ, могущихъ сообщать термамъ высокую температуру, по отношенію къ нашимъ алтайскимъ термамъ положительно исключаются, такъ какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Алтая, гдѣ расположены интересующіе насъ теплые источники, нѣтъ признаковъ вулканической дѣятельности.

Сравнительная бѣдность нашихъ теплыхъ источниковъ въ содержаніи минеральныхъ веществъ, констатированная особенно рѣзко въ Рахмановскихъ ключахъ, говоритъ за давность ихъ существованія. Нужно думать, что каменныя породы и слои земли, прилегающіе къ подземнымъ каналамъ, питающимъ источники водою, уже очень долго выщелачивались и истощались, такъ что даже горячая и богатая углекислотой вода не въ состояніи болѣе извлекать изъ нихъ значительныхъ количествъ растворимыхъ минеральныхъ соединеній.

Послѣ этого краткаго выясненія происхожденія и общихъ физическихъ свойствъ нашихъ термъ, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію химическаго характера и, вообще, нынѣшняго состоянія ихъ.

Рахмановскіе источники находятся въ Бійскомъ округѣ, на самомъ югѣ его, почти на границѣ нашей губерніи съ Монголіей, и расположены подъ $56{,}8^0$ в-долг. и $49{,}7^0$ с. шир.,

на высотѣ 2034 метровъ надъ моремъ, въ живописной Арасанской долинѣ, окруженной высокими склонами Катунскаго горнаго хребта. Свое названіе эти ключи получили по имени русскаго охотника Рахманова, открывшаго ихъ въ серединѣ прошлаго столѣтія; но туземцамъ, калмыкамъ, киргизамъ, да дунганамъ, они извѣстны были подъ именемъ „Арасанъ“ или „Аршанъ-су“, что значитъ теплый источникъ, несомнѣнно задолго до этого времени и пользовались между ними большимъ почетомъ, даже священнымъ уваженіемъ, какъ цѣлебныя воды, о чемъ свидѣтельствуетъ существовавшая здѣсь и сожженная только въ началѣ текущаго столѣтія буддійская кумирня. По словамъ Проф. В. В. Сапожникова, посѣтившаго Рахмановскіе ключи въ прошломъ (96) году, тамъ имѣются до 12 самостоятельныхъ источниковъ, выходящихъ въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи или прямо изъ трещинъ въ скалѣ, или изъ подъ небольшихъ грудъ гранитнаго камня, гальки и дресвы, которыми завалена та узкая и небольшая ложбина, въ которой рождается большинство ключей. Вода изъ послѣднихъ скопляется въ небольшіе, мѣстами искуственно углубленные и расширенные водоемы, изъ которыхъ семь обнесены деревянными срубами, вродѣ колодцевъ, и служатъ примитивными ваннами для купанія. Воду для питья берутъ изъ остальныхъ, открытыхъ источниковъ. Количество вытекающей изъ ключей воды вообще значительно, вслѣдствіи чего она не застаивается въ водоемахъ, а быстро стекаетъ черезъ небольшіе желоба въ общую канавку и затѣмъ въ рѣченку Рахмановку. Температура воды въ самыхъ источникахъ довольно высока, хотя и не одинакова во всѣхъ. По новѣйшимъ измѣреніямъ Проф. Сапожникова, она колеблется въ отдѣльныхъ источникахъ отъ 34° до 42° Ц. Такую разницу стараются объяснить, между прочимъ, вѣроятной примѣсью къ нѣкоторымъ ключамъ воды изъ текущаго поблизости, съ горъ, холоднаго источника, съ температурой воды въ

9° Ц. Нѣкоторое вліяніе на температуру воды Рахмановскихъ ключей, несомнѣнно, имѣетъ и время года, и состояніе погоды, такъ какъ даже въ теченіи сутокъ наблюдаются колебанія въ температурѣ воды въ предѣлахъ почти цѣлаго градуса. Этимъ я и склоненъ объяснить разногласіе въ показаніяхъ разныхъ изслѣдователей относительно температуры Рахмановскихъ ключей. Такъ, напримѣръ, директоръ Томскаго Реальнаго училища, Г. К. Тюменцевъ, опредѣлилъ въ іюлѣ 1874 г. температуру воды въ различныхъ ключахъ, на глубинѣ отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ аршина, отъ 34,2° до 37,8° Ц. По указаніямъ Титова, температура воды колебалась между 31,3° и 38,8° Ц; наконецъ, по Геблеру (50 лѣтъ тому назадъ) температура на поверхности воды въ нѣкоторыхъ ключахъ оказалась, minimum 31,5°, а на днѣ ключей maximum 42,8° Ц. Во всѣхъ Рахмановскихъ ключахъ вода прозрачна, безцвѣтна и безъ запаха, на вкусъ пріятна и безъ всякаго минеральнаго привкуса, что обусловливается ничтожнымъ содержаніемъ солей и обильнымъ присутствіемъ свободной углекислоты, выдѣляющейся постоянно изъ воды мелкими газовыми пузырьками. Анализъ воды, произведенный въ самое послѣднее время Захаровымъ въ химической лабораторіи Зыряновскаго рудника, подтверждаетъ, въ общемъ, уже раньше опубликованныя данныя качественнаго химическаго изслѣдованія Галлера въ Омскѣ, по которымъ въ водѣ содержатся соли: сѣрной, хлороводородной, угольной и кремневой кислотъ съ натріемъ, каліемъ, магніемъ, кальціемъ, со слѣдами желѣза, но въ такомъ, вообще, незначительномъ количествѣ, что вода Рахмановскихъ ключей, по содержанію минеральныхъ солей, подходитъ къ *очень чистой* и хорошей прѣсной водѣ, богатой только свободной углекислотой. Количество послѣдней въ водѣ, до сихъ поръ, не было точно опредѣлено. Геблеръ предполагаетъ въ ней содержаніе 4-хъ куб. дюйм. CO_2 въ одномъ медицинскомъ фунтѣ, что приблизи-

тельно, равняется 180 к.с. въ одномъ литрѣ. По моему мнѣнію, эта цифра слишкомъ высока и требуетъ подтвержденія.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Рахмановскіе источники должны быть причисляемы къ акратотермамъ, то есть, индифферентнымъ теплымъ минеральнымъ водамъ. Что касается климата Арасанской долины, то послѣдній положительно суровъ. Средняя суточная температура воздуха лѣтомъ довольно низкая: въ іюлѣ мѣсяцѣ + 7° Ц, съ рѣзкими колебаніями (днемъ иногда до + 25°, а ночью ниже нуля), не смотря на защиту отъ вѣтровъ горнымъ хребтомъ, замыкающимъ Арасанскую долину съ сѣвера и юга. Прибавимъ къ этому, въ заключеніе, что мѣстность, въ которой расположены Рахмановскія термы, хотя и очень живописна, но дика, трудно доступна для больныхъ, слишкомъ удалена отъ населенныхъ мѣстъ, (ближайшая деревня, Берель, въ 30 верстахъ), что особенныхъ приспособленій для раціональнаго пользованія водой и для удобства паціентовъ, кромѣ вышеописанныхъ срубовъ для примитивныхъ ваннъ и двухъ полуразвалившихся бревенчатыхъ избушекъ—единственныхъ помѣщеній для больныхъ, если не считать нѣсколькихъ шалашей,—здѣсь никакихъ не существуетъ, и мы получимъ довольно вѣрную, хотя далеко не отрадную картину нынѣшняго состоянія Рахмановскихъ минеральныхъ водъ.

Не многимъ лучше обстоитъ дѣло на Бѣлокурихинскихъ теплыхъ источникахъ. Положимъ, что эти минеральные источники находятся около самой деревни Новой-Бѣлокурихи, въ 63 верстахъ къ югу отъ г. Бійска, подъ 54,9° в. долг. и 52,6° сѣв. шир., и что до деревни ведетъ порядочная проселочная дорога, слѣдовательно, эти минеральныя воды гораздо доступнѣе для больныхъ, чѣмъ Рахмановскія; затѣмъ и помѣщеніе въ деревнѣ, и продовольствіе для неособенно взыскательной публики достаточны и дешевы. Но для благоустройства самыхъ минеральныхъ источниковъ и приспособленій для купанія сдѣлано и здѣсь поразительно мало.

Вотъ что недавно еще писали въ „Томскомъ листкѣ“ о настоящемъ состояніи Бѣлокурихинскихъ минеральныхъ водъ. „Въ концѣ деревни, какъ будто запрятанной въ неширокой лощинѣ при самомъ вступленіи въ отроги Алтая, на берегу рѣчушки Бѣлокурихи, находится самый источникъ, представляющій изъ себя колодецъ съ водою въ два аршина глубины, изъ котораго посредствомъ насоса, по желобкамъ, устроеннымъ самымъ примитивнымъ образомъ, вода ручнымъ накачиваніемъ проводится въ 2 бревенчатыя зданія, гдѣ она наполняетъ поставленныя на полу ванны. Зданіе раздѣляется на двѣ половины—мужскую и женскую, въ каждой по 4 ванны. Выстроенный здѣсь раньше павильонъ на 18 ваннъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сгорѣлъ“.

Кромѣ только что описаннаго главнаго источника, который въ настоящее время еще эксплоатируется въ Новой—Бѣлокурихѣ, существуютъ здѣсь еще нѣсколько другихъ источниковъ съ теплой водой по обѣимъ сторонамъ рѣчки, какъ на болотистомъ лѣвомъ, такъ и на правомъ, песчаномъ берегу, но, къ сожалѣнію, большинство изъ нихъ расположено такъ неудачно, что весною, во время половодья, они заливаются и замываются рѣчкой, такъ какъ никто ихъ теперь не возстановляетъ и не защищаетъ должнымъ образомъ отъ засоренія. Температура воды на днѣ вышеупомянутаго главнаго источника доходитъ до 32° Ц., въ остальныхъ же источникахъ, теперь отчасти уже замытыхъ, расположенныхъ въ описанной выше ключевой мѣстности, вода, по указаніямъ Мамонтова, такъ много сдѣлавшаго въ концѣ 60-хъ годовъ для благоустройства Бѣлокурихинскихъ минеральныхъ водъ, имѣетъ температуру отъ 26° до 35° Ц., благодаря чему вода въ этихъ ключахъ не замерзаетъ и въ суровыя зимы. Не смотря на слабо-сѣроводородный запахъ (запахъ пороховой, какъ

ОТПЕЧАТАНО

объясняютъ крестьяне), которымъ отзывается на мѣстѣ вода Бѣлокурихинскихъ теплыхъ источниковъ, она все таки пріятна на вкусъ, мягка и прозрачна; по временамъ изъ источниковъ выдѣляются мелкіе пузырьки газа, вѣроятно угольнаго ангидрида, съ примѣсью незначительныхъ количествъ сѣрнистаго водорода. Мамонтовъ, впрочемъ, утверждаетъ, что роскопанные имъ по близости такъ называемаго Змѣинаго озерка или болота, въ томъ же ключевомъ районѣ, источники съ температурой въ 26° Ц. дали воду вкуснѣе прежнихъ, насыщенную какимъ то газомъ безъ вкуса и запаха, слѣдовательно, несодержащимъ сѣроводорода.

Единственный болѣе подробный анализъ, знакомящій насъ съ химическимъ составомъ воды Бѣлокурихинскихъ минеральныхъ источниковъ, произведенъ провизоромъ Мальгудовичемъ въ 1869 году. По даннымъ этого анализа, вода имѣетъ удѣльн. вѣсъ=1,0012, слабо-щелочную реакцію и содержитъ 0,033% плотныхъ солей. Получаемый по выпариваніи воды сухой соляной остатокъ состоитъ (по тому же изслѣдователю) изъ поваренной соли, соды, глауберовой соли, углекислой извести, желѣзной окиси и кремнезема, а именно: въ одномъ литрѣ воды (въ граммахъ) 0,126 $NaCl$,—0,0657 Na_2CO_3,—0,0318 Na_2SO_4,—0,0117 $CaCO_3$;—0,0046 Fe_2O_3;—0,033 SiO_2. Произведенный позднѣе, въ 188⅝ году, Г. Туполевымъ, качественный анализъ отчасти подтверждаетъ изслѣдованія Мальгудовича—сухаго остатка также=0,03%, но зато въ немъ найдены слѣды магнія и очень много кремнекислоты. Количество и даже качество газообразныхъ тѣлъ, выдѣляющихся, на мѣстѣ, изъ воды Бѣлокурихинскихъ минеральныхъ источниковъ, до сихъ поръ точно не опредѣлено, но можно, не ошибаясь особенно, предположить, принимая во вниманіе все сообщенное выше о свойствахъ воды, что главная масса выдѣляющагося газа состоитъ изъ углекислоты, а сѣроводорода содержится въ немъ *очень не много*, такъ какъ открыть этотъ

пахучій газъ, въ доставленной въ Томскъ для анализа водѣ Бѣлокурихинскихъ источниковъ, не удалось. На основаніи только что сказаннаго, я полагаю, что сѣроводородъ примѣшивается къ водѣ Бѣлокур. источниковъ на самой поверхности послѣднихъ и возникаетъ въ илистыхъ слояхъ почвы, окружающей источники, какъ продуктъ химическаго разложенія гипса подъ вліяніемъ гніющихъ органическихъ веществъ. Поэтому и Бѣлокурихинскіе источники принадлежатъ не къ сѣрнистымъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, а къ совершенно индифферентнымъ термамъ, потому что и содержаніе минеральныхъ солей въ нихъ вообще ничтожно.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію второй группы минеральныхъ водъ Томской губерніи, къ группѣ соленыхъ озеръ. Собственно говоря, чисто прѣсныхъ озеръ въ Томскомъ краѣ мало, соленыхъ, наоборотъ, такое множество, въ особенности въ юго-западной части губерніи, что едва-ли всѣ они даже приведены въ извѣстность. Для насъ важны, понятно, только тѣ изъ нихъ, которыя посѣщаются больными и славятся въ народѣ своими цѣлебными свойствами.

Относительно происхожденія этихъ соленыхъ озеръ нашего края, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя разбросаны по Барабинской и Кулундинской степямъ, нужно допустить, что они въ настоящемъ ихъ состояніи представляютъ изъ себя остатки существовавшихъ тамъ, въ болѣе раннія геологическія эпохи, обширныхъ, но неглубокихъ водяныхъ бассейновъ, вродѣ, напримѣръ, мелководныхъ внутреннихъ морей. Послѣднія въ теченіе времени, вслѣдствіе медленнаго поднятія почвы въ этихъ мѣстностяхъ и усиленнаго испаренія влаги, раздѣлились, наконецъ, на болѣе мелкіе водоемы,—на озера и пруды, вода которыхъ, по мѣрѣ испаренія, постепенно обогащалась и теперь еще обогащается минеральными солями. Что это предположеніе относительно образованія соленыхъ озеръ въ юго-западной части нашей губерніи, имѣетъ

за себя много вѣроятности, доказываетъ, кромѣ геологическихъ данныхъ, также наблюдаемое по настоящее время медленное высыханіе болѣе мелкихъ озеръ, не имѣющихъ притока прѣсной воды изъ рѣкъ или родниковъ. По берегамъ такихъ озеръ отчетливо выражены террасы усыханія и на днѣ или по берегамъ ихъ всегда находится самосадочная соль (такъ назыв. буруны). Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только взглянуть на озеро Чаны въ Барабинской степи, на этотъ наиболѣе видный по размѣрамъ остатокъ такого внутренняго западно-сибирскаго моря, на тѣ многочисленные, длинные и узкіе полуострова, далеко вдающіеся со всѣхъ сторонъ въ это мелководное озеро и почти уже раздѣляющіе его на нѣсколько частей, взглянуть на то изобиліе другихъ болѣе или менѣе крупныхъ озеръ, окружающихъ Чаны, чтобы наглядно представить себѣ, откуда и какимъ образомъ образовались всѣ эти озера, изъ которыхъ многія, какъ мы далѣе увидимъ, принадлежатъ къ минеральнымъ—соленымъ. Другой поразительный, въ этомъ отношеніи, примѣръ можно видѣть въ Кулундинской степи. Отъ довольно обширныхъ, но также мелководныхъ горькихъ озеръ—Кулундинскаго и Кучукскаго, —близко расположенныхъ другъ отъ друга и составлявшихъ когда-то раньше несомнѣнно одно цѣлое, и южнѣе вышеименованныхъ водоемовъ тянется по Кулундинской степи по направленію къ рѣкѣ Оби, длинной вереницей цѣлый рядъ горько-соленыхъ озеръ удлиненной формы, иногда еще соединенныхъ между собою узкими протоками. Всѣ эти, по вкусу ихъ воды, „горькими“ названныя озера имѣютъ, вѣроятно, тоже одно общее происхожденіе.

По настоящее время подавляющее большинство этихъ горько-соленыхъ озеръ нашей губерніи не было еще обслѣдовано съ естественно-исторической стороны, и намъ не извѣстенъ ни качественный, ни количественный составъ ихъ воды. Только о трехъ—четырехъ озерахъ, пользующихся цѣлебною извѣ-

стностью въ краѣ, мы знаемъ кое-что болѣе опредѣленное относительно физическихъ и химическихъ свойствъ заключающейся въ нихъ минеральной воды. Но уже по этимъ даннымъ, далеко не всегда полнымъ, можно констатировать большое непостоянство химическаго состава воды въ этихъ соленыхъ озерахъ. Помимо того, что каждое изъ этихъ цѣлебныхъ озеръ характеризуется особымъ, отличнымъ отъ другихъ, составомъ воды, но и въ одномъ и томъ-же соленомъ озерѣ этотъ составъ нерѣдко подвергается значительнымъ колебаніямъ, не только въ количественномъ, но даже и въ качественномъ отношеніи. Это довольно любопытное явленіе, неоднократно дававшее поводъ лицамъ, не вполнѣ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, высказывать, даже печатно, свои недоумѣнія по поводу разногласія въ результатахъ анализовъ подобныхъ минеральныхъ озеръ, объясняется слѣдующими двумя факторами, вліяющими на составъ воды: съ одной стороны, испареніе влаги и постоянное, происходящее оттого, высыханіе озеръ, обогащеніе ихъ воды нелетучими минеральными солями, доходящее часто до самопроизвольнаго выдѣленія и осажденія болѣе трудно растворимыхъ изъ нихъ (самосадочная соль), съ другой стороны—періодическая прибыль космической влаги, дождя, снѣга или постоянный притокъ прѣсной или иного состава воды изъ впадающихъ въ такія озера рѣкъ или ключей, разжижающихъ воду озеръ и часто даже измѣняющихъ качественный составъ ихъ.

Самый выдающійся примѣръ такого непостоянства химическаго состава представляетъ намъ вода изъ *Солоновки*. Такъ называется узкій и мелководный рукавъ Кучукскаго горькаго озера, лежащаго подъ 49,5° д. и 52° ш. въ Барнаульскомъ округѣ, Нижне-Кулундинской волости, по близости и нѣсколько южнѣе болѣе крупнаго по размѣрамъ Кулундинскаго озера. Въ этотъ рукавъ или заливчикъ Кучукскаго озера, расположенный къ юго-востоку отъ самаго озера и имѣ-

ющій около 200 саженей длины, до 3-хъ саж. ширины, при глубинѣ отъ 2-хъ до 4-хъ аршинъ,—вливаетъ свою воду незначительный холодный ключъ, текущій изъ небольшаго болотца, вслѣдствіе чего Солоновку иногда и называютъ рѣчкою, хотя „текущимъ“ является здѣсь только самый верхній слой воды. Невысокіе и отлогіе, глинисто-песчаные берега Солоновки обросли камышемъ и осокой, между тѣмъ какъ самое русло или дно заливчика покрыто толстымъ слоемъ сѣро-чернаго, глинистаго, жирнаго на ощупь ила, богатаго разлагающимися органическими остатками и издающаго, вслѣдствіе этого, сѣроводородный запахъ. Вода Солоновки, въ разныхъ ея слояхъ, представляетъ не только различную концентрацію и составъ, но лѣтомъ и различную температуру. Самый верхній слой воды, состоящій, повидимому, изъ болѣе легкой, бѣдной солями воды, притекающей изъ впадающаго въ Солоновку холоднаго ключа, оказывается, лѣтомъ, на нѣсколько градусовъ холоднѣе средняго, нетекущаго, болѣе богатаго солями слоя. Наконецъ, самый нижній, наиболѣе концентрированный и насыщенный солями слой опять на два, или даже на три градуса холоднѣе средняго слоя воды. Такая замѣчательная разница въ температурѣ различныхъ слоевъ воды въ Солоновкѣ можетъ быть объясняема, безъ особенной натяжки, тѣмъ, что текущій изъ холоднаго ключа верхній слой воды не успѣваетъ такъ скоро и сильно нагрѣваться солнечными лучами, какъ стоячій средній слой. Не удивительно послѣ только что сообщеннаго, что и результаты анализовъ воды, собранной въ различное время, на различной глубинѣ и въ различныхъ мѣстахъ заливчика, должны были оказаться поразительно несогласными между собою не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, проф. Шмидтъ, анализировавшій въ 1881 году полученную имъ черезъ Географическое общество отъ священника Титова воду изъ Солоновки, нашелъ въ ней

только 1,33% твердыхъ солей. А. И. Туполевъ, изслѣдовавшій воду (въ Томскѣ) въ 1885 году, получилъ уже 3,7% плотнаго остатка. Наконецъ я, выпаривая воду, доставленную мнѣ др-мъ Макушинымъ и собранную 5 іюля 1890 года утромъ въ той-же Солоновкѣ, опредѣлилъ сухой соляной остатокъ ея въ 31,5% при 100% Ц.

Такую же точно огромную разницу показалъ и удѣльный вѣсъ этихъ пробъ анализированной воды; въ первомъ случаѣ онъ равнялся 1,01022, въ третьемъ—1,1567. Изъ послѣдней пробы воды, при температурѣ около + 10 Ц., выдѣлялись уже кристаллы солей, настолько она оказалась насыщенной ими. Количественный анализъ, произведенный мною, опредѣлилъ въ ней: Cl—13,7%; Br—0,012%; SO_3—5,46%; SiO_2—0,008%; Ca—0,161%; Mg—2,20%; Na—8,26%; K—0,0217%; CO_2—0,038%; слѣды азотной кислоты и сѣрнистыхъ соединеній. Хотя эти аналитическія данныя, въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ здѣсь представлены, совершенно ясно и наглядно выражаютъ для спеціалиста химическій составъ воды и, сверхъ того, наиудобнѣйшимъ образомъ дозволяютъ сравнивать эту минеральную воду съ другими, подобными, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ, но публика, также какъ и практики—врачи, привыкли видѣть составъ минеральной воды выраженнымъ не въ формѣ дѣйствительно опредѣленныхъ анализомъ элементарныхъ тѣлъ и простѣйшихъ соединеній ихъ, а въ формѣ болѣе сложныхъ солей, присутствіе которыхъ въ такой водѣ можетъ быть, съ нѣкоторой вѣроятностью, предполагаемо по ея физическимъ свойствамъ и физіологическимъ дѣйствіямъ. Удовлетворяется такое желаніе публики сгруппированіемъ, по выработанной знаменитымъ химикомъ Берцеліусомъ для этой цѣли общей схэмѣ, найденныхъ при анализѣ основаній и кислотъ въ опредѣленныя соли. Результаты такихъ теоретическихъ операцій имѣютъ, само-собою разумѣется, болѣе или менѣе проблема-

ОТПЕЧАТОК

тическій характеръ и могутъ только *приблизительно* выражать истинный сложный составъ солей, содержащихся въ естественныхъ минеральныхъ водахъ. Такимъ образомъ, и приблизительный качественный и количественный составъ солей въ водѣ Солоновки можетъ быть выражаемъ, на основаніи вышепоказанныхъ аналитическихъ данныхъ, въ слѣдующемъ видѣ: поваренной соли ($NaCl$) $20{,}06\%$; глауберовой соли (Na_2SO_4)—$1{,}28\%$; горькой англійской соли ($MgSO_4$)—$6{,}52\%$; хлористой магнезіи ($MgCl_2$)—$2{,}4\%$; двууглекислой магнезіи ($MgH_2(CO_3)_2$)—$0{,}026\%$; гипсу ($CaSO_4$)—$0{,}30\%$; хлористой извести ($CaCl_2$)—$0{,}21\%$; двууглекислой извести ($CaH_2(CO_3)_2$)—$0{,}0015\%$; сѣрнокаліевой соли (K_2SO_4)—$0{,}056\%$; кремнезема (SiO_2)—$0{,}008\%$; бромистой магнезіи ($MgBr_2$)—$0{,}0162\%$; сѣрнистыхъ, азотнокислыхъ соединеній и органическихъ веществъ—слѣды. Результаты анализа профессора Шмидта, полученные имъ при изслѣдованіи воды изъ Солоновки, расходятся съ моими, главнымъ образомъ, въ количествѣ минеральныхъ веществъ, заключавшихся въ этой водѣ, и кромѣ того, по его сообщеніямъ, въ ней отсутствуютъ известковыя соли, которыя положительно доказаны были въ пробѣ воды изъ Солоновки, изслѣдованной мною. Слѣдовательно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что составъ воды въ Солоновкѣ подвергается огромнымъ колебаніямъ, въ зависимости отъ разныхъ постоянныхъ и случайныхъ условій, каковы, напримѣръ, время года и дня, состояніе погоды, мѣсто собиранія воды, то есть глубина слоя, изъ котораго взята вода, и пр.

По всей вѣроятности, проба воды изъ Солоновки, доставленная профессору Шмидту въ Юрьевскій (Дерптскій) университетъ, собрана съ поверхности, проба же, полученная мною, взята съ глубины заливчика. Что вода въ Солоновкѣ очень насыщена солями и представляетъ высокій удѣльный вѣсъ, это утверждаютъ всѣ посѣтившіе эти минеральныя воды и купавшіеся тамъ, указывая на тотъ замѣчательный фактъ, что

человѣческое тѣло только съ трудомъ погружается въ воду и что послѣдняя раздражаетъ кожу, подобно очень крѣпкому соляному разсолу. Для питья она совсѣмъ не пригодна, обладая чрезвычайно сильнымъ горько-соленымъ вкусомъ и слабосѣроводороднымъ запахомъ. Цвѣтъ ея, послѣ полнаго отстаиванія, бѣлесоватый, нѣсколько опализирующій. Примѣняется она, какъ и вода разсольныхъ источниковъ вообще, только для купаній и обмываній.

Хотя Солоновка, какъ цѣлебное мѣсто, давно извѣстна не только окрестнымъ киргизамъ-кочевникамъ и русскимъ крестьянамъ, поселившимся въ Кулундинской степи, но и жителямъ ближайшихъ городовъ, не исключая Томска и, лѣтъ восемь тому назадъ, слава всеисцѣляющихъ водъ Солоновки привлекала еще не мало больныхъ изъ числа даже интеллигентныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе тамъ до сихъ поръ для раціональнаго употребленія этой минеральной воды не имѣется рѣшительно никакихъ приспособленій, ни купалень, ни ваннъ, нѣтъ даже порядочнаго помѣщенія для паціентовъ, такъ какъ существующіе тамъ два деревянные балагана не могутъ считаться достаточно защищающими больныхъ отъ холода, дождя или вѣтра. Вслѣдствіе этого, болѣе зажиточная публика, пріѣзжающая лечиться на этомъ поистинѣ „демократическомъ курортѣ“, какъ саркастически названа была Солоновка въ мѣстной прессѣ, живетъ въ киргизскихъ юртахъ; остальная-же ютится въ телѣгахъ, покрытыхъ брезентомъ, въ видѣ кибитокъ, или подъ ними, на сырой матушкѣ—землѣ.

Послѣ этого понятно, что леченіе водою и грязью Солоновки, т. е. купанія и умыванія, производятся самымъ примитивнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нераціональнымъ способомъ: всѣ купаются на открытомъ воздухѣ или прямо въ самой Солоновкѣ, или въ особо-устроенныхъ для этой цѣли ямахъ, наполняемыхъ, по мѣрѣ надобности, жидкою грязью изъ

Солоновки, или-же, наконецъ, больные намазываютъ себѣ липкою грязью больныя мѣста тѣла и, когда послѣдняя высохнетъ на солнцѣ, смываютъ ее соленою водою. Все это продѣлывается, какъ упомянуто, на открытомъ воздухѣ, который здѣсь лѣтомъ имѣетъ температуру колеблющуюся между 32° Ц. въ полдень и 10° Ц. вечеромъ. Притомъ въ Кулундинской степи господствуютъ постоянно холодные вѣтры, съ быстрыми перемѣнами направленія, усиливающіеся иногда до степени урагана. Вообще говоря, пустынная, скучная степная мѣстность вокругъ Солоновки, отсутствіе лѣсовъ и тѣни, отдаленность отъ селеній (село Кучукъ или Бархатово въ 10 верстахъ), недостатокъ хорошей прѣсной воды (послѣдняя привозится верстъ за 7, съ рѣки Кучукъ), недостатокъ жизненныхъ припасовъ и топлива, а самое чувствительное, это отсутствіе порядочныхъ и удобныхъ помѣщеній, — все это дѣлаетъ положеніе лечащихся на Солоновкѣ весьма печальнымъ, а результаты леченія очень сомнительными. Благодаря этому, громкая въ недавнее время слава Солоновки, какъ курорта, въ настоящее время почти уже совсѣмъ померкла.

Какъ замѣтно вліяетъ на посѣщеніе публикою нашихъ сибирскихъ минеральныхъ водъ улучшеніе путей сообщенія и болѣе порядочная обстановка для жизни публики, мы можемъ наблюдать на Карачинскомъ горько-соленомъ озерѣ, находящемся въ Каинскомъ округѣ, въ десяти верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи Карачи и въ пяти верстахъ отъ татарской деревни Тармакульской (подъ 46,8° д. и 55,4° шир.). Арендаторъ этого минеральнаго озера построилъ нѣсколько деревянныхъ бараковъ съ 20-ю посредственными по обстановкѣ нумерами для житья и помѣщеніемъ для горячихъ ваннъ. Сверхъ того, для купанія въ самомъ озерѣ имѣются дощатыя купальни съ деревянными мостиками до самой воды.

Этихъ, въ сущности очень скромныхъ, приспособленій для примѣненія воды озера и для житья посѣтителей, совмѣстно

съ удобнымъ положеніемъ озера по близости желѣзной дороги, уже совершенно достаточно для неособенно избалованной въ этомъ отношеніи сибирской публики, чтобы привлекать сюда съ каждымъ сезономъ все большее и большее число паціентовъ, хотя, откровенно говоря, ни голая, степная окрестность этого озера, ни климатъ этой мѣстности, ни даже составъ самой минеральной воды въ Карачинскомъ озерѣ, ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ многихъ другихъ подобныхъ горько-соленыхъ озеръ, столь обильно встрѣчающихся въ юго-западной части нашей губерніи. Въ Карачинскомъ озерѣ, имѣющемъ ширины въ одномъ направленіи три, въ другомъ около одной версты, при глубинѣ въ ростъ человѣка, вода вкуса сильно-горько-соленаго, слабо-щелочной реакціи, удѣльн. вѣса = 1,091 при 17° Ц. и опализирующаго цвѣта. По опредѣленію В. А. Леша, она содержитъ 14,75% плотныхъ солей, состоящихъ изъ соединеній сѣрной, соляной и угольной кислотъ съ натріемъ, магніемъ, известью, каліемъ, амміакомъ и желѣзомъ, количество которыхъ въ отдѣльности не было опредѣлено. Кромѣ воды, здѣсь потребляется для грязевыхъ ваннъ сѣроватый жирный илъ, съ сѣроводороднымъ запахомъ, покрывающій дно озера толстымъ слоемъ.

Другое и довольно замѣчательное минеральное озеро лежитъ только въ 25-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Каинска (подъ 55,3° шир. и 55,6° долг.). Это—Устьянцевское озеро, которое въ 60-хъ годахъ славилось въ народѣ цѣлебнымъ своимъ дѣйствіемъ больше, чѣмъ всѣ остальныя соленыя озера Западной Сибири. Сюда пріѣзжали, для пользованія, не только изъ г. Каинска, но и изо всей Барабинской степи, и, если вѣрить даннымъ химическихъ изслѣдованій воды этого озера, опубликованнымъ Д-р. Вороновымъ и Пров. Мальгудовичемъ въ 1869 году, то оно дѣйствительно вполнѣ достойно особаго вниманія спеціалистовъ, бальнеотерапевтовъ, вслѣдствіе содержанія значительнаго количества соды и при-

сутствія фосфорнокислыхъ солей, чѣмъ Устьянцевское минеральное озеро рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ намъ по ихъ составу горько-соленыхъ озеръ Томской губерніи. По анализу Воронова, вода Устьянцевскаго озера содержитъ 10,5% солей, а именно: соды или углекислаго натра—5,0%; глауберовой соли или сѣрнокислаго натра 2,5%; поваренной соли или хлористаго натра 1,25%; фосфорнокислаго натра 0,62%; кромѣ того, еще неопредѣленныя количества углекислой магнезіи, желѣзныхъ, іодистыхъ и бромистыхъ соединеній и кремнезема. Мальгудовичъ даетъ болѣе подробный перечень заключающихся въ анализированной имъ водѣ Устьянцевскаго озера минеральныхъ солей, а именно: 9,6% плотныхъ солей въ водѣ и между ними $NaCl$—2,7704%; $NaBr$—0,0126%; Na_2SO_4—2,8887%; Na_2CO_3—2,7518%; $CaHPO_4$—0,0028%; K_2SO_4—0,0076%; $CaCO_3$—0,0202%; $MgCO_3$—0,0785%; затѣмъ $Fe(HO)_3$ и SiO_2. Мальгудовичъ нашелъ, какъ видно изъ этихъ цифръ его анализа, почти вдвое меньше соды и почти въ 200 разъ меньше фосфорнонатріевой соли, чѣмъ д-ръ Вороновъ, при почти одинаковой концентраціи изслѣдованныхъ ими пробъ воды. Это разногласіе въ количествѣ различныхъ, открытыхъ въ водѣ Устьянцевскаго озера минеральныхъ солей можно было отчасти объяснить неодинаковымъ и произвольнымъ сгруппированіемъ солей, но не въ этомъ, собственно, дѣло. Содержаніе такого большого, сравнительно, процента соды въ водѣ этого озера мнѣ кажется, вообще, сомнительнымъ и показанія вышеприведенныхъ изслѣдователей, если не ошибочны, то, по крайней мѣрѣ, требуютъ подтвержденія. Вода въ описываемомъ озерѣ, какъ утверждаютъ посѣтители, молочнаго цвѣта, т. е. сильно опализируетъ, имѣетъ горько-соленый вкусъ и сильно отзывается сѣроводородомъ. Она щелочной реакціи и весьма мылистая, вслѣдствіе чего крестьянки ближайшей деревни Устьянцевой охотно стираютъ и моютъ въ ней свое бѣлье. Вообще, озеро это нисколько

не защищается отъ загрязненія, даже медленно заваливается навозомъ, что несомнѣнно современемъ должно повліять на химическій составъ воды, тѣмъ болѣе что само Устьянцевское соленое озеро очень не велико,—до 300 саженей только въ поперечникѣ и не болѣе 2-хъ аршинъ глубиной. Больные, посѣщающіе теперь уже довольно рѣдко это озеро для купанія, за неимѣніемъ на самомъ озерѣ до сихъ поръ спеціальнаго помѣщенія для публики, квартируютъ въ селѣ того же имени, въ крестьянскихъ избахъ, не находя въ нихъ, понятно, никакихъ удобствъ и никакихъ приспособленій для болѣе раціональнаго примѣненія минеральной воды озера.

Заканчивая этимъ обзоръ нынѣшняго состоянія цѣлебныхъ минеральныхъ водъ Томской губерніи, изъ котораго слишкомъ ясно видно, что по ихъ обстановкѣ и приспособленіямъ для лечащихся ни одинъ изъ перечисленныхъ пунктовъ, собственно говоря, не отвѣчаетъ даже скромнымъ требованіямъ современной бальнеотераніи, а большинство изъ нихъ, въ этомъ отношеніи, положительно стоитъ ниже всякой критики, я, въ заключеніи, беру на себя смѣлость высказать здѣсь мое мнѣніе о томъ значеніи, которое наши минеральныя воды могли бы пріобрѣсти, какъ лечебные курорты, при улучшеніи всей ихъ обстановки, согласно требованіямъ науки. Мнѣ думается, что даже при всѣхъ возможныхъ улучшеніяхъ въ устройствѣ и обстановкѣ ихъ особенно блестящую будущность предсказать нашимъ минеральнымъ водамъ врядъ-ли возможно, принимая во вниманіе одни только климатическія условія тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ онѣ расположены. Однимъ изъ выдающихся цѣлебныхъ дѣятелей, при леченіи на минеральныхъ водахъ, всѣми бальнеотерапевтами считается климатическое леченіе. Климатъ же въ нашемъ краю, какъ въ южной, такъ и въ сѣверной, какъ въ степной, такъ и въ горной полосѣ его, болѣе или менѣе суровый, характеризующійся частыми и рѣзкими колебаніями температуры воздуха и барометрическа-

го давленія. Вслѣдствіе этого, и при особенно благопріятствующихъ метеорологическихъ условіяхъ пользоваться нашими цѣлебными водами, напримѣръ купаніемъ въ озерахъ, возможно лишь въ продолженіе, самое большее, двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Другое обстоятельство, по моему мнѣнію, тоже препятствующее болѣе широкому развитію и процвѣтанію нашихъ мѣстныхъ курортовъ,—это самыя качества нашихъ минеральныхъ водъ, отсутствіе въ нихъ какихъ либо особенно выдающихся по цѣлебнымъ свойствамъ минеральныхъ веществъ или газовъ. Наши термы на Алтаѣ, по составу своему, вполнѣ индифферентны, а по температурѣ посредственны; минеральныя же наши озера содержатъ въ себѣ, по преимуществу, только поваренную, глауберову и горькую англійскую соли и притомъ въ такомъ количествѣ, что вода ихъ пригодна только для наружнаго примѣненія, для купанья или ваннъ, а не для внутренняго употребленія.

Тѣмъ не менѣе, не взирая на эти несовсѣмъ благопріятныя для нашихъ мѣстныхъ минеральныхъ водъ обстоятельства, я полагаю, что онѣ вполнѣ достойны лучшей участи, чѣмъ та, которая до сихъ поръ выпала на ихъ долю, и что мы всѣ нравственно обязаны посильно содѣйствовать болѣе скорому введенію столь необходимыхъ улучшеній въ гигіенической обстановкѣ нашихъ цѣлебныхъ водъ, чтобы хоть тѣ изъ нашихъ согражданъ, которые не располагаютъ ни нужнымъ временемъ, ни средствами для дальняго путешествія на цѣлебныя воды европейской Россіи или даже Западной Европы, могли находить и здѣсь, на нашихъ скромныхъ минеральныхъ водахъ, возможное облегченіе или исцѣленіе отъ своихъ недуговъ при условіяхъ, болѣе обезпечивающихъ благопріятный исходъ леченія, чѣмъ это возможно при нынѣшнемъ состояніи этихъ водъ.

Первые русскіе крестьяне-насельники Томскаго края и разныя особенности въ условіяхъ ихъ жизни и быта.

(Общій очеркъ за XVII и XVIII столѣтія).

Проф. Д. Н. Бѣликова.

Въ 1604 году въ центрѣ обширной Сибирской страны на правой сторонѣ р. Томи при впаденіи въ нее рѣчки Ушайки трудомъ и энергіей завоевателей Сибири основалось новое русское поселеніе, названное сначала Томскимъ острогомъ, а затѣмъ вскорѣ переименованное въ Томскій городъ. Образовался чрезвычайно важный стратегическій пунктъ, подъ прикрытіемъ котораго должно было, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, совершаться заселеніе русскими насельниками огромнаго Томскаго края.

Прежде всего этотъ пунктъ далъ отъ себя развѣтвленія въ видѣ другихъ военно-укрѣпленныхъ мѣстъ, разсѣянныхъ по рр. Томи и Оби. Въ 1617 г. Томскіе служилые люди при содѣйствіи своихъ собратій изъ Тобольска, Тюмени и Верхотурья построили на Томи же рѣкѣ при впаденіи въ нее Кондомы Кузнецкій острогъ, въ свою очередь переименованный также въ Кузнецкій городъ, а затѣмъ, для связи Томска съ Кузнецкомъ, поставили остроги Мунгатскій, Верхне-Томскій и Сосновскій. Остроги Уртамскій, Умревинскій, Чаусскій, Бѣлоярскій были построены по р. Оби на протяженіи отъ впаденія въ нее Томи вплоть до нынѣшняго

Барнаула или пожалуй, до Бійска, если сюда причислить и Бійскую крѣпость, построенную, впрочемъ, не въ XVII, а въ началѣ слѣдующаго XVIII стол., именно въ 1709 году[1]).

Кромѣ того, служилые люди—казаки и стрѣльцы съ ихъ сотниками, пятидесятниками и десятниками оказали весьма важную колонизаторскую услугу для края тѣмъ, что, пользуясь промежутками мирнаго состоянія, выходили изъ своихъ остроговъ и въ большей или меньшей дали отъ послѣднихъ устраивали хутора или, по сибирскому выраженію, заводили заимки. Здѣсь они имѣли избы, содержали рабочій скотъ, косили сѣно и, по мѣрѣ силъ и средствъ, занимались хлѣбопашествомъ. Правительство не только ничего не имѣло противъ заимочнаго хозяйства служилыхъ людей, наоборотъ, было радо ему. Оно поощряло это дѣло и покровительствовало ему съ одной стороны потому, что видѣло въ заимкахъ новые узлы для прикрѣпленія отдаленной страны и новое средство обрусѣнія ея. Съ другой,—раздавая служилымъ людямъ, по ихъ челобитьямъ, земельные участки подъ пашни и „дворовую сельтьбу“, „подъ скотинный выпускъ и подъ сѣнные покосы“, оно слагало съ себя обязанность платить указаннымъ людямъ если не денежное, то, по крайней мѣрѣ, хлѣбное жалованіе, да еще съ нихъ же нерѣдко брало за пользованіе землями по 4 или по 5 сноповъ съ сотни въ свою казенную пользу[2]).

Хутора или заимки, принадлежавшіе отдѣльнымъ лицамъ изъ служилаго класса при естественномъ увеличеніи ихъ семействъ и путемъ послѣдующихъ присоединеній сюда еще людей пришлыхъ со стороны, превращались въ поселки и деревни[1]). Не въ дальнихъ разстояніяхъ отъ Томска и почти по всѣмъ отъ него направленіямъ доселѣ существуютъ и развиваются деревни и села: Батурино, Вершинина, Кулаково, Саломатово, Болтовская, Аксенова, Бѣлоусова, Магадава, Протопопово, Поломошная, Крутиково, Воронина, Бѣлобородова, Понадейкино и проч. Всѣ эти селенія были основаны служилыми людьми, имена и фамиліи которыхъ встрѣчаются въ разныхъ печатныхъ и письменныхъ памятникахъ томской старины и всего больше въ старинныхъ сунодикахъ, доселѣ хранящихся въ ризницахъ томскихъ церквей: соборной, мужескаго Алексѣевскаго монастыря и Христорождественской (Никольской). Въ большей дали отъ Томска къ тому-же разряду селеній нужно причислить дер. Былину, Серединину, села Молчаново, Кожевниково, Гутово и др.

Близъ Кузнецкаго города Кузнецкіе служилые люди завели деревни: Атаманову, Безрукову, Куртукову, и др.

Непосредственно послѣ основанія сначала Томска, а затѣмъ и Кузнецка правительство усиленно выражаетъ свою заботливость, чтобы вновь завоеванный край не пустовалъ не только служилыми людьми, но и пашенными крестьянами, необходимыми тѣмъ больше, что служилые сразу за пашню взяться не могли и хлѣбное для нихъ продовольствіе нужно было доставлять изъ далекаго Тобольска, что совершалось съ „великою нужею“ и огромными проволочками. Сразу послѣ постройки Томска его основатели Гаврило Писемской и Василій Тырковъ по царскому указу должны были „прибрать“ къ новому городу въ служилые люди и на пашню изъ Зырянъ 50 человѣкъ. Но вмѣсто 50 Писемской и Тырковъ нашли всего 5 человѣкъ, а больше „прибрать было не изъ кого“. Царское ве-

[1]) Время основанія большинства перечисленныхъ остроговъ см. у Соловцева. Истор. Обозрѣніе Сибири. СПБ. 1886, стр. 114—115 По Гмелину, Умревинскій острогъ построенъ также, какъ и Бійскъ, въ 1709 г., а Чаусскій въ 1713 г. Насколько вѣрны сообщенія Гмелина—сказать не можемъ. Gmelins Reise durch Sibirien. Gottingen. 1752. 4 Th., S. 78, 83.

[2]) Въ 1661 г. подалъ Томскимъ воеводамъ челобитную казачій голова Зиновій Литосовъ и въ челобитьѣ просилъ дать ему «дикія порожжія» земли по р. Чубуру 200 десятинъ. Земля была дана въ межахъ сына—боярскаго Ягловскаго и коннаго казака Томилки Максимова съ товарищи. См. у Бѣликова. „Старинные монастыри Томскаго края“. Томскъ, 1898. Приложеніе № III. —О надѣленіи служилыхъ людей земельными участками за хлѣбное жалованіе см., наприм., Акт. истор. III, № 110 и Памятники Сибир. исторіи. Ч. I, стр. 216—217.

[1]) Казачьи заимки около Нарыма и Томска мы видимъ помѣченными и на атласѣ Ремезова.

лѣніе однако должно было быть исполнено. Въ 1605 г. исполненіе его было препоручено Верхотурскому воеводѣ Плещѣеву, получившему предписаніе, чтобы выслалъ 50 человѣкъ для Томской государевой службы и на Томскую пашню непремѣнно, „прибравъ“ ихъ изъ охочихъ, гулящихъ людей. При этомъ требовалось, чтобы въ служилые люди были присланы „молодцы молодые, добрые, стрѣлять умѣющіе“. Переселенцы прибыли въ Томскъ изъ Верхотурья чрезъ Сургутъ на средства изъ государевой казны[1]). Несомнѣнно, такія-же присылки повторялись не разъ и въ послѣдующіе ближайшіе годы. Въ 1620-хъ годахъ пашенные крестьяне упоминаются не только около Томска, но и близъ Кузнецка, построеннаго, какъ упомянуто, въ 1617 г.[2]).

Въ концѣ 1631 г. изъ Москвы пришло въ Верхотурье къ воеводѣ Бояшеву новое повелѣніе: послать въ Томскъ и Томскаго разряду въ остроги Верхотурскихъ пашенныхъ крестьянъ въ количествѣ 100 хозяевъ—„добрыхъ, заводныхъ, семьянистыхъ,—лучшихъ людей“, выдавъ имъ въ подмогу на переселеніе по 10 руб. на семью. Побужденіемъ къ переселенію служило то указанное въ грамотѣ обстоятельство, что въ Томскомъ разрядѣ пашенныхъ крестьянъ и пахоты было еще мало, а около Верхотурья и вообще въ мѣстностяхъ Тобольскаго разряда „крестьянъ уже довольно и хлѣбная пахота учала быть большая и хлѣбъ родился добрый“.

Интересно, какъ отнеслись къ изложенному распоряженію Верхотурскіе крестьяне. Прослышавъ о предстоящемъ переселеніи, они увидѣли въ немъ ссылку,—ссылку страшную въ отдаленный глухой, невѣдомый край, и ударились въ бѣга. Бѣжали въ лѣсныя мѣстности по рр. Камѣ и Уфѣ, а также въ острожки и деревни, принадлежавшія Строгановымъ, гдѣ съ выгодою для себя ихъ укрывали Строгановскіе прикащики.

[1]) Акты истор. II. № 52.

[2]) См. наказъ Кузнецкому воеводѣ Голенищеву—Кутузову.—Акты истор. т. III, № 135.

Бѣгства умножились до такой степени, что заставили воеводу пріостановиться исполненіемъ царскаго указа и послать къ крестьянамъ сына—боярскаго Андрея Перхова для уговоровъ, чтобы „ссылки не боялись и жили на старыхъ мѣстахъ попрежнему“[1]). Тѣмъ не менѣе изъ Москвы настаивали, что если нельзя отъ Верхотурья отправить къ Томску 100 человѣкъ, то препроводили-бы 80 или, по самой меньшей мѣрѣ, 50 хозяевъ.—Было отправлено 80 хозяевъ съ женами и дѣтьми и со всѣмъ пашеннымъ заводомъ[2]).

Этихъ крестьянъ, какъ и ихъ предшественниковъ по переселенію, мы должны назвать государевыми крестьянами, такъ какъ они посланы были къ Томску на царскую десятинную пашню, что значило, что за свой земельный надѣлъ каждая крестьянская семья должна была обработывать въ пользу казны на разныя мѣстныя потребности по крайней мѣрѣ одну десятину. Изъ дальнѣйшихъ, несомнѣнно, много разъ повторявшихся присылокъ въ занимающій насъ край государевыхъ крестьянъ мы знаемъ только двѣ, имѣвшія мѣсто уже во второй половинѣ XVII вѣка. Именно, въ 1668 г.[3]) и въ 80-хъ годахъ этого же столѣтія. Въ послѣднемъ случаѣ изъ Россіи были отправлены на пашни около Уртамскаго (на Оби) острога дворцовые крестьяне, для которыхъ въ названномъ острогѣ царевна Софья Алексѣевна построила церковь во имя Вознесенія Господня и отъ себя наградила этотъ далекій отъ Москвы храмъ утварью, книгами и колоколами[4]). Мучительная тоска по родинѣ, неизбѣжная въ душевномъ состояніи каждаго переселенца, по волѣ тѣхъ или иныхъ судебъ очутившагося въ странѣ чужой и далекой, у перваго насельника Томскаго края должна была значительно умѣ-

[1]) Акты истор. III, № 172.

[2]) Тамъ-же, № 179.

[3]) Соловцевъ. Истор. обозр. о Сибири С.П.Б. 1886 ч. I, стр. 114.

[4]) Это извѣстіе мы почерпаемъ изъ доношенія Томскаго дворянина Соболевскаго въ Томскій Алексѣевскій монастырь «къ заказнымъ дѣламъ» отъ 1733 г.—Архивъ Томскаго Алексѣевскаго Монастыря. Связка 15.

риться. Она должна была много потерять въ своей болѣзненной остротѣ оттого, что пришлецъ встрѣчалъ въ новыхъ мѣстахъ природу нетронутую, находилъ поля тучныя, способныя къ обильному плодородію,—тому плодородію, которое такъ восторженно описывалъ извѣстный сибирскій историкъ Миллеръ[1]).

Край далекій, но дѣвственный и хлѣбородный, началъ привлекать къ себѣ и самовольныхъ пришельцевъ. То были гулящіе люди и съ ними люди бѣглые. Гулящимъ человѣкомъ въ древней Руси назывался крестьянинъ, не прикрѣпленный къ государству тягломъ или къ вотчиннику службой или работой. Это былъ вольный человѣкъ, который могъ бродить по широкой Руси, отыскивая тамъ или здѣсь свое крестьянское счастіе, то или другое, на его взглядъ, лучшее для своего поселенія мѣсто, связанное затѣмъ уже съ неизбѣжнымъ прикрѣпленіемъ. Западныя части Сибири были заселяемы на первый разъ преимущественно охочими изъ гулящихъ людей. По завоеваніи томской страны, гулящіе стали проникать и сюда, осаживаясь здѣсь или прямо на пустыхъ мѣстахъ, или предварительно приставая къ хутору казака, двору государева крестьянина въ качествѣ половника или захребетника[2]).

Нужно замѣтить, что въ то давнее время гулящіе могли найти для осѣдлости много простора и на этомъ просторѣ много добрыхъ земель и въ предѣлахъ Европейской Россіи, особенно по ея восточнымъ и южнымъ окрайнамъ. Но мы видимъ, что многіе изъ людей указаннаго названія съ упорствомъ

[1]) Müller. Sammlung Russische Geschichte. B. 8. Въ царской грамотѣ Томскому воеводѣ Вельяминову отъ 1670 г. сказано, что, по сказкамъ служилыхъ людей, „хлѣбъ родится въ Томскомъ и Кузнецкомъ лучше Тобольскаго“. Истор. Акты собран. Иннок. Кузнецовымъ. Вып. I, 1890 г. Томскъ. № 16.

[2]) Мы имѣемъ предъ собою копію съ переписныхъ книгъ крестьянъ Томскаго и Кузнецкаго монастырей. Копія написана въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Но и въ это время нѣкоторые изъ домовитыхъ крестьянъ еще имѣли при себѣ захребетниковъ. Такъ, въ копіи значатся: „половникъ Климентъ Созоновъ, у него *на подворьѣ* Аѳанасій Сторожевъ.—у Сторожева дѣти: Петръ, Тимофей. Ѳедоръ Яковлевъ Хонжинъ..., *у него живетъ* половникъ Созонтъ Семеновъ, у него сынъ Яковъ“ и т. д.

стремятся въ Сибирь и движутся по ней, не страшась никакой дали. Упорство заставляетъ предположить, что очень часто подъ именемъ гулящихъ шли въ Сибирь и селились въ ней бѣглые изъ тяглыхъ людей, убѣгавшихъ или отъ нищеты, или отъ холопьей доли, или отъ кнута и плетей за содѣянное преступленіе[1]).

Повторяемъ одновременно и рядомъ съ дѣйствительными или мнимыми гулящими текли въ нашъ край воднымъ путемъ и сушею и тѣ бѣглые, которые назывались такъ на оффиціальномъ языкѣ. Прослѣдить въ подробностяхъ движеніе вольно-народной колонизаціи въ Томско-Кузнецкой странѣ трудно вообще, а за XVII вѣкъ едвали и возможно и за недостачей документовъ, и затѣмъ, что во многихъ случаяхъ оно не могло быть занесено въ документы, такъ какъ совершалось скрытно, шло въ сторонѣ отъ начальственныхъ глазъ. Передадимъ намъ извѣстные случаи.

Около 1646 г. былъ большой недородъ хлѣба въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ частяхъ Европейской Россіи, и „государю вѣдомо учинилось, что съ Руси съ поморскихъ городовъ: съ Устюга Великаго, съ Соли Вычегодской, изъ Перми, съ Вятки, съ Кевроли, съ Мезени и изъ иныхъ русскихъ городовъ, съ посадовъ и уѣздовъ сошли въ Сибирь посадскіе и многіе крестьяне отъ хлѣбнаго недороду и бѣдности—съ женами и дѣтьми съ своихъ тяглыхъ жеребьевъ и начали жить въ сибирскихъ городахъ и уѣздахъ на церковныхъ земляхъ и за дѣтьми—боярскими, за подъячими и за всякими служилыми людьми на пашняхъ во крестьянѣхъ и въ половникахъ и у ямщиковъ и пашенныхъ крестьянъ въ захребетникахъ, и денежнаго и хлѣбнаго оброку въ государеву казну не платятъ“. Ихъ велѣно было сыскать, переписать и оставить здѣсь-же въ Сибири съ тѣмъ только условіемъ, что-

[1]) Такую догадку находимъ у Буцинскаго. Заселеніе Сибири. Харьковъ. 1889, стр. 217 и дал.

ОТПЕЧАТАН

бы были сведены въ пашенные крестьяне на государеву пашню, дабы „никто въ избылыхъ не былъ[1])“.

Такое-же массовое бѣгство въ Сибирь и изъ уѣздовъ тѣхъ-же поморскихъ городовъ повторилось въ 1670 г.,—повторилось до такой степени усиленно, что „въ уѣздахъ Устюжскомъ и Усольскомъ стала великая пустота“[2]).

Что многіе изъ этихъ поморскихъ бѣглецовъ достигли отдаленныхъ Томска и Кузнецка—это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Ставимъ такъ смѣло свое заключеніе, исходя изъ слѣдующихъ соображеній.

1) Уѣзды болѣе западныхъ частей Сибири въ то время были уже достаточно заселены, а бѣглецы, конечно, не всегда хотѣли оставаться на чужихъ земляхъ въ положеніи половниковъ и захребетниковъ.

2) Въ уцѣлѣвшихъ печатныхъ и письменныхъ памятникахъ томской старины крестьяне изъ Устюга, Соль-Вычегодска, Кайгорода, Яренска, Вятки встрѣчаются постоянно и особенно часто упоминаются они уже въ названныхъ старинныхъ томскихъ сунодикахъ.

3) Доселѣ крестьяне Томскаго и Кузнецкаго округовъ высоко чтутъ праздникъ 8 іюля. Они чтутъ его не потому, что это праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, а потому, что то Прокопіевъ день, т. е. день прен. Прокопія Устюжскаго, считающагося покровителемъ всего Вологодскаго края.

Въ самомъ началѣ 1660-хъ годовъ въ русскихъ мѣстностяхъ, прилегавшихъ къ среднему протяженію Уральскаго хребта, произвели огромный разгромъ Башкирцы, враждебно вторгавшіеся сюда не разъ прежде и послѣ. Въ погромѣ, о которомъ говоримъ, враги у пашенныхъ крестьянъ животы пограбили и многихъ изъ людей убили. Между прочимъ Башкирцы произвели тогда нападеніе на монастыри Спасскій на р. Сылвѣ, Невьянскій и Далматовъ[1]). Разгромъ до такой степени напугалъ и опустошилъ крестьянъ, что многіе изъ нихъ оставаться въ тѣхъ мѣстностяхъ болѣе не захотѣли,—бѣжали глубже въ Сибирь и дошли до Томска.

[1]) Доп. къ Актамъ истор. т. III, № 14.
[2]) Доп. къ Акт. истор. VI, № 19.

Вотъ сюда относящійся любопытный документъ, найденный нами въ архивѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря. Въ сентябрѣ 1663 года явились въ Томскую Приказную Палату и подали воеводамъ Бутурлину и Поводову челобитіе крестьяне Тимошка Степановъ, да Мартышко да Андронко Степановыже, да Ерофейка и Юрка Петровы и многіе др. Въ челобитной было написано, что пришли съ Исети отъ Далматова монастыря, гдѣ въ прошломъ году развоевали ихъ Башкирцы, съ погрому они остались съ женами и дѣтьми наги и босы, прибрели въ Томскъ и питаются здѣсь Христовымъ именемъ, бродя межъ дворовъ.—Просили воеводъ дать имъ дозволеніе записаться во крестьяне за Алексѣевскимъ монастыремъ. Дозволеніе не замедлило послѣдовать, и строитель Алексѣевской обители, старецъ Исаія, снабдивъ пришельцевъ всѣмъ необходимымъ для крестьянскаго обзаведенія, поселилъ ихъ на монастырской землѣ по р. Пачѣ и тѣмъ положилъ начало самой главной монастырской вотчинѣ въ с. Пачинскомъ[2]).

Спустя 10 лѣтъ, тотъ-же монастырь прибралъ прихожихъ людей въ лицѣ крестьянъ Давыдовыхъ съ племянники и товарищи и поселилъ ихъ на своемъ Иштанскомъ участкѣ[3]). Братья Давыдовы съ товарищи были изъ гулящаго класса. И вообще гулящіе и бѣглые во второй половинѣ XVII в. заходили въ нашъ край такъ нерѣдко, что къ 1682 г. монахи названнаго монастыря набрали изъ нихъ для себя крестьянъ въ количествѣ уже нѣсколькихъ десятковъ дворовъ и, кромѣ Пачинской и Иштанской, завели еще двѣ деревни: Шегарскую по р. Шегаркѣ, впадающей въ Обь и Таймен-

[1]) Допол. къ акт. истор. VI. № 124, 138.
[2]) См. у Бѣликова: «Старинные монастыри Томскаго края»., стр. 17.
[3]) Тамъ-же, стр. 17.

© ГПИБ РСФСР

скую по р. Тайменкѣ, впадающей въ Томь. Немало въ тоже время крестьянскихъ дворовъ собралось и у мужскаго Христорождественскаго монастыря, находившагося вблизи Кузнецкаго города[1]).

Къ концу XVII стол. наплывъ въ Сибирь бѣглыхъ пришельцевъ увеличился еще больше. Онъ умножился тѣми людьми, которыхъ изгоняла изъ Руси не матеріальная нужда и не стремленіе уклониться отъ тягла, а вытѣсняли причины, лежащія въ высшей сферѣ духовныхъ интересовъ. Послѣ 1667 года старообрядческій расколъ окончательно отдѣлился отъ церкви и подвергся преслѣдованію. Мѣры гражданскаго преслѣдованія, усиливаясь постепенно, завершились, наконецъ, изданіемъ строжайшихъ постановленій царевны Софьи Алексѣевны. Постановленія обрекали на сожженіе въ срубѣ всякаго раскольника, который сталъ-бы открыто хулить церковь, произвелъ-бы въ народѣ мятежъ или соблазнъ и остался-бы нераскаяннымъ,--равнымъ образомъ „раскольщика“, который-бы снова ушелъ въ расколъ послѣ предшествующаго обращенія. Тотъ-же законодательный актъ опредѣлилъ смертную казнь расколоучителямъ, изобличеннымъ въ перекрещиваніи и самимъ перекрещеннымъ, если-бы не захотѣли возвратиться въ православіе, —битье кнутомъ и вмѣстѣ ссылку въ дальные города уличеннымъ въ тайной принадлежности къ расколу или только укрывавшимъ у себя раскольниковъ безъ объявленія о нихъ по начальству[2]).

Въ виду этихъ не только грозныхъ, но прямо кровавыхъ статей раскольники кинулись въ лѣса на пустынное жительство. Но и въ лѣсныя дебри добирались сыщики, которымъ велѣно было смотрѣть накрѣпко, чтобы раскольники въ лѣсахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся пойманныхъ ссылать, пристанища ихъ разворять, а имущества продавать въ пользу казны. Куда-же дѣваться?

[1]) См. выше цитованную копію съ переписныхъ книгъ монастыр. крестьянъ. Въ 1721 г. казначей Томскаго Алексѣевскаго монастыря іеромонахъ Діонисій писалъ Томскому коменданту Козлову: «въ прошлыхъ годахъ *гуляющіи люди* давали на себя записи (монастырю) во крестьянство и давана была имъ изъ монастыря ссуда скотомъ и хлѣбомъ»... Арх. Том. Алек. монастыря, связ. 11.

[2]) Мельниковъ. Историческіе очерки поповщины. Москва. 1864. стр. 59—60.

Въ то тяжелое для старообрядцевъ время, пишетъ П. И. Мельниковъ, изъ конца въ конецъ Русской земли раздался голосъ наставниковъ раскола: „за рубежемъ древнее благочестіе во ослабѣ[1])“, т. е. за границей старообрядчество свободно, не преслѣдуется. И громадныя толпы старообрядцевъ бросились въ Швецію, въ Пруссію, Польшу, Турцію и за Кавказъ. Но многіе, не выходя изъ предѣловъ обширнаго отечества, нашли себѣ пріютъ въ глухихъ пространствахъ отдаленной Сибири. Какъ много было въ послѣдніе десятки лѣтъ XVII столѣтія раскольниковъ въ лѣсныхъ мѣстахъ по р. Турѣ, Ишиму, Тоболу —это слишкомъ хорошо извѣстно изъ посланій противъ раскола, написанныхъ Тобольскимъ митрополитомъ Игнатіемъ Римскимъ-Корсаковымъ и изъ др. многочисленныхъ документовъ, напечатанныхъ въ историческихъ Актахъ.

Въ грамотѣ Верхотурскому воеводѣ Михаилу Толстово отъ 1683 г. цари Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи писали, что изъ Поморскихъ городовъ мимо Верхотурья, Верхотурскаго и Тобольскаго уѣздовъ снова ринулись въ Сибирь бѣглецы въ огромномъ числѣ. Бѣглецовъ шло такъ много, что цари распорядились поставить, гдѣ пристойно, заставы, чтобы „отнудь бѣглыхъ крестьянъ въ Сибирь не пропускать“[2]).

Думаемъ, что въ числѣ этихъ утеклецовъ раскольники представляли преобладающій элементъ, такъ какъ населеніе поморья въ то время было почти сплошь на сторонѣ старообрядства.

Что раскольники достигали и Томска, это доказывается тѣмъ, что они заходили значительно дальше предѣловъ уѣзда этого города. Уже въ 1673 году въ Енисейскѣ былъ раскольническій бунтъ[3]). Что-же касается Томска, то въ

[1]) Тамъ-же. стр. 61.

[2]) Акты истор. V, № 108.

[3]) Допол. къ Акт. истор., № 69.

1690-хъ годахъ здѣсь уже имѣлъ мѣсто крупный случай раскольническаго самосожигательства[1]).

Кромѣ раскольничьихъ бѣглецовъ, несомнѣнно, попали къ Томску и нѣкоторые изъ раскольниковъ ссыльныхъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣній на этотъ счетъ не имѣемъ, заисключеніемъ одного случая. Въ 1688 г. съ Москвы посланъ былъ въ Томскую ссылку съ парочными провожатыми „злой раскольщикъ", донской казакъ Ѳедька Боярченокъ[2]).

Во всякомъ случаѣ ссыльные въ Сибирь составляли очень немаловажный элементъ въ формаціи первенцовъ русскаго крестьянства въ Томской сторонѣ. Перечислять всѣ случаи ссылокъ въ Сибирь преступниковъ разнаго рода для опредѣленія ихъ на пашню, слѣдя за этими случаями по историческимъ актамъ XVII вѣка, не находимъ нужнымъ. Ограничимся указаніемъ слѣдующаго непосредственно касающагося нашего края любопытнаго факта. Въ 1648 г. Кузнецкій воевода Аѳанасій Зубовъ писалъ государю: „въ прошлыхъ годѣхъ присланы въ Кузнецкій острогъ ссыльные люди—воры и мошенники, многіе холостые, и велѣно ихъ устроить въ Кузнецкомъ острогѣ на пашню, и за тѣхъ за ссыльныхъ людей старые томскіе пашенные крестьяне дочерей своихъ и племянницъ не даютъ, а выдаютъ ихъ за казачьихъ дѣтей и племянниковъ". При этомъ Зубовъ сообщалъ, что въ видахъ стѣсненія браковъ служилыхъ людей на дочеряхъ пашенныхъ крестьянъ онъ уже распорядился брать съ каждой свадьбы въ казну 5 руб. „потому что ссыльнымъ кромѣ дочерей пашенныхъ крестьянъ жениться не на комъ". Прописавъ это, воевода спрашивалъ: какъ поступать дальше? Изъ Москвы вышло приказаніе, чтобы пашенные крестьяне, подъ опасеніемъ за ослушаніе большой пени, дочерей своихъ въ замужество за ссыльныхъ выдавали, дабы „можно было

[1]) Посланія Игнатія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго. Казань. 1857. стр. 129—131.
[2]) Истор. акты, собранные Иннок. Кузнецовымъ. Вып. I. ст. 15.

тѣми браками ссыльныхъ отъ побѣговъ унять и въ мѣстахъ ссылки укрѣпить"[1]).

Въ 1666 г. Томскій воевода Вельяминовъ получилъ изъ Москвы нѣчто вродѣ выговора за то, что удерживалъ въ Томскомъ ссыльныхъ, по указамъ назначенныхъ въ разные другіе сибирскіе города и уѣзды[2]).

Въ концѣ XVII в. ссыльныхъ почему-то усиленно отправляли на пашни къ Уртамскому (на Оби) острогу. Въ 1692 г. здѣсь было поселено сначала 13 ссыльныхъ человѣкъ, затѣмъ 15. Въ слѣдующихъ 1694 и 1695 гг. сюда было послано „во крестьяны" еще три партіи колодниковъ, присланныхъ изъ различныхъ мѣстъ Европейской Россіи[3]).

Случалось, что въ число ссыльныхъ, посылаемыхъ на сибирскую пашню, попадали и люди привиллегированныхъ состояній. Опальные дьяки и подъячіе трудились съ сохой и бороной около Енисейска и въ Якутской области, послѣ чего ихъ дѣти и внуки уже навсегда оставались въ крестьянствѣ. Многіе изъ сосланныхъ дѣтей—боярскихъ работали крестьянской работой въ мѣстностяхъ Тобольскаго разряда и, несомнѣнно, попадали для той-же работы и на поля Томско-Кузнецкія. Въ 1618 г. былъ сосланъ въ Томскъ атаманъ запорожскихъ черкасъ Михайло Скиба, но его велѣно было поверстать въ казачью службу[4]). Приказано было поверстать въ рядовую казачью службу сообщниковъ „измѣнника и клятвопреступника" запорожскаго атамана Игнатова—нѣжинскаго полковника Матюшку Гвинтовка, сосланнаго съ женою и съ сыновьями въ 1672 г. въ Кузнецкъ, и есаула Пашку Грибовича, въ томъ-же году очутившагося въ Томской ссылкѣ[5]). Эти привиллегированные ссыльные, так. образ., на пашню не

[1]) Акт. истор. IV, № 27.
[2]) Истор. акты. собран. Ин. Кузнецовымъ. I. № 14.
[3]) См. тамъ-же I, № 26 и II, № 17, 18 и 19.
[4]) Буцинскій. Заселеніе Сибири, стр. 201.
[5]) Доп. къ акт. истор. VI. № 95.

© ГПИБ СОРАН

попали, тѣмъ болѣе, что Грибовичъ вскорѣ бѣжалъ въ свою вольную запорожскую сѣчь. Но не отдѣлались отъ Томской пашни сосланные казачій атаманъ Янка Губарь съ товарищи и даже одинъ попъ по имени Ипатъ, поселенный верстахъ въ 20 отъ Томска--тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ д. Ипатова. Коренные крестьяне этой деревни всѣ имѣютъ одну фамилію Поповыхъ и разсказываютъ о своемъ отдаленномъ предкѣ, что онъ былъ священникомъ изъ сосланныхъ, и что на мѣсто ссылки принесъ съ родины свою семейную икону, которая хранится въ Ипатовской часовнѣ и доселѣ, представляя предметъ высокаго чествованія не только у Ипатовскихъ, но и среди крестьянъ окрестныхъ деревень[1]).

Среди ссыльныхъ въ Сибири, ея городахъ и уѣздахъ очень не мало проживало иноземцевъ особенно изъ военно-плѣнныхъ. Были поляки, литвинцы и нѣмцы Ливонскіе. Попалъ въ Тобольскую ссылку даже одинъ „французанинъ“, принявшій въ Сибири православіе и дослужившійся здѣсь до чина сына—боярскаго[2]). Препровождались такого рода ссыльные и къ Томску. Литовцы входили въ составъ не только Тюменскихъ, Тобольскихъ, но и томскихъ служилыхъ людей и, наравнѣ съ другими казаками, имѣли около Томска заимки и пашни[3]). Въ самомъ концѣ XVII в. ссыльный полякъ Станиславъ Осинской проживалъ въ Томской монастырской вотчинѣ с. Пачинскомъ, откуда писалъ очень почтительныя письма къ настоятелю Алексѣевской обители съ келаремъ и братіею. Впрочемъ, православные иноки держали у себя поляка—католика не на

[1]) О ссыльныхъ на Томскую пашню Губаря съ товарищи см. Истор. акты, собр. Ин. Кузнецовымъ I, № 3. Преданіе о попѣ Ипатѣ намъ довелось вычитать въ приходскомъ отчетѣ свящ. С. Спасскаго за 1884 г.—Арх. Том. Консисторіи. О томъ же Ипатѣ см. у Кузнецова I, № 32. Здѣсь онъ названъ безмѣстнымъ попомъ.

[2]) Буцинскій. Заселеніе Сибири, стр. 199.

[3]) Томскіе служилые люди „инородческаго списка“ и среди нихъ Филипъ Болтовскій упомянуты между прочимъ въ царской грамотѣ Томскому воеводѣ Вельяминову отъ 1670 г.—Истор. акты, собр. Ин. Кузнецовымъ. Вып. I, № 16.

пашнѣ, а у дѣла надзора за монастырской пашней и для сборовъ пятиннаго хлѣба съ монастырскихъ крестьянъ[1]).

Ссыльные убѣгали изъ Сибири очень нерѣдко. Но особенною наклонностью къ побѣгамъ отличались сосланные изъ черкасъ и иноземцевъ. Совершенно понятно: тоска по родинѣ давила ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ ссыльныхъ изъ великороссійскаго народа. Въ 1620 г. Тобольскій воевода послалъ въ Томскъ на пашню 19 человѣкъ изъ военно-плѣнныхъ литовцевъ. Соединившись съ нѣсколькими изъ удалыхъ казаковъ, набранныхъ также изъ ссыльныхъ, литовцы разбили на Иртышѣ казенный караванъ, съ которымъ слѣдовали къ Томскому городу и бѣжали сначала въ Березовскій край, а оттуда чрезъ Уральскій хребетъ въ сѣверную часть Россіи съ тѣмъ, чтобы добраться до родной Литвы. Бѣглецы были почти всѣ перебиты погонею, которую снаряжали за ними воеводы разныхъ россійскихъ городовъ. Ихъ побѣгъ представляетъ цѣлую эпопею, разумѣется, съ своеобразнымъ характеромъ разбойническаго молодечества и подвиговъ въ такомъ-же духѣ[2]).

Итакъ, въ продолженіе XVII столѣтія нашъ Томскій край, кромѣ казачьихъ поселеній, колонизовался крестьянами „переведенцами“, т. е. переведенными изъ другихъ мѣстъ Россіи и Сибири на государеву пашню или, иначе, крестьянами государевыми, гулящими людьми и бѣглыми, среди которыхъ было много раскольниковъ и, наконецъ, людьми ссыльными. Въ общемъ, къ началу XVIII в. край населенъ былъ всетаки очень скудно. По атласу Ремезова, начертанному въ 1701 году, на обширномъ просторѣ Томско-Кузнецкаго района мы насчитали менѣе 90 русскихъ селеній. Но изъ нихъ огромное большинство состояло изъ деревень только съ единицами дворовъ. Селъ съ церковію насчитывалось не болѣе 11. Сюда

[1]) См. «Старин. монастыри Том. края», стр. 46.

[2]) Буцинскій. Заселен. Сибири, стр. 204 и дал.

относились: Спасское на Томи, Спасское около р. Яи, Сосновскій острогъ, Кулаково, Верхо-томскій острогъ, Богородское и Уртамскій острогъ на Оби, Зелѣдеево, Николаевское, Иктаринское, Ильинское или Красный Яръ близъ Кузнецка[1]).

Наступило время великой преобразовательной дѣятельности великаго царя Петра I. Вся Россія представлялась тогда, по изображенію одного иностранца, „какъ-бы однимъ заводомъ. Повсюду извлекались изъ нѣдръ земныхъ сокрытыя до того сокровища, повсюду слышны были стуки молотовъ и сѣкиръ, ковавшихъ мечи, якори и всякія орудія и сооружались корабли военные и всякаго рода морскія и рѣчныя суда; повсюду лились пушки, мортиры, бомбы, ядра; ткались сукна, всякаго рода полотна и вездѣ при всѣхъ такихъ работахъ впереди видѣнъ былъ самъ монархъ, какъ мастеръ и указатель"[2]).

[1]) По атласу Ремезова въ самомъ началѣ XVIII в. въ Томскомъ вѣдомствѣ состояли слѣдующія русскія селенія: Село Спасское на Томи, с. Спасское около Яи, деревня Бурнашева, Семилужки, деревня Воронова, деревня Заварзина, острогъ Сосновскій, село Иктара, Константиново, Килино, село Кулаково, Пещеркова, с. Пачинское, д. Макарово, Безъязыково, Ильино, Басалаво, Саломатово, Гутова, Чахлова, с. Зеледѣево, Варюхино, Пашкова, Лаева, Емельянова, Десятова, Колесникова, Петрова, Грибанова, Зайцкова, Сѣчепова, Перова, Карбышева, Нелюбина, Лаврова, Ишанъ, село Никольское на Оби, Першино, Кривошеева, Лавровыхъ, Былинныхъ, Дорохова, острогъ Уртамскій, Тарчинская, Корбы, Капаева, Астраханцева, Бартышево, Краева, Елизарова, Потелово, село Богородское, Трубачева, Андресво, Шегарская, Катаковы, Вершинина, Цыганова, Кураковская.

Въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ:—дер. Сидорова, Мокроусова, Тихонова, Антонова, Герасимова, Бедарева, Верхотомскій острогъ, Евтифѣева, Карпова, Атаманово I, Попова, Долговыхъ, Кондратьева, Ефремова, Гуськина, Куртукова, Грошевская, Лаврова, Атаманово II, Меньшикова, Петлина, Шабалино, Сметанниково, с. Ильинское—Красный Яръ тожъ, Красулино, Шорохова, Калачиково, Толмачева, Воровскова.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что на картѣ Ремезова русскія поселенія Томско—Кузнецкаго края обозначены не во всей полнотѣ.

Изъ одного архивнаго дѣла мы съ удивленіемъ узнаемъ, что во второй половинѣ XVII ст. русскія деревни имѣлись уже близъ нынѣшняго Бійска и р. Катуни. Эти деревни Ѳоминская и Соколова. По показанію крестьянъ, данному въ 1789 г. Ѳоминская была заведена около 1660 г., а Соколова въ 1695 г. —Дѣло объ отдачѣ въ оброкъ рыбныхъ ловель по р. Катуни 1795 г. Мы пользуемся этимъ дѣломъ благодаря любезности г. библіотекаря Том. университета Ст. Кир. Кузнецова.

[2]) Щаповъ. Рус. расколъ старообрядства. 1859, стр. 492.

Такъ часто повторяющееся здѣсь слово *повсюду* составляетъ, конечно, реторическую украсу описанія, но общій характеръ многохлопотливой эпохи иностранецъ изобразилъ вѣрно.

Наступила эпоха самой напряженной въ Россіи жизни, при чемъ царь требовалъ, чтобы каждый непремѣнно участвовалъ въ перестройкѣ государства трудомъ или деньгами, чтобы, по старинному выраженію, „никто въ избылыхъ не былъ". Огромная для народа тяжесть преобразовательнаго дѣла увеличивалась еще отъ того, что оно велось рядомъ и одновременно съ продолжительной и чрезвычайно дорого стоившей бѣдному государству великой сѣверной войной.

Подати взимались съ неопустительною строгостію, и онѣ были необычайно многочисленны и разнообразны. Кромѣ обычнаго окладного подушнаго сбора, съ крестьянъ брали деньги на генеральный провіантъ, на морской провіантъ, на провіантъ въ Смоленской магазеѣ, на покупку и кормъ драгунскихъ лошадей, на винтеръ-квартиры, на городовое строеніе, на подъемъ каменьщиковъ, пильщиковъ (при постройкѣ Петербурга), на постройку кораблей, дѣло каналовъ, деньги ландратскія, рекрутскія, сѣдельныя, уздяныя и проч., проч.[1]). Правительство брало, конечно, не съ однихъ только крестьянъ. „Оно брало со всѣхъ и вездѣ, гдѣ только можно было взять"[2]). Подати и сборы, великіе сами на себѣ, умножались еще болѣе отъ злоупотребленій сборщиковъ, которые, несмотря на всю зоркость императора, несмотря на его неумолимую строгость къ злоупотребителямъ, все-таки ухитрялись брать дани измышленныя въ родѣ хомутейныхъ, прикольныхъ съ водяныхъ судовъ, о которыхъ (даняхъ) говоритъ Посошковъ[3]). Подати были громадны. Но сверхъ ихъ огромны были работы, къ которымъ привлекалъ государь податное населеніе на го-

[1]) См., наприм., перечень сборовъ и податей, какіе требовались съ Томскихъ монастырскихъ крестьянъ. —Старин. монастыри Том. края, стр. 19 примѣчан.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи т. XVI, стр. 12, издан. 1866 г.

[3]) Щаповъ. Расколъ старообр., стр. 496.

сударственную пользу. Для постройки Петербурга ежегодно въ продолженіе многихъ лѣтъ высылалось изъ разныхъ областей Россіи до 40000 работниковъ, изъ которыхъ массы гибли отъ трудовъ и болѣзней[1]). Многія тысячи народа ежегодно же требовались для постройки крѣпости на островѣ Котлинѣ. Многочисленные работники трудились надъ дѣломъ разныхъ сооруженій въ Азовѣ на одномъ концѣ Россіи и прорытія длиннаго Ладожскаго канала на другомъ.—Словомъ, отъ русскаго народа Преобразователь потребовалъ такой работы, какой прежде онъ никогда не испытывалъ, какой доселѣ не представлялъ.

А какъ при почти безпрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ были часты рекрутскіе наборы? Въ продолженіе разсматриваемаго царствованія всѣхъ рекрутскихъ наборовъ, общихъ и частныхъ, насчитываютъ до 40[2]). Въ самой высокой мѣрѣ обременительная воинская повинность наводила ужасъ въ народѣ уже одною неномѣрной горестью въ начальномъ положеніи рекрута. Въ одномъ изъ оффиціальныхъ документовъ это положеніе изображено такъ:— „Когда въ губерніяхъ рекрутъ собираютъ, то сначала изъ домовъ ихъ везутъ скованныхъ, а приведчи въ городъ, держутъ въ великой тѣснотѣ по тюрьмамъ и острогамъ не по малому времени и так. образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ. А потомъ изъ губерній отправляютъ, упуская удобное время, жестокою распутицею, отчего на дорогѣ приключаются многія болѣзни, помираютъ безвременно[3]). Но и дальнѣйшая судьба уцѣлѣвшаго солдата, при суровой дисциплинѣ, при „частыхъ дальнихъ похудушкахъ“ и изнурительныхъ военныхъ работахъ, при постоянныхъ недостачахъ въ войсковомъ провіантѣ, представляла одно чуть не сплошное горе —злосчастье. Не говоримъ уже о частыхъ военныхъ стычкахъ и генеральныхъ баталіяхъ. Достаточно сказать, что изъ

[1]) Щаповъ, тамъ-же, стр. 492. Сн. Костомаровъ. Истор. Россіи въ жизнеоп. VI, стр. 609.
[2]) Щаповъ, стр. 502.
[3]) Соловьевъ. Истор. Россіи XVI, стр. 202. Москва, 1866.

солдатъ, взятыхъ для Шведской войны, домой почти никто не вернулся. Неудивительно, что во избѣжаніе рекрутской повинности крестьяне не только брели врозь, но и калѣчили себя, рвали себѣ зубы, рубили пальцы на рукахъ.

Тяжелое было это время,—трудная для народа година. „Повсюду кипитъ удесятеренная дѣятельность, повсюду насильственныя мѣры, невыносимыя тягости, наборъ въ рекруты и матросы, наборъ въ школы и новыя учрежденія, указный сгонъ рабочихъ для казенныхъ построекъ, а тутъ на каждомъ шагу денежные сборы для безконечной войны, для безчисленныхъ новыхъ нуждъ государственныхъ. Казна беретъ рѣшительно со всего,—съ торговъ, съ промысловъ, съ душъ, съ потребленія, беретъ даже съ продажи дубовыхъ гробовъ, какъ съ предмета роскоши. Силъ подчасъ не хватаетъ, дохнуть некогда“[1]). Не попрежнему уже кряхтѣли русскіе крестьяне отъ разныхъ тягостей старо-русскихъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича,—теперь стонали они великимъ всенароднымъ стономъ.

Думаемъ, однако, что исторія не можетъ этотъ народный стонъ поставить въ упрекъ гиганту-царю, такъ величаво высящемуся въ прошлыхъ судьбахъ Россіи,—такъ ярко освѣтившему русскую жизнь сіяніемъ своего несравеннаго генія, —генія съ мозолями на рукахъ, работавшаго не только царственнымъ трудомъ на престолѣ, но и въ роли плотника, бомбардира и шкипера. Заставляя трудиться другихъ, онъ и самъ трудился не покладая рукъ; заставляя подданныхъ переживать трудную годину, онъ и самъ, по его выраженію, обрѣтался „въ несносныхъ печалѣхъ“. Никакая жертва не казалась Петру I слишкомъ великой, когда имѣлась въ виду цѣль общей пользы государства, дѣло приподнятія условій его жизни для всесторонняго прогресса. Не щадя для блага будущей Россіи личныхъ жертвъ и себя самого, онъ

[1]) Проф. Петровъ. Очерки изъ всемірн. исторіи. Харьковъ 1882, стр. 436.

не побоялся привести въ страшное напряженіе и народныя силы, побуждая доселѣ косныхъ русскихъ людей „силою дѣлать себѣ добро“[1]).

Но народъ еще не понималъ этого добра, онъ не въ состояніи былъ проникнуть въ планы и цѣли Петра. Народъ зналъ только тягости реформы и какъ прежде при всякой тягости, такъ теперь въ особенности ринулся наутекъ. Трудно за Петровское время отыскать документъ, касающійся внутренняго быта крестьянъ, гдѣ-бы отсутствовали правительственныя жалобы на крестьянскія бѣгства. Крестьяне бѣжали отъ податей, отъ военной службы, отъ казенныхъ работъ,—бѣжали, говоритъ Посошковъ, въ понизовыя мѣста, въ Украйнскія, въ зарубежныя: „чужія страны населяли, а свою пустоту покидали“. Напрасно на тѣхъ путяхъ, по которымъ шли бѣглецы, правительство ставило заставы. Утеклецы умѣли пробираться по глухимъ тропамъ, минуя заграждения. Крестьяне православной вѣры бѣжали отъ многочисленныхъ тяготъ гражданской жизни, а раскольники, на которыхъ положенъ былъ двойной подушный окладъ, которые должны были платить еще за право ношенія бороды, которыхъ хотя не въ такой степени, какъ въ правленіе Софьи, но всетаки въ общемъ преслѣдовать за вѣру не переставали,—раскольники, кромѣ побужденій въ тягостяхъ состоянія, бѣжали отъ тлетворнаго и всепагубнаго, по ихъ мнѣнію, духа времени. Если уже православные въ реформѣ Петра, направленной къ сближенію Россіи съ западомъ, усматривали разрушеніе русской національности, если уже въ ихъ средѣ несмолкаемо раздавались толки, что Петръ не могъ быть царемъ русскаго происхожденія, что онъ—государь подмѣненный въ Швеціи, если у православныхъ находились лица въ родѣ Талицкихъ, Левиныхъ и Докукиныхъ, которые, соображая время и знаменія времени съ записями въ своихъ

[1]) Тамъ-же, стр. 427.

тетрадяхъ, выводили, что Петръ никто иной, какъ антихристъ, то что сказать о раскольникахъ съ ихъ всегда воспаленнымъ воображеніемъ на тему объ антихристѣ. „Императоръ“,—говорили раскольники, по поводу, наприм., I всенародной ревизіи,—„сирѣчь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизіею или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за императора или за единовластнаго правителя. Мы же отъ Христа-Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохранити и вѣру святую блюсти и такому лжехристу въ послушество отдатися не хощемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ писатися никому не совѣтуемъ: творите съ нами, что хотите, ибо есмы христіане единаго исповѣданія вселенскихъ соборовъ, св. отецъ и св. страдальцевъ Соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе:—того исповѣданія и мы держимся и въ книги ваши законопреступныя, гражданскія, въ силу указа вашего императора, не пишемся, ибо мы отъ крещенія записаны есмы въ книги животныя у царя небеснаго, понеже видимъ во св. Писаніи, яко прежде бывшіи въ Россіи благочестивіи цари Иванъ Васильевичъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика, мужеска полу и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего вообще человѣчества не творили и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога.—Зрите человѣцы, вонмите и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтѣхъ жительствуемъ и кто нынѣ обладаетъ нами“?[1]).

Такъ думали и писали раскольники о Петрѣ, усматривая во всѣхъ частностяхъ его реформы ухищренія антихриста, а во всемъ духѣ реформы--духъ антихристовъ и, разумѣется, старались

[1]) Щаповъ, Раск. старообр., стр. 482—483. О Петрѣ, какъ антихристѣ см. еще у Соловьева, Истор. Россіи т. XVI гл. 1, XVIII, гл. 3. и у Пыпина. Вѣсти. Европы. Августъ. 1897.

ОТПЕЧАТОРАН

бѣжать отъ „антихриста“ во всякія глухія мѣста. Лѣса поморскіе и керженскіе переполнились раскольническими бѣглецами. Но керженскихъ раскольниковъ въ то время сильно тревожилъ Нижегородскій епископъ Питиримъ (бывшій когда-то самъ раскольникомъ) съ своимъ очень ревностнымъ помощникомъ въ лицѣ Нижегородскаго вице-губернатора Юрія Ржевскаго. Значитъ, керженцамъ нужно было бѣжать куда-нибудь дальше.

Если что съ особой силою двинуло дѣло колонизаціи въ Сибири вообще и въ Томскомъ краѣ въ частности, то это преобразовательная дѣятельность Петра I и народное ею недовольство. За „рубежъ свейскій“ (шведскій) или польскій бѣжало податное населеніе главнымъ образомъ изъ западныхъ областей Россіи, въ Новороссійское понизовье шли крестьяне изъ-подъ-Москвы. Но бѣглецы съ Поволжья и въ особенности изъ сѣверо-восточныхъ частей Россіи устремились къ Камню и за Камень, т. е. къ Уралу и за него. Въ Башкирію, т. е. въ земли по среднему и южному протяженію Уральскаго хребта, бѣглецы являлись толпами. На заводахъ Демидова ихъ укрывались тысячи. Производившій въ Сибири первую народную перепись полковникъ Солнцевъ-Засѣкинъ донесъ въ 1725 г. Сенату, что въ провинціяхъ Соли-Камской на соляныхъ и Тобольской на серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ оказалось множество крестьянъ—работниковъ изъ бѣглыхъ разныхъ мѣстъ Россіи и въ перепись не попавшихъ. Сенатъ, выслушавъ донесеніе, съ своей стороны замѣтилъ, что на сибирскихъ заводахъ, какъ, наприм., у Строгановыхъ, бѣглые уже издавна находятъ себѣ пріютъ, бѣглыхъ тамъ укрываютъ и законы о нихъ не исполняютъ[1]). Какъ велика была численность бѣглецовъ на заводахъ Демидова, можно судить по тому, что Геннигъ, надзиравшій за уральскими заводами, перебралъ у Демидова 10000 руб. за то, что

[1]) Пол. собр. зак. т. VII, № 4699.

закрывалъ глаза на бѣглыхъ, работавшихъ на заводахъ[1]). Но не всѣ бѣглецы осѣдали на Уралѣ, не всѣмъ нравилась незавидная доля рабочаго, своимъ почти даровымъ трудомъ обогащавшаго уральскихъ заводчиковъ. Большинство, переваливая „Камень“, текло въ дальнѣйшія части Сибири. Да и для бѣглецовъ, трудившихся на заводахъ, Уралъ часто служилъ только этапомъ для перехода сюда-же, т. е. глубже въ Сибирь. Бѣжали въ Сибирь всякаго рода крестьяне, но въ громадной массѣ бѣглецы принадлежали расколу. Нижегородскій епископъ Питиримъ свидѣтельствовалъ, что изъ Керженскихъ лѣсовъ старовѣры уходили преимущественно въ сибирскія области, и мы понимаемъ отсюда, почему и доселѣ въ Сибири раскольника зовутъ „кержакомъ“ и даже единовѣрческую церковь въ Томскѣ называютъ „кержацкою“ церковію. Какъ вообще было изобильно раскольниковъ въ Сибири за время Петра В. доказывается слѣдующимъ выразительнымъ документомъ. Въ 1722 г. въ Нижній явился капитанъ Сверчковъ съ партіей упорныхъ старообрядцевъ, назначенныхъ на сибирскую каторгу. „Увѣдомились мы, писали затѣмъ царю еписк. Питиримъ и Ржевскій, что посланы въ Сибирь раскольники необратившіеся и въ томъ числѣ Василій Власовъ, злой расколозаводчикъ и учитель, которому не только въ ссылкѣ, но и на семъ свѣтѣ, по мнѣнію нашему, быть не надлежитъ“, а въ Сибирь и безъ того „многіе раскольщики описные и неописные бѣгутъ и селятся въ сибирскихъ городѣхъ. И ежели еще этимъ каторжнымъ раскольникамъ дозволено будетъ быть въ сибирскихъ-же городахъ и дастся имъ воля, то они, собравшись съ бѣглыми раскольниками, могутъ произвести немалыя пакости къ возмущенію народа“. Результатомъ этого указанія было слѣдующее распоряженіе государя: „послать изъ канцеляріи сената къ капитану нарочно курьера, дабы его съ оными посланными съ нимъ раскольщи-

[1]) Соловьевъ. Истор. Россіи. XX, стр. 204—205. Изд. 1870 г.

ками, гдѣ онъ ихъ найдетъ, возвратить немедленно въ Москву, а съ Москвы послать въ адмиралтейство и отдать ихъ въ вѣчную работу въ Рогервикъ, и впредь раскольщиковъ въ Сибирь отнюдь не присылать, а посылать въ Рогервикъ, гдѣ дѣлаютъ новой гаванъ“ [1]).

Двигались бѣглецы въ Сибирь, отыскивая на ея свободныхъ пространствахъ, въ ея глухихъ степяхъ или дремучихъ тайгахъ удобное и сокровенное отъ начальства жительство и, двигаясь, достигали Томскихъ предѣловъ, гдѣ въ то время мѣстъ удобныхъ для потаеннаго или, по крайней мѣрѣ, относительно спокойнаго жительства было великое множество. Многія изъ многочисленныхъ деревень нынѣшняго Барнаульскаго округа, въ XVIII в. составлявшихъ приходы Бѣлоярскій, Малышевскій, Чингизскій, Бердскій, Легостаевскій были застроены бѣглецами Петровскаго времени. При первой ревизіи въ г. Кузнецкѣ было переписано 1363 крестьянскихъ ревизскихъ душъ, а въ уѣздѣ (куда въ то время принадлежали и земли нынѣшняго Барнаульскаго округа) 1511 душъ[2]). Цифры не велики, тѣмъ не менѣе выразительны онѣ для стороны, гдѣ въ недавнее время была чуть не сплошная пустота. При этомъ, конечно, нужно замѣтить, что многіе изъ бѣглецовъ въ ревизію не писались, оставаясь въ укрывательствѣ въ недостижимыхъ для начальства углахъ. Что мѣстному начальству было трудно и даже иногда не возможно добираться до такихъ угловъ, это, между прочимъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1722 г. томскій воевода Павелъ Ѳедоровичъ Загрясскій отдалъ приказъ томскому дворянину Прокопьеву, чтобы переписалъ пашенныхъ крестьянъ, гулящихъ и всякаго рода русскихъ людей Томскаго уѣзда въ Сосновскомъ стану для взятія съ нихъ положенныхъ по-

[1]) Памятники Сибир. исторіи ч. II, № 94. Соловьевъ XVIII, стр. 212. Изд. 1868 г.

[2]) Архивъ Колывано-Воскрес. Горнаго начальства въ Барнаулѣ. Столпъ [illegible] по описи № 461, л. 253.

датей. Прокопьевъ донесъ затѣмъ, что съ гулящихъ людей собрать подати оказалось нельзя, ибо „живутъ отъ Сосновскаго острога по разнымъ мѣстамъ и въ дальныхъ разстояніяхъ“ [1]). А сколько въ Томскомъ краѣ было за то время раскольниковъ, это указываетъ намъ тобольскій митрополитъ Антоній I Стаховскій. Дѣлая выговоръ томскому архимандриту Порфирію за то, что многихъ томскихъ жителей показалъ бывшими на исповѣди ложно, митрополитъ обличалъ ложь главнымъ образомъ тѣмъ, что въ Томскѣ и около него *„самое дно раскольничества содержится“* [2]).

Бѣгства продолжались и въ царствованія ближайшихъ преемниковъ Петра I, потому что условія крестьянской жизни въ общемъ оставались тѣ-же, что были и при Петрѣ. Только безъ такого величаваго кормчаго на государственномъ кораблѣ, безъ такого хозяина, какимъ былъ великій императоръ, и при постоянныхъ интригахъ при дворѣ со стороны разныхъ правительственныхъ чиновъ, стало больше сутолочи въ государствѣ и больше въ немъ злоупотребленій. Подати съ крестьянъ брали прежнія, суровость рекрутскихъ наборовъ не измѣнилась. Значительно рѣже и въ меньшихъ массахъ стали сбирать народъ на работы по государственнымъ сооруженіямъ. Но зато страдали крестьяне отъ частыхъ хлѣбныхъ недородовъ и пережили неописуемый страхъ въ виду жестокостей, съ которыми взыскивала съ крестьянъ многія накопившіяся недоимки мрачной памяти доимочная канцелярія, учрежденная Бирономъ главнымъ образомъ для удовлетворенія, какъ выражались встарину, своей бездѣльной корысти.

Въ 1727 г. члены Верховнаго Совѣта свидѣтельствовали, что крестьяне бѣгутъ въ Польшу, Запорожье, къ Башкирамъ, въ расколъ: — „итакъ, мы нашими крестьянами снабжаемъ не только Польшу, но и собственныхъ злодѣевъ“. Причину это-

[1]) Донесеніе дворянина Никифора Прокопіева. Арх. Томск. Алексѣев. монастыря, св. 4.

[2]) Старинные монастыри Том. края, стр. 29.

го грустнаго обстоятельства Совѣтъ усматривалъ въ томъ, что „никто изъ командировъ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о томъ, чтобы взять у крестьянина послѣднее въ подать и этимъ выслуживаться, не принимая въ разсчетъ, что послѣ крестьянинъ безъ всего останется, или вовсе куда нибудь убѣжитъ“[1]). Генералъ-прокуроръ Ягужинскій въ запискѣ, поданной государынѣ о мѣрахъ облегченія крестьянъ говорилъ, что „крестьяне отъ тяжести податей и отъ неурожаевъ не токмо лошадей и скотъ, но и сѣмянной хлѣбъ распродавать принуждены и сами терпятъ голодъ..., и множество (ихъ) бѣжитъ за рубежъ и въ Башкиры, чему и заставы не помогаютъ“[2]). Сенатъ, разсуждая по поводу этой записки, находилъ, что въ предупрежденіе побѣговъ не только нужно выбрать въ каждой мѣстности сотниковъ, пятидесятниковъ, десятниковъ, но, кромѣ того, слѣдуетъ перепоручить крестьянъ круговою порукою. Это будетъ крѣпче карауловъ, потому что тогда крестьяне принуждены будутъ сами себя караулить: „нельзя тому статься, чтобы крестьяне другъ о другѣ не узнавали, ибо кто захочетъ бѣжать, то предъ побѣгомъ спроваживаетъ въ способныя къ побѣгу мѣста скотъ и пожитки, а иные предъ побѣгомъ все продаютъ“[3]).

Минуемъ цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же свидѣтельствъ о крестьянскихъ бѣгствахъ и ограничимся указаніемъ на то, что, по словамъ Болтина, отъ мучительствъ Бирона убѣжало за границу 250000 крестьянскихъ душъ[4]).

А вообще всѣхъ неизвѣстно куда бѣжавшихъ крестьянъ, въ теченіе только девяти лѣтъ, отъ 1727 по 1736 г., исторія указываетъ въ цифрѣ около 400000 чел.[5]).

Сколько за время царствованій Екатерины I, Петра II и

[1]) Соловьевъ, XVIII, стр. 294.
[2]) Тамъ-же, стр. 280.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Щаповъ. Раскол. старобряд., стр. 490.
[5]) Щебальскій. Чтеніе изъ Русской исторіи. Вып. IV, стр. 125. 1874. Москва.

Анны Ивановны убѣжало крестьянъ чрезъ Башкирію и Уральскій хребетъ въ Сибирь—это въ точности, конечно, неизвѣстно. Но что бѣжало много, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Татищевъ, побывавшій въ Демидовскихъ заводахъ въ 1733 г., нашелъ тамъ 3000 бѣглыхъ раскольниковъ, жившихъ и работавшихъ на заводахъ въявь. Татищевъ долженъ былъ ихъ переписать. Прикащикъ Демидова захотѣлъ отклонить его отъ этого дѣла и принесъ ему взятку въ 2000 руб., отвергнутую честнымъ генераломъ съ презрѣніемъ[1]). Но и сами бѣглецы—раскольники не постѣснились заявить Татищеву, что если онъ не оставитъ своего намѣренія относительно ихъ переписи, они уѣдутъ въ Сибирь дальше. Привелось исполнить дѣло переписи со всевозможною для бѣглыхъ мягкостію и таковою же въ отношеніи къ нимъ осторожностію.

Познакомимся ближе съ образчиками бѣглецовъ, пришедшихъ въ нашъ Томскій край до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны.

1) Иларіонъ Абросовъ—пришелъ съ отцомъ изъ Архангелогородской губерніи, предварительно поживши съ нимъ нѣсколько лѣтъ у Демидова на Невьянскомъ заводѣ. Явившись въ глубь Сибири съ Урала, они остановились и обосновались въ деревнѣ Усть-Чумышѣ.

2) Зотѣй Бородухинъ и Ив. Плотниковъ изъ Архангелогородской же губерніи. Пришли въ Сибирь въ концѣ царствованія Петра I.

3) Петръ Красильниковъ—пришелъ изъ Россіи съ отцомъ, братомъ и женой къ р. Оби въ районъ Малышевской слободы и поселились здѣсь сначала на пустомъ мѣстѣ, а затѣмъ перешли въ дер. Усть-Чарышъ.

4) Алексѣй Исаковъ—отъ матери слышалъ, что съ отцомъ пришелъ изъ Устюга къ р. Оби, въ Бердскій острогъ.

[1]) Соловьевъ. XX, стр. 203.

© ЭТНОС

5) Василій Степановъ—родомъ изъ Устюга же. Въ Сибирь пришелъ съ отцомъ. Сначала скитался „межъ дворовъ“ въ Томскомъ вѣдомствѣ, затѣмъ ушелъ въ Барнаульскую степь на одиночное жительство.

6) Алексѣй Овчинниковъ изъ Нижегородской губерніи, Керженской волости. Свезенъ былъ оттуда матерію за скудостію хлѣба въ 1714 г. въ деревню Чарышскую.

7) Егоръ Корелъ—изъ Олонца деревни Суждальской. Ушелъ съ родины въ 1729 г. Пришедъ въ Сибирь, долгое время бродилъ по разнымъ деревнямъ около Оби и, наконецъ, основался въ дер. Тугозвоновой.

8) Василій Казанцевъ, Даніилъ Богдановъ, Ѳома Колотиловъ изъ Казанской губерніи—пришли къ г. Кузнецку до первой ревизіи, т. е. до 1721 года.

9) Сидоръ Антипинъ и Ив. Вагинъ изъ Московской губерніи. Изъ нихъ послѣдній ушелъ съ отцомъ „до ревизіи Солнцева“ и, поселившись Малышевской слободы въ дер. Сопляковой, завелъ здѣсь свой домъ.

10) Василій Пискуновъ съ товарищами изъ Нижегородской губерніи Арзамазскаго уѣзда.

11) Игнатій Брутовъ—отъ матери слышалъ, что пришелъ съ отцомъ „изъ россійскихъ городовъ“ еще до переписи Солнцева и поселился въ районѣ Бѣлоярской слободы.

12) Прохоръ Низовскихъ изъ Устюга. Явился въ Сибирь будто-бы съ паспортомъ, но паспортъ на дорогѣ сгорѣлъ.

13) Василій Орловъ изъ Московской губ. изъ города Суздаля, деревни Пущенской. Вышелъ въ Сибирь въ 1738 г. и поселился около дер. Артамоновой Бердскаго острога.

14) Кузьма Гуляевъ съ племянникомъ Антономъ Никифоровымъ—мордовскаго рода. Ушли съ родины въ 1738 г. и поселились около Чаусскаго острога.

Мы перечислили только единичные примѣры россійскихъ бѣглецовъ въ Томскій край, взявши эти примѣры наудачу

изъ длинныхъ перечневыхъ списковъ, найденныхъ нами въ бумагахъ Барнаульскаго горнаго архива[1]). Да и въ эти длинные списки занесены только тѣ изъ бѣжавшихъ, которые не записались во II ревизію. Слѣдовательно, всѣ изъ бѣглецовъ, захотѣвшихъ послѣ многообразныхъ блужданій, жить открыто, на легальныхъ основаніяхъ, и ко II ревизіи явившихся, въ указанные перечни попасть не могли.

Предъ нами довольно длинные же списки бѣглецовъ изъ Тобольской области и изъ ея дистриктовъ: Тарскаго, Ялуторовскаго, Ишимскаго и др. Является самъ собою вопросъ: что заставляло этихъ людей мѣнять свои сибирскія мѣста въ пользу Томской стороны? Сами они указывали то на недородъ хлѣба, то на выпашку полей. Разумѣется, могли побуждать къ переселеніямъ и эти причины, заставлявшія крестьянъ искать болѣе хлѣбородныхъ и болѣе тучныхъ полей. Но думается намъ, что въ нерѣдкихъ случаяхъ и эти пришельцы принадлежали къ составу россійскихъ бѣглецовъ, передвигавшихся къ томскимъ предѣламъ постепенно чрезъ посредство непродолжительной осѣдлости въ болѣе западныхъ сибирскихъ частяхъ. Но если это были давніе сибиряки, то не забудемъ, что общія тягости крестьянской жизни въ эпоху Петра и его преемниковъ не могли миновать и Сибирскихъ старожиловъ. Отъ тягостей можно было укрываться только въ болѣе пустыхъ и болѣе глухихъ мѣстахъ, какихъ въ Томской странѣ было изобильно. Въ самомъ дѣлѣ, если тобольскіе пришельцы уходили съ своихъ мѣстъ къ дальней Оби и за нее только отъ хлѣбнаго недорода или выпашки полей, то почему уклонялись отъ записей въ ревизскія сказки?

Беремъ опять наудачу нѣсколько бѣглецовъ этого разряда.

1) Яковъ Угрюмовъ—изъ Тарскаго вѣдомства. Послѣ разныхъ блужданій поселился въ дер. Бѣлоярской слободы Бажевой, гдѣ и построилъ свой дворъ.

[1]) Архивъ Колывано-Воскресенскаго Горнаго начальства; столиц д. № 35.

© ГПИБ СОРАН

2) Ив. Аксеновъ—изъ Курганской слободы Тобольскаго вѣдомства, откуда самовольно ушелъ въ 1728 году. Сначала поселился въ деревнѣ Красный Яръ Чаусскаго острога, а затѣмъ перешелъ въ дер. Карманскую Бѣлоярской слободы.

3) Ефремъ Михайловъ—Ишимскаго дистрикта изъ дер. Гаевой. Около 1718 г. былъ взятъ въ рекруты и отправленъ въ Петербургъ, но съ дороги бѣжалъ. Спустя 8 лѣтъ послѣ бѣгства объявился въ Сибирской канцеляріи, изъ которой его отпустили домой. Но ушелъ и изъ дому—ушелъ за Обь и завелъ дворъ въ дер. Черкуновой Бѣлоярской слободы.

4) Тимофей Чепаринъ—изъ Аятской слободы. Ушелъ оттуда въ 1728 г. и ходилъ по разнымъ мѣстамъ, прежде чѣмъ пришелъ къ берегу Оби.

5) Кириллъ Койновъ—изъ Тобольскаго вѣдомства деревни Койновой. Ушелъ съ родины вмѣстѣ съ братомъ въ 1728 г. Жили сначала въ пустыхъ мѣстахъ, затѣмъ онъ, Кириллъ, поселился въ дер. Ордѣ Чаусскаго острога, а братъ домообзавелся въ другой деревнѣ, отъ него получившей свое названіе, т. е. въ дер. Койновой.

6) Михайло Тарасовъ—изъ Тюменскаго вѣдомства дер. Гилевой. Ушелъ оттуда въ 1738 г. въ дер. Курзу Чаусскаго острога, а отсюда перешелъ въ д. Зайцеву Бердскаго острога.

7) Ив. Ѳоминскій—изъ Камышловской слободы по р. Пышмѣ. Пришелъ въ Бердскій острогъ къ прежде вышедшему сюда родному дядѣ.

8) Амфилохіевъ—изъ Шадринскаго дистрикта. Пришелъ въ 1733 г. въ дер. Суету Чаусскаго острога, а отсюда перешелъ въ дер. Караканскую Кузнецкаго вѣдомства, гдѣ поставилъ свой дворъ и женился.

И т. дал., т. д.[1]).

[1]) Архивъ Колывано-Воскресен. горнаго начальства. Столпы дѣлъ по описи № 35 и безъ описи отъ 1749 г.

То обстоятельство, что въ перечнѣ, которымъ пользуемся, встрѣчается очень немало крестьянъ, убѣжавшихъ изъ Аятской, Абацкой слободъ (Тоб. вѣд.) и изъ подъ Тюмени, указываетъ, по нашему мнѣнію, ясно, что эти люди пришли въ Томскую область по расколу, такъ какъ изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что тѣ слободы были сильно населены раскольниками и въ началѣ XVIII в. расколъ преслѣдовался тамъ весьма жестоко. Очень часто затѣмъ упоминаются перебѣжчики изъ г. Тары и его округа. Изъ другого документа мы узнаемъ, что въ 1735 г. томскій воевода получилъ изъ Сибирской канцеляріи указъ о сыскѣ крестьянъ и разночинцевъ, самовольно ушедшихъ изъ Тары же и волостей Тарскаго вѣдомства. И сыщики во главѣ съ офицеромъ нашли немало тарскихъ семей, бѣжавшихъ въ 1722, 1724 и въ позднѣйшіе годы и поселившихся главнымъ образомъ въ деревняхъ Чаусскаго острога[1]). Усиленное бѣгство изъ Тары наводитъ на мысль, что въ данномъ случаѣ имѣло важное значеніе то большое розыскное дѣло о тарянахъ, которое вызвано было ихъ отказомъ присягнуть супругѣ императора Петра I Екатеринѣ, послѣ того, какъ Петръ короновалъ ее въ 1722 г. Извѣстно, что при этомъ страшномъ розыскѣ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ сопротивленія Бочаговъ съ нѣсколькими изъ сообщниковъ заперся въ домѣ и поджогъ подъ домомъ порохъ, чтобы взлетѣть на воздухъ. Поджогъ не удался и запершіеся были схвачены живыми. Но это обстоятельство только усилило строгость розыска, отъ котораго пострадало болѣе 1000 человѣкъ[2]). Всѣ эти страхи и строгости не могли не навести паники на тарскихъ жителей всякихъ чиновъ и не заставить ихъ брести врознь. Нѣкоторые изъ нихъ убѣжали въ раскольническую пустынь

[1]) Арх. Том. Алекс. монаст. Связка 3.

[2]) Соловцевъ. Истор. обозр. Сибири, I, 266. Соловьевъ. Истор. Россіи, XVIII, стр. 238. Изд. 1868.

ОТПЕЧАТОК

старца Сергія[3]), а нѣкоторые утекли дальше на востокъ, къ Кузнецку и Томску. Все изложенное подтверждаетъ высказанную нами догадку, что тоболичи и въ частности таряне уходили въ томскіе предѣлы преимущественно отъ тягостей, характеризующихъ время Петра и Іеол ближайшихъ преемниковъ.

Предпріимчивый владѣтель уральскихъ заводовъ Акинфій Демидовъ, прослышавъ въ концѣ царствованія Петра о богатыхъ залежахъ мѣдныхъ рудъ въ Алтайскихъ горахъ, отправилъ туда съ Урала для провѣрки слуха олонецкихъ стариковъ Матвія Кудрявцева, Леонтія и Андрея Кабановыхъ. Старики вернулись черезъ годъ и принесли Демидову образцы руды, добытой изъ древнихъ „чудскихъ“ копей Синей Сопки или Синюхи. Демидовъ не замедлилъ заявить о своей находкѣ оберъ-бергъ-амту Геннигу и въ началѣ 1727 г. получилъ дозволеніе разрабатывать алтайскія руды въ свою пользу. Построены были сначала одна печка на р. Локтевкѣ, а затѣмъ заводъ на рч. Бѣлой, названный Колывано-Воскресенскимъ. Оказалось, что изъ Алтайскихъ горъ можно было извлекать не только мѣдь, но и серебро и даже золото. Тѣмъ усиленнѣе пошла горно-алтайская дѣятельность энергичнаго Демидова. Въ 1735 г. Колыванскій заводъ взятъ былъ въ казну, а въ 1739 г. снова возвращенъ прежнему владѣльцу, построившему, кромѣ Колыванскаго, еще заводы: Барнаульскій въ 1739 г. и Шульбинскій на р. Шульбѣ въ 1744 г. Но съ 1747 года заводы снова были изъяты изъ частной собственности и перешли въ собственность Кабинета Ея Величества, при чемъ назначенный для управленія ими бригадиръ Бееръ долженъ былъ тщательно описать и оцѣнить ихъ, чтобы изъ казны уплатить „что должно“ наслѣдникамъ Демидова[1]).

[3]) Памятники Сибир. истор., II, № 110.—О старцѣ Сергіи здѣсь говорится, что въ свою пустынь онъ принималъ «приходящихъ изъ разныхъ мѣстъ, а наипаче тарскихъ обывателей, которые, не похотя быть *у присяги*, бѣжали къ нему».

Съ открытіемъ мѣдныхъ рудъ въ нѣдрахъ Синей Сопки, повлекшемъ къ устройству на Алтаѣ горныхъ заводовъ, въ дѣлѣ колонизаціи Томскаго или, точнѣе, Томско-Барнаульскаго края явились новые стимулы, которые, перемѣшиваясь съ вольно-народными, принимаютъ принудительный характеръ.

Для добычи рудъ и очень сложнаго дѣла ихъ обработки, понятно, требовалось много рабочихъ рукъ. И вотъ еще Демидовъ то и дѣло отправляетъ изъ Невьянска на Алтай цѣлыя партіи рабочихъ съ своими прикащиками. То опять-таки были бѣглые, которыхъ у Демидова на Уралѣ состоялъ огромный запасъ. По отрывочнымъ документамъ, бывшимъ подъ нашими руками, мы могли бы перечислить многихъ крестьянъ, заявившихъ переписчикамъ II ревизіи, что они изъ бѣглыхъ, пришли въ Сибирь въ числѣ Демидовскихъ рабочихъ и, уклоняясь отъ заводскихъ работъ, убѣжали и здѣсь, въ Сибири, то отъ Колыванскаго, то отъ Барнаульскаго завода для того, чтобы пристать для жительства къ вольнымъ деревнямъ. Кромѣ указаній на этотъ счетъ, разбросанныхъ тамъ и здѣсь, мы видѣли въ архивѣ большое дѣло съ перечнемъ Демидовскихъ переведенцевъ на Алтай, прибывшихъ сюда въ 1744 г. Всѣ переведенцы были изъ россійскихъ бѣглецовъ, ушедшихъ въ промежутокъ отъ 1725 по 1735 г. кто изъ Архангелогородской, кто изъ Московской, кто изъ Казанской и Нижегородской губ., кто изъ Устюжскаго и Вятскаго края[2]). Когда заводы были взяты на имя государыни Елизаветы Петровны, къ нимъ для работъ были приписаны всѣ крестьяне Бѣлоярской, Малышевской слободъ, Бикатунской крѣ-

[1]) Извлекаемъ эти свѣдѣнія изъ рукописной, разнообразнаго содержанія, тетради, принадлежавшей извѣстному знатоку Алтая, нынѣ умершему чиновнику Алтайскаго вѣдомства Ст. Ив. Гуляеву. Сн. Краткій историч. очеркъ Алтайскаго округа. СПБ. 1897 г. и Полн. собран. закон. VII, № 9403.

[2]) Арх. Колывано-Воскр. гор. начальства, въ столѣ дѣлъ № 35.

пости и Бердскаго острога[1]). „А понеже извѣстно, писала государыня въ именномъ указѣ Беeру, что при оныхъ заводахъ мѣста къ поселенію людей довольныя и всѣмъ потребнымъ къ житію человѣческому изобильныя, и для того по рѣкамъ, близъ оныхъ заводовъ текущимъ, селить *пришлыхъ* въ Сибирь, кои явились по нынѣшней генаралитетской переписи и оные пришлые люди, чьи бы они ни были, должны зарабатывать на заводахъ первое подати государственныя по 70 к., другое подати помѣщикамъ по 40 к.“ (въ годъ)[2]). Такимъ образ., кромѣ причисленныхъ къ заводамъ сибирскихъ крестьянъ, къ нимъ, заводамъ, нужно было приписывать людей пришлыхъ самовольно въ Сибирь, или иначе—людей бѣглыхъ. И вотъ начинаются облавы на бѣглыхъ на протяженіи отъ самаго Урала до Иркутска. А бѣглыхъ въ Сибири и теперь было достаточно, такъ какъ разныя тяготы, угнетавшія крестьянскую жизнь тамъ, въ центральной Россіи, не исчезали.

Правда, въ царствованіе Елизаветы Петровны крестьянскія подати были облегчены, но за то распространенный въ отечествѣ расколъ преслѣдовался гораздо сильнѣе, чѣмъ было это при Петрѣ I и даже при Аннѣ Ивановнѣ. Въ продолженіи 40 и 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія для раскола какъ-бы вернулось то огнепальное время, какимъ въ его исторіи былъ ознаменованъ конецъ XVII вѣка. Въ виду преслѣдованій „старовѣрцы“ горѣли тамъ и здѣсь. Горѣли одни наиболѣе фанатичные, другіе бѣжали для укрывательства отъ властей—бѣжали по тѣмъ путямъ, которые уже давно были протоптаны русскимъ лаптемъ и изъ которыхъ одинъ велъ на востокъ—въ Сибирь, въ ея необозримыя степи, въ ея неоглядныя, угрюмыя и глухія черни или тайги. Помимо утѣсненій, какія испытывали раскольники, существовали и другія болѣе общія

[1]) Впрочемъ, приписные крестьяне въ количествѣ 400 дворовъ были у Алтайскихъ заводовъ и за время, когда ими владѣлъ еще Демидовъ. Сибирские крестьяне были причислены къ Демидову въ 1740 и 1742 гг.

[2]) Пол. соб. зак. XII, № 9403.

горести. Извѣстно, что царствованія Елизаветы Петровны и Екатерины II были временемъ наиболѣе полнаго развитія крѣпостного права съ его жестокостями, съ его подавленіемъ не только гражданской, но пожалуй и человѣческой личности того, кто въ мозолистыхъ своихъ рукахъ держалъ соху—эту опору благосостоянія Россіи, нашу матушку—

„Неизмѣнную кормилицу,
Вѣковѣчную работницу“.

При Петрѣ I можно было укрыться отъ крѣпостной зависимости самовольнымъ уходомъ въ военную службу. Тяжела была послѣдняя, но при всей ея тягости крестьянинъ въ нерѣдкихъ случаяхъ готовъ былъ предпочесть ее крѣпостной неволѣ. Въ царствованіе Елизаветы крестьянину законнымъ образомъ уйти отъ помѣщика было уже некуда. Крѣпостные, самовольно уходившіе въ солдаты, были наказываемы кнутомъ. Какъ тяжко русскій крестьянинъ чувствовалъ на себѣ гнетъ состоянія въ крѣпостныхъ условіяхъ доказывается крестьянскими возстаніями противъ крѣпостныхъ владѣльцевъ. Возстаніями переполнено царствованіе Елизаветы,—они постоянно повторялись и при Екатеринѣ, выразившись, наконецъ, въ томъ огромномъ больномъ нарывѣ на историческомъ организмѣ русскаго государства, который извѣстенъ подъ именемъ Пугачевщины. Въ началѣ царствованія Екатерины II Петръ Ив. Панинъ подалъ государынѣ свое мнѣніе о мѣрахъ пресѣченія крестьянскаго бѣгства, при чемъ указалъ слѣдующія причины этого, удручавшаго государство, явленія: 1) „строгость какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго начальства къ раскольникамъ: 2) привычка помѣщиковъ продавать крѣпостныхъ отдѣльно отъ ихъ семей, а также продавать въ рекруты за чужія деревни безъ всякаго вниманія къ огорченію и разоренію оставшихся семействъ; 3) чрезмѣрно-дурное содержаніе рекрутъ, 4) ничѣмъ вообще неограниченная власть помѣщиковъ надъ крестьянами, при чемъ неумѣренная роскошь заставляетъ первыхъ

брать съ послѣднихъ подати и употреблять въ работы не только тяжкія, но и превосходящія силы человѣческія и т. д.[1]). Дворяне—депутаты извѣстной Екатерининской комиссіи сильно печаловались, что постоянныя бѣгства крестьянъ наносятъ благосостоянію дворянства огромный ущербъ. Извѣстно, что въ первые годы своего правленія Екатерина II заговорила было объ освобожденіи крѣпостныхъ или, по крайней мѣрѣ, какъ предлагала въ своемъ либеральномъ Наказѣ, объ облегченіи бремени въ положеніи послѣднихъ. А на дѣлѣ все кончилось тѣмъ, что крѣпостное право распространено было на Бѣлоруссію и Малороссію, гдѣ его прежде не существовало,—помѣщикъ получилъ власть ссылать по своему усмотрѣнію крестьянина въ Сибирь и крестьяне лишены были возможности жаловаться на притѣсненія и жестокости своихъ господъ безъ опасенія за такую продерзость подвергнуться битью кнутомъ и идти затѣмъ на поселеніе[2]).

Какъ при Елизаветѣ и Екатеринѣ было много бѣжавшихъ въ Сибирь краснорѣчиво доказывается тѣмъ, что на однихъ уральскихъ заводахъ бѣглыхъ насчитывали десятки тысячъ душъ[3]). Что касается въ частности Томскаго края, то, по архивнымъ матеріаламъ, бѣглые намъ встрѣчаются здѣсь чаще всего единичными личностями и семьями. Мы, однако, ограничимся сообщеніемъ указаній только на бѣглецевъ группами. Вотъ ѣдутъ въ Томскую Сибирь крестьяне Ставалдины съ товарищами. Всѣхъ ихъ на пути хотѣли было задержать, но бѣглецы успѣли укрыться, оставивъ въ рукахъ поимщиковъ одну женщину[1]). Вотъ еще 13 бѣглыхъ семей, найденныхъ въ 1745 г. въ деревняхъ Ординской, Малой Кривощековой и Ярской[2]). Вотъ еще нѣсколько монастырскихъ крестьянъ, пришедшихъ къ Томску безъ паспортовъ съ Урала, и 30 семей, поселившихся по р. Кыргизинской въ Чаусскомъ стану и т. д.[3]). Попрежнему являлись бѣглецы и изъ Тары, скрывавшіеся, несомнѣнно, отъ преслѣдованія по расколу. Въ 1749 г. изъ Тарскаго района вышло самовольно 100 семей, найденныхъ затѣмъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Кузнецкаго уѣзда[4]).

Какъ сказано, „пришлыхъ“ въ то время приписывали къ заводамъ и селили на заводскихъ земляхъ. И въ Барнаульскомъ горномъ архивѣ тянутся цѣлые ряды дѣлъ о пришлыхъ, взятыхъ то въ Иркутскѣ или около него, то присланныхъ подъ конвоемъ изъ Тобольска, то изъ Томска или Кузнецка и т. д.[5])

Съ конца царствованія Елизаветы Петровны количество селъ и деревень, причисленныхъ къ Колывано-Воскресенскому горному вѣдомству, увеличилось. Съ 12 янв. 1761 г. были прикрѣплены къ заводамъ всѣ крестьяне, жившіе въ Томскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ, не исключая и крестьянъ, которые имѣли осѣдлость въ самыхъ Томскѣ и Куз-

[1]) Соловьевъ. Истор. Россіи, XXV, стр. 145 и г. по изд. товар. „Общ. Польза“.

[2]) Въ 1767 г. 22 августа состоялось такое распоряженіе: „которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся и въ противность 2 уложенной главы 13 пункта недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче Ея Императорскому Величеству въ собственныя руки подавать отважатся,—то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ наказаны будутъ кнутомъ и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты“.—Правиковъ. Памятникъ изъ законовъ, ч. I, стр. 137. Москва. 1806. Ср. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVII, гл. 1, стр. 333—334 по изданію товарищ. „Общ. Польза“.

[3]) Въ 1747 г. бѣглыхъ было найдено на Уралѣ 16391 д. Соловьевъ, XXII, гл. II, стр. 398. То-же изд.

[1]) Арх. Том. Д. Консисторіи. Указъ Тобольск. Консисторіи Том. Дух. Правленію отъ 11 мая 1752 г.

[2]) Промеморія ревизоровъ по II ревизіи въ Томскую воеводскую канцелярію. Монаст. арх., св. 4.

[3]) Арх. Том. Ал. монаст., св. 4.

[4]) Арх. Колыв.-Воскр. гор. нач. въ столпѣ д. № 79.

[5]) См. огромный списокъ пришлыхъ приписанныхъ къ заводамъ въ арх. Колыв. Воскр. гор. начал., столпъ дѣлъ № 85 сн. столпы: № 30 79, 110, 172. Между прочимъ въ 1748 г. велѣно было выслать къ Алтайскимъ заводамъ нѣкоторыхъ изъ пришлыхъ, проживавшихъ въ Невьянской Демидовской богадѣльнѣ. Нарочно посланному въ Невьянскъ сержанту приказано было захватить изъ богадѣльни 53 чел., оказавшихся годными къ работѣ. Арх. К.-Воскр. г. н., столпъ д. № 30. По сообщенію Гуляева, въ концѣ 1740—хъ годовъ пришлыхъ было приписано къ заводамъ всего 2216 душъ. Тетрадь Гуляева въ рукописи.—1 янв. 1759 г. Колыв. Воскр. Канц. писала бригадиру Фрауендорфу, что въ скоромъ времени ожидаетъ присылки для заселенія заводскихъ земель 400 «пришлыхъ» семей. Чт. общ. ист. и др. Россіи. 1867 г. Кн. 2. стр. 261.

нецкѣ и которые во многихъ случаяхъ происходили отъ бывшихъ служилыхъ людей и сибирскихъ дѣтей—боярскихъ. Количество рабочихъ силъ при заводахъ увеличилось, но бѣглыхъ присылать въ заводское вѣдомство все-таки не переставали. Случалось, что въ числѣ бѣглыхъ приписывали къ заводамъ и такихъ лицъ, которыя приписки по законамъ не подлежали. Между другими пришлыми, высланными изъ Тобольска въ 1749 г., находился нѣкто Ив. Коплинъ, прибывшій въ Сибирь изъ Тотьмы изъ тамошнихъ посадскихъ людей. Его причислили къ заводамъ, но отецъ запротестовалъ, указывая, что сынъ отправился въ Сибирь, не какъ праздношатающійся, а „для купечества“, что при II ревизіи въ окладъ онъ положенъ и нынѣ насильственно взятъ въ Колывано-Воскресенское вѣдомство только потому, что паспортъ оказался у него просроченнымъ. Не смотря на это заявленіе, Колывано-Воскресенская канцелярія протесту не вняла и Коплина отпустить не захотѣла[1]). Въ томъ же 1749 г. Томскій воевода прислалъ къ заводамъ 48 человѣкъ, пришедшихъ въ Сибирь на заработки съ паспортами. На этотъ разъ канцелярія смиловалась, присланныхъ отпустила назадъ, поставивъ усердному воеводѣ на видъ, что въ данномъ случаѣ онъ поступилъ „неосмотрительно“[2]).

Но исчерпаемъ по возможности полнѣе обзоръ колонизаціи края за XVIII в. при посредствѣ бѣглыхъ.

Императрица Екатерина II, ослабивъ строгость гражданскихъ постановленій противъ раскола, между прочимъ задалась цѣлью вернуть изъ заграницы раскольниковъ, бѣжавшихъ туда въ прежніе годы, при чемъ прощала всѣ ихъ вины и указала имъ мѣста для поселенія, съ освобожденіемъ на 6 лѣтъ отъ всякихъ податей, въ нынѣшнихъ Астраханской, Саратовской, Оренбургской и Самарской губерніяхъ, но

[1]) Арх. Колыв. Воскр. гор. начальства, въ столпѣ д. № 94.
[2]) Арх. К. Воскр. гор. нач., въ столпѣ д. № 30, листъ 170.

болѣе всего въ Сибири близъ Тобольска, въ Барабинской степи и въ вѣдомствѣ Усть-Каменогорска. Хлынули волной раскольники изъ-за рубежа въ давно покинутое отечество, но, однако, не всѣ. Жители Польской Вѣтки и раскольническихъ слободъ около нея изъ-за рубежа выходить не хотѣли и, мало того, стали очень громко заявлять себя частыми разбоями какъ въ самой Польшѣ, такъ и въ сопредѣльныхъ россійскихъ мѣстахъ. Упорство и буйства бѣглецовъ заставили императрицу послать туда генералъ-майора Маслова съ войскомъ. Масловъ разорилъ Вѣтку и вывелъ оттуда до 20000 раскольниковъ, которые и были затѣмъ препровождены на поселеніе въ Сибирь. Немало ихъ было поселено въ Барабинской степи, но особенно много въ Алтайскихъ горахъ по рр. Убѣ, Ульбѣ, Глубокой и прочимъ притокамъ Иртыша съ правой стороны. Это были прадѣды тѣхъ раскольниковъ, которые нынѣ составляютъ самое зажиточное населеніе въ Бійскомъ и Змѣиногорскомъ округахъ и которые извѣстны тамъ подъ страннымъ именемъ „поляковъ“ (выходцы изъ Польши)[1]).

При Колывано-Воскресенскихъ заводахъ, въ царствованіе Екатерины II значительно умножившихся въ числѣ[2]), состоялъ всегда огромный штатъ рабочихъ: мастеровыхъ, рудокоповъ, угольщиковъ, плавильщиковъ и проч., которые несли чрезвычайно обременительный и изнурительный трудъ. Рабочіе набирались изъ крестьянъ всѣхъ селеній, причисленныхъ къ заводамъ и отбывали заводскій трудъ, какъ воин-

[1]) Варадиновъ. Исторія Мин. Вн. Дѣлъ. Кн. VIII, стр. 31; см. Мельниковъ. Истор. очерки поповщины, стр. 255.
[2]) Въ 1764 г. былъ построенъ *Павловскій* заводъ на р. Космалѣ (притокъ Оби), въ 1765 г. *Сузунскій* мѣдно-плавильный (гдѣ чеканилась мѣдная сибирская монета), въ 1771 г. *Желѣзо-Томскій* на Томь-Чемушѣ. въ 1775 г. *Алейскій*, 1782–1783 г. серебро-плавильный *Локтевскій* и въ 1795 г. *Гавриловскій*. Кромѣ заводовъ, много рабочихъ требовалось на рудники: *Змѣевскій* (Змѣиногорскій), *Богоявленскій*, *Бутырскій*, *Гальцовскій*, *Шеманаихинскій*, *Таловскій*, *Золотушинскій*, *Семеновскій*, *Салаирскій* (открытъ съ 1881 г.), *Риддерскій* (открытъ съ 1784 г.), *Петровскій* и *Литовскій* (съ 1787 г.), *Зыряновскій* (открытъ съ 1791 г.) и др.– Краткій истор. очеркъ Алт. округа, стр. 15–17.

скую повинность. Кромѣ того, для исполненія многочисленныхъ заводскихъ порученій, наприм., рубки лѣса, приготовленія дровъ или угля, вывозки этого матеріала къ заводамъ, перевозки къ заводамъ руды назначались и сами крестьяне по очереди или цѣлыми деревнями, или отдѣльными семьями изъ деревень. Работы были тяжелыя, а для „бергаловъ“—такъ назывались постоянные рабочіе—каторжныя въ точномъ смыслѣ этого слова[1]). За неисправности въ работахъ, за провинности рабочихъ наказанія царили жестокія. Кнута, плетей, кошекъ и том. подоб. прелестей горные начальники, въ большинствѣ иностранцы, для русской спины не жалѣли. Поэтому естественно, что въ обширномъ вѣдомствѣ „Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства“ въ свою очередь происходили безпрестанныя бѣгства. Какъ и слѣдуетъ ожидать, бѣгали преимущественно „бергалы“, но случалось, что по ихъ слѣдамъ и заводскіе крестьяне, особенно изъ недавнихъ приписныхъ—пришлыхъ. Бѣгали въ разныя стороны, но самымъ уютнымъ мѣстомъ для укрывательства бѣглецы считали тотъ уголъ юго-восточнаго Алтая, который извѣстенъ подъ именемъ Бухтарминскаго края. Изборожденный огромными горами, среди которыхъ высятся такіе гиганты, какъ Катунскіе бѣлки, Холзунъ, сама величавая Бѣлуха, испещренный неисчислимыми пропастями и ущельями, этотъ малодоступный край доставлялъ такія удобства для бѣглаго человѣка въ смыслѣ искомой имъ безопасности и въ отношеніи добычи жизненныхъ

[1]) Огромныя трудности заводскихъ работъ очень ярко изображены въ Краткомъ очеркѣ Алтайск. окр., стр. 13—14 примѣч. Чтобы избавиться отъ непосильныхъ работъ, мастеровые нерѣдко ложно возводили на себя тяжкія преступленія, и нерѣдко-же рѣшались на самоубійство. Какъ страшны были наказанія практиковавшіяся въ Колыванскомъ вѣдомствѣ,—страшны не только для мастеровыхъ, но и для заводскихъ крестьянъ, показываетъ такой, напр., случай. Въ 1834 г. крестьянинъ дер. Жеравлихи Чумышской вол. Спиридонъ Новоселовъ, только-лишь вернувшійся домой съ очередныхъ работъ на Змѣиногорскомъ рудникѣ, нанесъ себѣ тяжелую рану ножемъ въ пахъ. При дознаніи Новоселовъ показалъ, что хотѣлъ лишить себя жизни изъ за того, что жители Жеравлихи возвели на него обвиненіе въ покражѣ 6 лошадей и потому убоялся, что „его будетъ тѣснить начальство“. Арх. Колыв. Воскр. связка дѣлъ подъ заглав.: „Частныя происшествія“ за 1834—5 г.

средствъ—какихъ не могла дать дремучая тайга. Бѣжать въ горы Бухтарминскаго Алтая—это, по выраженію томскихъ крестьянъ, значило уйти „въ Камень“. Отсюда бухтарминскіе бѣглецы носили названіе „каменьщиковъ“. Въ 1748 г. бѣжали „въ Камень“ шмельцеры Битковъ и Плотниковъ. Но прежде чѣмъ успѣли удалиться въ глубь „Камня“, они были пойманы. На распросахъ, подъ кнутомъ, бѣглецы разсказали, что ушли въ бѣга для того, чтобы „жить въ легкости“ и что съ ними на р. Убѣ были и другіе товарищи, ушедшіе дальше въ горы съ тѣмъ, „чтобы ихъ никто и никогда не могъ отыскать“[1]). Въ другихъ случаяхъ бергалы уходили къ Бухтармѣ цѣлыми толпами. Въ 1764 г. сюда сразу ушло 25 человѣкъ изъ рабочихъ Зміевскаго рудника. Кромѣ бергаловъ и заводскихъ крестьянъ, сюда же за Камень, текли преступники съ каторги и особенно часто раскольники, искавшіе того загадочнаго Бѣловодья, гдѣ будто бы во всемъ сіяніи царитъ красота древняго благочестія. Имѣется указаніе, что на это мѣсто впервые зашли именно раскольническіе старцы, забредшіе сюда чуть-ли не во времена Петра В.[2]). Словомъ, здѣсь постепенно накопилось населеніе въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Оно завело хлѣбопашество, но главнымъ образомъ содержалось отъ звѣроловства и отъ рыбнаго промысла на р. Черномъ Иртышѣ и на оз. Зайсанъ. Звѣриныя шкуры горныхъ козловъ, мараловъ, бѣлки, выдры, соболя и бобра каменьщики сбывали китайцамъ, а иногда русскимъ изъ ближайшихъ къ нимъ пограничныхъ поселеній, куда иногда бѣглецы позволяли себѣ являться потаенно. Потаенно же они ѣз-

[1]) Арх. Колыв.-Воскр. гор. нач. столъ д. № 79.

[2]) Принтцъ. „Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Том. губерніи“, Зап. Рус. Географ. Общества т. I. 1867. Стр. 547. Въ 1773 г. въ Красноярскую земскую избу (на Иртышѣ) привели бѣглаго раскольника Гордѣя Еремѣева. Онъ показалъ, что пришелъ изъ Россіи въ Сибирь вмѣстѣ съ раскольниками—поляками, а затѣмъ скрылся въ Камень по р. Бухтармѣ, жилъ тамъ «съ прочими бѣглецы, питаясь рыбою и звѣрьемъ». Арх. Кол. Воск. Гор. Нач. столъ д. № 718.

дили за солью къ соляным озерамъ въ 50 верстахъ отъ Локтевскаго завода. Недоставало въ ихъ бѣглой средѣ женщинъ, и это вынуждало бѣглецовъ на рискованные подвиги похищенія женъ. „Сабинянокъ“ въ своемъ родѣ они доставали изъ тѣхъ же русскихъ пограничныхъ деревень, куда скрытно являлись для торга или мѣны добытыхъ звѣриных шкуръ. Въ цѣляхъ лучшаго укрывательства, каменьщики жили избушками, раскиданными врозь. Сходились или съѣзжались вмѣстѣ, какъ запорожцы на раду, только въ экстренныхъ случаяхъ для рѣшенія какихъ-либо общихъ дѣлъ, а также для суда и расправы. Буйствъ, воровства и убійствъ въ этой вольной компаніи было довольно. За тяжкія преступленія каменьщики наказывали виновныхъ, привязывая ихъ къ маленькому плоту и пуская послѣдній по чрезвычайно быстрой Бухтармѣ, а иногда преступника убивали тутъ-же, на мѣстѣ суда.

Разные непорядки въ жизни, раздоры между собою, а главное сознаніе, что нельзя же жить вѣчно своей одинокой, отъ всѣхъ отчужденной, партіей заставили каменьщиковъ чаще и чаще подумывать о явкѣ. Но кому явиться? Русскому начальству. Это было очень рисковано, потому что за бѣгство и преступленія, предшествовавшія бѣгству, можно было пострадать очень жестоко.

Сохранилось извѣстіе, что бѣглецы просили о принятіи ихъ въ Китайское подданство. Но Бохдыханъ отказалъ, не находя ничего лестнаго для Небесной имперіи въ подданствѣ русской буйной голытьбы. Да и сами каменьщики разочаровались въ задуманномъ намѣреніи, когда ихъ довѣренные, посланные для переговоровъ съ китайскими властями, вернувшись изъ Китайскаго города Хобдо, разсказали до какой степени часто совершались предъ ихъ глазами казни у Китайцевъ, казни мучительныя даже за ничтожныя преступленія. Между тѣмъ на Бухтармѣ былъ открытъ серебряный Зыряновскій рудникъ, и горное начальство принялось усиленно снаряжать отряды рабочихъ и мастеровъ на новое мѣсто своей горной дѣятельности. Каменьщики не могли болѣе оставаться въ безызвѣстности. Въ 1790 г. они объявились прибывшему въ Бухтарму чиновнику Пріѣзжеву, изъявляя, въ случаѣ, если имъ дано будетъ прощеніе, готовность на всякую услугу, какую бы ни потребовало отъ нихъ правительство. Дѣло пошло по инстанціямъ и дошло до Государыни. Указомъ, даннымъ на имя сибирскаго генералъ-губернатора Пиля, Екатерина обрадовала каменьщиковъ своимъ полнымъ прощеніемъ, подчинивъ ихъ наравнѣ съ алтайскими телеутами управленію инородческой управы, почему до 1882 г. они именовались страннымъ для русскихъ именемъ ясачныхъ инородцевъ[1]).

Ходатайствовали о прощеніи 250 мужчинъ и 67 женщ., но послѣ всѣхъ каменьщиковъ оказалось значительно большее число. Вышедъ изъ отдѣльныхъ избушекъ, каменьщики образовали деревни Сѣнную, Огневую, Александровку, Быкову, Бѣлую, Язовую и др.

Изъ мѣропріятій, направленныхъ въ продолженіе XVIII в. къ колонизаціи насъ занимающаго края вполнѣ легальнымъ элементомъ, намъ прежде всего извѣстно заселеніе военныхъ линій: Иртышской, Колыванской и Кузнецкой. Повелѣніемъ Петра В. въ 1714 г. изъ Тобольска снаряжена была экспедиція въ „Яркань“, или въ Восточный Туркестанъ, для отысканія мѣсторожденій золота по рр. Аму и Сыръ-Дарьямъ. Экспедиція, состоявшая подъ начальствомъ сначала подполковника Бухгольца, потомъ Ступина и гвардіи-майора Лихарева, до золота не добралась, но за то оказала ту услугу Сибири, что по Иртышу построила крѣпости Ямышевскую, Омскую, Желѣзинскую, Долонскую, Семипалатную, Убинскую, Усть-Каменогорскую (1715—

[1]) О каменьщикахъ см. указанную выше статью въ Зап. Рус. географ. общества, а также у Щеглова: Хронологич. перечень важнѣйш. данныхъ изъ истор. Сибири, стр. 324 и дал. и „Краткій истор. Алтайскаго округа“: стр. 10—11 примѣч.

© ГПИБ СО РАН

1720 г.). Это и составило линію Иртышскихъ крѣпостей, которая была чрезвычайно важна для обереженія сибирскаго населенія отъ набѣговъ калмыковъ и киргизъ. Колыванская линія была устроена въ 1759 г. и проходила отъ Иртыша вдоль р. Убы до впаденія въ нее рч. Шеманаихи. Далѣе чрезъ форпостъ Шеманаиху, д. Екатерининскую, Старо-Алейскую, Змѣиногорскій рудникъ, Колыванскій заводъ, Бѣлорѣцкій форпостъ она тянулась до дер. Моралихи. Третья военно-Кузнецкая линія, открытая въ 1760-хъ годахъ, шла отъ Устькаменогорска до Кузнецка чрезъ Телецкое озеро и Бійскую крѣпость[1]). Обѣ послѣднія линіи проведены были для обереженія южныхъ предѣловъ Томскаго края отъ вторженій не столько уже со стороны калмыковъ, сколько китайцевъ. Крѣпости и форпосты по всѣмъ линіямъ сначала были заселены исключительно солдатами изъ Тобольска, солдатами изъ ссыльныхъ[2]) и казаками изъ городовъ Томска, Нарыма и Сургута съ присоединеніемъ сюда нѣкоторой части казаковъ съ Дона и даже ссыльныхъ запорожцевъ[3]). Но правительство и мѣстныя власти заботились о заселеніи пустыхъ, прилегавшихъ къ крѣпостямъ, земель и болѣе надежнымъ, болѣе постояннымъ, крестьянскимъ элементомъ. Такъ, въ 1758 г., когда открытіе Колыванской линіи только еще проектировалось, Сибирская губернская канцелярія указомъ предписала Енисейской провинціальной канцеляріи

[1]) Въ 1771 г. въ составъ Кузнецкой линіи входили: поселокъ Ульбинскій, Бобровская защита, Сеитовскій редутъ, Верхъ-Убинская защита. Большерѣцкая, Плоская, Ключевскій маякъ, Верхъ-Бѣлорѣцкая защита, форпосты: Тигирецкій, Яровскій, Чарышскій, маякъ Сосновскій, шанцы Моральихъ рогъ, маякъ Слюденскій, форпостъ Антоновскій, маякъ Николаевскій, Терскіе шанцы, крѣпости: Ануйская, Катунская, Бійская, Бехтемірская, форпостъ Новиковскій, Курбѣевскій и гор. Кузнецкъ. — Князь Костровъ „г. Кузнецкъ“ (Историко-статистическій очеркъ). Отд. оттискъ изъ Томскихъ Губ. Вѣдом. за 1879 г.

[2]) См. арх. Колыв.-Воскр. Г. Нач. № 448. Въ 1773 г. были пойманы солдаты—дезертиры Тимофеевъ изъ Москвы и Ивановъ изъ Петербурга. По наказаніи ихъ отправили на Иртышскую линію. Арх. К.-Воск. Г. Нач. столиц. д. № 718.

[3]) Щегловъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ истор. Сибири. 1883, стр. 292.

опубликовать немедленно о вызовѣ желающихъ переселиться изъ Енисейской провинціи къ Бійской крѣпости крестьянъ, разночинцевъ и посадскихъ людей. Вызовъ былъ объявленъ и въ результатѣ оказалось, что въ 1759 изъ Енисейской провинціи пожелало перейти къ Бійску сначала 197 душъ муж. пола,[1]), а затѣмъ 178 душъ муж. пола и 128 женскаго[2]). Кромѣ крестьянъ изъ Енисейской провинціи, къ Бійску въ то же время явились на переселеніе пахари изъ другихъ сибирскихъ мѣстъ въ количествѣ 66 д. муж. пола и 37 женскаго[3]). При учрежденіи Кузнецкой линіи генералъ-маіоръ Веймарнъ и бригадиръ Фрауендорфъ сдѣлали въ Сенатъ представленіе о необходимости переселенія къ Усть-Каменогорску и на земли по рѣкамъ Удѣ, Ульбѣ, Березовкѣ и Глубокой, по крайней мѣрѣ, 2000 „настоящихъ работниковъ“, хотя бы насильственнымъ нарядомъ изъ крестьянъ Тобольской провинціи. Переселенія насильственнымъ путемъ Сенатъ не одобрилъ и предписалъ ограничиться переведеніемъ тѣхъ только, „кои сами того пожелаютъ“ съ трехъ-лѣтней льготой отъ всякихъ податей и повинностей[4]).

Въ 1760 г. добровольно захотѣли переѣхать на тѣ рѣки пашенныхъ крестьянъ изъ Тобольскихъ дистриктовъ 211 душъ мужского и 150 д. женскаго пола[5]). И кромѣ того, въ этомъ и слѣдующихъ 1761 и 1762 гг. изъ Тобольскихъ же уѣздовъ много шло сюда крестьянъ отдѣльными семьями[6]). Нѣтъ сомнѣнія, что случаи добровольныхъ крестьянскихъ переселеній какъ къ Бійску, такъ и къ Устькаменогорску бывали не разъ и потомъ, но вполнѣ основательное опасеніе на счетъ возможнаго закрѣпощенія въ

[1]) Чт. общ. истор. и древ. Россіи. Матеріалы для истор. Сибири 1867. кн. 2. Стр. 259, 260.

[2]) Тамъ-же, стр. 266.

[3]) Тамъ-же, стр. 262, 263.

[4]) П. Соб. Зак. т. XV, № 14124.

[5]) Чт. общ. истор. и древ. Россіи. Матер. для исторіи Сиб. 1867. Кн. 2, стр. 263—265.

[6]) Тамъ-же, стр. 265.

СПбГУ

пользу Колыванскихъ заводовъ все-таки должно было сильно тормозить свободное движеніе въ эти благодатныя под-алтайскія мѣстности крестьянскихъ семей изъ разныхъ др. частей сибирской страны. Насильственное переведеніе сюда раскольниковъ съ Вѣтки мы уже видѣли.

Въ 1773 г. изъ Сената послѣдовалъ запросъ коллегіи Экономіи: сколько въ Московской провинціи такихъ селъ и деревень, крестьяне которыхъ имѣютъ недостатокъ въ землѣ и сколько изъ такихъ малоземельныхъ крестьянъ можно было-бы выселить въ другія мѣста? Коллегія Экономіи отвѣтила, что по одному Московскому уѣзду крестьянъ съ малыми надѣлами найдется „очень довольное число". Сенатъ опредѣлилъ высылать таковыхъ въ Сибирь для заселенія „нужныхъ сибирскихъ мѣстностей"[1]). Но намъ неизвѣстно, было-ли это опредѣленіе приведено въ исполненіе и если было, то попало-ли сколько нибудь подмосковныхъ экономическихъ крестьянъ на поселеніе въ нашъ Томскій край?

Гораздо болѣе опредѣленными свѣдѣніями мы располагаемъ относительно заселенія принадлежащей Томскому краю Барабинской степи. Обширная степь до половины XVIII вѣка, за исключеніемъ рѣдкихъ инородческихъ поселеній и трехъ русскихъ военныхъ пунктовъ, представляла пустопорожнее мѣсто. Между тѣмъ населеніе здѣсь было нужно и для развитія земледѣлія, и для того, что продолжить по Барабѣ устройство большого сухопутнаго Сибирскаго тракта, доведеннаго къ 1750-мъ годамъ только до Тары, и, наконецъ, для ямской гоньбы по этому тракту отъ Тары до Томска. Въ 1755 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ выхлопоталъ разрѣшеніе на переведеніе сюда ямщиковъ изъ старинныхъ сѣверныхъ сибирскихъ ямскихъ селеній Демьянка и Самарова (по самому низовью р. Иртыша). Вскорѣ ямщичье населеніе на Барабѣ

[1]) Соловьевъ. Истор. Рос. XXIX, тл. II. По изданію товарищества Общ. Пользы кн. 6, стр. 1023.

значительно умножилось. Въ 1761 г., по представленію начальника колыванскихъ заводовъ полковника Порошина, сюда изъ Демьянска-же и Самарова было переведено еще 1559 человѣкъ, такъ что названныя ямскія селенія опустѣли почти совершенно[1]). Какъ упомянуто выше, въ началѣ царствованія Екатерины II въ Барабу прибыла часть раскольниковъ, выведенныхъ изъ Польши. А губернаторъ Чичеринъ, кромѣ того, усиленно причислялъ къ составу барабинскихъ ямщиковъ и крестьянъ еще „посельщиковъ", т. е. людей сосланныхъ изъ Россіи. Въ общемъ при Чичеринѣ степь оживалась населеніемъ, которое, исполнивъ трудное дѣло проведенія тракта по низменной, болотистой мѣстности, взялось и за земледѣліе[2]).

Большую дорогу отъ Томска по направленію къ Иркутску тотъ же Чичеринъ старался заселять крестьянами изъ разныхъ сибирскихъ мѣстъ и въ особенности изъ Енисейской провинціи. Онъ присылалъ ихъ сюда взамѣнъ рекрутчины. Безъ ссыльныхъ не обошлось и въ этомъ восточномъ углу Том. края[3]).

Остается сказать о ссыльныхъ спеціально. Колодники идутъ изъ Россіи въ Сибирь во все продолженіе XVIII в. цѣлыми партіями и во многихъ случаяхъ останавливаются въ Тобольскѣ и въ Томскѣ для распредѣленія ихъ отсюда по селамъ и деревнямъ. Длинный рядъ ссыльныхъ, пришедшихъ къ Томску и осѣвшихъ въ немъ и около него, открывается, за XVIII в., партіею плѣнныхъ шведовъ, пришедшею сюда изъ

[1]) Село Самарово. Хрисанфа Лопарева. СПБ. 1896, стр. 28.

[2]) Въ 1764 г. Колывано-Воскрес. канцелярія свидѣтельствовала, что крестьяне, „переселенные по проэктамъ Сибир. губернаторовъ Мятлева и Соймонова въ Барабинскую степь для устройства дороги и гоньбы ямщиной, совершили трудное и изнурительное для нихъ дѣло и только теперь начинаютъ приниматься за пашню". Арх. К. В. Г. Н. столъ д. № 461. Но это трудное дѣло проложенія дороги продолжалось и при губернаторѣ Чичеринѣ. При Чичеринѣ отъ 1762 по 1780 г. были основаны и распространены слѣдующія по Барабѣ селенія: Мураши, Ново-Тутальское, Назарово, Карачинское, Козловское, Ичинское, Турумовское, Верхне-Омское, Ново-Разино, Антошкино, Осиновые Колки, Колмаково, Крутологовское, Чулымское, Сергино, Иткульское.—Князь Костровъ. „Каинская Бараба", стр. 35. Отд. оттискъ изъ Том. Губ. Вѣд. за 1874 г.

[3]) „Тобольскъ и его окрестности". Тобольскъ стр. 66. Соловцевъ. Истор. Обозрѣніе Сибири, II, стр. 36, 40. Изд. 1886 г.

ОТПЕЧАТОК

Тобольска въ 1814 г. Тоскливо этимъ несчастнымъ было уже въ Тобольскѣ, гдѣ, доходя до крайней степени въ своей печали о потерѣ родины, многіе изъ нихъ посягали на свою жизнь и нѣкоторые застрѣлились. Еще тоскливѣе они должны были чувствовать себя въ болѣе отдаленномъ и значительно менѣе культурномъ, чѣмъ Тобольскъ, г. Томскѣ. Можетъ быть и въ Томскѣ кто-нибудь изъ нихъ старался разсѣевать тоску тѣмъ же благороднымъ дѣломъ, какимъ шведы занимались въ Тобольскѣ, т. е. обученіемъ грамотѣ дѣтей мѣстныхъ гражданъ[1]). Мы не знаемъ объ этомъ съ достовѣрностію, но знаемъ, что въ Томскѣ нѣкоторые изъ военноплѣнныхъ занимались столярнымъ ремесломъ и плотничной работой, или же вели мелочную торговлю, при чемъ иногда не гнушались торговать виномъ, добытымъ закономъ запрещенной самосядкой[2]). Несомнѣнно, многіе изъ плѣнниковъ остались въ Томскѣ и ближнихъ къ нему деревняхъ навсегда, слившись съ мѣстнымъ населеніемъ и растворившись въ немъ. Въ 1730 г. Иванъ-Шведъ подрядился построить надворныя строенія на монастырской заимкѣ, существующей и доселѣ на р. Киргизскѣ[3]).

Въ 1759 г. послѣдовало распоряженіе, чтобы, въ виду недостаточности женщинъ въ Сибири и въ особенности въ мѣстностяхъ около крѣпостей по линіямъ Иртышской и Колыванской, ссыльныхъ женокъ и дѣвокъ Тобольское начальство препровождало для поселенія преимущественно къ тѣмъ окрайнымъ мѣстамъ[4]). И въ томъ-же 1759 г. начальникъ Иртышской линіи Фрауендорфъ получилъ изъ Тобольска

[1]) von Wreech. Historie Schwedisch. Gefangenen in Russland und Siberien. Sorau. 1725, s. 33, 250, 565.

[2]) Въ архивѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря имѣется реестръ дѣлъ комендантской канцеляріи отъ 1721 года. Въ реестрѣ означены три дѣла о провозѣ шведскими плѣнниками «посторонняго вина съ винокуренаго посудою». — Здѣсь же помѣчено и такое обстоятельство: «Янв. 10 дня взята записка Шведскаго плѣнника капитана.... объ убійствѣ брата его шведскаго плѣнника, зажегѣ его квартиры и о грабежѣ пожитковъ».—Связка 3.

[3]) См. наше изслѣдованіе „Стар. монастыри Том. края“, стр. 69.

[4]) Щегловъ. Хронолог. переч. стр. 261.

слѣдующую промеморію: „Оказавшихся по осмотру въ губернской канцеляріи годныхъ на поселеніе женскаго пола колодницъ всего 43 для препровожденія къ Вашему Высокоблагородію отданы плывущему въ Иртышскія крѣпости съ провіантомъ квартирмейстеру Боголѣпову. И Ваше Высокоблагородіе соблаговолили-бъ тѣхъ женокъ и дѣвокъ въ назначенныя Вами мѣста опредѣлить на поселеніе съ дозволеніемъ, ежели тѣхъ женокъ и дѣвокъ кто пожелаетъ взять въ замужество, то дозволять только осѣдлымъ крестьянамъ и разночинцамъ, а не военнослужащимъ, дабы они не могли съ мужьями изъ тѣхъ мѣстъ выбывать“[1]).

Подобныя же партіи присылались на Иртышскую и Колыванскія линіи не разъ и потомъ. Колодницъ направляли сюда въ возрастѣ отъ 19 до 40 лѣтъ. А каковы эти женщины были по своему нравственному состоянію, видно изъ слѣдующихъ показаній. Въ одной партіи, состоявшей изъ 42 женщинъ, 3 было сослано за зажигательство помѣщичьихъ имѣній, 16—за мужеубійство, 7 за дѣтоубійство, 4 за укрывательство воровъ, 5 за воровство, 1 за побѣгъ, 1 за ложное показаніе на мужа и за 5-ью винъ не помѣчено. Женщины другой партіи (изъ 33 челов.) подверглись ссылкѣ: 4 за зажигательство, 1 за отцеубійство, 8 за мужеубійство, 8 за убійство, 2 за воровство, 3 за побѣги, 2 за волшебство, 3 за дѣтоубійство, 1 за кровосмѣшеніе съ отцомъ и 1 за укрывательство преступленія[2]).

Тѣмъ не менѣе колодницы быстро находили себѣ жениховъ и не только въ средѣ крестьянъ и разночинцевъ, но и военно-служащихъ казаковъ. Что касается другихъ военныхъ чиновъ вмѣстѣ съ офицерами, то они довольствовались тѣмъ только, что изъ „присыльныхъ“ отбирали ту или другую себѣ „въ услуженье“.

Еще чаще на линіи отправляли колодниковъ изъ мужчинъ

[1]) Матер. для истор. Сибири. Чт. общ. истор. и др. 1867 г., кн. 2, стр. 266.

[2]) Тамъ-же, стр. 267.

ГПИБ СОРАН

и въ цѣляхъ заселенія пустопорожнихъ мѣстъ, и затѣмъ, чтобы доставить крѣпостямъ дешевыхъ работниковъ для починки крѣпостныхъ сооруженій. Въ 1761 г. Сибирскій губернаторъ Сойминовъ писалъ въ Сенатъ, что лѣтомъ этого года въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ изъ Тобольска выслано въ Нерчинскъ колодниковъ 312 чел., и кромѣ того имѣется къ отсылкѣ еще 210 чел., „а уповательно, что скоро и того больше оныхъ (въ Сибирь) пришлется". Сойминовъ находилъ, что если направить къ Нерчинску всю массу сосланныхъ чрезъ Тобольскъ преступниковъ, то тамъ „въ провіантѣ окажется недостатокъ". Въ виду этого губернаторъ просилъ у Сената дозволенія указанныхъ 210 человѣкъ, а равнымъ образомъ колодниковъ, которые будутъ присылаться впредь, направлять или на Барнаульскіе серебряные заводы, или на Иртышскую линію для починки и передѣлки тамошняго крѣпостного строенія. Велѣно было отправлять на Иртышскую линію до тѣхъ поръ, пока „въ Нерчинскихъ заводахъ хлѣба довольно не заготовится"[1]). Такія-же распоряженія повторялись и въ послѣдующіе годы, при чемъ преступниковъ отсылали не только на Иртышскую, но и на Колыванскую и Кузнецкую линіи къ китайскимъ предѣламъ. Въ своемъ архивномъ матеріалѣ намъ встрѣчались не разъ заявленія со стороны отдѣльныхъ изъ колодниковъ лицъ, въ которыхъ, заявленіяхъ, они просили поторопиться ихъ браковѣнчаніемъ въ виду необходимости идти на поселеніе къ китайской границѣ[2]).

Послѣ 1747 г. не мало шло колодниковъ для работъ и на Колывано-Воскресенскихъ серебряныхъ заводахъ. Въ нерѣдкихъ случаяхъ ссыльные трудились здѣсь съ кандалами на ногахъ, пока не отбывали сроки наказаній, послѣ чего начальство распредѣляло ихъ по деревнямъ, или же, за старостію и болѣзнію, отправляло въ заводскія богадѣльни. Съ 1762 года Колывано-Воскресенскія власти начали отказываться отъ пріема сосланныхъ преступниковъ на заводскія работы изъ опасенія „крайняго помѣшательства и совершеннаго вреда" въ заводской дѣятельности[1]).

Но по извѣстію, которое мы встрѣтили въ рукописной тетради Гуляева, въ 70 и 80 годахъ прошлаго столѣтія въ Зміевскомъ рудникѣ отбывали каторгу нѣкоторые „генералы" изъ босоногой арміи Пугачева.

На линіи и къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ преимущественно отсылались преступники, сосланные въ Сибирь „въ работы", т. е. приговоренные къ каторгѣ. Что-же касается до ссыльно-поселенцевъ, число которыхъ въ Сибири особенно умножилось съ тѣхъ поръ, какъ помѣщикамъ дано было право ссылать на сибирское житье своихъ крѣпостныхъ, то людей этого разряда можно было встрѣтить во множествѣ томскихъ селъ и деревень, не говоря уже о Барабѣ или о поселкахъ по Иркутскому тракту.

Вообще сколько ссыльныхъ перешло въ населеніе Томскаго края за протекшій XVIII в. статистики на этотъ счетъ нѣтъ, да о ней въ то время не хлопотали. Владѣемъ въ этомъ случаѣ только отрывочными показаніями. Наприм., населеніе Иткульскаго прихода (въ Барабѣ) за 1782 г. состояло сплошь изъ ссыльныхъ. Ихъ насчитывалось здѣсь съ малолѣтками 1560 душъ муж. пола и 1104 женскаго. Въ слѣдующемъ 1783 г. въ приходѣ с. Семилужнаго, въ самомъ Семилужномъ и дер. Халдѣевой, сосланныхъ проживало 173 д. муж. и 158 ж. пола. Среди многочисленныхъ деревень, входившихъ въ составъ прихода с. Спасо-Яйскаго, находились:

[1]) Полн. собр. зак. т. XV, № 11331.
[2]) См. наприм. П. соб. зак. № 18610.
[3]) Палласъ при своемъ путешествіи по Сибири видѣлъ ссыльныхъ у одного Маяка, входившаго въ линію Иртышскихъ крѣпостей. Эти ссыльные занимались ломкою камня въ горахъ и перевозкою его къ крѣпостямъ. Онъ же передаетъ, что ссыльные въ то время имѣлись въ Алтайскихъ деревняхъ: Красноярской на Иртышѣ, Крутой Березовкѣ и Екатерининской (на Алеѣ). — Палласъ. Путешествіе Кн. II, ч. 2, стр. 183, 212, 222 и 253.

[1]) П. собр. зак. т. XV, № 11414.

Колыонскій станецъ, Почитанская и станецъ Турунтаевскій. Они также исключительно были заселены ссыльными. За указанный 1783 г. въ первомъ насчитывалось ссыльныхъ 225 д. муж. и 120 д. ж. пола, во второй 48 м. и 46 ж. пола и въ третьемъ 78 м. и 44 ж. пола[1]). Извѣстно, что всѣ перечисленныя здѣсь деревни (нынѣ большія селенія) находятся, начиная отъ Семилужнаго, на востокъ отъ Томска по Иркутскому тракту. На этомъ же тракту въ предѣлахъ нынѣшней Томской губ. имѣлись и имѣются селенія Боготольское и Краснорѣчинское. По словамъ Палласа, посѣтившаго Томскій край въ 1771 г., с. Боготольское состояло за этотъ годъ изъ 160 дворовъ, изъ которыхъ 50 принадлежало крестьянамъ—переведенцамъ изъ Енисейской провинціи, а всѣ остальные ссыльнымъ. Населеніе с. Краснорѣчинскаго состояло изъ 150 семействъ, „кои по большей части были сосланы изъ Россіи на поселеніе“[2]).

Имѣется свѣдѣніе, что въ 1804 г. въ Томской губерніи было предпринято водвореніе болѣе 7000 ссыльныхъ съ обезпеченіемъ ихъ въ хозяйственномъ отношеніи на сумму 383000 руб. асс. Но сколько ихъ было водворено въ дѣйствительности, въ источникѣ, которымъ въ настоящемъ случаѣ пользуемся, указаній нѣтъ и только глухо замѣчено здѣсь, что водвореніе удалось невполнѣ[3]). Изъ дѣлъ Томскаго Дух. Правленія намъ извѣстно, что во второмъ десяткѣ лѣтъ нынѣшняго столѣтія томская Экспедиція о ссыльныхъ выдавала ссыльнымъ брачныхъ разрѣшеній отъ 30 до 50 и болѣе въ годъ.

Въ то время ссыльные женились на ссыльныхъ-же, и вотъ обращики такихъ браковъ:

Ссыльный Михайло Веселой и таковая-же Аксинья Михайловская просятъ у томскаго губернатора дозволенія сочетаться законнымъ бракомъ. А по справкамъ въ Канцеляріи о водвореніи ссыльныхъ оказалось:—Михаило Веселой приведенъ въ Томскъ 11 октября 1817 г. изъ Бессарабской области послѣ наказанія кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей за смертоубійство. Подлежалъ ссылкѣ въ Иркутскую губернію на каторжную работу, но, по болѣзненному состоянію, оставленъ въ Томскѣ для причисленія къ поселенію. Невѣста Аксинья Михайловская поступила въ Томскъ въ 1820 году изъ Таврической губ.—бывшая прапорщица. Сослана по сомнѣнію въ убійствѣ мужа,—тѣлесному наказанію не подвергалась. Препятствій къ браку не оказалось, и онъ былъ повѣнчанъ[1]).

Другой примѣръ. Женихъ—посельщикъ Каравайниковъ изъ Ярославскихъ мѣщанъ. Сосланъ послѣ наказанія кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей за кражи и грабежъ. Невѣста—Ульяна Иванова, изъ крестьянскихъ женокъ Саратовской губ., сослана также по наказаніи кнутомъ за принятіе и сокрытіе награбленныхъ вещей. Оба слѣдовали въ Иркутскую губ.; но оставлены для водворенія въ Томскомъ уѣздѣ первый по его кузнечному мастерству, вторая по болѣзненному состоянію.

Примѣръ третій.—Женихъ посельщикъ Василій Филиппов изъ государственныхъ крестьянъ Смоленской губерніи. Сосланъ безъ наказанія по оговору въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Невѣста Матрена Григорьева изъ крестьянскихъ дѣвокъ. Сослана безъ наказанія по подозрѣнію въ таковомъ же преступленіи[2]).

Браковъ въ подобномъ видѣ мы могли-бы представить въ громадномъ мн жествѣ.

Въ своемъ общемъ очеркѣ мы представили всѣ элементы, изъ которыхъ сложилось крестьянское населеніе, колонизовавшее томскую страну. Какъ и всю Сибирь, ее колонизовали „мужики схожіе“ изъ разныхъ мѣстъ и среди нихъ наиболь-

[1]) Всѣ эти цифры заимствуемъ изъ Духов. росписей за 1782 и 1783 г. Росписи хранятся въ арх. Том. д. консисторіи.
[2]) Палласъ. Путешествіе кн. II, ч. 2 1789. СПБ., стр. 449—442.
[3]) Щегловъ. Хронологическій перечень, стр. 357.

[1]) Арх. Томской духовной консисторіи, столпъ дѣлъ за 1820—1822 годы.
[2]) Арх. Том. д. консисторіи, столпы д. Том. Д. Правл. за 1812 и 1819 г.

ОТПЕЧАТОК

шее количество составляли люди, которыхъ вытолкали изъ Россіи или лихота отъ разныхъ гражданскихъ горестей и тягостей, или бѣда отъ содѣяннаго преступленія.

Прежде чѣмъ говорить, какъ „схожіе“ люди устраивались среди необозримыхъ полей и дремучихъ лѣсовъ томской шири и пустоши въ бытовомъ смыслѣ, намъ должно еще привести показанія о постепенномъ наростаніи томскаго крестьянства, сколько этихъ показаній можно собрать по нашему матеріалу въ цифровыхъ данныхъ, какъ равно и о количествѣ томскихъ селеній и деревень.

Мы уже видѣли, что при переписи I ревизіи въ Кузнецкѣ и его обширномъ уѣздѣ (нынѣшніе округа Кузнецкій, Барнаульскій и Бійскій) было найдено крестьянъ 2874 души[1]). Непосредственно послѣ второй ревизіи въ вѣдомствѣ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, куда принадлежали слободы: Бѣлоярская, Малышевская съ ихъ деревнями и деревни, прилегавшія къ Бикатунской крѣпости и Бердскому острогу вмѣстѣ съ этими крѣпостію и острогомъ состояло 8948 душъ муж. пол. А въ 1759 г. въ Кузнецкѣ и во всемъ его обширномъ уѣздѣ крестьянскаго населенія насчитывалось уже въ количествѣ 17698 д.[2]).

Третья ревизія (1763 г.) обнаружила, что при Барнаульскомъ заводѣ цеховыхъ, посадскихъ, разночинцевъ и крестьянъ состояло мужскаго пола: . . . . . 737 д.

При Колыванскомъ заводѣ и въ деревняхъ по рр. Чарышу и Алею жило крестьянъ, цеховыхъ, посадскихъ и разночинцевъ . . . . . 2642 д.

При Шульбинскомъ на Иртышѣ . . . . . 103 д.

[1]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. начальства. Столпъ дѣлъ по описи № 461, л. 253.

[2]) Эту цифру извлекаемъ изъ отвѣта, даннаго Колывано-Воскресенской канцеляріей военному начальству въ 1751 г. Арх. Колывано-Воскр. Горн. нач. Столпъ дѣлъ по описи № 94, л. 329. Сн. столпъ № 259.

При Ирбинскомъ заводѣ[1]) . . . . . 196 д.

Въ городѣ Кузнецкѣ и Бочатскомъ селѣ съ его деревнями разночинцевъ и крестьянъ . . . . 5280 д.

Въ Бердскомъ острогѣ и его деревняхъ посадскихъ и крестьянъ . . . . . 3587 д.

Въ Малышевской слободѣ съ деревнями . . 3797 д.

Въ Бѣлоярской слободѣ съ деревнями . . . 4835 д.

Въ вѣдѣніи Бійской земской избы . . . . 1461 д.

Въ гор. Томскѣ и пригородныхъ деревняхъ разночинцевъ и крестьянъ . . . . . 4922 д.

Въ Сосновскомъ, Чаусскомъ и прочихъ острогахъ съ прилегавшими къ нимъ селеніями и деревнями и въ Каинскомъ форпостѣ . . . . . 12,479 д.

Всего м. п. . . 40,039 д.[2])

Щегловъ въ своемъ „Перечнѣ важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири“ сообщаетъ, что при 6-ой ревизіи въ 1797 г. всего населенія въ Томской губерніи было 209,785 душъ, кромѣ ясачныхъ (32155 д.)[3]), но, къ сожалѣнію, у него не указано въ какихъ размѣрахъ нужно понимать тогдашній районъ Томской губерніи, которая, какъ губернія, была открыта только съ 1804 г. Изъ другихъ источниковъ[4]) намъ извѣстно, что за 1808 г. все населеніе Томской губерніи состояло изъ 220000 душъ, но сюда кромѣ округовъ Томскаго съ Нарымскимъ краемъ, Кузнецкаго и Бійскаго, включено еще населеніе уѣздовъ Красноярскаго, Енисейскаго и Туруханскаго, которые въ то время причислялись къ Томской губерніи[5]) и которыхъ мы въ настоящемъ обозрѣніи о колонизаціи Томскаго края въ виду не имѣли.

[1]) Ирбинскій заводъ принадлежалъ по мѣстоположенію къ Енисейской провинціи, хотя и состоялъ въ вѣдомствѣ Кол.-Воскр. Горнаго Начальства.

[2]) Арх. Колывано-Воск. Горн. начальства. Столпъ дѣлъ по описи № 511, л. 218—220. Здѣсь нѣтъ исчисленія крестьянскаго населенія въ Нарымскомъ краѣ, гдѣ крестьянъ было очень мало, но все-таки было.

[3]) Щегловъ. Хронол. Перечень, стр. 82.

[4]) Справка изъ архива Томскаго губернскаго правленія.

[5]) См. Пол. собр. зак. т. XXVIII, № 21183.

Обѣ послѣднія изъ приведенныхъ нами цифръ по отношенію къ численности крестьянскаго состава въ занимающей насъ странѣ являются так. обр. очень неопредѣленными.

Ясно одно, именно то, что послѣ 3-й ревизіи крестьянское населеніе нашего края должно было сильно возрасти и вслѣдствіе прибытія на Алтай и Барабу раскольниковъ изъ Польши, и по причинѣ усиленнаго распредѣленія по томскимъ деревнямъ многочисленнаго ссыльнаго элемента.

Обозначить постепенное появленіе въ Томскомъ краѣ за протекшій XVIII в. новыхъ селеній представляется дѣломъ не только труднымъ, но, при настоящемъ состояніи томскихъ архивовъ, едвали и возможнымъ. Мы знаемъ только, что очень много новыхъ деревень явилось въ нынѣшнемъ Барнаульскомъ округѣ въ царствованіе Петра В. и за время, непосредственно слѣдовавшее за этимъ царствованіемъ. А въ промежутокъ отъ 1748 по 1760 въ при-Алтайской странѣ были вновь застроены деревни:

По р. *Локтевкѣ*: а) на мысу р. Локтевки на $6^1/_2$ верстъ ниже курьи, б) на мѣстѣ, въ то время извѣстномъ подъ именемъ „Озерки“ (на правой сторонѣ Локтевки), и в) пониже Озерокъ на 9 верстъ. Въ первой было къ 1760 г. 20, во второй 50 и въ третьей 15 дворовъ.

По р. *Алею* 14 деревень, изъ которыхъ самой меньшей по количеству дворовъ была деревня при устьѣ рѣчки Гольцевой (9 дворовъ) и самой большой деревня при устьѣ рѣчки Усть-Янцевой (60 дворовъ).

По р. *Чарышу* 3 деревни съ 66 дворами во всѣхъ и форпостъ Казанской Божіей Матери съ сотнею дворовъ.

По р. *Бѣлой* деревня Рычкуново съ 20 дворами и форпостъ при переѣздѣ чрезъ Бѣлую по дорогѣ Чакырской (30 дворовъ).

По р. *Убѣ*—форпосты Шеманаевскій, Красноярскій и деревни: Убинская съ 16 дворами и Колыванка (?) на рѣчкѣ Верхней Колыванкѣ съ 15 дворами[1]).

Въ 1771 г. Палласъ на своемъ пути отъ Усть-Каменогорска до Барнаула нашелъ деревни: *Прапорщикову*, *Уваровскую* (казачья), *Глубокую*, *Крутую Березовку*, *Красноярскую* на Иртышѣ (20 дворовъ), *Красноярскій* форпостъ (200 дворовъ) и *Зевакину*—всѣ близъ Усть-Каменогорска;—*Шеманаиху* на р. Убѣ около Шеманаихинскаго форпоста, *Екатерининскую* на р. Алеѣ около Екатерининскаго форпоста, *Старо-Алейскую* (150 дворовъ);—*Карболиху* и *Гилеву* близъ Змѣиногорскаго рудника;—*Колыванку* (17 дворовъ пришлыхъ изъ подъ—Иркутска) близъ Колыванскаго завода;—*Карлову* (20 дворовъ) и *Карпову* (13 дворовъ) на р. Чарышѣ;—отъ Алтайскихъ горъ по Барнаульской дорогѣ: *Курьинскую*, *Луговой станецъ* (15 дворовъ), *Бѣлоглазову* (3 двора), с. *Кашино* (20 дворовъ), къ которому, по словамъ ученаго, было причислено около *сотни* мелкихъ деревень;—*Каргимому*, *Порожеву* и *Барнаульскую*[2]) около Барнаульскаго бора;—*Панюшеву*, *Чистюньку*, *Усть-Калманку*, *Шадрину* и *Буранову*[3]). Не причисляемъ сюда упоминаемыя ученымъ военныя поселенія по Колыванской и Кузнецкой линіямъ[4]) и поселенія заводскія (заводы Шульбинскій, Колыванскій, Барнаульскій, Ново-Павловскій и Змѣиногорскій рудникъ).

Такимъ образомъ южная Алтайская сторона Томскаго края въ періодъ отъ 1748 по 1770 г. начала заселяться уже очень

[1]) Матер. для исторіи Сиб. чт. общ. истор. и древ. Россіи 1867. кн. 270—274.

[2]) Деревню Барнаульскую нужно отличать отъ Барнаульскаго завода (нынѣшняго г. Барнаула).

[3]) Палласъ. Путешествіе кн. II, ч. 2, стр. 203—374. Красноярская, Крутая-Березовка, Шеманаиха, Екатерининская, Старо-Алейская, по сообщенію Палласа, были населены преимущественно польскими выходцами (раскольниками съ Вѣтки).

[4]) Военныя поселенія были иногда ничтожны по количеству населенія. Въ Бѣлорѣцкой защитѣ проживало, наприм., только 3 драгуна и нѣсколько казаковъ; не больше военныхъ жителей было и въ Тигирецкомъ и нѣкоторыхъ др. форпостахъ.—Палласъ. Тамъ-же, стр. 276 и 283.

значительно. Между тѣмъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія извѣстный путешественникъ по Сибири Гмелинъ (старшій), проѣхавшій отъ Семипалатинска на Томскъ чрезъ Усть-Каменогорскъ, Барнаульскій заводъ и Кузнецкъ, сообщилъ намъ, что по всему протяженію своей дороги отъ Усть-Каменогорска до Барнаула онъ почти совсѣмъ не встрѣтилъ русскихъ селеній. За исключеніемъ Колывано-Воскресенскаго завода, онъ нашелъ здѣсь только нѣсколько деревенекъ по р. Чарышу, построенныхъ Демидовскими рабочими изъ Невьянска съ населеніемъ во всѣхъ этихъ деревняхъ около 50 д. муж. п. Вообще сообщенія Гмелина о русскихъ поселеніяхъ въ Томской странѣ, чрезъ которыя ему довелось пройти, для насъ небезынтересны, потому постараемся ихъ исчислить.—Около нын. Барнаула въ 1734 г. Гмелинъ побывалъ въ деревнѣ *Космалъ* на рѣчкѣ того-же имени, при впаденіи ея въ Обь. Близъ Космалы онъ встрѣтилъ еще *двѣ* маленькихъ деревни съ 2 дворами въ каждой и затѣмъ по направленію къ Кузнецку прошелъ чрезъ русскія селенія: *Усть-Чумышъ*, *Тайменьку*, *Онисимову* (Боровлянка), *Кашгарай*, основанное русскимъ крестьяниномъ Колесниковымъ, *Легостаеву*, *Бѣлоголову* близъ р. Берди, *Брюханову*, *Бочатскую*, *Ильинскій погостъ* или Красноярское *Безрукову*, *Муратову*, *Шумарину*, *Задеву* на берегу Кондомы и городъ Кузнецкъ. Отъ этого послѣдняго ученый прослѣдовалъ къ Томску чрезъ *Мамушеву* (деревня татарскаго и рус. населенія), *Мунгатскій* острогъ, *Бородину*, *Верхо-Томскій*, *Сосновскій* остроги и г. Томскъ. Изъ Томска Гмелинъ посѣтилъ деревни *Нелюбину* и *село Богородское*, а потомъ, направляясь къ Енисейску, проѣхалъ деревню *Семилужки* и села: *Спасское* на р. Ябѣ и *Суранское*. Далѣе при путешествіи по Томскимъ предѣламъ упоминаются татарскія становища и среди нихъ только одно русское поселеніе, именно *Мелесскій* острогъ[1]).

[1]) Johann. G. Gmelins Reise d. Sibirien. Th. I, S. 213—336.

На обратномъ пути отъ крайнихъ предѣловъ сѣверо-восточной Сибири нашъ путешественникъ, достигнувъ Томска въ 1741 г., отправился въ дальнѣйшій къ Россіи путь чрезъ Барабу и, въ предѣлахъ нынѣшней Томской губерніи, нашелъ русскія селенія и деревни: *Калтайской станецъ*, *Варюхину*, *Лопщикову*, *Санкину* или *Панову*, *Черную*, *Елизарову*, *Пашкову*, *Жукову*, *Умревинскій* острогъ, *Скалинскую*, *Чаусскій* острогъ, *Большую Осшскую* съ 80 дворами, *Малую Осшскую*, *пять* маленькихъ деревень вверхъ по рѣкѣ Осшъ, *Подволошную* и въ Барабѣ—казачьи форпосты: *Убинскій*, *Каинскій* и *Тартасскій*[1]).

Перечень, извлеченный изъ Гмелина, доказываетъ, какъ еще рѣдко тогда въ Томской области встрѣчались жилыя мѣста съ русскимъ населеніемъ.

По именному указу императрицы Екатерины II отъ 1 мая 1779 г.[2]) все протяженіе Томскаго края отъ сѣвера на югъ до китайской границы и отъ запада на востокъ отъ Омска до Абакана было включено въ составъ Колыванской области съ раздѣленіемъ ея на четыре уѣзда: Томскій, Барнаульскій, Кузнецкій и Бурлинскій. Въ одномъ изъ томскихъ архивовъ намъ посчастливилось найти составленный въ 1782 г. списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ указанной новооткрытой Колыванской области. Полагая, что въ этомъ спискѣ мы встрѣтили немаловажный документъ для исторіи заселенія насъ занимающей страны, признаемъ умѣстнымъ воспроизвести его въ приложеніи къ настоящему труду.

[1]) Gmelin. ibidem. 4 Th. S. 1—125.
[2]) Полн. собр. зак. т. XX, № 14868.

II.

Какъ жили пришельцы въ Томскій край—русскіе крестьяне, его первые насельники?

Въ матеріальномъ отношеніи на первыхъ порахъ жили, конечно, очень скудно.

Вотъ—свидѣтельства о томъ прежде всего за XVII вѣкъ. Кузнецкіе служилые люди въ 1680 г. говорили о себѣ, что они „нуждны и бѣдны, а Кузнецкое де мѣсто украйное, стоитъ межъ многихъ немирныхъ иноземцевъ, а пашни свои на себя пашутъ съ великою нужею, и киргизы и калмыки къ нимъ подъ Кузнецкой и подъ уѣзды войною приходятъ и людей побиваютъ, лошадей и рогатый скотъ отгоняютъ и на поляхъ хлѣбъ толочатъ безъ остатку, и всѣхъ ихъ розоряютъ“[1]). „Нуждны и бѣдны“ должны были показывать о себѣ и новопоселенные крестьяне и даже тѣ изъ нихъ, которые назывались „государевыми“ и которые приходили къ Томску или къ Кузнецку съ царскою подмогою[2]). Многое изъ подмоги истрачивалось уже на пути, при длинныхъ переѣздахъ, положимъ, изъ-подъ Туринска, Верхотурска или Тобольска. Остатковъ едва хватало на покрытіе самыхъ насущныхъ нуждъ при домообзаводствѣ на новыхъ мѣстахъ[3]). Еще менѣе состоятельны должны были быть насельники изъ гулящаго класса или людей бѣглыхъ. „Наги и босы“ говорили, указывая на себя, крестьяне, пришедшіе къ Томску въ 1663 г. съ Исети послѣ Башкирскаго разгрома тамошнихъ мѣстъ и были рады, что имъ удалось записаться за Томскимъ

[1]) Акты истор. V, № 67.

[2]) О царской денежной подмогѣ крестьянамъ переводимымъ къ Томску по 10 руб. на семью, кромѣ грамоты цитованной на 5 страницѣ этого труда, см. еще царскую грамоту Верхотурскому воеводѣ отъ 1632 г. мая 25. Рус. истор. библіот. II, № 149.

[3]) Случались и злоупотребленія подмогою со стороны мѣстныхъ властей. Въ 1688 году Томскій сынъ—боярскій Соболевскій получилъ изъ Сибирскаго приказа на подмогу и въ ссуду крестьянамъ Уртамской слободы 200 р., но Томскій воевода кн. Семенъ Вяземской удержалъ у Соболевскаго 150 руб.—Истор. акты, собран. Кузнецовымъ I, № 26.

Алексѣевскимъ монастыремъ, какъ нерѣдко записывались за нимъ и другіе такіе же пришельцы, не смотря на то, что условія записи были для нихъ очень не легки.

Многіе изъ гулящихъ охотно шли на первыхъ порахъ въ „половники“ къ казаку или жили на положеніи захребетника за хозяиномъ изъ государевыхъ крестьянъ.

А какъ, по прибытіи въ Сибирь, скитались бѣглые, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Крестьянинъ Бояркинъ, пришедшій въ Томскую область въ 1736 г., разсказывалъ о себѣ, что 12 лѣтъ жилъ съ семьей на рч. Бурлѣ и питался, „промышляя рыбу и мѣняя рыбу на хлѣбъ у проѣзжающихъ людей“[1]). Крестьянинъ Койновъ говорилъ, что, пришедъ изъ Тобольскаго вѣдомства на р. Карасукъ, проживалъ въ кое-какъ построенной избушкѣ 2 года и прокармливался здѣсь почти исключительно птичьимъ и звѣринымъ мясомъ[2]). Бѣглые братья Кондратій и Евсей Плотниковы передавали, что когда съ родителями пришли въ Томское вѣдомство, то, остановившись на пустомъ мѣстѣ около р. Кырзы, жили долго въ земляной избѣ. Отецъ умеръ здѣсь, оставивъ ихъ малолѣтками. Безъ отца перешли въ другую избушку, гдѣ жили три года и содержались милостынею, которую собирала мать, „бродя по жилымъ мѣстамъ“. Послѣ смерти матери въ 1733 г. они, ставши уже взрослыми, перебрались съ другими пришлыми крестьянами Шестаковымъ и Голубцовымъ на новое мѣсто къ устью р. Кырзы, гдѣ вчетверомъ построили совмѣстный домъ, и въ этомъ домѣ вчетверомъ же „живутъ и понынѣ“ (1749 г.)[3]). Бѣглый Ивановъ, пришедшій въ Сибирь около 1766 г. проживалъ довольно долгое время на берегу озера въ Барнаульскомъ бору, пропитываясь „отъ звѣрья и отъ рыбной ловли, такъ какъ

[1]) Арх. Колывано-Воскр. Гор. Нач., столпъ дѣлъ о пришлыхъ безъ описи отъ 1734 г.

[2]) Арх. Колывано-Воскр. Гор. Нач. въ столпѣ д. № 35.

[3]) Списокъ 30 семей бѣглыхъ крестьянъ, найденныхъ по р. Кыргизинской. Арх. Том. Алексѣевск. монастыря, связка 4.

завести хлѣбопашество средствъ не имѣлъ“[4]). Въ 1779 г. одинъ изъ бѣглецовъ показывалъ, что, по прибытіи изъ Россіи съ отцомъ, матерью и братомъ, остановился сначала въ вѣдомствѣ Сосновскаго острога около дер. Смолиной, а потомъ со всею семьею переѣхалъ Бочацкаго села въ дер. Горскую, гдѣ жили съ годъ въ домѣ крестьянина-старожила. Отсюда ушли „въ суху степь къ озерамъ Соловьевымъ“ и, живя на этомъ мѣстѣ въ одиночной избушкѣ, питались отъ рыбной добычи. Рыбу излишнюю продавали проѣзжающимъ людямъ или мѣняли на хлѣбъ и одежу[1]).

Примѣровъ подобнаго скитальничества и таковой-же бѣдности въ средѣ бѣглыхъ мы могли бы исчислить во множествѣ. Но для краткости ограничимся только еще слѣдующими сообщеніями.

Гмелинъ на пути отъ Кузнецка къ Томску, между прочимъ, останавливался въ деревнѣ Мамушевой, гдѣ среди татаръ проживала и семья русскаго крестьянина. Домишко, принадлежавшій этой послѣдней семьѣ, своимъ убожествомъ рѣшительно изумилъ иностраннаго путешественника[2]). Въ концѣ 1750-хъ годовъ начальникъ колыванскихъ заводовъ генер. Порошинъ снарядилъ экспедицію изъ солдатъ и горныхъ рабочихъ для розысканія рудныхъ мѣстъ на Алтайскихъ вершинахъ. Среди дикихъ горъ въ вершинѣ р. Тигерека экспедиція нашла деревню изъ русскихъ бѣглецовъ, которые, вслѣдствіе недавняго перехода въ дальную сторону, жили чрезвычайно скудно[3]).

Когда съ 1747 г. самовольно—пришлыхъ въ Сибирь начинаетъ забирать въ свое вѣдѣніе Колывано-Воскресенское Горное начальство и селить ихъ подъ своимъ надзоромъ на кабинетскихъ земляхъ, новопоселенные не малое время живутъ еще въ большой нуждѣ.

[1]) Арх. К.-В. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 991.
[2]) I. G. Gmelins Reise d. Sibirien, B. I, 298 S.
[3]) Фалькъ. Пол. собр. ученыхъ путешествій. Изд. Акад. наукъ. 1824. VI стр. 442.
[4]) Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 511.

Въ 1750 г. Колывано-Воскресенская канцелярія, указывая на трудность продовольствія военныхъ людей, содержавшихся для охраны заводовъ, объясняла недостатки провіанта тѣмъ, что „новопоселенные крестьяне и донынѣ еще домами и пашнями и прочимъ крестьянскимъ заводомъ не исправились и многіе у себя лошадей не имѣютъ и живутъ скудно, такъ что и дневное пропитаніе съ немалою нуждою имѣютъ“[1]). Переселенцы, вышедшіе къ Бійску изъ Енисейской провинціи въ 1759 г. въ количествѣ 178 душъ муж. пола и 128 женскаго, на первыхъ порахъ имѣли въ своемъ достаткѣ лошадей 118, коровъ 13 и овецъ 1[2]). Свидѣтельство Колывано-Воскресенскаго начальства о разореніи и бѣдности Барабинскихъ крестьянъ, вслѣдствіе того, что весь свой трудъ они вынуждены были отдавать на устройство и исправленіе большой Сибирской дороги на топкихъ, болотистыхъ мѣстахъ,— это свидѣтельство мы уже приводили.

Иное дѣло, когда крестьяне уже обживались на новыхъ мѣстахъ и, подгоняемые нуждою, а иногда и мѣрами отъ начальства, не жалѣли труда для своего крестьянскаго дѣла. Земледѣльческій трудъ на дѣвственныхъ земляхъ былъ благодарный; урожаи, особенно въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ, куда въ XVII и прошломъ столѣтіяхъ причислялись земли Барнаульскія и Бійскія, были обильны. Но трудъ требовался отъ крестьянина огромный. Нужно было плохой старо-русской сохой поднимать цѣлину и притомъ въ большинствѣ случаевъ поросшую вѣковымъ лѣсомъ. Слѣдовательно, нужно было предварительно расчищать почву для пашни, снимать лѣсъ, выкорчевывать деревья. Иркутскіе ссыльные крестьяне въ одной изъ челобитныхъ говорили о себѣ, что пришли въ Сибирь „на пень да на колоду“[3]). Тѣмъ болѣе такъ должны были

[1]) Арх. Колыв.-Воск. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 94.
[2]) Чт. общ. истор. и древн. 1867. Кн. 2, стр. 266.
[3]) Доп. къ Акт. истор. т. X, № 57.

ОПИТ

сказать о себѣ томскіе крестьяне, потому что въ томскомъ районѣ лѣсовъ было значительно больше. Но за то томскіе крестьянскіе насельники и истребляли лѣсъ, какъ своего заклятаго врага. Его не только рубили, но и жгли сотнями, а иногда и тысячами десятинъ. Начальство мало обращало вниманія на эту крестьянскую войну съ деревомъ, а иной разъ готово было ее и поощрять. Правда, въ 1755 г. Тобольская губернская канцелярія особымъ указомъ предписала крестьянамъ, „чтобы въ хоромное и всякое строеніе лѣсу особливо матераго кедровнику напрасно и тщетно для малыхъ своихъ бездѣльныхъ корыстей, кромѣ суще законныхъ надобностей и нуждъ, отнюдь не опустошали и не рубили, а потребные съ тѣхъ кедровъ орѣшки и шишки обирали, а не порубали бы не только всего дерева, но и сучья берегли“[1]). Но, во-первыхъ, не было возможности услѣдить за исполненіемъ этого приказанія во всѣхъ углахъ обширнаго края, а во-вторыхъ у властей и не было особеннаго желанія слѣдить по этому дѣлу. По крайней мѣрѣ въ 1800 г. начальство по вопросу объ обереженіи сибирскихъ лѣсовъ разсуждало уже иначе. Оно находило, что „растущіе въ Тобольской и Иркутской губерніяхъ лѣса по отдаленности и за неимѣніемъ водяной коммуникаціи въ пользу адмиралтейства обращены быть не могутъ, а по обширности ихъ и по числу обитателей въ тѣхъ губерніяхъ едва-ли могутъ втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ истребиться, то, судя по сему, не настоитъ надобности упоминаемымъ лѣсамъ дѣлать подробнаго описанія, при томъ-же гораздо нужнѣе въ тамошнемъ краю ободрять разведеніе пашень и расчистки для населенія, нежели сохранять лѣса, кои ни къ какимъ портамъ доставлять не можно“[2]).

[1]) Это распоряженіе Сибирской канцеляріи мы нашли прописаннымъ въ указѣ Тобольской духовной консисторіи томскому архимандриту Исаіи отъ 25 авг. 1755 г. за № 1783. Арх. Том. Алек. монаст., св. 16. Впрочемъ, еще ранѣе запрещалось сибирякамъ жечь лѣса, гдѣ производился соболиный ловъ. II. соб. зак. XII, № 8881.

[2]) Арх. Том. Алекс. монастыря; среди бумагъ 1800 г., связка 9.

Когда первый сибирскій и вчастности томскій русскій насельникъ принимался за хозяйство во всю свою силу, въ захватахъ полей, луговъ и всякихъ угодій онъ уже не стѣснялся. Захватывалъ земли, что называется larga manu. Московское правительство требовало, впрочемъ, чтобы Кузнецкіе служилые люди пахали за хлѣбное жалованіе 10 десятинъ въ полѣ, „а въ дву потому-жъ“[1]). Но само же это правительство знало, что въ Сибири „у служилыхъ и у посадскихъ людей и у пашенныхъ крестьянъ, пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ занято много, а не однѣ заимки и тѣ свои лишнія земли иногда продаютъ и закладываютъ, а иные даютъ въ закладъ по душамъ въ монастыри“, и, зная это, на своихъ требованіяхъ объ ограниченіи надѣловъ особенно не настаивало, тѣмъ болѣе въ отношеніи къ мѣстностямъ, „гдѣ людей было мало, а земель порожнихъ много“[2]). А таковъ именно и былъ въ то время Томскій край. Въ первой половинѣ XVIII в. ограничительныя на счетъ надѣла требованія если и предъявлялись, то опять таки только на бумагѣ. Кто и какъ могъ узнать сколько забирали себѣ земли крестьяне, селившіеся во многихъ случаяхъ самовольно, да притомъ въ такихъ мѣстностяхъ, куда властямъ добираться было не всегда легко и гдѣ насельники дѣлались явными спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ своего прихода въ новую сторону?

Во всякомъ случаѣ первый томскій крестьянинъ бралъ земли столько, сколько хотѣлъ. Въ 1767 году импер. Екатерина II съ упрекомъ указывала, что томскіе крестьяне имѣютъ въ своемъ владѣніи „отъ 500 до 1000 десятинъ на душу, кромѣ луговъ и лѣсовъ, коимъ и числа нѣтъ, но и тѣмъ они остаются не довольны, отнимая земли у инородцевъ“[3]).

[1]) Акт. истор. т. V, № 67.

[2]) Тамъ-же, т. III, № 138.

[3]) Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач. столпъ д. № 510.

Въ самомъ дѣлѣ первые русскіе поселенцы Томской страны постоянно вторгались въ исконныя владѣнія ясашныхъ инородцевъ, насильственно забирая огромныя части этихъ владѣній въ свою пользу. Дѣлалось это тѣмъ съ большею ревностію, что въ нерѣдкихъ случаяхъ пашенныя поля и сѣнокосныя луга русскіе находили у инородцевъ къ пользованію уже готовыми, т. е. отъ кустарника и лѣса ихъ прежнимъ давнимъ трудомъ уже очищенными. Мы имѣли предъ собою огромное дѣло о притѣсненіи ясашныхъ, поднятое сибирскимъ губернаторомъ Д. И. Чичеринымъ. Слѣдственная комиссія, назначенная по этому дѣлу изъ Тобольска и дѣйствовавшая въ Томскѣ и Кузнецкѣ въ 1764—6 годахъ, раскрыла, что русскіе обижали ясашныхъ тѣмъ, что селились на ихъ земляхъ, отнимали у нихъ лѣса, разныя угодья и рыбныя ловли. Члены комиссіи, во главѣ съ капитаномъ Ворошковымъ и лейбъ-гвардіи поручикомъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ, осмотрѣли у кузнецкихъ крестьянъ владѣнныя записи, выданныя имъ кузнецкими воеводами, и оказалось, что множество записей дано было въ ущербъ инородцамъ и въ нарушеніе ихъ старинныхъ владѣнныхъ правъ. Особенно не церемонились съ ясашными чиновники Колывано-Воскресенскаго вѣдомства Кругликовъ и Молчановъ, которые, какъ сказано въ дѣлѣ, „подъ претекстомъ размноженія хлѣбопашества нарочно, выжидая отъ ясашныхъ взятокъ, переселяютъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ на такія мѣста, гдѣ у ясашныхъ были звѣриные промыслы—лисьи, бобровыя и соболиныя гнѣзда“. Тѣ мѣста ясашные берегли и „старались всегда ловить звѣря столько, чтобы въ тѣхъ лѣсахъ заводъ оставался“,—между тѣмъ новоселенные русскіе „вылавливаютъ и выбиваютъ звѣря безъ остатку“. Вообще Кругликовъ и Молчановъ своими произвольными, притѣснительными и корыстными дѣйствіями довели ясашныхъ до того, что „великое множество иновѣрцовъ перебѣжало въ китайскія владѣнія, а

другіе ушли въ самые отдаленные лѣса, гдѣ и сыскать ихъ не можно“[1]).

Кромѣ насильственнаго захвата земель, русскіе безпокоили инородцевъ и своимъ общимъ истребительнымъ отношеніемъ къ лѣсамъ. Въ 1754 г. ясашные пожаловались, что обыватели Верхотомскаго округа бр. Сусловы пустили отъ себя огонь и пожгли край тайги версты на 1½ шириною, „а въ этой тайгѣ прежде былъ звѣрь—лось, а нынѣ того звѣря стало меньше“[1]).

Какъ ни велики были земельные участки у старинныхъ томскихъ крестьянъ, часто они оставались не довольны и ими и, поживши на одномъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, переходили въ другія мѣстности, на ихъ взглядъ, болѣе удобныя и болѣе изобильныя. Переходили подъ предлогомъ, что на прежнемъ жилищѣ поля выпахались, или они всегда были малоплодородны. Но мы думаемъ, что у насельниковъ изъ бѣглыхъ передвиженіе нерѣдко входило въ привычку. И еще резоннѣе находимъ объясненіе въ томъ, что, при огромномъ множествѣ и просторѣ не занятыхъ мѣстъ, у крестьянъ, въ дѣлѣ выбора лучшихъ для осѣдлости участковъ земли и угодій, разбѣгались глаза.

Крестьянскія передвиженія изъ одного угла Томскаго края въ другой были постояннымъ явленіемъ въ продолженіи XVII и начала XVIII в. Но они продолжаются и позднѣе, когда начальство кабинетскаго вѣдомства взяло томскую колонизацію подъ свой надзоръ, подчинило ее своей регистраціи. Въ 1759 г. сама Колывано-Воскресенская канцелярія свидѣтельствовала, что „въ здѣшнихъ мѣстахъ крестьяне, имѣющіе пашни и земли, оныя оставляютъ и вновь распахиваютъ не по малому числу, а иные затѣмъ и деревни прежнія туне оставляютъ и, переѣзжая, въ дру-

[1]) Дѣло о притѣсненіи ясачныхъ инородцевъ. Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач., столпъ № 510. Ср. столпъ №461 „объ обидахъ ясашнымъ“.
[1]) Арх. Кол.-В. Горн. Нач. столпъ дѣлъ № 461. л. 134–135.

гихъ мѣстахъ селятся“[1]). Въ 1746 г. просили дозволенія на переселеніе въ Кулундинскую степь къ р. Кулундѣ многіе изъ крестьянъ Малышевской слободы и въ томъ же году нѣкоторые изъ крестьянъ Бѣлоярской слободы перешли на новое мѣсто къ Усть-Каменогорску[2]). А въ 1761 г. крестьянинъ Боровиковъ съ товарищи нашелъ нѣкоторыя неудобства и въ жительствѣ подъ Усть-Каменогорскомъ и обыскалъ мѣсто для заведенія новой деревни близъ „старицы Зевакиной“[3]).

Въ 1773 г. „за крайнимъ оскудѣніемъ прежнихъ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ“ перешли на лѣвую сторону Чарыша на Елбанскій мысъ жители дер. Урюпиной и къ Чарышу же направились и крестьяне Парфеновскаго зимовья[4]).

Въ 1777 г. „за неимѣніемъ на прежнихъ жительствахъ довольныхъ по крестьянскому обряду выгодъ“ вышло нѣсколько хозяевъ изъ деревень Соколовой, Тырышкиной, Базуновой, Боровлянской, Разсказихи (нынѣшнихъ Бійскаго и Барнаульскаго округовъ) и основали деревню Плѣшкову близъ р. Катуни[5]).

Въ продолженіе 1779 г. „за тою причиною, что прежнія поля выпахались“, крестьяне деревни Морозовой (Бердскаго округа) перешли въ Малышевскую слободу на „порожее“ мѣсто между деревнями Островной и Сусловой. Крестьяне изъ дерев. Прижималовой, Язовой и Шишкиной (Бѣлоярской слободы) переселились на устье р. Ребрихи, крест. дер. Чупиной (Бердскаго острога) на новыя мѣста къ р. Алею и многіе изъ крестьянъ Чаусскаго острога во вновь заведенную деревню Карасуцкую и т. дал., т. д.[6]).

[1]) Чт. Общ. истор. и древ. Р. 1867, II, стр. 262.
[2]) Тамъ-же, стр. 255.
[3]) Тамъ-же, стр. 265.
[4]) Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Начальства въ столицѣ дѣлъ № 718.
[5]) Дѣло объ отдачѣ рыбн. ловель по рѣкѣ Катуни.
[6]) См. Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач. столицъ д. № 991. Не укрылось обыкновеніе сибиряковъ-томичей переходить съ мѣста на мѣсто для выбора лучшихъ полей и отъ вниманія ученаго путешественника Палласа. Путешествіе. Кн. II, ч. 2, стр. 307.

Въ настоящее время сибиряки очень часто порицаютъ переселенцевъ изъ Россіи за то, что непосѣдливы, что бродятъ по Сибири, ища лучшихъ мѣстъ. Но, очевидно, сибиряки-старожилы порицаютъ новоселовъ за то, что когда-то, въ лицѣ своихъ прадѣдовъ и дѣдовъ, переживали сами.

Прежде чѣмъ говорить до какой степени томскій крестьянинъ могъ развить свое матеріальное благосостояніе въ случаѣ прочной осѣдлости на одномъ мѣстѣ, остановимся на изображеніи сторонъ, въ нѣкоторой мѣрѣ тормозившихъ его внѣшнее благополучіе.

Первые русскіе насельники Томскаго края должны были жить съ великимъ береженіемъ. Они должны были жить такъ въ виду постоянныхъ вторженій въ край со стороны внѣшнихъ враговъ. Къ востоку отъ Томскаго района по рр. Абакану, Уйбату, Унѣ и обоимъ Юзамъ, изъ сліянія коихъ образуется р. Чулымъ, обитали киргизы[1]), а къ югу и юго-западу отъ него жили калмыки, принадлежавшіе обширному Джунгарскому царству. Тѣ и другіе изъ кочевниковъ искони привыкли считать земли Томской области своимъ достояніемъ, постоянно врываясь сюда или для кочевья, или для сбора даней съ слабосильныхъ инородческихъ аборигеновъ края. Съ занятіемъ этого послѣдняго русскими людьми озлобленные киргизы и калмыки являются сюда иногда въ огромныхъ массахъ съ цѣлію или вытѣснить отсюда новыхъ пришельцевъ отъ бѣлаго царя, или, по крайней мѣрѣ, вернуть свою власть надъ ясачными, которыхъ русскіе перетянули къ себѣ и подчинили въ свою пользу.

Къ самому Томску киргизы враждебно подходили въ 1614, 1624, 1630, 1654, 1668, 1672, 1674, 1680[2]) и особенно часто, начиная съ этого послѣдняго года, при чемъ являлись, какъ говорили тогдашніе служилые люди,

[1]) Акты истор. V, № 104.
[2]) См. старинные синодики Том. Алексѣевскаго монастыря и Томской Благовѣщенской церкви и Доп. къ акт. истор. V, № 92.

главнымъ образомъ въ сѣнокосъ и страдную пору „многолюдствомъ, съ ружьемъ, съ пищалями, съ сайдаки и съ сабли, въ пансыряхъ и куякахъ и иныхъ воинскихъ доспѣхахъ и чинили всякое разореніе: деревни жгли, скотъ отгоняли, на пашняхъ людей побивали и промышленныхъ и ясашныхъ людей разоряли и побивали".

Въ 1668 г. киргизы разорили только-лишь заведенную монастырскую деревню Пачинскую, а немного прежде подъ самымъ Томскомъ не только пожгли нѣсколько русскихъ поселковъ, но не пощадили опустошеніемъ и Томскаго Алексѣевскаго монастыря, стоявшаго въ тѣ времена внѣ города, въ нѣкоторой дали отъ крѣпости[1]). При нападеніи 1672 г. кочевники перебили много служилыхъ людей, не мало пашенныхъ крестьянъ и на ряду съ ними крестьянскихъ женщинъ, дѣвицъ и даже дѣтей-младенцевъ муж. и жен. пола[2]).

Въ 1680 г. приказчикъ Сосновскаго на Томи острога Матвѣй Кулаковскій извѣстилъ томскихъ служилыхъ людей: „пришли де войной на Томскій уѣздъ и подъ Сосновскій и Верхотомскій остроги и на села и на слободы и на деревни киргизскіе воинскіе люди и киргизскій князецъ Шалдычко Сетикѣевъ, да вора и измѣнника Еренячка сынъ Шапчко, да зять его Еренячковъ Кашка. И тѣ воры Томскій уѣздъ, села, слободы и деревни воевали и государевыхъ всякихъ чиновъ людемъ уронъ учинили, дворы жгли и всякій скотъ отогнали безъ остатку и въ кладяхъ сжатые снопы во многихъ деревняхъ сожгли". На этотъ разъ вышелъ съ войскомъ противъ „вороговъ" сынъ боярскій Старковъ и сразился съ ними въ трехъ дняхъ пути отъ Томска вверхъ по Томи. Киргизы потерпѣли полное пораженіе, многіе изъ нихъ были убиты, многіе потонули въ рѣкѣ. Былъ убитъ и князецъ

[1]) Доп. къ акт. истор. т. V, № 92.
[2]) Synodikъ Том. Алексѣевск. монаст. л. 36.

Шалдычко. Голову его служилые съ торжествомъ принесли въ Томской на копьѣ[1]).

Въ 1697 г. тѣ же недруги снова подъѣзжали подъ Верхотомскій острогъ и воровски отогнали у верхотомскихъ крестьянъ 17 лошадей, 50 штукъ рогатой скотины и „бѣгучи дорогою, того скота перекололи многое число"[2]).

Часто и прежде киргизы хозяйничали среди ясашныхъ по р. Чулыму, откуда иногда простирали грабежи до самаго Кетскаго острога[3]), а въ упомянутомъ 1697 г. въ мѣстностяхъ по той рѣкѣ они дѣйствовали съ особою свирѣпостію: „ясашныхъ грабили, и разоряли и которые звѣри у ясашныхъ были съ промыслу въ ясакъ, и тѣ всѣ звѣри, соболи и лисицы и горностали и котлы и топоры и ножи и огнива и лошади грабежомъ взяли, и къ Мелесскому острогу боемъ приступали и стояли подъ тѣмъ острогомъ 8 дней, побивъ служилыхъ 4 человѣка"[4]). Въ слѣдующемъ 1698 г. тамъ-же, на Чулымѣ (въ районѣ нынѣшняго Марійнскаго округа), киргизы въ русскихъ деревняхъ убили муж. и жен. полу 14 человѣкъ, домы ихъ разграбили, а одного человѣка, „поймавъ, ногами вверхъ привязали на дерево, распороли у него грудь и ругались всячески"; лошадей угнали на этотъ разъ 310 головъ[5]).

Особенно большой походъ въ томскія русскія владѣнія киргизы замыслили и совершили въ 1700 году. Они шли тогда къ Томску двумя отдѣльными отрядами. Одинъ двигался отъ р. Яи и на пути разорилъ русскія деревни Бурнашеву, Бедрину и Долгову, при чемъ было убито русскихъ 15 челов.[6]). Другой шелъ правымъ берегомъ Томи и въ свою очередь успѣлъ разорить 6 дворовъ и у

[1]) Допол. къ акт. истор. т. VIII, № 15, стр. 44, 45, 47.
[2]) Памятники Сибир. исторіи ч. I, № 13, стр. 70.
[3]) Доп. къ акт. истор. т. VIII, № 15.
[4]) Пам. Сиб. истор. ч. I, № 1, стр. 9.
[5]) Тамъ-же, ч. I, стр. 70.
[6]) Тамъ-же, стр. 90 сн. 101.

Верхотомскихъ крестьянъ убить бабъ и дѣвокъ 5 человѣкъ[1]). Противъ отряда, шедшаго отъ Яи, выступилъ изъ Томска со служилыми Осипъ Качановъ, а противъ киргизъ, грабившихъ по Томи, томскій воевода командировалъ сына—боярскаго Тупянскаго. Послѣдній сразился съ непріятелемъ близъ помянутой монастырской деревни Пачинской и разбилъ ихъ на голову[2]).

И въ этомъ 1700 г. киргизы не забыли Чулыма, гдѣ пожгли дер. Серединину, „человѣкъ съ 30 русскихъ и ясашныхъ побили до смерти, а инымъ носы и уши рѣзали; и скота угнали много“[3]).

Земли Кузнецкаго вѣдомства безпокоили не только киргизы, но еще калмыки и пожалуй не столько первые, сколько послѣдніе, а иногда и тѣ и другіе вмѣстѣ. Какъ часто вторгались враги въ Кузнецкій уѣздъ и подходили подъ Кузнецкій городъ, видно изъ слѣдующаго историческаго документа. Въ 182 (1674) г. въ Томской съѣзжей избѣ подали заручную челобитную Кузнецкаго острога дѣти—боярскіе, конныхъ и пѣшихъ казаковъ атаманы, пятидесятники, десятники и рядовые конные и пѣшіе казаки и всякихъ чиновъ служилые люди и пашенные крестьяне, и въ ихъ челобитной было написано: „въ прошломъ 1638 г. воръ и измѣнникъ Табунковъ отецъ Кока съ своими улусными приходили подъ Кузнецкой войною, и кузнецкихъ служилыхъ и всякихъ чиновъ людей и подгородныхъ юртовыхъ татаръ многихъ побили и лошадей и рогатый скотъ отогнали безъ остатку и на твоей великаго государя десятинной пашнѣ и у служилыхъ и всякихъ чиновъ людей жатой хлѣбъ пожгли, а нежатой потоптали“...

„Да въ прошломъ 1639 г. тѣ-же воры и измѣнники бѣлые калмыки приходили подъ Кузнецкой острогъ обманомъ,

[1]) Тамъ-же, стр. 6—7.
[2]) Тамъ-же, стр. 19.
[3]) Тамъ-же, стр. 96.

будто съ торгомъ и на калмыцкомъ торговищѣ служилыхъ и всякихъ чиновъ людей многихъ побили и русскіе товары побрали“. Затѣмъ въ челобитной изложено исчисленіе калмыцкихъ нападеній въ 1665, 1666, 1667, 1672, 1673 годахъ, при каковыхъ нападеніяхъ калмыки „у кузнецкихъ служилыхъ людей деревни жгли и въ деревняхъ людей побивали и лошадей и рогатый скотъ отгоняли и ясашныхъ людей побивали-же“[1]).

Въ 1674 г. разорилъ и жегъ деревни по Томи калмыцкій князецъ Ирка съ товарищи. Русскіе погнались за Иркою и догнали за р. Обью, гдѣ успѣли нанести ему полное пораженіе[2]).

Къ концу XVII в. калмыки и киргизы приходили въ Кузнецкій уѣздъ чуть „не по вся годы“[3]).

Киргизы, разбитые Тупянскимъ на Томи „въ трехъ днищахъ“ отъ Томска (1700 г.), кинулись къ Кузнецку и здѣсь, соединившись съ калмыками, осаждали городъ въ продолженіе 10 дней, грозясь Кузнецкой и его уѣздъ разорить „всеконечно“. Храбрые служилые кузнецкіе люди во главѣ съ воеводою Иларіономъ Синявинымъ частыми вылазками и стрѣльбою изъ пушекъ кочевниковъ отъ своего города отогнали. Тѣмъ не менѣе многолюдное скопище враговъ нанесло Кузнецку и его окрестностямъ большой уронъ и на этотъ разъ. Сожжены были близкія къ городу деревни, разоренъ Кузнецкій Христорождественскій монастырь. Враги побили до смерти сына—боярскаго Петра Буткѣева, пѣшаго казака Хлыновскаго, Преображенской церкви понамаря Кирилла, казачьихъ дѣтей 12 челов., крестьянъ, застигнутыхъ на пашняхъ, 2 челов. муж. пола и 16 женскаго. Нѣкоторыхъ захватили въ плѣнъ. Полонили съ пашенъ казачьяго сына Ѳеодора Шелковникова,

[1]) Доп. къ акт. истор. т. VI, № 93.
[2]) Истор. акты, собр. Ив. Кузнецовымъ. Вып. II, стр. 84.
[3]) Памятн. Спб. истор. ч. I, стр. 8, 9, 11.

© ГПИБ СОРАН

казачью вдову Ѳедосью Бызову да вдову убитаго понамаря Кирилла—Анну[1]).

Сколько разъ ходили въ непріятельскія земли для устрашенія недруговъ сами русскіе,—исчисленіе этихъ походовъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Удовольствуемся указаніемъ, что послѣ усиленныхъ нападеній киргизъ на Томскій и Кузнецкій уѣзды въ концѣ XVII в., кочевниковъ громили въ самыхъ ихъ улусахъ томскіе служилые люди въ 1700 г. подъ начальствомъ сыновей—боярскихъ Юрія Роецкаго и Осипа Качанова[2]), въ 1701 г.—Семена Лаврова и Алексѣя Кругликова, въ 1703—Михаила Лаврова, въ 1704 г. опять Осипа Качанова съ казачьимъ головою Саввою Цыцуринымъ[3]).

Но въ то-же время ихъ били еще изъ Красноярска и Кузнецка и кочевники присмирѣли. Киргизы пріутихли. Но калмыки еще долго давали о себѣ знать. Джунгарское царство было еще сильно. Когда русскими была построена линія Иртышскихъ крѣпостей, Джунгарскій ханъ Цеванъ-Роптанъ пришелъ въ сильный гнѣвъ и отправилъ къ Ямышевской крѣпости войско изъ 10000 калмыковъ подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата Цэринъ-Дондуба[4]). Дондубъ долженъ былъ разорить крѣпость до-тла. Русскіе отстояли ее, хотя потомъ на время все-таки же вынуждены были отсюда выйти. Подверглась временному разоренію и Бійская крѣпость вскорѣ послѣ ея построенія[5]). Отдаленная крѣпость Усть-Каменогорская во многихъ случаяхъ переживала крайнія опасности для своего существованія. Демидовъ, построившій на Алтаѣ заводы Колывано-Воскресенскій, Шульбинскій и Барнаульскій, старался огораживать ихъ надежными крѣпостными сооруженіями,—имѣлъ при заводахъ пушки, содержалъ на свой счетъ солдатъ и требовалъ, чтобы и мастеровые въ стрѣльбѣ были искусны[1]). Съ переходомъ заводовъ въ казну, ихъ охраняло правительственное войско.

[1]) Памятн. Сиб. истор. ч. I, № 20, стр. 92—96.
[2]) Нам. Сиб. истор. I, стр. 36—37 сн. 108.
[3]) Тамъ-же, стр. 228—229.
[4]) Рукописная тетр. Ст. Ив. Гуляева. Сн. Щегловъ. Хронологич. перечн., стр. 164.
[5]) Gmelins Reise. Th. I, s. 2 3.

Въ 1740-хъ годахъ прошлаго столѣтія русскія Алтайскія владѣнія часто безпокоили своими вторженіями подчиненныя Джунгаріи племена Урянхайцевъ и Каракольцевъ. Въ 1749 г. бухаретенинъ Адамъ и прапорщикъ Подзоровъ дали знать, что въ скоромъ времени намѣренъ идти большимъ походомъ на земли Кабинетскаго заводскаго вѣдомства и самъ Джунгарскій ханъ съ огромнымъ войскомъ, и вся колыванская линія начала усиленно готовиться къ боевому отраженію[2]). Гроза миновала. Смуты и междоусобія, возникшія въ Джунгарскомъ царствѣ къ половинѣ XVIII ст., сильно пошатнули его прежнюю мощь. Это какъ разъ было на руку китайцамъ, для которыхъ Джунгарія издавна составляла самое ненавистное сосѣдство. Китайцы покончили съ Калмыцкимъ владѣніемъ, присоединивъ большую часть его земель къ своей имперіи. Но начинаютъ за то вторгаться въ русскіе предѣлы и сами ки-

[1]) Гмелинъ сообщилъ, что въ 1734 г. Колыванскій заводъ обнесенъ былъ валомъ съ 4 крѣпостными бастіонами и имѣлъ защитниковъ, кромѣ мастеровыхъ, въ отрядѣ кузнецкихъ солдатъ изъ сотни человѣкъ, которыхъ Демидовъ содержалъ на свой счетъ. I. G. Gmelins. Reise... I, S. 255—256. При постройкѣ Барнаульскаго завода (1739—1740 г.) Демидовъ вошелъ съ ходатайствомъ къ правительству, чтобы, въ виду опасностей отъ непріятелей, ему было позволено построить въ Барнаулѣ крѣпость и отпустить для этой крѣпости надлежащее число чугунныхъ пушекъ «за указанную цѣну». Канцелярія Главн. Управл. Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ находила, что «около означеннаго Барнаульскаго его, Демидова, завода крѣпость для безопасности отъ находящихся въ тамошнихъ мѣстахъ народовъ построить и потребное для содержанія оной число пушекъ отпустить надлежитъ». И нынѣ ему, Демидову, «для безопасности, дабы находящіеся при строеніи завода люди паче чаянія какъ-либо въ непріятельскія руки не попались или погублены не были, ею, канцеляріею, велѣно уже сдѣлать укрѣпленіе, какое за способное усмотрится». Кабинетъ Министровъ, выслушавъ мнѣніе канцеляріи Главн. Управл. заводовъ, постройку крѣпости въ Барнаулѣ на собственный счетъ Демидова разрѣшилъ съ тѣмъ, чтобы въ крѣпости было 8 пушекъ и ружья человѣкъ на 100.—Пол. соб. зак. XI. № 8444. 16 сентяб. 1741 г.—Крѣпостныя сооруженія около заводовъ Шульбинскаго, Колыванскаго, Барнаульскаго и Змѣиногорскаго рудника не опустили описать ученые путешественники по Сибири Палласъ и Фалькъ.—Палласъ. Путешествіе, кн. II, ч. 2, стр. 204, 311, 358, 382. Фалькъ. Собраніе ученыхъ путешествій. т. VI, стр. 449, 473, 495, 498.
[2]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач., столпъ дѣлъ безъ описи за 1750 г.

тайцы. Въ 1750 годахъ китайская армія, истребивъ множество Джунгарскихъ калмыковъ, проливъ въ Джунгаріи рѣки крови чуть не въ буквальномъ смыслѣ слова[1]) и преслѣдуя затѣмъ Урянхайцевъ, дошла до Колыванскаго завода, при чемъ произвела въ этомъ, какъ и въ другихъ заводахъ, страшный переполохъ[2]). Огромное китайское войско въ 1755 г. появилось за Телецкимъ озеромъ. Китайцы пришли сюда съ требованіемъ подданства отъ алтайскихъ кочевниковъ[3]).

Послѣ разгрома Джунгаріи приблизили свои кочевья къ р. Иртышу, между Омскомъ и Устькаменогорскомъ, доселѣ подчиненные джунгарцамъ киргизъ-кайсаки[4]). Въ свою очередь и они производили набѣги по направленію къ русскимъ селеніямъ съ цѣлями грабежа и воровства[5]).

Чужеземныя вторженія за первую половину XVIII в. не были такъ опустошительны, какъ киргизскія и калмыцкія нападенія въ XVII вѣкѣ. Тѣмъ не менѣе и теперь, помимо убійствъ, бывали захваты людей въ плѣнъ, слѣдовали за вторженіями и разныя убыли въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Посланный въ Джунгарію въ 1731 или 1732 шпацъ-маіоръ Угрюмовъ вытребовалъ у калмыцкаго хана Галданъ-Церика многихъ плѣнныхъ, захваченныхъ калмыками въ разныхъ частяхъ южной окраины Сибири, въ томъ числѣ и въ южныхъ предѣлахъ Томской страны. Русскіе плѣнники, какъ сказано о нихъ въ указѣ, „живя межъ калмыкъ, имѣли при себѣ вмѣсто женъ плѣнницъ, а другіе калмычекъ, жили съ ними беззаконно и прижили дѣтей муж. и женск. полу, и тѣ дѣти

[1]) Извѣстно, что въ 1754 г. китайцы избили до 1 милліона джунгарцевъ. Щегловъ, 256.

[2]) Изъ рукописи Гуляева.

[3]) Щегловъ. Хронологическій перечень, стр. 255.

[4]) Тамъ же, стр. 260.

[5]) Кромѣ вторженій отдѣльными группами, киргизы входили изъ за Иртыша къ русскимъ алтайскимъ селеніямъ иногда массами, при чемъ любили останавливаться для кочевья преимущественно по р. Алею. Въ такихъ случаяхъ кровавыя схватки кочевниковъ съ русскими были обычнымъ явленіемъ. Арх. К.-В. Горн. Нач., № 448.

—не крещены". Въ свою Томско-Кузнецкую сторону явились плѣнные: дворянскій сынъ Дмитрій Лавровъ съ женою, казачьи дѣти: Иванъ Соломатовъ и Трофимъ Петровъ съ сыномъ, солдатъ—Степанъ Ковалевъ, посадскій Ив. Фолинъ, крестьянинъ Семенъ Яковлевъ, бобыль Флоръ Потеряевъ и гулящій человѣкъ Ив. Хомутовъ съ 3 дочерьми[1]).

Въ 1747 г. крестьянинъ Иванъ Стремляновъ показывалъ объ отцѣ своемъ Алексѣѣ Стремляновѣ, что онъ не былъ записанъ въ I ревизію затѣмъ, что былъ *„въ полону* у калмыковъ" и прожилъ въ томъ полону 19 лѣтъ[2]).

Въ 1763 г. слѣдовалъ чрезъ нынѣшніе Змѣиногорскій и Бійскій округа бухарскій торговый караванъ. Въ числѣ женщинъ, бывшихъ при караванѣ, одна крестьянка опознала свою полоненную въ малолѣтствѣ дочь, теперь уже взрослую, говорившую по татарски и одѣтую въ татарское платье[3]).

Въ 1750 году прибыли къ одной Алтайской новопоселеніой деревнѣ нѣсколько человѣкъ Телеутскихъ калмыковъ. Крестьяне всполошились, приняли пришельцевъ за враговъ и затѣмъ, переловивъ ихъ, перевязали, надѣли на нихъ колодки и повезли въ Колыванскую горную контору. Но здѣсь оказалось, что эти калмыки шли къ русскимъ селеніямъ съ мирными торговыми цѣлями[4]). Въ слѣдующемъ году жители деревни Иконниковой (около Катунской

[1]) Епархіальная Тобольская власть распорядилась: „плѣнныхъ, какъ обрѣтающимся въ Тоболъскѣ, такъ и отпущенныхъ Угрюмовымъ въ Томскъ, Кузнецкъ и оставленныхъ имъ въ Тарѣ—заповѣдать: обычный постъ до дня Успенья Пресв. Богородицы, а прочихъ, по полученіи указа, какъ приличнѣе, выучить молитвы: Отче нашъ, Богородицу, Вѣрую во единаго, а некрещеныхъ дѣтей крестить во имя Отца, Сына и св. Духа. Послѣ поста и крещенія всѣхъ удостоить причащенія св. таинъ. А которые изъ оныхъ имѣютъ у себя на Руси женъ и поженились на другихъ, бывшихъ въ плѣну, то тѣхъ второпоятыхъ женъ приказать оставить, а велѣть жить съ первоначальными женами, хотя оныя и въ замужество безъ нихъ посягнули, и жить имъ по прежнему съ своими мужьями.—Указъ Том. архим. Порфирію изъ Тобольск. Архіер. канцеляріи отъ 11 іюля 1733 г. № 331. Арх. Том. Алек. монаст., связ. 15.

[2]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 35, 1748 г.

[3]) Изъ арх. Барн. Д. Прав.

[4]) Арх. Кол.-В. Горн. Нач., въ столпъ дѣлъ № 94.

крѣпости) просили переселить ихъ на другое мѣсто и мотивировали просьбу тѣмъ, что „находятся близъ границы, гдѣ жить не безопасно“[1]).

Естественно, что враги съ ихъ постояннымъ рвеніемъ ко вторженіямъ и нападеніямъ заставляли томское населеніе держаться въ условіяхъ готовности на боевой отпоръ. Должны были быть готовы къ оборонѣ не только служилые люди, но и крестьяне. Царь Петръ Алексѣевичъ грамотой отъ 1700 г. потребовалъ, чтобы „въ Тобольскомъ уѣздѣ и Тобольскаго разряду въ городѣхъ и слободахъ служилые всякаго чина люди и крестьяне жили съ опасеніемъ, чтобы не только у служилыхъ, но и у крестьянъ пищали, копья и сайдаки были непремѣнно. А буде у крестьянъ у кого ружья нѣтъ, покупали-бъ и на хлѣбъ вымѣнивали. А кога у нихъ, крестьянъ, зимою дѣла нѣтъ, устроя у ста человѣкъ по капитану и поручику, ихъ братію, мужиковъ, воинскому дѣлу учить безъ отговорки... А около слободъ и деревень покопали бы рвы и около рвовъ учинили бы надолобы и всякія крѣпости и ставили-бъ караулы. А во время пашни, жатвы и сѣнокосу выходили бы на поля съ ружьемъ готовымъ, чтобы всегда, какъ непріятель подойдетъ, могли бы съ нимъ биться и себя оборонять и ставить въ то работное время, гдѣ служилыхъ нѣтъ изъ своей братіи крестьянъ караульщиковъ, перемѣняясь... А начальнымъ людямъ и приказчикамъ безоружнымъ людямъ и за оплошку карауловъ чинить наказаніе, смотря по винѣ. А на тѣхъ непріятелей, которые подъ наши великаго государя городы подъ Кузнецкой, Томской и Красноярскій приходили и всякое разореніе и побіеніе чинили и скотъ отгоняли,— на тѣхъ непріятелей въ удобное время нашихъ, великаго Государя, ратныхъ людей съ ружьемъ, пушками и съ ручными гранаты посылать и, сколько Господь Богъ помощи дастъ, промыслу воинскаго надъ ними искать и ихъ войско смирять, чтобы они впредь опасны были подъ наши, великаго Государя, городы и слободы приходить“[1]).

Всѣ указанные предосторожности вмѣнены были въ обязанность и томскимъ крестьянамъ, хотя по малолюдству здѣшняго крестьянскаго населенія онѣ около Томска и Кузнецка едва-ли могли быть примѣнены во всей точности. Впрочемъ, надолобы вокругъ болѣе или менѣе крупныхъ деревень ставились и здѣсь. Мы знаемъ, наприм., что-то въ родѣ крѣпостныхъ сооруженій имѣли села Начинское на Томи[2]) и Богородское на Оби.

Въ 1741 г. отправляя къ южнымъ предѣламъ Зап. Сибири войсковые отряды изъ Тобольска для предосторожности отъ нападеній Зюнгарскаго владѣльца Голданъ-Церина, правительство напоминало, чтобы въ случаяхъ столкновеній съ калмыками, солдатамъ помогали бы и крестьяне „изъ мѣстныхъ жителей“[3]).

Горное Алтайское вѣдомство въ свою очередь настаивало, чтобы крестьяне, особенно близкихъ къ границѣ селеній, имѣли при себѣ оружіе непремѣнно. И даже въ 1773 г. оно

[1]) Тамъ-же. Впрочемъ, иногда русскіе и дружили съ заграничными обитателями, сбывая имъ съ выгодою для себя лошадей или производя съ ними мѣновой торгъ контрабадой. „При настоящихъ съ китайцами обстоятельствахъ, читаемъ мы въ дѣлѣ о притѣсненіи ясачныхъ (Арх. Кол.-В. Гор. Нач. столп. № 510), по границѣ строжайше приказано ни подъ какимъ видомъ и подъ жестокимъ штрафомъ лошадей въ китайскую сторону отнюдь не выпускать. Но не взирая на то, крестьяне заводскіе, соединясь съ отложившимися ясачными, великими табунами лошадей туда прогоняютъ и мѣняютъ китайцамъ и, хотя за нѣсколькими промѣнниками болѣе 100 лошадей команды гнались, но однако взять не могли“ (1767 г.). Въ 1772 г. Начальникъ Кузнецкой военной линіи Шрингеръ объявилъ распоряженіе, чтобы крестьяне за границу, за Антоніевскую крѣпость на промыслы не ходили. Распоряженіе было сдѣлано въ виду того, что «промышленники многіе годы вездѣ шатаются, а паче подъ видомъ пріисканія рудъ, въ звѣриныхъ промыслахъ какъ въ жилищахъ ясашныхъ татаръ, такъ и далѣе за границею употребляются, и отъ того всякія неудобства и опасности происходятъ» Ар. К.-В. № 665. Въ началѣ 1780-хъ годовъ Бійскій комендантъ премьеръ-маіоръ Богдановъ настаивалъ, что рыбныя ловли по р. Катуни въ оброкъ не отдавались, „дабы не воспослѣдовало отъ промышленниковъ злоупотребленія въ разсужденіи проѣздовъ до китайской линіи безъ всякаго дозволенія для потаеннаго торга“. Дѣло объ отдачѣ въ оброкъ рыбныхъ ловель по р. Катуни.

[1]) Памятники Спб. истор. ч. I. стр. 132—136.
[2]) См. Старинные монастыри Том. края, стр. 21.
[3]) Полн. соб. зак. т. XI, № 8332.

указомъ писало крестьянамъ:—„всегда признавалось необходимымъ здѣшняго вѣдѣнія живущимъ по деревнямъ крестьянамъ имѣть для всегдашней предосторожности отъ внезапнаго непріятельскаго нападенія порохъ и свинецъ. Теперь повторяется это распоряженіе съ требованіемъ, чтобы крестьяне пріобрѣтали вооруженіе за свой счетъ“[1]). А крестьянамъ вѣдѣнія Красноярской избы близъ Усть-Каменогорска то и дѣло напоминали изъ Барнаула, чтобы выѣзжали въ поле съ заряженными ружьями. Это было необходимостью въ виду частыхъ грабежей, какіе производили киргизъ-кайсаки изъза Иртыша[2]).

Когда опасности отъ нападеній внѣшнихъ враговъ начинаютъ исчезать, выступаютъ для томскаго крестьянства иныя бѣды, шедшія отъ враговъ внутреннихъ. Разумѣемъ усиленіе разбоевъ. Разбойничали бѣглые арестанты и среди нихъ каторжники, а также бѣглые заводскіе рабочіе—бергайеры.

До какихъ размѣровъ бѣглые колодники доводили свои разбои въ Сибири, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1745 г. колодники, препровождаемые изъ Тобольска къ Томску въ количествѣ 200 чел., когда плыли по Иртышу, взбунтовались, перебили конвой и приступили къ Сургуту съ цѣлью разгромить весь городъ[3]). А вотъ разбои, собранные по нашимъ матеріаламъ изъ исторіи Томскаго края.

Въ 1748 г. въ Колывано-Воскресенской канцеляріи состояло въ производствѣ очень крупное дѣло о разбояхъ, тамъ и здѣсь произведенныхъ разбойничьими атаманами бр. Селезневыми съ собранною ими большою шайкою. Судили только нѣкоторыхъ изъ сообщниковъ Селезневыхъ, а сами атаманы продолжали дѣйствовать въ чистомъ полѣ и темномъ бору[4]). Изъ другого дѣла отъ 1756 г. мы видимъ, что Селезневы не унялись еще

[1]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач., столпъ д. № 718.
[2]) Тамъ-же, въ томъ-же столпѣ.
[3]) Соловьевъ, т. XXII, стр. 336. Изд. Товар. „Общ. польза“.
[4]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач., столпъ д. № 79.

въ своихъ подвигахъ и въ это время. Они разбойничали тогда въ районѣ Космалинскихъ и Малышевскихъ деревень, гдѣ „грабили и людей рѣзали“[1]).

Разбойничья слава Селезневыхъ привлекала къ нимъ сподвижниковъ изъ другихъ иногда очень дальнихъ мѣстъ. Въ 1749 г. въ степи близъ Иртышскихъ крѣпостей были схвачены два малороссійца Солодщичевъ и Береутъ. Оба показали о себѣ, что были прежде въ ссылкѣ около Иркутска, откуда будто-бы были освобождены. Изъ ссылки отправились на Донъ чрезъ Семипалатную и Ямышевскую крѣпости, но на дорогѣ остановились въ дер. Меретской на Оби (близъ Барнаула), гдѣ, прослышавъ о Селезневыхъ „приходили къ нимъ, чтобы вмѣстѣ грабить Бухарцевъ, ѣхавшихъ съ товарами изъ Зюнгорской землицы“. Отъ Селезневыхъ ушли для разбоевъ къ Колундинской степи, а оттуда къ Кабановымъ озерамъ, гдѣ проживали въ промышленныхъ избушкахъ. Разбойничая независимо отъ Селезневыхъ, они имѣли сношенія съ крестьянами: Бѣлоярской слободы Шишкихъ и Малышевской—Мухинымъ[2]).

Вообще упомянутымъ въ этомъ эпизодѣ бухарцамъ, ѣздившимъ съ торговыми караванами къ Томску, доставалось напути отъ воровъ и разбойниковъ очень нерѣдко. Въ 1750 г. бухарскій караванъ пожаловался, что близъ с. Космалинскаго у него похищено много цѣнныхъ товаровъ и отогнано 10 лошадей[3]). Виновными оказались бѣглые, впрочемъ, въ данномъ случаѣ воровавшіе при участіи самихъ космалинскихъ крестьянъ. Опускаемъ жалобы бухарцевъ въ др. случаяхъ.

Весною 1764 г. убѣжали изъ Томска „съ канатовъ“ разбойники въ числѣ 18 человѣкъ. На берегу только лишь вскрывшейся рѣки бѣглецы раздобыли лодки, выбрали себѣ атамана и поплыли внизъ по Томи. На первый разъ разбойничья шайка высадилась

[1]) Арх. К.-Воскр. Г. Нач., столпъ № 224. О Селезневыхъ см. еще у Максимова „Сибирь и Каторга“. Ч. 2, стр. 164.
[2]) Арх. К.-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 79.
[3]) Тамъ-же, въ столпѣ д. № 518.

на островѣ близъ дер. Иштанской, гдѣ проживалъ съ семьею Иштанскій крестьянинъ Ив. Лоскутовъ,—разграбили имущество этого послѣдняго, обезчестили его дочерей и отправились въ дальнѣйшій путь. Изъ Томи перешли въ Обь, поплыли вверхъ этой рѣки, часто высаживаясь по берегамъ и наводя панику на всѣхъ побережныхъ жителей грабежами и убійствомъ[1]).

Въ 1772 году видимъ еще большую партію каторжныхъ, бѣжавшихъ изъ Томска же „съ каната“. Сначала бѣжавшіе чинили воровства, грабительства и убійства въ самомъ Томскѣ, а потомъ принялись грабить по дорогамъ и особенно по большому Московскому тракту. Томская комендантская канцелярія назначила для ихъ поимки оберъ-офицера, унтера, капрала и 20 человѣкъ изъ самыхъ рослыхъ и сильныхъ рядовыхъ. Колывано-Воскресенская канцелярія не замедлила разослать распоряженіе и отъ себя, чтобы крестьяне оказывали военнымъ поимщикамъ вспоможеніе, выѣзжая на помощь съ оружіемъ, „съ какимъ кто можетъ“. Вскорѣ отъ крестьянъ узнали, что разбойники „проплыли вверхъ по Оби мимо Чаусскаго острога и людямъ, бывшимъ на рыбномъ промыслу, а также по берегамъ на пашняхъ и въ деревняхъ чинили мучительства, а ихъ пожиткамъ большіе грабежи, при этомъ нѣсколькихъ человѣкъ ножами до смерти закололи“. Около с. Ирменскаго разбойники произвели новые грабежи и убійства. Ирменцы кинулись за ними цѣлымъ селомъ и на этотъ разъ покончили почти со всѣми. Спаслись только двое, убѣжавшіе въ Каргацкую степь[2]).

Какъ вообще часто появлялись въ нашемъ краѣ разбои, это ясно можно видѣть изъ ихъ перечня за упомянутый 1772 г. Въ этомъ году въ Томскомъ уѣздѣ, кромѣ указанной шайки, избитой жителями с. Ирменскаго, разбойничали еще каторжники Панкрушинъ

[1]) Арх. Том. Алексѣевск. монастыря. Дѣло 1764 г., св. 11.
[2]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 665.

и Элунинъ, имѣвшіе пристанище въ с. Зеледѣевѣ[1]). А около Барнаула въ то же время дѣйствовали двѣ партіи, одна выходившая изъ Барнаульскаго бора, а другая на дорогѣ изъ Барнаула въ Барабу. Въ послѣдней главенствовалъ атаманъ Лебеденокъ, воспоминаніе о которомъ, какъ память и о Селезневыхъ, долго хранилась среди барнаульцевъ[2]). Была еще разбойничья шайка около Змѣиногорска, состоявшая изъ 8 человѣкъ. При поимкѣ этихъ воровъ сержантъ Бронниковъ и его солдаты оказали самую явную трусость, за что Бронникова постигло разжалованіе на 1 мѣсяцъ въ рядовые, а солдатъ нещадное битье батогами[3]).

Мы сказали о разбояхъ, производимыхъ шайками, а сколько было разбойниковъ, орудовавшихъ въ одиночку?

Бродяга, странствующій за милостынею по деревнямъ,—это самое заурядное явленіе въ современной жизни на всемъ пространствѣ Томской губерніи. Въ прежнее же время въ предѣлахъ Томской страны бродягъ должно было быть значительно больше, ибо, кромѣ бѣглыхъ каторжниковъ и поселенцевъ, здѣсь сновали еще бѣглые съ заводовъ и рудниковъ Колывано-Воскресенскаго кабинетскаго вѣдомства. До какой степени развиты были бѣгства среди рабочихъ этого вѣдомства, это отчасти мы указали, когда приводилось говорить о каменьщикахъ. Теперь добавимъ, что случаевъ бѣгствъ отъ заводскихъ работъ и порученій, а также отъ тамошнихъ штрафованій и наказаній въ каждомъ году насчитывалось во всемъ заводскомъ вѣдомствѣ едва-ли менѣе сотни[4]). Недаромъ Колывано-Воскресенская канцелярія почти каждогодно снаряжала команды съ спеціальнымъ назначеніемъ розыска и поимки бѣглецовъ. Заводскіе бѣглецы не всегда

[1]) Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 665.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Въ томъ-же столпѣ.
[4]) Въ 1830 г. Барнаульская Военно-судная коммиссія рѣшила 75 дѣлъ о бѣгствахъ.—Опись рѣшенныхъ дѣлъ Военно-судной коммиссіи съ 1826 по 1837 г. въ Барнаул. Горномъ архивѣ.

утекали за Камень въ Бухтарму. Во многихъ случаяхъ они наравнѣ съ бродягами изъ ссыльныхъ кружились межъ деревень или устраивали себѣ пристанища въ пустыхъ мѣстахъ[1]): въ степи или лѣсахъ и, понятно, для добычи пропитанія, какъ и всѣ бродяги, не брезговали ни воровствомъ, ни грабежомъ, ни убійствомъ.

Беремъ примѣры изъ XIX ст., но при этомъ не думаемъ, что выступаемъ изъ предѣловъ своего обозрѣнія незаконно, такъ какъ въ первые десятки лѣтъ нынѣшняго столѣтія условія заводской жизни были тѣ же, что и въ прошломъ вѣкѣ и даже уже успѣли нѣсколько потерять въ своей суровости и жесткости. Въ 1835 г. около дер. Красиловой бродилъ бѣжавшій заводскій служитель Пестеревъ, при чемъ буйствомъ, воровствомъ и грабежами вывелъ крестьянъ этой и сосѣднихъ деревень изъ терпѣнія. Они рѣшили было выдать его начальству, но должны были отступиться отъ рѣшенія въ виду страшныхъ угрозъ со стороны Пестерева для ихъ жизни и благосостоянія. Одновременно съ Пестеревымъ жителей деревень Чингизскаго прихода сильно безпокоилъ грабежами бѣглый горный рабочій Клениковъ. Въ 30-же годахъ нынѣшняго столѣтія бѣглые изъ заводскихъ служителей Яренсковъ и Дмитріевъ угнѣздились около деревень Кузнецкаго округа: Усятской, Зенковой, Монастырской и с. Томскаго завода. Иногда эти бѣглецы ходили по этимъ деревнямъ для сбора милостыни, иногда въ страдное время работали у разныхъ хозяевъ по найму, а очень нерѣдко обворовывали крестьянъ въ ихъ домахъ, или останавливали ихъ для грабительства въ лѣсахъ. Разъ встрѣтили въ лѣсу двухъ дѣвицъ и принудили ихъ къ

[1]) Бывали бѣгства и заграницу «въ калмыки». Въ 1754 г. намѣревались къ побѣгу въ калмыки изъ Колыванскаго завода плавильный мастеръ Паутовъ, пробирщикъ Крыловъ съ товарищи и тарскій житель Прасоловъ. Всѣ за это намѣреніе были биты кнутомъ и сосланы въ каторжныя работы къ Нерчинску, за исключеніемъ Паутова и Крылова, которые, послѣ наказанія плетьми, посланы въ простые работники до выслуги.—Арх. К.-Воскр. Горн. Нач., въ столпѣ д. № 110.

блуду съ собою, послѣ чего наградили ихъ ситцемъ и платками, награбленными у крестьянина Уксунайской волости Сорокина[1]). Подобныхъ бѣглецовъ, повторяемъ, было множество.

Случалось, что и заводскіе бѣглецы группировали изъ себя цѣлыя разбойничьи шайки. Вышеупомянутые разбойники, грабившіе изъ Барнаульскаго бора и около Змѣиногорска, состояли, несомнѣнно, изъ бѣжавшихъ бергаловъ. Изъ бѣглецовъ того же разряда составилась партія, работавшая подъ атаманствомъ бр. Бѣлоусовыхъ.—Братья Константинъ, Прокопій и Елевферій Бѣлоусовы бѣжали съ заводовъ около 1825 г. и, собравъ около себя такихъ же бѣглецовъ въ числѣ 11 человѣкъ, угнѣздились въ верховьяхъ р. Убы, откуда воровствомъ, грабежами и смертоубійствомъ тревожили множество алтайскихъ селеній и деревень. Шайку, наконецъ, переловили, всѣхъ тяжко наказали кнутомъ и приговорили къ вѣчной каторгѣ. Но Бѣлоусовы бѣжали и съ каторги, и, присовокупивъ себѣ товарища въ лицѣ каторжнаго же Минѣева (изъ рабочихъ Салаирскаго рудника), возобновили грабежи въ прежнихъ мѣстахъ. На этотъ разъ ихъ рѣшились изловить крестьяне деревень Чечулихи и Каргонской. При поискахъ поимщики застигли разбойниковъ въ верховьяхъ р. Чарыша, но въ виду отчаянной храбрости послѣднихъ и хорошаго у нихъ вооруженія „взять ихъ не посмѣли“. Выступило на дѣло само горное начальство. Оно выслало противъ бѣглыхъ хорунжаго, двухъ урядниковъ и 20 казаковъ. Въ 15 верстахъ отъ деревни Каргонской вверхъ по рѣчкѣ того-же названія, среди горъ и утесовъ, казаки замѣтили человѣческіе слѣды, ведшіе въ крутизну большой сопки. Отрядъ, крадучись, пошелъ по слѣдамъ и, увидѣвъ избушку, кинулся на нее вразъ съ крикомъ „ура“!. Застигнутые врасплохъ разбойники отдались безъ сопротивленія[2]).

[1]) Всѣ эти примѣры взяты мною изъ Арх. К.-Воскр. Горн. Нач. столпъ д. „чрезвычайныхъ происшествіяхъ за 1834, 1835 и 1836 г.

[2]) Арх. Канцеляріи Главн. Начальника Кабинетскаго вѣдом. 1833 г. № 23.

Мысленно мы созерцаемъ Томскую деревню за прошлое время XVII и XVIII столѣтій. Въ XVII в. эта деревня состоитъ изъ 2, 3, 5 или много 10 дворовъ. Въ селахъ дворовъ было больше, но, какъ мы видѣли уже, села были чрезвычайно рѣдки. Въ слѣдующемъ столѣтіи деревня населеннѣе, но она все-таки въ большинствѣ случаевъ мала. „Крестьяне здѣшнихъ мѣстъ привыкли жить малыми деревнями“, говорила Горная Алтайская Канцелярія въ 1764 году[1]). А нѣсколько ранѣе въ 1758 г. Сибирская Губер. Канцелярія предписывала бригадиру Фрауендорфу строго слѣдить за тѣмъ, чтобы новоселяемые крестьяне въ нынѣш. Бійскомъ округѣ селились линіею въ одной деревнѣ, а не однодворками, и „для поселенія однодворками отнюдь никому мѣста не показывать и тѣми однодворками селиться накрѣпко запретить“[2]).

Расположена деревня на берегу степной рѣчки или у озера, вдали отъ котораго виднѣются колки или небольшія лѣсныя заросли. Это степная деревня гдѣ-нибудь въ глуши Кулундинской степи или на Барабѣ. Въ другихъ случаяхъ деревня находится на берегу большой рѣки, на Оби или Томи, или скрывается на небольшой полянѣ среди таежнаго еще почти не тронутаго лѣса или, наконецъ, пріютилась въ долинѣ, протянувшейся между неправильно раздвинувшимися хребтами Алтайскихъ вершинъ. Во всякомъ случаѣ деревни, раскинутыя на широкомъ пространствѣ дикихъ, маловоздѣланныхъ мѣстъ, находятся другъ отъ друга въ неблизкихъ разстояніяхъ. Одиночество и закинутость должны были придавать томскому поселку не веселый колоритъ.

Въ XVII в., если деревня находилась гдѣ-нибудь близъ Томи, жители ея, выѣзжая въ поле на работу, должны были совершать ее съ большой оглядкой: не покажется-ли гдѣ на быстрой малорослой лошади полудикій всадникъ въ мохнатой шапкѣ—

[1]) Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач., въ столѣ д. № 448.
[2]) Чт. общ. истор. и др. 1867 кн. 2, стр. 259.

этотъ передовой развѣдчикъ для огромной толпы кочевниковъ, ринувшейся для опустошеній къ Томску или Кузнецку. Тогда крестьянину нужно было бросать работу, спѣшить къ односельчанамъ съ вѣстію о грядущей бѣдѣ и затѣмъ укрываться съ имуществомъ или въ самое глухое недоступное мѣсто, или, что было гораздо надежнѣе, спасаться за тыномъ острога, охраняемаго храбростію служилыхъ людей. Съ такою же осторожностію долгое время въ продолженіе XVIII в. вынуждены были жить и обитатели новозаведенныхъ алтайскихъ деревень, потому что и новоселенный алтайскій крестьянинъ нѣтъ, нѣтъ да услышитъ, что тамъ или здѣсь калмыки, или киргизъ-кайсаки отогнали у русскаго лошадей, а иногда и хозяина связали и помчали въ свои становища въ качествѣ полоняника.

Миновали времена чужеземныхъ вторженій, но томскій крестьянинъ все еще не спокоенъ. Онъ продолжаетъ имѣть при себѣ заряженное ружье въ виду постоянныхъ слуховъ о разбояхъ, да и по собственному опыту ему вѣдомо, что на болѣе или менѣе дальнемъ пути, по которому нужно ѣхать для хозяйственныхъ или другихъ какихъ дѣлъ, рѣдко обойдется, чтобы не встрѣтить бѣглаго изъ тюрьмы или съ заводовъ. Иногда такая встрѣча пройдетъ совершенно благополучно. Оборванецъ смиренно подойдетъ къ крестьянину-путнику, попроситъ хлѣба, распроситъ о дорогѣ, завяжется бесѣда, которая закончится, пожалуй, тѣмъ, что крестьянинъ пригласитъ бѣглеца къ себѣ на страдную работу: живи де и работай, будешь сытъ и одѣтъ, а по праздникамъ и пьянъ, а отъ начальства въ лѣсу около нашей деревни есть гдѣ укрыться.

Но иногда бѣглый стремительно бросается подузцы лошади и на ея хозяина машетъ топоромъ. Тогда, понятно, безъ ружья плохо. Убилъ бродягу, тѣло—въ болото или въ сторону въ лѣсъ: никто не найдетъ, а если и найдетъ, то не обратитъ никакого вниманія.

Страхъ отъ непріятельскихъ вторженій и разбойничьихъ нападеній служилъ тормозомъ развитію благосостоянія томскаго крестьянина, но однакоже не настолько важнымъ, чтобы въ данномъ случаѣ этотъ страхъ могъ представлять существенную препону[1]). Повторяемъ: томскій пахарь могъ пахать и косить сколько хотѣлъ;—на своемъ огромномъ участкѣ онъ могъ постоянно поднимать цѣлину лишь-бы не залѣниться выкарчевывать древесные корни и чистить луга отъ кустарника. Въ лѣсу безъ особаго утомленія можно было добыть цѣннаго звѣря[2]), въ рѣкахъ наловить много рыбы. Дичи можно было бы набить цѣлые воза, еслибы только было куда сбывать ее продажею. Бѣдно существовалъ въ деревнѣ развѣ только недавно приписанный къ ней крестьянинъ изъ пришлыхъ. Онъ помимо того, что поселился ни съ чѣмъ, кромѣ маленькой подмоги, заработанной на Колыванскихъ заводахъ, —онъ, отъ долгаго шатанья въ бѣгахъ, иной разъ отвыкъ отъ крестьянскаго дѣла. Но противъ его лѣни существовалъ окрикъ чиновника отъ горнаго начальства, а въ этомъ окрикѣ упоминались не только розги, но и плети[3]). А разъ пришлый сломилъ лѣнь, онъ выбьется изъ нужды непремѣнно. Въ общемъ матеріальная жизнь слагалась въ условія, при которыхъ томскій обыватель могъ существовать значительно привольнѣе, чѣмъ крестьянинъ центральной Россіи. Жившій посельски безмѣстный попъ Ипатъ еще въ концѣ XVII в.

[1]) Впрочемъ, нужно замѣтить, что нынѣшній Мариинскій округъ Томской губ. въ XVII и началѣ XVIII в. почти пустовалъ русскими селеніями. Несомнѣнно русскіе боялись селиться здѣсь именно въ виду частыхъ киргизскихъ нападеній и грабежей.

[2]) Въ серединѣ прошлаго столѣтія лоси, моралы, дикія козы, кабаны и проч. въ большомъ изобиліи находились тамъ, гдѣ этого звѣрья уже нынѣ нѣтъ, напр. по рр. Локтевкѣ, Алею. См. Матер. для истор. Сибири—Чт. общ. истор. и древ. 1867, кн. 2, стр. 270—273.

[3]) Для понужденій новопоселенныхъ крестьянъ къ занятію хлѣбопашествомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «къ жительству дворами въ деревняхъ» Колывано-Воскресенское начальство назначало особые военные отряды. Въ концѣ 1740-хъ годовъ такіе отряды изъ драгунъ разъѣзжали въ одномъ случаѣ подъ начальствомъ капитана Шанскаго, въ другомъ шихтмейстера Звѣздочетова. Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач., столпъ д. № 94.

на одной изъ своихъ заимокъ пахалъ по 10 десятинъ въ полѣ, „а въ дву потому-жъ“, и на той же заимкѣ имѣлъ за собою дикаго поля и дубровъ по 40 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому-жъ; сѣнныхъ покосовъ на 400 копенъ. На другой заимкѣ пахалъ по 6 дес. въ полѣ, „въ дву потому-жъ“ и при ней же нераспаханной земли, дикихъ полей и дубровъ имѣлъ по 30 десят. въ полѣ, „а въ дву потому-жъ“; сѣнныхъ покосовъ на 300 копенъ. И на третьей заимкѣ пахалъ по 4 дес. въ полѣ, въ дву потому-жъ и здѣсь же владѣлъ дикимъ полемъ въ 60 десятинъ и сѣннымъ покосомъ на 300 копенъ[1]).

Количество болѣе 10 лошадей во дворѣ было самымъ обычнымъ явленіемъ среди томскихъ крестьянъ-старожиловъ въ прошломъ столѣтіи. За то же столѣтіе крестьяне платили церковнымъ причтамъ за браки отъ 10 до 50 руб. Отдѣльные домохозяева деревень, принадлежавшихъ Томскому Алексѣевскому монастырю, въ 1750-хъ годахъ въ состояніи были принести во взятки кто по 20 р., кто по 50 и даже по 100 руб., хотя, разумѣется, и не безъ натуги для себя. Крестьяне деревни Комаровой (близъ Бійска), состоявшей изъ 22 дворовъ, въ 1786 г. распахивали въ каждомъ полѣ по 260 десятинъ и ставили сѣна болѣе 10000 копенъ. Въ то же время крестьяне деревень Плѣшковой и Соколовой показывали о себѣ, что первые при 27 дворахъ пахали земли 200 десятинъ въ полѣ и ставили сѣна до 15000 копенъ, вторые при 13 дворахъ пахали 142 десятины и ставили сѣна 7000 копенъ. Но при этомъ нужно замѣтить, что обыватели всѣхъ упомянутыхъ здѣсь трехъ деревень не столько были заняты хлѣбопашествомъ, сколько налегали на рыбную ловлю въ богатомъ рыбою Иткульскомъ (близъ Бійска) озерѣ[2]) и, кромѣ того, имѣли поводы показывать не всю правду.

[1]) Ин. Кузнецовъ. Истор. акты. I, стр. 80.

[2]) Дѣло о вспленіяхъ среди монастыр. крестьянъ. Монаст. арх., св. 16.

[3]) Дѣло объ отдачѣ въ оброкъ рыб. ловель по р. Катуни.

Въ 1783 г. отставной заводскій мастеровой жаловался начальству, что жена его по безпорядочному поведенію „разнымъ его домашнимъ вещамъ чинила ущербленіе“, именно промотала „на пьянство и табакъ“: двѣ юфтевыя кожи, пять паръ чарковъ, двѣ бязи, александрійскую и дабовую рубахи, четыре бумажныхъ платка, чабанъ камчатскаго (sic) бобра, три юбки китайчатыхъ, гарусную опояску, еще два платка—бумажный и шелковый, два блюда оловянныя, 3 ложки мѣдныя, три аршина бахты, перчатки и т. д.

Почти въ то же время горный мастеровой въ прошеніи о разводѣ съ женой описывалъ, что жена истратила у него изъ его „домашняго шкарба“: платокъ шелковый штофный въ 4 руб., юбку китайчатую алую въ 3 руб., скатерть бѣлую бранную въ 75 коп., рубаху мужскую дабинную въ 1 руб. 10 коп., тафты 1¼ арш. на 1 р. 56 коп., чабанъ парчевый, „опушенъ соболемъ“, въ 4 руб. и еще два шелковыхъ платка—одинъ „модный“, другой малиновый. Но мастеровой, жившій при заводахъ или только-лишь ушедшій съ завода, былъ значительно бѣднѣе обстоятельно жившаго деревенскаго обывателя, хотя, разумѣется, и форсистѣе его[1]).

Палласъ, описывая необычайное плодородіе земель, занятыхъ многочисленными деревнями, входившими въ округа Малышевской слободы, Бердскаго и Чаусскаго остроговъ, говоритъ, что крестьяне жили здѣсь изобильно и хлѣбомъ и скотомъ. Лошадей каждая малая деревня имѣла большіе табуны. Тоже самое передалъ онъ о благосостояніи жителей нынѣшней Легостаевской волости (по р. Берди)[2]).

Въ 70-ые годы прошлаго столѣтія успѣли оправиться въ хозяйственномъ отношеніи и новопоселенные крестьяне въ Барабинской степи. На этомъ случаѣ имѣемъ свидѣтеля въ лицѣ путешественника Фалька.—„Крестьяне въ Барабѣ, писалъ Фалькъ, вообще дѣятельны и зажиточны. Земледѣліе у нихъ такое-же, какъ и въ деревняхъ по Иртышу. Они сѣютъ озимую рожь, яровую пшеницу, ячмень, овесъ, полбу, яровую рожь, горохъ, ленъ и конопель. Плодоносная земля вознаграждаетъ въ 5 и 10 разъ и не требуетъ удобренія. Земли у нихъ довольно. Но употребленіе времени для посѣва, по причинѣ холодныхъ ночей, требуетъ немалаго вниманія. У всякаго крестьянина есть небольшой огородъ, а у нѣкоторыхъ и хмѣльники. Они держатъ нынѣ много лошадей, нѣсколько коровъ и овецъ—русскихъ и киргизскихъ. Новые поселенцы примѣтнымъ образомъ распространяютъ скотоводство. Здѣсь, на обширныхъ пажитяхъ, скотоводство было-бы весьма велико, еслибы не подвергалось надежамъ“[1]).

[1]) Брако-разводныя дѣла изъ архива Барнаульскаго Д. Правленія за 1780—1783 г.

[2]) Палласъ. Путешествіе. Часть II, кн. 2, стр. 403, 417.

Удручалъ домашній бытъ старинаго томскаго крестьянина одинъ очень существенный недостатокъ,—относительный недостатокъ въ женщинахъ. Среди найденныхъ нами архивныхъ показаній о количествѣ населенія въ томъ или иномъ изъ приходовъ томскаго района за XVIII в. цифровое преобладаніе мужскаго пола предъ женскимъ является чуть не заурядnымъ фактомъ и въ особенности по отношенію къ приходамъ Барнаульскаго вѣдомства. Такъ, въ 1771 г., т. е. тогда, когда жизнь въ краѣ уже развилась и вышла изъ круга многихъ прежнихъ ненормальностей, свойственныхъ новопоселеннымъ мѣстамъ, въ приходѣ Змѣиногорской церкви состояло душъ 1940 м. п. и 1084 жен., Колывано-Воскресенской 495 м. 400 ж., Павловскаго завода 974 м. п. 818 жен. Это были заводскіе приходы, гдѣ среди рабочихъ должно было проживать много холостыхъ людей изъ др. подчиненныхъ Кабинету мѣстъ. Но вотъ чисто земледѣльскіе приходы: Въ приходѣ Бѣлоярской слободы за тотъ же 1771 г. насчитывалось мужскихъ 1587 д., женскихъ 1387,—Кособоков-

[1]) Фалькъ. Полн. собр. ученыхъ путешествій. Т. VI, стр. 429.

скомъ 705 м. 648 ж., Кашинскомъ 1107 м. 983 ж.[1]). Такое же отношеніе мы часто встрѣчаемъ и въ приходахъ Томскаскаго вѣдомства. Именно, за 1785 г. въ приходѣ Спасскаго села было 567 душъ м. п. и 503 ж., с. Семилужнаго 395 м. 385 ж., с. Яйскаго 920 м. 732 ж.,—с. Иткульскаго 1587 м. 1135 ж.[2]). Отсюда можно понять, почему брачный вопросъ былъ чуть-ли не самымъ жгучимъ дѣломъ въ томскомъ крестьянствѣ за прошлое время. Приспѣвало въ крестьянской семьѣ время женить сына. Гдѣ взять невѣсту? Въ своей деревнѣ. Но здѣсь или уже всѣ давно перероднились или невѣсты были разобраны. Нужно ѣхать въ какое-нибудь отдаленное селеніе, но и тамъ или просили невѣстѣ большую „кладку“, или ее вовсе не хотѣли выдавать замужъ.

Дѣло въ томъ, что при веденіи хозяйства въ обширныхъ размѣрахъ томскіе крестьяне дорожили каждымъ членомъ семьи и потому очень часто не хотѣли отпускать изъ своего дома и дочерей, какъ нужныхъ для дома работницъ. Какъ взрослая, поневолѣ оставшаяся въ дѣвицахъ, дочь вела себя въ нравственномъ смыслѣ,—это никого не смущало. На это своеобразное явленіе нежеланія со стороны родителей выдавать дочерей въ замужество обратило вниманіе горное начальство, и въ 1773 году затребовало отъ земскихъ избъ списокъ дѣвицъ отъ 20-лѣтняго возраста съ объясненіемъ противъ каждой причинъ, почему не выдана замужъ? Оказалось, что въ деревняхъ, подвѣдомыхъ Бѣлоярской земской избѣ, дѣвицъ въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ насчиталось 208, въ вѣдомствѣ Томской земской конторы въ возрастѣ отъ 25 до 40 л. 35 ч., въ вѣдомствахъ др. конторъ и избъ гдѣ 30, гдѣ 20. Больше всего не выдавали замужъ „за домашностію“, иногда „за сердечною скорбію“, или затѣмъ, что кромѣ сердечной скорби имѣетъ еще „икоту“. Но весьма часто сельскіе грамотѣи противъ 20-лѣтнихъ дѣвицъ писали курьезы въ такомъ видѣ: „не выдана по молодости лѣтъ и за такимъ порокомъ женихи не сватали“.... „покоитъ вдоваго отца, и за тѣмъ порокомъ замужъ не выдана“. Выслушавъ донесенія, начальство опредѣленіемъ отъ 28 октября 1773 г. постановило: „крестьянскихъ дочерей-дѣвокъ, которыя, не выходя замужъ, заявили себя зазорнымъ поведеніемъ, за беззаконіе наказать плетьми, а родителямъ накрѣпко подтвердить, чтобы въ выходѣ дочерямъ замужъ препятствій отнюдь не чинили“[1]).

Трудность добычи невѣстъ мирнымъ, законнымъ путемъ породила обычай красть дѣвицъ и увозить ихъ для брака насильственно въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Примѣровъ насильственнаго повѣнчанія съ дѣвицами, захваченными гдѣ-нибудь въ полѣ, лѣсу, на крестьянскихъ гулянкахъ такъ обильно, что намъ не вмѣстить ихъ въ размѣры бѣглаго обозрѣнія. Поѣхала дѣвица съ теткой изъ Сузунскаго завода въ гости въ другую деревню. Пристали на дорогѣ парни, тетку выкинули изъ саней, дѣвушку схватили и быстро помчали въ с. Иткульское, гдѣ несмотря на сопротивленіе невѣсты, бракъ повѣнчалъ свящ. Поникаровскій[2]). Въ 1775 г. недавно поселенный крестьянинъ обманомъ завелъ къ себѣ въ гости дѣвушку 13 лѣтъ и затѣмъ насильно повезъ ее въ село Крохалевское, гдѣ заранѣе условленное повѣнчаніе не заставило себя долго ждать[3]). Въ третьемъ случаѣ увезли дѣвицу съ луга, куда отправилась она сбирать черемшу, въ четвертомъ—съ рѣки, гдѣ полоскала бѣлье, и когда везли деревней, зажали ей ротъ, чтобы не кричала. Знаемъ случай, когда насильственно брачимую невѣсту нужно было держать за руки и за голову, чтобы не сбросила вѣнецъ[4]).

[1]) Изъ вѣдомости о священно-церковно-служителяхъ Барнаульскаго вѣдомства за 1771 г. Арх. Барнаул. дух. правленія.

[2]) Изъ духов. росписей селеній Томс. вѣдомства. Арх. Том. д. консисторіи.

[1]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столѣ д № 718.

[2]) Изъ дѣлъ Тоб. Д. конс. въ арх. Томской консистор. по описи № 227.

[3]) Ук. Тоб. консисторіи въ Том. дух. прав. отъ 12 апр. 1776.

[4]) Изъ арх. Варн. Дух. Правленія. Жалоба кр. В. Плотникова, 13 янв. 1784 г.

Насильственное похищеніе дѣвицъ для замужества шло рядомъ съ браками, совершаемыми „уходомъ“, т. е. такими, когда женихъ напередъ тайно уговаривался съ дѣвушкой повѣнчаться, при чемъ послѣдняя выражала свое согласіе выдачею жениху „заклада“ въ видѣ платка, кольца или даже платья. И въ этихъ случаяхъ часто устраивалось похищеніе, но уже притворное, только для отвода глазъ родителей или родственниковъ невѣсты. Недовольные родители гнались въ погоню, происходили свалки, драки и всякіе безпорядки, а иногда и огромныя кощунства въ храмахъ, гдѣ убѣгшіе хотѣли повѣнчаться или уже повѣнчались.

Вотъ сцена:—20 янв. 1776 г. причтъ Кособоковской церкви собрался въ храмъ позднимъ вечеромъ, для повѣнчанія дѣвицы Вдовиной съ женихомъ, за котораго Вдовина выходила уходомъ. На всякій случай церковный трапезникъ Рычковъ храмъ извнутри заперъ. Вскорѣ на паперть съ шумомъ вбѣжала толпа крестьянъ, состоявшая изъ отца невѣсты Василія Вдовина, ея брата Петра съ односельчанами Шумиловымъ, Романовыхъ, Дмитріевымъ и др. Прибѣжавшіе съ страшнымъ шумомъ и бранью начали ломиться въ двери и трапезникъ, наконецъ, вынужденъ былъ ихъ отпереть. Ворвавшись въ храмъ, отецъ невѣсты вынулъ изъ „ноженъ“ ножъ и бросился на дьячка „колоть“ его, „выговаривая почто дочь повѣнчали“. Отца силою удержали отъ убійства его сынъ Петръ съ трапезникомъ Рычковымъ, между тѣмъ крестьянинъ Шумиловъ поощрялъ готовившееся преступленіе, говоря: „надо же надъ ними, священникомъ и причетникомъ, сдѣлать примѣръ, чтобы безъ нашей воли нашихъ дѣтей не вѣнчали“. Отецъ порывается затѣмъ въ алтарь бить или убить скрывавшагося тамъ священника, и, несомнѣнно, священникъ пострадалъ бы очень существенно, еслибы не Рычковъ, вступившій съ озвѣрѣлымъ человѣкомъ въ ожесточенную борьбу. Нѣсколько успокоившись, крестьяне принялись искать невѣсту подиломъ. Пересмотрѣли все подполье, не обращая вниманія на увѣренья дьячка, что невѣсты въ церкви нѣтъ. „А зачѣмъ же ты въ церкви поздно ночью“? —спросилъ одинъ изъ крестьянъ. „Сбирался здѣсь уснуть, отвѣтилъ дьячекъ, такъ какъ дома вымораживаю тараканъ“. Между тѣмъ женихъ съ невѣстой скрывались гдѣ-то вблизи храма и, увидѣвъ погоню, услышавъ ея грозный шумъ, потаенно вышли изъ села, куда поѣзжане успѣли вывести и лошадей, а затѣмъ поскакали вѣнчаться въ Колыванскій заводъ[1]).

Что укоренившійся обычай похищеній невѣстъ или брачныхъ заключеній путемъ ухода поддерживался, кромѣ недостатка въ женщинахъ, нежеланіемъ родителей выдавать дочерей замужъ изъ хозяйственныхъ соображеній, это доказывается между прочимъ слѣдующимъ фактомъ. Въ 1773 г. дѣвица изъ дер. Кротовой уговорилась повѣнчаться уходомъ съ крестьян. сыномъ Чановымъ и предъ бракомъ заявила въ Дух. Правленіи, что она совершеннолѣтняя и желаетъ повѣнчаться безъ дозволенія родителей потому, что за своими домашними работами родители не дозволяютъ ей выходить въ замужество, „а ей желаніе имѣется быть лучше въ законномъ супружествѣ, нежели жить грѣшно и зазорно“[2]).

Недостаткомъ женщинъ нужно объяснить и тотъ постоянно встрѣчавшійся въ нашихъ матеріалахъ фактъ, что гдѣ бы женщина ни появилась, разъ заявляла о себѣ, что она дѣвица или вдова, тотчасъ же находила себѣ жениха.

Въ 1750 году ушла отъ мужа изъ Томска крестьянка Курчиковой волости Марія Никифорова и отправилась вверхъ по Оби „ради работъ—страдовать“. Въ Умревинскомъ острогѣ встрѣтилась съ отпускнымъ изъ службы солдатомъ Петромъ Вторушинымъ. Завязалась бесѣда, кончившаяся предложеніемъ Маріи выдти за него, Вторушина, замужъ. Марія

[1]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 976.
[2]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столпѣ д. № 718.

согласилась. Бракъ былъ повѣнчанъ въ церкви Чаусскаго острога. Предъ вѣнчаніемъ замужняя невѣста для отвода глазъ у причта, заплела себѣ косу подъвичьи[1]).

Въ 1771 г. подалъ въ Змѣиногорскую контору заявленіе крестьянинъ дер. Секисовки Денисъ Пименовъ изъ „поляковъ", т. е. изъ раскольниковъ, присланныхъ въ Томскую сторону, изъ Польской Вѣтки, и въ доношеніи объявлялъ, что сбѣжали отъ него три снохи, изъ которыхъ одну, Варвару Онуфріеву, нашелъ вышедшею уже въ новое замужество за промывальщика въ Змѣиногорскѣ Степана Пестрякова,—другую, Авдотію Андрееву, по слухамъ, увезъ крестьянинъ Бѣлоярской слободы дер. Дряпной Ив. Зажигаевъ, „гдѣ обрѣтается третья—ему неизвѣстно". Пименовъ просилъ розыскать всѣхъ женщинъ и вернуть ихъ снова въ его домъ. Вызвана была первая Варвара Ануфріева, и на допросѣ дала слѣдующее любопытное въ бытовомъ смыслѣ показаніе. Отъ роду ей 16 лѣтъ. Была вѣнчана съ сыномъ Пименова Иваномъ въ православной церкви Семипалатной крѣпости во время слѣдованія изъ Польши, когда ей было 11 лѣтъ. Однако въ то время она была уже *вдовою*, ибо еще находясь въ Польшѣ, была обручена, какъ слышала отъ многихъ польскихъ выходцевъ, съ крестьяниномъ Никитою, „а чей сынъ и какъ прозывался не знаю, да и о самомъ вѣнчаніи съ Никитою заподлинно сама увѣрить не могу, потому что находилась тогда въ сущемъ малолѣствѣ. Знаю только, что Никита умеръ". Со вторымъ мужемъ ей, какъ прочимъ невѣсткамъ, жилось тяжело. Свекровь производила разныя каверзы. Подкладывала въ затѣянныя квашни щепъ и волосья и послѣ „якобы нашедъ оныя, свекору и нашимъ мужьямъ сказывала и тѣмъ подводила подъ побои безвременные и немилосердные. Да и сама свекровь за всякія малыя неисправности часто обухомъ и др. тяжелыми вещами бивала, отчего у меня на лбу

[1]) Арх. К.-Воскр. Горн. Нач. столпъ, не включенный въ опись за 1750 г.

были проломы и правая рука отъ такихъ побой въ завити не разгибается. Въ минувшемъ 1769 г. за недѣлю до вешняго Николы свекровь послала меня съ другими снохами въ дер. Глубокую выкурить къ празднику вина; хлѣба же на винокуреніе не дала и наказывала, чтобы хлѣба мы выпросили милостиною. Мы выпросили и только лишь занялись винокуреніемъ, увидалъ староста и вино курить запретилъ. Изъ боязни придти домой безъ вина и хлѣба, затраченнаго уже на бражку, мы всѣ втроемъ рѣшили бѣжать. Сначала жили въ дер. Убинской, потомъ Красноярской, называясь бѣглыми дѣвками и перемѣнивъ имена. Авдотью для замужества увезъ Бѣлоярскій крестьянинъ, а меня сговорили къ вѣнчанію въ церкви съ молодымъ рабочимъ Пестряковымъ, съ которымъ живу и понынѣ". Не сказано куда дѣвалась третья сноха, но, несомнѣнно, быстро нашла себѣ новаго мужа и эта послѣдняя[1]).

Вотъ еще примѣръ.—Дѣвица Прасковья была выдана замужъ за крестьян. Чумышской вол. дер. Омутной Алексѣя Назарова. По ея словамъ, мужъ обращался съ нею дурно. Разъ домашніе отправили ее въ недалекую деревню Крутинскую за полученіемъ долга съ крестьян. Архипа Назарова, при чемъ мужъ будто бы наказалъ ей, „чтобы въ Крутинской ночевать не оставалась, а если де ночуешь, не уйдешь отъ меня жива". Но она ночевала. На утро, осѣдлавъ коня, поѣхала домой. На дорогѣ, вспомнивъ угрозу мужа, рѣшила повернуть обратно. Въ поскотинѣ дер. Крутинской остановилась, сняла съ головы „шамшуру", заплела изъ двухъ одну косу, т. е. постаралась придать себѣ дѣвичій видъ и того же дня доѣхала до деревни Погорѣлки. Здѣсь ночевала у незнакомаго человѣка, назвавшись дѣвицей Татьяной, ѣздившей изъ Бѣлоярской слободы къ брату, работающему на Желѣзо-Томскомъ заводѣ. „Назвалась она такъ, чтобы

[1]) Арх. Кол.-В. Г. нач., въ столпѣ д. № 745.

ОТПЕЧАТОК

мужъ ее дольше не нашелъ и чтобы его настращать". Потомъ на томъ же конѣ переѣхала въ дер. Ирбинскую, гдѣ прожила два дня у крестьянина Мальцева и, съ семейными послѣдняго, отправилась въ с. Тогульское на праздникъ Михаила Архангела. На праздничныхъ въ с. Тогульскомъ пирушкахъ познакомилась съ крестьян. Ащауловымъ, который „началъ склонять ее къ браку съ собою". Она рѣшилась на новое замужество и, въ видѣ задатка, выдала жениху платокъ. На другой день бракъ былъ совершенъ, за что священникъ, прежде уже много разъ судившійся за незаконныя повѣнчанія безъ соблюденія установленныхъ предосторожностей, поплатился лишеніемъ сана[1]).

Частое двумужество женъ нерѣдко вовлекало въ двуженство и мужей. Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ слѣдующее дѣло. Марфа Иванова Серенкова вышла за крестьянина Богданова. Спустя 5 лѣтъ послѣ брака, Богданова взяли въ солдаты. Долго не получая вѣстей отъ мужа, Марфа сочла его умершимъ и повѣнчалась съ крестьяниномъ Монастырской деревни (Кузнецк. вѣд.) Арыковымъ. Чрезъ полгода Богдановъ явился изъ службы, отобралъ Марфу отъ Арыкова и увезъ ее въ дер. Усть-Чарышъ. Изъ этой деревни имъ привелось переѣхать въ Бійскую крѣпость. На пути жена упросила Богданова отпустить ее въ дер. Казанкову повидаться съ родными. Получивъ дозволеніе, Марфа воспользовалась имъ для того, чтобы выдти замужъ въ третій разъ. Вышла за крестьянина дер. Калачевой Аѳанасія Калачева, предварительно увѣривъ причтъ въ своемъ вдовствѣ. Арыковъ, у котораго внезапно отобрали Марфу, также женился,— по прежнему примѣру женился на солдаткѣ же отъ живого мужа Маріи Березовской.—Можно себѣ представить сколько труда доставило это дѣло консисторіи, которая была обязана разобраться въ его огромной путаницѣ[2]).

[1]) Дѣло въ арх. Томской консисторіи за 1826 г.
[2]) Ук. Тоб. Д. Конс. въ Бар. Д. Прав. отъ 5 мая 1778.

Въ 1779 году свящ. Удинцовъ повѣнчалъ отъ живого мужа жену Томскаго казака Щелканова Прасковью Ѳедорову съ крестьяниномъ Вас. Монаковымъ. На слѣдствіи открылось, что Щелкановъ продалъ жену Манакову „за 5 руб. и за игренняго коня" и послѣ продажи вручилъ купившему „поступное письмо"[1]).—Продажа и покупка женъ опять-таки являются одною изъ выдающихся особенностей въ прошлой жизни томской крестьянской среды.

Много разъ уже приводилось повторять, что томскіе крестьяне селились и жили малыми деревнями. Деревни, раскиданныя тамъ и здѣсь, отстояли отъ немногочисленныхъ, въ большинствѣ построенныхъ на казенный счетъ, церквей иногда на 50, иногда на 80, иногда на 100 и болѣе верстъ. При этомъ нужно еще взять во вниманіе, что на такихъ разстояніяхъ постоянно встрѣчались естественныя преграды въ видѣ горъ, широкихъ рѣкъ и таежныхъ мѣстъ. Отсюда понятно, что томскій крестьянинъ въ церкви могъ бывать только изрѣдка. Точнѣе онъ бывалъ въ ней одинъ разъ въ жизни, когда приводилось вѣнчаться. Между тѣмъ храмъ является не только выраженіемъ религіозной настроенности, но и могучимъ возбудителемъ этой послѣдней. Оставшись безъ храма, крестьянинъ постепенно отвыкалъ отъ него и отвыкъ, наконецъ, до такой степени, что долго не хотѣлъ идти въ церковь даже тогда, когда вновь выстроенное зданіе ея появлялось уже не особенно далеко отъ его жилья.

Священники, завѣдуя большими, разбросанно-раскинувшимися приходами съ 20, 30, 50 деревнями, бывали въ нихъ рѣдко. Они объѣзжали приходскія деревни раза два въ годъ для совершенія накопившихся требъ крещенія и служенія литій надъ могилами покойниковъ, умиравшихъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, безъ христіанскаго напутствія. Разумѣется, при своихъ приходскихъ объѣздахъ священники

[1]) Ук. Тоб. Д. Конс. въ Бар. Д. Прав. отъ 16 іюля 1779 г. за № 978.

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

могли бы найти время и учить народъ, своими назиданіями должны были бы содѣйствовать поддержанію въ немъ религіозныхъ чувствъ и потребностей. Но, къ сожалѣнію, сибирское и въ частности томское приходское духовенство, вышедшее изъ служилаго сословія, было и само не учено почти сплошь, а слѣдовательно доставлять назиданія находило себя почти не въ силахъ ни путемъ слова, ни тѣмъ болѣе, нужно добавить, дѣломъ примѣра.

Еще въ 1649 году Государю вѣдомо учинилось, что въ Сибири... мірскіе всякихъ чиновъ люди, жены ихъ и дѣти въ воскресные и господскіе дни и дни великихъ святыхъ во время святопѣнія къ церквамъ Божіимъ не ходятъ и умножилось въ людяхъ „пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство“ и, увѣдавъ о семъ, царь потребовалъ, чтобы въ церковь Божію люди ходили и церковное пѣніе слушали внимательно[1]). Такъ было по всей Сибири. А о томскихъ крестьянахъ, много лѣтъ спустя, консисторія писала, что прихожане, живущіе въ приходскихъ деревняхъ въ отдаленности отъ церквей, а другіе и поблизости не только не бываютъ въ храмахъ, но и для обмолитвованія у нихъ вновь рожденныхъ младенцевъ и родившихъ женъ по приходскимъ своимъ священникамъ не ѣздятъ и нарочныхъ не посылаютъ, да и о самомъ крещеніи новорожденныхъ не заботятся, такъ что многія изъ дѣтей умираютъ не возрожденные таинствомъ“[2]).

Это было писано въ 1776 г., но еще раньше, въ 1764 г., Колывано-Воскресенское Горное начальство требовало отъ своихъ заводскихъ крестьянъ, „чтобы для обмолитвованія новорожденныхъ и роженицъ, для крещенія и прочихъ духовныхъ требъ крестьяне священниковъ въ домы свои звали и безъ отпѣваній *въ мѣсахъ* умершихъ не хоронили“... А какъ

[1]) Акты истор., т. IV, № 35.
[2]) Ук. Тоб. Д. Консист. въ Том. Д. Прав. отъ 15 ноября 1776 г.

въ здѣшнихъ пустыхъ и маложилыхъ мѣстахъ, говорило начальство, крестьяне живутъ малыми деревнями въ весьма знатномъ иногда болѣе чѣмъ разстояніи на 100 верстъ отъ церквей, и при томъ за великими рѣками и болотами и прочими обширными водами и степями, то въ привозѣ умершихъ до церквей бываетъ немалое препятіе. Посему просить Его Преосвященство со священническимъ отпѣваніемъ хоронить умершихъ при самыхъ деревняхъ, гдѣ и сдѣлать для погребенія способныя ограды“[1]).

Только на почвѣ томскаго религіознаго равнодушія и возможны были такія случаи, какъ случай съ крестьяниномъ Дм. Усольцевымъ, который, будучи уже пожилымъ и многосемейнымъ, оказался некрещенымъ. Свящ. Чигизской слободы Павелъ Поповъ встрѣтилъ этого крестьянина въ одной изъ многочисленныхъ приходскихъ деревень при объѣздѣ своего прихода въ 1790 г. Прослышавъ о его некрещеніи, Поповъ распросилъ мать Дмитрія: какъ это могло статься съ ея сыномъ? Старуха-мать разсказала, что когда Дмитрій родился, она, оправившись отъ болѣзни, поѣхала для окрещенія младенца въ Малышевскую слободу, но священника дома не застала, а ждать его ей показалось долго. На обратномъ пути попросила окрестить ребенка одну старую дѣву. Дѣва крестила въ озерѣ и, когда погружала, то кричала одно: „держите лодку, держите лодку!“, такъ какъ на глубокомъ мѣстѣ лодка колыхалась. Родители на первыхъ порахъ удовольствовались такимъ крещеніемъ, а послѣ, хотя имъ и приходило въ голову, что указаннаго крещенія какъ будто бы недостаточно, но боялись объявить, „дабы не послѣдовало за сіе какого-нибудь взысканія“. Тобольскій епископъ Варлаамъ, на разсмотрѣніе и рѣшеніе коего доложено было это дѣло, опредѣлилъ: крестьянина Усольцева окрестить полнымъ крещеніемъ[2]).

[1]) Арх. К.-Воскр. Горн. Нач. въ столѣ д. № 448.
[2]) Дѣла Тоб. Д. Консисторіи въ арх. Том. конс. за 1797 г.

Къ исповѣди и св. причастію крестьяне въ многочисленныхъ по количеству душъ приходахъ являлись человѣкъ по 15, 20 въ годъ. И это тогда, когда правительство взимало за небытіе на исповѣди штрафы, какъ извѣстно, обращая штрафныя деньги изъ этого источника на содержаніе военныхъ госпиталей. Въ 1755 г. изъ многочисленныхъ прихожанъ Бѣлоярской церкви на исповѣди въ первую недѣлю Великаго поста было 1 д. мужскаго и 2 женскаго пола[1]). Въ 1764 году священникъ Кособоковскаго прихода заявилъ въ Барнаульскомъ Д. Правленіи, что его прихожане „на исповѣди не бываютъ и понудить ихъ къ исполненію сего долга никакъ не можно“. Священникъ с. Бердскаго въ то же время и въ томъ же Правленіи указалъ, что въ продолженіе В. поста у него было говѣющихъ всего 9 человѣкъ[2]). Въ ряду судныхъ дѣлъ, какія попадались намъ подъ руку при работахъ въ архивахъ, мы то и дѣло наталкивались на престарѣлыхъ свидѣтелей, на исповѣди не бывавшихъ отъ роду и даже почти чуждыхъ, что невѣроятно, всякаго представленія: что такое исповѣдь?

Извѣстно, что не только равнодушіе къ вѣрѣ, но и само невѣріе не исключаютъ въ душахъ равнодушнаго или невѣрующаго склонности и предрасположенности къ суевѣріямъ. И холодный въ дѣлахъ религіозной вѣры томскій крестьянинъ былъ очень суевѣренъ,—суевѣренъ, пожалуй, даже въ большей степени, чѣмъ россійскій крестьянинъ. Заклинанія, заговоры и наговоры, ворожба всякаго рода—это такой обильный въ архивахъ матеріалъ, на основаніи котораго можно было бы составить цѣлую книгу.

Впрочемъ, спѣшимъ оговориться. Думается намъ, что равнодушіе къ церкви томича-крестьянина нужно объяснить не только условіями его жизни вдали отъ храма, но во многихъ

[1]) Арх. Бар. Дух. Пр. Донесеніе Бѣлояр. свящ. за 1755 г.
[2]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач., въ столѣ д. № 448.

случаяхъ и его наклонностію къ расколу. Мы уже видѣли, какъ часто и много раскольниковъ бѣжало въ Сибирь и въ частности въ нашу Томскую страну изъ центральной Россіи. Во всякомъ случаѣ въ тѣхъ мѣстахъ Томскаго края, гдѣ расколъ успѣвалъ угнѣздиться, онъ жилъ очень интенсивно. А гнѣздился онъ здѣсь главнымъ образомъ около скитовъ, которые въ прошломъ столѣтіи имѣлись въ черни за Мунгатскимъ селомъ (Кузнецкаго округа), въ лѣсахъ по рр. Чумышу, Берди, въ таежныхъ мѣстахъ за Чаусскимъ острогомъ, на Чарышѣ близъ Алтайскихъ горъ и, несомнѣнно, во многихъ другихъ потаенныхъ углахъ обширной области. Въ прошломъ вѣкѣ, особенно въ царствованіе Елизаветы Петровны, расколъ преслѣдовался вездѣ. Не могли окончательно избѣгнуть преслѣдованій и томскіе старообрядцы. Здѣсь слѣдили за расколомъ Духовныя Правленія, а расправлялись съ раскольниками воеводы и преимущественно Колывано-Воскресенское Горное Начальство. Усиленныя преслѣдованія всюду вызывали вспышки изступленнаго фанатизма. Не обошлось безъ нихъ и въ жизни томскаго раскола. Познакомимся только съ нѣкоторыми на этотъ счетъ примѣрами.

Въ 1743 г. изъ дер. Лепехиной Бѣлоярскаго острогу вышли въ лѣсъ Ѳедоръ Лепехинъ съ матерью и дѣтьми и прочими мужск. и женск. полу людьми, всего въ количествѣ 18 человѣкъ и запершись въ новопостроенной избушкѣ съ цѣлью самосожженія. Изъ Кузнецка выслали команду разсѣять сборище и предупредить катастрофу. Предупредить не съумѣли. Раскольники сожглись. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, самосожигательство было вызвано сколько религіозными, столько-же и причинами гражданскаго характера. Предъ сгорѣніемъ раскольники кричали офицеру, начальствовавшему надъ командой, что будутъ горѣть отъ того, что приписаны къ заводамъ Демидова въ работу, „а работать имъ весьма натужно“[1]).

[1]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столѣ д. № 447.

Въ 1758 г. Барнаульское Дух. Правленіе допрашивало крестьянина дер. Максоровой Степана Максорова: почему отказывается отъ исповѣди самъ и не дозволяетъ приходить на исповѣдь и своимъ домашнимъ. Максоровъ—старикъ 70 лѣтъ отвѣтилъ: „потому, что нынѣ въ церкви все перемѣнилось по новому:—аллилуію поютъ потрижды, а не подважды, а болѣе того, сказать не знаю“. Явно, что Максоровъ и его семейные принадлежали расколу. Барн. Дух. Правленіе распорядилось отослать допрошеннаго въ канцелярію Колывано-Воскр. Начальства „съ требованіемъ таковымъ, ежели оный Максоровъ раскается, то для присоединенія его прислать въ оное Правленіе, буде же не обратится и душеспасительнаго довлетворенія конечно отречется, чинить съ нимъ по силѣ указовъ“. Кромѣ того, Правленіе просило выслать къ нему дѣтей старика Максорова: Егора и Ѳедора съ ихъ женами.

Явились въ дер. Максорову сотники Бѣлоярской избы Пятковъ и Каркавинъ и потребовали отъ Егора, чтобы снаряжался въ Барнаулъ. Егоръ просилъ дать ему время до утра „для сносу въ амбаръ домашняго шкарба“. Сотники уступили и позвали для караула Максоровыхъ, чтобы „не убѣжали или ничѣмъ себѣ повредить не могли“, еще нѣсколько крестьянъ. Егоръ съ женой Марьей пожитки въ амбаръ снесли, а когда стемнѣло, взяли дѣтей: Ѳедора 3-хъ лѣтъ, Матрену 4-хъ и Ананію полугодоваго, и всею семью остались въ амбарѣ ночевать. Караульщики спали кто въ избѣ, кто на дворѣ. Утромъ Егоръ съ женою опять прошли въ домъ добрать остальные пожитки. „И при томъ ношеніи, какъ жена въ тотъ амбаръ взошла, то оный Егоръ заперъ дверь изнутри вскорости, а жену и дѣтей рѣзалъ до смерти—кого въ лѣвый бокъ, кого въ горло“. Караульщики вышибли дверь. Егоръ вышелъ къ нимъ съ большимъ окровавленнымъ ножемъ и говорилъ: „не ходите, идите прочь“, а потомъ самъ побѣжалъ къ р. Чумышу и бросился въ воду. За нимъ кинулись въ рѣку сотникъ Пятковъ и крестьян. Гусельниковъ, но схватили раскольника тогда уже, когда успѣлъ глубоко прорѣзать себѣ лѣвый бокъ. Егоръ умеръ въ тотъ же день, успѣвъ сказать окружающимъ, что къ зарѣзанію себя и семьи его убѣдила жена—покойная Марья.

Отецъ Егора Степанъ и братъ Ѳедоръ, послѣ продолжительнаго сидѣнія въ кандалахъ, изъ раскола рѣшили обратиться[1]).

Почти въ тоже время произошло крупное самосожигательство въ дер. Мальцевой.

Въ 1756 г. многіе изъ томскихъ раскольниковъ разныхъ мѣстъ начали потаенно стекаться къ этой только лишь названной деревнѣ, находившейся въ страшной глуши за Чаусскимъ острогомъ между великими топями, болотами и озерами. Явились сюда же расколоучители: Семенъ Шадринъ, Ѳедоръ Нѣмчиновъ и еще какой-то неизвѣстный. Секретно раскольники вели дѣло своего постепеннаго скопленія, но власти узнали. Поскакали къ мѣсту собранія томскій воевода Бушневъ и управляющій Чаусскаго острога чиновникъ Коньевъ. Прибыла и команда. Начальство увидѣло, что раскольники построили 9 избъ, обнесенныхъ полисадникомъ „съ немалымъ укрѣпленіемъ“. И хотя Бушневъ, Коньевъ и Чаусскій священникъ употребили всѣ усилія въ уговорахъ отъ самосожигательства, „токмо раскольники не послушали“, говоря, что собрались страдать за вѣру Христову и за крестъ двуперстнаго сложенія. Сгорѣло всего 174 человѣка. 175-ый, крест. Ив. Кубышевъ, когда пылали избы, кинулся на заборъ и повисъ на немъ. Его сняли солдаты „едва жива, ибо во многихъ мѣстахъ обгорѣлъ и затѣмъ былъ весь распухши“. Кубышевъ все-таки выздоровѣлъ и даже потомъ сумѣлъ изъ-подстражи бѣжать[2]).

[1]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столѣ д. № 245, л. 616—622.

[2]) Арх. Барн. Д. Правл. Ук. Тоб. Консист. отъ 4 авг. 1757 г. Сп. Собр. постановленій по части раскола, ч. I, стр. 551—553. СПБ. 1860.

Жизнь въ глухихъ и уединенныхъ мѣстахъ въ соприкосновеніи съ кочевниками и постоянной тяжелой борьбой съ дикой и суровой природой,—всецѣлая погруженность въ интересы матеріальнаго существованія, постоянное блужданіе въ краѣ разбойниковъ и бѣглыхъ,—этихъ людей, выбитыхъ изъ нормальной колеи существованія и готовыхъ на все, приписка къ деревнямъ ссыльныхъ за разныя совершенныя на родинѣ преступленія, отсутствіе облагораживающихъ духовныхъ вліяній, кромѣ развѣ вліяній, шедшихъ отъ раскола съ его бездушной обрядностію, съ его узкимъ требованіемъ стоять только за двуперстное сложеніе и за аллилуію—все это вмѣстѣ взятое представляетъ такое сцѣпленіе условій, при которыхъ никакъ нельзя ожидать въ старинномъ томскомъ сельскомъ населеніи мягкихъ нравовъ. Нравы должны были быть суровы и грубы, и они были дѣйствительно таковы. Не будемъ говорить о безшабашныхъ разгулахъ на крестьянскихъ съѣзжихъ праздникахъ, о праздничьемъ пьянствѣ вообще,—томъ великомъ пьянствѣ, которое своими размѣрами приводило иностранныхъ наблюдателей сибирской жизни въ неописуемое изумленіе. Пропустимъ легкость нравовъ въ отношеніяхъ между полами, легкость, которую на почвѣ безрелигіозности и раскола поддерживали и относительный недостатокъ женщинъ, и долгое невыдаваніе дѣвицъ въ замужество, и развращающія условія заводской жизни.

Въ своемъ бѣгломъ и краткомъ очеркѣ обратимъ вниманіе на другія стороны въ томско-сибирскихъ нравахъ. Въ томской крестьянской семьѣ отецъ внушалъ свой родительскій авторитетъ полѣномъ, оглоблей, а иногда обухомъ. А какъ училъ мужъ жену, чтобы не сопротивничала, чтобы была послушна и вѣрна? Солдатъ, жившій въ деревнѣ въ 1780-хъ годахъ, училъ супругу такъ: „завезетъ ее въ лѣсъ, раздѣнетъ до-гола, привяжетъ къ лѣсинѣ, наберетъ шиповыхъ прутьевъ и бьетъ по обнаженному тѣлу нещадно до

собственной устали“[1]). Изъ другого дѣла видно, что крестьянинъ дер. Колпаковой Яковъ Останинъ смирялъ основательно ревновавшую жену тѣмъ, что „почасту“ привязывалъ ее за руки и за ноги къ столбу на цѣлую ночь, чтобы у столба не могла шевельнуться[2]). Одинъ изъ крестьянъ с. Бочатскаго укрощалъ ревновавшую-же хозяйку при посредствѣ болота, гдѣ имѣлъ обычай топить ее до потери сознанія каждый разъ[3]). Кр. Опаринъ убилъ первую жену, за что наказанъ былъ кнутомъ, но оставленъ на прежнемъ мѣстожительствѣ. На прежнемъ мѣстожительствѣ онъ сумѣлъ жениться во второй разъ, но однодеревенцы вторую его жену постоянно видятъ въ окровавленной одеждѣ;—нужно было заключать, что добьетъ и ее[4]). Другой крестьянинъ бьетъ беременную жену полѣномъ, отчего она выкинула два раза, но и послѣ того онъ не переставалъ учить супругу тѣмъ, что много разъ привязывалъ за руки и за ноги къ брусу и стегалъ веревкою съ завязанными на концахъ узлами, отчего она всегда впадала въ состояніе безпамятства[5]). Казакъ Ульбинскаго поселка, кромѣ того, что звѣрски билъ жену въ лѣсу прутьями; онъ нерѣдко кидалъ ее въ банѣ на раскаленную каменку[6]). Казакъ Пьяноярскаго редута Алексѣй Никоновъ засѣкъ жену плетью до смерти[7]). И случаи подобныхъ засѣченій супругъ въ нашемъ матеріалѣ встрѣчаются не одинъ разъ. Тотъ же матеріалъ много разъ рисуетъ намъ тяжелыя сцены, когда жены давились, топились и рѣзались отъ жестокостей мужей.

Съ той же дикой мѣрой жестокости томичи расправлялись и съ любовницами. Въ іюнѣ 1723 г. недалеко отъ Томска

[1]) Бракоразводное дѣло за 1786. Арх. Барн. Д. Правленія.
[2]) Арх. Барн. Дух. Правл. въ связкѣ д. 1806 г.
[3]) Арх. Томск. Д. Консист. Дѣло по описи № 258.
[4]) Арх. Томск. Д. Консист. Дѣло по описи № 270, въ столпѣ д. за 1801 г.
[5]) Ук. Тоб Конс. Том. Д. Правл. 24 сент. 1810 г., въ арх. Том. Консисторіи.
[6]) Изъ арх. Барн. Д. Правленія.
[7]) Арх. Барн. Дух. Правленія. Указъ Консист. Семипалат. Дух. Правленію отъ 8 ноября 1823 г.

вверхъ по рѣкѣ Ушайкѣ найдена была убитой дѣвица Алена Ильина Нелюбина и „соски у грудей ея были вырѣзаны“. Подозрѣніе въ этомъ преступленіи пало на томскаго сына боярскаго Ѳедора Протопопова, у котораго та дѣвка была „въ закладѣ“[1]). А въ первой четверти нынѣшняго столѣтія молодой крестьянскій парень привязалъ любовницу въ лѣсу къ березѣ и сѣкъ ее бичемъ до вырыванія мяса[2]). Въ г. Кузнецкѣ мѣщанинъ Плотниковъ, служившій кабацкимъ повѣреннымъ, въ сотрудничествѣ съ товарищемъ изъ крестьянъ, билъ сожительницу 18-лѣтнюю красивую дѣвицу Пырсикову въ продолженіе 3 часовъ съ перерывами только для собственнаго отдыха и выпивки при отдыхѣ. У умершей подъ бичемъ вся спина отъ головы до пятокъ представляла сплошь синебагровую изсѣченную массу безъ малѣйшаго мѣста, гдѣ было бы замѣтно тѣло въ его натуральномъ цвѣтѣ[3]). Въ 1829 г. горный рабочій билъ сожительницу въ банѣ кулакомъ и, когда она повалилась, взялъ банный деревянный „ожегъ“, приставилъ его къ шеѣ лежащей и, навалившись на его тупой конецъ, острымъ—проткнулъ у любовницы горло[4]).

Обходимъ множество другихъ намъ извѣстныхъ примѣровъ въ томъ же родѣ. Не менѣе свирѣпо поступали съ мужьями или сожителями въ свою очередь и женщины. Въ 1772 г. молодая 17-лѣтняя женщина прехладнокровно, при самой потрясающей обстановкѣ, зарѣзала мужа-малолѣтка за то, что былъ малъ и невзраченъ[5]). Въ двухъ случаяхъ жены, желая отдѣлаться отъ постылыхъ мужей, облили ихъ во время сна, какъ бы нечаянно, кипяткомъ изъ цѣлаго чугуна или корчаги. Одинъ

[1]) „Томскій сынъ боярскій Ѳедоръ Протопоповъ“. Изд. Кузнецова-Красноярскаго. Томскъ. 1891.
[2]) Арх. Том. Констор., дѣло по описи № 797.
[3]) Дѣло Том. Губ. Суда въ Арх. Губер. Правл., связка 82.
[4]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. Дѣла по Канц. Главн. Начальника; въ столпѣ № 15.
[5]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. Столпъ д. № 665.

изъ обваренныхъ умеръ послѣ страшныхъ мученій, другой выздоровѣлъ[1]). Въ 1834 г. найденъ былъ въ степи еще на тлѣвшихся угольяхъ, сучкахъ и корьѣ сгорѣвшимъ крестьян. Ординской волости дер. Красноярской Григорій Поламошновъ. Сгорѣлъ онъ живымъ или мертвымъ—осталось невыясненнымъ. Въ преступленіи односельчане обличали жену умершаго съ ея любовникомъ[2]).

Во всемъ этомъ удручающе-печальномъ изображеніи насъ поражаетъ сколько количество преступленій въ малонаселенной сторонѣ, столько же ихъ звѣрскій характеръ.

До какой степени звѣрства способенъ былъ доходить обыватель нашего края показываетъ между прочимъ такой фактъ. Крестьян. Чумышской вол. деревни Зыряновской осердился на своего сосѣда и, улучивъ время, когда послѣдняго дома не было, вошелъ на его дворъ и принялся истязать его лошадь. При истязаніяхъ проломилъ ее голову во многихъ мѣстахъ и, наконецъ, удавилъ возжами[3]).

Понятно, что въ нравственно-огрубѣвшей сферѣ и ужасное дѣло убійства человѣка не производило особаго смущенія. Къ убійству въ Томскомъ краѣ прошлаго времени, при частой повторяемости этого преступленія, привыкли, какъ къ заурядному происшествію, и потому относились къ нему сравнительно очень легко. Убивали изъ-за поломанной лопаты[4]), изъ побужденій самой мелкой злобы, изъ того, чтобы добыть нѣсколько копеекъ, не платить долгъ въ 10 или 15 руб.[5]). Вотъ обращики, съ какимъ хладнокровіемъ рѣшали бродягъ.—Въ деревню Мохнатый Логъ явился

[1]) Первый случай былъ въ дер. Малой Ояшской въ 1773 г. (Арх. К.-Воскр. Горн. Нач., въ столпѣ д. № 745), —второй въ дер. Завьяловой въ 1800 г. Бердскаго прихода. Арх. Том. Конс. по описи № 255.
[2]) Арх. К.-В. Горн. Нач. Дѣло 1834 г.
[3]) Связка дѣлъ Колыванскаго Горн. вѣдомства подъ заглавіемъ „Частныя происшествія за 1834—1835 г.“
[4]) Арх. К.-Воскр. Горн. Нач., дѣло за 1753 г., въ столпѣ № 206.
[5]) Тамъ-же; дѣло за 1771 г. въ столпѣ д. № 745. Сн. Фалькъ. Собр. Учен. Путеш. т. VI, стр. 425—426.

© ЭЛИТ СОРАН

для сбора милостыни бродяга, извѣстный въ окрестности подъ именемъ Василія Родименькаго. А предъ этимъ только лишь выѣхалъ изъ названной деревни прапорщикъ Сіонинъ, которому, между прочимъ, поручено было заводскимъ начальствомъ розыскивать и забирать бѣглецовъ. Родименькій хотѣлъ остановиться на квартирѣ въ домѣ крестьянъ Шелковниковыхъ. Послѣдніе хлѣба бродягѣ дали, но въ постоѣ отказали, сказавъ, что нынѣ „съ бѣглыми строго“ и принимать ихъ „стало отъ начальства опасно“. Родименькій вышелъ изъ поселка. Крестьяне остались, однако, неспокойны. Они подумали, что ушедшій непремѣнно попадется Сіонину и послѣ того ихъ будутъ судить за пристанодержательство. Шелковниковы, Власовы и др. кинулись за Родименькимъ, нагнали, остановили и пристрѣлили, а тѣло упрятали въ оврагѣ[1]).

Въ 1833 году пришли къ Барнаулу бѣглые изъ Иркутской каторги, бывшіе рабочіе Ново-Павловскаго завода Иванъ Чумовъ и Ѳедоръ Ильиныхъ и, скитаясь, забрели въ деревню Боровикову (Шадринской волости), гдѣ остановились у крестьянъ Плесковскихъ, своихъ давнихъ пріятелей. Плесковскіе бродягъ приняли, позволили имъ попариться въ банѣ, накормили, напоили и, повидимому, отпустили съ миромъ. Бродяги взяли лодку у перевоза, чтобы переправиться на др. сторону Оби. Но лишь отплыли отъ берега, какъ одинъ изъ Плесковскихъ выстрѣлилъ въ нихъ изъ дальнебойнаго ружья. Ильиныхъ повалился въ воду, несомнѣнно, мертвымъ. Чумовъ кое какъ на лодкѣ ускользнулъ[2]).

Убійство бродяги Ильиныхъ произошло въ 1834 году. Въ этомъ же году въ дер. Бобровкѣ (Бѣлоярской вол.) обывательница Екатерина Бѣлкина заявила, что въ домъ ея приплелся, обливаясь кровью, крестьянскій сынъ Дмитрій Забабуринъ. По заявленію, Забабуринъ былъ освидѣтельство-

[1]) Арх. Том. Д. Конс. Дѣло по описи № 962 за 1820 годъ.

[2]) Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач.; связка дѣла съ заглавіемъ: Частныя происшествія за 1834—1835 г.

ванъ. У него оказалась глубокая и опасная рана на головѣ. Дальнѣйшее разслѣдованіе обнаружило, что раненаго „сѣкла топоромъ его сестра Аксинья, боясь, что онъ выскажетъ родителямъ ея любовную связь съ парнемъ Алексѣемъ“[1]). Въ 1822 г. въ Барнаульской военно-судной комиссіи производилось дѣло о зарѣзаніи салаирскимъ бергайеромъ Лукіяновымъ 6-лѣтняго ребенка въ Кузнецкомъ уѣздѣ. Подробности этого вопіющаго дѣла намъ неизвѣстны[2]). Но вотъ какъ въ 1833 г. убилъ 14-лѣтняго мальчика горный рабочій Кедровъ. Кедровъ ѣхалъ въ Зыряновскій рудникъ на казенной подводѣ. Лошадью правилъ мальчикъ изъ дер. Снегиревой. Подводчикъ торопилъ коня, а рабочій требовалъ, чтобы ѣхалъ тише, такъ какъ ему нужно было раскурить трубку. Молодой ямщикъ не слушался. Кедровъ остервенѣлъ, схватилъ возжи, остановилъ лошадь и сначала оттрепалъ возницу за волосы, а потомъ, пришедъ еще въ большій азартъ, удавилъ чрезсѣдельникомъ[3]).

До какой степени преступленіе убійства въ нашей странѣ было часто, объ этомъ довольно ярко свидѣтельствуетъ вѣдомость о количествѣ найденныхъ тѣлъ, веденная въ Барнаульской горной канцеляріи за 1834 г. Въ продолженіе этого года всѣхъ тѣлъ, найденныхъ въ степяхъ и по рр. Оби, Алею и Катуни, въ районѣ нынѣшнихъ Барнаульскаго и Бійскаго округовъ, было поднято болѣе 50. Изъ нихъ 6 тѣлъ принадлежали „опивцамъ“, остальныя—людямъ, погибшимъ насильственною смертію. Случаи скоропостижно-умершихъ изъ указанной цифры нами изъяты)[4].

[1]) Тамъ-же.

[2]) Опись дѣлъ Военно-Судной коммиссіи отъ 1812 по 1829 г. Въ Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач.

[3]) Дѣло Колыванскаго вѣдомства за 1833. Кедровъ, нужно замѣтить, много разъ состоялъ подъ судомъ и прежде. За преступленіе убійства малолѣтняго онъ былъ наказанъ 80 ударами кнутомъ и ссылкою въ каторгу вѣчно.

[4]) Дѣло по канцеляріи главнаго начальника Горн. вѣдомства 1834 г. № 31.

© ГПИБ СОРАН

Условія жизни въ угрюмой и холодной странѣ, среди лѣсовъ, болотъ и степей, сдѣлали сибиряка—томскаго крестьянина сосредоточеннымъ въ себѣ, молчаливымъ и угрюмымъ.

Постоянное оглядываніе по сторонамъ на опасности отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ выработали въ томичѣ-старожилѣ смѣтливость, но съ нею хитрость и затаенность. Въ здѣшнемъ крестьянствѣ едва-ли найдутся типы такихъ задушевныхъ простачковъ, какіе часто встрѣчаемъ въ центральной Россіи и какіе такъ правдиво, любовно и художественно воспроизведены въ произведеніяхъ Тургенева и Толстого.

Постоянная борьба съ дикой и суровой природой выработала въ томскомъ простолюдинѣ сильный, крѣпкій организмъ, выносливый въ какой угодно работѣ и, безспорно, жизнеспособный. Но духовной стороной въ жизни и бытѣ томича въ прежнее время не занимался никто. И удивительно-ли, что на далекой окраинѣ нашего отечества русскій человѣкъ такъ сильно огрубѣлъ.

Разумѣется, чрезвычайно желательно, чтобы образованные люди научили томскаго крестьянина, какъ лучше, прибыльнѣе и раціональнѣе онъ могъ бы поставить свое сельское хозяйство. Но заботы объ экономическихъ и хозяйственныхъ его интересахъ должны идти рядомъ съ заботливостію на другой счетъ.

Старые нравственные недуги въ томской деревнѣ еще не исчезли.

Нужно приподнять и духовную, моральную сторону въ жизни, въ настроеніи томскаго деревенскаго обывателя.

Томичу-крестьянину нужно вручить вмѣсто прежней примитивной сохи современный усовершенствованный плугъ. Для него желательно устроить образцовую сельско-хозяйственную ферму. Но, кромѣ того, ему необходимы церковь съ добрымъ, учительнымъ пастыремъ и хорошо поставленная школа.

СПИСОКЪ

населенныхъ мѣстъ Колыванской области за 1782 г.

ТОМСКІЙ УѢЗДЪ.

Томскій уѣздъ начало свое имѣетъ отъ устья рѣки Чулыму вверхъ по теченію онаго по лѣвому берегу до самыхъ вершинъ Бѣлаго Юса—отъ вершины Бѣлаго Юса по черни прямо до вершинъ рѣчки Промышленной; отъ вершинъ оной по правому берегу до ея устья,—отъ онаго устья внизъ по рѣчкѣ Томѣ (sic) по правому берегу до устья рѣчки Лебяжьей;—отъ устья Лебяжьей по лѣвому берегу до ея вершинъ. Отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины-жъ рѣчки Тугучинъ,—отъ вершинъ Тугучина прямо на вершины рѣчки Бугатакъ,—отъ вершинъ Бугатака по правому берегу до ея устья. Отъ онаго устья на NW 80 градусовъ прямо на рѣку Омь. Отъ онаго мѣста по лѣвому берегу вверхъ до вершинъ р. Оми;—отъ вершинъ Оми прямо на устье р. Чулыма.

Въ оный уѣздъ входятъ нижеслѣдующія селенія:

Городъ *Томскъ*.

Неприписныя къ заводамъ селенія:

Юрты по Чулыму:

Мужаданскія.	Тызрачевы.
Мериновы.	Ерошкины.
Курлегачевы.	Сектины.
Семеновы.	Кулбеняковы.
Тетеевы.	Балагачевы.
Кургаевы.	Технечевы.
Ангулинскія.	Игнековы.

© ТНЦ СО РАН

Усть-Куланачевы.
Укдановы.
Табакаевы.
Чибынскія.
Чарочкины.
Село Чердацкое.
Юрты: Меняковы.
Моегачевы.
Куругачевы.
Барганскія.
Кареминскія.
Тызырачевы.
Акбашевы.
Вершинины.
Село Тутальское.
Юрты: Есауловы.
Тубзинскія.
Скоблины.
Тутальскія.
Быштаковы.
Тумачаковы.
Балдуковы.
Келчековы.
Протошныя.
Басмановы.
Подкаменны.
Усть-Кемчукскія.
Юрцалы.

Юрты по рр. Оби и Томи:

Чебанскія.
Соровскія верхнія.
Соровскія нижнія.
Анбарцовы.
Испечековы.
Бровскія среднія.
Бровскія большія.
Арышкины.
Каушпаны.
Тогулины.
Кайбасовы.
Кызырбацкія.
Тызырачевы.
Соргулины.
Салтанаковы.
Горбуновы.
Кармышаковы.
Балзанаковы.
Калманаковы.
Саргатскія.
Канаевы.
Бабаевы при Таганѣ.
Каштатскія.
Кыжирскія.
Тигильдѣвы.
Бабаевы.
Таганскія.
Еуштинскія.
Братовы.
Черны.
Барабины.
Казанскія.
Калтайскія.
Костиновы.

Юрты по рѣкѣ Яѣ:

Тартыновы.
Азачаковы.
Котуровы.
Бешкеневы и Кандаловы.

Юрты по рѣчкѣ Инѣ:

Чанжинскія.
Калеутскія.
Каятскія.
Байгаловы.
Булыгачевы.
Барабины.
Подаицкія.

Деревни:

Чагина при рѣчкѣ Мал. Шегаркѣ.
Селиванова.
Енгинская при рч. Ингѣ.
Монастырская при рч. Шегаркѣ.
Иллигечева при рч. Шегаркѣ.
Терсъ-Елгай при рч. Баксѣ.
Козюлина на р. Томи.
Кругликова при устьѣ Иксы.
Мала-Киргизка при рч. М. Киргизкѣ.
Немирова.
Еркина.
Перникина.
Софьянова (sic).
Шульбина.
Терехина при рч. Сосновкѣ.
Каленова при рч. Щербачихѣ.
Халдѣева при рч. Майганѣ.
Калпничева.
Ершова.
Колыонская при рч. Колыонѣ.
Маркина.
Пещанская при рч. Пещанкѣ.
Почитанская при рч. Почитанкѣ.
Беркунская (Берикульская?).
Подъельнична при рч. Антибесѣ.
У(А?)нтибесская при рч. Антибесѣ.
Саргылакова.
Чубулинская на рч. Чубулѣ.
Станецъ Сусловъ при рч. Сусловой.
Станецъ Итатъ при рч. Итаткѣ.
Станецъ Кататъ.
Станецъ Боже.

Села и деревни, въ коихъ живутъ Красноярскіе и Енисейскіе крестьяне:

Село Краснорѣчинское.
Село Боготольское.
Слоб. Косульская при рч. Косуль.
Станецъ Тежинской на рк. Тежинъ.
Село Подсосенское.
Деревни: Скоробочатова.
Селеткова.
Курбатова.
Порнова.
Ильтягова.
Придчина.
Якушева.
Корелина.
Инышская.
Село Бораицкое.
Ярцальское.
Щербакова.
Альтацкая.
Дорохова.

© НТБ СОРАН

Тресуча.
Еловская.
Мосина.
Фирсова.
Атаманова на рч. Журѣ.
Бѣлоярска.
Мариловцова.
Село Назаровское.
Село Шереинское.
дер. Ярлыкова.
Селеткова.

Приписныя къ заводамъ Томскаго вѣдомства деревни:

Асталцова.
Астраханцова при Оби.
Аргашева.
Анисимова.
Алтацкая.
Бахметева.
Быкова.
Бубеннова.
Березкина.
Бѣлобородова.
Бедрина при рч. Киргизкѣ.
Бедрина на рк. Яѣ.
Бадашкова при Киргизкѣ.
Бадашкова на рч. Ушайкѣ.
Бурнашева при рк. Яѣ.
Баранцова при рч. Китатѣ.
Бабарыкина на рч. Шегаркѣ.
Брагина.
Былина при устьѣ Шегарки.
Баинска.
Барсуцкая.
Село Богородское.
Дер. Баткацкая.
Былина при Оби.
Боровина.
Боровская, она-жъ Позднякова на Борку.
Брашкина, она-же Голяшихина.
Баранцкая.
Барцова при рч. Канарбугѣ.
Батурина.
Великосельская при рч. Ташмѣ.
Воронова, она-же Воронина, при Басандайкѣ.
Воронина при рч. Каменкѣ.
Васильева, она-же Еремина.
Воронина при рк. Яѣ.
Гынгазова на рч. Шегаркѣ.
Губина.
Голяшева.
Дорохова при рк. Яѣ.
Десятова при Болотѣ.
Дорохова при Чулымѣ.
Дѣева--Куташово (?).
Доманевская на рч. Ушайкѣ.
Деманова.
Елгайская.
Евтюшина.
Ерлыкова.
Егловская.
Егорова.
Жданова.
Жирова.
Жаркова.
Жуковская.
С. Зырянское.

Дер. Зеркальцова.
Заварзина.
Завьялова.
Исчимская.
Иштанская на Томи.
Иконникова.
Иштанска при Шегаркѣ.
Итацкая.
Копылова.
Коломина при Оби.
Коломина при Запоросѣ.
Кускова.
Кулаковская.
Корнилова.
Каргалимская.
Крухлыхина.
Каштацка.
Кузнецова.
Кудрова.
Кузовлева.
Келдецкая.
Колмогорова.
Кункина.
Каникина.
Курскова вверхъ рч. Топкой.
Красноярская.
Кашпорова.
Курлякова.
Корноухова.
Кривошеина.
Копьева.
Кійское село.
Дер. Кислова при Яѣ.
Кислова при Черной.
Калишкина, она же Калмакова.
Карасева.
Кругликова.
Кускова при рѣч. Топкой.
Коломина при рч. Черной.
Карбышева.
Крестинина.
Кускова на рч. Бол. Киргизкѣ.
Кожевникова.
Лаврова.
Лагунова.
Лязгина.
Лошкутова.
Мангазеева.
Мазульская при Чулымѣ.
Маркелова.
Михайлова.
Молчанова.
Малкина, она же Першина.
Меньшикова.
Мурашкина.
Мазулова при Китатѣ.
Мулелавинска.
Нелюбина.
Николаевское село.
Дер. Нехорошева.
Осипова.
Попадейкина.
Протопопова.
Постникова.
Плотникова при рч. Бобровкѣ.
Петрова при Бурундуковской протокѣ.
Подломская.
Поздникова на рч. Шегаркѣ.
Пушкарева.
Пичугина.
Плотникова при р. Мал. Ушайкѣ.

© ГПИБ СОРАН

Петрова при Запоросѣ.
Поповичева она-же Медвѣдкова.
Пичугина при Баскѣ.
Рыбалова при Шегаркѣ.
Рыбалова при Запоросѣ.
Родіонова.
Рыльцова, она-же Карышева.
Сѣченова нижняя.
Сѣченова верхняя.
Семилужна.
С. Семилужное.
д. Софронова.
С. Спасское на Яѣ.
д. Сергѣева.
Ставскова при Шегаркѣ.
Селиванова.
С. Сережное.
Суслова.
Степанова она-же Жукова при Шегаркѣ.
Савина.
Сурова.
Соснова.
Трубачева.
Тарахлинская.
Тойлуска (?).
Тюпаргинска.
С. Троицкое.
д. Турунтаева.
Тюменцева.
Ундебеска.
Филиппова.
Хайдурова.
Цыганова.
Черепанова.
Чадрина она-же Петлина.
Чаркина.
Чернильщикова.
Четкаринска.
Шумилова.
Ювалинска при Шегаркѣ.
Юрьева.
Щеголева.
Яковлева.

Сосновскаго вѣдомства деревни:

Басарева.
Просѣкина.
Аникина.
Болтовская она-же Лучанска.
Ипатова.
С. Спасское на Томи.
д. Батурина на Томи.
Ларина.
Вершинина на Томи.
С. Ярское.
Каптанчикова.
Кондинска.
Смоконина.
Магадаево.
Протасова.
Петухова.
Воронова.
Бѣлоусова.
Аксенова.
Конева.
Суранова.
Манойлова.
Косогорова.
Черна.

Кондинска.
Кожевникова.
Алаева.
Варюхина.
С. Зеледѣево.
д. Чернышева.
Мальцова.
Томилова.
Лебедева.
Лукина.
Алабугина.
Шелковникова.
Елгина.
Троицка.
Проскокова.
Чахлова.
Боровая.
Асанова.
Татаринова.
Гуляева, она-же Голяшева.
Таскаева.
Елбацкая.
Колтычацкая.
Нижне-Ачинска.
Костентинова.
Усть-Сосновская.
Килина.
Воронина.
Острогъ Сосновскій.
д. Курдюкова.
Скороходова.
Пашкова.
Березовка.
Воротникова.
С. Иткаринское.
д. Саламатова.
С. Кулаково.
Гутова при рч. Стрѣльной.
Мохова.
Поламошнова.
Бобровска.
Истомина.
Маркина.
Ботина.
Балахнина.
Болтовская при Сосновкѣ.
Тарабыкина.
Романова.
Чиркова.
Шубкина.
Мангулова.
Литвинова.
Корчуганова.
Маянова.
С. Пачинское.

Чаусскаго вѣдомства деревни:

Софронова.
Аркатьева.
С. Кожевниково.
Острогъ Уртамскій.
Воронова.
Екимова и Еловка.

© ГПНТБ СО РАН

КУЗНЕЦКІЙ УѢЗДЪ.

Кузнецкій уѣздъ начинается отъ Китайской границы, проходящей чрезъ р. Чулышманъ,—отъ коего мѣста по правому берегу р. Чулышмана до ея устья;—отъ устья Чулышмана посединѣ Телецкова озера на устье рѣки Біи;—отъ устья Біи по правому берегу до форпоста Сандыбскаго;—отъ форпоста Сандыбскаго по линіи чрезъ маяки Нижній Ненинскій, Уранскій, Караконскій, Верхне-Ненинскій до маяка Пештылинскаго (со включеніемъ военныхъ маяковъ и форпоста въ Барнаульскій уѣздъ);—отъ маяка Пыштылинскаго по правому берегу р. Пыштылы до ея устья;—отъ онаго устья по правому берегу рч. Сары-Чумыша до ея устья;—отъ онаго устья вверхъ по правому берегу Чумыша и Томь-Чумыша до ея вершинъ;—отъ вершины Томь-Чумыша посединѣ черни на вершины рч. Елбаша;—отъ вершинъ рч. Елбаша до ея устья;—отъ онаго устья вверхъ по Бердѣ по ея лѣвому берегу до устья р. Кинтерешъ,—отъ устья Кинтерена по лѣвому берегу до вершинъ;—отъ оныхъ вершинъ на вершины рѣчки Малыя Изылы. И по оной рѣкѣ по правому берегу до ея устья; отъ онаго устья внизъ по правому берегу Ини до устья рч. Тугучинъ.—Отъ устья Тугучина по лѣвому берегу до ея вершинъ,—отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Лебяжьей;—отъ оныхъ вершинъ по правому берегу до самаго ея устья. Отъ устья Лебяжьей вверхъ по лѣвому берегу Томи рѣки до устья рч. Промышленной;—отъ устья оной рѣчки по лѣвому берегу до ея вершинъ. Отъ онаго мѣста по черни на вершины Бѣлаго Юса;—отъ вершинъ Б. Юса по правому берегу до дер. Бараицкой;—отъ онаго мѣста прямо на р. Енисей противъ устья рч. Кулукъ;—отъ онаго мѣста вверхъ по лѣвому берегу рк. Енисея до Китайской границы. По Китайской границѣ до р. Чулышмана.

Въ оный уѣздъ входятъ слѣдующія селенія:

Городъ *Кузнецкъ*.
Заводъ Томской.
Форпостъ Куздѣвскій.
Маяки: Сары-Чумышскій.
Кандалетной.
Таштыскій пограничной караулъ.
Абаканскій пограничный караулъ
Два на Китайской границѣ трактовыхъ знака:
Знакъ, на которомъ поставленъ крестъ, а съ Китайской стороны каменья, гдѣ съѣзжаются съ обѣихъ сторонъ караулы.

Юрты:

Сары-Чумышскія.
Кузедѣевскія.
Калтакскія.
Келетскія.
Чюлскія.
Сосновскія.
Идибскія.
Тогульскія.
Терлегинскія.
Протошны.
Тарбагановы.
Телегутскія.
Давидкины.
Ускатскія.
Шангиндскія.
Толмовинскія.
Бочацкія.
Чююлхаевы.
Черхинскія.
Юрскія.
Каралдинскія.
Васькины.
Тарадановы.
С. Рождественское.

Деревни:

Бабанакова.
Наумова.
Тарасова.

Юрты:

Курчуганскія.
Бородины.
Мозжухины.
Стрѣльны.
Искитимскія.
Бабышевы.

Деревни:

Каменская.
Крылова.
Монастырская.
Бубенкова.
Глазкова.
Колмакова.
Калдинская.
Копылова при рч. Колбихѣ.
Громатуха.
Ямпа при рч. Ямной.
Косогорова.
Толстовска.
Шубина.

ОПЕТБ СО РАН

Наумова при рч. Писаной.
Усть-Глубока.
Терехина.
Чернова.

Деревни на Чулымѣ:

Корелина.
Свѣтлолюбова.
Легостаева.
Ербинска.
Копены.
Тѣсинская.

И всѣ живущіе кочующіе отъ дер. Бараицкой до Китайской границы по лѣвому берегу р. Енисея и по обѣимъ сторонамъ Абакана и по впадающимъ въ оный рѣкамъ ясашные.

Приписныя къ заводамъ Сосновскаго вѣдомства деревни:

Елгина.
Басалаева при рч. Лебяжьей.
Тимонова.
Безменова при рч. Лебяжьей.
Шитикова.
Бжицкова.
Елфимова при рч. Сосновкѣ.
Верхняя Ачинска.
Корнилова.
Асанова.
Анкудинова.
Пяткова.
Тутальская (Тала).
Усть-Искитимская.
Попова.
Тальменька.
Зырянска.
Поперечный Искитимъ.
Бѣлянина.
Хорошеборска.
Ишкепова.
Медынина при Стрѣльной.
Писана рѣчка.
Ерофѣева.
Усть-Стрѣльна.
Подъдьякова на р. Томи.
Ребикова при рч. Стрѣльной.
Крекова на р. Томи.
Балахнина.
Острогъ Верхотомскій.
Боровушка.
Евсевьева.
Мозжухина при рч. Мозжухѣ.
Немирова.
Куру-Искитимска при рч. Камышной.
Плѣшкова при рч. Уньгѣ.
Камышенка.
Попова.
Салтыкова.
Бородина.
Красноярская.
Сухова на Томи.
Ерыкалова при рч. Горкиной.
Березовка при Томи.
Червева при Томи.
Смольина.
Червева при рч. Ляпкѣ.
Кобылина на Томи и рч. Березовой.

Шумиха.
Шепелева.
Чернова.
Сарапкина.
Колычева при сѣв. Уньгѣ.
Титова.
Антипина.
Пинигина при рч. Сѣв. Уньгѣ.
Корнилова.
Муручацкая при рч. Муручакѣ.
Ваганова.
Корчуганска.
Бормотова при Истокѣ.
Калтиракъ.
Макрушина.
Гутова при рч. Тарсьмѣ.
Гагарина.
Каурацка.
Аксенова.
Бархотова.
Кокуй при Пашенной.
Боровушка.
С. Сосново.
Ключевская.
Лукошкина.
Березова при р. Инѣ.
Коткова.
Абышева.
Васькова.
Титова при Инѣ и рч. Бормотушкѣ.
Усть-Тарсминска.
Бормотова при Тарсьмѣ.
Окунева.
Бѣлкина.
Лебедева.
Соломина.
Ишпекова верхняя.
Каменька нижняя.
Мостова.
Кузнецова.
Чащина.
Каменька верхняя.
Глубокая при Глубокой.
Нова-Абышева.
Ѳедорова.
Калягина при рч. Мал. Изылы.
Нова-Изылинска.
Саламатова при рч. М. Изылы.
Сухострѣлова.
Кускова.
Шицкая.
Кусменска.
Танакова.
Русакова.
Тогучинска при Инѣ и Тогучинѣ.

Кузнецкаго вѣдомства деревни:

Опмарина.
Атаманова на Томи.
Антонова.
Анисимова.
Аѳонина.
Артышкинска при Артышкѣ.
Арсенова при р. Мунгатѣ.
Букина.
Боровская.
Бедарева.
Бурлукова.
Березова при р. Томи.

© ГПБ СО РАН

Бунгурская при Бунгурѣ.
Банкаимская при Инѣ.
Боярацка, она-же Миронова.
Брюханова.
Бѣлова.
Борисова.
Бердюгина.
Борочацкая.
Березова при р. Чумышѣ.
С. Бочацкое.
д. Горскина.
Дроченина.
Долгополова.
Нижн. Дроченина.
Егозова при Егозѣ.
Еремѣева.
Евтина при Инѣ.
Нова-Егозова.
Зенкова.
Звонкова.
Ильинское село.
Иганина при рч. Усть-Катѣ.
Инченкова.
Иганина при Чумышѣ.
Куртукова.
Калтанская.
Карпова.
Козанкова.
Красулина.
Карагайлинская при рч. Карагайлѣ.
Котина.
Костенкова.
Калачева.
Караканская.
Коновалова.
Колмогорова.
Конева.
Колчугина при Инѣ.
Коровина.
Калинина.
Камышлинская при Инѣ и рч. Камыслѣ.
Кыргынцова.
Крапивина.
Кулебакина.
Лутчева при Шарапѣ.
Митина.
Мерецкая при Инѣ.
Морозова.
Мухосранова при рч. Касьмѣ.
Мохова.
Максимова.
Мунгатскій станецъ.
Минчеретская.
Мокроусова.
Недорѣзова.
Нова Протока, она-же Безрукова.
Пучеглазова при Кондомѣ.
Подабаская.
Поморцова.
Стара-Пестерева.
Полысаева при Инѣ.
Протопопова.
Портнягина.
Нова-Пестерева.
Панфилова.
Салтыкова.
Семенова при Томи.
Сидорова на Томи.
Соколова.

Софронова.
Сидоренчова.
Сапогова.
Саранская при Уньгѣ.
Семенова.
Тихонова.
Терешкина.
Талдинская.
Терентьева.
Рѣкина (?).
Тарабарина при Инѣ.
Усятская.
Уронская.
Ушакова.
Уфинцова.
Урская.
Устюженина.
Хмѣлева.
Чичирбаева при Усть-Катѣ.
Черепанова.
Черкасова.
Чесноковска.
Черданцова.
Верхъ-Чумышска.
Шерабская при Шарапѣ.
Шерохова.
Шибанова при Касьмѣ.

© ЭНТБ СОРАН

БАРНАУЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

Барнаульскій уѣздъ начинается выше крѣпости Усть-Каменогорской отъ Китайской границы внизъ по Иртышу до крѣпости Ямышевской (со включеніемъ ея);—отъ крѣпости Ямышевской прямо на большое озеро Кулундинское и посрединѣ онаго на устье рч. Кулунды;—отъ устья Кулунды по лѣвому берегу до ея вершинъ,—отъ оныхъ на вершины рч. Кучюка.—Отъ вершины оной по правому берегу до ея устья;—отъ онаго устья прямо на устье рѣчки Ини. Отъ устья рч. Ини по лѣвому берегу ея до ея вершинъ;—отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Талицы и по правому берегу до ея устья;—отъ устья ея вверхъ по рѣкѣ Бердѣ по лѣвому ея берегу до устья рч. Елбашъ;—отсюда посредине черни до вершинъ р. Томь-Чумыша;—отъ ея вершинъ по правому ея берегу и по Чумышу до устья Сары-Чумыша;—отъ устья Сары-Чумыша до устья рѣки Пыштылы,—отъ устья Пыштылы до ея вершинъ и до маяка Пыштылинскаго—и отъ онаго по линіи чрезъ маяки Верхъ-Ненинской до форпоста Сандыбскаго. Отъ Сандыбскаго по лѣвому берегу рѣки Біи и посредине Телецкаго озера,—и отъ онаго до Китайской границы по лѣвому берегу рк. Чулышмана, и отъ Чулышмана по Китайской границѣ до рѣки Иртыша.

Въ оный уѣздъ входятъ нижеслѣдующія селенія:

Городъ *Барнаулъ*, въ коемъ имѣется заводъ Барнаульскій.

Заводы: Новопавловскій.
Алейскій.
Прежде бывшіе заводы: Колыванскій.
Шульбинскій.
Рудники: Змѣиногорскій, Семеновскій и всѣ находящіеся въ ономъ уѣздѣ рудники и пріиски.
Крѣпости:—Ямышевская.
Старо-Семипалатная.
Ново-Семипалатная.
Усть-Каменогорская.
Ануйская.
Катунская.
Бійская.
Форпосты:—Лебяжій.
Семиярскій.
Долонскій.
Талицкій.
Шульбинскій.

Убинскій.
Красноярскій.
Ново-Алейскій.
Тигирецкій.
Чарышскій.
Казанской Б. Матери.
Св. Антонія.
Сандыбскій.
Защиты: Бобровская.
Верхъ-Убинская.
Плоская.
Верхъ-Бѣлорѣцка.
Тулатинска.
Маралихинская.
Кабановская.
Терская.
Станцы: Черной.
Подпускной.
Кривой.
Грачевскій.
Черемховой.
Бѣлый Камень.
Глухой.
Озерной.
Пьяно-Ярскій.
Барышевскій.
Уваровскій.
Маяки: Ключевскій.
Яровой.
Сосновскій.
Слюденскій.
Николаевскій.
Бехтемирской.
Новиковской.
Лебяжій.
Саклатской.
Нижне-Ненинской.
Курунскій.
Караканскій.
Верхъ-Ненинской.
Пыштылинской.
Редутъ Секисовскій.

Сверхъ сихъ (военныхъ), неприписныхъ къ заводамъ селеній, пильная мельница Линейной команды при р. Иртышѣ.

Деревни:

Мельнична.
Старо-Алейска.
Екатерининска.
Плосская.
Ново-Алейская.
Шеманаихинская.
Красноярская на Убѣ.
Убинская.
Выдриха.
Верхъ-Убинска.
Большерѣцкая.
Зевакина.
Березовка.
Красноярская.
Секисовка.
Бобровская.
Глубокая.
Прапорщикова.
Ульбинская.
Сколовская усадьба.
Чесноковка.
Петропавловская при Ануѣ.
Верхне-Ануйская.
Иконникова.

© ГПИБ СОРАН

Нижне-Чемровска.
Верхне-Чемровска.
Марушна.
Ненинска.
Карабинска.
Елцовка.
Ажинская при Біи.
Пристань Усть-Чарышская.
С. Смоленской Богоматери.
С. Енисейское.

Юрты:

Балгаштинскія.
Тастагаевы.
Чумышскія.
Олонцовы.
Тагапскія.
Каменскія.
Тарадинскія.
Бедрецкія (?).

Маскины и всѣ выше форпоста Сандыбскаго по лѣвому берегу рѣки Біи и озера Телецкаго и р. Чулышману до Китайской границы кочующіе народы.

Приписныя къ заводамъ вѣдомства Бѣлоярскаго:

С. Бѣлоярская слобода.
Деревни: Баженова.
Баюнова.
Бобровская.
Боравлянская.
Бельмесева.
Барнаульска.
Быкова.
Барсукова.
Безпалова при Чумышѣ.
Боброва.
Безбожна при Чумышѣ.
Блядунова.
Безпалова вверхъ Чумышска.
Боровая.
Бедарева.
Бешенцова.
Болвашкина при оз. Зерцалѣ.
Больше-рѣчинская.
Выползова.
Воронина.
Виданова, она-же Красилова.
Власихина заимка.
Гусельникова при Чумышѣ.
Глушинская при озерѣ.
Гоношихинска.
Голубцова.
Гонбина.
Глушихинская при Чумышѣ.
Новодраченина.
Данилова.
Дрянная.
Дмитрева.
Думчева.
Дранишникова.
Драченина стара.
Драченина средняя.
Давыдовъ Логъ.
Евдокимова—Титова.
Еловка.
Ересна.
Елунина.
Жилина.
Зудилова.

Заковряшина.
Зайцова.
Забродина.
Заплывина при Чумышѣ.
Залѣсова при Журавлихѣ.
Зырянова.
Зубоскалова.
Закурдаева.
Ирбинская.
Инюшева.
Нова Инюшева.
Ировская, она-же Усть-Чумышская.
Казанка.
Красилова при Каменкѣ.
Копылова при Оби.
Клюева.
Климина.
Косиха.
Конташина.
Карматская.
Кислуха.
Кунгурова.
Куликова.
Кашкарагаиха.
Крайчикова на Чумышѣ.
Койнова.
Ново-Красилова.
Старо-Красилова.
Средняя-Красилова.
Крайчикова при Кашкарагаихѣ.
Большая Кокуйска.
Малая Кокуйска.
С. Космалинское, оно-же Прижимова.
д. Китманова.
Китова.
Кяхта при Сугналаѣ.
Коренева.
Ново-Камышенка.
Каргаполова.
Калиновка.
Луговая.
Ларіонова.
Лушникова.
Литвинова, она-же Юлыбердь.
Лаврентьева.
Легачева.
Мылникова.
Макарова.
Малахова.
Мартынова.
Моношкина.
Ново-Макарова.
Никонова, она-же Шляпова.
Наумова.
Ногина на Чумышѣ.
Огурцова.
Овчинникова.
Окулова на р. Чумышѣ.
Оплеухина на р. Чумышѣ.
Озерная на Тальменскомъ волоку.
Озерна Титова.
Переборна.
Нова-Пердунова на рч. Тальменькѣ.
Пустынька.
Панфилова.
Пещаная.
Повалихинская.
Погорѣльска на Чумышѣ.
Старо-Пердунова при Чумышѣ.

© НТБ СОРАН

Нова-Повалиха.
Петрушиха.
Романова.
Разсказиха при Оби.
Рагозиха.
Рѣчкунова при Оби и рч. Телеуткѣ.
Санникова при рч. Лосихѣ.
Сорокина.
Совина, она-же Зимина.
Середчиха.
Верхне-Тогульская.
Токарева.
Таскаева при р. Чумышѣ.
Тарабинска.
С. Тальменское.
д. Тогульская.
Талица.
Больше-Уксунайская.
Усова.
Мала-Уксунайская.
Фирсова при Лосихѣ.
Фунтикова.
Филиппова.
Хорькова.
Чесноковка.
Чернопятова.
Черемна-Подгорная.
Черемушкина при Талицѣ.
Шилова.
Шадрина при Бобровкѣ.
Шипицина на Чумышѣ.
Шишкина.
Шадринцова.
Шатунова при р. Крутихѣ.
Шмакова.
Шилова при Калманкѣ.
Язова на Чумышѣ.

Деревни Красноярскаго вѣдомства:

Алейская.
Усть-Алейская.
Ново-Алейская.
Буранова.
Буткина.
Безголосова.
Быкова.
Бестужева.
Бобкова, она-же Калбиха.
Бѣлова.
Боровая.
Бѣлоглазова.
Воробьева.
Ганькина.
Гилева.
Елбанская.
Ельцовска.
Усть-Ермилихинская.
Журавлихинская.
Зимина.
Каллистратова на озерѣ Козьминѣ.
Калманская.
Красноярская при рч. Чарышѣ.
Усть-Калманская при Чарышѣ.
Защита Кабановская.
С. Кособоково при Чумышѣ.
С. Кашино при Алеѣ.
д. Кабанова.
Качусова при Чарышѣ.

Краснощекова.
Карпова.
Курьинская.
Красноярская при Алеѣ.
Карбалихинская.
Каплина заимка.
Каменка.
Карагужева.
Станецъ Луговскій.
Метелева.
Маханова.
Нечюнаева при Алеѣ.
Новая Озерная.
Панюшева.
Станецъ Парфеновскій.
Поразиха при Чарышѣ.
Поспѣлиха на рч. Пыстынькѣ.
Серебренникова.
Самсонова на рч. Самсоновкѣ.
Станецъ Савинскій.
Тугозвонова.
Урюпина.
Усть-Янцева.
Фирсова.
Форафонова.
Хлопунова.
Харлова.
Нова Чакырская.
Усть-Чарышская.
Чистюньская.
Чюпина.
Чернодырова.
Шипунова при Алеѣ.
Шипунова при Космалѣ.
Широкова.

Деревни Бійскаго вѣдомства:

Быстрый Истокъ.
Буланиха.
Больше-рѣцкая.
Бехтемирская.
Вяткина.
Дуплянска, она-же Брагина.
Замятина.
Завьялова.
Колонкова.
Камчатка.
Коломышская.
Комарова.
Клепикова при Оби.
Камышенка.
Легостаева на р. Оби.
Локтева.
Луговая при Оби.
Мартынова.
Мальцова при рч. Бехтемиркѣ.
Новая Орская.
Пещаная при рч. Пещаной.
Степной Чумышъ.
Соколова при Оби.
Салдатова.
Савинова.
Верхняя Соколова.
Тырышкина.
Тогульская.
Усятская.
Угренева Большая.
Угренева Малая.

© ГПНТБ СО РАН

Усть-Ануйская, она-же слобода Бійская.
Ѳоминская.
Черемшанска.
Шубенка.
Шелегина при Оби.
Шипунова при Оби.

Часть Малышевскаго вѣдомства,—деревни:

Суслова.
Шипунова при Касмалѣ ниже деревни Островной.
Островная.
Заимка Шелаболихинская.
Бѣлова при оз. Бѣломъ.
Панова.
Клочкова при рч. Боровлянкѣ.
Жаркова.
Овечкина.
Вылкова на рч. Кулундѣ.
Шарчина при Кулундѣ.
Куликова.
Усть-Мосиха при рч. Усть-Мосихѣ.
Кучукъ.
Шелаболиха.
Грамотина.
Нова-Обвинцова при Оби.
Пещаная при оз. Пещаномъ.
Боровикова.
Старо-Обвинцова при Оби.

Бердскаго вѣдомства деревни:

Карагужева.
Кошелева.
Лушникова.
Анисимова.
Литвинова.
Загайнова.
Шмакова.
Плешкова.
Лиственка при Улыбердѣ.
Безменова при Тальменкѣ.
Нова Пяткова.
Зимовье Ганюшкино.
Ново-Шмакова.
Огнева заимка.
Пенкова.
Барсукова.
Никонова.
Краскова.
Пайвина.
Маслянина.
Мамонова.

БУРЛИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Бурлинскій уѣздъ начинается отъ крѣпости Ямышевской прямо на Большое озеро Кулундинское и посединѣ онаго на устье рч. Кулунды. Отъ устья Кулунды по правому берегу до ея вершинъ и отъ оныхъ на вершины рч. Кучука. Отъ вершины оной по лѣвому берегу до ея устья;—отъ онаго устья прямо на устье рч. Ини.—Отъ устья Ини по правому берегу до ея вершинъ. Отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Талицы и по лѣвому ея берегу до ея устья. Отъ онаго устья вверхъ по рч. Берди по правому берегу до устья рч. Кинтеребъ;—отъ устья Кинтереба по правому берегу до ея вершинъ. Отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Малыя Изылы. Отъ вершинъ оной по лѣвому берегу до ея устья. Отъ онаго устья внизъ по рч. Инѣ по лѣвому берегу до устья рч. Тугучинъ. Отъ устья Тугучина по правому берегу до ея вершинъ. Отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Бугатакъ. Отъ вершины Бугатака по лѣвому берегу до ея устья. Отъ онаго устья прямо на NW—80 градусовъ на рѣку Омь. Отъ онаго мѣста внизъ по теченію по лѣвому берегу до ея устья (со включеніемъ крѣпости Омской). Отъ устья Оми рѣки вверхъ по Иртышу рѣкѣ по правому берегу до крѣпости Ямышевской (со включеніемъ ея).

Въ оный уѣздъ входятъ нижеслѣдующія селенія:

Городъ *Бурлинскъ*.
Заводъ Нижне-Сузунскій.
Крѣпости: Омская.
Желѣзинская.
Форпосты: Ачекрской.
Черлатскій.
Осморыжской.
Чернорѣтской.
Корековскій.
Усть-Тартасскій.
Каинскій.
Каргатскій.
Станцы: Узко-заОстровскій.
Кызылбашскій.
Соляной поворотъ.
Татарскій.
Урю-тюкъ.
Пято-Рыжской.

© ГПНТБ СО РАН

Пещанскій.
Черноярскій.
Под-Степной.

Деревни:

Бабеева.
Умревинская.
Орской почтовый станецъ.
Орская.
Крутые Лога.
Овчинникова.
Сектинская.
Иткульская.
Ярки.
Каякъ при Чулымѣ.
Каргатска Дуброва.
Падунская.
Карганская.
Убинская.
Еланска.
Колмаковская.
Кондусла.
Осиновы Колки.
Карачинская.
Сибирцова.
Тонтура.
Красноярская.
Щербакова.
Синянина.
Хомутинска.
Локоть.
Мало-Зотина.
Сыро-Шятская.
Большая Зотина.
Похабова.
Нова-Хобарова.
Милованова.
С. Покровское.

Юрты:

Абдалицкія.
Мыковскія.
Черномыскія.
Орскія.
Чюлымскія.
Каргатскія.
Карганскія.
Убинскія.
Абышенскія.
Кулчины.
Кызланскія.
Круголь.
Микишкины.
Ебышлы.
Тандовскія.
Саргоятскія.

Приписныя къ заводамъ вѣдомства Малышевскаго деревни:

Средне-Алеусская.
Антонова.
Алеусская при Алеусѣ.
Аллацкая при внад. Аллака въ Обь.
Андронова.
Алеусская верхняя.
Бѣлкова.
Боева.
Бѣлопухова при Аллакѣ.
Бѣлкина.
Батурова.

Бедрина при Бедринкѣ.
Волчья.
Высока Грива.
Гилева при озерѣ.
Гонохова.
Гунина.
Городишенска.
Горносталева.
Дресвянка.
Елбанская.
Зорина.
Инская.
Верхне-Идолова.
Нижне-Идолова.
Каргаполова.
Каменска при устьѣ рч. Суевки.
Костылева.
Кырзинска.
Крутишинска.
Корнилова.
Киприна.
Каменска нижняя.
Кротова.
Котлина.
Кокуй.
Конева.
Карасутская при Лешаковыхъ озерахъ.
Усть-Лукова.
Лушникова при рч. Сузунѣ.
Слобода Малышевская.
д. Молокова.
Малышева.
Малстина.
Милованова на Оби.
Масляшинская.
Усть-Меретская.
Мезенцова.
Новая Омутная.
Поротникова.
Панкрушиха.
Прослоушинска.
Подойникова.
Пушкарева.
Плотникова.
Кайлина.
Селезнева.
Соплячиха.
Столбовая.
Соколова.
Спирина.
Верхне-Суетинская.
Верхне-Сузунская.
Нижне-Сузунская.
Нижне-Суетинская.
Телеутская.
Тараданова.
Тюменцова.
Трубачева.
Черепанина.
Верхне-Чингизская.
Нижне-Чингизская.
Черемшанская.
Чюлымская.
Шандурова.
Яровская.

Бердскаго вѣдомства деревни:

Атаманова.
Артамонова.

© ГПНТБ СО РАН

Биткова.
Бердскій острогъ.
Бѣлова.
Бородавкина.
Бороздина.
Вылкова при Берди.
Вянина.
Гусельникова.
Горевская.
Гуселетова.
Гилева при Мильтюшѣ.
Дурашкина.
Дятлева.
Дѣвкина.
Верхне-Детлева при рч. Зырянкѣ.
Дорогина заимка.
Еремина.
Елунина.
Ельцовская.
Ересная.
Евсина.
Елбанская.
Завьялова.
Заковряшина.
Верхне-Ирменска.
Инская.
с. Ирменское.
д. Койнова.
Верхне-Кинтеребская.
Нижне-Кинтеребская.
Карбыкатская.
Карасева.
Коенская.
Верхне-Караканская.
Козиха.
Луговая при Ирменскомъ бору.
с. Легостаевское.
д. Локтевская.
Луговая.
Лушникова заимка.
Морозова.
Мостовая.
Медвѣцкая.
Мильтюшская.
Мышланова.
Макарова.
Малинина при Ирменѣ.
Ординская.
Пичугова.
Понкина.
Пименова.
Петухова.
Поперешна.
Сусѣдова.
Сосновская.
Таскаева при рч. Койнихѣ.
Тальменская.
Гулинская.
Темнова.
Улыбина при Мильтюшѣ.
Урюпина.
Ургунъ.
Харева, она-же Бурмистрова.
Хлопунова при Мильтюшѣ.
Харина.
Усть-Чёмская.
Черепанова при Инѣ.
Чернодырова при Берди и Черной.
Чупина при Мильтюшѣ.
Чупина при Бердѣ.
Шлепкова.

Шадрина.
Шипкова.
Шатунова при Бердѣ.
Шигаева.
Шипунова при рч. Нижній Сузунъ.
Шарчина.
Шарина, она-же Кречкунова.
Шарабска.
Шурыгина.
Ярска, она-же Красноярска.

Вѣдомства Чаусскаго деревни:

Аяшинская.
Анбинская.
Битоногова (?).
Возойская.
Богатанская.
Бунькова.
Бугой.
Въюна.
Верткова при рч. Бол. Тулѣ.
Воробьева.
Вахрушева при Оешъ.
Воронова при Болотѣ.
Грязнуха.
Гутова при Оми (?).
Дубровина.
Ересная при рч. Ересной.
Ересная при рч. Тулѣ.
Ельцовка.
Изревинска при рч. Аяшѣ.
Изревинска при рч. Инѣ.
Усть-Инская.
Казакова.
Каменска при рк. Оби.
Андыкова.
Кайлинска.
Канабурская.
Кубавинска.
Каменская при рч. Каменкѣ.
Кривошапкина.
С. Кривощеково.
Мало-Кривощеково.
Криводанова.
Коткова.
С. Крохалевское.
Киселева при рч. Оешъ.
Козина.
Киселева при рч. Оми.
Кичигина.
Локтевая.
Лебедева.
Луговая Инская.
Лагунова.
Луговая Катайцова.
Моткова.
Мочищенская.
Мысовская.
Малыгина.
Маркова.
Мельникова.
Оешъ Малой.
Оешъ Большой.
Овечкина.
Паутова.
Порозская.
Прокудукина.
Панафидина.

© ГПНТБ СО РАН

Подволошная.
Помельцова.
Погорѣльска при Оми.
Рожнева.
Соколова.
Соскочернова (?).
Скалинская при рч. Скалѣ.
Сартакова.
Саракулова.
Сарбалыцкая.
Тамаринская.
Тропина.
Толмачева.
Тырышкина при рч. Оешѣ.
Табачникова.
Верхъ-Туманская.
Умревинскій острогъ.
Ушакова.
Ѳедосова.
Чилининская.
Чагалинская.
Черемшанская при рч. Черемшанкѣ.
Черепанова.
Чиковская при рч. Чику.
Черемшанка при Бозойскомъ болотѣ.
Чаусскій острогъ.
Нижнія Чёмы на Оби.
Верхнія Чёмы на Оби.
Шагалова.
Южина.

Часть вѣдомства Сосновскаго, деревни:

Иксинская при рч. Иксѣ.
Кузнецова.
Калаганова при Инѣ.
Моткова при Инѣ.
Буготакъ при рч. Буготакѣ.
Канарбурская при рч. Инѣ и Канарбургѣ.
Изылинская.
Чертенкова.
Горевка при рч. Изылахъ.
Восина.
Долганова.
Агафонова при рч. Чёмѣ.
Чемская, она-же Безголосова при рч. Чёмѣ.
Карасева при Киндеребѣ.
Елтышева.
Кайлинска при Инѣ.
Рожнева.
Ирбинка.
Долгова.
С. Гутово.
Кунгурова.
Черепанова.

Примѣч. Этотъ списокъ былъ присланъ изъ Колыванскаго Областнаго правленія въ Барнаульское Духовное правленіе съ препроводительной бумагой за № 1066 апрѣля 26, 1782 г.

Подлинный подписалъ Борисъ Меллеръ (правитель Колыванской области).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

къ серіи публичныхъ лекцій, читанныхъ въ ноябрѣ 1897 г.

ПРОФ. Н. Ѳ. КАЩЕНКО.

Мм. Гг! Сегодня оканчивается первая для Томска серія публичныхъ лекцій, организованная мѣстнымъ сельскохозяйственнымъ обществомъ. Не мѣшаетъ теперь подвести итоги сдѣланному, разсмотрѣть, откуда дѣло возникло, какъ прошло и чего слѣдуетъ желать отъ подобныхъ лекцій на будущее время, если онѣ будутъ продолжаться.

Чтобы выяснить происхожденіе и смыслъ этихъ лекцій, необходимо сказать два слова о томъ душевномъ процессѣ, который переживается, я думаю, каждымъ способнымъ къ умственной жизни и заботящимся объ общей пользѣ лицомъ, живущимъ продолжительное время въ Сибири и въ то же время знакомымъ съ Европейской Россіей настолько, чтобы имѣть возможность сравнивать между собой эти двѣ обширныя части нашего великаго отечества. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ съ одной стороны просвѣщенные сибиряки, побывавшіе по ту сторону Урала, съ другой—образованные люди, переѣхавшіе изъ Европейской Россіи въ Сибирь. Любовь сибиряковъ къ своей родинѣ извѣстна всѣмъ и понятна безъ всякихъ объясненій. Но лица второй категоріи находятся въ другомъ положеніи. Пріѣзжаетъ такой человѣкъ въ Сибирь въ большинствѣ случаевъ по обстоятельствамъ, которыя могутъ быть названы случайными и чаще всего являются связанными съ перемѣной служебнаго положенія. Кромѣ чисто географическихъ, обыкновенно о Сибири онъ не

© ПНТБ СО РАН

имѣетъ никакихъ свѣденій, не питаетъ къ ней никакихъ нѣжныхъ чувствъ и всегда предпочелъ бы избрать мѣстомъ дѣятельности какую угодно часть Европейской Россіи, только не Сибирь. Но подходящей вакансіи въ коренной Россіи въ данный моментъ не имѣется, ее прійдется ждать, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ, въ Сибири какъ разъ открывается подходящее мѣсто. И вотъ человѣкъ рѣшается ѣхать въ Сибирь, утѣшая себя мыслью, что, конечно, ничто не помѣшаетъ ему перевестись обратно, когда откроется ожидавшаяся вакансія въ одной изъ мѣстностей Европейской Россіи.

Проходитъ рядъ лѣтъ и дѣйствительно не одинъ разъ открывается для него возможность къ обратному переводу и ничто этому не препятствуетъ, кромѣ одного лишь обстоятельства, котораго онъ раньше совершенно не предвидѣлъ, обстоятельства новаго, неожиданнаго, почти чудеснаго: охота къ перемѣнѣ мѣста дѣятельности пропала, бросить Сибирь болѣе не хочется. Непривычны ему здѣшніе морозы, тяжела длинная зима, угнетаютъ душу пустота и безлюдіе, отсутствіе безопасности наводитъ трепетъ. Но отчего же не бѣжать отсюда, что задерживаетъ? Нѣкоторые и бѣгутъ уже въ первые годы, но многіе остаются, и чѣмъ дольше живутъ они въ Сибири, тѣмъ труднѣе для нихъ оставить ее. Бѣжать имъ мѣшаетъ то самое, что задерживаетъ насъ у тяжело больного, или у слабаго и беззащитнаго ребенка, относительно которыхъ мы видимъ, что они нуждаются въ помощи и что здѣсь именно наша помощь нужнѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Не безъ нѣкотораго основанія Сибирь называютъ богатой. Но это богатство существуетъ скорѣе въ возможности, чѣмъ въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности это бѣдная, слабая и темная страна, которая нуждается въ просвѣщенныхъ и доброжелательныхъ дѣятеляхъ болѣе, чѣмъ какая либо другая.

Но это еще не все. Въ послѣднее время мы наблюдаемъ начало коренного поворота въ жизни Сибири. Мощнымъ сло-

вомъ Государя Императора она пробуждена отъ долгаго сна и въ жилы ея, струя за струей, стали вливаться цѣлительныя улучшенія, нововведенія и реформы. Въ жизни моей много мнѣ приходилось наблюдать различныхъ зародышей и каждый разъ, когда я замѣчалъ, что юное существо, сначала неподвижное, начинаетъ обнаруживать признаки активной жизни, я ощущалъ какое то особенное радостное чувство, и мнѣ трудно бываетъ оторваться отъ чарующаго зрѣлища, все хочется что-нибудь еще отъ себя прибавить, принять какое-нибудь участіе въ этомъ чудномъ процессѣ пробужденія живыхъ силъ. А здѣсь передъ нами развертывается величественная картина оживающей страны, зародыша невѣроятно увеличеннаго и усложненнаго, безпредѣльнаго хотя и слабаго въ настоящемъ, сильнаго въ будущемъ. Неужто же возможно пройти мимо нея, взглянуть и отвернуться, и пойти своей дорогой? Стоитъ оглянуться кругомъ, на лучшихъ людей Сибири, чтобы убѣдиться въ томъ, что для нихъ это невозможно. Не сразу, медленно и постепенно, но лучшіе люди, хотя бы даже они и случайно попали въ Сибирь, проникаются къ этой дикой, но обладающей своеобразной прелестью окраинѣ чувствомъ симпатіи и всегда связаннымъ съ подобными чувствами желаніемъ потрудиться на ея пользу, чтобы тѣмъ поднять величіе и благосостояніе и всего нашего необъятнаго отечества. Только немногіе способны утверждать, что можно любить Россію, но не любить ту ея часть, которая служитъ непосредственной и ближайшей ареной ихъ дѣятельности. Бѣлыми нитками шита эта отговорка и употребляется она лишь для отвода глазъ, чтобы прикрыть или отсутствіе истиннаго патріотизма и трудолюбія, или проистекающее изъ какихъ-нибудь другихъ, иногда и уважительныхъ, причинъ нежеланіе проникнуться мѣстными интересами. Но къ счастью эту мысль рѣдко приходится выслушивать отъ тѣхъ, кто уже имѣлъ достаточно времени для того, чтобы освоиться съ

мѣстомъ своей дѣятельности; въ устахъ же кратковременныхъ обитателей Сибири эта фраза еще извинительна, потому что для того, чтобы полюбить страну, нужно сначала познакомиться съ ней, съ ея достоинствами и недостатками, радостями и печалями.

Вотъ для того-то, чтобы поднять это знакомство и усилить интересъ къ изученію края, предпринята нами эта серія лекцій. Для мѣстныхъ обитателей я не знаю лучшаго способа служить отечеству, какъ подъемомъ благосостоянія той его части, которая служитъ ареной ихъ дѣятельности, потому что изъ частей составляется цѣлое. И если мнѣ кто нибудь возразитъ, что ознакомленіе съ краемъ еще не составляетъ подъема его благосостоянія, то я отвѣчу, что это возраженіе, не смотря на всю его обычность, совершенно неправильно. Практическія мѣропріятія безъ основательнаго знакомства съ ареной дѣятельности далеко не всегда бываютъ полезны, хотя бы они исходили изъ самыхъ лучшихъ стремленій, а знакомство съ краемъ полезно всегда безъ исключенія, потому что рано или поздно, въ той или другой формѣ, но оно неизбѣжно окажетъ свое вліяніе и на практическія мѣропріятія. Не только то полезно, что можно немедленно перевести въ матеріальные продукты, и ничто не приноситъ такъ много вреда, какъ такое узкое пониманіе пользы. Само правительство, несмотря на всю массу лежащихъ на немъ административно-хозяйственныхъ мѣропріятій, постоянно снаряжаетъ цѣлыя экспедиціи и комитеты для изученія различныхъ мѣстъ имперіи и въ особенности нашей окраины. А для мѣстныхъ частныхъ дѣятелей эта задача составляетъ самую главную и высшую ихъ нравственную обязанность.

Послѣ всего высказаннаго мной, Вы, Мм. Гг., конечно, не будете удивлены, если я заявлю Вамъ, что не могу присоединиться къ мнѣнію тѣхъ, которые высказываютъ желаніе, чтобы организованныя нами лекціи въ будущемъ приняли

характеръ публичныхъ курсовъ, посвященныхъ не изученію мѣстнаго края, но ознакомленію публики съ общеобразовательными предметами. Безспорно, такіе курсы были бы дѣломъ очень полезнымъ и желательнымъ. Но изъ нашихъ чтеній они возникнуть не могутъ, потому что не слѣдуетъ выкраивать одно хорошее дѣло изъ другаго еще болѣе хорошаго. Такая перемѣна была бы шагомъ не впередъ, а назадъ. Правда, и въ этой первой серіи нашихъ чтеній, какъ Вы, конечно, изволили замѣтить, нѣкоторыя лекціи были посвящены общимъ вопросамъ, имѣвшимъ только косвенное отношеніе къ мѣстному краю. Нѣтъ надобности отказываться отъ подобныхъ темъ и на будущее время, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ нашу природу и наше населеніе оторвать отъ всего остальнаго міра и замалчивать общіе законы и явленія потому только, что они имѣютъ свое примѣненіе не въ одной только нашей мѣстности. Но центромъ тяжести, ядромъ нашихъ лекцій, если только онѣ будутъ продолжаться, во всякомъ случаѣ и на будущее время должно оставаться ознакомленіе съ Томскимъ краемъ, какъ самымъ близкимъ для насъ и еще такъ мало извѣстнымъ. А потому и тѣ лекціи, которыя посвящаются общимъ вопросамъ, должны считаться тѣмъ болѣе полезными, чѣмъ болѣе онѣ сопровождаются иллюстраціями изъ мѣстной жизни природы и людей, и указаніями на примѣненіе этихъ общихъ законовъ къ мѣстнымъ потребностямъ.

Нѣкоторые изъ доброжелателей нашего дѣла смущены тѣмъ обстоятельствомъ, что при выдающемся нравственномъ успѣхѣ лекцій онѣ имѣли далеко не полное количество слушателей, какое можетъ вмѣстить этотъ залъ. Но мнѣ кажется это явленіе совершенно нормальнымъ и общимъ. Нельзя было и ожидать, чтобы новымъ дѣломъ сразу заинтересовалось большинство мѣстной публики. Когда же и гдѣ бывалъ такой плодъ, который былъ бы способенъ къ развитію цѣликомъ,

во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ? Эта способность принадлежитъ только его центральной части, серёдкѣ, иногда мало замѣтной, но всегда драгоцѣнной, потому что она хранитъ въ себѣ сѣмя—зародышъ новой жизни. Иное дѣло вопросъ о томъ, эта серёдка вся ли заявилась и проявила интересъ къ нашему дѣлу? По моему мнѣнію, еще далеко не вся. Чтобы объяснить причину этого явленія, обращусь къ образному примѣру.

Если высиживать куриное яйцо и наблюдать его въ разные періоды развитія, то не трудно замѣтить, что матеріалъ для развитія зародыша появляется въ видѣ плоскаго кружка, по краямъ котораго образуются кровяно-красныя пятнышки. Это кучки развивающихся красныхъ кровяныхъ шариковъ. А въ серединѣ кружка въ это время зарождается сердце. Оно увеличивается, вытягивается, изгибается и, наконецъ, начинаетъ сокращаться. Но оно пусто, въ немъ нѣтъ кровяныхъ шариковъ. Они сидятъ себѣ по своимъ угламъ и не думаютъ о сердцѣ, которое трудится ради нихъ. И кажется, что сердце попусту выбивается изъ силъ, что не добиться ему никакихъ результатовъ. Но это только кажется. Не безполезно оно старается: оно развиваетъ движеніе, гонитъ струю безцвѣтной и невидимой жидкости, которая рано или поздно повліяетъ на кровяные шарики. Еще немного усилій и они направятся къ нему широкой толпою, живая связь между однородными частями будетъ установлена и жизнь проявится во всей своей красѣ. То же будетъ и съ недостающей частью нашей публики: она придетъ современемъ, когда укрѣпится невидимая, но живая связь между нею и нашимъ дѣломъ.

Но если зародышевое сердце трудилось не безполезно даже тогда, когда было совершенно лишено тѣхъ, для кого работало, то мы, лекторы, находимся въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Мы вѣдь и съ самаго начала читали далеко не въ пустомъ залѣ. И если предстоящее намъ теперь изданіе этихъ

самыхъ лекцій въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, со всѣми необходимыми картами, чертежами и рисунками, встрѣчаетъ серьезныя матеріальныя затрудненія, то это обстоятельство совершенно теряется передъ тѣмъ интересомъ, который обнаружила наша немногочисленная, но избранная публика, и передъ тѣмъ подъемомъ духа, который вызванъ всѣмъ происшедшимъ среди лучшей части интеллигентнаго общества нашего города. Правда, не издать этихъ лекцій невозможно: это было бы почти преступленіемъ. Большинство слышанныхъ Вами здѣсь чтеній составлены съ большимъ трудомъ, частью по разбросаннымъ литературнымъ даннымъ, частью по своимъ наблюденіямъ, и представляютъ полный сводъ имѣющихся по извѣстному мѣстному вопросу свѣдѣній. Такой сводъ всегда отражается весьма благотворно на будущихъ изслѣдованіяхъ, потому что освѣщаетъ для нихъ путь и указываетъ пункты, наиболѣе нуждающіеся въ дальнѣйшей разработкѣ. Еслибы эти лекціи остались неизданными, то трудъ нашъ пропалъ бы почти безслѣдно для будущаго и неизбѣжно, рано или поздно, кому нибудь пришлось бы предпринимать его опять сначала. Тѣмъ не менѣе, денежный сборъ все же не былъ и не могъ быть главной цѣлью этихъ публичныхъ чтеній. Въ цифровомъ отношеніи ему и нѣтъ необходимости быть большимъ, потому что онъ состоитъ не изъ обыкновенныхъ денегъ, а изъ денегъ особыхъ, драгоцѣнныхъ.

Однажды, передъ самымъ началомъ лекцій, когда, за малымъ количествомъ слушателей (приливъ которыхъ послѣдовалъ позднѣе), все дѣло казалось висящимъ на волоскѣ, въ жестокій морозъ и вѣтеръ ко мнѣ пришла учительница, одѣтая въ лѣтнее изношенное пальто, и взяла входной билетъ на всю серію лекцій, уплативши за него одинъ рубль. А сама она была изнурена и, можетъ быть, голодна. Этотъ рубль сразу устранилъ всѣ колебанія и покрылъ всѣ денежные недочеты. Не трудно внесть гораздо большую сумму,

если есть одежда и ѣда, но трудно отдать рубль, если нѣтъ ни того, ни другого. Значитъ очень нужно то, ради чего онъ отдается. А что очень нужно, то и должно быть сдѣлано во что бы то ни стало, независимо отъ какихъ бы то ни было денежныхъ препятствій. Этотъ только что приведенный случай, конечно, не былъ единственнымъ. Онъ потому и важенъ, что наглядно убѣждаетъ насъ въ существованіи такихъ людей, ради которыхъ стоитъ трудиться. Послѣ этого, кто осмѣлится сказать, что мы собрали мало? Неправда это! у насъ есть рубль, которому нѣтъ цѣны, потому что онъ обладаетъ обязывающей силой въ необычной степени. Окончить дѣло онъ обязалъ не только насъ, но и всѣхъ, любящихъ свой край. А такіе люди есть. Для начинаній, подобныхъ нашему, тяжело не отсутствіе средствъ, а леденящее равнодушіе. Но къ счастью оказалось, что это настроеніе далеко не является преобладающимъ.

Мы, лекторы, далеки отъ желанія преувеличивать значеніе своихъ трудовъ. Не нами начато изученіе Томскаго края, не одними нами оно и теперь ведется, и устройство публичныхъ лекцій не составляетъ необходимой принадлежности этого изученія. Но такія публичныя чтенія безъ сомнѣнія должны послужить однимъ изъ могущественныхъ рычаговъ для дальнѣйшаго развитія края. Среди нашихъ почтенныхъ слушателей есть много современныхъ дѣятелей, еще больше дѣятелей будущихъ, и если даже только десятая часть изъ нихъ уйдетъ отъ насъ съ новыми свѣденіями и съ расширеннымъ кругозоромъ, то этого достаточно: цѣль наша достигнута. Сознательно или безсознательно, но они помогутъ намъ или нашимъ преемникамъ въ дальнѣйшемъ изученіи края и проведутъ въ жизнь даже многія изъ такихъ свѣденій, которыя на первый взглядъ кажутся чисто теоретическими.

Передъ началомъ серіи лекцій нами было обѣщано отъ 15-ти до 21-й темъ и отъ 20 до 28 часовъ чтенія. Три

лекціи изъ предположеннаго максимальнаго ихъ числа не состоялись, а остальныя 18 темъ разработаны подробнѣе, чѣмъ предполагалось, и заняли въ общемъ около 30-ти часовъ. Я увѣренъ, что каждый, знакомый съ организаціей сложнаго дѣла, зависящаго притомъ не отъ одного, а отъ значительнаго числа добровольно соединившихся лицъ, признаетъ этотъ внѣшній результатъ болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ. Что же касается результатовъ нашего дѣла не съ формальной стороны, а по самому существу его, со стороны той пользы, которую оно принесло и можетъ еще принесть въ будущемъ, то право судить объ этомъ принадлежитъ частью Вамъ, частью будущимъ читателямъ того сборника лекцій, изданіе котораго составляетъ въ настоящее время нашу задачу.

Мм. Гг.! Первая серія публичныхъ лекцій, посвященныхъ изученію мѣстнаго края, закончена. Минулъ періодъ усиленной работы мысли, усиленнаго біенія пульса лучшей части городскаго общества, періодъ невозвратный и не повторяемый, потому что если и будутъ еще новыя подобныя же серіи, то ни одна изъ нихъ уже не будетъ первой. Какъ представитель того учрежденія, которое имѣло честь организовать оконченныя нынѣ чтенія, считаю своимъ долгомъ выразить публичную благодарность Гг. лекторамъ, отнесшимся къ дѣлу съ такой любовью и безкорыстно затратившимъ на него много времени и силъ; университету, оказавшему дѣлу неоцѣнимую поддержку безплатнымъ предоставленіемъ намъ этого зала почти въ полное распоряженіе на цѣлый мѣсяцъ; хозяйственнымъ дѣятелямъ чтеній, игравшимъ для публики мало замѣтную, но для дѣла крайне полезную роль, и Вамъ, глубокоуважаемые слушатели, Вамъ, которые первые поняли наши стремленія и откликнулись на нашъ призывъ. Вы, господа, относились всегда съ такимъ вниманіемъ къ нашимъ сообщеніямъ, такъ были снисходительны къ мелкимъ недостаткамъ и упущеніямъ, неизбѣжнымъ въ каждомъ, особенно но-

вомъ дѣлѣ, что мы уже вознаграждены вполнѣ и притомъ высшей наградой, какая только можетъ быть: сознаніемъ, что мы не одни, что исполненіе нами нашего нравственнаго долга понимается и цѣнится тѣми, ради кого онъ исполняется.

© ГПНТБ СО РАН